

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Scopus[®]

Clarivate
Web of Science[™]

OPEN
ACCESS

We are
Crossref
Member

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
eLIBRARY.RU
РИНЦ

DOAJ

NSD ERIH PLUS
EUROPEAN REFERENCE INDEX FOR THE
HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES

Dimensions

Google
scholar

CYBERLENINKA

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

ISSN 2225-756X (Print)
ISSN 2227-1295 (Online)

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Том 14, выпуск 1, 2025

NAUCHNYI DIALOG

Volume 14, Issue 1, 2025

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Том 14, выпуск 1, 2025

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

ISSN	2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online)
Свидетельство о регистрации	ПИ № ФС 77-86214 от 27.10.2023 г., Роскомнадзор
DOI:	10.24224
Год основания	2012
Периодичность	10 раз в год
Представление в каталогах, индексирование	• WoS (Emerging Sources Citation Index) • Scopus • DOAJ • ERIH PLUS • Российский индекс научного цитирования – РИНЦ • КиберЛенинка
Подписной индекс	29255, Объединенный каталог «Пресса России»
Адрес редакции	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, оф. 57
Телефон редакции	8(343)3458984
E-mail редакции	nauka-dialog@mail.ru
Учредитель / Издатель	ООО «Центр научных и образовательных проектов»
Электронный адрес издателя	http://www.nauka-dialog.ru/
Адрес издателя	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, к. 57
E-mail издателя	snior@bk.ru
Типография	ООО «Издательский Дом «Ажур». 620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54. Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Тираж	500 экземпляров

СТАТИСТИКА ВЫПУСКА

География авторов выпуска	Владикавказ	Пермь
	Волгоград	Пятигорск
	Казань	Ростов-на-Дону
	Киров	Самара
	Краснодар	Санкт-Петербург
	Красноярск	Саранск
	Москва	Тюмень
	Нальчик	Ульяновск
	Нижний Новгород	Чебоксары
	Омск	Челябинск
	Пенза	Элиста
	Авторы, имеющие ученую степень	93 %

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ISSN 2225-756X

Nauchnyi dialog
(Naučnyj dialog = Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue = ND)

Volume 14, Issue 1, 2025

ISSN	ISSN 2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online) Key title: Naučnyj dialog, Abbreviated key title: Naučn. dialog
Creative Commons	Attribution license 4.0 International (CC BY 4.0)
Mass Media Registration Certificate (by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications)	PI № FS 77-86214 of 27.10.2023
DOI:	10.24224
Subscription Code	29255, Union Catalog “Pressa Rossii” (Russian Press)
Coverage	Russian Federation, foreign countries
Publication Frequency	10 issues per year
Publisher	Centr naučnyh i obrazovatel’nyh proektov, 620135, Yekaterinburg, Kosmonavtov Ave., 43, fl. 57
Presence in Citation Bases, indexation	• WoS (Emerging Sources Citation Index) • Scopus • DOAJ • ERIH PLUS • Science Index (Rus) • CyberLeninka
Text Presentation Form	• Science Index (Rus) — All published articles are public-ly available for reading and citing on the journal’s web-site and in the National E-Library • CyberLeninka
Printing house	• LLC Publishing House Azhur. 620075, Yekaterinburg, st. Vostochnaya, 54. Tel. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Circulation	• 500 copies
Reviewing	All manuscripts submitted to the editorial office are to be reviewed
© LLC Center for Scientific and Educational Projects, 2025	

Тематика журнала «Научный диалог»: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакommunikации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Главный редактор: Татьяна Валерьевна Леонтьева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)

Ответственный секретарь: Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)

Английский перевод метаданных: Ирина Владимировна Волгина, Doctor of Philosophy (in Pedagogic), доцент, Уральский государственный медицинский университет (Россия, Екатеринбург)

Редакционная коллегия

Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)

Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)

Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)

Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)

Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)

Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)

Татьяна Владимировна Гусейнова, доктор педагогических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ**Языкознание. Медиакommunikации. Журналистика**

Александр Константинович Киклевич, доктор филологических наук, профессор (Польша, Ольштын)

Андреана Борисова Ефимова, доктор наук, профессор (Болгария, София)

Арто Мустайоки, доктор философии (русский язык), профессор (Финляндия, Хельсинки)

Биляна Марич, доктор филологических наук, доцент (Сербия, Белград)

Евгения Викторовна Терехова, доктор филологических наук, профессор (Россия, Владивосток)

Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)

Нина Марковна Разинкина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Москва)

Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)

Ренате Ратмайр, доктор филологических наук, профессор (Австрия, Вена)

Татьяна Геннадьевна Никитина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Псков)

Тимур Беньяминович Радбиль, доктор филологических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Литературоведение. Фольклористика

Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)

Александр Самуилович Кацев, доктор филологических наук, профессор (Кыргызская Республика, Бишкек)

Александр Валериевич Юдин, кандидат филологических наук, профессор (Бельгия, Гент)

Иво Поспишил, доктор наук (Чешская Республика, Брно)

Ирина Леонардовна Савкина, доктор философии (Финляндия, Тампере)

Ольга Юрьевна Осьмухина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Саранск)

Татьяна Алексеевна Савоскина, кандидат филологических наук, доцент (Украина, Измаил)

Татьяна Васильевна Володина, доктор наук, доцент (Беларусь, Минск)

Исторические науки

Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)

Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)

Альбина Советовна Жанбосинова, доктор исторических наук, профессор (Казахстан, Астана)

Иван Иванович Думиика, доктор исторических наук (Молдова, Кишинев)

Ирина Ромуальдовна Чикалова, доктор исторических наук, профессор (Беларусь, Минск)

Юрий Дмитриевич Анчабадзе, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Editor-in-Chief: Tatyana V. Leontyeva, Doctor of Philology, Head of the Department of Mass Communication Languages, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)

Responsible secretary: Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)

English translation: Irina V. Volgina, Doctor of Philosophy (in Pedagogy), associate professor, Urals State Medical University (Russia, Yekaterinburg)

EDITORIAL BOARD

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)

Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)

Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)

Marija K. Kitanova-Markova, Doctor of Philology, associate professor (Bulgaria, Sofia)

Rafael G. Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)

Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)

Tatyana V. Guseynova, Doctor of Education, professor (Tajikistan, Dushanbe)

EDITORIAL COUNCIL

LINGUISTICS. MEDIA COMMUNICATIONS. JOURNALISM

Aleksander Kiklewicz, Doctor of Philology, associate professor (Poland, Olsztyn)

Andreana B. Eftimova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)

Arto Mustajoki, Doctor of Philosophy (Russian), associate professor (Finland, Helsinki)

Biljana Marič, Doctor of Philology, associate professor (Serbia, Belgrad)

Evgeniya V. Terekhova, Doctor of Philology, professor (Russia, Vladivostok)

Marija K. Kitanova-Markova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)

Nina M. Razinkina, Doctor of Philology, professor (Russia, Moscow)

Rafael G. Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)

Renate Rathmayr, Doctor of Philology, professor (Austria, Vienna)

Tatyana G. Nikitina, Doctor of Philology, professor (Russia, Pskov)

Timur B. Radbil, Doctor of Philology, professor (Russia, Nizhny Novgorod)

LITERARY STUDIES. FOLKLORE

Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)

Aleksandr S. Katsev, Doctor of Philology, professor (Kyrgyz Republic, Bishkek)

Aleksey V. Yudin, Ph.D. in Philology, professor (Belgium, Ghent)

Irina L. Savkina, Doctor of Philosophy, professor (Finland, Tampere)

Ivo Pospíšil, Doctor of Philology, professor (Чешская Республика, Брно (Czech Republic, Brno))

Olga Yu. Osmukhina, Doctor of Philology, professor (Russia, Saransk)

Tatyana A. Savoskina, PhD in Philology, associate professor (Ukraine, Izmail)

Tatsiana V. Valodzina, Doctor of Philology, associate professor (Belarus, Minsk)

HISTORY

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)

Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)

Albina S. Zhanbosinova, Doctor of History, professor (Kazakhstan, Astana)

Ivan I. Duminica, Doctor of History (Moldova, Kishinev)

Irina R. Chikalova Doctor of History, professor (Belarus, Minsk)

Yuri D. Anchabadze, Doctor of History, professor (Russia, Moscow)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Димитриева О. А.</i> Культурный код в научном и публицистическом измерениях	9
<i>Жура В. В., Марковина И. Ю.</i> Лингвокультурная вариативность жанра медицинской выписки	31
<i>Краснопеева Е. С., Краева С. С.</i> Коммуникативные ситуации и сценарии в социотехнических контекстах отделов переводов промышленных предприятий.....	52
<i>Палашевская И. В.</i> Лингвосемиотические характеристики власти и статуса в англосаксонском эпосе раннего Средневековья.....	77
<i>Петренко С. А., Петренко А. Ф., Тищенко С. В.</i> Карикатурный образ обжоры в дискурсе М. Эмиса : прагмасемантическое измерение	98
<i>Сигал К. Я.</i> Вербальное сообщение и пунктуационное маркирование в их функциональных взаимоотношениях	115
<i>Черных Ю. С., Макарова О. В.</i> Имя собственное в пространстве учебного текста по арабскому языку как иностранному	137
<i>Шалков Д. Ю., Былкова С. В.</i> Вербальная репрезентация культурно-исторической памяти в граффити-дискурсе	157

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Богданова О. В., Баранова Т. Н.</i> Моллюск или тритон? Поэтическая образность «большого стихотворения» И. Бродского.....	177
<i>Борлыкова Б. Х.</i> Высшие иерархи тибетского буддизма в ранних песнях-шастрах монголоязычных народов.....	194
<i>Вальянов Н. А.</i> Творчество О. Павлова в контексте литературоведческой рефлексии : обзор исследований	213
<i>Осьмухина О. Ю., Овсянникова Е. П.</i> Генетические истоки романа воспитания в литературе соцреализма («роман фигуры» Н. Г. Чернышевского «Что делать?»)	237
<i>Сердечная В. В., Жаткин Д. Н.</i> К истории русской переводческой рецепции поэмы Эдвина Арнольда «Свет Азии» : перевод А. М. Федорова	256
<i>Чалбанова К. В., Бичеев Б. А.</i> Реликты древнего культа солнца в фольклорной и обрядовой традиции калмыков	284
<i>Шлемова Н. Н., Канищева Е. В.</i> Городской нарратив Д. Бавильского : опыт прочтения челябинского текста	304

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бодрова Е. В., Калинов В. В., Красивская В. Н. Эффективность государственной научно-технической политики СССР на рубеже 1960—1970-х годов	324
Гатауллина И. А. Советская экономическая политика в Средневолжском регионе в первой половине 1920-х годов.....	345
Дудайти А. К. Два десятилетия перемен : российско-грузинские отношения после «Революции роз» (2003—2023)	378
Идиатуллов А. К. Конструирование идентичности Тюменского казачьего союза в 1990—2000-е годы (по материалам Государственного архива Тюменской области)	398
Левин Я. А. Деятельность ФБР во второй половине 1940-х годов и зарождение маккартизма в США	415
Лизогуб А. С. Генералиссимус А. В. Суворов : личность полководца в политике памяти Российской империи начала XX века	431
Медведев М. В. Местная противовоздушная оборона Ростовской области в 1941—1943 годах : специфика формирования и проблемы функционирования	452
Мокерова Е. Ю., Тарасов К. Н. Хранение и транспортировка медной денежной казны в конце XVIII — начале XIX веков (на материалах Вятской губернии).....	469
Науменкова Е. О. Женское движение во второй половине 1880—1890-х годов в Великобритании : «эпоха застоя» или скачок вперед?	489
Попов Ф. А. Политическая мысль русских союзников Польши в 1920 году : к интеллектуальной истории группы Б. В. Савинкова	509
Сорокин А. А., Софьин Д. М., Софьина М. В. Создание Православного Палестинского общества и деятельность М. П. Степанова (1881—1883)	530
Татаров А. А. Государство и исламские праздники в Кабардино-Балкарии : прошлое и настоящее	547
АВТОРАМ.....	564
CONTENTS.....	570

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

LINGUISTICS

Александр Филиппович Петренко, канд. филол. наук (Пятигорск)
Виктория Валентиновна Жура, д-р филол. наук (Москва)
Денис Юрьевич Шалков, канд. филол. наук (Ростов-на-Дону)
Екатерина Сергеевна Краснопеева, канд. филол. наук (Челябинск)
Ирина Владимировна Палашевская, д-р филол. наук (Волгоград)
Ирина Юрьевна Марковина, канд. филол. наук (Москва)
Кирилл Яковлевич Сигал, д-р филол. наук (Москва)
Ольга Альбертовна Димитриева, канд. филол. наук (Чебоксары)
Ольга Владимировна Макарова, канд. филол. наук (Тюмень)
Светлана Анатольевна Петренко, канд. филол. наук (Пятигорск)
Светлана Викторовна Былкова, канд. филол. наук (Ростов-на-Дону)
Светлана Сергеевна Краева, канд. филол. наук (Челябинск)
Тищенко Светлана Владимировна, канд. филол. наук (Пятигорск)
Юлиана Станиславовна Черных, преподаватель (Тюмень)

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(1), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Димитриева О. А. Культурный код в научном и публицистическом измерениях / О. А. Димитриева // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 1. — С. 9—30. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-9-30.

Dimitrieva, O. A. (2025). Cultural Code in Scientific and Journalistic Dimensions. *Nauchnyi dialog*, 14 (1): 9-30. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-9-30. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Культурный код в научном и публицистическом измерениях

Димитриева Ольга Альбертовна

orcid.org/0000-0003-2734-640X

Scopus Author ID: 57787537900

кандидат филологических наук,
доцент кафедры русской и чувашской
филологии и культурологии
olgaal_79@mail.ru

Чувашский государственный
педагогический университет
им. И. Я. Яковлева
(Чебоксары, Россия)

Cultural Code in Scientific and Journalistic Dimensions

Olga A. Dimitrieva

orcid.org/0000-0003-2734-640X

Scopus Author ID: 57787537900

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Russian and Chuvash
Philology and Culturology
olgaal_79@mail.ru

Chuvash I. Yakovlev State
Pedagogical University
(Cheboksary, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена выявлению особенностей функционирования термина *культурный код* в научном и публицистическом дискурсах. Материалы для анализа извлечены из газетного и частично основного корпуса Национального корпуса русского языка, а также из научных работ по лингвистике, культурологии и философии. Выявлено, что при употреблении выражения *культурный код* актуализируется тот или иной компонент словосочетания: знаковая природа кода вовлекает в текст лексику из технической сферы (*программировать, копировать, расшифровать* и т. п.); ценностный аспект культуры (компонент *культурный*) актуализирует действия, обозначаемые глаголами *сохранять, беречь, транслировать* и др., а также абстрактные понятия, такие как *ценности, знание, понимание, освоение* и т. д. Показано, что модели, используемые при воссоздании образа культурного кода в публицистическом тексте, отличаются от моделей в научном стиле яркой оценочностью как с положительной, так и отрицательной семантикой. Отмечается, что словообразовательная продуктивность слова *код* в научном дискурсе связывается со стремлением ученых выявить объективную структуру и подчеркнуть ее соотнесенность с исходным, производящим словом (префиксы и префиксиды *мега-, суб-, мета-, психо-*).

Ключевые слова:

культурный код; семантика; научный дискурс; публицистический дискурс; когнитивно-дискурсивный анализ.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the distinctive features of the term “cultural code” within scientific and journalistic discourses. The materials for analysis are drawn from newspaper articles and partially from the main corpus of the *Russian National Corpus*, as well as from scholarly works in linguistics, cultural studies, and philosophy. It has been identified that the expression “cultural code” activates specific components of the phrase: the sign-based nature of the code engages lexicon from the technical sphere (such as *program, copy, decode*, etc.); the value aspect of culture (the cultural component) highlights actions denoted by verbs like *preserve, protect, transmit*, among others, as well as abstract concepts such as *values, knowledge, understanding, and mastery*. The study demonstrates that the models used to recreate the image of the cultural code in journalistic texts differ from those in scientific discourse, exhibiting a vivid evaluative quality with both positive and negative semantics. It is noted that the word formation productivity of the term “code” in scientific discourse is linked to scholars’ efforts to reveal an objective structure and emphasize its relation to the original, generative word (with prefixes and prefixoids such as *mega-, sub-, meta-, psycho-*).

Key words:

cultural code; semantics; scientific discourse; journalistic discourse; cognitive-discursive analysis.

УДК 811.161.1'37

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-9-30

Научная специальность ВАК
5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Культурный код в научном и публицистическом измерениях

© Димитриева О. А., 2025

1. Введение = Introduction

5 ноября 2024 года состоялось первое заседание Совета по реализации госполитики в сфере поддержки русского языка и языков народов России, и во время беседы руководитель портала «Грамота», директор НКО «Родное слово» К. Деревянко обратил внимание на важную роль словарей: *«Такие словари должны быть едиными, содержать лексику всех предметных областей и литературных произведений, не иметь противоречий в толковании наших ценностей и отражении культурного кода страны»* [Грамота.ру]. Используемое автором словосочетание *культурный код* прочно вошло в науку и как термин, и как обиходное понятие, активно используемое в СМИ и художественной литературе, причем абстрактное выражение осмысливается материально и оценочно.

Как отмечает Л. О. Чернейко, причин появления у абстрактных имен «вещных» предикатов может быть две: 1) «эмпирическая пустота абстрактной сущности» [Чернейко, 2019, с. 161—162], отсутствие «перцептивного образа», «наглядности», присущей «именам визуально воспринимаемых фрагментов физического мира» [Там же, с. 162]; 2) «“переживаемость” социумом» [Там же]. При активном использовании научного термина в публицистической сфере вторая причина кажется особенно значимой. А. А. Клементьева, исследуя функционирование термина *искусственный интеллект* в различных дискурсах (в том числе научном и публицистическом [Клементьева, 2022]), пишет о том, что «нынешняя эпоха постправды, <...> когда образ объекта значит больше, чем сам объект, порождает большое количество соответствующих текстов. Содержащие в себе готовые интерпретации, эти тексты моделируют наше восприятие объекта, влияют на наши представления о нем» [Клементьева, 2023, с. 59]. В свою очередь отметим, что общественное моделирование образа *культурный код* / *код культуры* привносит и новые коннотации в научный стиль.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В научном дискурсе довольно многочисленны обзорные исследования, посвященные понятию *культурный код* в области гуманитарных наук, преимущественно культурологии, истории, философии и филологии [Маслова и др., 2016; Ковшова и др., 2018, с. 40—48; Изотова, 2020; Изотова, 2022; Гудова и др., 2022; Савицкий и др., 2023; Дробышев, 2024]). Кроме того, в лингвистике и литературоведении сложилось целое направление, изучающее культурные коды, количественный состав которых варьируется от традиционно выделяемых шести базовых кодов по В. В. Красных [Красных, 2001] до 12—14 и более (см. [Леонтьева, 2014; Маслова и др., 2016]).

Материалом для данного исследования являются научные труды культурологического, лингвистического и философского плана, посвященные изучению культурного кода, а также сплошная выборка примеров, извлеченных из Национального корпуса русского языка (газетный и основной корпусы).

С помощью основных методов исследования, таких как семантический, контекстуальный и когнитивно-дискурсивный, выявляются особенности функционирования выражения *культурный код* и создаваемый образ в науке и СМИ.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Словарные дефиниции выражения *культурный код*

В толковых словарях русского языка слово *код* имеет следующие дефиниции:

(1) (спец.). Список условных сокращений, напр. для переписки по телеграфу, для сигнализации» [ТСРЯ, 1935, т. 1, стб. 1391];

(2) «1. Система условных знаков для передачи (по каналу связи), обработки и хранения (запоминания) различной информации. 2. Система условных знаков или сигналов для передачи сведений по телефону, телеграфу, радио и т. п. *Телеграфный код. Метеорологический код.* <...>» [франц. code] [МАС, 1999, т. 2, с. 67].

Важными компонентами значения представляются семы ‘условные знаки’, ‘передача, обработка, хранение’, ‘информация’.

Слово *культура* — многозначное, имеющее 7 значений. Для нашего исследования приведем два основных значения:

(1) «1. *только ед.* Совокупность человеческих достижений в подчинении природы, в технике, образовании, общественном строе. *История культуры. Развитие культуры происходит скачками.* 2. То или иное состояние общественной, хозяйственной, умственной жизни в какую-нибудь эпоху, у какого-нибудь народа, класса. *Неолитическая к. к. древнего Египта. Пролетарская к.* <...>» [ТСРЯ, 1935, т. 1, стб. 1546];

(2) «1. Совокупность достижений человеческого общества в производственной, общественной и духовной жизни. *Материальная культура. Духовная культура*. <...> || Совокупность таких достижений в определенную эпоху у какого-либо народа или класса общества. *Социалистическая культура* <...>» [МАС, 1999, т. 2, с. 148].

И. В. Зыкова, изучая разные аспекты и взгляды на культуру, в рамках информационно-семиотического подхода, ярким представителем которого является Ю. М. Лотман, подчеркивает важность информации, ее центральное место «в жизни и судьбе человечества, в процессах формирования и развития культуры» [Зыкова, 2017, с. 247]. В «Новой философской энциклопедии» В. С. Степин определяет культуру как «систему информационных кодов, закрепляющих исторически накапливаемый социальный опыт» [НФЭ, 2010, с. 342]. Как генетический код «воспроизводит клетки и органы сложных организмов», так и коды культуры регулируют «различные виды деятельности поведения и общения людей» [Там же].

Таким образом, *код* как условная единица хранящейся, воспроизводящейся и передаваемой информации становится репрезентантом культуры, и, наоборот, *культура* является системой кодов.

3.2. Словообразовательная продуктивность и метафорическая образность лексемы *код* в научном дискурсе

Не вдаваясь в частные детали и оттенки значений терминов в разных областях гуманитарной мысли, остановимся, во-первых, на метафорических моделях, зафиксированных в филологических и культурологических исследованиях; во-вторых, на некоторых производных слова *код*.

1. Артефактная метафора: культурный код как КЛЮЧ, то есть приспособление для открывания и закрывания замка, в переносном значении «средство, возможность для разгадки, понимания чего-л., для овладения чем-л.» [МАС, 1999, т. 2, с. 61]. В научном дискурсе актуализируется сема 'понимание' и соотносится с понятием типа / формы культуры:

(1) *Культурный код* <...> **ключ** к пониманию данного типа культуры (дописьменный, письменный, экранный периоды). К. к. позволяет понять преобразование значения в смысл [Кононенко, 2003];

(2) *Базовые культурные коды*, определяющие трансляцию социальной памяти в архаических индоевропейских культурах, носят пространственно-обусловленный характер. Данные **коды** являются, по сути, одним из наиболее **адекватных ключей** к пониманию архаических индоевропейских культур, поскольку основные поведенческие стратегии воспроизводятся и актуализируются именно через посредство этих кодов [Михалин, 2006, с. 9].

Во втором фрагменте сочетаемость с прилагательным *адекватный* в превосходной степени эксплицирует возможность существования не-

скольких ключей, способных прояснить архаичные формы культуры, и необходимость выбора одного из них.

2. СЕТКА как «приспособление различного назначения из перекрещивающихся нитей, веревок, проволоки и т. п.» [МАС, 1999, т. 4, с. 85] является орудием в «руках» культуры, которое заставляет человека или позволяет ему воспринимать окружающий мир под определенным ракурсом:

(3) *Код культуры может быть определен как «сетка», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его* [Красных, 2001, с. 5].

3. Культурный код, являясь абстракцией, воспринимается как ЭЛЕМЕНТ МАТЕМАТИКИ, ее графическое исполнение, модель: *матрица* («прямоуг. табл. к.-л. элементов a_{ik} (чисел, матем. выражений), состоящая из m строк и n столбцов» [БЭС, 1993, с. 776]) и *система координат* («координаты (от лат. *co* — совместно, *ordinatus* — упорядоченный, определенный), числа, заданием к-рых определяется положение точки на плоскости, на поверхности или в пространстве» [Там же, с. 627]):

(4) *В культуре, как единой структуре, выделимо ядро, в котором «закодированы» все особенности культурного типа, проявляющиеся на различных уровнях общей системы. Это ядро, и есть культурный код, представляющий собой своего рода матрицу, содержащую в себе ещё в не проявленном виде все компоненты культурной парадигмы народа и его поведенческой модели* [Зубко, 2004, с. 10];

(5) *Это [коды культуры] своего рода матрицы, которые отражают способ мышления людей и определяют содержание и формы ментальных и языковых репрезентаций* [Николаева, 2016, с. 152—153];

(6) *С опорой на приведенные исследования представляется релевантной дефиниция культурного кода как ценностной матрицы, включающей константы культуры <...>»* [Изотова, 2020, с. 8];

(7) *...коды культуры образуют систему координат, которая содержит и задает эталоны культуры* [Красных, 2001, с. 19].

Математическая интерпретация схематизирует код культуры, выстраивает как структуру, содержащую компоненты (ср. «элементы» матрицы), обусловливающие эталоны (пример 7), «способ мышления» (пример 5) и «поведенческую модель» (пример 4).

4. Изображение культурного кода в виде КОНТЕЙНЕРА — «вместилища (бак, резервуар, ящик и т. д.), предназначенного для перевозки грузов без упаковки, для научной аппаратуры на космических ракетах и т. п.» [МАС, 1999, т. 2, с. 93] (в том числе современное представление о предмете как о любой емкости для хранения) — фокусирует внимание на его объеме и процессе заполнения:

(8) *Думается, что **код** в лингвокультурологии — это глубинное культурное пространство, это не сеть, а, скорее, «контейнер», в понимании Е. С. Кубряковой, в котором разные языковые сущности получают различные культурные смыслы, заполняя собой и формируя тем самым код* [Маслова и др., 2016, с. 26].

См. также название статьи А. А. Бувевич «Код культуры сквозь призму концептуальной метафоры “контейнер”» [Бувевич, 20146].

5. Культурный код как механизм, ГЕНЕРАТОР («...название различных приборов, предназначенных для производства (генерации) чего-л.» [МАС, 1999, т. 1, с. 305]): данная метафора актуализирует идею способности продуцировать смысл:

(9) *Понимание культурного кода как «генератора смыслов» раскрывается в трудах Ю. М. Лотмана, М. Фуко, У. Эко, Э. Кассирера* [Изотова, 2022, с. 11].

6. Культурный код как ЗЕРКАЛО: образ фиксирует способность кода свидетельствовать об изменениях, происходящих в обществе, отражать их:

(10) *«Культурный код» с этой количественной точки зрения представляется нам, во-первых, если и не культурным феноменом, то, по меньшей мере, своеобразным «зеркалом» некоторых культурных изменений, которые, судя по всему требуют обновлённого словаря* [Дробышев, 2024, с. 35].

7. Тесно связано с метафорой контейнера представление о культурном коде как о ПРОСТРАНСТВЕ или его части:

(11) *Есть еще не совсем традиционное использование термина ‘код’ — это **коды культуры**, которые функционируют в языке. Они самые сложные потому, что «схватывают» глубинное культурное пространство: они связаны с древнейшими архетипическими и мифологическими представлениями о мире* [Маслова, 2021, с. 103];

(12) *Система культурных кодов с ее “вертикальными” и “горизонтальными” отношениями составляет образную систему культуры* [Маслова, Пименова, 2016, с. 26];

(13) *Нашей задачей является моделирование концепции культурных кодов как элементов пространства культуры* [Букина, 2007].

Пример 11 маркирует такой пространственный параметр, как глубина, пример 12 — вертикальные и горизонтальные отношения, в примере 13 — подчеркиваются составляющие его компоненты, наполненность.

8. Рассмотрение культурного кода как НАБОРА («совокупность предметов одной области применения» [МАС, т. 2, с. 327]) репрезентирует его в виде однородного множества, объединенного эпохой, идеологией и т. п.:

(14) *Каждая эпоха формирует кодовую систему, обладающую универсальным характером, но предлагаемый набор культурных кодов имеет*

отличительные особенности, например, в традиционном, индустриальном и постиндустриальном обществах [Симбирцева, 2016, с. 157];

(15) Под культурным кодом мы будем понимать **совокупность информационных маркеров**, позволяющих человеку адекватно воспринимать и реагировать на происходящие в культуре пространственно-временные процессы [Букина, 2010, с. 236].

Итак, в понятийный образ культурного кода, в ассоциации, возникающие при ближайшем его рассмотрении, вовлекаются разные сферы как абстрактно-философского / математического плана (*пространство, матрица, система координат*), так и артефактного (*ключ, сетка, зеркало, контейнер, набор*).

Одним из показателей значимости понятия *код* (*культурный код*) является словообразовательная проработанность соответствующего лексического пространства. Так, в текстах научных исследований встречаются следующие производные, задающие те или иные параметры кода: **психокоды**¹; культура как **поликодовая** иерархическая система; **мегакод** (В. М. Савицкий), **кодокомпоненты** культуры (Т. В. Болдырева [Болдырева 2008]), **субкоды** (Е. Н. Широкова [Широкова, 2010], Н. Н. Изотова [Изотова, 2020]), язык как **метакод** модели мира (А. А. Бувевич [Бувевич, 2014а]); **кодовый модус** классического текста (Н. В. Худолей [Худолей, 2016]) и др. Проиллюстрируем термины примерами:

(16) Перспективы дальнейшей работы в избранном направлении видятся нам в следующем: <...> проведение обзора работ на смежные темы, такие как социальные и лингвосоциальные коды, **психокоды**, лингвопсихологические коды [Савицкий, Черкасова, 2023, с. 4356];

(17) Многие ученые <...> считают, что **феномен культуры** можно рассматривать как **поликодовую** иерархическую систему, в которой культурные коды способны принимать вербальное выражение и форму лингвокультурных кодов [Там же, с. 4355];

(18) ...всё множество явлений-знаков (мироздание) в глазах человека предстает как код или, точнее, **мегакод** — «грандиозная, очень сложная, иерархически организованная система кодов [Там же, с. 4353];

(19) Иерархия **кодов** и **субкодов** представляет открытую, но при этом постоянно меняющуюся, не имеющую жестких границ систему моделирования картины мира [Изотова, 2020, с. 9];

(20) Мифологемы, символы и архетипы понимаются в исследовании вслед за Ю. М. Лотманом как **кодокомпоненты** культуры, которые от-

1 В скобках указываются фамилии ученых, в текстах которых встречаются приведенные лексемы, перечень не является исчерпывающим, так как мы не ставили цель выявить автора термина и все возможные варианты употребления слова.

ражают понимание действительности в ту или иную эпоху» [Болдырева, 2008, с. 8].

Таким образом, данные понятия становятся способом отображения иерархии в системе кода, объективации его единиц и ракурса преломления смыслового наполнения термина.

3.3. Поливалентность культурного кода по данным Национального корпуса русского языка (газетный корпус)

При осмыслении и интерпретации выражения «культурный код» на первый план выходит тот или иной компонент словосочетания. Так, при актуализации слова *код*, выведении его на передний план в высказывание попадают элементы, обусловленные знаковой природой, из технической сферы — *программировать, скопировать, расшифровать, зашифровать, взломать, перекодировать* и т. п.; акцентирование на части *культурный* вовлекает в репрезентацию образа действия, обозначаемого глаголами *сохранять, беречь, транслировать*, понятия, выраженные абстрактными существительными *ценности, знание, понимание, освоение* и т. д. В целом, компоненты словосочетания, привнося специфическое, «приземляют» и создают новое, аксиологически маркированное понятие.

Рассмотрим, во-первых, сочетаемость выражения с глаголами / отглагольными существительными (синтаксическое управление); во-вторых, атрибутивные словосочетания, построенные по модели «прилагательное / причастие / определительное (указательное, притяжательное местоимение) + культурный код» (синтаксическое согласование); в-третьих, определим носителя культурного кода, предметы и компоненты; в-четвертых, опишем метафорические модели в НКРЯ.

1. Сочетаемость с глаголами / отглагольными существительными с семантикой:

а) «образования, формирования» — *(с)формировать(ся), формирование, созда(ва)ть, создание; выработка; наполн(и)(я)ть содержанием:*

(21) «*Это один из элементов настоящего патриотического воспитания, правильного отношения к своей стране и даже, в какой-то степени, формирования культурного кода*», — подчеркнула она (Поставщиков некачественных товаров для детей предложили отвалить от госзакупок // Парламентская газета, 2021.12.17) [НКРЯ];

(22) «*Сохранение исторической памяти, воссоздание и популяризация национальной идентичности — важный процесс для выработки национального культурного кода*», — сказала Наталья Пилос в преддверии XIII Российского фестиваля моды «Плэс на Волге (Палех и Холуй привлекут туристов в Иваново // Парламентская газета, 2018.07.13) [НКРЯ];

б) «сохранения» — *сбережение, сохран(я)(и)ть(ся), сохранение; аккумуляировать; защищать; удержать*:

(23) «Все наши усилия должны быть направлены на то, чтобы цифровые технологии **сохраняли** культурные традиции, **наш культурный код**», — резюмировал сенатор (Каждому россиянину — свой цифровой профиль // Парламентская газета, 2019.01.30) [НКРЯ];

(24) Традиции и ритуалы — это своего рода **культурные коды**, которые позволяли **аккумуляировать, сохранять** и транслировать социально значимую информацию, даже не прибегая к помощи слов (Александр Сидоров. Примаскалили в XXI век // lenta.ru, 25.08.2016) [НКРЯ];

в) «передачи, сообщения» — *переда(ва)ть(ся), передача; транслировать, трансляция, поделиться; заимствоваться, скопировать*:

(25) Русский язык, по её словам, сохраняет душу народа, соединяет поколения и традиции, и **передаёт культурный код** и эмоциональное духовное наполнение жизни и исторических фактов (Яровая: русский язык стал фундаментом объединения граждан многонациональной страны // Парламентская газета, 2021.06.06) [НКРЯ];

(26) «Лента.ру» решила вспомнить, откуда есть пошел самый распространённый и универсальный предмет одежды и как он стал незаменимым средством **передачи культурного кода** (Владислав Крылов. Знак на груди // lenta.ru, 10.10.2015) [НКРЯ];

(27) Организаторы выставки провели параллели между работами художников начала XX века и современной одеждой, а также проследили историю костюма и показали, как в ней **заимствуются культурные коды** различных эпох (В Еврейском музее покажут влияние русского авангарда на моду // lenta.ru, 28.06.2016) [НКРЯ];

(28) Легеро подчеркивает, что Chanel не ставит задачу воспроизвести элементы других культур или **скопировать культурные коды** (Как Chanel переработала «русское наследие» в ювелирные украшения // Ведомости, 2019.11.25) [НКРЯ];

г) «возможности прочтения / шифрования» — *читать, считывать(ся), расшифровываться; расшифро(вы)вать; зашифровать; расшифровка*:

(29) В часах Diva использованы декоративные элементы, навеянные узорами мозаик терм Каракаллы в Риме. Ваши клиенты способны «**считывать**» эти **культурные коды**? (Беседовала Вероника Гудкова. «Наш дизайн нельзя назвать постмодернистским» // lenta.ru, 16.03.2016);

(30) Желая подольститься к «продвинутой» молодежи, взрослые дяди и тети пытаются философствовать на тему о том, что все это вовсе не так плохо, что молодежная субкультура не должна отвергаться обществом, что таковы **культурные коды нашего времени, над расшиф-**

ровкой которых должны трудиться культурологи... (Кирилл митрополит Смоленский и Калининградский. Пагубны пути скользкие // Труд-7, 05.10.2002) [НКРЯ].

д) «вхождения как составной части, его пополнения»: *войти / входить в; (имя) вписано в; внести вклад в; заложить в; ввести; встраиваться в:*

(31) *Сообщение о смерти Оскара Фельцмана сродни сообщению о кончине его сверстника Дэйва Брубeka: с одной стороны, грусть об уходящей эпохе, но с другой — 92 года (без двух недель), полдюжины шлягеров, прочно вошедших если не в фольклор, то в культурный код страны, и еще десятки песен, исполнявшихся крупнейшими звездами нескольких эпох — от Утесова и Кобзона до Аллегровой и Боярского (Об Оскаре Фельцмане: Перевод излишен // Ведомости, 2013.02.05) [НКРЯ];*

(32) *Бродский вошел в культурный код образованного русского человека [Бродский наш // Известия, 25.05.2015].*

е) «негативных изменений, происходящих, как правило, под воздействием сил извне». То, что культурный код способен изменяться с течением времени, фиксируется в контекстах, обычно оценивается нейтрально и рассматривается как неизбежное, поступательное его развитие. Во многих случаях перемены оцениваются в отрицательном модусе, что фиксируется в семантике предикатов («разрушение», «исчезновение», «насильное внедрение», «изменение границ / очертаний» и т. п.) или посредством включения в контекст отрицательных эмоций (*презрение, отторжение*): *наруш(и) (а)ть; разрушение; подавление; нанести разрушительный удар по; расколоть; утратить, утрата; потерять, потеря; размытие; размывание; расшатывание; манипулирование; воздействие; трансформация, усреднен, превращен в (Макдональдс); подправить военным путем, деконструкция; насаждать; разрыв; взломать; перекодировать; программировать; подвергнуть испытаниям; забыть; отторжение; презрение:*

(33) *Нынешние сорокалетние, или поколение X, выросли на телеканале MTV и поп-культуре вообще, а тридцатилетние «миллениалы», или поколение Y — на фоне телекоммуникационной революции и **размывания прежних культурных кодов** вроде многолетнего культа героев и супергероев (Цель — «центениалы» // lenta.ru, 01.06.2017) [НКРЯ];*

(34) *Пропаганда в медиа ненормативной лексики, умышленное издевательство и искажение русского языка направлено **на разрушение культурного кода России**, и, как следствие, на подрыв безопасности России (Сенатор Соболев предлагает установить ответственность за умышленное искажение русского языка // Парламентская газета, 2017.06.03);*

(35) *Это тот культурный код, который подвергся в последние годы серьезным испытаниям, который **пытались и пытаются взломать***

(Владимир Путин: тем, кто хочет или пытается разделить нас, могу сказать одно — не дождетесь // Комсомольская правда, 23.01.2012) [НКРЯ];

(36) *Перекодировать* — значит, **изменить культурный код**, изменить у людей систему представлений о добре и зле, о красивом и безобразном, о должном и запретном, о благородном и низменном, о подвиге и предательстве (Запад перекодирует мир: геи, порно, ненависть // Vesti.ru, 09.11.2014) [НКРЯ];

(37) *Советский и российский режиссер, актер и сценарист Никита Михалков **расколол русский культурный код**, понял идеологию и вспомнил совет, который помогает избежать огромного количества проблем. <...> «Культурный код в период глобализации — я вообще не понимаю, что это такое. Глобализация — усреднение всего. Какой может быть культурный код, если он весь усреднен, превращен в интеллектуальный, культурный «Макдоналдс». Не может быть никакого культурного кода в период глобализации, все приведено к общему знаменателю», — отметил Михалков* (Михалков раскрыл идеологию с русским кодом и нашел способ избежать проблем // lenta.ru, 19.11.2019) [НКРЯ].

Помимо упомянутых выше значений и контекстов, дополнительно отметим также семантику «усвоения, понимания» как на уровне ментальном, так и перцептивном (*знать, понимать, воспринимать, освоить, владеть, ощущение, размышление* и т. п.) и «обращения к коду, его учета» (*исходить из, следовать, использовать, апеллировать, обращаться к* и т. п.).

Как показывает иллюстративный материал, культурный код расценивается как некая общественная константа, способная, с одной стороны, хранить и передавать информацию, с другой стороны, изменяться, формироваться, пополняться. Не все трансформации оцениваются положительно, привнесенные извне — рассматриваются как навязанные, деструктивные, способные изменить код нации в целом.

2. АТРИБУТИВНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ.

Прилагательные, причастия, местоимения, сочетающиеся с выражением *культурный код*, имеют разнообразную семантику:

— «принадлежность какому-нибудь лицу / группе лиц»: самым частотным из местоимений является притяжательное — *наш*, а также *свой, их, его; ее*; и группа указательных, определительных, отрицательных, неопределенных: *некий; какой-то; все; этот; тот; такой; таков; никакой; несколько*;

— «несовпадение, чуждость» (в рамках доминирующей оппозиции «свой — чужой»): *разные, различные, неодинаковые, чужой, чуждый, другой*;

— «территориальная и национальная / историческая соотнесенность»: *национальный, российский, русский; отечественный; советский; дальневосточный, крымский; петербургский; местный; западный*;

— «объединенность, общность»: *общий, универсальный, абсолютный, одинаковый, единый (цивилизационный / общеславянский), общезначимый;*

— «уникальность — обычность»: *самобытный, неповторимый, своеобразный; незамысловатый, сиюминутный, привычный;*

— «базовый»: *исходный; изначальный; устоявшийся* и др.

Отметим также сочетания слова *код* со сложными прилагательными: *историко-культурный, духовно-культурный, социально-культурный; информационно-культурный; национально-культурный*, в которых в большей степени подчеркивается социальный аспект культуры.

3. Носитель культурного кода / Предметы и объекты культурного кода

Субъектом, или обладателем, культурного кода выступает человек или группа лиц, зачастую маркированные тем или иным параметром — разумом, образованием, принадлежностью временному периоду и территории: *культурный код homo sapiens* (в оппозиции к животным); *образованного человека; человека севера; жителей цифровой эпохи; людей; семей; населения, народа, нации, общества, человечества, (человеческой, западной / христианской) цивилизации*.

(38) *В рамках обсуждений цифровизации повседневной жизни будут затронуты темы цифровой безопасности, перспективы игровой индустрии и культурный код жителей цифровой эпохи* (Промо 08.11.2024);

(39) *А глава «Союза отцов» Александр Заремба, подхватив родительскую тему, заявил, что именно отцы — главные носители «культурных кодов» семей, хотя несут они их, держась за руку с «мамами»* (А. Винокуров. Россия — родина семей // Газета «Коммерсантъ» №117 от 05.07.2024);

(40) *Мощные образы, воплощенные на фасаде величественного архитектурного шедевра, как будто погрузили зрителей в единое пространство искусства, интеллекта и истории — то самое, которое каждую эпоху, каждое поколение актуализирует культурный код человечества, наполняя его содержанием и смыслом* (Для будущих побед стоит искать вдохновения в искусстве // Коммерсант, 21.12.2020) [НКРЯ].

Одним из значимых показателей является территориальная принадлежность субъекта, в связи с чем выделяются культурн(ый)(ые) код(ы) *российского народа / страны (россиян, России); украинского народа; европейца / дикаря; славянского пространства; Татарстана; Санкт-Петербурга (Петербурга, петербургский), новгородца* и т. п.:

(41) *Артемий Галицын предложил выдворять в Москву владельцев киосков фастфуда, называющих шаверму шаурмой. По словам парламентария, термин «шаверма» стал частью культурного кода Петербурга* (Губернатор Петербурга назвал шаверму шаурмой // lenta.ru, 24.10.2017) [НКРЯ];

(42) Главная цель перуанского бренда ANNAISS YUCRA — **передать культурный код страны с помощью одежды**. Новая коллекция, получившая название «Матриархат», рассказывает о поколениях женщин разных возрастов, которые различаются цветом кожи и своими мировоззрениями (19 брендов <...> // Известия, 12.06.2020) [НКРЯ].

Материальные и духовные ценности / антиценности становятся репрезентантами культурного кода, его компонентами. Среди вещного мира и материальных благ как показателей достатка или значимости для человека отмечаются следующие детали: **спектакль; кинематограф; интернет; квартира; предмет одежды; заграничность; энергосбережение в быту; иметь мужа / любовника олигарха; нарды (культурный код Татарстана); мясо; шаверма; улица Рубинштейна (культурный код Петербурга)** и др.:

(43) Собственная **квартира** — признак достатка и успеха, уже заложенный в **культурный код россиян** (Уж лучше вы к нам // lenta.ru, 02.11.2019);

(44) «В тучные нулевые деньги в России были возведены в культ. Любая “уважающая себя девушка” должна была **иметь олигарха**, желательно в качестве **мужа**, или, если не получилось, **любовника**... Сегодня от этого “культурного кода” практически не осталось и следа, он канул в Лету. Теперь больше не модно встречаться с олигархом, который старше тебя лет на 15—20, — это стыдно и неприлично», — написала журналистка (Божена Рынска обвинила Ксению Собчак в плагиате // lenta.ru, 26.02.2016);

(45) Строителей обмотал моделей мясом, дополнил их образы отрубленными лапами животных и их внутренними органами, чем вызвал смешанные чувства даже у подготовленной публики<...> Но, облачив моделей в плоть животных, фотограф продемонстрировал прочность этой сцепки: потребляемое в пищу мясо захватило человека, стало не только его частью, но и поработило его. **Мясо как культурный код** — в галерее «Ленты.ру» (Не поубиваешь — не поешь // lenta.ru, 13.09.2019) [НКРЯ].

Среди положительных качеств человека, которые возводятся в ранг культурного кода, выделяются следующие: **душевная щедрость; взаимовыручка и поддержка; противостояние любым напастям всем миром; воспоминание о ленинградцах; труд и социализация (о балете); чтение; всеохватность русской культуры; гуманное отношение; моральное предназначение; закон / справедливость; удовольствие** и др. Следует отметить, что качества человека, определяемые как культурно и национально «привязанные», становятся проявлением общего, типического, характерного в целом для народа и страны:

(46) В апреле Путин назвал деятельность волонтеров проявлением гражданского героизма и заявил, что **«душевная щедрость»** — это часть

культурного и генетического кода российского народа» (Решение о выплатах волонтерам приняли в курултае Башкирии // Известия, 28.07.2020);

(47) *Проблема не только в том, что у Финляндии и России разный культурный код: одни привыкли жить по закону, другие — по справедливости* (А. Милкус, Г. Сапожникова. Почему финские власти охотятся за детьми. И не только за российскими... // Комсомольская правда, 26.12.2012);

(48) *Георгий Исаакян: «Наш культурный код — всеохватность русской культуры»*. Президент Ассоциации музыкальных театров — о том, как посредством музыки «сшить» огромное пространство России (Георгий Исаакян: «Наш культурный код — всеохватность русской культуры» // Известия, 09.11.2016) [НКРЯ].

Приведем также выделяемые антиценности — маркеры культурного кода: *негативное восприятие труда; страдание; крепостничество; патернализм* и др.:

(49) *По его [Александра Шахова] словам, в российском культурном коде заложено негативное восприятие труда. Это отчетливо прослеживается, например, в сказках про Емелю и Илью Муромца. В пословицах часто можно встретить мысль о тяжести работы, а не о том, что это может приносить удовольствие. «Это и определяет отношение к труду, желание и мотивацию работать», — сказал психолог, отметив, что сначала гражданам необходимо полностью поменять подобные взгляды, а уже потом думать о переходе на четырехдневку* (Психолог объяснил проблему перехода на четырехдневную рабочую неделю в России // Lenta.ru, 22.09.2020);

(50) *А вот в первых российских сериалах главная «профессия» героини — страдание. Это еще и совпало с российским культурным кодом, где страдания, как известно, — отдельный жанр песенного искусства* (Круглая жизнь // Коммерсант, 09.11.2020) [НКРЯ].

4. Метафорические модели культурного кода в газетном корпусе.

По словам Ю. С. Степанова, «сам человек пронизан для культуры, более того, он **пронизан культурой**» [Степанов, 2001, с. 42]. Культурный код представляется в виде (КОМПЬЮТЕРНОЙ) ПРОГРАММЫ, а человеческий мозг или сам человек является гаджетом / девайсом для ее размещения, причем посредством различных способов — прошивания, записывания, печатания.

(51) *В нас прошит культурный код, указывающий, как вести себя в социальных ситуациях, и любовь — не исключение* (Анна Федорова. День любви как праздник свободы // Известия, 14.02.2014);

(52) *Скончался Михаил Задорнов. Писатель, сатирик, журналист, телеведущий. Человек, который на протяжении нескольких десятилетий созда-*

вал **культурный код**, **отпечатавшийся на подкорке** нескольких поколений («Самое вредное — это жизнь. От нее все умирают» // lenta.ru, 10.11.2017); ср. в художественном тексте:

(53) Ты рождаешься чистой флешкой — и на тебя в случайном порядке записываются **фрагменты культурного кода**, прилетающие из информационного пространства (Виктор Пелевин. Любовь к трем цукербринам) [НКРЯ].

Неоднозначность оценивания влияния прослеживается в следующем фрагменте, актуализирующем метафору УМ — ПОЛЕ БИТВЫ:

(54) Можно сказать, что в нынешнюю информационную эпоху ум становится местом военных действий не менее, и даже более, чем поле обыкновенной битвы, а **информационно-культурные коды, заложенные в инфо-потоки** — новым оружием, воздействующим на подсознание (иеромонах Кирилл (Зинковский). Некоторые аспекты христианской аскезы в век информационных войн // «Актуальные вопросы современной науки», 2018) [НКРЯ].

Сложность в понимании деталей культуры обуславливает появление метафорической модели культурного кода как ЛАБИРИНТА или ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА:

(55) Причем путешествия Александра Гениса — в первую голову приключения мысли, разветвленная **система подземных ходов (не то фуникюлеров) культурных кодов** — воздушные пути да кротовые норы (Михаил Юдсон. Джером кафка джером // Лайвлиб. 08.09.2018. <https://www.livelib.ru/critique/post/37278-dzherom-kafka-dzherom>);

(56) Такой же инфляции подвергаются смыслы: педантично рассовывая актуальные сюжеты XX века по чемоданам, Гринуэй создает иллюзию бесконечности трактовок, **лабиринта культурных кодов** (Черный список МВД // Ведомости, 2007.01.17) [НКРЯ].

Способность объединять людей культурно, национально и территориально отражается в соотнесении культурного кода со СТРОИТЕЛЬНЫМ материалом / элементом стройки: *цемент, фундамент, монолитность* (от монолит — греч. *μόνος* — один и *λίθος* — камень, «цельная каменная глыба. Предмет, высеченный из цельного камня» [МАС, 1999, т. 2, с. 296]), а действия субъекта — с процессом созидания (*строить, встраивать*):

(57) Кириенко на фестивале «Таврида-Арт» рассказал о культурном коде России. **Культурный код — это цемент**, обеспечивающий целостность государства. Об этом в воскресенье заявил первый замглавы администрации президента России, председатель оргкомитета фестиваля «Таврида-Арт» Сергей Кириенко (Кириенко на фестивале «Таврида-Арт» рассказал о культурном коде России // Известия, 25.08.2019);

(58) *В то время как большая половина мира гадает и спорит, наступит или не наступит обещанный индейцами майя конец света, в России не только придумали рецепт спасения **фундамента** нашей загадочной души — национальных «культурных кодов», но и уже развернули международную спасательную операцию* (Е. Стрельникова. Никита Михалков: «Голова казака, матерясь, покатила в кусты» — попробуйте сказать это по-французски!» // Комсомольская правда, 05.12.2012);

(59) *Хохлому **встроят в культурный код**: Чиновники пообещали сделать художественные промыслы частью «нового русского стиля»* (Владимир Зубарев. Хохлому строят в культурный код // Коммерсантъ (Н. Новгород). № 147, от 16.08.2024).

Культурный код, его составляющие представляются как РАСТЕНИЕ / ДЕРЕВО:

(60) *Представление, что откровенные одеяния свидетельствуют о сомнительных нравственных качествах, слишком **глубоко укоренилось в западном культурном коде**, и его **не выкорчевать** призывами к женищинам становиться сильнее, отвоевываая свое тело посредством того, что на него надето* (Одевание в раздевание // lenta.ru, 07.08.2016) [НКРЯ].

Понятие генетического кода может коррелировать с культурным, что является причиной создания следующей метафоры:

(61) *Слова «откуда дует ветер» обычно подразумевают политическую конъюнктуру. Диаметральные смены идеологического курса показывают, что этот ветер дует у нас куда хочет. В 2004 году «само существование страны» было увязано с модернизацией, экономикой знания, инновациями и человеческим капиталом. В 2012 году проект развернули к прошлому и «духу» — к традициям, скрепам и **культурному коду с лишней хромосомой*** (Новая искренность // Ведомости, 2017.10.22).

Общеизвестно, что болезнь синдром Дауна связана с наличием в 21-й паре хромосом третьей копии вместо двух. В приведенном фрагменте автор строк явно подчеркивает свое негативное отношение к возвращению к прошлому.

Недостатки, неприятие некоторых особенностей культурного кода как своего, так и чужого воплощаются в метафорической модели, связанной с нарушением целостности предмета — ДЫРА, ПРОРЕХА, и напротив, позитивная и значимая роль какого-либо явления осмысливается при помощи конструктивного процесса шитья (*вшить*):

(62) *Могут быть экскурсии: на самом деле, несмотря на все легендарное грузинское гостеприимство, которое и правда имеет место быть — один раз, скажем, я не могла уйти из гостей до пяти утра, никак не удавалось найти **прореху в культурном коде** и убедить полуспящих хозяев, пожилую*

пару, что мне правда уже пора, — с туристов здесь дерут за экскурсии безбожно («В Грузии работать не принято» // lenta.ru, 24.10.2016) [НКРЯ];

(63) *Об этом фильме сложно писать: кажется, будто о нем сказано абсолютно все. «Семнадцать мгновений весны» вшиты в русский культурный код, национальную мифологию, коллективное бессознательное — как бы это ни называлось* (И. Гулин. Такой же разведчик, как мы // Журнал «Коммерсантъ Weekend». №26 от 28.07.2023).

Модели, используемые при воссоздании образа культурного кода в публицистическом тексте, отличаются от моделей в научном стиле яркой оценочностью (как положительной, так и отрицательной). Кроме того, подчеркивается изначальная заложенность культурного кода, который является одновременно скрепой и способом выявления своего — чужого, а с другой стороны, обладает свойством испытывать влияние извне, которое в корне его может изменить. По мысли Л. О. Чернейко, проекции (метафорические образы) «отражают всю палитру накопленного культурой опыта как социального, так и индивидуального, сложно преломленного умопостигаемым миром, включающим систему социальных ценностей» [Чернейко, 2019, с. 163].

4. Заключение = Conclusions

Подведем некоторые итоги:

1. При анализе материала выявляются особенности, обусловленные стилем изложения, — научным vs публицистическим. Так, тяготение к употреблению притяжательных местоимений, большого количества прилагательных, ярко оценочных метафорических моделей с конкретной семантикой, а также связь с временным периодом — безусловно, черты публицистического стиля. Стремление к употреблению безоценочных слов, абстрактных метафорических моделей, поиску универсалий и др. подчеркивает направленность на объективность, что характеризует научный стиль изложения материала.

2. Общим для обоих дискурсов является представление о культурном коде как о заложенной системе ценностей, хотя для гуманитарной науки характерно в большей степени описание базовых кодов как неизменных констант; в публицистике в характеристику включаются материальные ценности, называются отдельные личности, точки в пространстве и во времени и их роль в организации и смене культурного кода.

3. Словообразовательная маркированность *кода* в научном дискурсе связывается со стремлением ученых выявить структуру и подчеркнуть ее соотнесенность с исходным, производящим (префиксы и префиксоиды *мега-*, *суб-*, *мета-*, *психо-*).

Изучение выражения как научного термина и как расхожого, публицистического позволяет посмотреть на него не только в свете культурологической, лингвистической, философской методологии, но и с точки зрения сложившихся способов принятия и усвоения его обществом и формирования его аксиологических смыслов.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. БЭС — *Большой энциклопедический словарь* / Гл. ред. А. М. Прохоров. — Москва : Советская энциклопедия ; Санкт-Петербург : Фонд «Ленинградская галерея», 1993. — 1628 с.
2. Ковшова М. Л. *Словарь лингвокультурологических терминов* / М. Л. Ковшова, Д. Б. Гудков. — 2-е изд. — Москва : Гнозис, 2018. — 192 с. — ISBN 978-5-94244-059-6.
3. Кононенко Б. И. *Большой толковый словарь по культурологии = Культурология. Большой толковый словарь* / Б. И. Кононенко. — Москва : Вече : АСТ, 2003. — 509 с.
4. МАС — *Словарь русского языка* : в 4 томах / под ред. А. П. Евгеньевой. — Москва : Русский язык ; Полиграфресурсы, 1999.
5. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 10.09.2024).
6. НФЭ — *Новая философская энциклопедия* : в 4 т. / Гл. ред. В. С. Степин. — Москва : Мысль, 2010. — Т. 2. — 634 с. — ISBN 978-2-244-01117-3.
7. Степанов Ю. С. *Константы : Словарь русской культуры* / Ю. С. Степанов. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Москва : Академический проект, 2001. — 990 с. — ISBN 5-8291-0007-X.
8. ТСРЯ — *Толковый словарь русского языка* : в 4 томах / под ред. Д. Н. Ушакова. — Москва : Советская энциклопедия : ОГИЗ, 1935—1940.

Литература

1. Болдырева Т. В. *Типология культурных кодов в драматургии* Л. Н. Андреева : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Т. В. Болдырева. — Самара, 2008. — 19 с.
2. Бувич А. А. Код : понятие и его варианты в гуманитарных дисциплинах / А. А. Бувич // *Вісник Мазырського державного педагогічного університету імені І. П. Шамаякіна*. — 2014а. — № 2 (43). — С. 90—95.
3. Бувич А. А. Код культуры сквозь призму концептуальной метафоры «контейнер» / А. А. Бувич // *VIII Машеровские чтения : Материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых* / Гл. ред. И. М. Прищепа. — Витебск : Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2014б. — С. 145—147.
4. Букина Н. В. Культурные коды как элемент пространства культуры [Электронный ресурс] / Н. В. Букина. — Режим доступа : https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2007/20/moynauka@list.ru.pdf (дата обращения 21.09.2024).
5. Букина Н. В. К вопросу методологии исследования культурных кодов / Н. В. Букина // *Вестник Бурятского государственного университета*. — 2010. — № 14. — С. 232—237.

6. Гудова М. Ю. Концепт «культурный код» : уровни значения / М. Ю. Гудова, М. Юань // Интеллект. Инновации. Инвестиции. — 2022. — № 4. — С. 151—159. — DOI: 10.25198/2077-7175-2022-4-151.

7. Дробышев А. В. Концепт «культурный код» как универсальный методологический инструмент в гуманитарных дисциплинах / А. В. Дробышев // Челябинский гуманитарий. — 2024. — № 2 (67). — С. 32—45. — DOI: 10.47475/1999-5407-2024-67-2-32-45.

8. Зыкова И. В. Метаязык лингвокультурологии : константы и варианты / И. В. Зыкова. — Москва : Гнозис, 2017. — 752 с. — ISBN 978-5-94244-056-5.

9. Зубко Г. В. Проблемы реконструкции культурного кода фульбе (Западная Африка) : автореферат диссертации ... доктора культурологии : 24.00.01 / Г. В. Зубко. — Москва, 2004. — 54 с.

10. Изотова Н. Н. К вопросу о прочтении «культурного кода» в лингвокультурологии / Н. Н. Изотова // Культура и цивилизация. — 2020. — Т. 10. — № 4А. — С. 5—11. — DOI: 10.34670/AR.2020.42.95.001.

11. Изотова Н. Н. Коды японской культуры: этнокультурная специфика и аксиологический потенциал : диссертация ... доктора культурологии : 24.00.01 / Н. Н. Изотова. — Москва, 2022. — 430 с.

12. Клементьева А. А. К вопросу о функционировании термина *искусственный интеллект* в современном научном и публицистическом дискурсе / А. А. Клементьева // Мир русского слова. — 2022. — № 4. — С. 14—23. — DOI: 10.24412/1811-1629-2022-4-14-23.

13. Клементьева А. А. Коммуникативно-грамматический анализ текстов, посвященных проблемам искусственного интеллекта : диссертация ... кандидата филологических наук : 5.9.5 / А. А. Клементьева. — Москва, 2023. — 194 с.

14. Красных В. В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) / В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. — Москва : МАКС Пресс, 2001. — Выпуск 19. — С. 5—19. — ISBN 5-317-00302-4.

15. Леонтьева Т. В. Интеллект человека в русской языковой картине мира / Т. В. Леонтьева ; под ред. Е. Л. Березович. — 2-е изд., стер. — Москва : Флинта, 2014. — 272 с. — ISBN 978-5-9765-1867-4.

16. Маслова В. А. Культурные коды как путь описания взаимодействия языка и культуры / В. А. Маслова // Коммуникативное пространство. Информационное пространство. Культурное пространство. Коммуникативное пространство Беларуси : материалы Междунар. науч. конф., Минск, 22—23 декабря 2020 г. — Минск : МГЛУ, 2021. — С. 101—104.

17. Маслова В. А. Коды лингвокультуры : учеб. пособие / В. А. Маслова, М. В. Пименова. — 2-е изд., стер. — Москва : Флинта, 2016. — 181 с. — ISBN 978-5-9765-2702-7.

18. Михалин В. Ю. Мужские пространственно-ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции : автореферат диссертации ... доктора философских наук : 24.00.01 / В. Ю. Михалин. — Саратов, 2004. — 32 с.

19. Савицкий В. М. Культурные и лингвокультурные коды : теоретический обзор / В. М. Савицкий, Е. В. Черкасова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Philology. Theory & Practice. — 2023. — Т. 16. — Выпуск 12. — С. 4351—4358. — DOI: 10.30853/phil20230660.

20. Симбирцева Н. А. Код культуры как культурологическая категория / Н. А. Симбирцева // Знание. Понимание. Умение. — 2016. — № 1. — С. 157—167.

21. Худoley Н. В. Классический текст культуры как система коммуникативного кодирования : автореферат диссертации ... кандидата культурологии : 24.00.01 / Н. В. Худoley. — Улан-Удэ, 2016. — 23 с.

22. Чернейко Л. О. Понятия «проекция» и «проективный смысл» в терминосистеме когнитивной лингвистики / Л. О. Чернейко // Критика и семиотика. — 2019. — № 2. — С. 158—170.

23. Широкова Е. Н. Темпоральный код языка и его эмотивный субкод / Е. Н. Широкова. — Нижний Новгород : НГПУ им. К. Минина, 2010. — 192 с. — ISBN 978-5-85219-205-9.

Статья поступила в редакцию 19.11.2024,
одобрена после рецензирования 12.01.2025,
подготовлена к публикации 29.01.2025.

Material resources

- BES — Prokhorov, A. M. (ed.). (1993). *A large encyclopedic dictionary*. Moscow: Soviet Encyclopedia; St. Petersburg: Leningrad Gallery Foundation. 1628 p. (In Russ.).
- Kononenko, B. I. (2003). *A large explanatory dictionary of cultural studies = Cultural studies. A large explanatory dictionary*. Moscow: Veche: AST. 509 p. (In Russ.).
- Kovshova, M. L., Gudkov, D. B. (2018). *Dictionary of linguocultural terms. 2nd ed.* Moscow: Gnosis. 192 p. ISBN 978-5-94244-059-6. (In Russ.).
- MAS — Evgenieva, A. P. (ed.). (1999). *Dictionary of the Russian language: in 4 volumes*. Saint Petersburg: Russian Language, Moscow; Polygraph Resources. (In Russ.).
- NFE — Stepin, V. S. (ed.). (2010). *New Philosophical Encyclopedia: in 4 volumes, 2*. Moscow: Mysl. 634 p. ISBN 978-2-244-01117-3. (In Russ.).
- NKRYa — (= *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka*) *Russian National Corpus*. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 10.09.2024). (In Russ.).
- Stepanov, Yu. S. (2001). *Constants: Dictionary of Russian Culture. 2nd ed., ispr. and add.* Moscow: Academic Project. 990 p. ISBN 5-8291-0007-X. (In Russ.).
- TSRYa — Ushakov, D. N. (ed.). (1935—1940). *Explanatory Dictionary of the Russian language: in 4 volumes*. Moscow: Soviet Encyclopedia: OGIZ. (In Russ.).

References

- Boldyreva, T. V. (2008). *Typology of cultural codes in L. N. Andreev's dramaturgy*. Author's abstract of PhD Diss. Samara. 19 p. (In Russ.).
- Buevich, A. A. (2014a). Code: the concept and its variants in the humanities. *Vesnik Mazyrskaya dzyarzhaynaga pedagogichnaga universiteta I. P. Shamyakina*, 2 (43): 90—95. (In Russ.).
- Buevich, A. A. (2014b). The code of culture through the prism of the conceptual metaphor “container”. In: *VIII Masherovsky readings: Proceedings of the international scientific and practical conference of students, postgraduates and young scientists*. Vitebsk: Vitebsk State University named after P. M. Masherov. 145—147. (In Russ.).
- Bukina, N. V. (2010). On the issue of methodology for the study of cultural codes. *Bulletin of the Buryat State University*, 14: 232—237. (In Russ.).
- Bukina, N. V. *Cultural codes as an element of cultural space*. Available at: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2007/20/moyanauka@list.ru.pdf (accessed 21.09.2024). (In Russ.).
- Cherneyko, L. O. (2019). The concepts of “projection” and “projective meaning” in the terminological system of cognitive linguistics. *Criticism and Semiotics*, 2: 158—170. (In Russ.).

- Drobyshev, A. V. (2024). The concept of “cultural code” as a universal methodological tool in the humanities. *Chelyabinsk Humanities*, 2 (67): 32—45. DOI: 10.47475/1999-5407-2024-67-2-32-45. (In Russ.).
- Gudova, M. Y., Yuan, M. (2022). The concept of “cultural code”: levels of meaning. *Intelligence. Innovation. Investment*, 4: 151—159. DOI: 10.25198/2077-7175-2022-4-151. (In Russ.).
- Izotova, N. N. (2020). On the question of reading the “cultural code” in linguoculturology. *Culture and Civilization*, 10 (4A): 5—11. DOI: 10.34670/AR.2020.42.95.001. (In Russ.).
- Izotova, N. N. (2022). *Codes of Japanese culture: ethnocultural specifics and axiological potential*. Doct. Diss. Moscow. 430 p. (In Russ.).
- Khudolei, N. V. (2016). *The classical text of culture as a system of communicative coding*. Author’s abstract of PhD Diss. Ulan-Ude. 23 p. (In Russ.).
- Klementieva, A. A. (2022). On the functioning of the term artificial intelligence in modern scientific and journalistic discourse. *The world of the Russian word*, 4: 14—23. DOI: 10.24412/1811-1629-2022-4-14-23. (In Russ.).
- Klementyeva, A. A. (2023). *Communicative and grammatical analysis of texts devoted to the problems of artificial intelligence*. PhD Diss. Moscow. 194 p. (In Russ.).
- Krasnykh, V. V. (2001). Codes and standards of culture (invitation to a conversation). In: *Language, consciousness, communication: Collection of articles*, 19. Moscow: MAKSS Press. 5—19. ISBN 5-317-00302-4. (In Russ.).
- Leontieva, T. V. (2014). *Human intelligence in the Russian linguistic picture of the world*. 2nd ed., ster. Moscow: Flinta. 272 p. ISBN 978-5-9765-1867-4. (In Russ.).
- Maslova, V. A. (2021). Cultural codes as a way of describing the interaction of language and culture. In: *Communicative space. Information space. Cultural space. The communicative space of Belarus: proceedings of the International Scientific Conference, Minsk, December 22—23, 2020*. Minsk: MGLU. 101—104. (In Russ.).
- Maslova, V. A., Pimenova, M. V. (2016). *Codes of linguoculture: textbook. manual*. 2nd ed., erased. Moscow: Flinta. 181 p. ISBN 978-5-9765-2702-7. (In Russ.).
- Mikhailin, V. Yu. (2004). *Male spatially oriented cultural codes in the Indo-European tradition*. Author’s abstract of Doct. Diss. Saratov. 32 p. (In Russ.).
- Savitsky, V. M., Cherkasova, E. V. (2023). Cultural and linguocultural codes: a theoretical review. *Philological Sciences. Questions of theory and practice. Philology. Theory & Practice*, 16 (12): 4351—4358. DOI: 10.30853/phil20230660. (In Russ.).
- Shirokova, E. N. (2010). *The temporal code of language and its emotive subcode*. Nizhny Novgorod: NGPU named after K. Minin. 192 p. ISBN 978-5-85219-205-9. (In Russ.).
- Simbirtseva, N. A. (2016). Cultural code as a cultural category. *Knowledge. Understanding. Ability*, 1: 157—167. (In Russ.).
- Zubko, G. V. (2004). *Problems of reconstruction of the fulbe cultural code (West Africa)*. Author’s abstract of Doct. Diss. Moscow. 54 p. (In Russ.).
- Zykova, I. V. (2017). *Metalanguage of linguoculturology: constants and variants*. Moscow: Gnosis. 752 p. ISBN 978-5-94244-056-5. (In Russ.).

*The article was submitted 19.11.2024;
approved after reviewing 12.01.2025;
accepted for publication 29.01.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(1), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Жура В. В. Лингвокультурная вариативность жанра медицинской выписки / В. В. Жура, И. Ю. Марковина // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 1. — С. 31—51. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-31-51.

Zhura, V. V., Markovina, I. Yu. (2025). Linguocultural Variability of Medical Discharge Genre. *Nauchnyi dialog*, 14 (1): 31-51. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-31-51. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Лингвокультурная вариативность жанра медицинской выписки

Жура Виктория Валентиновна

orcid.org/0000-0002-8128-701X

доктор филологических наук, доцент
доцент института лингвистики
и межкультурной коммуникации,
корреспондирующий автор
zhura_v_v@staff.sechenov.ru

Марковина Ирина Юрьевна

orcid.org/0000-0001-6940-9443

кандидат филологических наук,
профессор, директор института
лингвистики и межкультурной
коммуникации
markovina_i_yu@staff.sechenov.ru

Первый Московский государственный
медицинский университет
имени И. М. Сеченова
Министерства здравоохранения
Российской Федерации
(Сеченовский Университет)
(Москва, Россия)

Linguocultural Variability of Medical Discharge Genre

Viktoriya V. Zhura

orcid.org/0000-0002-8128-701X

Doctor of Philology, Associate Professor,
Institute of Linguistics
and Intercultural Communication,
corresponding author
zhura_v_v@staff.sechenov.ru

Irina Yu. Markovina

orcid.org/0000-0001-6940-9443

PhD in Philology, Professor,
Director of the Institute of Linguistics
and Intercultural Communication
markovina_i_yu@staff.sechenov.ru

I. M. Sechenov First Moscow State
Medical University
of the Ministry of Healthcare
of the Russian Federation
(Sechenovskiy University)
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Выполнен сопоставительный анализ жанровых характеристик медицинской выписки в русской и британской лингвокультурах. Актуальность работы заключается в недостаточной изученности жанров письменного медицинского дискурса, отсутствии данных о вариантах репрезентации задокументированного в реестре учетной документации шаблона выписки из медицинской карты амбулаторного, стационарного больного и их социокультурной специфике. Целью работы стало проведение сравнительного анализа медицинских выписок, составленных в русской и британской лингвокультурах, для установления их особенностей, внутрижанровых вариаций в рамках одной лингвокультуры и межкультурных сходств и различий. Применялись методы документоведческого анализа в сочетании с процедурами сравнительного, стилистического и интерпретативного анализа. Установлены значения ведущих жанрообразующих параметров изучаемого типа документов. Их анализ показал, что в рамках отечественной лингвокультуры внутрижанровая вариативность ассоциирована с модификацией таких параметров, как хронотоп, адресантно-адресатная ориентация, композиционно-структурные и языковые особенности. Межкультурная вариативность находит выражение на уровне композиционно-структурных и формально-содержательных различий, объективируемой модальности и адресата документов в сопоставляемых лингвокультурах. Полученные данные вносят вклад в теорию межкультурной профессиональной коммуникации и практику специального перевода.

Ключевые слова:

жанровая вариативность; лингвокультура; медицинская выписка; полиадресатность; моноадресатность; деперсонализация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study presents a comparative analysis of the genre characteristics of medical discharge documents within Russian and British linguistic culture. The relevance of this research stems from the insufficient exploration of written medical discourse genres, as well as the lack of data regarding variations in the representation of documented templates for outpatient and inpatient medical discharge records and their sociocultural specifics. The aim of this study is to conduct a comparative analysis of medical discharge documents produced in Russian and British linguistic cultures to identify their distinctive features, intra-genre variations within a single linguistic culture, and intercultural similarities and differences. Methodological approaches employed include document analysis combined with comparative, stylistic, and interpretative analysis procedures. The study establishes the implications of the key genre-forming parameters for the examined type of documents. The analysis reveals that, within the domestic linguistic culture, intra-genre variability is associated with modifications to such parameters as chronotope, producer-recipient orientation, compositional-structural characteristics, and linguistic features. Intercultural variability manifests itself in compositional-structural and formal-content-related differences, objective modality, and the intended audience of documents across the compared linguistic cultures. The findings contribute to the theory of intercultural professional communication and the practice of specialized translation.

Key words:

genre variability; linguistic culture; medical discharge; polyaddressivity; monoaddressivity; depersonalization.

УДК 811.161.1'42::61

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-31-51

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Лингвокультурная вариативность жанра медицинской выписки

© Жура В. В., Марковина И. Ю., 2025

1. Введение = Introduction

В последние десятилетия возрос интерес к медицинскому дискурсу в целом и письменному медицинскому дискурсу в частности. Это обусловлено появлением новых моделей взаимодействия врача и пациента, современной адаптацией принятых и описанных в медицинской литературе форматов устного и письменного общения в направлении большей включенности пациента в коммуникацию и новыми требованиями концепции глобального здоровья. В связи с этим можно упомянуть появление новых жанровых разновидностей, таких как информированное согласие, сочетающего в себе элементы устного, письменного и даже креолизированного текстов.

В силу своих структурно-содержательных особенностей письменный медицинский дискурс, представленный целым рядом документов, рассматривают как подстиль речи, сочетающий в себе элементы официально-делового и научного стилей речи [Ромашова, 2014, с. 127]. В современных публикациях изучен ряд аспектов медицинской документации, а именно: нормативно-правового [Еругина и др., 2013; Зингареева и др., 2021] и лингвистического [Киселева, 2019; Косицкая и др., 2018; Маджаева, 2016; Ромашова, 2016 и др.].

При этом зачастую исследование письменного медицинского дискурса ограничивается анализом письменного научного медицинского дискурса (научных статей [Макушева и др., 2014; Пахомова, 2019] либо научно-популярного письменного дискурса [Шамне и др., 2017]), и почти совсем не принимается во внимание институциональная разновидность профессиональной коммуникации, осуществляемой в рамках учреждений здравоохранения.

Наиболее активные исследования проводились в области отдельных жанров письменного дискурса, в частности истории болезни. В работах О. В. Ромашовой установлены формулярные и структурно-содержательные особенности данного жанра в диахроническом аспекте [Ромашова, 2016]. С. И. Маджаева выявила функции, реализуемые историей болез-

ни в письменном медицинском дискурсе [Маджаева, 2016, с. 147—152]. Ю. В. Рудова раскрыла, структурно-содержательные и лингвопрагматические характеристики еще одного жанра письменного медицинского дискурса — медицинского буклета, который относится к его научно-популярной разновидности [Рудова, 2008].

Однако, несмотря на то, что ученые-документоведы указывают на возможную неоднородность и разнообразие языковых средств при заполнении формуляров [Ахтамьянова, 2024], в лингвистических исследованиях письменного медицинского дискурса в фокусе внимания оказываются лишь стандартизированные аспекты плана выражения и содержания представляющих его документов [Еругина и др., 2013; Киселева, 2019; Ромашова, 2016], в то время как жанровая вариативность остается неизученной. До сих пор кроме истории болезни неисследованными остаются другие типы медицинских документов.

И, наконец, несмотря на актуальность, обусловленную ростом популярности программ медицинского туризма, усилением миграционных процессов во всем мире и, соответственно, тенденцией к глобализации подходов к оказанию медицинской помощи, в современных работах практически не представлены исследования межкультурных соответствий и различий в медицинских документах. Последние сводятся в основном к изучению особенностей перевода некоторых нормативных документов (например, клинических рекомендаций) [Гатина, 2021] либо трудностей при переводе [Шуингалиева и др., 2020]. Таким образом, отсутствуют работы, в которых освещается социокультурная специфика соположенных жанров письменного медицинского дискурса в различных лингвокультурах.

Приведенные выше положения свидетельствуют об актуальности исследования структурно-содержательных характеристик неизученных жанров рассматриваемого дискурса, в частности медицинской выписки, принятого в настоящей работе, а также установления внутрикультурной и межкультурной вариативности текстов данного типа. Новизна работы заключается в выборе не изученного ранее жанра письменного медицинского дискурса в качестве объекта исследования, в установлении социокультурно-специфических жанровых вариантов на основе компаративного межкультурного анализа.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Традиция изучения речевых жанров имеет долгую историю, восходя к работам М. М. Бахтина, предложившего дихотомию первичных (простых) и вторичных (сложных) жанров [Бахтин, 1996, с. 161—170]. В последние несколько десятилетий значительный вклад был внесен в развитие ряда по-

ложений теории речевых жанров. Дифференцирован статус речевых жанров в отношении с другими смежными лингвистическими понятиями, такими как коммуникативный жанр, речевой акт, стиль и речевое событие [Дементьев, 2010, с. 123—140; Кожина, 2021, с. 10—15]. Охарактеризован ряд новых жанровых разновидностей, в частности, разговор по душам, светская беседа, анекдот, характеристика, протокольная речь и др. [Дементьев, 2010; Драчук и др., 2015; Подзолкова, 2013 и др.]. Выделены жанрообразующие признаки [Карасик, 1998; Лазарева и др., 2013; Шмелева, 1997].

В нашей работе мы будем опираться на адаптированную учеными, изучающими жанр документов в контексте истории языка, модель Т. В. Шмелевой, согласно которой к конститутивным параметрам документного жанра относят выполняемую им функцию, адресантно-адресатную характеристику, характер транслируемой информации (фактуальная, концептуальная и подтекстовая), структуру, преобладающую модальность и хронотоп [Горбань и др., 2016, с. 184].

Целью данной работы явилось проведение сравнительного анализа выписок из медицинских карт больного, продуцируемых в русской и британской лингвокультурах, для установления их особенностей, обусловленных жанровыми требованиями, внутрижанровых вариаций в рамках одной лингвокультуры и межкультурных сходств и различий.

Материалом исследования послужили 57 бумажных и электронных выписок пациентов, прошедших лечение или обследование в российских клиниках, и 19 выписок пациентов, обращавшихся за медицинской помощью в британские клиники в период с 2007 по 2024 годы.

Для проведения исследования мы применяли описанный М. В. Косовой метод документоведческого анализа, который включал определение основной функции изучаемого жанра, его композиционно-содержательной структуры, речевой организации текста (совокупности используемых языковых и стилистических средств) и интерпретацию фактологического материала [Косова, 2016, с. 8—14]. Использование данного метода опиралось также на данные сравнительного, стилистического и интерпретативного анализа.

В данном исследовании мы рассматриваем медицинскую выписку как особый жанр письменного медицинского дискурса в связи с тем, что объединяемые в его рамках документы обладают целым рядом общих конститутивных признаков: особой коммуникативной функцией (информационно-кумулятивная), типизированным отправителем сообщения и адресатом (врач — пациент или врач — врач), хронотопом (медицинское учреждение, время завершения лечения / обследования пациента), трансляцией фактуальной информации, доминирующей объективной (реже субъективной) модальностью и общностью композиционно-содержательной и формаль-

ной структуры. Для обозначения последней часто используется термин *формуляр*, под которым подразумевают совокупность клишированных или принятых в данном документе словосочетаний и фраз, то есть стереотипных формул, которые позволяют реализовать специфическую для данного жанра коммуникативную цель [Косов, 2015, с. 95; Ромашова, 2014, с. 128]. Сюда же можно отнести структурно-стилистические особенности. Формуляр медицинской выписки представляет собой типовой шаблон, который наполняется конкретным содержанием [Киселева, 2019, с. 54].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Жанровые варианты медицинских выписок, используемые в российском здравоохранении

В современной российской и глобальной медицинской практике происходят радикальные изменения, касающиеся порядка документирования процесса взаимодействия врача и пациента и его результатов [Earnshaw et al., 2020]. Одним из основных жанров, функцией которого является протоколирование результатов оказания медицинской помощи с целью последующего информирования врачей и самого пациента, является выписка из медицинской карты пациента.

3.1.1. Выписка из медицинской карты амбулаторного больного

В отечественном здравоохранении шаблон медицинской выписки за протоколирован в Приказе Минздрава СССР от 04.10.80 (№ 1030), включен в реестр учетной документации, используемой в лечебно-профилактических учреждениях под кодовым номером 027/у *Выписка из медицинской карты амбулаторного, стационарного больного*. Как правило, она оформляется на типовом бланке, в колоннитулах которого указывается аффилиация и наименование лечебного учреждения, статистические коды документа и организации, а также номер формы и дата утверждения головной организацией.

Далее располагаются название и текст выписки, включающий наименование и адрес учреждения, в который она направляется, ФИО больного, его личные данные (дата рождения, адрес, место работы), даты прохождения лечения и диагнозы. Все пункты находятся в строгой пронумерованной последовательности.

Наибольшие отличия и отступления от данного жанрового формата характерны для амбулаторных выписок, которые выдаются в ходе консультативных приемов. Многие клиники, особенно негосударственные, используют бланки собственной разработки. Тот факт, что в амбулаторных условиях терапевтические вмешательства и обследования могут осуществляться в разном объеме, непосредственно влияет на характер и количе-

ство излагаемой фактуальной информации и ее рубрикацию. Как, правило, в колонтитулах могут опускаться описанные выше коды. Вместо этого указывается только название лечебного учреждения (*Сова: семья многопрофильных клиник*). Слово *Выписка* также может отсутствовать. Приводится дата приема и личная информация о пациенте (как правило, ФИО и дата рождения). Далее следуют разделы *Диагноз клинический* и *Результаты обследования*. При этом в представленном у нас материале эти разделы могут располагаться и в обратном порядке.

На лингвистическом уровне раздел *Диагноз* формализован в виде односоставных номинативных предложений с указанием кода заболевания (по международному классификатору болезней) либо аббревиатур (*острый бронхит с обструктивным синдромом. ДН 0; основной (J40), бронхит*). Блок *Результаты обследования*, хотя и имеет обязательный характер, заполняется кратко или подробно, в зависимости от проведенных вмешательств, например: *КТ ОГК 06.03.24 нет инфильтраций*.

Далее обязательно приводятся рекомендации врача по лечению заболевания. Заголовки для этой части также могут варьироваться и быть представлены как существительным или односоставным номинативным сочетанием (*Рекомендации; Медикаментозное лечение*), так и возвратным глаголом или страдательным причастием (*Рекомендуется; Рекомендовано*). В этом разделе перечисляются названия препаратов, дозировки и кратность приема. При изложении данной информации используется «телеграфный стиль», включающий принятые врачебные сокращения, символы и номинативные сочетания. Это обусловлено существующей в медицине традицией сокращать наименования лекарственных форм и путей введения при обязательном полном написании названий препаратов. В случае назначения ряда лекарств или обследований они нумеруются или выделяются красной строкой. Такая прагматическая особенность медицинской выписки обусловлена тем, что именно эта часть информации адресована пациенту и облегчает ее восприятие им. Фактор учета адресата обуславливает также, по нашему мнению, тот факт, что в настоящее время при наличии технических возможностей врачи предпочитают оформлять выписки в печатном / электронном виде, что повышает их «прозрачность» и понятность.

Рекомендовано:

- 1) *Раствор атровент 40 капель +3,0 мл физиологического раствора 0,9% через небулайзер 2р/д- 10 дней через 15 минут;*
- 2) *цефтриаксон по 1г 2 р/д в/м;*
- 3) *КТ ОГК натив, ОАк (раз), СРБ.*

Завершается амбулаторная выписка стандартно — подписью, указанием полного имени лечащего врача и личной печатью.

3.1.2. Выписка из медицинской карты стационарного больного

Выписка из карты стационарного больного имеет более детальный характер, наиболее полно отражая структурно-содержательные требования изучаемого жанра. При этом в представленных в нашей выборке документах встречаются как типовые формы, где в колонтитулах указываются аффилиация и название лечебного учреждения, выдаваемые, как правило, в крупных муниципальных учреждениях здравоохранения, так и собственные шаблоны, применяемые в небольших частных клиниках. В первом случае в начале предоставляются данные о ФИО пациента, его возрасте, адресе проживания. Далее идет информация о сроках лечения, названии отделения и больницы.

Следующий раздел, обозначенный словами *Диагноз, Полный диагноз, Клинический диагноз и сопутствующий диагноз* либо аббревиатурой *DS*, включает детальное описание основного и сопутствующих диагнозов. Как и в случае амбулаторной выписки, оно состоит из односоставных номинативных предложений терминологического характера и конвенциональных сокращений: *Хронический левосторонний сальпингоофорит. Наружный эндометриоз придатков матки. Спаечная болезнь м/таза.*

Последующие разделы, включающие информацию об обследовании и лечении, могут быть прорубрированы отдельно (*Течение заболевания, Результаты лабораторного исследования* (с выделением отдельных видов анализов), *Другие лабораторные исследования, Данные инструментальных исследований, Лечение*) или вводиться единым блоком под одним заголовком (*Краткий анамнез: диагностические исследования, течение болезни, проведенное лечение, состояние при поступлении, при выписке*).

Результаты анализов представлены либо в виде медицинских сокращений (*ОАК от 5.01.18 Le 8.9-10⁹, Hb 101*) с использованием греко-латинской номенклатуры, либо в виде готовых шаблонов табличного типа, перенесенных из протоколов исследований.

Текстовая часть составляется при описании течения заболевания, состояния пациента и проведенного лечения. Она может включать нарративы (*Поступила с жалобами на повышение t тела; Заболела остро, когда появился жидкий стул; обратилась в ГУЗ ВОДКИБ*) и описания (*Легочный рисунок сохранен; Видимые синусы свободны; в легких проводные хрипы*). Важной жанровой особенностью этого раздела выписок является деперсонализация, то есть отсутствие указания на референта (пациента или врача) обозначаемых пропозиций. Это обусловлено, во-первых, тенденцией к краткости и лаконичности медицинского дискурса. Во-вторых, элиминирование субъекто-объектных отношений из информационного континуума позволяет избежать субъективной модальности и повысить объективность и документальность содержания.

При описании лечения и рекомендаций, которые могут быть объединены в один блок либо приведены отдельно, используются преимущественно односоставные номинативные или причастные конструкции, реже полносоставные предложения со страдательными причастиями, сокращения и греко-латинские и медицинские клишированные выражения:

1) *курс п/воспалит. терапии (Гентамицин № 5 в/мат, метрогил, микросист);*

2) *выписана в удовлетворительном состоянии;*

3) *швы сняты на 5е сутки, заживление per primum.*

Рекомендательная часть, вводимая после подзаголовков *Рекомендовано, Рекомендации, Лечебные и трудовые рекомендации*, как и в случае амбулаторной выписки, перечисляет списочно с нумерацией или отступлениями препараты или рекомендации по образу жизни и дальнейшей диспансеризации для облегчения восприятия пациентом:

1) *Наблюдение участкового врача;*

2) *Диета;*

3) *Биопрепараты (2 нед.);*

4) *Ферменты (2 нед.).*

3.1.3. Выписной эпикриз

Внутрижанровой разновидностью медицинской выписки выступает эпикриз. В отличие от выписки из карты больного не существует установленного шаблона данного документа, выявленные в ходе его анализа особенности, о которых речь пойдет ниже, позволяют считать его жанровым вариантом медицинской выписки. Выделяют выписной, переводной, этапный, клинико-анатомический и посмертный эпикризы. Они могут отличаться объемом и содержанием излагаемой информации, но в целом имеют схожие структуру и тематические блоки.

Выписной эпикриз наиболее близок в композиционно-содержательном плане к типовому шаблону медицинской выписки. Тем не менее нами была установлена специфика этой внутрижанровой разновидности в российской лингвокультуре. Примечателен тот факт, что, несмотря на формально-структурное сходство эпикриза с амбулаторной и стационарной выписками (он также представлен отдельными тематическими блоками, обозначенными подзаголовками), отмечается большая вариативность при выборе названий разделов, что обусловлено отсутствием типовой формы этого документа в реестре медицинской документации. Личная информация в начале документа вводится не под кратким подзаголовком, а при помощи клишированного предложения *«Больная Иванова М, 1985 г.р., находилась / поступила в (название лечебного учреждения) с .. по (даты) (с диагнозом...)»*.

Далее могут использоваться следующие варианты обозначения отдельных блоков (*Диагноз / Основной диагноз / Клинический диагноз / DS*), что в целом характерно для всех видов медицинских выписок. В ряде случаев в выписной эпикриз включен раздел *Анамнез*, как правило, нехарактерный для выписок из амбулаторных и стационарных лечебных учреждений. В нем приводится информация об истории настоящего заболевания, реже — об истории жизни. В других случаях сведения о жалобах и состоянии при поступлении даются без подзаголовка после констатации диагноза или обозначаются как *Жалобы* или *При поступлении*. Анамнестическая информация представлена в виде нарративов об истории настоящего заболевания и истории жизни с «вкраплениями» чужой речи (пациента): *Заболеел остро..., рвота, боли в желудке, ночью стало хуже, вызвали скорую. Контакты с инфекционными больными отрицает. В семье все здоровы. Заболеел якобы после употребления в кафе несвежего пирога....* Появление «чужой речи» свидетельствует о том, что пациент может быть имплицитно включен в составление медицинского эпикриза. В данном примере отражены позиции врача и частично пациента, последняя из которых может манифестироваться проявлением субъективной модальности (*якобы*).

При описании симптоматики широко используются односоставные номинативные предложения, а также полносоставные нераспространенные предложения, что отличает данный жанровый вариант от амбулаторной выписки: *Рефлексы с истощением. Дыхание пуэрильное. Кожные покровы розовые, шелушатся*. Предложения, как правило, короткие и включают одну пропозицию: *Тоны сердца ритмичные*.

Далее следуют разделы *Проведенное обследование / Обследование / Данные обследования, Проведенное лечение / Лечение и Рекомендовано / Рекомендации*.

При представлении выписного эпикриза в электронном и печатном формате широко используются графические средства выделения подзаголовков тематических блоков и наиболее значимых семантических фрагментов:

ДАННЫЕ ОБСЛЕДОВАНИЯ:

29.12.16 Общий анализ мочи: *цвет с/желт., отн. пл-ть 1021, белок отр., эритро.*

В целом для разделов *Обследование* и *Лечение* свойственны те же особенности, что и для стационарных выписок: телеграфный стиль, стандартные принятые сокращения:

(У/з ингаляции с мин. водой. Актовегин в/м № 10. Элфорез на ш/о № 10).

Не выявлены отличия от амбулаторных и стационарных выписок в блоке *Рекомендации*.

3.2. Сопоставительный анализ жанровых вариантов медицинских выписок, используемых в здравоохранении Великобритании и России

В связи с ограниченным материалом, включающим медицинские выписки на английском языке, мы изучали в основном выписки стационарных пациентов. Как правило, их именуют либо *Discharge Summary*, либо *Clinical Abstract* (Выписка из истории болезни). В британских документах данного жанра могут использоваться следующие тематические блоки: информация о пациенте (*Patient details*), сведения о враче общей практики (*GP details*), информация о больнице, в которой находился пациент (*Hospital details*), при этом упоминается лечащий врач, отделение, даты и длительность пребывания, маршрутизация после выписки. Важными блоками являются следующие: клинические данные (*Clinical details*), включающие данные анамнеза и осмотра (*History and examination findings*), результаты обследований (*Investigations*), диагностическая информация (*Diagnosis*), ведение больного (*Management*), возникающие осложнения (*Complications*), проведенные процедуры (*Procedures*), последующее лечение и наблюдение (*Future management*), применяемые препараты (*Medications*), аллергические и побочные реакции (*Allergies and adverse reactions*), информация для пациента (*Information for the patient*) и данные о враче, подготовившем выписку [Earnshaw et al., 2020; Ge et al., 2022; Weetman, 2021]. Тем не менее в фактических выписках используются не все представленные блоки, а лишь те, которые применимы к конкретному клиническому случаю.

Обращает на себя внимание тот факт, что в колонтитулах выписок из стационаров, как и в случае отечественных документов, указывается название лечебного учреждения, его адрес и реже аффилиация:

BMJ The Blackheart Hospital
40-42 Lee Terrace Blackheath London SE3 9UD

Далее следует информация о враче общей практики, выдавшем направление на лечение в стационар, названии его клиники и ее адресе:

Dr C G Sriwardhana
Bromley Common Practice
Crown Medical Centre
3 Mackintosh Street Bromley Kent BR2 9GT

Информация о пациенте обычно дается после сокращения **Re:** которое обозначает, что данный документ является ответом на выданное врачом общей практики направление на лечение и адресован ему. Приводится полное имя пациента с принятым обращением (Mr / Mrs / Ms), дата рождения и его адрес:

RE: Mrs Jane Smith — DOB 21/11/1987
32 Hearthfield Road, Keston, Kent BR2 6BG

Подробная информация о враче первичного звена может отсутствовать, но, как правило, присутствует формальное обращение к нему, так как после лечения пациент обычно направляется под наблюдение своего участкового врача: *Dear Dr Sriwardhana; Dear Dr. Simpson.*

Далее следует основной текст письма, который может быть прорубрикован, как было указано ранее, например: *Presenting Complaint, Clinical Findings, Investigations, Diagnosis, Treatment, Follow Up*, — а в других случаях носит менее формальный характер.

Во вступительной части, как и в российских выписках, используются стереотипные формулы типа: *The patient presented to this department with... on April 20th 2022 12.30* // Пациент обратился в это отделение с (жалобами) 20 апреля 2022 в 12.30.

Жалобы пациента в разделе *Presenting Complaint* (Жалобы при обращении), как и в документах данного жанра в русском языке, представлены краткими односоставными предложениями, сопровождаемыми нарративными включениями: *Left ankle injury (following an inversion while playing football yesterday)* // Травма левого голеностопного сустава (в результате вывиха во время вчерашней игры в футбол).

В разделе *History of Present Illness* анамнестическая информация представлена в виде нарратива: *Several months later, she developed an abdominal lesion recurrence and was treated with further radiation therapy. Then, she continued showing no evidence of the disease for many years until recently* // Несколько месяцев спустя у нее возник рецидив абдоминальной опухоли, и она прошла курс дальнейшей радиотерапии. Впоследствии у нее отсутствовали признаки заболевания в течение ряда лет до недавнего времени. В нем события представлены в хронологической последовательности полносоставными предложениями в прошедшем времени. Обращает на себя внимание тот факт, что в представленных нарративах есть указание на пациента, то есть происходит их персонализация (*she*).

Однако при описании результатов клинического обследования может наблюдаться деперсонализация, акцент делается на явлениях патофизиологического характера, что на вербальном уровне представлено краткими номинативными предложениями (*Gross swelling and extensive lateral bruising* // Сильный отек и обширная гематома сбоку), эллиптическими конструкциями, в которых вместо сказуемого используется причастие (*No neurovascular deficit identified* // Нейроваскулярная недостаточность не обнаружена) либо опускается подлежащее (*can demonstrate weight bearing in the department* // может продемонстрировать перенос веса тела на больную ногу в отделении).

В разделе *Investigations* (обследование) обозначают тип исследования и полученные результаты, используя медицинскую терминологию, в том числе и греко-латинского происхождения, высказывания оформляются в виде односоставных номинативных предложений:

MRI SCAN:

1. *Moderate lateral patellofemoral changes* (Умеренные латеральные изменения в надколенно-бедренной области).
2. *Posteromedial meniscal capsular sprain* (Засрединное растяжение капсулы мениска).

Следующий блок *Diagnosis* приводит диагностическую информацию (*Malignant neoplasm of female breast // Злокачественное образование молочной железы*) и соответствует тенденции представления диагнозов при помощи кратких односоставных номинативных терминологических сочетаний, выражающих одну пропозицию.

При описании лечения также используются эллиптические и односоставные предложения, медицинские сокращения, элиминируются субъект и объект лечения: *ROM exercises of associated joints provided* (Упражнения на увеличение диапазона движения пораженных суставов проведены). *Prescribed naproxen EC 250mgs* (Прописан Напроксен ЕС 250мг).

Интересным представляется тот факт, что в выписках на английском языке отсутствует раздел рекомендаций, адресованных пациенту. Вместо этого распространенным является блок *Follow Up* (Последующее наблюдение), где содержатся рекомендации по проведению дальнейшего лечения или наблюдения врачу общей практики. Еще одним значительным различием является такая структурно-содержательная особенность, как наличие в них стереотипных формул прощания, характерных для деловой переписки: *Yours sincerely / truly, Nick Brown ENT consultant* (Искренне Ваш, Ник Браун, ЛОР-консультант).

Кроме того, выписки могут иметь менее формализованный характер в тех случаях, когда информация о прогрессировании, лечении заболевания и планах дальнейшего ведения пациента адресована специалисту первичного звена и представлена в виде текста-рассуждения, в котором присутствуют формулы вежливости и эмотивно-оценочные выражения субъективной модальности, непринятые в данном жанре в российской лингвокультуре: *There was a posteromedial capsular sprain which I think was causing medial knee pain when I saw her. Thankfully, this is now settling. I have not arranged a routine follow-up for her but would be happy to see her if the need arises.* (Обнаружено засрединное растяжение капсулы, которое, по моему мнению, и вызывало боль в центре колена, когда я осматривал пациента. К счастью, сейчас она проходит. Я не назначил

пациентке повторной консультации, но был бы рад принять ее в случае необходимости).

3.3. Результаты сопоставительного исследования медицинских выписок в русской и британской лингвокультурах

Результаты сопоставительного исследования различных вариантов медицинских выписок представлены в таблице.

4. Заключение = Conclusions

В ходе исследования различных вариантов медицинских выписок в русской и британской лингвокультурах были установлены основные конститутивные признаки данного жанра. Его функцией является актуальная на момент составления выписки трансляция диагностической информации, сведений о проведенных медицинских вмешательствах и последующем плане ведения заболевания.

Проведенное исследование показало, что в русской лингвокультуре все рассмотренные варианты медицинских выписок (амбулаторная, стационарная, выписной эпикриз) обладают полиадресатностью. Это обусловлено тем, что, во-первых, информация, особенно диагностического характера и о проведенном лечении, как правило, передается по месту постоянного наблюдения пациента либо другим медицинским специалистам. В то же время рекомендательный блок предназначен прежде всего для пациента с целью продолжения лечения и, как правило, прагматически ориентирован на него при помощи графических языковых средств. Для всех российских выписок характерна передача фактуальной клинической информации, поэтому используются средства усиления объективной модальности (деперсонализация текста). В выписном эпикризе наряду с доминирующей объективной модальностью может быть репрезентирована субъективная модальность в виде «чужой речи» пациента. В британской лингвокультуре выписка имеет моноадресатный характер, будучи предназначенной для врача, выдавшего направление на лечение. Это отражено в структуре и интенции рекомендательного раздела, личной адресованности выписки врачу общей практики и формульной части прощания в конце документа. Кроме того, в отличие от отечественных документов англоязычные варианты могут носить менее формализованный характер и наряду с объективной модальностью включать элементы субъективной модальности.

Характер передаваемой информации в документах данного жанра обусловлен особенностями концептуализации болезни в виде клинической картины течения заболевания. Она формируется при помощи целого ряда широких смысловых категорий, актуализируемых применительно к каждому конкретному случаю, а именно: этиологии, патогенеза, симптоматиче-

Таблица

Внутри- и межкультурная вариативность медицинской выписки

Амбулаторная выписка	Выписка из карты стационарного больного	Выписной эпикриз	Discharge summary / Clinical abstract
Структурно-композиционные особенности			
Компактная структура: название клиники, краткие личные данные пациента, разделы, представляющие диагноз, результаты обследования и рекомендации врача	Развернутая структура: название и аффилиация учреждения, подробные личные данные пациента, разделы, представляющие диагноз, течение заболевания, результаты исследований, описание лечения и рекомендаций.	Развернутая структура: текстовое клишированное представление личной информации, разделы, представляющие диагноз, анамнез или жалобы при поступлении, данные обследования, проведенное лечение и рекомендации.	Компактная / развернутая структура: название и аффилиация учреждения, информация о враче, направившем на лечение (его клиника и адрес), данные пациента (имя, обращение, дата рождения и адрес), обращение к участковому врачу, стандартные разделы, характерные для отечественных выписок, и культурно-специфические: рекомендации по следующему наблюдению участковому врачу, прощание.
Используемые языковые средства			
«Телеграфный стиль»: номинативные односоставные предложения, возвратные глаголы или страдательные причастия, аббревиатуры и принятые сокращения; деперсонализация (отсутствие указания на референта).	Сочетание «телеграфного стиля» с двусоставными предложениями и нарративами при описании течения заболевания и проведенного лечения; деперсонализация (отсутствие указания на референта); вариативность названий разделов.	Нарративы при представлении личной информации, аналитической информации; сочетание односоставных и двусоставных предложений, деперсонализация (отсутствие указания на референта). Наибольшая вариативность названий разделов по сравнению с другими вариантами.	Сочетание «телеграфного стиля» с нарративами (при представлении жалоб и анамнеза пациента), эллипсис. Деперсонализация и персонализированные предложения, стереотипные формулы приветствия и прощания, используемые в деловой переписке.

Окончание табл.

Лингвопрагматические средства и модальность			
Графические: рубрикация, нумерация. Объективная модальность (точная передача фактуальной информации).	Графические: рубрикация, нумерация, выделение значимой информации. Объективная модальность (точная передача фактуальной информации) с элементами субъективной модальности («чужая речь» пациента).	Графические: рубрикация, нумерация. Объективная модальность может сочетаться с элементами субъективной модальности (формулы вежливости, эмоционально-оценочные выражения)	
Адресатность документа			
Полиадресатность	Полиадресатность	Полиадресатность	Преимущественно моноадресатность

ских проявлений, методов диагностики и лечения, способов профилактики, возникающих осложнений. В случае медицинской выписки востребованной становится информация о симптоматике, проведенных и назначаемых далее диагностических и лечебных процедурах. Данный факт находит отражение в структуре медицинской выписки, где подобная информация представляется блочно под соответствующим заголовком. При этом в настоящее время наблюдаются вариации в порядке очередности приведения и подробности описания отдельных блоков. Структурирование выписок отмечено в обеих рассматриваемых лингвокультурах. Однако наблюдаются существенные различия в выборе отдельных разделов, их содержании и детализации не только в межкультурном аспекте, но и в рамках различных вариантов русской лингвокультуры.

Медицинскую выписку можно отнести к текстам нелинейного характера. Это связано с тем, что информация, при помощи которой комплектуются его различные разделы, формируется на основе других текстовых документов, например, медицинской карты пациента, результатов различных анализов и исследований, протоколов операций и других медицинских вмешательств и т. п. Таким образом, медицинская выписка может рассматриваться как своего рода гипертекст.

Показано, что для амбулаторных выписок характерно выражение пропозиций при помощи односоставных номинативных предложений, страдательных причастий, аббревиатур, принятых сокращений, греко-латинских элементов и стереотипных формул, озаглавливающих различные разделы. В стационарных выписках и выписных эпикризах наряду с этим используются двусоставные предложения, в которых отсутствует указание на референта (пациента / врача), и нарративные последовательности. Для британских выписок характерно сочетание односоставных предложений с нарративами, при этом последние могут быть персонализированы. Кроме того, их отличает использование стереотипных формул приветствия и прощания, свойственных деловой переписке.

Проведенное исследование продемонстрировало значительную внутри- и межкультурную вариативность жанра медицинской выписки в российской и британской лингвокультурах. Полученные новые данные могут найти применение в теории межкультурной коммуникации, а также практике специального перевода при подготовке медицинских переводчиков.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Литература

1. *Ахтамьянова Л. Ш.* Жанровая вариативность англоязычного технического дискурса / Л. Ш. Ахтамьянова // *Язык — текст — дискурс : функционально-семантический и структурный аспекты.* — Самара : [САМАРАМА], 2024. — С. 258—265. — ISBN 978-5-6051805-1-7.
2. *Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин. — Москва : Языки русской культуры, 1996. — С. 159—206.
3. *Галкина С. Ф.* Институциональный медицинский текст : опыт лингвистического анализа / С. Ф. Галкина // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* — 2017. — № 12 (78). — Ч. 2. — С. 86—90.
4. *Гатина А. О.* Лингвистические особенности медицинской документации на английском и русском языках (на материале клинических рекомендаций) / О. А. Гатина // *Молодой ученый.* — 2021. — № 21 (363). — С. 435—437.
5. *Горбань О. А.* Жанровые особенности войсковых грамот середины XVIII в. (по материалам архивного фонда «Михайловский станичный атаман») / О. А. Горбань, Е. Ю. Ильинова, М. В. Косова // *Известия Уральского федерального университета. Серия 2, Гуманитарные науки.* — 2016. — Т. 18. — № 4 (157). — С. 182—199. — DOI: 10.15826/izv2.2016.18.4.074.
6. *Дементьев В. В.* Теория речевых жанров / В. В. Дементьев. — Москва : Знак, 2010. — 600 с.
7. *Драчук Н. В.* Характеристика как жанр официально-делового стиля / Н. В. Драчук, Т. В. Черницына // *Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). Филологические науки.* — 2015. — № 4 (13). — С. 44—47.
8. *Еругина М. В.* Исследование практики оформления медицинской документации / М. В. Еругина, Г. Ю. Сазанова, Е. М. Долгова, Н. В. Абызова // *Бюллетень медицинских интернет-конференций.* — 2013. — Т. 3. — № 1. — С. 1117—1119.
9. *Зингареева Г. Г.* Медицинская документация как элемент системы управления качеством медицинской помощи / Г. Г. Зингареева, О. И. Королева, Д. К. Хусаинова // *Общественное здоровье и здравоохранение.* — 2021. — № 3 (71). — С. 24—28.
10. *Карасик В. И.* О категориях дискурса / В. И. Карасик // *Языковая личность : социолингвистические и эмотивные аспекты.* — Волгоград : Перемена, 1998. — С. 185—197.
11. *Киселева О. М.* Стандартизация медицинских документов как фактор, влияющий на особенности их перевода / О. М. Киселева // *Иностранные языки в высшей школе.* — 2019. — № 1 (48). — С. 50—63.
12. *Кожина М. Н.* Стиль и жанр : их вариативность, историческая изменчивость и соотношение / М. Н. Кожина // *Stylistyka.* — 2021. — Т. 8. — С. 5—36.
13. *Косицкая Ф. Л.* К вопросу о жанровой палитре медицинского дискурса / Ф. Л. Косицкая, М. В. Магюхина // *Вестник ТГПУ.* — 2018. — № 7 (196). — С. 44—45.
14. *Косов А. Г.* Понятие документного жанра в спецкурсе по историческому лингвокраеведению / А. Г. Косов // *Педагогический журнал Башкортостана.* — 2015. — № 5 (60). — С. 91—96.
15. *Косова М. В.* Метод документоведческого анализа в лингвистических исследованиях : содержание и цели / М. В. Косова // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание.* — 2016. — № 1. — С. 7—17. — DOI: 10.15688/jvsu2.2016.1.1.

16. Лазарева Н. В. «Речевой жанр» и подходы к его определению / Н. В. Лазарева, Л. П. Прохорова // Кемеровский государственный университет. — 2013. — Выпуск 4. — С. 230—234.
17. Маджаева С. И. Функции медицинского документа «история болезни» / С. Т. Маджаева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2016. — № 1 (30). — С. 147—152.
18. Макушева Ж. Н. Специфика медицинского дискурса на материале аутентичных текстов по специальности / Ж. Н. Макушева, М. Б. Ковалева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2014. — № 5 (35). — Ч. I. — С. 108—111.
19. Пахомова И. С. Специфика медицинского дискурса (на материале аутентичных текстов по нейрохирургии) / И. С. Пахомова // Филология и человек. — 2019. — № 3. — С. 158—165.
20. Подзолкова И. Р. Лингвостилистические и жанровые особенности официально-делового функционального стиля / И. Р. Подзолкова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2013. — № 14 (305). — С. 49—54.
21. Ромашова О. В. Жанрово-стилевая специфика медицинского документа (на материале медицинской карты стационарного больного) / О. В. Ромашова // Мир науки, культуры, образования. — 2014. — № 3 (48). — С. 12—129.
22. Ромашова О. В. Композиционно-содержательная и речевая организация медицинского документа : диахронический аспект (на материале истории болезни/медицинской карты стационарного больного : диссертация ... кандидата филологических наук : 05.25.02 / О. В. Ромашова. — Волгоград, 2016. — 157 с.
23. Рудова Ю. В. Буклет как жанр письменного медицинского дискурса / Ю. В. Рудова // Вестник ВолГУ. Серия 2, Языкознание. — 2008. — № 1 (7). — С. 110—115.
24. Шамне Н. Л. Научно-популярные медицинские интернет-издания на немецком языке : структурный и функциональный аспекты / Н. Л. Шамне, Е. В. Шишкина // Вестник ВолГУ. Серия 2, Языкознание. — 2017. — Т. 16. — № 2. — С. 143—151.
25. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра / Т. В. Шмелева // Жанры речи. — 1997. — Выпуск 1. — С. 88—98.
26. Шуингалиева Д. В. Особенности перевода медицинских текстов / Д. В. Шуингалиева, И. А. Кузнецова, Т. Г. Табакова // Успехи в химии и химической технологии. — 2020. — Т. XXXIV. — № 10. — С. 108—110.
27. Earnshaw Ch. H. Improving the quality of discharge summaries through a direct feedback system / Ch. H. Earnshaw, A. Pederson, J. Evans, T. Cross, O. Gaillemine, A. Vilches-Moraga // Future Healthcare Journal. — 2020. — Vol. 7 (2). — Pp. 149—154.
28. Ge J. A retrospective analysis of discharge summaries from a tertiary care hospital oncology unit : To assess compliance with the documentation of recommended discharge summary components/ J. Ge, A. Davis, A. Jain // Cancer Rep (Hoboken). — 2022. — Vol. 5 (2). — Pp. e1457.
29. Weetman K. What makes a “successful” or “unsuccessful” discharge letter? Hospital clinician and General Practitioner assessments of the quality of discharge letters / R. Weetman, R. Spencer, J. Dale, S. Schnurr // BMC Health Services Research. — 2021. — Vol. 2. — Pp. 1—16. — DOI: 10.1186/s12913-021-06345-z.

Статья поступила в редакцию 16.10.2024,
одобрена после рецензирования 09.12.2024,
подготовлена к публикации 10.01.2025.

References

- Akhtamyanova, L. S. (2024). Genre variability of English-language technical discourse. In: *Language — text — discourse: functional, semantic and structural aspects*. Samara: [SAMARAMA]. 258—265. ISBN 978-5-6051805-1-7. (In Russ.).
- Bakhtin, M. M. (1996). *The problem of speech genres*. Moscow: Languages of Russian Culture. 159—206. (In Russ.).
- Dementyev, V. V. (2010). *Theory of speech genres*. Moscow: Znak Publ. 600 p. (In Russ.).
- Drachuk, N. V., Chernitsyna, T. V. (2015). Characterization as a genre of official business style. *Eurasian Union of Scientists (EUU). Philological sciences*, 4 (13): 44-47. (In Russ.).
- Earnshaw, Ch. H., Pederson, A., Evans, J., Cross, T., Gaillemine, O., Vilches-Moraga, A. (2020). Improving the quality of discharge summaries through a direct feedback system. *Future Healthcare Journal*, 7 (2): 149—154.
- Galkina, S. F. (2017). Institutional medical text: experience of linguistic analysis. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 12 (78) / 2: 86—90. (In Russ.).
- Gatina, A. O. (2021). Linguistic features of medical documentation in English and Russian (based on clinical recommendations). *Young Scientist*, 21 (363): 435—437. (In Russ.).
- Ge, J., Davis, A., Jain, A. (2022). A retrospective analysis of discharge summaries from a tertiary care hospital oncology unit: To assess compliance with the documentation of recommended discharge summary components. *Cancer Rep (Hoboken)*, 5 (2): e1457.
- Gorban, O. A., Ilinova, E. Y., Kosova, M. V. (2016). Genre features of military letters of the middle of the XVIII century (based on the materials of the archive fund “Mikhailovsky stanichny ataman”). *Proceedings of the Ural Federal University. Series 2, Humanities*, 18 / 4 (157): 182—199. DOI: 10.15826/izv2.2016.18.4.074. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (1998). On the categories of discourse. In: *Linguistic personality: sociolinguistic and emotive aspects*. Volgograd: Peremena Publ. 185—197. (In Russ.).
- Kiseleva, O. M. (2019). Standardization of medical documents as a factor influencing the features of their translation. *Foreign languages in higher education*, 1 (48): 50—63. (In Russ.).
- Kositskaya, F. L., Matyukhina, M. V. (2018). On the issue of the genre palette of medical discourse. *Bulletin of TSPU*, 7 (196): 44—45. (In Russ.).
- Kosov, A. G. (2015). The concept of the documentary genre in a special course on historical linguistics. *Pedagogical Journal of Bashkortostan*, 5 (60): 91—96. (In Russ.).
- Kosova, M. V. (2016). The method of documentary analysis in linguistic research: content and goals. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2, Linguistics*, 1: 7—17. DOI: 10.15688/jvolsu2.2016.1.1. (In Russ.).
- Kozhina, M. N. (2021). Style and genre: their variability, historical variability and correlation. *Stylistyka*, 8: 5—36. (In Russ.).
- Lazareva, N. V., Prokhorova, L. P. (2013). “Speech genre” and approaches to its definition. *Kemerovo State University*, 4: 230—234. (In Russ.).
- Majaeva, S. I. (2016). Functions of the medical document “medical history”. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2, Linguistics*, 1 (30): 147—152. (In Russ.).
- Makusheva, J. N., Kovaleva, M. B. (2014). The specifics of medical discourse based on the material of authentic texts in the specialty. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 5 (35) / 1: 108—111. (In Russ.).

- Pakhomova, I. S. (2019). The specifics of medical discourse (based on authentic texts on neurosurgery). *Philology and man*, 3: 158—165. (In Russ.).
- Podzolkova, I. R. (2013). Linguistic stylistic and genre features of the official business functional style. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 14 (305): 49—54. (In Russ.).
- Romashova, O. V. (2014). Genre and style specifics of a medical document (based on the medical record of an inpatient patient). *The world of science, culture, and education*, 3 (48): 12—129. (In Russ.).
- Romashova, O. V. (2016). *Compositional, substantive and speech organization of a medical document: a diachronic aspect (based on the case history/medical record of an inpatient patient)*. PhD Diss. Volgograd. 157 p. (In Russ.).
- Rudova, Yu. V. (2008). Booklet as a genre of written medical discourse. *Bulletin of the Volga. Series 2, Linguistics*, 1 (7): 110—115. (In Russ.).
- Shamne, N. L., Shishkina, E. V. (2017). Popular scientific medical online publications in German: structural and functional aspects. *Bulletin of the Volga. Series 2, Linguistics*, 16 (2): 143—151. (In Russ.).
- Shmeleva, T. V. (1997). Model of the speech genre. *Genres of speech*, 1: 88—98. (In Russ.).
- Shuingalieva, D. V., Kuznetsova, I. A., Tabakova, T. G. (2020). Features of translation of medical texts. *Advances in chemistry and chemical technology, XXXIV (10)*: 108—110. (In Russ.).
- Weetman, K., Spencer, R., Dale, J., Schnurr, S. (2021). What makes a “successful” or “unsuccessful” discharge letter? Hospital clinician and General Practitioner assessments of the quality of discharge letters. *BMC Health Services Research*, 2: 1—16. DOI: 10.1186/s12913-021-06345-z.
- Yerugina, M. V., Sazanova, G. Yu., Dolgova, E. M., Abyzova, N. V. (2013). Investigation of the practice of registration of medical documentation. *Bulletin of medical Internet conferences*, 3 (1): 1117—1119. (In Russ.).
- Zingareeva, G. G., Koroleva, O. I., Khusainova, D. K. (2021). Medical documentation as an element of the quality management system of medical care. *Public health and healthcare*, 3 (71): 24—28. (In Russ.).

*The article was submitted 16.10.2024;
approved after reviewing 09.12.2024;
accepted for publication 10.01.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(1), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Краснопеева Е. С. Коммуникативные ситуации и сценарии в социотехнических контекстах отделов переводов промышленных предприятий / Е. С. Краснопеева, С. С. Краева // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 1. — С. 52—76. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-52-76.

Krasnopeyeva, E. S., Kraeva, S. S. (2025). Communicative Situations and Scenarios across Socio-technical Contexts of In-house Translation Departments at Industrial Enterprises. *Nauchnyi dialog*, 14 (1): 52-76. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-52-76. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Коммуникативные ситуации и сценарии в социотехнических контекстах отделов переводов промышленных предприятий

Краснопеева Екатерина Сергеевна

orcid.org/0000-0002-3503-1849

кандидат филологических наук,

доцент кафедры теории и
практики перевода;

старший научный сотрудник,

корреспондирующий автор

krasnopeyeva@gmail.com

Краева Светлана Сергеевна

orcid.org/0000-0002-2039-4022

кандидат филологических наук,

доцент кафедры теории и
практики перевода

kraeva.svetlana@gmail.com

Челябинский

государственный университет

(Челябинск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счёт гранта

Российского научного фонда

№ 23-28-10218,

<https://rscf.ru/project/23-28-10218/>,

и Челябинской области в Челябинском

государственном университете

Communicative Situations and Scenarios across Socio-technical Contexts of In-house Translation Departments at Industrial Enterprises

Ekaterina S. Krasnopeyeva

orcid.org/0000-0002-3503-1849

PhD in Philology,

Associate Professor, Department
of Translation Theory and Practice;

Senior Researcher,

corresponding author

krasnopeyeva@gmail.com

Svetlana S. Kraeva

orcid.org/0000-0002-2039-4022

PhD in Philology, Associate Professor,

Department of Translation

Theory and Practice

kraeva.svetlana@gmail.com

Chelyabinsk State University

(Chelyabinsk, Russia)

Acknowledgments:

This study was funded by the Russian
Science Foundation, Grant № 23-28-10218,

<https://rscf.ru/en/project/23-28-10218/>,

and the Chelyabinsk Region of the Russian

Federation, and was conducted

at Chelyabinsk State University

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлены результаты дескриптивного исследования на материале серии интервью (11 ч 37 мин) с переводчиками семи разнопрофильных предприятий Челябинской области. Изучен процесс принятия переводческих решений в условиях гибридизации технологически опосредованного и контактного взаимодействия. Цель — выявить общее и различное в коммуникативных ситуациях перевода и предложить категории, способствующие пониманию роли социотехнических контекстов в экспертной деятельности переводчика. Выполнен обзор исследований, системно применяющих положения акторно-сетевой теории (АСТ) для описания перевода-продукта в различных производственных цепочках. С применением положений скопос-теории и АСТ на базе интервью описано два типа сценариев взаимодействия переводчиков с акторами, в том числе технологическими, в разной степени оказывающими влияние на их деятельность на этапах определения скопоса, создания транслята и контроля качества. Высказывается предположение о том, что ключевой задачей индивидуальной информационной инфраструктуры переводческого отдела является снижение уровня неопределённости в процессе принятия переводческого решения. Показано, как переводчики посредством технологических и организационных решений выполняют «подстройку» среды для оптимизации экспертной деятельности. Обсуждаются некоторые рекомендации для повышения эффективности работы переводческих отделов промышленных предприятий.

Ключевые слова:

межъязыковая коммуникация; ситуация перевода; скопос-теория; цифровой перевод.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article presents a descriptive study based on a series of interviews (11 h 37 min) with translators at seven different enterprises located in the Chelyabinsk region, Russia. It focuses on translation decision-making processes in hybrid environments combining face-to-face and mediated interaction. The objective of this study is to identify the differences and similarities in the communicative situations described by the translators, and to establish categories to describe the ways socio-technical contexts affect the translators' expert actions. A review of studies that apply actor-network theory (ANT) to study translation workflows across diverse production contexts is presented. Drawing on Skopos theory and ANT, the authors identify two types of scenarios in translators' interactions with a variety of actors, including technologies that influence translation activity during skopos specification, target-text production, and quality control. The authors argue that the principal aim of the translation departments' individual information infrastructure is to mitigate uncertainty in the decision-making process. This study demonstrates how translators augment their work environment to optimize expert performance using technological and organizational solutions. Possible ways to enhance the efficiency of translation departments at industrial enterprises are discussed.

Key words:

interlanguage communication; translation situation; Skopos theory; digital translation.

Коммуникативные ситуации и сценарии в социотехнических контекстах отделов переводов промышленных предприятий

© Краснопеева Е. С., Краева С. С., 2025

1. Введение = Introduction

Стремительное развитие больших языковых моделей и повышение качества машинного перевода текстов общей тематики в последние годы вызывают интерес как исследователей [Dyomochkina et al., 2024], так и широкой аудиторией. Если в 1980-е функционалисты боролись со стереотипом о переводчике как «человеке с улицы, который купил словарь и пытается разбирать тексты, будто на уроке иностранного языка» (здесь и далее перевод наш. — Е. К., С. К.) [Snell-Hornby, 2006, p. 59], то в 2020-х формируется обыденное представление о переводе — механическом действии, выполняемом нажатием кнопки в приложении, а профессии присваивается статус «пенсионерки» [Атлас ..., 2015, с. 269].

Сложно отрицать, что перевод, как и многие другие профессиональные практики, сегодня зависим от технологических решений [O'Brien, 2022]. Однако опыт показывает, что возможности автоматизации переводческой деятельности в различных отраслях значительно варьируются. В связи с этим значимость обнаруживают методологические основания, позволяющие по-новому взглянуть на ситуативное измерение перевода. Изучение вопросов повышения эффективности командной работы, проблем качества, распределения ответственности за результат оказания услуги в аудиовизуальном переводе (АВП), локализации и иных производственных процессах требует обращения к свойствам социотехнических контекстов (см., например, [Ремхе, 2024; Чистова, 2024; Abdallah, 2011; Kim, 2022; Marshman, 2016; Risku et al., 2013; Risku et al., 2016]). Предполагаем, что дескриптивные исследования практики штатных переводческих служб организаций требуют аналогичных подходов.

В данной работе мы продолжаем описание результатов обработки интервью с переводчиками — специалистами предприятий Челябинской области [Краснопеева и др., 2023]. Опираясь на базовые скопос-теорети-

ческие основания и положения теории переводческой деятельности, мы рассматриваем возможности акторно-сетевой теории (АСТ) в приложении к изучению перевода. Цель исследования — выявить общее и различное в описываемых переводчиками коммуникативных ситуациях перевода и предложить категории, способствующие пониманию роли социотехнических контекстов в экспертной деятельности отделов переводов (ОП).

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

2.1. Скопос, задание и переводческое действие = Skopos, Brief, and Translatorial Action

Общая теория перевода Х. Фермеера, скопос-теория Х. Фермеера и К. Райс и теория переводческой деятельности Ю. Хольц-Мянттари (Translatorische Handlung, translatorial action) определили новый научный взгляд на перевод с оптикой и задачами, отличными от изначально сформированных прикладной лингвистикой.

Концепция Ю. Хольц-Мянттари выстроена на основе рефлексии практического опыта специального перевода. Переводчик в данной концепции — это *эксперт*, специализирующийся на «создании текстов как носителей намерения в совокупности с другими носителями для транскультурного переноса намерения» (цит. по [Прунч, 2015, с. 184]), которые выполняют «свою функцию в предполагаемой ситуации восприятия, ... преодолевая культурные барьеры, ... с целью коммуникативного управления кооперацией» [Там же, с. 182]. Переводческая деятельность, соответственно, подразумевает широкий набор *действий* для решения задач заказчика, которые «встраиваются» в кооперативную систему действий [Прунч, 2015, с. 182—184; Snell-Hornby, 2006, p. 57].

Скопос-теория, по Х. Фермееру, представляет собой частный компонент теории Ю. Хольц-Мянттари, моделирующий комплексное действие по созданию *транслята* (переводного текста, *translatum*) [Vermeer, 2012, p. 191]. Перевод выполняется на основе *исходного информационного материала* (Informationsangebot) и подразумевает создание имитации данного материала для функционирования в условиях новой культуры (цит. по [Snell-Hornby, 2006, p. 55]).

Первое правило в иерархии скопос-теории — транслят определяется *скопосом*, то есть его целью, задачей, функцией. Цель и способ выполнения любого переводческого действия, включая собственно перевод, согласуются с заказчиком (“*negotiated with the client who commissions the action*”) [Vermeer, 2012, p. 191]. Связующим звеном между абстрактным *скопосом* и его фактической реализацией выступает *переводческое* или *техническое задание* (TЗ, translation brief, commission).

ТЗ могут формировать ресурсы, эксплицитно указывающие на некоторый аспект скопоса (*skopos-related content / materials / systems*) [Calvo, 2018, p. 23—26]. Анализируя взаимосвязь современных форм ТЗ и отраслевых стандартов качества, Э. Кальво выделяет три типа скопосов: 1) полное отсутствие ТЗ и требований заказчика; 2) базовая информация — указание на цель перевода, сроки и стоимость; 3) комплексное ТЗ — многоаспектная инструкция по решению переводческих задач (lockit, translation kit) [Calvo, 2018, p. 23—26]. За счёт онлайн-коммуникации, вероятно, ТЗ может становиться как более простым для идентификации, так и, с учётом возможностей оперативной отправки новых и новых уточнений ТЗ переводчику, — более комплексным.

По словам К. Норд, эвристические инструменты функционального подхода — скопос, ТЗ, функциональные типологии текстов и др. — упрощают процесс принятия переводческого решения, снижая уровень *неопределённости* (uncertainty) [Nord, 2015, p. 29] — неотъемлемой характеристики процесса перевода.

В качестве одной из детерминант коммуникативных ситуаций перевода (КСП) с функциональных позиций осмысляются и *условия перевода*. А. Д. Швейцер рассматривает условия перевода как компонент детерминирующих сил, которые не всегда можно однозначно определить: степень детерминированности перевода находится в *континууме* [Швейцер, 2019, с. 64]. Современные типологии КСП учитывают большую часть условий, которые оказывают влияние на производство перевода. Так, по В. В. Сдобникову, специфику КСП определяют первичные параметры: роль инициатора перевода, цель перевода, характер отношения между субъектами коммуникации, условия осуществления речевой деятельности субъектов коммуникации; а также вторичные параметры: контакт коммуникантов, форма контакта и расположение коммуникантов [Сдобников, 2022, с. 72].

Функциональные подходы обладают достаточной гибкостью для трактовки свойств устного и письменного перевода — как процесса, так и результата — в различных профессиональных контекстах. Так, скопос-теоретические идеи развивают и уточняют коммуникативно-функциональный [Сдобников, 2022; Цвиллинг, 2009; Шамилов и др., 2019; Шамилов, 2023; Швейцер, 2019] и социопрагматический подходы [Митягина, 2017], из положений деятельностного определения перевода Ю. Хольц-Мянттари отчасти исходят когнитивно-ситуативный и социокогнитивный подходы [Risku et al., 2013]. Как не раз отмечалось (см., например [Risku, 2023]), именно функционализм и дескриптивизм открыли возможность полноценной интеграции социального и материального измерений в исследования перевода.

Ограничением функциональных моделей, созданных на базе анализа профессиональной переводческой практики, остаётся презумпция определённой социальной роли переводчика и экспертности переводческого действия. Как отмечают Х. Дам и К. Сетсен, скопос-теория — это «всё же идеальная версия того, как должна выглядеть практика перевода» [Dam et al., 2014, p. 276]. В условиях платформенной экономики, при работе в распределённых командах в условиях констелляций «заказчик → компания-посредник 1 → компания-посредник 2 → фрилансер 1 + ... + фрилансер N» [Abdallah et al., 2007; Abdallah, 2011], у переводчика зачастую нет возможности полноценно выполнять экспертную функцию. Соответственно, от рассуждения о том, что переводчик *должен* учитывать в определённых условиях, исследователю необходимо перейти к описанию ограничений и возможностей социотехнических контекстов переводческой деятельности. Решению подобной задачи способствует обращение к концептуальному аппарату АСТ.

2.2. Перевод-процесс и транслят: акторы, сети и «чёрные ящики» = Translation Process and Translatum: Actors, Networks, and Black Boxes

В АСТ понятие *сети* применимо там, где происходит распределение действия [Latour, 2011]. Каждый *актор* представляет собой сеть (*актор-сеть*), раскрыть которую, то есть «картировать» распределение действия, призваны инструменты АСТ.

В соответствии с принципом *обобщенной симметрии*, в качестве акторов могут предстать как одушевлённые, так и неодушевлённые сущности, «нечеловеки» (human and non-human actors) — *артефакты*, а также «вписываемые» в сеть *идеи* — «записи», или скрипты (inscriptions), способствующие стабилизации сети [Латур, 2020]. Актор-сеть — одновременно и динамический процесс переговоров, и результат — «ситуация, в которой одни сущности контролируют другие» [Каллон, 2015, с. 228]. Основной принцип формирования сети в АСТ — *перевод*^{*1}, «механизм, с помощью которого принимают форму социальные и природные миры» [Там же]. Процесс *перевода*^{*} начинается с фазы *проблематизации*, в ходе которой одни акторы определяют себя в качестве *primum movens* — идентифицируют задачу и планируют её решение. За проблематизацией следуют нелинейные фазы или моменты «*заинтересовывания*», *вербовки* и *мобилизации* «союзников» и их представителей [Каллон, 2015]. В рамках каждой фазы можно зафиксировать набор акторов (freeze frame) и отследить, как происходят процессы «переговоров», как акторы «соревнуются» (competing actors), выполняется проход через обязательные переходные точки (ОПТ),

1 В тексте статьи для разграничения межнаучных терминологических омонимов термин из терминосистемы АСТ будет обозначаться курсивом и звёздочкой — *перевод*^{*}.

как наступает кооперация всех элементов сети и её стабилизация [Каллон, 2015]. Когда силы в сети находятся в состоянии устойчивого равновесного противодействия — «*машинерии*», «множество элементов работают как один, и настолько предсказуемо, что нам необязательно знать принцип их сборки и сцепки», она сворачивается в систему союзов — «*чёрный ящик*» (black box) [Хархордин, 2021, с. 29—30].

Перевод-результат можно рассматривать как функцию динамической, обширной и не ограниченной временем и пространством сети, в которой акторы оказывают взаимное влияние и постоянно поддерживают кооперацию. Начальной точкой изучения акторно-сетевой природы перевода могут становиться как текст перевода, так и отдельные компоненты производственной цепочки, в которой он создаётся.

Так, в исследованиях Лю Венянь показано, как вне времени и пространства формируется актор-сеть перевода классического китайского романа У Чэньэня «Путешествие на Запад» на английский язык. На основе анализа писем и других архивных материалов описывается 200 *переводов** действия, из которых непосредственно перевод как факт создания транслята — всего один. Выделяются десятки акторов, среди которых письма, предисловия, ранее опубликованные переводы, издатели, художники-иллюстраторы, печатный станок и др., но сеть ограничивается теми, которые оказали непосредственное влияние на перевод (*translation actors*) [Luo, 2018]. К. Абдалла с применением АСТ иллюстрирует трансформацию рынка АВП в Европе на примере тендера на перевод субтитров [Abdallah, 2011]. «Разворачивается» комплексная цепочка *переводов**, демонстрирующая полную бесправность и периферийную позицию переводчиков в сети производства, сложность реализации их экспертной функции, а также конфликт ожиданий подрядчика (обанкротившегося бюро переводов), ожиданий заказчика (телеканала) и вузовских учебных программ (студентов-переводчиков на фрилансе). Ким Чонён [Kim, 2022], комбинируя скопос-теоретический подход и принцип обобщённой симметрии АСТ, описывает формирование актор-сети на этапах подготовки, перевода, тестирования, публикации и обновления мобильной игры, в которой ключевым актором становится издатель. Автор указывает на значительную взаимосвязь процессов перевода игрового текста, описаний приложения и маркетинговых материалов, а также на недостаточную изученность этапа формирования ТЗ и подготовки к переводу в новых технологических контекстах (ср. новая категория *переводческого дизайна* Е. В. Чисовой [Чисова, 2024]).

Таким образом, ключевое преимущество АСТ — возможность описать кооперацию с объектами и «вложенными» в них действиями, отражаю-

щими интересы различных акторов, например, проследить, предшествует ли экспертному действию переводчика распределение задач со стороны руководителя отдела или техническая обработка файла, его сегментация. Собственно процесс создания транслята также можно рассматривать с позиций вложенных фаз действия, которые могут формально совпадать с традиционными функциональными схемами процесса перевода. В нашем исследовании акцент делается на роли в деятельности переводчика-эксперта индивидуальной информационной инфраструктуры — *цифровой сборки* (digital assemblage) отделов переводов (см. обзор в [Краснопеева и др., 2023, с. 170]).

В 2023—2024 годах проведена серия интервью с сотрудниками штатных отделов переводов и внешнеэкономической деятельности (ВЭД) семи разнопрофильных предприятий Челябинской области. Общая длительность собранного аудиоматериала составила 11 ч 37 мин. В интервью приняли участие восемь переводчиков из Челябинска, Магнитогорска и Южноуральска — представители некоммерческого предприятия, технологической компании, а также пяти производственных предприятий (специализация — металлургия, изоляторы и линейная арматура; трубопроводная арматура; оборудование для транспортно-погрузочных работ). Рабочие языки респондентов: русский, английский, немецкий, французский, китайский. В данной статье мы рассматриваем интервью с экспертами, обладающими значительным опытом работы в условиях производственных предприятий (ОП2—ОП6 в табл. 1).

Ранее на материале интервью ОП4 мы апробировали основанный на положениях АСТ метод визуально-сетевого анализа [Descuypere, 2020], а также указали на потенциал применения функционального подхода и констелляционной модели М. Я. Цвиллинга [Цвиллинг, 2009] для учёта материальной составляющей коммуникации при моделировании процесса перевода в условиях ОП предприятия [Краснопеева и др., 2023].

Как следует из табл. 1, набор типичных КСП ОП2—ОП6 практически идентичен: это ситуации *специального перевода* (см. [Шамилов и др., 2019; Шамилов, 2023]). Специфику каждого отдельно взятого процесса перевода будут определять конкретные значения параметров КСП. При этом мы можем наблюдать и их некоторые общие свойства. Жанры переводимых текстов, цели коммуникантов и цель перевода совпадают для всех ОП: создаётся такой информационный продукт, который может выполнять задачу в условиях определённого производственного процесса. Перевод в указанных ситуациях инициируется заказчиком — представителем отдела предприятия (инженерного, экономического, юридического, финансового и др.): либо сотрудником, которому перевод необходим,

Таблица 1

Table 1

Характеристика предприятий, отделов переводов, их информационной инфраструктуры и типичных ситуаций перевода

Enterprises, translation departments, their information infrastructures, and typical translation situations

Код ОП и тип сценария	Характеристика предприятия	Сотрудники ОП	Коммуникативные ситуации с использованием перевода (условное наименование)
ОП1 (А)	Крупная некоммерческая организация	3 штатных переводчика, руководитель — переводчик, 20 фрилансеров	Официальные встречи, переговоры, переводческое сопровождение; перевод документации; перевод специальных текстов.
ОП2 (А)	Группа производственных предприятий	5 штатных переводчиков, руководитель — переводчик	Официальные встречи, переговоры, переводческое сопровождение; шеф-монтаж; перевод документации; перевод специальных текстов.
ОП3 (А)	Группа производственных предприятий	7 штатных переводчиков, руководитель — управленец	Официальные встречи, переговоры, переводческое сопровождение; шеф-монтаж; перевод документации; перевод специальных текстов.
ОП4 (АВ)	Среднее коммерческое предприятие	1 штатный переводчик, руководитель — переводчик	Переговоры; перевод документации; перевод специальных текстов.
ОП5 (В)	Крупное производственное предприятие	2 штатных переводчика, руководитель — управленец	Официальные встречи, переговоры, переводческое сопровождение; шеф-монтаж; перевод документации; перевод специальных текстов.
ОП6 (В)	Среднее производственное предприятие	1 переводчик	Официальные встречи, переговоры, переводческое сопровождение; шеф-монтаж; перевод документации; перевод специальных текстов.
ОП7 (В)	Малое предприятие (технологическая компания)	1 переводчик, 1 руководитель	Перевод технической документации (специальных малоформатных текстов).

либо посредником — менеджером, который отвечает за взаимодействие с ОП. Несмотря на схожесть указанных параметров, коллективы и индивидуальные переводчики по-разному структурируют рабочие процессы внутри отдела, сталкиваются с разными проблемами и находят разные пути их решения.

Типичная индивидуальная информационная инфраструктура ОП (табл. 2) включает средства коммуникации внутри отдела и с заказчиком; системы хранения и нормы именования файлов и директорий; шаблоны документов; средства автоматизированного перевода; инструменты информационного поиска (Интернет, базы знаний, словари).

Таблица 2

Table 2

Информационные инфраструктуры и цифровые сборки ОП*
Information infrastructures and digital assemblages
of translation departments

Компоненты информационной инфраструктуры	Цифровая сборка в отделах						
	ОП1	ОП2	ОП3	ОП4	ОП5	ОП6	ОП7
Корпоративный мессенджер на рабочем компьютере и/или мобильном устройстве	+	+0	—	—	+!	—	+
Почтовый клиент: электронная почта подразделения, электронная почта исполнителя	+	+	+!	+	+	+	+
Система маркировки писем в почтовом клиенте	—	—	+!	+!	—	—	—
Система управления предприятием (ERP-система)	+	+	+0	—	—	+0	+
Сетевой диск	+	+0	+0	+!	+!	—	+
Система директорий на сетевом диске	+!	+*	—	+!	+!	+!	—
Журнал входящих заказов в табличной форме на сетевом диске	—	—	+!	+!	+!	—	—
Шаблоны типовых документов	+!	+!	+!	+!	+!	+!	+
Браузер (словари, поисковая система и иные ресурсы)	+!	+!	+!	+!	+!	+!	+!
Внутренняя платформа предприятия с архивом документов и стандартов	+	+	—	+	+	+	+

* В таблице используются условные обозначения: +/- — технология применяется / не применяется; ! — появилась по инициативе переводчиков; 0 — имеется в информационной инфраструктуре, но не используется; * — есть трудности или ограничения в использовании.

Окончание табл. 2

Компоненты информационной инфраструктуры	Цифровая сборка в отделах						
	ОП1	ОП2	ОП3	ОП4	ОП5	ОП6	ОП7
Текстовый редактор (MS Office или иная платформа), программа распознавания текста и работы с pdf (OCR)	+	+	+	+	+	+	+
Редакторы для специальных типов файлов (код, чертежи и пр.)	+	–	–	–	–	–	+
Десктопная программа автоматизированного перевода (CAT-программа)	–	–	+ ! *	+	+ !	–	–
Облачная платформа для управления переводом (TMS-платформа)	+ *	+ !	–	–	–	–	–
Базы ТМ в CAT/TMS	–	+ !	+ *	+ *	+	–	–
Программы для редактирования ТМ	–	+ !	–	–	–	–	–
Терминологические базы в CAT/TMS	–	+ !	–	+	+	–	–
Машинный перевод (общедоступный, в браузере)	+	+	+	+	+	+	+
Машинный перевод в CAT/TMS	+ *	+	–	+ *	+	–	–
Программы для вёрстки, в том числе специальных файловых форматов	+	+ !	+	+	+	+	+
Платформы, приложения, переговорные для дистанционного устного перевода	+	+	+	+	+	+	+

Рассмотрим примеры из интервью с переводчиками, опишем специфику КСП и цифровыхборок и обозначим, какие инновации в рабочем процессе инициируются самими экспертами.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

В ходе сравнения социотехнических контекстов предложена рабочая категория **сценария взаимодействия**, определяющего степень включённости переводчика в решение производственных задач предприятия. Семь рассмотренных ОП можно распределить на условной шкале, где с одной стороны будет расположен **сценарий А**, при котором переводческая служба существует достаточно обособленно и воспринимается заказчиком как инструмент решения производственной задачи, а переводчик-эксперт может повлиять на производственный процесс, только создавая транслят, решающий задачи заказчика (ОП2–ОП4) (ср. В ОП2: «Нам [переводчикам] практически запрещалось заниматься чем-то, кроме перевода»).

На противоположной стороне шкалы можно расположить **сценарий В**, при котором переводчик-эксперт (или коллектив экспертов) вовлечён в широкий круг трудовых действий, помимо собственно деятельности по созданию транслята. Например, переводчики выполняют документальное сопровождение делегаций, оформляют визы, приглашения и пр. (ОП6); ведут переписку с иноязычными партнёрами от имени компании, выполняют поиск информации для нужд проекта, осуществляют консультирование специалистов, занимаются оформлением документации на русском и иностранном языках и пр. (ср. В ОП5: «...выступаешь, как своего рода менеджер... на тебе и организационная, и подготовительная часть»).

В табл. 1 мы расположили ОП в порядке, соответствующем предложенной шкале. Сценарии работы переводческих отделов производственных предприятий (ОП2—ОП6), соответственно, оказываются распределёнными между двумя крайними точками: в терминологии потребностно-ориентированной типологии перевода [Шамилов, 2023], сценарий типа А, скорее, предполагает *конвенциональный* перевод, а сценарий типа В, ввиду погружённости переводчика в широкий производственный контекст, создаёт условия для выполнения *пекулярного* перевода, отвечающего специфическим ожиданиям и задачам заказчика.

Отличия двух условных типов сценариев могут проявляться также в организационных и эргономических аспектах: в сценариях типа А переводчики работают достаточно обособленно в отдельном кабинете (офисе, здании) и ведут коммуникацию с представителями других отделов по электронной почте и телефону (например, ОП3). В сценарии В переводческая служба — часть инженерного отдела, отделов делопроизводства, документационного обеспечения, ВЭД. Так, рабочее место переводчиков ОП5 и ОП4 находится в открытом офисном пространстве, у них есть возможность без труда лично обратиться к специалистам предприятия, сидящим рядом. Отметим, что выделенные рабочие категории сценариев следует рассматривать в континууме, поскольку даже в нашем материале наблюдаются комбинации указанных характеристик.

В двух типах сценариев ОП может выполнять проекты, подразумевающие решение взаимосвязанных задач устного и письменного перевода. Например, переводчик ОП2 описывает, как выполненный ранее перевод плана качества и чертежей используется им в ходе сопровождения зарубежного инспектора на испытаниях в цехе, а затем работа в цехе определяет решения в рамках письменного перевода протоколов испытаний. В таких случаях, вероятно, можно говорить о скопосе целого проекта — *скопосе гипертекста* по Ф. Пёххакеру (hypertext skopos) [Pöchhacker, 1995, p. 34—37], который определяет значимость технологических и организационных

решений, способствующих упрощению соблюдения межтекстовой когерентности внутри проекта.

Анализируя действия экспертов разных профилей, Д. Кирш отмечает, что в их рабочем пространстве постоянно выполняется (порой неосознанная) «подстройка» физического и информационного пространства (jigging the environment) для ограничения степеней свободы при принятии решения и повышения эффективности. *Экспертность* подразумевает отсутствие необходимости планирования решения стандартных задач. Благодаря опыту система восприятия эксперта определяет свойства ситуации, которые коррелируют с эффективным действием. Соответственно, специфика перцептивных категорий и структура информации в памяти эксперта может быть для новичка неочевидна [Kirsh, 1995].

Предполагаем, что если рассматривать перевод как процесс принятия решений в условиях неопределённости, то *социотехническая среда* может как **снижать уровень неопределённости**, тем самым способствовать эффективной работе переводчика-эксперта, так и, напротив, **повышать уровень неопределённости**, создавать дополнительные проблемы и требовать адаптации.

Как именно социотехническая среда снижает или повышает эффективность решения переводческих задач, на наш взгляд, необходимо описывать на трёх этапах: *при определении скопоса, в процессе собственно создания текста перевода и на этапе контроля качества решения переводческой задачи*. При этом нельзя рассматривать эти этапы как последовательные. Пока задача не решена, то есть транслят не произведён, процесс принятия решений будет подвержен влиянию всей сети. Проследим особенности влияния фактора социотехнического контекста в двух условных типах сценариев.

3.1. Сценарий А = Scenario A

Обращение в ОП определяется проблемой, для которой инициатор идентифицирует возможное решение (проблематизация № 1). В *сценарии А* для инициатора и ОП, и собственно, транслят — это «чёрный ящик», инструмент для обеспечения решения производственной задачи¹. Например, без завизированного документа на русском языке не может быть продолжена работа на производстве. В момент проблематизации в сети действуют заказчик, собственно ОП, клиент электронной почты или корпоративная ERP-система, электронное сообщение с информацией об отправителе и (потенциально) задачах, вложенный в письмо исходный текст (ИТ) или заявка на устный перевод. У ОП, в отличие от фрилансера,

1 Приоткрывается завеса тайны «механики» ОП при устном сопровождении проекта: переводчик буквально становится видимым для заказчика.

нет возможности отказаться от заказа, поэтому он сразу мобилизуется и становится частью динамической сети, обеспечить «баланс сил» в которой — задача переводчика-эксперта. Переводчики говорят об общей ответственности¹ ОП за создание и возможность функционирования транслята в новых условиях.

В зависимости от того, как именно ИТ поступает в отдел, и того, есть ли решение, опосредующее распределение задач в ОП, формируется коалиция акторов для выполнения переводческой задачи. На этом этапе важность приобретают средства коммуникации и сопроводительные материалы (*skopos-related materials* [Calvo, 2018]), определяется скопос. Так, формирование ТЗ в ОП2 происходит с применением ERP-системы: «...*каждый отдел [предприятия] может написать заявку [в системе], отправить файл. ...Можно и через электронную почту, но ...всех “приучали” ...Это решение [начальника]*». Внутренняя система доступна только начальнику отдела (также переводчику), который предпочитает распределять задачи исполнителям по электронной почте, снабжая ИТ подробным ТЗ. Значительная ответственность за контроль работ в этом случае ложится на начальника отдела.

В ОП3, напротив, начальник, не имеющий опыта перевода, не участвует в распределении задач. Отслеживание процессов происходит с использованием журнала входящих заказов — сетевого табличного файла. Для повышения эффективности работы ОП предложил руководству создать общий почтовый адрес отдела. По инициативе одного из переводчиков для структурирования поступающих на адрес ОП заказов введена система маркировки — цветовые и буквенные обозначения в клиенте электронной почты для распределения писем: «...*когда задание “падает” на ящик, ...мы ставим красный маркер... Если это задание кто-то берёт, он ставит маркер жёлтый ...и добавляет маркер начальной буквы своей фамилии... можно видеть, что это письмо в работе. ...Когда работа выполнена, мы ставим зелёный. ...Это светофор, да, своеобразный. Так решили ... есть и отдельный маркер — устный перевод*». Схожая система маркировки используется в ОП4.

Поскольку переводчики ОП3 работают в одном кабинете, устное согласование порядка выполнения работ и сроков — предпочитаемый способ организации работы в коллективе (аналогично в ОП2, но после получения ТЗ от начальника). «*Мы 20 лет работаем, все всё знают*»: опыт позволяет выполнять распределение задач по приоритетам. ТЗ зачастую

1 Именно поэтому, вероятно, сложно представить себе ситуацию, где работу на переговорах по заключению контракта или перевод технического задания делегируют не-человеку, то есть системе машинного перевода, как письменного, так и устного.

уточняются при анализе цепочек писем в архиве электронной почты, а также при необходимости — по телефону («...отметил [маркером], что [задача] находится у меня в работе, и ... за полдня её сделал... [заказчик] — ключевой специалист [на предприятии]... Он знает меня лично, а я — его, мы ездили в командировки... Я сдал перевод этому человеку, он мне, ... написал “спасибо” ...и пустил эту бумажку в работу... я так думаю, в бухгалтерию»).

Соответственно, снижению неопределённости на этапе определения скопоса могут способствовать технологические и организационные решения, обеспечивающие возможность быстрого определения ТЗ и его уточнения (например, система документооборота с шаблонами для заказчика; система маркировки писем; дополнительный этап контроля ТЗ со стороны руководителя отдела перед отправкой ИТ переводчику).

Определение скопоса, выявление ТЗ, выбор способов решения задачи определяют проблематизацию № 2. На этом этапе могут быть «мобилизованы» средства контроля рабочего процесса [Marshman, 2014] — инструменты систем автоматизированного перевода: среда для работы с двуязычным файлом (XLIFF), память переводов (ТМ), терминологическая база (ТВ), а также шаблоны документов в общей сетевой папке, база знаний (архив предприятия) и инструкции. Так, при использовании ТМ и ТВ компетенция «делегировается» технологии, в сети эти акторы выступают от имени руководителя отдела или коллег, ранее выполнивших перевод: снижается неопределённость за счёт ограничения возможности выбора варианта перевода, и осуществляется контроль качества. Однако по ряду причин использование этих инструментов может быть затруднено.

Ограничения при использовании средств автоматизации в ОП2 и ОП3 связаны со спецификой форматов и структур ИТ, поступающих на перевод (например, отсканированных документов, а также плохо структурированных текстовых файлов и таблиц): «...мы выучили очень хорошо, что за ними [программами OCR] надо “вычищать” то, что они распознавали, прежде чем загружать это в Smartcat, иначе мы в память отправим очень плохое качество сегментов... Иногда это занимало время, когда мы вернули документы. И самое главное, это не шло в объём работы» (ОП2). Как в ОП2, так и в ОП3 в качестве решения один ответственный специалист обрабатывает файл, готовит ИТ к переводу. Затем он распределяет задачи и загружает ИТ в облачную TMS (ОП2) или отправляет коллегам по электронной почте (ОП3), а на завершающем этапе объединяет файлы и готовит перевод к сдаче. Кроме того, в ОП2 регламентирована обязанность выполнять перевод восьми нормативных страниц в день, поэтому один из переводчиков предлагает решение: предварительно разбивать поступа-

ющие заказы на файлы объемом по восемь страниц, оставляя структуру файла и имена переводчиков в описании проекта: *«...когда мы в группе, я нередко на себя брал сдавать файл и [делать] вот эту разбивку ...сначала кажется, будто ...много работы беру, а на самом деле ... от этого получалось делать быстро и все во времени экономили»* (аналогично, но без использования TMS — в ОПЗ).

В ОП2 используется облачная TMS-платформа Smartcat, а также ведётся общая ТМ ОП, поскольку это позволяет специфика и тематика ИТ: *«[начальник] просила даже самые маленькие документы загружать в Smartcat, чтобы всё “улетало” в память»*. Также используется МП: *«...в спайке всегда было “машинный плюс память”... [но] память всегда “перекрывает” машину, если есть совпадение»*. В ОПЗ компьютеры в отделе не объединены в сеть, что усложняет формирование общей ТМ и использование других инструментов повышения эффективности (на рис. 1 мы видим, что ТМ переводчиков «связывает» переводчик (П2), который периодически по собственной инициативе объединяет ТМ коллег в общую базу). При наличии CAT-системы Trados Studio (установка также инициирована ОП) некоторые переводчики предпочитают работать в текстовом редакторе. В данном случае в конфликт вступают правила собственной безопасности предприятия: невозможность использования облачной TMS, решение установить не серверную, а локальную версию CAT-системы на каждый из семи компьютеров отдела и запрет на использование компьютера другим пользователем усложняют соблюдение единообразия внутри проектов. Переводчики отмечают, что *«задачи у всех одинаковые... все в равных условиях... какая работа пришла, ту и делаем»*, однако в дальнейшем, анализируя свой опыт, уточняют, что всё же определённая закономерность в заказах и заказчиках есть: в том числе она определяется конфигурацией цифровой сборки — это решение, вероятно, становится компромиссным для преодоления конфликта.

Соответственно, «зависимость» ОП от технологий определяет необходимость налаженного взаимодействия с технической службой предприятия, а также службой собственной безопасности. Определённым преимуществом обладают отделы, в которых руководитель обладает опытом перевода.

3.2. Сценарий В = Scenario В

В ОП5 начальник-управленец не занимается распределением и контролем задач, в ОП работают два переводчика. Один из них так описывает свой типичный рабочий день: *«Поступали задачи от специалистов, которым был нужен перевод [устный и письменный]. ...Порой кому-то что-то непонятно ...и ты уже выступаешь ...как своего рода менеджер»*.

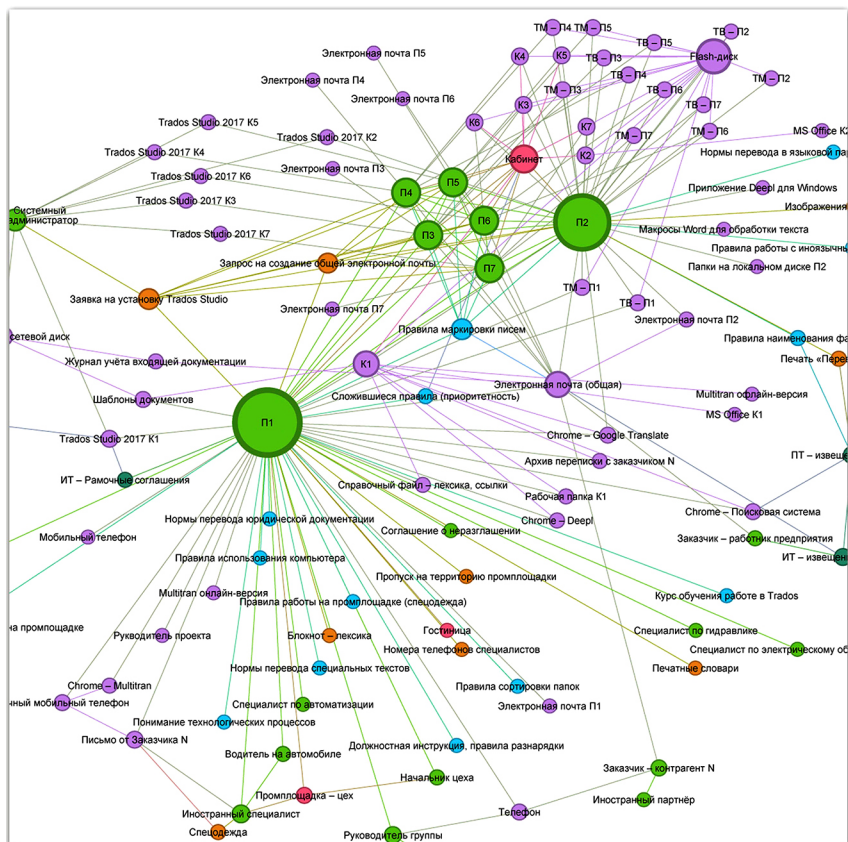

Рис. 1. Фрагмент визуализации актор-сетей переводчиков (П1 и П2) в ОПЗ

Fig. 1. Fragment of two translators' (P1 and P2) actor-network visualization

...звонишь на предприятие, уточняешь или пишешь. ...готовишься к тому, что тебя ждёт» (аналогично — в ОП6).

Переводчик ОП5 отмечает, что рабочее пространство удалось «подстроить» для максимально эффективной работы: она и её коллега создали общую таблицу в сетевой папке для упрощения распределения задач, ввели практику систематической работы с ТМ в Trados Studio, сохранения ТМ и других документов на сетевом диске и пр. Кроме того, для оперативной коммуникации с заказчиками — инженерами, технологами — переводчики настояли на использовании корпоративного мессенджера, который компания оплачивала, но сотрудники не применяли. Проследим включённость

ОП в производственный контекст предприятия на примере отдельного проекта.

На первом этапе проекта главный инженер и руководство определяют, что для решения производственной задачи необходимо оборудование. Дается задание технологу: написать ТЗ для его закупки у зарубежной компании. Описывая свой опыт, переводчики обозначают этот этап так: *«мы тут не участвуем»*. При этом за счёт постоянной коммуникации с заказчиком они чётко его представляют: для них с этого момента начинается формирование скопоса гипертекста.

Параллельно с подготовкой ТЗ технологи сообщают переводчикам, что ТЗ в ближайшее время предстоит переводить на английский язык, и присылают список сайтов потенциальных поставщиков (производителей оборудования), полученный от предприятия-партнёра (Италия). По заданию технологов переводчики изучают сайты компаний, а также для решения своих задач составляют глоссарий. Когда текст ТЗ на русском языке готов, технологи пересылают его переводчикам, чтобы те, обладая представлением о ситуации на рынке, дали рекомендацию о соответствии поставщиков в списке специфике ТЗ.

Далее переводчики готовят письмо на английском языке для выбранных потенциальных поставщиков и выполняют перевод ТЗ. Работа ведётся в Trados Studio, но база ТМ по новому проекту пока не накоплена, поэтому активно используется составленный в ходе изучения сайтов глоссарий. Ввиду узкой специфики производства, описанной в ТЗ, параллельные тексты переводчику найти сложно, поэтому он обращается к стандартам, регулирующим описываемый техпроцесс. Также в процессе перевода идёт уточнение содержания ТЗ с технологами по телефону, возможны личные встречи.

Итоговый вариант ТЗ на английском языке снабжается в MS Word водермаркой и сохраняется в pdf, поскольку переводной статус ТЗ может привести к конфликту: *«Да, [такой опыт был]. ...чем меньше компания, чем больше она дорожит этим заказом, ...чтобы не потерять клиента и деньги, они могут что-то подправить [в ТЗ]... И поскольку этот текст переведённый, начинаются претензии в наш адрес ...и мы начинаем слышать то ТЗ, которое переводили, и то ТЗ, которым оперирует производитель»*.

Переводчик от своего имени отправляет по электронной почте письмо в зарубежную организацию и ставит «в копию» всех, кто принимает участие в проекте, независимо от того, знают ли они английский язык. Полученный от зарубежного контрагента ответ — письмо с технико-коммерческим предложением (ТКП) — по запросу руководителя переводится устно с листа. В дальнейшем переводчик выступает в роли связующего звена между сторонами, именно ему контрагент присылает ТКП, которое

предстоит перевести на русский язык для согласования. Работа с документами на этом этапе обуславливает скопос перевода при сопровождении делегации и на шеф-монтаже произведённого оборудования.

Таким образом, мы видим, что переводческое задание в *сценарии В* не проговаривается эксплицитно и определяется как действиями инициатора перевода, так и переводчиком, привлекающим для решения задачи ряд акторов, в том числе технологических. Перевод становится результатом решения «вложенных» друг в друга задач.

Различия во влиянии информационных инфраструктур и формируемых на их основе цифровых сборок в двух типах сценариев можно наблюдать в первую очередь при определении скопоса. На этапах создания транслята и контроля качества проблемы во многом схожи: они связаны с ограничениями и возможностями использования CAT/TMS для перевода определённых файловых форматов (проблемы сегментации, конфиденциальности). Социотехнической средой зачастую определяются именно пути решения этих проблем. Во всех изученных примерах большая часть сложившихся в отделе норм и правил не зафиксированы. Переводчик в ОП2, например, чтобы упростить свои задачи и задачи коллег по обучению новых сотрудников отдела, проявляет инициативу и самостоятельно пишет «методичку». При реализации сценария В количество переводов и цепочек взаимного влияния действий акторов значительно увеличивается, соответственно, прописать правила работы достаточно сложно. Вследствие этого особую значимость приобретает умение адаптироваться к новым обстоятельствам и нестандартным задачам.

4. Заключение = Conclusions

В данной работе мы постарались приоткрыть «чёрный ящик» отделов переводов и наглядно показать, что технологический аспект переводческой деятельности — нечто большее, чем нажатие кнопки в приложении: если в отраслевом устном переводе это достаточно очевидно, то широкий круг задач письменного перевода часто остаётся скрытым от глаз неспециалиста.

Выбранный подход позволяет сделать видимым вклад переводчика-эксперта в жизненный цикл проектов различной сложности. Описанные примеры показывают, что представление о функциональных характеристиках текста и необходимом качестве перевода формируется за счёт включённости переводчика в обширную сеть, обеспечивающую решение производственных задач предприятия. Вероятно, степень подобной включённости будет влиять на специфику формирования ТЗ. Упрощению принятия переводческих решений при этом могут способствовать сформиро-

вавшиеся индивидуальные информационные инфраструктуры и организационные решения, снижающие неопределённость как на этапе уяснения скопоса, так и на этапе собственно перевода.

Участники нашего исследования повсеместно выполняют «подстройку» рабочего пространства, однако зачастую это происходит неосознанно: до интервью многие переводчики не задумывались о принятых решениях как способах повышения эффективности. Высокая нагрузка и плотный график усложняют осмысление и передачу процедурного знания, норм, сформированных алгоритмов решения типичных переводческих задач. Их осознание потенциально может способствовать совершенствованию организации рабочих процессов в отделах переводов.

Особую ценность полученные данные представляют для дидактики перевода. Например, как показали интервью, компетенции деловой электронной коммуникации [Nefedova et al., 2022], воспринимаемые многими как нечто само собой разумеющееся, требуют внимания при обучении переводчиков. Систематизированный опыт отделов переводов предприятий области находит применение при разработке сценариев деловых игр и учебных проектов в рабочих программах переводческих дисциплин в Челябинском государственном университете.

Один из самых эффективных путей стимулирования инноваций — взаимодействие науки, образования и бизнеса, однако этот путь сложен ввиду разнородности интересов этих акторов [Basov et al., 2018]. Вероятно, поэтому налаженное партнёрство предприятий и университетов коррелирует с наличием личных контактов исследовательских групп и представителей отрасли [Ibid.]. Наш опыт говорит о том, что в сфере лингвистической поддержки ситуация аналогична.

Коллектив проекта выражает глубокую признательность переводчикам, переводчикам-инженерам, экспертам и специалистам по ВЭД предприятий в трёх городах Челябинской области за уделённое время и интерес к проекту.

Заявленный вклад авторов: Краснопеева Е. С. — концепция исследования; подготовка обзора; развитие методологии; проведение интервью; анализ транскриптов интервью; написание текста; итоговые выводы. Краева С. С. — проведение интервью; анализ транскриптов интервью; доработка текста и итоговых выводов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: Ekaterina S. Krasnopeyeva — research concept; review preparation; methodology development; conducting interviews; analysis of interview transcripts; writing the draft; final conclusions. Svetlana S. Kraeva — conducting interviews; analysis of interview transcripts; follow-on revision of the text and final conclusions. The authors declare no conflict of interests.

Литература

1. *Атлас новых профессий 2.0*. [Электронный ресурс] // Агентство стратегических инициатив. — Москва. — 2015. — Режим доступа : <https://asi.ru/reports/43426/> (дата обращения 07.08.2024).
2. Каллон М. Некоторые элементы социологии перевода: приручение морских грешков и рыболовов бухты Сен-Бриё / М. Каллон // Философско-литературный журнал «Логос». — 2017. — № 27 (2). — С. 49—94.
3. Краснопеева Е. С. Сетевая природа переводческой констелляции (на примере отдела переводов регионального коммерческого предприятия) / Е. С. Краснопеева, С. С. Краева // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 8. — С. 156—178. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-156-178.
4. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур. — Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. — 384 с. — ISBN 978-5-7598-2141-0.
5. Митягина В. А. Социопрагматическое измерение транслатологической парадигмы : коммуникативное действие в переводе / В. А. Митягина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2017. — Т. 16. — № 3. — С. 30—40. — DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.3>.
6. Прунч Э. Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической / Э. Прунч. — Москва : Р. Валент, 2015. — 512 с. — ISBN 978-5-93439-488-3.
7. Ремхе И. Н. Матрично-сетевое моделирование переводческой коммуникации с позиции экотранслатологии / И. Н. Ремхе // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 3. — С. 72—88. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-72-88.
8. Сдобников В. В. Перевод и коммуникативная ситуация : монография / В. В. Сдобников. — Москва : ФЛИНТА, 2022. — 463 с. — ISBN 978-5-9765-2112-4.
9. Хархордин О. В. Предисловие к первому русскому изданию / О. В. Хархордин // Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Б. Латур. — Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. — С. 9—68. — ISBN 978-5-94380-284-3.
10. Цвиллинг М. Я. Понятие переводческой констелляции / М. Я. Цвиллинг // о переводе и переводчиках. Сборник научных статей. — Москва : Восточная книга, 2009. — С. 116—123. — ISBN 978-5-7873-0442-8.
11. Шамилов Р. М. Коммуникативная ситуация и лингвистическое оформление текста в специальном переводе : содержательно-смысловой аспект / Р. М. Шамилов, В. В. Сдобников // Научный диалог. — 2019. — № 1. — С. 165—177. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-1-165-177.
12. Шамилов Р. М. Что такое потребностноориентированный перевод? / Р. М. Шамилов // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. — 2023. — № 1 (61). — С. 116—135. — DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2023-61-1-116-135.
13. Швейцер А. Д. Теория перевода : статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. — 4-е изд., стер. — Москва : URSS, 2019. — 216 с. — ISBN 978-5-9710-5650-8.
14. Чистова Е. В. Переводческий дизайн как профессиональная когнитивно-коммуникативная деятельность, метод исследования и дидактическая практика (на материале аудиовизуальных произведений) / Е. В. Чистова // Человек : образ и сущность. Гуманитарные аспекты. — 2024. — № 2 (58). — С. 106—122. — DOI: 10.31249/chel/2024.02.06.

15. *Abdallah K.* Managing trust : translating and the network economy / K. Abdallah, K. Koskinen // Meta. — 2007. — Vol. 52. — № 4. — Pp. 673—687. — DOI: 10.7202/017692ar.

16. *Abdallah K.* Quality problems in AVT production networks : reconstructing an actor-network in the subtitling industry / K. Abdallah // Audiovisual Translation in Close-Up : Practical and Theoretical Approaches. — Bern, Switzerland : Peter Lang Verlag, 2011. — Pp. 173—186. — ISBN 978-3-0343-1151-9.

17. *Basov N.* Personal communication ties and organizational collaborations in networks of science, education, and business / N. Basov, V. Minina // Journal of Business and Technical Communication. — 2018. — Vol. 32. — № 3. — Pp. 373—405. — DOI: 10.1177/10506519187620.

18. *Calvo E.* From translation briefs to quality standards : Functionalist theories in today's translation processes / E. Calvo // Translation & Interpreting : The International Journal of Translation and Interpreting Research. — 2018. — Vol. 10. — № 1. — Pp. 18—32. — DOI: 10.12807/ti.110201.2018.a02.

19. *Dam H.* The translator as expert — a realistic or an idealistic model? How recent empirical findings fit into existing models of translation / H. Dam, K. Zethsen // Across Languages and Cultures. — 2014. — Vol. 15. — № 2. — Pp. 261—278. — DOI: 10.1556/Acr.15.2014.2.5.

20. *Decuyper M.* Visual Network Analysis : A qualitative method for researching sociomaterial practice / M. Decuyper // Qualitative Research. — 2020. — Vol. 20. — № 1. — Pp. 73—90. — DOI: 10.1177/1468794118816613.

21. *Dyomochkina V. V.* Machine translation in hindsight / V. V. Dyomochkina, D. Yu. Gruzdev, E. V. Lukyanova // Research Result. Theoretical and Applied Linguistics. — 2024. — Vol. 10. — № 2. — Pp. 21—45. — DOI: 10.18413/2313-8912-2024-10-2-0-2.

22. *Kim J. Y.* Actors, networks and skopos of mobile game localization : Doctoral dissertation / J. Y. Kim. — London : University of Roehampton, 2022. — 325 p.

23. *Kirsh D.* The intelligent use of space / D. Kirsh // Artificial intelligence. — 1995. — Vol. 73. — № 1—2. — Pp. 31—68. — DOI: 10.1016/0004-3702(94)00017-U.

24. *Latour B.* Networks, societies, spheres : Reflections of an actor-network theorist / B. Latour // International Journal of Communication. — 2011. — Vol. 5. — Pp. 796—810. — DOI: 1932-8036/20110796.

25. *Luo W.* A literary translation as a translation project : A case study of Arthur Waley's translation of Journey to the West : Doctoral dissertation / W. Luo. — Durham : Durham University, 2018. — 306 p.

26. *Marshman E.* Taking control : Language professionals and their perception of control when using language technologies / E. Marshman // Meta. — 2014. — Vol. 59. — № 2. — Pp. 380—405. — DOI: 10.7202/1027481ar.

27. *Nefedova L. A.* E-politeness in student requests to faculty : A view from a regional Russian university in the midst of a pandemic / L. A. Nefedova, E. S. Krasnopeyeva, S. S. Kraeva // Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education. — 2022. — № 2. — Pp. 34—42. — DOI: 10.20339/PhS.2-22.034.

28. *Nord C.* Skopos and (un)certainity : how functional translators deal with doubt / C. Nord // Meta. — 2016. — Vol. 61. — № 1. — Pp. 29—41. — DOI: 10.7202/1036981ar.

29. *O'Brien S.* Translation technology — the dark horse of translation? / S. O'Brien // 50 Years Later. What Have We Learnt after Holmes (1972) and Where Are We Now? — Las Palmas de Gran Canaria : Universidad de Las Palmas de Gran Canaria, 2022. — Pp. 93—104. — ISBN 978-84-9042-461-2.

30. Pöschhacker F. Simultaneous interpreting : A functionalist perspective / F. Pöschhacker // HERMES — Journal of Language and Communication in Business. — 1995. — № 14. — Pp. 31—53. — DOI: 10.7146/hjlc.v8i14.25094.
31. Risku H. Extended translation : A sociocognitive research agenda / H. Risku, F. Windhager // Target. International Journal of Translation Studies. — 2013. — Vol. 25. — № 1. — Pp. 33—45. — DOI: 10.1075/target.25.1.04ris.
32. Risku H. Mutual dependencies : Centrality in translation networks / H. Risku, R. Rogl, C. Pein-Weber // The Journal of Specialised Translation. — 2016. — Vol. 25. — № 1. — Pp. 232—253.
33. Risku H. Socio-cognitive translation studies [Electronic resource] / H. Risku // 2023 CETRA Summer School. — 11 October 2023 — Access mode : https://www.youtube.com/watch?v=v94H_c9cYcU (accessed 1.08.2024).
34. Snell-Hornby M. The turns of Translation Studies. New paradigms or shifting viewpoints? / M. Snell-Hornby. — Amsterdam, Philadelphia : John Benjamin Publishing Company, 2006. — 219 p. — ISBN 978-90-2721-673-1.
35. Vermeer H. J. Skopos and commission in translational action (1989) / H. J. Vermeer // The Translation Studies Reader. — London, New York : Routledge, 2012. — Pp. 191—202. — ISBN 978-0-415-61347-7.

Статья поступила в редакцию 19.10.2024,
одобрена после рецензирования 23.12.2024,
подготовлена к публикации 13.01.2025.

References

- Abdallah, K. (2011). Quality problems in AVT production networks: reconstructing an actor-network in the subtitling industry. In: *Audiovisual Translation in Close-Up: Practical and Theoretical Approaches*. Bern, Switzerland: Peter Lang Verlag. 173—186. ISBN 978-3-0343-1151-9.
- Abdallah, K., Koskinen, K. (2007). Managing trust: translating and the network economy. *Meta*, 52 (4): 673—687. DOI: 10.7202/017692ar.
- Atlas of Emerging Jobs 2.0. (2015). In: *Agency for Strategic Initiatives*. Moscow. Available at: <https://asi.ru/reports/43426/> (accessed 07.08.2024). (In Russ.).
- Basov, N., Minina, V. (2018). Personal communication ties and organizational collaborations in networks of science, education, and business. *Journal of Business and Technical Communication*, 32 (3): 373—405. DOI: 10.1177/10506519187620.
- Callon, M. (2017). Some elements of a sociology of translation: Domestication of the scallops and the fishermen of St. Brieuc Bay. “Logos” *Russian Journal of Philosophy and Humanities*, 27 (2): 49—94. (In Russ.)
- Calvo, E. (2018). From translation briefs to quality standards: Functionalist theories in today’s translation processes. *Translation & Interpreting: The International Journal of Translation and Interpreting Research*, 10 (1): 18—32. DOI: 10.12807/ti.110201.2018.a02.
- Chistova, E. V. (2024). Translation design as a professional cognitive-communicative activity, research method and teaching approach (The case of audiovisual products). *Che-lovek: obraz i sushchnost. Gumanitarnye aspekty [Human being: image and essence. Humanitarian aspects]*, 2 (58): 106—122. DOI: 10.31249/chel/2024.02.06. (In Russ.).

- Dam, H., Zethsen, K. (2014). The translator as expert — a realistic or an idealistic model? How recent empirical findings fit into existing models of translation. *Across Languages and Cultures*, 15 (2): 261—278. DOI: 10.1556/Acr.15.2014.2.5.
- Decuyper, M. (2020). Visual Network Analysis: A qualitative method for researching sociomaterial practice. *Qualitative Research*, 20 (1): 73—90. DOI: 10.1177/1468794118816613.
- Dyomochkina, V. V., Gruzdev, D. Yu., Lukyanova, E. V. (2024). Machine translation in hind-sight. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 10 (2): 21—45. DOI: 10.18413/2313-8912-2024-10-2-0-2.
- Kharkhordin, O. V. (2021). Foreword to the first Russian edition. In: Latour, B. *We Have Never Been Modern*. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg. 9—68. ISBN 978-5-94380-284-3. (In Russ.).
- Kim, J. Y. (2022). *Actors, networks and skopos of mobile game localization: Doctoral dissertation*. London: University of Roehampton. 325 p.
- Kirsh, D. (1995). The intelligent use of space. *Artificial intelligence*, 73 (1—2): 31—68. DOI: 10.1016/0004-3702(94)00017-U.
- Krasnopeyeva, E. S., Kraeva, S. S. (2023). Network Nature of Translation Constellations: Translation Department at a Regional Commercial Enterprise. *Nauchnyi dialog*, 12 (8): 156—178. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-8-156-178> (In Russ.).
- Latour, B. (2011). Networks, societies, spheres: Reflections of an actor-network theorist. *International Journal of Communication*, 5: 796—810. DOI: 1932–8036/20110796.
- Latour, B. (2020). *Reassembling the social: An introduction to actor-network-theory*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. 384 p. ISBN 978-5-7598-2141-0. (In Russ.).
- Luo, W. (2018). *A literary translation as a translation project: A case study of Arthur Waley's translation of Journey to the West: Doctoral dissertation*. Durham: Durham University. 306 p.
- Marshman, E. (2014). Taking control: Language professionals and their perception of control when using language technologies. *Meta*, 59 (2): 380—405. DOI: 10.7202/1027481ar.
- Mityagina, V. A. (2017). Socio-Pragmatic Measurement of Translatology Paradigm : Communicative Action in Translation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics]*, 16 (3): 30—40. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.3>. (In Russ.).
- Nefedova, L. A., Krasnopeyeva, E. S., Kraeva, S. S. (2022). E-politeness in student requests to faculty: A view from a regional Russian university in the midst of a pandemic. *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, 2: 34—42. DOI: 10.20339/PhS.2-22.034.
- Nord, C. (2016). Skopos and (un)certainly: how functional translators deal with doubt. *Meta*, 61 (1): 29—41. DOI: 10.7202/1036981ar.
- O'Brien, S. (2022). Translation technology — the dark horse of translation? In: *50 Years Later. What Have We Learnt after Holmes (1972) and Where Are We Now?* Las Palmas de Gran Canaria: Universidad de Las Palmas de Gran Canaria. 93—104. ISBN 978-84-9042-461-2.
- Pöschhacker, F. (1995). Simultaneous interpreting: A functionalist perspective. *HERMES — Journal of Language and Communication in Business*, 14: 31—53. DOI: 10.7146/hjlc.v8i14.25094.

- Prunč, E. (2015). *Lines of development in translation studies from the asymmetries of languages to the asymmetries of power*. Moscow: R. Valent. 512 p. ISBN 978-5-93439-488-3. (In Russ.).
- Remkhe, I. N. (2024). Matrix-Network Modeling of Translation Communication from Perspective of Eco-Translatology. *Nauchnyi dialog*, 13 (3): 72—88. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-3-72-88> (In Russ.).
- Risku, H. (2023). Socio-cognitive translation studies. *2023 CETRA Summer School. 11 October 2023*. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=v94H_c9cYcU (accessed 1.08.2024).
- Risku, H., Rogl, R., Pein-Weber, C. (2016). Mutual dependencies: Centrality in translation networks. *The Journal of Specialised Translation*, 25 (1): 232—253.
- Risku, H., Windhager, F. (2013). Extended translation: A sociocognitive research agenda. *Target. International Journal of Translation Studies*, 25 (1): 33—45. DOI: 10.1075/target.25.1.04ris.
- Schweitzer, A. D. (2019). *Theory of translation: status, problems, aspects. 4th ed., ster*. Moscow: URSS. 216 p. ISBN 978-5-9710-5650-8. (In Russ.).
- Sdobnikov, V. V. (2022). *Translation and the communicative situation: monograph*. Moscow: FLINT. 463 p. ISBN 978-5-9765-2112-4. (In Russ.).
- Shamilov, R. M. (2023). What is a need-centered translation? *LUNN Bulletin*, 1 (61): 116—135. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2023-61-1-116-135. (In Russ.).
- Shamilov, R. M., Sdobnikov, V. V. (2019). Communicative Situation and Linguistic Composition of a Target text in Specialised Translation: Contextual and Conceptual Aspect. *Nauchnyi dialog*, 1: 165—177. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-1-165-177> (In Russ.).
- Snell-Hornby, M. (2006). *The turns of Translation Studies. New paradigms or shifting viewpoints?* Amsterdam, Philadelphia: John Benjamin Publishing Company. 219 p. ISBN 978-90-2721-673-1.
- Vermeer, H. J. (2012). Skopos and commission in translational action (1989). In: *The Translation Studies Reader*. London, New York: Routledge. 191—202. ISBN 978-0-415-61347-7.
- Zwilling, M. Ya. (2009). The concept of translation constellation. In: *About translation and translators. Collection of scientific articles*. Moscow: Vostochnaya kniga. 116—123. ISBN 978-5-7873-0442-8. (In Russ.).

*The article was submitted 19.10.2024;
approved after reviewing 23.12.2024;
accepted for publication 13.01.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(1), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Палашевская И. В. Лингвосомиотические характеристики власти и статуса в англосаксонском эпосе раннего Средневековья / И. В. Палашевская // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 1. — С. 77—97. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-77-97.

Palashevskaya, I. V. (2025). Semio-linguistic Characteristics of Power and Status in Anglo-Saxon Epic Poetry of Early Middle Ages. *Nauchnyi dialog*, 14 (1): 77-97. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-77-97. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Лингвосомиотические характеристики власти и статуса в англосаксонском эпосе раннего Средневековья

Палашевская Ирина Владимировна
orcid.org/0000-0002-2719-8147
доктор филологических наук,
профессор,
кафедра иноязычной коммуникации
и лингводидактики
english@volsu.ru

Волгоградский
государственный университет
(Волгоград, Россия)

Semio-linguistic Characteristics of Power and Status in Anglo-Saxon Epic Poetry of Early Middle Ages

Irina V. Palashevskaya
orcid.org/0000-0002-2719-8147
Doctor of Philology, Professor,
Department of Foreign Language
Communication and
Language Education
english@volsu.ru

Volgograd State University
(Volgograd, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследование посвящено описанию культурной специфики языковой репрезентации власти в англосаксонском героическом эпосе. На материале поэмы «Беовульф» автор рассматривает эпическое наследие как источник сведений о ценностных ориентирах и предпочтениях правящей общности, способах и средствах выстраивания ее идентичности. Выделяются различные типы знаков идентификации и легитимации социального статуса правителей и их окружения, включая персональные интродуктивы, вокативы (эмблематические имена и обращения), локусные (места средоточия власти), атрибутивные (предметы, обладающие особой значимостью, ценности власти), соматические (телесные отличия, манера держаться и говорить, являющиеся частью идентичности социальной фигуры) и акциональные знаки (обозначения действий, связываемых с ролью субъекта власти в раннесредневековом обществе). Внимание уделяется модусам интродукции и интерпретации презентем власти (эмблематический, аллегорический, символический) в англосаксонской раннесредневековой лингвокультуре. Изучены особенности актуализации рассматриваемых типов знаков в социокультурных коммуникативных практиках (актах «демонстративной траты») во время публичных церемоний, собиравших всю общину вместе (дар, угощение медовым напитком во время пира, захоронение сокровищ в погребальных обрядах) и служивших способом самопредъявления власти обществу, создания образа властвующей элиты на внутреннем и межземельном уровне.

Ключевые слова:

героический эпос; семиотика; власть; престиж; элита; языковая презентема; ценности потестарной лингвокультуры.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study explores the cultural specificity of linguistic representation of power in Anglo-Saxon heroic epic poetry. Focusing on the poem "Beowulf," the author examines the epic heritage as a source of insights into the value orientations and preferences of the ruling community, as well as the methods and means by which it constructs its identity. Various types of signs for identifying and legitimizing the social status of rulers and their entourages are highlighted, including personal introductions, vocatives (emblematic names and address), locational signs (centers of power), attributive signs (objects of particular significance and value to power), somatic signs (physical distinctions, demeanor, and speech that constitute aspects of social identity), and actional signs (indications of actions associated with the role of power holders in early medieval society). The study pays particular attention to the modes of introduction and interpretation of power presentems (emblematic, allegorical, symbolic) within Anglo-Saxon early medieval linguistic culture. It also investigates the peculiarities of the realization of these types of signs in sociocultural communicative practices (acts of "conspicuous consumption") during public ceremonies that brought the entire community together (gifts, mead feasts during banquets, and treasure burials in funerary rites), serving as a means of self-presentation of power to society and creating an image of the ruling elite at both internal and interregional levels.

Key words:

heroic epic; semiotics; power; prestige; elite; linguistic presentem; values of post-structural linguistic culture.

Лингвосемиотические характеристики власти и статуса в англосаксонском эпосе раннего Средневековья

© Палашевская И. В., 2025

1. Введение = Introduction

На сегодняшний день собрано колоссальное количество фактов о лингвокультурном наследии англосаксов, однако ни одно произведение не было предметом столь широкого и непроходящего исследовательского интереса, как поэма «Беовульф» (VII—VIII века). В своем документальном фильме «О Беовульфе» историк, писатель, режиссер М. Вуд заметил, что это эпическое сказание о мире, затерянном между язычеством и христианством, сформировало культуру британского социума и особенно его литературный язык [Wood, 2009]. 3182 строки, связанные аллитерацией, по сей день сохраняют загадочную силу влияния на своих читателей и служат источником вдохновения для мастеров художественного слова. Созданные поэмой образы германских героев и конунгов перекочевали в современное пространство англоязычной литературы, адресованной в том числе и юной аудитории. Популярными версиями поэмы — «Беовульф: победитель дракона» Р. Сатклифф (Rosemary Sutcliff, *Beowulf: Dragon-Slayer*, 1961) и «Беовульф» М. Морпурго (Michael Morpurgo, *Beowulf*, 2006). В 1999 году перевод эпического текста, сделанный ирландским поэтом Ш. Хини (Seamus Heaney, *Beowulf: a new verse translation*, 2000), вознес поэму на вершину списка литературных бестселлеров в Англии и США. Ценность перевода Хини в сохранении смысловой и этической глубины поэмы, преемственности традиции образного словосложения, построения кеннингов — ключевых элементов ритма древнеанглийского стиха.

Как отмечает В. А. Кутырёв, «традиции — историческая форма бытия констант, их путешествие во времени» [Кутырёв, 2015, с. 107]. Обращение к героическому эпосу, осмысление особенностей самобытной культуры британского мира, его германской составляющей, зафиксированной жанровой формой, актуальны и сегодня в контексте преемственной связи времен, проблемы самоопределения современного общества по отношению к истории своего бытия.

Германский эпический герой прибыл на Британский архипелаг (V век) в эпоху Великого переселения народов (IV—VI века). Первые его подвиги, по образному замечанию Дж. Кэмпбелла, — «расчистка поля», «избавление от чудовищ, оставшихся от первобытных времен, и победа над тиранами, посягающими на блага своих соседей» [Кэмпбелл, 2022, с. 406]. Эпические сказания о конунгах, совмещавших роль главы рода и роль военного вождя, складывались в дружинно-родовой среде и выражали общепринятое и должное в политической идеологии зарождающихся на обломках Римской Империи государственных образований. «Беовульф», с данных позиций, — жанровое наследие потестарной лингвокультуры, поэтический инструмент самоидентификации и утверждения статуса политического сообщества в раннесредневековом мире. Власть в эпическом повествовании — субъект истории и объект имагологического конструирования, предполагающего определенные знаковые средства различения и презентации высшей, элитарной, социальной страты.

Подход к изучению власти через понятие «элита» активно разрабатывался французскими медиевистами в рамках коллективного проекта “Elites in the Early Middle Ages” [Bougard et al., 2013]. Согласно данному подходу, опирающемуся на идеи социологов В. Парето [Pareto, 1968] и Г. Моски [Mosca, 1939], в каждом обществе выделяется правящее меньшинство (*upper crust*), которое состоит из тех, кто занимает доминантное социальное положение (*a high / dominant social position*), кто отличается своим благосостоянием, особой культурой, знанием и получает признание со стороны других людей, общества в целом [Bougard et al., 2013, p. 738]. В раннесредневековом германском мире это положение могло передаваться по наследству и отражаться с рождения в имени (например, *Eadwold: eād* ‘богатство’ + *weald, wald* ‘власть’, ‘властвующий’; *Æþeric: æðele* ‘благородный’ + *rīce* ‘властелин’, ‘могущественный’; *Birhtwold: beorht, byrht* ‘светлый’ + *weald, wald* ‘власть’, ‘властвующий’ (см. об этом: [Томберг, 2019, с. 97]). Доступ в высшую социальную страту можно было получить в результате брачного союза, благодаря владению имуществом (сокровищами), успешной службе и благосклонности правителя [Bougard et al., 2013, p. 738—739].

В поэме «Беовульф» социальная элита — это конунг (*cyning, þeodcyning, leodcyning*) и его ближайшее окружение, включающее родовой клан (*cynn*) и боевую дружину (*gedryht, gedriht: hæleþa gedryht, eodur Scyldinga* [Bwf., p. 662—663] — любимая дружина, опора Скильдингов), в которую входили эрлы (*eorlas*) — люди благородного происхождения (*ædelingas* ‘princes, noblemen’), стремящиеся к боевой славе (... *þær Hroðgar sæt ... mid his eorla gedriht* [Bwf., p. 356—357] — где Хроггар сидел в окружении эрлов), и тэны (*þegnas*), то есть свободные служивые, война для которых была

основным занятием (*Higelaces þegn* (Bwf. 194) — *тэн, воин на службе у Хигелака*). Как писал К. Тацит, наличие дружины было одним из отличительных признаков положения германских властителей. От способности конунга привлекать на службу воинов, успешно возглавлять их в грядущих походах зависела его власть и авторитет [Тацит, 2010, с. 13].

Согласно исследованиям, в раннем Средневековье принадлежность к правящему меньшинству во многом зависела от социального признания (*social recognition*). Для укрепления своего положения элита должна была создавать свой образ, «социальный имидж», вырабатывать способы конструирования и демонстрации своей идентичности [Bougard et al., 2013, p. 740]. Концепция власти как элитарной социальной общности предполагает, таким образом, исследование форм ее самовыражения, средств выстраивания иерархии, властвования одних над другими.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Презентационная сторона, образы власти как знаковые комплексы (включая архитектурные объекты, изображения, жесты, символические предметы, церемонии, ритуалы и т. п.) исследуются в потестарной имагологии, стремительно развивающейся в рамках исторической науки [Бойцов, 2010; Аникьев и др., 2021]. Предмет интереса потестарной имагологии, как отмечает М. А. Бойцов, — «образы, возникающие по поводу любых отношений власти, любой детали социальной организации, предполагающей отношения доминирования и подчинения. При этом большинство из исследуемых имагологом находятся в прямой связи с восприятием того или иного правителя или института управления [Бойцов, 2010, с. 14]. В поле научного поиска ученых-историков, работающих в данном направлении, — происхождение того или иного потестарного знака, исторический контекст, в котором он формировался, географический и культурный ареал его распространения, особенности бытования, смысловые трансформации, возможности реконструкции. Потестарная имагология открывает возможности для исследований того, каким образом власть представляется и воспринимается в исторических контекстах, как формируется внешняя, перформансная сторона потестарных институтов и практик, какие смысловые составляющие культурных контекстов социальных взаимодействий порождают отношения доминирования и подчинения.

Художественные образы власти, языковые средства их репрезентации в лингвокультуре — объект изучения лингвистической имагологии, возникшей на пересечении сравнительного литературоведения, лингвокультурологии, лингвоаксиологии, лингвопоэтики, лингвоперсонологии и этнолингвистики. Как отмечает О. В. Томберг, «художественный образ соотносит идеальное отражение фрагмента реальности с миром культуры через

выделение ценностно значимых и эмоционально переживаемых признаков интерпретируемой действительности» [Томберг, 2019, с. 5]. С точки зрения лингвистической имагологии, как и исторической, «центральное место в системе образов принадлежит человеку в его исторически обусловленной типизации» [Там же]. Ученый большое внимание уделяет принципам построения художественной имагосферы определенной эпохи, параметрам степени культурной разработанности имагологических полей, включая *персонажный репертуар входящих в них образов, жанровый охват, концептуальную широту, архетипические и ценностные составляющие*. Исследования такого рода открывают возможность для создания имагологических словарей национальных лингвокультур.

С позиции лингвосемиотики на первый план выдвигаются прагматические характеристики потестарного образа как сложного знака, «вложенная в знак программа его интерпретации, культурно-смысловой ген передаваемой информации» [Карасик, 2012, с. 7]. При этом выделяются три модуса прочтения знака — эмблематический, аллегорический и символический, представляющий собой высшую ступень семиотического освоения реальности [Там же].

Эмблема, в отличие от символа, содержит в себе конвенциональное соглашение; она определена, не предполагает расширительного толкования, должна быть опознана, а не разгадана. Эмблематический знак обозначает физическую личность или предмет и во многих случаях используется для выражения идентичности индивида или группы [Пастуро, 2012, с. 9]. Символ, напротив, служит для импликации абстрактной социокультурной сущности, открытой для многомерной интерпретации, связан «с идеей некоторого содержания, которое, в свою очередь, служит планом выражения для другого, как правило, культурно более ценного, содержания» [Символ..., 1987, с. 11].

Например, трон (*heahsetl* ‘высокое место’) в англосаксонском эпосе выступает как эмблематический атрибут, идентифицирующий высокопоставленного субъекта, выделяющий его среди ближайшего окружения (*heahcyning* — букв. ‘высокий конунг’ [Bwf., 1039] — о Хродгаре), и одновременно как символ, вбирающий в себя представления о сакральности земной власти — *weoroldafol* (заметим, что древнеанглийские наименования держателя престола — *bregu*, *cyning*, *dryhten*, *feoden*, *frea*, *fruma*, *hlaford* — обозначают также и небесного правителя), о ее преемственности (*épelstól* ‘наследный, родовой престол’), о ее назначении в устройстве мира (*bregostól* — место правителя, с которого он правит миром), и о власти как высшей силе, которая держит собой мир, социальный порядок и благоволит к почитающим ее (*giftól* — место, перед которым подданные собираются для распределения даров) и т. д.

Аллегорическое толкование направлено на извлечение ценностно-духовного смысла иносказательного обозначения фрагмента реальности. Как и эмблема, аллегория (др.-греч. *ἀλληγορία* ‘иносказание’, *ἀλληγορέω* ‘говорить иначе’) допускает одно верное прочтение, однако, в отличие от буквального толкования, предполагает раскрытие сути обозначаемого на более глубоком смысловом уровне. Ярким примером может служить ималогема «чудовище» (Grendel), изображающая силы зла, противостоящие богам (*godes andsaca*) и людям (*ferhðogeniðla*), а также указывающая на сопричастность опасного Другого, грозящего подорвать основания господствующего социального миропорядка. Данный образ создается из сильных маркеров инаковости, по принципу инверсии или отрицания атрибутов добра, и является воплощением хаоса, перевернутого мира (*wræclastas træd* [Bwf., 1352b] — *идущий по пути изгнания*, *sceadugenga* [Bwf., 703a] — *блуждающий в темноте*, ‘сбившийся с истинного пути’, ‘пребывающий в пороке’, *dreamum bedæled* [Bwf., 721a, 1275a] — *лишенный радостей*, то есть спасительного благорасположения, милости высших сил, *feond on helle* [Bwf., 101b] — *враг из преисподней, из обители греха* и т. п.). С данной позиции, как пишет американский журналист и общественный деятель Дж. Квасневски, миссия Беовульфа заключается в обретении славы через борьбу со злом. При этом для совершения поступков, достойных величия, герою необходимо обладать тем, что древние греки называли *θυμός*, силой духа, направленной на добродетель и поражение зла [Kwasniewski, 2023]. Герои и короли, обладающие данным качеством, то есть непреклонной волею в противостоянии враждебным и пагубным силам, — это, таким образом, те, кто может навязать свою созидательную, добродетельную волю хаотичному миру вокруг себя.

Существует и другая, адаптированная к современной действительности конкретизация образа чудовища в поэме. Так, по мнению Р. Бейтса, профессора английского языка и литературы в Колледже Святой Марии штата Мэриленд (Сент-Мэрис), поэма предупреждает будущие поколения о разрушительной силе людской жадности, гордыни и бесконтрольного гнева [Bates, 2012]. Грендель, согласно интерпретации профессора, олицетворяет гневную обиду (*resentful anger/rage*) социально исключенного, направленную на бенефициаров королевских щедрот, то есть воинов Хротгара, которых он в ярости преследует и пожирает в Хеороте. Эта же эмоция, именуемая нарицательно «гренделевым гневом» (*Grendelian resentment*), разрывает социальную ткань современного американского общества, обуревая и побуждая неустойчивых «воинов справедливости» проявлять враждебность в отношении групп, получивших, по их мнению, незаслуженные привилегии и социальные блага на территории США (в частности, «американских мусульман»

(American Muslims), афроамериканцев (African Americans), «рабочих без документов» (*undocumented workers, undocumented noncitizens* — эвфемизмы, используемые для обозначения лиц, проживающих в стране или въезжающих в нее нелегально, без законного разрешения). Гневную обиду сопровождает порождающее ее чувство горькой утраты: «... angry resentment doesn't travel alone. It is accompanied — indeed, it has been birthed — by grief» [Bates, 2012]. Второе чудовище, с которым боролся Беовульф, воплощает скорбь по величественной Америке, Югу времен антибеллумской эпохи или идиллии пригородов 50—70-х годов прошлого столетия («золотому веку» США), тоску по потерпевшей крах идее о государстве всеобщего благосостояния (*Welfare State*). Третье чудовище, дракон, в прочтении Р. Бейтса — эмблема культуры, в которой богатство больше не циркулирует свободно и где люди перестали быть щедрыми. Драконы покрыты твердой чешуей, ядовиты, злобны и самовлюбленны. Они олицетворяют собой высшую степень концентрации капитала, информационных технологий, ресурсов и могут трактоваться как аллегория плутократии и триумфа цинизма над идеализмом. Беовульф умирает от ран, полученных при поражении монстра, а его племя предчувствует свое уничтожение от мечей врагов. Поэма, как справедливо заметил Р. Бейтс, «бросает холодный взгляд на способность людей жить в соответствии со своими идеалами. Сегодня ее послание о человеческих ограничениях звучит так же сильно, как и раньше» [Bates, 2012].

Системный лингвосемиотический подход к изучению знаковых комплексов культуры направляет внимание исследователей на средства и способы интродукции социальных ценностей, вербальные и невербальные знаки и их последовательности, формирующие презентационное лингвосемиотическое пространство дискурса [Олянич, 2007]. Власть, с точки зрения рассматриваемого подхода, коренится в самих знаковых средствах ее коммуникации. Изучение данного феномена предполагает выявление и типизацию различных презентем, раскрывающих его ценностное содержание.

Исходя из обозначенных теоретико-методологических ориентиров, исследование презентационной стороны власти в эпическом тексте производится путем установления и анализа лингвистических средств, их микросистем, фиксирующих различные грани внешних проявлений принадлежности к высшей страте, и направлено на формирование комплексного представления о коллективной самопрезентации правящего меньшинства, способах его заявления о себе как определенной общности.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Используя разнообразный формульный арсенал выразительных средств языка, поэма «Беовульф» формирует идеальный образ власти в англосаксон-

ской лингвокультуре раннего Средневековья. Презентемы правящего меньшинства в эпическом тексте включают а) знаки самоидентификации, или персональные интродуктивы, фиксирующие связь субъекта с концептами РОД, НАРОД, СОЦИУМ, СЕМЬЯ (*cyn, theod leode, folc, sib*) и обуславливающие определенное выстраивание с ним отношений; б) знаки телесного отличия (красота, особая физическая сила, манера держаться и т. п.); в) локусы власти (места ее средоточия — *medelstede*); г) атрибуты власти (облачение как знаково-символический комплекс, предметы, служащие для демонстрации статуса и т. п.); д) акциональные знаки (обозначения действий, описывающие ролевое предназначение субъекта власти в социуме).

3.1. Персональные интродуктивы и телесные презентемы власти

Существенную роль в потестарной культуре раннего Средневековья играли единицы, указывающие на принадлежность индивида к кровнородственной общности, ряду поколений, происходивших от общего предка и носивших общее родовое имя: *Hroðgar ... , helm Scyldinga* [Bwf., 371a, 456a, 1321a] — *Хродгар ... , защитник Скильдингов* (букв. «шлем» потомков Скильда Скевинга (*Scyld Scefing*), родоначальника королевской династии данов). Для правителя знаки благородного происхождения — средство демонстрации обществу династической преемственности и, соответственно, легитимности своего социального положения (... *wisa ... , sunu Healdenes* [Bwf., 1698] — *мудрец, сын Хальвдана*). Отсюда необходимое присутствие в поэме генеалогических рядов, выражающих стремление господствующей страты обосновать правомерность своей власти и одновременно придающих достоверность повествованию:

Dæm feower bearn forðgerimed

*in worold wocun: weoroda ræswa,
Heorogar, 7 Hroðgar, 7 Halga til.*

Hyrde ic þæt [ides] [wæs] [æþ]elan

Heaðo-Scilfingas healsgebedda
[Bwf., 59—62].

*Родилось от него [от Хальфдана],
как есть,*

*четверо на землю: войска предводи-
тель,*

*Хеорогар, и Хродгар, и Хальга До-
брый.*

*Слышал я и о девице, что славной
была королевой,*

Великого Скевинга поборницей.

Обратим внимание, что появление любого знатного персонажа в поэме сопровождается сообщением о его предках (*Weoxstanes sunu leoflic lindwiga, leod Scylfinga* [Bwf., 2602—2603] — *сын Веохстана, щитonosитель, любимец Скильвингов; Unferð, Ecglafes bearn* [Bwf., 499] — *Унферт, отпрыск Эгглафа*).

Знаки статусного различения встроены в этикетные формы самопредъявления субъектов. Так, Беовульф сообщает береговой охране данов о том, что он и прибывшие с ним воины из рода людей (*we synt gumcynnes*), из народа геатов (*Geata leode*), что они люди Хигелака (*Higelaces heorðgeneatas*) и что отец его прославленный, благородный Эггтеов (*Wæs min fæder folcum gescyƿed, æbele ordfruma, Ecgbeow haten*) [Bwf., 261a—263b]. Заметим, что принадлежность к роду людей упоминается первой в этой последовательности персональных интродукций, поскольку служит основой семантической дифференциации *своего* и *чуждого* в этнографическом и социальном устройстве мира, определяет взаимодействие с враждебными племенами, вытесняемыми на периферийные пустошные земли (*...milgemearces þæt se mere standeð...* [Bwf., 1362] — *пространство по ту сторону, где болото стояло*) и отождествляемыми с хтоническими существами (*scuccan ond scinnan* [Bwf., 939] — *демоны и призраки*).

Потестарная лингвокультура, таким образом, вырабатывает систему правил, требующих от субъекта представление себя определенным образом и определяющих его как своего или враждебного другого (*homo hostilis*). Согласно П. Бурдые, именование — фундаментальная процедура власти, производящая социальные группы и иерархии и обуславливающая восприятие этих групп обществом, а также последующее отношение к ним [Бурдые, 1993, с. 148—149].

Сюжетная доминанта поэмы — борьба людей (*moncynn*) с существами из враждебного, «по ту сторону границ», пагубного мира (*mearcstapa, wyrmcynnes, laðan cynnes, tan-cynne fram*). Отсюда фокусировка эпической традиции на должных качествах субъекта, достойного власти (*rices wyrðra*), как воина и охранителя существующего социального порядка:

*Monig oft gecwæð
þætte suð ne norð be sæm tweonum,
ofer eormengrund, ofer nænig
under swegles begong selra nære
rondhæbbendra, rices wyrðra*
[Bwf., 857b—861].

*Многие часто сказывали,
что ни на юге, ни севере между мо-
рями,
на земле широкой, никто другой
под сводом неба не был лучшим
щитоносцем, власти достойным.*

Военные способности правящей элиты получают множественную языковую экспликацию. Так, например, качества, необходимые в междоусобных войнах, отражаются в эмблематических двухкомпонентных именах (*Hroð-gar* — ‘слава + копье’, ‘добывший славу в битве’, *Heoro-gar* — ‘воинство + копье’, *Beowulf* — ‘битва + волк’, *Beado-wulf* — ‘боевой волк’), эпитетах (*glædman Hroðgar* [Bwf., 367b] — славный Хродгар; *heorugrimme*

Hreþles [Bwf., 1847] — *яростный меч Хредель* (‘свирепый, воинственный’) и т. п.). Имя главного персонажа (*Beowulf*) — символически нагруженный знак трансгрессивной природы. Подобно изображению хищника на пластинах шлема или рукояти меча, оно означает магическую связь с тотемным покровителем, помогающим воину проявлять бесстрашие и летальную свирепость в бою.

В поэме подчеркивается значимость внешнего, телесного фактора в социальной стратификации. Предводитель войска должен отличаться от своих дружинников физической силой, искусно владеть оружием, иметь представительную наружность, связываемую с его статусом (*ænlic ansyn* [Bwf., 251b] — *благородная внешность* (дозорный данов о Беовульфе)), обладать умом и красноречием (*wordhord onleac* [Bwf., 259b] — *сокровищницу слов открыл* (о Беовульфе); *ne hyrde ic snotorlicor on swa geongum feore guman þingian* [Bwf., 1842b—1843] — *Не слышал я, чтобы так мудро столь юный воин речь слагал; þu eart mægenes strang ond on mode frod, wis wordcwida* [Bwf., 1844—1845a] — *ты крепок силой и умом, речами мудр* (Хродгар — Беовульфу)). Социальный образ субъекта власти, таким образом, выстраивается на основе совмещения понятий красоты, физических, умственных способностей и почета.

3.2. Локусы власти

К местам средоточия властвующей элиты поэма относит Хеорот (*Heorot*, *Олений зал, дружинный дом*), комплексный знак демонстрации власти обществу, индивидуального авторитета конунга и величия его королевства. Первенство престижа и статуса подчеркивается исходящим от объекта постестарной архитектуры светом, вовлекающим в орбиту своего влияния территории соседей (*lixe se leoma ofer landa fela* [Bwf., 311]).

Хеорот располагается на возвышенности и увенчан рогами оленя (*Sele hlifade, heah ond horngeap* [Bwf., 81b—82a]), декоративным элементом, выполняющим эмблематическую, денотативную функции места собрания знатных воинов. Но это также символ, встроенный в пространственную модель мира германо-скандинавской мифологической системы, вертикальная основа которой — пропитанное священным медом поэзии ясеновое дерево (др.-сканд. *yggdrasill*), связывающее мир людей (др.-сканд. *miðgarðr*) с миром богов (др.-сканд. *ásgarðr*) и павших воинов (др.-сканд. *valhöll* ‘чертог убитых’, Вальхалла), а также с нижним северным миром простых мертвых (*hel* ‘загробный мир’). В этой вертикальной космической схеме олени (четыре посередине дерева и один (*Eikúyrnir*) на своде Вальхаллы) щиплют вновь вырастающие листья, на которых записаны судьбы людей [Негреев, 2012, с. 131]. В поэме Хеорот уподобляется «земной Вальхалле», где воины, достойные небесного чертога, распивают медовый напиток.

ток (*swetne medo*) из чаши, которую им преподносит Вальхтеов, *Wealhþēow (goldhroden freolicu folccwen* [Bwf., 640b—641a]).

Описания облика Хеорота раскрывают не только раннесредневековые представления о потестарной архитектуре (*goldsele* [Bwf., 715a] — *золотой дворец*, *hrof golde fahne* [Bwf., 925b—926a] — *кровля, золотом покрытая*), ее выразительных особенностях, но и о ритуалах власти, практиках пира (*symbol*) и дара (*maðmas geaf, maðmungaifu, forgeaf*), участники которых, так же как и предметы, являются неотъемлемыми элементами пространства власти, номинативно вписаны в него [Палашевская и др., 2021, с. 85—86]. Золотая палата (*gold + sele* [Bwf., 715a]), сокровищница данов (*beah + sele* [Bwf., 1177a]) или зала для раздачи даров (*gif + healle* [Bwf., 838a]) предполагает присутствие того, кто раздает воинам золото (*gold + wine gumena* [Bwf., 1171a, 1476a, 1602a] — *золотой друг воинов*), а также наличие престола, с которого раздаются дары (*gif + stól* [Bwf., 168a, 2327a]). Медовая трапезная (*medo + ærn, medo + heal, medu + seld* [Bwf., 69a, 484a, 638a, 3065b]) вмещает скамьи для медовых пиршеств (*meodo + setla, medu + benc* [Bwf., 5b, 775a]), медовую чашу (*medo + ful* [Bwf., 624b]), медовое веселье (*medu + dream* [Bwf., 2019a]) и т. п. Части этих сложносоставных слов собирают предметы и действия в визуально упорядоченном пространстве власти. Обозначаемые данными лексемами объекты обладают «побудительным качеством», называемым в теории дизайна «аффордансом», и направлены на воспроизведение потестарного церемониала, символически выражающего господство, с одной стороны, и подчиненность — с другой. Поощрение ратного подвига в виде раздачи даров и угощения медовым напитком, скреплявшего произносимые воинами клятвы и застольные речи, являлось способом рекрутирования, специальной выучки и укрепления политической элиты, было направлено на актуализацию ценностей культуры войны в должных сценариях бытия воина (*fæge, deadfæge* [Bwf., 522a, 846a, 850a, 1241a, 2077a] — *направляемый судьбой к смерти*), его верноподданного служения конунгу.

Символически медовый пир в Хеороте воплощает не только ценности войны, но и является доказательством могущества его устроителя, актом демонстративного потребления воинами материальных ценностей, раздаваемых конунгом щедрот. Как подчеркивает Т. Веблен, потребление или праздность, осуществляемые приближенными за счет своего покровителя, представляют собой капиталовложение с его стороны с видом на увеличение своей доброй славы: пусть тем самым всем людям будет ясно, из какого источника они [приближенные] черпают [Veblen, 1899, p. 41].

3.3. Атрибуты власти

К эмблематическим ценностям, атрибутам власти, в поэме относятся прежде всего а) искусно изготовленное **снаряжение знатного воина** (*eorl-*

gewæde [Bwf., 1442a]), включающее предметы оружия (*fætte scyldas* [Bwf., 333b] — *щиты, золотом покрытые*), боевой одежды (*beaduscud* [Bwf., 453a] — боевая сбруя, *hringed byrne* [Bwf., 1245b] — *нательные доспехи из сплетённых в сетку колец; herebyrne hondum gebroden, sid ond searofah* [Bwf., 1443—1444b] — *кольчатая броня, вручную выделанная, широкая, затейливо украшенная*), боевые наголовья с чеканным изображением вепря (*hwita helm... since geweordad... besette swinlicum* [Bwf., 1449] — *сверкающий шлем, драгоценный, вепрем увенчанный*); б) **боевые скакуны** (*mearas lungre, ... æppelfealu* [Bwf., 2163b—2165a] — *рысаки стремительные, с яблочным узором*) и **конская амуниция** (*sadol searwum fah* [Bwf., 1038] — *седло, богато отделанное*), латы скакунов, подвески конского оголовья (*mearas fætedhleore* [Bwf., 1035b—1036a]); в) **средства морского передвижения** (*sidfæþmed scip, on ancre fæst* [Bwf., 302b—303a] — *ширококорпусный корабль стоял на якоре; þær æt hyðe stod hringedstefna* [Bwf., 32] — *там в савани ждала ладья крутогрудая*).

Ценность предмета, служащего надежным идентификатором статуса, выражалась в его уникальности, редких качествах, знатном происхождении, боевой истории. Так, например, Беовульф прибыл в Хеорот в кольчужной рубаше работы большого оружейного мастера, бога-кузнеца Веланда (*Welandes geweorc* [Bwf., 455a]), лучшем нательном доспехе (*hrægla selest* [Bwf., 454a]), высочайшем образце доспешного мастерства (*beaduscruða betst* [Bwf., 453a]), доставшемся воину в наследство от его наставника Хределя (*Þæt is Hræddan laf* [Bwf., 454b]). А старинный меч, который Беовульф находит в озере чудовищ, — искусная работа гигантов (*god ond geatolic, giganta geweork* [Bwf., 1562]).

В англосаксонской культуре меч выступал знаком не только статусной, но и гендерной идентичности, задающим набор определенных качеств и моделей поведения его обладателя. Представление об оружии как эмблематическом атрибуте маскулинности отражено в таких эвфемистических обозначениях признака пола в древнеанглийском языке, как *wæpnedman* — ‘мужчина’ (букв. *вооруженный человек*), *wæpnedcild* — ‘мальчик’ (букв. *вооруженный ребенок*) [Christie, 2004, p. 152].

В «эпоху доблести и хищничества» [Veblen, 1899] связь с символическим пространством культуры характерна прежде всего для военных атрибутов власти, ее ценностных доминант, лежащих в основе жизнестойкости появляющихся раннегосударственных образований. Экспрессивно-символические предметы вооружения (детали убранства коня, оружие, декорированное плетеным змеиным орнаментом и рунами и т. п.), трофеи хищнических набегов являлись своего рода демонстрацией превосходящей силы их обладателя и общепринятой основой почета, социального признания.

Критериями ценности объекта эпического мира и вероятности его символической нагрузки могут служить номинативная разработанность, детализация описаний, сюжетообразующая функция, включенность в публичные ритуальные практики. Так, значимость корабля в англосаксонской культуре раннего Средневековья подчеркивается внушительным номинативным рядом, включающим более шестидесяти единиц [Песина, 2018, с. 155; Карамышев, 2019, с. 887]. При этом такие древнеанглийские слова, как *scip*, *bat*, *nasa*, *siopel*, могли обозначать любое морское судно, а номинативы частей корабельной конструкции (*ceol* ‘киль’, *bord* ‘борт’ и т. п.) служили метонимическим обозначением целого [Карамышев, 2019, с. 888—889]. Текст поэмы изобилует поэтическими эпитетами, кеннингами и перифразами, обозначающими это важнейшее боевое и презентационное средство власти: *sægenga* [Bwf., 1882b] — *по морю идущий*, *wegflota* [Bwf., 1907a] — *летающий по волнам*, *sæwudu* [Bwf., 226a] — *моря древо*, *sidfæpme* [Bwf., 1917b] — *широкоребрый*, *flota famiheals fugle gelicost* [Bwf., 218] — *корабль, пеной покрытый, парил, словно птица*.

Будучи одним из центральных мифопоэтических символов, корабль встроен в обряд погребения субъектов власти, выполняя функцию отпускаемого в море или помещаемого в курган и нагружаемого сокровищами (*madma fela* [Bwf., l. 36b]) погребального ларька: *Aledon þa leofne þeoden, beaga bryttan, on bearm scipes, mærne be mæste. Þær wæs madma fela of feorwegum, frætwa gelæded* [Bwf., 34—36b] — *Положили туда любимого правителя народа, колец дарителя, в остов корабля под мачтой. С ним же — много сокровищ, из дальних походов добытых*. Поэтический текст погружает образ корабля в мифологическое прошлое германо-скандинавской культуры, репрезентирует данный объект как символ связи миров, отсылая к мифу о золотом корабле, на котором души воинов переправляются в священную Вальхаллу.

3.4. Акциональные знаки власти

Поведенческие обозначения власти раскрывают ролевое предназначение ее субъектов, включая, прежде всего, их территориальные устремления, отношения с соседними и дальними народами, определяющие геополитическое положение потестарного образования. Соответственно, выделяются лексемы (*meodosetla ofteon* — отнимать медовые скамьи, ‘побеждать’, *gefeohstan* ‘биться, сражаться’, *forþringan* ‘сокрушать’, *slean*, *ofslean* ‘убивать, сражать’), выражающие представления о власти, основанной на военном превосходстве, силе, удерживающей за собою пройденные дружиной земли и не допускающей опасного преобладания соперника, принуждающей другие народы мечом и угрозой к исполнению своих притязаний, данническому подчинению (*ofer hronrade hyran scolde gomban gylðan* — *дорой китов, покориться принудил, дань доставлять* [Bwf., 10—11]).

В то же время власть как защищающая, оберегающая сила в непрекращающейся племенной борьбе представлена такими обозначениями субъекта власти, как, например, *hleō* ‘кровля, свод, укрытие’ (*wigendra hleo* [Bwf., l. 429, 1972, 2337] — *воинов защитник*; *eorla hleo* [Bwf., l. 791, 1035] — *покровитель эрлов*), *helm* ‘шлем’ (*helm Scyldinga* — *защитник Скильдингов* (о Хродгаре)), *mund* ‘рука’ (*Wes thu mundbora minum magothegnum, hondgesellum, gif mec hild nime* [Bwf., l. 1480—1481] — *Будь заступником моим молодым воинам, моим храбрым товарищам, если я в битве паду* (Беовульф — Хродгару)), *eodor* ‘стена, ограждение, заслон’ (*eodor Ingwina* — *защитник Ингвинов* [Bwf., 1044] и др.).

Власть как мудрость, целеполагающая политическая прозорливость (*fróðan fyrnwitan*) в вопросах войны и мира, заключения межземельных союзов, упрочнения внутреннего единства общества и его внешнего статуса в долгосрочной перспективе требовала превосходства в особых способностях, знании, приобретенном опыте, выковывания необходимых прогностических качеств для управления ресурсами и людьми. В тексте поэмы выделяется ряд ценностных прескрипций, формирующих мудрого конунга (*wis cyning, wisdom heold*). Например, *Lofdaedum sceal in mægþa gehwære man geþeon* [Bwf., 24—25] — *Должно делать так, чтобы в племени каждый человек процветал* и др. (см. об этом: [Палашевская и др., 2023, с. 273]).

Власть-веление, предполагающее повиновение подданных, проявляет себя в императивных речевых актах ее субъекта (*hatan, gebannan* ‘повелевать, приказывать’: *Da ic wide gefrægn weorc gebannan...* [Bwf., 75] — *Тогда, я слышал, большая работа была велена...* — о возведении Хеорота), являющихся своего рода «картами будущих территорий» [Науакэва, 1947, с. 81]. Субъект власти посредством слов способен творить не только будущее, но и настоящее. Эта созидательная, перформативная функция постстарного языка наглядно реализуется в ономатетических речевых актах, включающих значимый объект в языковую картину мира этноса (...*scop him Heort naman, se the his words gewæld wide hæfde* [Bwf., 78—79] — *создал ему имя Хеорот тот, кто власть слова повсюду имел*). Как отмечает В. Н. Топоров, «онматетический акт стал первым шагом в становлении культуры. Каждое слово первоначально было именем; оно было сакрально и, более того, ... «божественно»...; оно было и знаком этого «божественного» и тем делом-деянием (слово-дело), для которого нет ничего невозможного» [Топоров, 1998, с. 35]. Власть слова, таким образом, определяется перформативностью риторики ее субъекта, способностью учреждать социальную реальность (*Swá hē selfa bæd, þenden wordum weöld wine Scyldinga* [Bwf. 30] — *Пока он власть слова имел, вождь Скильдингов*).

Связь власти с идеей обладания, удержания отражена в др.-англ. лексемах *healdan*, *agan*, *wealdan*, *ricsian*, *fon*, *þingian*, *aliefan*. Так, глагол *healdan* ('иметь, держать в руках') употребляется в сочетаниях с лексемами *leod* (народ), *gifstól*, *bregostól*, *épelstól* (трон, престол), *maþmas*, *hord* (богатства, сокровища), *land* (земли). Однако обладание определенными ценностями недостаточно для признания статуса властителя. Объект обладания в потестарной культуре должен служить средством обмена, социального взаимодействия, иметь демонстративное значение.

Особая роль в культуре демонстрации власти отводится практике дара, которая сопровождает клятвы и соглашения во время публичных ритуалов, включавших слова, предметы и жесты. Как отмечает Ж. Бодрийяр, дар есть источник и самая сущность власти. Власть упраздняется лишь отдариванием [Бодрийяр, 2009, с. 108]. При этом акт дарения преследовал разные цели. Он мог быть платой за верную службу (*feohgyft* [Bwf., 1089a]), жестом инвеституры, закреплявшим зависимость принимающего дар от дающего, а также способом укрепления внешних связей, актом межземельного договора о помощи перед лицом высших сил (*ar* [Bwf., 456]). Так, по прибытии Беовульфа в Хеорот Хродгар обещает щедрые дары за храбрость геата, отважившегося на поединок с чудовищем (*Ic þæm godan sceal for his modþræce madmas beodan* [Bwf., 384b—385]). Он делает это потому, что милостивый Бог, пославший героя данам, проявил благосклонность (*Hine halig God for arstafum us onsende, to West-Denum* [Bwf. 381b—383a]), которая требует взаимности. Ответный жест ценного дара, скрепляющий обдуманное обоюдновыгодное соглашение о дружбе и помощи (*lac ond luftacen* [Bwf. 1863] — дар и залог любви), превращал соперников в борьбе за существование в естественных союзников. И Хротгар дарит Беовульфу-победителю боевой стяг (символ дружины как социального института), шлем, искусные латные доспехи и прославленный меч. За этими дарами следуют дары в виде благородных скакунов и боевого седла. Возможно, Хродгар не был бы столь щедр, если бы храбрый Беовульф не принадлежал к знатному роду, верхушке общества геатов. Как отмечают ученые, практика щедрого дара, свойственная раннесредневековой элите, была направлена на укрепление и сплоченности элитарных общностей, обеспечение минимального перераспределения богатств и, таким образом, упрочнения господства сильных [Bougard et al., 2013, p. 746]. Дар, таким образом, вписан в систему потестарных отношений, основанных на необходимости или дружеских элитарных связях.

Заметим, что Хродгар не только щедро одаривает Беовульфа, но и публично нарекает своим сыном.

*Nu ic Beowulf, þec,
secg betsta, me for sunu wylle
freogan on ferhþe. Heald forð tela
niwe sibbe. Ne bið þe ænigre gad
worolde wilna, þe ic geweald hæbb
[Bwf., 946b—950].*

*Отныне ты, Беовульф,
лучший из воинов, сыном приходишь-
ся мне
в мыслях и сердце. Держись впредь
этого родства. Не будет тебе отка-
за ни в чем из желанного в мире, над
чем власть я имею.*

В мире данов этот перформативный вербальный жест открывал иноземному герою возможность получения права на участие в местном управлении. Однако в ход событий вмешивается супруга конунга (*swen Hroðgares*). Обеспокоенная судьбой своих сыновей, она просит Хродгара щедро отблагодарить героя, но казну и земли оставить сородичам, а власть, в случае гибели самого Хродгара — его племяннику Хродульф (*Hrothulf*) [Bwf., 1180—1187], сохраняя обычай преемственности в наследовании капитала и привилегий. Свою речь королева также сопровождает ценными дарами, преподнося Беовульф *у* запястные кольца, латные доспехи и свое ожерелье.

Дарение, таким образом, сопровождает политически значимые договорённости персонажей. Принимая дары от Вальхтеов, Беовульф остается верен Хигелагу, правителю геатов. Акты демонстративной траты и ее принятия, встроенные в сложные схемы политических соглашений, структурирующих внутренние и внешние социальные связи, являлись средством конструирования социальной среды, социального порядка и соответствующей ему структуры властных отношений.

4. Заключение = Conclusions

Лингвосемиотический подход к изучению феномена власти направлен на системное описание специфики ее внешней стороны, способов ее самопрезентации и демонстрации обществу, характерных для определенного этапа развития национальной лингвокультуры. Власть, с данных позиций, рассматривается как коммуникативная система знаков-презентем, сигнализирующих о принадлежности к правящей элите, взаимосвязанных средств конструирования и сохранения ее идентичности, открывающей доступ к наиболее ценным социальным благам.

Знаковые комплексы власти в англосаксонской эпической лингвокультуре включают различные группы субъектных, объектных, акциональных обозначений власти, ее атрибуты, выполняющих денотативную функцию и одновременно встроенных в символические систему культурных кодов, отражающих определенное устройство социального мира. Любой

объект в раннесредневековой культуре, представляющий собой ценность власти, средство ее идентификации, легитимации и публичной демонстрации, становится важным элементом языкового пространства, получает символическую нагрузку, связывает мир людей с миром мифопоэтических символов. Символические значения, в свою очередь, определяют статус объекта в раннесредневековом обществе. В культуре, восхваляющей войну, сокрушительную силу воинов и презрение к «дикарям», к знакам власти одних людей над другими относятся прежде всего благородное имя и материальные свидетельства выдающейся доблести, добытой в бою славы.

Сегодня «Беовульф» все менее воспринимается как история победы добра над злом, «врагами преисподней» (*feond on helle*), уничтожаемых доблестными воинами. В контексте современных интерпретаций истории Британских островов эта поэма скорее об этническом и политическом насилии, о воинственной и безжалостной воле к власти, грозной покоряющей силе, стремящейся за пределы своих первоначальных владений. Это объемное, эпическое представление социально значимых событий с позиции элитарных групп, репрезентация знаковых форм и способов их бытия, служащих укреплению идентичности англосаксонского мира, его ценностно-экзистенциальных доминант в эпоху раннего Средневековья.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Bates R. How Beowulf Can Save America. An Epic Hero's Guide to Defeating the Politics of Rage [Electronic resource] / R. Bates // CreateSpace Independent Publishing Platform, 2012. — Access mode : <https://betterlivingthroughbeowulf.com/> (accessed 14.10.2024).
2. Bwf. — *Beowulf* (online edition) [Electronic resource] // The British Library and the University of Kentucky College of Arts & Sciences. — 2015. — Access mode : <https://ebeowulf.uky.edu> (accessed 20.05.2024).
3. Kwasniewski J. Beowulf and the thumos of Catholic manhood [Electronic resource] / J. Kwasniewski // The Dispatchю — 2023. — Access mode : <https://www.catholicworldreport.com/2023/12/28/> (accessed 14.10.2024).
4. Wood M. On Beowulf [Electronic resource] / M. Wood. — BBC4. — 2009. — Access mode : <https://annathomson.dunked.com/michael-wood-on-beowulf> (accessed 14.10.2024).

Литература

1. Аникьев И. И. Зодчие, конунги, понтифики в средневековой Европе / И. И. Аникьев, М. А. Бойцов, А. Ю. Виноградов и др. ; отв. ред. М. А. Бойцов, О. С. Воскобойников. — Москва : Высшая школа экономики, 2021. — 305 с. — ISBN 978-5-7598-2311-7.
2. Бойцов М. А. Что такое потестарная имагология? / М. А. Бойцов // Власть и образ. Очерки потестарной имагологии. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2010. — С. 5—37. — ISBN 978-5-91419-366-6.

3. Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть / П. Бурдые // THESIS. — 1993. — Выпуск 2. — С. 137—150.
4. Карамышев Е. А. Древнеанглийская корабельная лексика «устройство корабля/scipes timber» в этимологическом аспекте / Е. А. Карамышев // Вестник Башкирского университета. — 2019. — Т. 24. — № 4. — С. 887—891. — DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2019.4.21.
5. Карасик В. И. Лингвосемиотическое моделирование ценностей / В. И. Карасик // Политическая лингвистика. — 2012. — № 1. — С. 43—50.
6. Кутырёв В. А. Последнее целование. Человек как традиция / В. А. Кутырёв. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2015. — 312 с. — ISBN 978-5-9905768-9-6.
7. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой / Дж. Кэмпбелл. — Санкт-Петербург : Питер, 2022. — 544 с. — ISBN 978-5-4461-1292-0.
8. Негреев И. О. Древнескандинавский образ мирового дерева Игдрасиль : функции и значение / И. О. Негреев // Евразия : духовные традиции народов. — Москва : Российский православный ун-т св. Иоанна Богослова, 2012. — № 2. — С. 131—138.
9. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса : монография / А. В. Олянич. — Москва : Гнозис, 2007. — 407 с. — ISBN 5-7333-0184-8.
10. Палашевская И. В. Пир в Хеороте : презентемы власти в германском обществе раннего средневековья (на материале поэмы «Беовульф») / И. В. Палашевская, В. В. Гогенко // Современная наука : актуальные проблемы теории и практики. Серия Гуманитарные науки. — 2021. — № 12/3. — С. 83—89. — DOI: 10.37882/2223-2982.2021.12-3.13.
11. Палашевская И. В. Ценности власти в англосаксонском героическом эпосе раннего Средневековья / И. В. Палашевская, В. В. Гогенко // Жанры речи. — 2023. — Т. 18. — № 3 (39). — С. 267—274. — DOI: 10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-267-274.
12. Пастуро М. Символическая история европейского средневековья / М. Пастуро ; пер. с фр. Е. Решетниковой. — Санкт-Петербург : Alexandria, 2012. — 446 с. — ISBN 978-5-903445-21-9.
13. Песина С. А. Исследование скорости распада синонимического ряда SCIP в истории английского языка / С. А. Песина, Е. А. Карамышев // Вестник Челябинского гос. университета. — 2018. — № 6 (416). — С. 154—160.
14. Символ в системе культуры / Ред. Ю. М. Лотман // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. — Тарту : Тарт. гос. ун-т (ТГУ), 1987. — 144 с.
15. Тацит К. Анналы. Малые произведения / К. Тацит ; пер. с лат. А. С. Бобовича. — Москва : АСТ, 2010. — 507 с. — ISBN 978-5-17-065507-6.
16. Томберг О. В. Аксиологические характеристики художественных образов в англосаксонской поэтической лингвокультуре : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.04 / О. В. Томберг — Волгоград, 2019. — 486 с.
17. Bougard F. Elites in the Early Middle Ages / F. Bougard, G. Bühner-Thierry, R. Le Jan ; transl. by K. Throssell // Annales. Histoire, Sciences Sociales. — 2013/4 (68th Year). — Pp. 1079—1112.
18. Christie E. Self-Mastery and Submission: Holiness and Masculinity in the Lives of Anglo-Saxon Martyr-Kings / E. Christie // Holiness and Masculinity in the Middle Ages. — Toronto, Buffalo : University of Toronto Press, 2004. — Pp. 143—157. — ISBN 0-8020-4892-7.
19. Hayakawa S. Language in action. A guide to accurate thinking, reading and writings / S. Hayakawa. — New York : Harcourt, Brace and Company, 1947. — 243 p.
20. Mosca G. The ruling class / G. Mosca ; trans. Hannah D. Kahn. — New York : McGraw-Hill, 1939 [1896]. — 514 p.

21. *Veblen T.* The theory of the leisure class : an economic study in the evolution of institutions / T. Veblen. — New York : Macmillan, 1899. — Vol. VIII. — 400 p.

22. *Pareto V.* The Rise and Fall of the Elites. An Application of Theoretical Sociology / V. Pareto, introd. by H. L. Zetterberg. — Totowa, New York : Bedminster Press, 1968. — 120 p.

Статья поступила в редакцию 16.10.2024,
одобрена после рецензирования 23.12.2024,
подготовлена к публикации 25.01.2025.

Material resources

Bates, R. (2012). How Beowulf Can Save America. An Epic Hero's Guide to Defeating the Politics of Rage. *CreateSpace Independent Publishing Platform*. Available at: [https://betterlivingthroughbeowulf.com/\(accessed 14.10.2024\)](https://betterlivingthroughbeowulf.com/(accessed 14.10.2024)).

Bwf. — Beowulf (online edition). (2015). *The British Library and the University of Kentucky College of Arts & Sciences*. Available at: [https://ebeowulf.uky.edu \(accessed 20.05.2024\)](https://ebeowulf.uky.edu (accessed 20.05.2024)).

Kwasniewski, J. (2023). Beowulf and the thumos of Catholic manhood. *The Dispatch*. Available at: [https://www.catholicworldreport.com/2023/12/28/ \(accessed 14.10.2024\)](https://www.catholicworldreport.com/2023/12/28/ (accessed 14.10.2024)).

Wood, M. (2009). On Beowulf. *BBC4*. Available at: [https://annathomson.dunked.com/michael-wood-on-beowulf \(accessed 14.10.2024\)](https://annathomson.dunked.com/michael-wood-on-beowulf (accessed 14.10.2024)).

References

Anikiev, I. I., Boytsov, M. A., Vinogradov, A. Yu. (2021). *Architects, kings, pontiffs in medieval Europe*. Moscow: Higher School of Economics. 305 p. ISBN 978-5-7598-2311-7. (In Russ.).

Bougard, F., Bühner-Thierry, G., Le Jan, R. (2013/4). Elites in the Early Middle Ages. *Annales. Histoire, Sciences Sociales*. 1079—1112.

Bourdieu, P. (1993). Social space and symbolic power. *THESIS*, 2: 137—150. (In Russ.).

Boytsov, M. A. (2010). What is potestiar imagology? In: *Power and image. Essays on potestiar imagology*. Saint Petersburg: Alethea. 5—37. ISBN 978-5-91419-366-6. (In Russ.).

Campbell, J. (2022). *The Thousand-faced Hero*. St. Petersburg: Peter. 544 p. ISBN 978-5-4461-1292-0. (In Russ.).

Christie, E. (2004). Self-Mastery and Submission: Holiness and Masculinity in the Lives of Anglo-Saxon Martyr-Kings. In: *Holiness and Masculinity in the Middle Ages*. Toronto, Buffalo: University of Toronto Press. 143—157. ISBN 0-8020-4892-7.

Hayakawa, S. (1947). *Language in action. A guide to accurate thinking, reading and writings*. New York: Harcourt, Brace and Company. 243 p.

Karamyshev, E. A. (2019). Old English ship vocabulary “ship structure/scipes timber” in etymological aspect. *Bulletin of Bashkir University*, 24 (4): 887—891. DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2019.4.21. (In Russ.).

Karasik, V. I. (2012). Semio-linguistic modeling of values. *Political linguistics*, 1: 43—50. (In Russ.).

Kutyrev, V. A. (2015). *The last kiss. Man as a tradition*. Saint Petersburg: Aleteya. 312 p. ISBN 978-5-9905768-9-6. (In Russ.).

Lotman, Yu. M. (1987). Symbol in the system of culture. In: *Scientific notes of the Tartu State University*. Tartu: Tart. State University (TSU). 144 p. (In Russ.).

- Mosca, G. (1939 [1896]). *The ruling class*. New York: McGraw-Hill. 514 p.
- Negreev, I. O. (2012). The Old Norse image of the world tree Yggdrasil: functions and meaning. In: *Eurasia: spiritual traditions of peoples*, 2. Moscow: Russian Orthodox University of St. Peter. St. John the Theologian. 131—138. (In Russ.).
- Olyanich, A. V. (2007). *The presentation theory of discourse: a monograph*. Moscow: Gnosis. 407 p. ISBN 5-7333-0184-8. (In Russ.).
- Palashevskaya, I. V., Gogenko, V. V. (2021). Feast in Heorot: the presentation of power in the German society of the early Middle Ages (based on the poem “Beowulf”). *Modern science: actual problems of theory and practice. The Humanities series*, 12/3: 83—89. DOI: 10.37882/2223-2982.2021.12-3.13. (In Russ.).
- Palashevskaya, I. V., Gogenko, V. V. (2023). The values of power in the Anglo-Saxon heroic epic of the early Middle Ages. *Genres of speech*, 18 / 3 (39): 267—274. DOI: 10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-267-274. (In Russ.).
- Pareto, V. (1968). *The Rise and Fall of the Elites. An Application of Theoretical Sociology*. Totowa, New York: Bedminster Press. 120 p.
- Pasturo, M. (2012). *Symbolic history of the European Middle Ages*. St. Petersburg: Alexandria. 446 p. ISBN 978-5-903445-21-9. (In Russ.).
- Pesina, S. A., Karamyshev, E. A. (2018). Investigation of the rate of decay of the SCIP synonymic series in the history of the English language. *Bulletin of the Chelyabinsk State University. University*, 6 (416): 154—160. (In Russ.).
- Tacitus, K. (2010). *Annals. Small works*. Moscow: AST. 507 p. ISBN 978-5-17-065507-6. (In Russ.).
- Tomberg, O. V. (2019). *Axiological characteristics of artistic images in Anglo-Saxon poetic linguoculture*. Doct. Diss. Volgograd. 486 p.
- Veblen, T. (1899). *The theory of the leisure class: an economic study in the evolution of institutions, VIII*. New York: Macmillan. 400 p.

*The article was submitted 16.10.2024;
approved after reviewing 23.12.2024;
accepted for publication 25.01.2025.*

Информация для цитирования:

Петренко С. А. Карикатурный образ обжоры в дискурсе М. Эмиса : прагмасемантическое измерение / С. А. Петренко, А. Ф. Петренко, С. В. Тищенко // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 1. — С. 98—114. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-98-114.

Petrenko, S. A., Petrenko, A. Ph., Tishchenko, S. V. (2025). Caricatured Figure of Glutton in M. Amis's Discourse: A Pragmatic-Semantic Perspective. *Nauchnyi dialog*, 14 (1): 98-114. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-98-114. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Карикатурный образ обжоры в дискурсе М. Эмиса: прагмасемантическое измерение

Петренко Светлана Анатольевна

orcid.org/0000-0001-8684-0382

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра теоретической лингвистики
и практики межкультурного общения,
корреспондирующий автор
speterson@yandex.ru

Петренко Александр Филиппович

orcid.org/0000-0001-9004-9198

кандидат филологических наук,
профессор, кафедра словесности
и педагогических технологий
филологического образования
petrenko@pgu.ru

Тищенко Светлана Владимировна

orcid.org/0000-0003-1766-4893

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра теоретической лингвистики
и практики межкультурного общения
tishchenko@pgu.ru

Пятигорский
государственный университет
(Пятигорск, Россия)

Caricatured Figure of Glutton in M. Amis's Discourse: A Pragmatic-Semantic Perspective

Svetlana A. Petrenko

orcid.org/0000-0001-8684-0382

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Theoretical Linguistics and
Intercultural Communication Practice,
corresponding author
speterson@yandex.ru

Alexander Ph. Petrenko

orcid.org/0000-0001-9004-9198

PhD in Philology, Professor,
Department of Literature and Pedagogical
Technologies in Philological Education
petrenko@pgu.ru

Svetlana V. Tishchenko

orcid.org/0000-0003-1766-4893

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Theoretical Linguistics and
Intercultural Communication Practice
tishchenko@pgu.ru

Pyatigorsk State University
(Pyatigorsk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведено исследование прагмасемантических аспектов гиперболизированного изображения (карикатуризации) чревоугодия в дискурсивном пространстве романа М. Эмиса «Money: A Suicide Note». Анализируются прямые номинации и метафорически переосмысленные языковые ресурсы, способствующие созданию пародийного образа толстяка и обжоры на уровне предложения и более широкого интратекстуального пространства. Вскрываются глубинные механизмы создания типизированной ситуации обжорства и его последствий. Охарактеризован прием когнитивного диссонанса, способствующий формированию комической фигуры protagonista романа. Подчеркивается итерационный подход писателя к построению карикатурного архетипичного образа гедониста и обжоры при помощи разнообразных лексико-семантических, стилистических, контекстуально-когнитивных инструментов. Отмечается их высокая дискурсивная плотность. Выявляются когниолингвистические механизмы репрезентации темы чревоугодия в карикатурно-гиперболизированном ключе. Полученные при этом данные открывают новые горизонты для освоения прагмасемантических ресурсов и когнитивно-дискурсивного потенциала вербального воплощения актуальной в современном мире проблемы эгоистичного образа жизни. Определяется коннотативная и эмотивная многомерность карикатурного вербального образа.

Ключевые слова:

Эмис; вербальный образ; карикатура; гиперболизация; лингвокреативное моделирование.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study investigates the pragmatic-semantic aspects of the hyperbolized representation (caricaturization) of gluttony within the discursive space of M. Amis's novel "Money: A Suicide Note." It analyzes both direct nominations and metaphorically reinterpreted linguistic resources that contribute to the creation of a parodic image of the fat man and glutton at the sentence level and within a broader intratextual context. The underlying mechanisms that construct a typified situation of gluttony and its consequences are unveiled. The use of cognitive dissonance is characterized as a device that aids in shaping the comic figure of the protagonist in the novel. The author emphasizes Amis's iterative approach to constructing a caricatured archetypal image of the hedonist and glutton through a variety of lexico-semantic, stylistic, and contextually-cognitive tools, noting their high discursive density. Cognitive-linguistic mechanisms for representing the theme of gluttony in a caricatural and hyperbolized manner are identified. The findings open new horizons for exploring pragmatic-semantic resources and the cognitive-discursive potential of verbal manifestations of the contemporary issue of selfish lifestyles. The connotative and emotive multidimensionality of the caricatured verbal image is defined.

Key words:

Amis; verbal image; caricature; hyperbole; linguistic creativity modeling.

Карикатурный образ обжоры в дискурсе М. Эмиса: прагмасемантическое измерение

© Петренко С. А., Петренко А. Ф., Тищенко С. В., 2025

1. Введение = Introduction

Комбинированное исследование семантики и прагматики языковых реалий — это уникальный методологический подход, который позволяет проникнуть в глубинные механизмы смыслообразования и реализации коммуникативных интенций с помощью разнообразных языковых инструментов. Диапазон моделирования новых смыслов в процессе коммуникации безграничен и труднопредсказуем из-за когнитивных принципов, позволяющих творчески совмещать различные ментальные пространства и выявлять все новые грани языковой концептуализации действительности [Гуревич, 2010]. В связи с этим принципиальное значение приобретают прагмасемантические параметры создания и описания определенных зон или «фоновых ситуаций (сред)», воздействующих на объекты [Филиппов, 2012, с. 3]. Фоновая ситуация «чревоугодие» нередко оказывается в фокусе внимания писателей, создающих карикатурный образ с использованием разнообразных языковых инструментов.

Карикатура как жанр изобразительного искусства широко применяется для гиперболизированного отображения вызывающих критическое суждение реалий окружающей действительности средствами визуализации. С искусствоведческой и литературоведческой точек зрения карикатурой называют намеренное искажение, ироническое утрирование или пародийное изображение черт характера, привычек, свойств личности, манеры поведения человека, каких-либо событий с целью их высмеивания. Таким образом, основными сферами реализации карикатурного образа являются юмор, ирония, сатира [Петренко и др., 2022], выполняющие функцию «направленного осмеяния» [Чепуров, 2014, с. 143] сложившихся в современном мире устоев.

Широко известны карикатурные образы, созданные русскими писателями Н. В. Гоголем, М. Е. Салтыковым-Щедриным, М. А. Булгаковым

и др., британскими авторами Дж. К. Джеромом, П. Вудхаузом, Т. Пратчеттом и др. Авторы данной статьи ставят своей целью выявление лингвистических механизмов создания карикатурного образа обжоры в дискурсе Мартина Эмиса на примере романа «Money: A Suicide Note» [Amis, 2019]. Для тщательной разработки данной темы мы в дальнейшем последовательно выявляем, анализируем и описываем прагмасемантические, стилистические и когнитивно-дискурсивные маркеры сатирического изображения протагониста романа, Джона Селфа, толстяка и обжоры, задействованные на всех уровнях художественного дискурса.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Проникновение в логико-смысловые закономерности создания карикатурных образов посредством лингвистических инструментов последнее время имеет статус актуальных филологических задач и становится предметом глубокого интереса в современных филологических разработках на материале массмедийного, публицистического и художественного дискурсов (см., например, работы таких отечественных и зарубежных лингвистов, как У. Омри и Б. Хампе [Omri et al, 2008]; А. И. Шурхаев [Шурхаев, 2010]; Н. Коэн [Cohn, 2012]; И. В. Чепуров [Чепуров, 2014]; О. В. Бокавнева [Бокавнева, 2018]; М. А. Воронкова, Т. Б. Самарская [Воронкова и др., 2019]; С. А. Бурикова, И. О. Павлов [Бурикова и др., 2024] и др.). Опираясь на теоретические основы в кросс-дисциплинарных областях познания (когнитивной психологии и нейронауке, когнитивной лингвистике и дискурсивном анализе), ученые выявляют виды взаимодействия речемыслительных и визуально-образных категорий в различных видах дискурса [Механизмы ..., 2023, с. 411].

Методология изучения прагмасемантических параметров создания карикатурного образа обжоры в пространстве художественного текста предполагает комплексный подход, сочетающий лингвистический анализ языковых средств достижения нужного эффекта, описание когнитивных принципов, схем и механизмов конструирования комически гиперболизированного образа обжоры [Stroebe et al, 2016], а также прагматические наблюдения, направленные на выявление того, какое воздействие этот образ оказывает на читателя. Методология нашего исследования включает в себя когнитивно-дискурсивное изучение вербальных средств, воздействующих на эмоциональную сферу восприятия реципиентом (читателем) описываемой действительности, анализ стилистических инструментов гиперболизации, семантических и синтаксических фигур речи, а также различных дискурсивных маркеров, способствующих акцентуализации смыслопорождающих элементов нарратива. Отправной точкой проведенного анали-

за является роман Мартина Эмиса «Money: A Suicide Note», написанный еще в 1984 году, но получивший широкое признание и вошедший в список лучших романов на английском языке лишь в XXI веке. В фокусе нашего внимания одна черта протагониста романа Джона Селфа, типичного гедониста, — его страсть к обильной еде и алкогольным напиткам. Соответственно, в выбранном тексте были идентифицированы и вычленены фрагменты, которые непосредственно описывают персонажа, его поведение, привычки и отношение к еде.

Особого методологического внимания заслуживает выявление в процессе анализа семантических полей, связанных с неумейной жадностью героя, его эгоизмом, потребительством и отсутствием ограничений в поглощении пищи и напитков. Тематическая разработка гастрономического дискурса и связанных с ним подтем, семантическое, стилистическое, синтаксическое, концептуальное описание лексико-семантического поля «еда» не являются чем-то абсолютно новым в лингвистике. Реализация данной темы нашла свое отражение в научных трудах Е. П. Иванян [Иванян, 2015], Е. А. Юриной, А. В. Балдовой [Юрина и др., 2017], И. И. Косинец, О. В. Сычевой [Косинец и др., 2018], В. Д. Шевченко [Shevchenko, 2019] и др. Тем не менее тема чревоугодия и способы ее лингвистической репрезентации в карикатурно-гиперболизированном ключе представляются актуальными и открывают новые горизонты для освоения прагмасемантических ресурсов и когнитивно-дискурсивного потенциала вербального воплощения проблемы эгоизма, культа телесных удовольствий, что мастерски отражено в романе М. Эмиса.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

В данном разделе подвергнем анализу широкую парадигму прагмасемантических аспектов воплощения темы духовной пустоты и морального разложения на примере планомерного создания писателем карикатурно-гиперболизированного образа главного героя, Джона Селфа, разнообразными лингвистическими средствами в художественном дискурсе романа «Money».

3.1. Лингвопрагматический ракурс описания обжоры в дискурсе М. Эмиса = Linguistic and pragmatic perspective of the description of the glutton in M. Amis's discourse

Среди множественных пороков главного героя обжорство является одним из наиболее существенных, и М. Эмис последовательно и многократно фиксирует внимание читателя на телесных характеристиках героя, отражающих результат его пристрастия к обильной тяжелой пище и алкоголю. Выбор лексических ресурсов языка целенаправленно возвращает

читателя к гиперболизированно подчеркнутому выдвиганию на первый план запоминающихся визуально-образных черт главного героя романа.

Эмис с хирургической точностью и настойчивостью фокусирует внимание читателя на телесных проявлениях этого порока, делая обжорство не только одним из грехов героя, но и визуально определяющей его характеристикой. Автор использует лексические ресурсы языка таким образом, чтобы неоднократно и навязчиво напоминать читателю о физических последствиях неумеренного потребления пищи и алкоголя, создавая гротескный, карикатурный портрет Селфа. Итерационный подход к данным ресурсам (их постоянное повторение и лингвистическое варьирование) предрасполагает к карикатуризации создаваемого портрета. Данный подход становится важной стратегией Эмиса, служащей для усиления создаваемого эффекта и погружения читателя в мир физических излишеств, к которым склонен главный герой.

Эмис не скупится на детализированные описания тела Селфа, акцентируя внимание на его избыточном весе, отечности, покраснениях и других признаках злоупотребления едой и алкоголем. Эти описания далеки от нейтральных и направлены на то, чтобы вызвать у читателя чувство отвращения или, по крайней мере, дискомфорта. Детализация черт Джона Селфа осуществляется при помощи следующих описательных элементов, стилистически маркирующих внушительные размеры и впечатляющие объемы его лица и тела: *the face of a fat snake* (морда толстой змеи) (здесь и далее перевод наш. — С. П., А. П., С. Т.); *the tureen of my gut* (глубины нутра); *200 pounds of yob genes, booze, snout and fast food* (200 фунтов жирных генов, выпивки, курева и фаст-фуда); *my gut set like a stone* (живот лежал камнем); *fat red ears* (толстые красные уши). Выбор лексики способствует созданию нежеланного портрета героя, обремененного лишними килограммами и имеющего неестественно крупные параметры тела.

М. Эмис с первых страниц романа создает карикатурный образ толстого, грузного, обрюзгшего к 35 годам мужчины. Автор постоянно отслеживает динамику изменений в теле Селфа, подчеркивая, как его обжорство приводит к дальнейшему ухудшению его внешнего вида. Эти изменения становятся своего рода визуальными маркерами его морального разложения. Помимо прямых лексико-семантических номинаций, информация передается на уровне дискурсивной организации текста при помощи прямых и описательных вербальных средств, что проявляется в микроситуациях, комбинирующих разноплановые сочетания лингвистических средств:

(1) *Jesus, I'm so fat these days. I tell you, I appall myself in the tub and on the can* [Amis, 2019, p. 8] // **Боже, я такой толстый в последнее время. Говорю вам, я ужасаюсь самому себе, будучи в ванне и на унитазе.**

Лексема *fat* — жирный (*‘having too much flesh on it and weighing too much’* [OLD] — имеющий излишки плоти и слишком большую массу тела) в сочетании с усилительным наречием *so* — так (*‘very; extremely’* [OLD] — очень, сильно) указывают на чрезмерный вес персонажа на прямом лексическом уровне. Дополнительный комический эффект достигается приемом двойного хеджирования в пределах одного высказывания: во-первых, хеджем выступает вводное слово *Jesus* (Боже) перед констатацией факта наличия излишней массы тела у героя, демонстрирующее всплеск эмоций самого обладателя крупногабаритных размеров; во-вторых, обращение к читателю *I tell you* — Говорю вам, способствующее созданию доверительных отношений между читателем и героем. Основная задача хеджирования — создание некоторой паузы, после которой сообщаемая информация смотрится более акцентированной, весомой. Гротескное контекстуальное окружение *I appall myself in the tub and on the can* — я ужасаюсь самому себе, будучи в ванне и на унитаже существенно усиливает комический образ Джона Селфа, которому страшно видеть себя без одежды.

Таким образом, уже в первом рассмотренном примере мы обнаруживаем, как прагматическая задача визуализации карикатурного образа достигается Эмисом на уровне лексики (прямые лексические номинации с наречиями-интенсификаторами), средствами хеджирования (применение неформальных маркеров доверия с эффектом отложенного ожидания), контекстуально-гротескным заострением жизненных реалий, приводящим к максимальной визуализации комичного образа (эмоциональная реакция Селфа на свои физические данные). Автор намеренно использует слова и выражения, которые ассоциируются с неприятными физиологическими ощущениями, что способствует созданию негативного восприятия героя читателем. Сочетание комического с уродливыми приводит к созданию гротескного образа, который одновременно забавляет и отталкивает читателя.

Главный герой недоумевает:

(2) *How did it happen? It can't just be all the booze and the quick food I put away* [Amis, 2019, p. 8] // Как же это случилось? Не может же быть причиной этому вся моя выпивка и фастфуд.

Необходимые прагматасемантические свойства карикатурной зарисовки растолстевшего мужчины во втором примере реализуются при помощи риторического вопроса (*‘How did it happen?’* // Как же это случилось?), выражающего абсолютное недоумение, и перечислением бесполезной еды, которая вошла в привычный рацион персонажа (*‘the booze and the quick food’* // выпивка и фастфуд), в пределах одного высказывания. Создавая свою карикатуру, автор намеренно прибегает к приему когнитивного диссонан-

са. Основным свойством данного приема является намеренное искажение логики построения мысли, приводящее к формированию конфликтующих между собой представлений и нарушению нормативной дистрибуции [Фестингер, 1999]. Прием когнитивного диссонанса может служить целям навязывания искаженной информации или намеренного манипулирования общественным сознанием [Бизюков и др., 2019, с. 91]. В нашем случае прием когнитивного диссонанса служит комическим интенциям писателя: недоумение главного героя по поводу причин лишнего веса при наличии перечисления ежедневных пищевых нарушений является настойчивым и саморазоблачительным игнорированием лежащего на поверхности ответа на прямой вопрос. Это очевидно всем, кроме самого Джона Селфа, упорно не желающего замечать неблагоприятный результат своих привычек. Внутренний монолог Селфа, анализирующего последствия своего злоупотребления нездоровой пищей и алкоголем, имеет серьезный прагматический потенциал, заставляя читателя испытывать дискомфорт и неприязнь к карикатурно-уродливому представителю общества, в котором так высоко ценятся материальные блага и удовольствия, в котором обжорство — это не просто физическое пристрастие, но и своеобразная жизненная философия.

Эмис не стесняется использовать откровенные, порой даже грубые анатомические подробности, описывая пищеварительный процесс или последствия переедания. Эти детали служат для усиления эффекта отталкивания и вызывают у читателя физиологическую реакцию. В этой же микроситуации стоит обратить внимание на прагматические свойства фразового глагола *put away* в значении ‘съесть’. Основная семантика данного глагола, согласно словарной дефиниции, — ‘отложить в запас’ (*‘to put something in the place where it is kept’* [OLD] — *положить в определенное место для сохранности*). Метафорическое описание «откладывания в запас» всего съеденного Дж. Селфом также способствует сатирическому наполнению карикатурного образа.

Фразовые глаголы, обладающие повышенным эмфатическим потенциалом благодаря идиоматичности совместного значения глагола и послелога, способны более ярко и образно маркировать эмоциональный компонент речи. Это наглядно проявляется и в других ситуациях романа, показывающих количество, процесс или скорость поедания продуктов главным героем (примеры 3 и 4):

(3) *I ate seven Fastfurters. They were so delicious that tears filled my eyes as I bolted them down* [Amis, 2019, p. 34] // *Я съел целых семь фастфуртеров* (авторский окказионализм М. Эмиса. — С. П., А. П., С. Т.). *Они были такими вкусными, что у меня на глаза навернулись слезы, когда я уплетал их (за обе щеки).*

(4) *I wolfed down my lunch, charming a second helping out of the all-smiles stewardess* [Amis, 2019, p. 63] // Я с жадностью проглотил свой обед, выпросив вторую порцию у улыбающейся стюардессы.

Глагольно-наречные сочетания *to bolt down* — «проглотить, запихнуть / затолкать в себя, уплетать за обе щеки / набивать брюхо» и *to wolf down* — «проглотить с жадностью волка» отсутствуют в онлайн-версии лексикографического источника Oxford Learner's Dictionary, то есть являются окказиональными фразовыми глаголами. Тем не менее их семантика когнитивно обоснована вполне очевидным метафорическим переходом между пространствами значений 'прием пищи' = 'вкручивание болта' (в случае (3) с фразовым глаголом *to bolt down*) и 'прием пищи' = 'откармливание голодного волка' (в случае (4) с фразовым глаголом *to wolf down*). М. Эмис, создавая образ обжоры, проводит смелые и порой неожиданные параллели между различными концептуальными областями. В обоих случаях еда исчезает практически мгновенно — как вкрученный в какую-либо поверхность болт или шуруп или как корм у голодного волка. В результате лингвистические ресурсы для описания ненасытности Селфа и бесконтрольности его питания часто приводят к ассоциативным сопоставлениям персонажа с животными, подчеркивая его примитивные инстинкты. При этом обжорство метафорически описывается как процесс саморазрушения.

Автор творчески переосмысливает и совмещает в единый гармонично выстроенный пласт целые смысловые категории, на первый взгляд, не имеющие прямых точек соприкосновения. Тем самым образ Дж. Селфа получает статус карикатурного. Данный факт находит дополнительное подтверждение в сопровождающей семантике контекстуального отрывка. Гиперболизированное описание восторга при поедании персонажем семи (!) «фастфуртеров» (*they were so delicious that tears filled my eyes // они были такими вкусными, что слезы навернулись на глаза* (пример 3)) и окказиональная идиома *to charm smth out of smb // выклянчить что-то у кого-то* (персонаж выклянчил добавку у улыбающихся стюардесс на борту лайнера (пример 4)) создают неправдоподобный образ, некую карикатурную пародию на ненасытного чревоугодника.

Главный герой столь же ненасытен в употреблении напитков:

(5) *As he talked, and as I hunkered down to a long train of grappa and espresso, I felt the clasp and nuzzle of real money* [Amis, 2019, p. 65] // Пока он говорил, а я, присев на корточки, поглощал длинный состав цистерн с граппой и эспрессо, я почувствовал прикосновение настоящих денег.

В примере (5) фразовый глагол *to hunker down* 'присесть на корточки' (в лексикографическом описании *'to sit on your heels with your knees bent up'* [OLD] // сидеть на ступнях с подогнутыми коленями) предшествует

именной группе с предложением *to*, переводящей акцент на количество выпитых Джоном Селфом напитков во время разговора с коллегой.

Прагматическая задача карикатурного заострения свойств «обжоры» решена при помощи новой концептуализации: алкогольный напиток граппа и кофе эспрессо поступают главному герою целыми составами и выпиваются в один присест. Налицо гипербола, так как с точки зрения реальных возможностей человека описанный выше процесс «представляется сомнительным или просто невероятным» [Бердиев, 2022, с. 732]. В гиперболе, используемой Эмисом для создания карикатурного образа толстяка, происходит намеренное столкновение реалистичных, естественных элементов повествования (*grappa* — напиток *grappa*, *espresso* — кофе эспрессо, *hunker* — сидение на корточках) с невозможными, гротескными явлениями и предметами (*hunker down a train of grappa and espresso* — выпить в один присест состав из цистерн с граппой и эспрессо). В основные предметно-логические значения слов вклинивается сатирически заостренная контекстуально-эмоциональная составляющая, добавляющая семантику нелепости и переносящая все повествование в карикатурно-гротескный режим. Отчетливо сформированная автором прямая зависимость возможности пить граппу и кофе в неограниченных количествах (цистернами) и благосостояния вновь указывает на прагматический вектор авторской позиции: когда материальные блага и удовольствия ставятся во главу угла, обжорство превращается из простого физического пристрастия в своеобразную «жизненную философию» — систему ценностей, оправдывающую и поощряющую избыточное потребление.

Итак, сочетание в коротких предложениях (примеры (3—5)) метафорических окказионализмов в виде фразовых глаголов чрезмерного поглощения пищи (*bolt down*, *wolf down*, *hunker down to smth*), гротескное изображение эмоциональной составляющей, формирующей восторженное отношение героя к еде и напиткам (*so delicious that tears filled...*), количественная фиксация съедаемого (*seven Frankfurters*, *a long train of grappa and espresso*), реакция окружающих (*all-smiles stewardess*) демонстрируют совокупность лингвистических средств усиления создаваемого облика персонажа. Их высокая дискурсивная плотность создает необходимый эффект визуализации карикатурной личности толстяка, не способного контролировать свое пищевое поведение.

3.2. Контекстуально-дискурсивный ракурс описания обжоры в тексте М. Эмиса = Cognitive and discourse perspective of the description of the glutton in M. Amis's text

Контекстуально-дискурсивный подход к описанию обжоры в романе Мартина Эмиса «Монеу» предполагает рассмотрение образа Джона Сел-

фа не только как статичного набора характеристик, но и в качестве динамически развивающегося конструкта, формирующегося в конкретном контексте и дискурсе произведения. Этот подход позволяет анализировать, как автор использует язык для создания, поддержания и изменения образа обжоры и как этот образ функционирует в рамках повествования и общего замысла романа.

Роман «Money», написанный в эпоху потребительского бума и гедонизма, и образ обжоры Селфа являются отражением социальных тенденций современности. Контекст потребительской культуры, где ценятся материальные блага и удовольствия, объясняет, почему обжорство становится для Селфа не просто физическим пристрастием, ежедневной потребностью, но и своеобразной системой ценностей: гедонистические наслаждения, постоянное стремление к мгновенному удовольствию, жадность и ненасытность выступают способом заполнения внутренней пустоты и самоутверждения.

Гиперболизация созданного образа толстяка в романе Эмиса «Money», помимо прямых номинаций и стилистически маркированных метафорически переосмысленных описаний, происходит на уровне ситуативно-контекстуальных зарисовок. Дискурс романа включает повествование о похождениях Джона Селфа, попадающего в обстоятельства, где его грузное тело становится либо препятствием для выполнения определенных действий, либо его «спасательным жилетом».

Персонаж ощущает себя крупнее, массивнее других людей. На улице трое темнокожих подростков выглядят детьми по сравнению с ним:

(6) ...*three black kids sprawl in the doorway of a dead liquor store. I'm big, though, yes I'm a big mother, and they look too depressed to come and check me out* [Amis, 2019, p. 6] // ...*трое чернокожих мальцов растянулись в дверях заброшенного винного магазинчика. Я большой, да, я большая мамочка, и они не осмеливаются подойти и выпотрошить меня.*

Параллель *kids — big mother* (мальцы — большая мамочка), используемая писателем для противопоставления темнокожих бандитов и потенциальной жертвы огромных размеров, метко подчеркивает контраст между людьми обычного телосложения и отъевшимся верзилой. Задействованный таким образом контраст фиксирует внимание читателя на гиперболизированной фигуре главного героя, развивая идею гротескного образа. Герой избегает атаки со стороны несостоявшихся налетчиков благодаря своим нестандартным габаритам. Когниолингвистический аспект восприятия образа неприступного толстяка сосредоточен в метафорической антитезе *kids — big mother*, концентрирующей максимум информации о персонаже и приводящий к экономии языковых усилий.

Анализируя основные принципы эстетики художественного образа обжоры в романе Мартина Эмиса, мы не можем пройти мимо бахтинской концепции гротескного тела, изложенной в его книге о Франсуа Рабле. М. Бахтин показывает, что пиршественные образы амбивалентны, они имеют не только отрицательную коннотацию, но и определенную положительную ценность, так как выражают «непреодолимое стремление к бьющему через край избытку»; автор отмечает в них «неистребимый оттенок победного торжества и веселья» [Бахтин, 1990, с. 322]. В эпизоде с подростками-грабителями в винном магазине главный герой романа «Money» благодаря своей избыточной массе воспринимается как обладающий огромной силой богатырь из героического эпоса. А его самохарактеристика (*big mother*) добавляет коннотации авторитетности (матери достаточно грозного взгляда в сторону детей, чтобы добиться послушания) и склоняет чашу весов читательской рецепции в положительную сторону. Впрочем, подобное «героическое» самоощущение Джона Селфа еще более усиливает авторскую иронию по отношению к главному герою: один позитивный случай в длинной цепи негативных воспринимается как исключение, которое лишь подчеркивает общую нелепость фигуры персонажа и того образа жизни, который к этому привел.

В другой ситуации невероятная масса и излишние жировые отложения главного героя становятся препятствием во время дружеской игры в теннис, и герой становится посмешищем для публики, с любопытством наблюдающей за его затрудненными перемещениями на теннисном корте:

(7) *I hoped he couldn't hear my hoarse gasps for air. I hoped he couldn't smell — I hoped he couldn't see—the junk-fumes swathing my face like heat-ripple. As I took position I glanced up at our audience in their high aquarium. They were smiling down* [Amis, 2019, p. 25] // Я надеялся, что он не услышит моих хриплых вздохов. Я надеялся, что он не почувствует запаха — я надеялся, что он не увидит — испарений шлаков, окутывающих мое лицо, словно жаркая рябь. Заняв позицию, я взглянул на наших зрителей в высоком аквариуме. Они улыбались.

Не прибегая к лексике, напрямую констатирующей факт излишней массы тела персонажа, М. Эмис точно фиксирует внимание читателя на сопутствующих деталях карикатурной дескрипции толстяка, для которого даже небольшая физическая нагрузка становится непреодолимым препятствием: *hoarse gasps for air* (хриплое глотание воздуха), *junk-fumes* (испарения шлаков), *heat-ripple* (жаркая рябь). Аксиологический вектор объективизации образа толстяка и обжоры переключается на сатирический, осуждающий. Завуалированное представление фактических результатов нездорового образа жизни повышает карикатурный градус описания ге-

роя. На контекстуально-дискурсивном уровне гиперболизация черт образа толстяка осуществляется за счет предъявления данных, обличающих его слабые физические возможности из-за грузности.

Контекстуально-дискурсивный подход к описанию обжоры в романе «Money» М. Эмиса позволяет глубже проникнуть в художественную ткань произведения, понять, как формируется и функционирует в рамках романа образ персонажа. Этот подход помогает увидеть, что образ обжоры — это не просто портрет человека, страдающего от переедания, а сложно организованный дискурсивный конструкт, который отражает социальные, культурные и моральные проблемы эпохи.

4. Заключение = Conclusions

Тема обжорства в романе Мартина Эмиса «Money: A Suicide Note» не просто второстепенная деталь, а один из ключевых элементов, формирующих образ главного героя, Джона Селфа. Художественный дискурс романа становится площадкой для обличения и сатирической репрезентации общечеловеческого порока чревоугодия и его последствий. Проведенный анализ лингвистических механизмов создания карикатурного образа толстяка и обжоры позволил выявить широкий спектр прагматических, стилистических, когнитивно-дискурсивных ресурсов, задействованных писателем для формирования сатирического эмоционально заряженного восприятия читателем главного героя, обладающего излишней массой тела вследствие нездорового режима питания. Не прибегая к непосредственно осуждающей лексике, Эмис создает запоминающийся образ верзилы, страдающего от чрезмерного веса и токсичного жизненного уклада. Парадигма языковых средств построения такого конструкта включает в себя совокупность прямых и метафорически переосмысленных лексико-семантических номинаций с усилительными наречиями, окказиональные фразовые глаголы, средства хеджирования, гротескные описательные элементы, создающие гиперболизированно-комичное восприятие главного героя, существенно отличающегося телесными характеристиками и необузданным аппетитом от большинства людей.

На контекстуально-дискурсивном уровне карикатурный ракурс описания персонажа заключается в последовательном изображении комичных ситуаций, имплицитно объективирующих последствия чревоугодия. Пародийность образа Джона Селфа подкрепляется когнитивным диссонансом логико-смысловых зависимостей между его осознанием своей «уникальности» и отсутствием каких-либо попыток справиться со сложившейся ситуацией. Повторяющиеся описания обжорства Селфа создают накопительный эффект, постепенно формируя карикатурный образ, который ста-

новится все более нелепым, отталкивающим и гротескным. В то же время карнавализация фигуры главного героя приводит к созданию сложной, раздвоенной, противоречивой картины. Это приводит к углублению мировоззренческого смысла и аксиологического тона романа.

Автор целенаправленно делает обжорство не только одним из пороков героя, но и важным средством создания сатирического изображения общества потребления, морального разложения и человеческих слабостей. Постоянное и подробное описание телесных проявлений обжорства не только формирует у читателя визуальное представление о герое, но и вызывает целый спектр негативных эмоций от отвращения до осуждения, что подчеркивает важность данного приема в создании художественного образа. Обжорство Селфа выступает как проявлением его личного порока, так и кривым зеркалом, отражающим недостатки и пороки современного общества, погрязшего в потребительстве и гедонизме. Таким образом, образ обжоры становится метафорой духовной пустоты и морального разложения, явившихся следствием чрезмерной погони за материальным благополучием и удовольствиями.

Описанные прагмасемантические параметры создания выразительно-го карикатурного образа толстяка и обжоры приобретают весомость благодаря художественному таланту М. Эмиса, его умению творчески переосмысливать и комбинировать составляющие, принадлежащие к различным фреймовым структурам, обеспечивать нестандартное видение привычных явлений и открывать все новые ракурсы языковой концептуализации действительности.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Amis M. Money : A Suicide Note / M. Amis.* — New York : Penguin Books, 2019. — 400 p. — ISBN 0140077154.
2. OLD — *Oxford Learners' Dictionary*. [Electronic Resource]. — Access mode : <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (accessed 29.08.2024).

Литература

1. *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. — Москва : Художественная литература, 1990. — 543 с.
2. *Бердиев З.* Гипербола как литературное средство выразительности и стилистический прием / З. Бердиев // *Oriental renaissance : Innovative, educational, natural and social sciences.* — 2022. — № 2. — С. 732—736. — DOI: 10.37882/2500-3682.2022.11.04.

3. Бизюков Н. В. Когнитивный диссонанс как прием языковой манипуляции общественным мнением (на материале публицистического дискурса) / Н. В. Бизюков, А. И. Богданова, Т. Н. Свиридова // Гуманитарные и социальные науки. — 2019. — № 5. — С. 90—101.
4. Бокавнева О. В. Стилистические приёмы в изобразительном компоненте карикатуры / О. В. Бокавнева // Концепт. — 2018. — № 4 (8). — С. 156—164. — DOI: <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2018-4-8-156-164>.
5. Бурикова С. А. Лингвистические особенности репрезентации концепта self-made man в английской лингвокультуре / С. А. Бурикова, И. О. Павлов // Филологический аспект : международный научно-практический журнал. — 2024. — № 04 (108). — С. 123—131.
6. Воронкова М. А. Комический код : лингвостилистические средства репрезентации (на примере анализа новелл А. Доде и О. Мирбо) / М. А. Воронкова, Т. Б. Самарская // Гуманитарные и юридические исследования. — 2019. — № 2. — С. 157—167. — DOI: <https://doi.org/10.37494/2409-1030-2019-2-157-167>.
7. Гуревич Л. С. Общетеоретические проблемы существующих исследовательских парадигм и методологическое обоснование выбора прагмасемантического анализа в определении интерпретанты смысла высказывания / Л. С. Гуревич // Слово в предложении. Коллективная монография. — Иркутск : Иркутский государственный лингвистический университет, 2010. — С. 216—250.
8. Иванян Е. П. Семантика еды в лингвистических изысканиях : результаты и перспективы / Е. П. Иванян // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2015. — № 17 (1—4). — С. 795—797.
9. Косинец И. И. Национально-культурные особенности фразеологических единиц с компонентом «еда» в итальянском и английском языках / И. И. Косинец, О. В. Сычева // Университетские чтения — 2018. Материалы научно-методических чтений ПГУ. — Пятигорск : Пятигорский государственный университет, 2018. — С. 131—137.
10. Механизмы несоответствия скриптов в вербально-социальном юмористическом дискурсе / А. А. Киреева, А. Ф. Петренко, С. А. Петренко, Н. А. Орлова // Казанская наука. — 2023. — № 11. — С. 411—413.
11. Петренко С. А. О разграничении понятий «юмор» и «смех» / С. А. Петренко, А. Ф. Петренко // Вестник Пятигорского государственного университета. — 2022. — № 4. — С. 56—59.
12. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса / Л. Фестингер. — Санкт-Петербург : Ювента, 1999. — 251 с.
13. Филиппов В. О. Языковая концептуализация сред : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / В. О. Филиппов. — Москва, 2012. — 26 с.
14. Чепуров И. В. Изобразительные средства отечественной карикатуры XVII—XX веков / И. В. Чепуров // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2014. — № 5 (166). — С. 142—148.
15. Шурхаев А. И. Сатирическая и позитивная карикатуры как внелингвистические формы комических в современной публицистике / А. И. Шурхаев // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. — 2010. — Т. 152 (5). — С. 144—151.
16. Юрина Е. А. Пищевая метафора в процессах концептуализации, категоризации и вербализации представлений о мире / Е. А. Юрина, А. В. Балдова // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2017. — № 48. — С. 98—115.

17. Cohn N. Comics, Linguistics, and Visual Language : The Past and Future of a Field / N. Cohn // *Linguistics and the Study of Comics*. — New York : Palgrave MacMillan, 2012. — Pp. 92—118.

18. Omri W. From Perception to Meaning : Image Schemas in Cognitive Linguistics / W. Omri. — Berlin : Mouton de Gruyter, 2008. — 485 p.

19. Shevchenko V. D. Specifics of food-related cognitive models in the British media discourse / V. D. Shevchenko // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. — 2019. — № 3. — Pp. 88—95. — DOI: 10.24410/mc7b-hz74.

20. Stroebel L. The obesity epidemic as a linguistic challenge : Pathways towards information optimization / L. Stroebel, C. Wermuth, G. Brône // *The Proceedings of LingUnite Conference*. — 2016. — DOI:10.13140/RG.2.2.18339.04648.

Статья поступила в редакцию 29.09.2024,
одобрена после рецензирования 23.12.2024,
подготовлена к публикации 24.01.2025.

Material resources

Amis, M. (2019). *Money: A Suicide Note*. New York: Penguin Books. 400 p. ISBN 0140077154. OLD — *Oxford Learners' Dictionary*. Available at: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (accessed 29.08.2024).

References

- Bakhtin, M. M. (1990). *The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and Renaissance*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 543 p. (In Russ.).
- Berdiev, Z. (2022). Hyperbole as a literary means of expression and stylistic device. *Oriental renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences*, 2: 732—736. DOI: 10.37882/2500-3682.2022.11.04. (In Russ.).
- Bizyukov, N. V., Bogdanova, A. I., Sviridova, T. N. (2019). Cognitive dissonance as a method of linguistic manipulation of public opinion (based on journalistic discourse). *Humanities and Social Sciences*, 5: 90—101. (In Russ.).
- Bokavneva, O. V. (2018). Stylistic techniques in the visual component of caricature. *Concept*, 4 (8): 156—164. DOI: <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2018-4-8-156-164>. (In Russ.).
- Burikova, S. A., Pavlov, I. O. (2024). Linguistic features of the self-made man concept representation in English linguoculture. *Philological aspect: an international scientific and practical journal*, 04 (108): 123—131. (In Russ.).
- Chepurov, I. V. (2014). Visual means of Russian caricature of the XVII—XX centuries. *Bulletin of the Orenburg State University*, 5 (166): 142—148. (In Russ.).
- Cohn, N. (2012). Comics, Linguistics, and Visual Language: The Past and Future of a Field. In: *Linguistics and the Study of Comics*. New York: Palgrave MacMillan. 92—118.
- Festinger, L. (1999). *Theory of cognitive dissonance*. St. Petersburg: Juventus. 251 p. (In Russ.).
- Filippov, V. O. (2012). *Linguistic conceptualization of environments*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 26 p. (In Russ.).
- Gurevich, L. S. (2010). General theoretical problems of existing research paradigms and methodological justification of the choice of pragmasemantic analysis in determining the interpretant of the meaning of a statement. In: *Word in a sentence. A collective monograph*. Irkutsk: Irkutsk State Linguistic University. 216—250. (In Russ.).

- Ivanyan, E. P. (2015). Semantics of food in linguistic research: results and prospects. *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 17 (1—4): 795—797. (In Russ.).
- Kireeva, A. A., Petrenko, A. F., Petrenko, S. A., Orlova, N. A. (2023). The mechanism of script inconsistency in verbal and social humorous discourse. *Kazan Science*, 11: 411—413. (In Russ.).
- Kosinets, I. I., Sycheva, O. V. (2018). National and cultural features of phraseological units with the component “food” in Italian and English. In: *University Readings — 2018. Materials of scientific and methodological readings of PSU*. Pyatigorsk: Pyatigorsk State University. 131—137. (In Russ.).
- Omri, W. (2008). *From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics*. Berlin: Mouton de Gruyter. 485 p.
- Petrenko, S. A., Petrenko, A. F. (2022). On the differentiation of the concepts of “humor” and “laughter”. *Bulletin of Pyatigorsk State University*, 4: 56—59. (In Russ.).
- Shevchenko, V. D. (2019). Specifics of food-related cognitive models in the British media discourse. *Current problems of philology and pedagogical linguistics*, 3: 88—95. DOI: 10.24410/mc7b-hz74.
- Shurkhaev, A. I. (2010). Satirical and positive cartoons as extra-linguistic forms of the comic in modern journalism. *Scientific Notes of Kazan University. The Humanities series*, 152 (5): 144—151. (In Russ.).
- Stroebe, L., Wermuth, C., Brône, G. (2016). The obesity epidemic as a linguistic challenge: Pathways towards information optimization. *The Proceedings of LingUnite Conference*. DOI:10.13140/RG.2.2.18339.04648.
- Voronkova, M. A., Samarskaya, T. B. (2019). Comic code: linguistic stylistic means of representation (on the example of the analysis of the short stories by A. Daudet and O. Mirbeau). *Humanitarian and legal studies*, 2: 157—167. DOI: <https://doi.org/10.37494/2409-1030-2019-2-157-167>. (In Russ.).
- Yurina, E. A., Baldova, A. V. (2017). Food metaphor in the processes of conceptualization, categorization and verbalization of ideas about the world. *Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 48: 98—115. (In Russ.).

*The article was submitted 29.09.2024;
approved after reviewing 23.12.2024;
accepted for publication 24.01.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(1), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Сигал К. Я. Вербальное сообщение и пунктуационное маркирование в их функциональных взаимоотношениях / К. Я. Сигал // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 1. — С. 115—136. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-115-136.

Seagal, K. Ya. (2025). Verbal Message and Punctuation Marking in Their Functional Interrelationships. *Nauchnyi dialog*, 14 (1): 115-136. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-115-136. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Вербальное сообщение и пунктуационное маркирование в их функциональных взаимоотношениях

Сигал Кирилл Яковлевич
orcid.org/0000-0001-9400-4587
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник,
отдел экспериментальных
исследований речи
kjseagal@yandex.ru

Институт языкознания
Российской академии наук
(Москва, Россия)

Verbal Message and Punctuation Marking in Their Functional Interrelationships

Kirill Ya. Seagal
orcid.org/0000-0001-9400-4587
Doctor of Philology,
Chief research scientist,
Department of Experimental
Speech Research
kjseagal@yandex.ru

Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Предлагается описание типов функциональных взаимоотношений вербального сообщения и пунктуационного маркирования в сфере индивидуально-авторских пунктуационных практик носителей русского языка с конца XVIII до начала XXI веков. В качестве материала для исследования использованы пунктуационно-графические факты, обнаруженные преимущественно в художественных (прозаических и поэтических) и научных текстах. Актуальность исследования заключается в том, что разные типы функциональных взаимоотношений вербального сообщения и пунктуационного маркирования нуждаются в представлении на единой концептуальной основе — информационной. Показано, что в письменной речи сложились три таких типа: вербальное сообщение с пунктуационным маркированием, вербальное сообщение без пунктуационного маркирования и пунктуационное маркирование без вербального сообщения. Доказано, что их дифференциация обусловлена различным распределением в письменных высказываниях основной информации, передаваемой вербальными средствами, и дополнительной информации, выражаемой посредством пунктуационных маркеров. Сделан вывод о том, что при смысловой интерпретации письменных высказываний, намеренно лишенных знаков препинания либо составленных только из знаков препинания, в качестве фона чаще всего выступают подразумеваемые вербальные сообщения с пунктуационным маркированием.

Ключевые слова:

авторская пунктуация; вербальное сообщение; письменная речь; стилистика; пунктуационное маркирование; художественный текст.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study presents a description of the types of functional interrelationships between verbal messages and punctuation marking within the context of individual authorial punctuation practices among Russian speakers from the late 18th to the early 21st century. The research material comprises punctuation and graphic facts predominantly found in literary (both prose and poetry) and scientific texts. The relevance of this study lies in the necessity to represent various types of functional interrelationships between verbal messages and punctuation marking on a unified conceptual basis — namely, informational. It is demonstrated that three such types have emerged in written discourse: verbal message with punctuation marking, verbal message without punctuation marking, and punctuation marking without a verbal message. The differentiation among these types is shown to be conditioned by the varying distribution of primary information conveyed through verbal means and additional information expressed via punctuation markers within written statements. The conclusion drawn indicates that, when semantically interpreting written statements deliberately devoid of punctuation or composed solely of punctuation marks, the implied verbal messages with punctuation marking frequently serve as the background.

Key words:

authorial punctuation; verbal message; written discourse; stylistics; punctuation marking; literary text.

УДК 811.161.1'367+003.086

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-115-136

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Вербальное сообщение и пунктуационное маркирование в их функциональных взаимоотношениях

© Сигал К. Я., 2025

*К 125-летию со дня рождения
профессора А. А. Реформатского*

1. Введение = Introduction

В генетическом плане пунктуационное маркирование и вербальное сообщение, то есть письменное высказывание (от однословного предложения до целого текста) в его грамматико-смысловой завершенности, не составляли конвенционального единства: пунктуации как таковой долгое время не было. Главной предпосылкой для возникновения средств пунктуационного маркирования стало отображение на письме пробелов как сигналов сегментации вербального сообщения [Saenger, 1997]. Разнокачественность пробелов и возможность графического представления в них неоднородной информации привели к созданию пунктуации как особой «оптико-графической» системы знаков внеалфавитного типа [Реформатский, 1963, с. 211].

В функциональном плане вербальное сообщение, продуцирование которого требует соблюдения тех или иных пунктуационных прескрипций, необходимо включает в себя знаки препинания как графические «ингредиенты». При этом не только достигается конвенциональное единство пунктуационного маркирования с вербальным сообщением, но и появляется некоторая деактуализация, отчуждение собственно пунктуационного маркирования как формы означивания. Между тем «знаки (препинания. — К. С.) не только членят текст, но сами несут в себе информацию» [Валгина, 2004, с. 150], причем «коммуникативный потенциал пунктуации <...> основан на сопутствующем знании (on collateral knowledge) и, следовательно, на коннотациях» [Patt, 2013, p. 65].

Совместное функционирование вербального сообщения и пунктуационного маркирования обусловило взаимоотражение их сущностных черт: с одной стороны, формально-конструктивные и семантические особенности высказываний осознаются как пунктуационные позиции, причем

«независимо от того, маркированы ли они специальными графическими знаками или нет» [Кольцова, 2006, с. 30]; с другой же стороны, пунктуационные прескрипции опираются на те условия строения и смысловой организации высказываний, при которых требуется или не требуется использовать тот или иной знак препинания. На данной основе в письменной речевой деятельности (большей частью, безусловно, у художников слова) возникла тенденция к автономизации как вербального сообщения, так и пунктуационного маркирования.

Во многом благодаря этому в письменно-речевом узусе появились такие пунктуационные новообразования, как топологические маркеры, в частности пробел, в котором намеренно не поставлен конкретный знак препинания; замещение высказываний конечными знаками препинания (кроме точки, а также многоточия, не входящего в состав комплексного пунктуационного маркера); развертка сообщений, состоящих только из знаков препинания, то есть текстов без вербальной основы. Более приемлемым стало авторское пунктуационное маркирование, создающее визуальный «акцент» на коммуникативно значимых компонентах вербальных сообщений. Самым важным последствием можно считать, пожалуй, то, что пишущими (и — вслед за ними — читающими) была признана неединственность функциональных взаимоотношений вербального сообщения и пунктуационного маркирования.

Целью настоящей статьи является описание типов функциональных взаимоотношений вербального сообщения и пунктуационного маркирования.

Актуальность исследования состоит в том, что проблема функциональных взаимоотношений вербального сообщения и пунктуационного маркирования (пунктуация же представляет собой «невербальное свойство на графическом уровне (a nonverbal property at the graphical level)» [Patt, 2013, p. 60]) связана с такой фундаментальной проблемой современной лингвистики, как корреляция вербального с невербальным в дискурсе, а также в том, что разные типы взаимоотношений вербального сообщения и пунктуационного маркирования нуждаются в представлении на единой концептуальной основе — информационной.

Научная новизна статьи заключается в том, что в ней эксплицирована типология функциональных взаимоотношений вербального сообщения и пунктуационного маркирования, сложившаяся в сфере индивидуально-авторских пунктуационных практик.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Очевидно, что для исследования типов функциональных взаимоотношений вербального сообщения и пунктуационного маркирования требует-

ся такой письменно-речевой материал, в котором находит отображение метаязыковая рефлексия над пунктуацией, то есть осмысленное, намеренное, целесообразное использование знаков препинания. Это оказывается возможным только тогда, когда пунктуационный способ сигнификации разнообразной информации (от чисто структурной до экспрессивно-игровой) становится достоянием языковой способности пишущих и читающих.

Общепринятым является представление, согласно которому русская пунктуация «к началу XIX века (точнее сказать, к концу XVIII века. — К. С.) в основных своих чертах сложилась <...> как дополнительная семиотическая система, используемая в письменной речи» [Шубина, 2006, с. 17—18]. Поэтому в качестве материала были использованы пунктуационно-графические факты из русской письменной речи конца XVIII — начала XXI веков, обнаруженные преимущественно в художественных (прозаических и поэтических) и научных текстах. Попутно стоит заметить, что все эти прецеденты допустимы и, более того, реально представлены в текстах на других европейских языках. По-видимому, типы функциональных взаимоотношений вербального сообщения и пунктуационного маркирования являются своеобразными универсалиями.

Проблема функциональных взаимоотношений вербального сообщения и пунктуационного маркирования не может быть решена при ограничении эмпирического объема пунктуации исключительно знаками препинания. Письменно-речевая практика свидетельствует о правоте А. А. Реформатского, который настаивал на том, что «к пунктуации надо отнести не только “знаки препинания”, но и пробелы, абзацы, приемы расположения текста на плоскости <...>, а также и различные графические приемы шрифтовых выделений» [Реформатский, 1963, с. 214]. В анализируемом речевом материале содержатся не только знаки препинания, но и другие разновидности пунктуационных явлений. Вместе с тем стоит подчеркнуть, что пробел сам по себе, то есть без учета условий его реализации, не может быть безоговорочно отнесен к пунктуационным маркерам.

Все рассматриваемые случаи пунктуационного маркирования и отказа от него принадлежат авторской пунктуации. При этом они не всецело субъективны, поскольку, во-первых, в них опосредуются так или иначе действующие пунктуационные прескрипции, а во-вторых, некоторым из них оказался открыт путь к стабилизации и даже к закреплению в общем или в поэтическом пунктуационном узусе.

В ходе исследования типов функциональных взаимоотношений вербального сообщения и пунктуационного маркирования применялись такие методы, как установление пунктуационной аналогии, пунктуационный эксперимент в виде опущения и подстановки знака препинания, обнару-

жение смысловой дифференциации вариантов пунктуационного маркирования, стилистический анализ знаков препинания либо их отсутствия как фактора организации текста (или его фрагмента).

Подступы к проблеме типов функциональных взаимоотношений вербального сообщения и пунктуационного маркирования осуществлены в ряде трудов, посвященных теории пунктуации [Богоявленская, 2021; Кольцова, 2006; Садченко, 2009; Patt, 2013]. Ценные наблюдения сделаны над употреблением вербальных сообщений без знаков препинания [Валгина, 2004, с. 242—252; Николина, 2009, с. 272—292]. Пристальное внимание уделяется проблеме «графически инновационного текста (graphically innovative text)» [Barton, 2016, p. 18], в частности визуальным эффектам в поэзии, опирающимся на пунктуационно-графические средства [Bohn, 2011]. Однако никогда прежде типы функциональных взаимоотношений вербального сообщения и пунктуационного маркирования не осмыслялись в их единстве, как разные способы распределения информации.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Типы функциональных взаимоотношений вербального сообщения и пунктуационного маркирования

В словоцентричной русской письменно-речевой культуре считается, что «там, где нет вербальных элементов, нет и текста» [Мурзин и др., 1991, с. 23]. В общем случае это верно (ср., однако, сообщения, состоящие только из знаков препинания). В большинстве письменных высказываний вербальное сообщение «обрамлено» и «прошито» пунктуационными, то есть невербальными, маркерами. Здесь «невербальные средства находятся с вербальными <...> в отношениях взаимной дополнительности» [Садченко, 2009, с. 42], поскольку вербальное сообщение и пунктуационное маркирование дифференцированы с информационной точки зрения.

В общем плане под информацией понимается «снятие неопределенности в каком-либо сообщении» [Гальперин, 2005, с. 23].

Вербальное сообщение передает основную информацию во всем ее разнообразии: фактуально-событийную, грамматико-реляционную, модальную, оценочную, эмоциональную. Пунктуационное маркирование несет дополнительную информацию о делимитации / интеграции вербальных элементов, а также выполняет смыслоуказательную, смыслоакцентирующую и смысловразличительную функции. Кроме того, пунктуационное маркирование содействует выдвиганию экспрессивности и объективации подтекста.

Более конкретизированная информационная «нагрузка» пунктуационного маркирования имеет отраженный характер: она обусловлена содержанием вербального сообщения. При этом почти за каждым знаком

препинания тянется «шлейф» образно-символических истолкований. Применительно к пунктуационному маркированию можно утверждать, что, «передавая определенную информацию», оно образует «свой смысловой код и свой дополнительный канал связи» [Богоявленская, 2021, с. 81]. Вследствие этого, «сочетаясь с вербальными средствами выражения, знаки (препинания. — К. С.) способны повышать эффективность сообщения» [Валгина, 2004, с. 150].

В письменных высказываниях существуют два способа функциональных взаимоотношений вербального сообщения и пунктуационного маркирования: взаимодействие и взаимоотталкивание. При взаимодействии наличествуют как вербальное сообщение, так и пунктуационное маркирование, вместе участвующие в передаче информации. При взаимоотталкивании же имеется либо вербальное сообщение, либо пунктуационное маркирование, каждое из которых передает информацию за счет собственных средств.

На этой основе возникли три типа функциональных взаимоотношений вербального сообщения и пунктуационного маркирования, такие как вербальное сообщение с пунктуационным маркированием, вербальное сообщение без пунктуационного маркирования и пунктуационное маркирование без вербального сообщения.

Несмотря на нахождение этих типов в общей таксономии, они далеко не в равной мере являются узואльно приемлемыми. Если вербальное сообщение с пунктуационным маркированием представлено повсеместно в письменной речи и в школьные годы осваивается именно этот тип, то остальные два типа запечатлены в основном в речи художников слова и воспринимаются как особые экспериментально-графические приемы.

Вербальное сообщение с пунктуационным маркированием образует прототипическое письменное высказывание. В этом типе информация, которую несут пунктуационные средства, «способствует реализации <...> языковых знаков в форме (in the mediums of) речи и письма» [Patt, 2013, р. 58—59]. В то же время степень достаточности информации, передаваемой вербальными средствами, определяет необходимость в пунктуационных маркерах. Важно отметить, что все пунктуационные прескрипции выработывались в ходе наблюдений именно над вербальными сообщениями с пунктуационным маркированием и были рассчитаны на них.

Осуществление этих прескрипций, необходимое для стандартизации письма, приводило к забвению того, что в данном типе «знаки (препинания. — К. С.) несут информацию вместе с вербальными средствами» [Валгина, 2004, с. 157]. Вовсе не случайно то, что в рамках вербальных сообщений с пунктуационным маркированием зародилась авторская пунктуация,

которая путем преодоления тех или иных пунктуационных прескрипций обеспечивает разного рода модифицирование основной информации.

В вербальном сообщении без пунктуационного маркирования (в иной терминологии — «беспунктуационный текст» [Николина, 2009, с. 275], «текст без знаков препинания» [Валгина, 2004, с. 248]), на первый взгляд, нет и не может быть какой бы то ни было дополнительной информации, передающейся посредством знаков препинания. Между тем информационный «вклад» отсутствующих знаков препинания компенсируется в определенной мере пунктуационными позициями, сохраняющимися в вербальном сообщении. «Не замещенные, не маркированные знаками препинания позиции системно представлены и исправно выполняют свои функции, поскольку непосредственно связаны со смыслами <...>» [Кольцова, 2006, с. 31].

Именно поэтому в данном типе в качестве аналогов пунктуационных маркеров выступают пробелы и пропуски знака конца высказывания. Намеренно отказываясь от привычных знаков препинания (в особенности от запятых и точек), пишущие применяют здесь такие типографские в своих истоках графические средства, как, например, одинарный / двойной вертикальный пробел, создают визуально-графические фигуры. При этом необходимо подчеркнуть, что само отсутствие пунктуационного маркирования способно приобретать информационную значимость, представляя в визуальном регистре убыстренную речь.

Для реализации пунктуационного маркирования без вербального сообщения, когда устранена основная информация, ради передачи которой продуцируется высказывание, требуется соблюдение двух условий. Во-первых, значения знаков препинания, принимающих на себя функцию «самостоятельного (без вербального сопровождения) сигнала смысла», должны быть «социально осмысленными» [Валгина, 2004, с. 157]. Во-вторых, такие знаки препинания должны иметь возможность получить контекстную компенсацию основной информацией, которая выводится из окружающих вербальных сообщений.

Гораздо реже сообщение, состоящее только из знаков препинания, строится с той целью, чтобы концентрированно представить что-либо пунктуационные пристрастия. В таком случае нужна мнемическая отсылка не столько к вербальным сообщениям, сколько к характерному их пунктуационному маркированию. Подобные собственно пунктуационные сообщения возникают обычно в текстах с метаязыковой установкой.

3.2. Вербальное сообщение с пунктуационным маркированием

Участие пунктуационного маркирования в передаче информации наиболее ощутимо в тех вербальных сообщениях, в которых знак препинания не предусмотрен пунктуационной прескрипцией. В таких случаях не про-

сто необычно ставится знак препинания, а открывается еще одна пунктуационная позиция. Тем самым благодаря знакам препинания опосредуется намерение пишущего отображать дополнительную информацию разного рода.

Так, в узусе граница между подлежащим номинативного типа и финитным глаголом-сказуемым обычно не осознается как особая пунктуационная позиция и, соответственно, не маркируется одним из разделительных знаков препинания. Напротив, отдельные пишущие, в том числе писатели и ученые, употребляя здесь целый ряд пунктуационных маркеров, вычленивают такую пунктуационную позицию и как бы выдвигают те «кванты» информации, на которые можно было бы указать в ней.

В пунктуационном аспекте конструкция номинативного подлежащего и финитного глагола-сказуемого выглядит парадоксально. С одной стороны, ее компоненты расчленены предикативной паузой, которую можно было бы маркировать знаком препинания. С другой стороны, предикативное согласование удерживает от разделения посредством знака препинания компонентов, вступающих в эту синтаксическую связь. Очевидно, что для «снятия» подобного парадокса было необходимо учесть ту необязательную для самой конструкции информацию, которую обозначают пунктуационным способом.

В приводимых далее прецедентах номинативное подлежащее выражается именем существительным, субстантиватом, анафорическим личным местоимением, количественно-именным словосочетанием, а финитный глагол выполняет функцию простого глагольного сказуемого.

Запятая была первым знаком препинания, который начал употребляться в позиции между номинативным подлежащим и финитным глаголом-сказуемым. Постановка запятой, вызванная здесь «интонационно-риторическими параметрами высказывания», наблюдалась вплоть до первой трети XIX века [Орехова, 2000, с. 49, 66] (ср. аналогичное явление в английском языке XIX века [Smitterberg, 2020]). Однако это отнюдь не пунктуационный архаизм: запятая отмечается в названной пунктуационной позиции и в первые десятилетия XXI века [Кузнецова, 2017, с. 14].

Л. В. Щерба обращал внимание на то, что «школьные учебники вынуждены даже специально утверждать, что сказуемое никогда не может быть отделяемо запятой от своего подлежащего» [Щерба, 1974, с. 242]. Показательно, что ни наличие такого запрета в дореволюционный период, ни его отсутствие в нынешнее время [Кузнецова, 2017, с. 15] не оказало существенного влияния на пунктуационную практику: запятая между номинативным подлежащим и финитным глаголом-сказуемым то и дело встречается как в художественных, так и в научных текстах.

В данной позиции пунктуационное маркирование посредством запятой наблюдается в двух основных случаях. Во-первых, если номинативное подлежащее и финитный глагол-сказуемое образуют сложные составы словосочетательного типа: *Оценки художественного текста с точки зрения критериев правдивости, новизны и типичности образов, зависят от непосредственного сопоставления с прошлым опытом* (О. И. Никифорова. Психология восприятия художественной литературы) [Ник, с. 113]. Во-вторых, если номинативное подлежащее или финитный глагол-сказуемое представлены однородными членами предложения: *Невзрачный подросток, сирота, бабушкин внук, студент, юнкер, гвардеец и пехотинец, работал над собой и своими произведениями* (А. Позов. Метафизика Лермонтова) [Поз, с. 9]; *Три барышни с фиолетовыми губами, то на машинках громко стучат, то курыт* (М. А. Булгаков. Записки на манжетах) [Бул, с. 479].

В обоих случаях запятая несет информацию о синтагматической отдаленности предикативных компонентов друг от друга, а также о паузе на границе их составов. Правда, информационная «нагрузка» этой запятой может быть связана и с семантикой высказывания. Согласно М. Бертуцчелли, в английском высказывании *Sylvia, is playing the piano* ‘Сильвия, играет на пианино’ запятая после подлежащего могла бы быть «оптимальной с коммуникативной точки зрения: говорящий подразумевает, что именно Сильвия играет на пианино, а не кто-то другой» [Bertuccelli, 2022, р. 26]. Такого рода употребления непосредственно представлены в русских текстах. Ср.: — *И Озеров этот, трепется и трепется...* (В. Г. Сорокин. Очередь) [Сор, с. 195].

Более привычным в позиции между номинативным подлежащим и финитным глаголом-сказуемым кажется такой знак препинания, как тире (ср. нормативную постановку тире при номинативе и / или инфинитиве в функции подлежащего и бессвязочного сказуемого). Несмотря на то, что в этой пунктуационной позиции тире не является узуальным, оно вряд ли может быть безоговорочно отнесено к авторским знакам препинания. Дело в том, что «тире воспринимается как сигнал коммуникативной расчлененности высказывания» [Шубина, 2006, с. 139]: для него «в графическом противопоставлении темы и ремы» вовсе не существенны «условия, связанные с конструктивной стороной» [Кольцова, 2006, с. 53].

Наряду с указанием об отделении ремы от темы, тире дает также указание о постановке смыслового акцента либо только на реме: *...вы и пред- ставить себе не можете, до чего для себя отдельны камни и воды, для них нет целого! <...> Но целое-то — есть!* (А. Г. Битов. Человек в пейзаже) [Бит, с. 388]; либо как на теме, так и на реме: *Один раз я присутствовала на встрече с маститым автором. «Изданная книга ничего не меняет», —*

снисходительно сообщил он публике. «Наверное, он все-таки не имеет в виду первую книгу», — подумала я тогда. **Первая — меняет**, и еще как! (Ю. Н. Кузнецова. Как я пишу) [Куз, с. 152].

Наоборот, менее характерно в позиции между номинативным подлежащим и финитным глаголом-сказуемым многоточие, а такие пунктуационные маркеры, как двоеточие и восклицательный знак, и вовсе раритетны.

Многоточие обозначает, с одной стороны, паузу, как бы остановку в поиске нужного предиката, а с другой стороны, субъективно-модальные оттенки удивления, разочарования и т. п. Ср.: *Едва слышав имя моей сестры, они* (взрослые. — К. С.) ... *то ли бесшумно прыснули, то ли беззвучно фыркнули* <...> (Н. Н. Матвеева. Мяч, оставшийся в небе) [Мат, с. 86].

Двоеточие выполняет свойственную ему предупредительную функцию. Ср. в контексте с препозицией сказуемого: *Аполлон Аполлонович прицеливался к текущему деловому дню; во мгновение ока отчетливо перед ним восставали: доклады вчерашнего дня* <...> (А. Белый. Петербург) [Бел-2, с. 32].

Восклицательный знак, будучи перенесенным в середину высказывания, передает экспрессивно-акцентирующую информацию. Ср.: *Вот же она* (мысль. — К. С.)! *опять утекла* (А. Г. Битов. Вкус) [Бит, с. 334]. При этом восклицательный знак (фактически это не что иное, как восклицательная запятая) не вызывает написания следующего за ним слова с прописной буквы. По своему контекстному смыслу восклицательный знак подобен у А. Г. Битова противительному союзу. Ср.: *Вот же мысль, но опять <она> утекла* (трансформ).

3.3. Вербальное сообщение без пунктуационного маркирования

В вербальных сообщениях без пунктуационного маркирования на информационную «нагрузку», выполняемую знаками препинания, обычно указывают пунктуационные позиции, обозначенные пробелами и пропусками знака конца высказывания. Чаще всего читающий без труда может восстановить знаки препинания в таких сообщениях, однако существенно, что отсутствие в них пунктуационного маркирования является результатом сознательного, интенционально обусловленного полного / частично отказа пишущего от знаков препинания. По сути дела, это «авторский <...> прием» [Валгина, 2004, с. 244] литературно-художественной речи, по-разному использующийся в поэзии и в прозе.

В поэзии воздержание от знаков препинания, которое восходит к первому полностью беспунктуационному стихотворению французского поэта Г. Аполлинера «Zone» («Зона»), написанному в 1912 году, связано с тем, что «само членение стиха выявляет синтаксическое членение строфы (или

стихотворения)» [Николина, 2009, с. 281]. Стремление поэтов к ограниченному использованию пунктуационного маркирования либо к окончательному преодолению его в своем письме вызвано тем, что знаки препинания воспринимаются ими как носители дублирующей информации. Вместе с тем в поисках замены знакам препинания поэты обращаются к таким более выделенным в визуально-перцептивном плане графическим средствам, как, например, вертикальные пробелы разной величины.

Ср. фрагмент стихотворения В. Кривулина «Гул прогресса», где реализованы разные способы пунктуационно-графического маркирования в поэзии:

*из-за леса
гул прогресса*

*ретроградные гудки
от реки*

*ну а вечность — вид с откоса
Фет беседка папираса
вопросительный дымок... [Кр, с. 9].*

Действительно, здесь имеются и пунктуационные маркеры (тире в подоминативном предложении без связи, конечное многоточие), и не маркированные знаками препинания пунктуационные позиции (конец повествовательного высказывания в двух микрострофах, бессюжный ряд однородных членов предложения с перечислительными отношениями), и дважды использованный двойной вертикальный пробел, заменяющий, по-видимому, отсутствующие точки. В двух микрострофах, кроме того, перенос на другую строку способен восполнять собой знаки «тире», которые могли бы указывать на противопоставление темы и ремы, а также подчеркивать сопоставительные отношения на межстрофном уровне. Вместо прописных букв, обозначающих начало предложения (а в поэзии, как правило, и начало стиха), применяются строчные.

В теории пунктуации считается, что текст без знаков препинания в поэзии допустим только в том случае, если в нем «все смыслы эксплицированы и порядок расположения словоформ вполне предсказуем» [Валгина, 2004, с. 249]. Однако нередко в поэзии наблюдается иное: отказ от знаков препинания взаимодействует с «внешней алогичностью построения» [Николина, 2009, с. 281], с неоднозначностью синтаксического членения.

Ср. начало первой строфы из стихотворения Г. Н. Айги «Возвращение страха»:

*дети серебряны цинковы ваши ключицы
рука как Норвегия в книге у маминых щек <...> [А, с. 47].*

Пунктуационное маркирование здесь отсутствует, при этом в первом стихе есть основания для двоякой смысловой интерпретации: краткое прилагательное *серебряны* может быть синтаксически отождествлено и как согласованное определение к обращению, и как включенное в ряд однородных сказуемых при постпозитивном подлежащем. Очевидно, что первый и второй пробелы не соотносятся однозначно с теми или иными конкретными пунктуационными позициями. Подобные прецеденты опровергают мнение о том, что пробел — это всегда «знак, который может быть замещен другим» [Шубина, 2006, с. 197].

В стихотворениях, лишенных знаков препинания, нередко поэты делают ставку на ту информационную «нагрузку», которую могла бы нести визуальная форма текста, и создают визуально-графические фигуры, обретая средства выражения в «текстовых пробелах (textual gaps)» и / или в «нетрадиционном расположении текста» [Barton, 2016, p. 18]. Слова в составе визуально-графической фигуры, продолжая выполнять свою номинативную функцию, становятся элементами визуального образа (или, согласно В. Бону, «строительными блоками в визуальном здании (building blocks in a visual edifice)» [Bohn, 2011, p. 13]). При чтении стихотворения с визуально-графической фигурой сначала воспринимается его визуальная форма, затем осуществляется расшифровка вербального текста и, наконец, обобщается информация, полученная в процессе «взаимодействия текста и визуальной формы (the design) друг с другом» [Там же, p. 15—17].

Ср. одно из стихотворений Вс. Некрасова, где представлена визуально-графическая фигура:

*зима
зима зима
зима зима зима
зима зима зима зима
зима
зима
зима*

и весна [Нек, с. 3].

Стихотворение состоит всего из трех слов: двух имен существительных и одного соединительного союза, причем слово *зима* повторяется 13 раз. Визуально-графическую фигуру создают разные по длине строки, где от одного до четырех раз употребляется слово *зима*, и двойной вертикальный пробел, которым отделяется сочетание *и весна*. Благодаря этой визуально-графической фигуре Вс. Некрасов воплощает образ долгой зимы, причем как бы в разных ее стадиях (от первых заморозков до лютой стужи и далее — к ослаблению холодов), который сменяется образом предощущения весны и ее долгожданного наступления. Визуально-графическая фигура и ее смысловая интерпретация вступают между собой в метафорические отношения.

В прозе, нуждающейся в средствах типизации персонажной речи, обыгрывается тот факт, что намеренное отсутствие знаков препинания способно воссоздать у читающего ощущение речи в быстром темпе, скороговоркой, почти без пауз и на этой основе возбудить представление о характеристической речевой детали. В основном прозаики сознательно отказываются от пунктуационного маркирования при изображении прямой речи тех персонажей, которые находятся в состоянии эмоционального стресса или страдают психическим расстройством. В этих случаях «отсутствие знаков препинания служит одним из механизмов остранения» [Николина, 2009, с. 282]. Ср.: — *Ночная атака на принципе внезапности дайте папиросу, — без запятых ответил Пийчик <...>* (Л. С. Соболев. Рассказы капитана 2-го ранга В. Л. Кирдяги, слышанные от него во время «Великого сиденья») [Соб, с. 170]; «*Ельцин бандит украинка я доченьку единственную убили злые люди Жириновский защитил депутаты проклятые сами жрут от меня в Думе запираются!!!*» — *закричала <...> сумасшедшая* (Т. Н. Толстая. Ряженые) [Тол, с. 90].

Показательно, что в прозе отсутствие пунктуационного маркирования получает метаязыковую «поддержку»: в первом примере обстоятельство образа действия в авторской ремарке указывает на то, что запятые не поставлены по воле писателя и что отказ от запятых существен именно в этой реплике; во втором — в авторской ремарке сообщается о том, кому принадлежит нарратив, который выкрикивается «залпом» и для передачи которого на письме не требуется никаких внутренних знаков препинания, а необходима только графическая код — тройной восклицательный знак.

3.4. Пунктуационное маркирование без вербального сообщения

«Изолированные пунктуационные знаки без слов» [Реформатский, 1963, с. 215] становятся достоянием письменной речи благодаря тому, что знаки препинания получают способность, с одной стороны, замещать вербальные сообщения, а с другой стороны, давать отсылку к их содержатель-

ным и / или собственно пунктуационным характеристикам. В отрыве от вербального сообщения пунктуационное маркирование представлено либо одиночным / комплексным конечным знаком препинания, либо текстом, состоящим исключительно из знаков препинания.

Обычно в качестве одиночных конечных знаков препинания, лишенных вербальной «оснастки», выступают вопросительный и восклицательный знаки, в качестве же комплексных — повтор этих знаков, а также сочетания «вопросительный знак + восклицательный знак» и «вопросительный / восклицательный знак + многоточие». Эти пунктуационные маркеры, обладающие «прозрачностью» значений» [Ицкович и др., 1979, с. 142], могут замещать реплики диалога в художественной прозе. «Реплицирующие знаки препинания» получают свой показатель — тире, посредством которого «подчеркивается функциональное тождество словесных и бессловесных реплик» [Там же, с. 143, 145].

Одним из первых знаки препинания, замещающие одну или несколько реплик в диалоге, использовал А. Белый в романе «Москва под ударом». Ср. концовку диалога, состоявшегося между Иваном Ивановичем и Надей:

Посмотрел на часы:

— Мне — пора-с.

— ?

— Я к Никите Васильевичу [Бел-1, с. 95].

Реплицирующий вопросительный знак указывает на целеустановку высказывания, которое им замещается. Отсутствие вопроса в вербальной форме превращает этот знак препинания в экспонент эмоциональной реакции — удивления. При этом семантические и структурные связи внутри вопросно-ответного единства позволяют «восстановить» реплику Нади: — *Куда вы?*

Ср. также фрагмент диалога Мандро и карлика:

Карлик ощерился: в горле его, клокоча — засипело:

— Ссс...

— Полноте!..

— ссссифилисс...

— !..

— ссом...

— !!

— заразили...

— !!! [Там же, с. 11—12].

Реплицирующие комплексные знаки препинания («восклицательный знак + многоточие», двойной и тройной восклицательный знак) передают эмоционально-действенную реакцию Мандро в ее развитии: прерывая речь

карлика, он все более настойчиво пытается заставить его замолчать. Конкретный смысл этих реплицирующих знаков препинания определяется единственной вербальной репликой (*полноте* ‘довольно, хватит’) персонажа.

Такого рода пунктуационные реплики, являясь исключительной принадлежностью письменной речи, нацелены на сугубо визуальное восприятие. «Правда, Андрей Белый, читая вслух свой роман “Москва под ударом”, где имеются подобные реплики, — вспоминал А. А. Реформатский, — умел их отчетливо и дифференцированно интонировать <...>, но на то он и был Андрей Белый. Это индивидуальное искусство, а не стандартная массовая информация» [Реформатский, 1963, с. 215]. Несмотря на это, реплицирующие знаки препинания сохраняются в арсенале приемов изображения диалога в художественной прозе.

В русской письменно-речевой традиции одним из первых текстов, состоящих только из знаков препинания, стало предисловие к анонимной книжке «Путешествие моего двоюродного братца в карманы» (1803 год), пародирующей созданные в конце XVIII века «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина. Важно отметить, что «пунктуация выступает в данном случае как самодостаточный объект пародии» [Щецова, 2013, с. 189]. Ср.:

!! — — — — !!

?..?..?..?..?..

— — — — —

.....

/?/ !/ !/ !/ !/ !/

!! — — — — !! [Лот, с. 520].

В пародии пунктуационный текст представлен в форме такой поэтической строфы, как шестистишие, которое организовано одинаковым количеством знаков препинания в разных строках: в 1-й и 6-й строках имеется по 12 знаков препинания, в 2-й и в 5-й — по 15. При этом 6-я строка полностью повторяет 1-ю, что создает кольцевую композицию. Сама же повторяющаяся строка построена по зеркальному принципу: после многоточия знаки препинания даны в обратной последовательности. По-видимому, все это «превращало набор знаков, лишенных словесного наполнения, <...> в осознаваемый и опознаваемый текст» [Щецова, 2013, с. 190].

Знаки препинания, образующие текст пародии, являются излюбленными пунктуационными средствами Н. М. Карамзина, запечатленными в «Письмах русского путешественника» (ср. жанровую аллюзию в названии пародии).

1-я и 6-я строки составлены из двух двойных восклицательных знаков, четырех одиночных либо двух двоекных тире и многоточия, состояще-

го из четырех точек. Письму Н. М. Карамзина свойственно употребление двух восклицательных знаков, идущих подряд: *Девушка в белом корсете, лет двенадцати, подала мне при выходе букет цветов. Это мне очень понравилось. Я изъявил ей свою благодарность двумя грошами!!* [Кар, с. 62]; как одиночного, так и сдвоенного тире (в частности, между предложениями): *Мне опять становится чрезмерно грустно. — Простите! Дай Бог вам утешений! — Помните друга, но без всякого горестного чувства! и Там-то* (в деревенском трактире. — К. С.) *все оставленное мною явилось мне в таком трогательном виде — — Но полно, полно!* [Там же, с. 6]; многоточия, включающего четыре точки: *Я простился с женихом, с невестой — и естли (sic! — К. С.) бы Альпийския (sic! — К. С.) красавицы были не так стыдливы, то, может быть, пришло бы мне на мысль потребовать от нее.... невинного поцелуя!* [Там же, с. 142].

2-я строка составлена из пяти комплексных знаков препинания «вопросительный знак + многоточие», в которых собственно многоточия представлены двумя точками. Показательно, что у Н. М. Карамзина (именно в пародируемом тексте) этот комплексный знак всегда вбирает в себя три точки, не считая нижнего элемента вопросительного знака. Ср.: *Постойте — не найду ли чегонибудь (sic! — К. С.) в записной книжке своей?...* [Там же, с. 72]. Это подтверждается тем, что карамзинское многоточие чаще всего является четырехэлементным. Однако в «Письмах русского путешественника» имеются и многоточия, состоящие из трех точек. Ср.: *Домик у него (у Канта. — К. С.) маленькой (sic! — К. С.), и внутри приборов не много. Все просто, кроме... его Метафизики* [Там же, с. 21]. Вполне возможно, что пародист, обнаруживая здесь некоторую непоследовательность Н. М. Карамзина, исключительно пунктуационными средствами создает иронию.

В 3-й строке представлено либо 8 одиночных тире, либо 4 сдвоенных; в 4-й строке — 16 точек, в которых можно различить 4 многоточия, включающих в свой состав по четыре элемента (ср. иллюстративные примеры выше).

5-я строка составлена из одного вопросительного знака и четырех восклицательных знаков, обрамленных парными косыми чертами. Скорее всего, посредством этих парных знаков указывается на то, что конечные пунктуационные маркеры идут не подряд (в отличие от двойных восклицательных знаков в 1-й и 6-й строках). Ср. у Н. М. Карамзина постановку вопросительного и восклицательного знаков в текстовых «связках» самостоятельных предложений: *Поверите ли, друзья мои, что нынешний вечер причисляю я к щастливейшим (sic! — К. С.) вечерам моей жизни? И пусть теперь доказывают мне, что Изящныя (sic! — К. С.) Искусства*

(sic! — К. С.) не имеют влияния на *щастие* (sic! — К. С.) *наше!* Нет, я буду всегда благословлять их действие, пока сердце будет биться в груди моей — пока будет оно чувствительно! [Там же, с. 40].

В пародии особый акцент Н. М. Карамзина-сентименталиста на таких пунктуационных маркерах, как вопросительный и восклицательный знаки, тире и многоточие, получил «гипертрофированное» выражение [Щецова, 2013, с. 195], приведшее к отказу от вербального текста и к «сгущению» именно этих пунктуационных маркеров, которые ассоциировались с чувствительно-эмоциональной манерой письма Н. М. Карамзина у его современников.

4. Заключение = Conclusions

Проведенное исследование пунктуационно-графических фактов индивидуально-авторского характера позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, в письменной речи выработаны три типа функциональных взаимоотношений вербального сообщения и пунктуационного маркирования. Эти типы вовсе не представляют собой разрозненные явления. Напротив, в них отображены разные формы участия пунктуации в графической «упаковке» письменных высказываний.

Во-вторых, дифференциация функциональных взаимоотношений вербального сообщения и пунктуационного маркирования опирается на различное распределение в письменных высказываниях основной информации, передаваемой вербальными средствами, и дополнительной информации, выражаемой благодаря пунктуационным маркерам.

В-третьих, смысловая интерпретация письменных высказываний, намеренно оставленных без знаков препинания и, наоборот, образованных только из знаков препинания, чаще всего осуществляется как бы на фоне подразумеваемых вербальных сообщений с пунктуационным маркированием.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. АА — *Архив* авторов.
2. А — *Айги Г. Н.* Здесь : Избранные стихотворения. 1954—1988 / Г. Н. Айги. — Москва : Современник, 1991. — 287 с. — ISBN 5-270-00931-5.
3. Бел-1 — *Белый А.* Москва под ударом / А. Белый. — Москва : Артель писателей «Круг», 1926. — 248 с.
4. Бел-2 — *Белый А.* Петербург. 2-е изд. / А. Белый. — Санкт-Петербург : Наука, 2004. — 699 с. — ISBN 5-02-026981-6.
5. Бит — *Битов А. Г.* Обоснованная ревность : повести / А. Г. Битов. — Москва : АСТ ; Редакция Елены Шубиной, 2022. — 491 с. — ISBN 978-5-17-148286-2.

6. Бул — *Булгаков М. А.* Собрание сочинений. В 5 т. / М. А. Булгаков. — Москва : Художественная литература, 1989. — Т. 1. — 623 с. — ISBN 5-280-00759-5.
7. Кар — *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника / Н. М. Карамзин. — Ленинград : Наука, 1984. — 717 с.
8. Кр — *Кривулин В.* Стихи после стихов / В. Кривулин. — Санкт-Петербург : Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2001. — 144 с. — ISBN 5-86789-135-6.
9. Куз — *Кузнецова Ю. Н.* Как я пишу / Ю. Н. Кузнецова. — Москва : КомпасГид, 2018. — 176 с. — ISBN 978-5-00083-438-1.
10. Лот — *Лотман Ю. М.* Текстологические принципы издания / Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. — Ленинград : Наука, 1984. — С. 516—524.
11. Мат — *Матвеева Н. Н.* Мяч, оставшийся в небе : Автобиографическая проза. Стихи / Н. Н. Матвеева. — Москва : Молодая гвардия, 2006. — 639 с. — ISBN 5-235-02859-7.
12. Нек — *Некрасов Вс.* Стихотворения. 2-е изд. / Вс. Некрасов. — Новосибирск : Артель «Напрасный труд», 2002. — 64 с.
13. Ник — *Никифорова О. И.* Психология восприятия художественной литературы / О. И. Никифорова. — Москва : Книга, 1972. — 152 с.
14. Поз — *Позов А.* Метафизика Лермонтова / А. С. Позов. — Madrid : Ediciones Castilla, 1975. — 202 с. — ISBN 84-399-3626-5.
15. Соб — *Соболев Л. С.* Морская душа : Рассказы / Л. С. Соболев. — Киев : Радянська школа, 1988. — 445 с. — ISBN 5-330-00285-0.
16. Сор — *Сорокин В. Г.* Очередь / В. Г. Сорокин. — Москва : АСТ ; CORPUS, 2021. — 256 с. — ISBN 978-5-17-108518-6.
17. Тол — *Толстая Т. Н.* Войлочный век / Т. Н. Толстая. — Москва : АСТ ; Редакция Елены Шубиной, 2015. — 352 с. — ISBN 978-5-17-086710-3.

Литература

1. *Богоявленская Ю. В.* Парцелляция в русском и французском языках : опыт сопоставительного когнитивно-семиотического исследования / Ю. В. Богоявленская ; 2-е изд. — Екатеринбург : УрФУ, 2021. — 214 с. — ISBN 978-5-7996-3289-2.
2. *Валгина Н. С.* Актуальные проблемы современной русской пунктуации / Н. С. Валгина. — Москва : Высшая школа, 2004. — 259 с. — ISBN 5-06-004937-X.
3. *Гальперин И. Р.* Избранные труды / И. Р. Гальперин. — Москва : Высшая школа, 2005. — 255 с. — ISBN 5-06-004962-0.
4. *Ицкович В. А.* Знаки препинания как реплики диалога / В. А. Ицкович, Б. С. Шварцкопф // Современная русская пунктуация / отв. ред. Л. И. Скворцов. — Москва : Наука, 1979. — С. 141—158.
5. *Кольцова Л. М.* Пунктуационный эксперимент в художественном тексте / Л. М. Кольцова. — Воронеж : ВГУ, 2006. — 194 с. — ISBN 5-9273-10-94-X.
6. *Кузнецова Н. В.* Отсутствие запятой между подлежащим и сказуемым : самоочевидная норма или лакуна в правилах? / Н. В. Кузнецова // Мир русского слова. — 2017. — № 3. — С. 14—19.
7. *Мурзин Л. Н.* Текст и его восприятие / Л. Н. Мурзин, А. С. Штерн. — Свердловск : УрГУ, 1991. — 172 с. — ISBN 5-7525-0139-3.
8. *Николина Н. А.* Активные процессы в языке современной русской художественной литературы / Н. А. Николина. — Москва : Гнозис, 2009. — 336 с. — ISBN 5-8163-0077-4.

9. Орехова Н. Н. Пунктуация и письмо (на материале русского и английского языков) / Н. Н. Орехова. — Ижевск : Издательский дом «Удмуртский университет», 2000. — 216 с. — ISBN 5-93008-027-5.

10. Реформатский А. А. О перекодировании и трансформации коммуникативных систем / А. А. Реформатский // Исследования по структурной типологии / Отв. ред. Т. Н. Молошная. — Москва : Институт славяноведения АН СССР, 1963. — С. 208—215.

11. Садченко В. Т. Вторичный семиозис в художественном тексте / В. Т. Садченко. — Хабаровск : ДВГТУ, 2009. — 242 с.

12. Шубина Н. Л. Пунктуация современного русского языка / Н. Л. Шубина. — Москва : Академия, 2006. — 256 с. — ISBN 5-7695-2881-8.

13. Щецова Т. Г. Пародийное отражение пунктуационного узуса Н. М. Карамзина / Т. Г. Щецова // Художественный текст : структура, семантика, стилистика. — Москва : МГУ им. М. А. Шолохова, 2013. — С. 188—197. — ISBN 978-5-8288-1429-9.

14. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. — Ленинград : Наука, 1974. — 428 с.

15. Barton S. Visual devices in contemporary prose fiction : Gaps, gestures, images / S. Barton. — New York : Palgrave Macmillan, 2016. — 202 p. — ISBN 978-1-349-58025-5.

16. Bertuccelli M. The cognitive complexity of punctuation / M. Bertuccelli // *Lingue e linguaggi*. — 2022. — Vol. 54. — Pp. 15—29. — DOI: 10.1285/i22390359v54p15.

17. Bohn W. Reading visual poetry / W. Bohn. — Madison ; Teaneck : Fairleigh Dickinson University Press, 2011. — 176 p. — ISBN 978-1-61147-062-8.

18. Patt S. Punctuation as a means of medium-dependent presentation structure in English. Exploring the guide functions of punctuation / S. Patt. — Tübingen : Narr Verlag, 2013. — 299 p. — ISBN 978-3-8233-6753-6.

19. Saenger P. H. Space between words : the origins of silent reading / P. H. Saenger. — Stanford : Stanford University Press, 1997. — 480 p. — ISBN 0-8047-2653-1.

20. Smitherberg E. Non-correlative commas between subjects and verbs in nineteenth-century private letters and scientific texts / E. Smitherberg // *Punctuation in context — past and present perspectives*. — Bern : Peter Lang, 2020. — Pp. 23—45. — ISBN 978-3-0343-3790-8.

Статья поступила в редакцию 29.08.2024,
одобрена после рецензирования 17.12.2024,
подготовлена к публикации 02.01.2025.

Material resources

A — Aygi, G. N. (1991). *Here: Selected poems. 1954—1988*. Moscow: Sovremennik Publ. 287 p. ISBN 5-270-00931-5. (In Russ.).

AA — *Archive of authors*. (In Russ.).

Bel-1 — Belyy, A. (1926). *Moscow is under attack*. Moscow: Krug Writer's Artel. 248 p. (In Russ.).

Bel-2 — Belyy, A. (2004). *Petersburg. 2nd ed.* Saint Petersburg: Nauka Publ. 699 p. ISBN 5-02-026981-6. (In Russ.).

Bit — Bitov, A. G. (2022). *Justified jealousy: stories*. Moscow: AST; Edited by Elena Shubina. 491 p. ISBN 978-5-17-148286-2. (In Russ.).

Bul — Bulgakov, M. A. (1989). *Collected works. In 5 volumes, 1.* Moscow: Fiction. 623 p. ISBN 5-280-00759-5. (In Russ.).

- Kar — Karamzin, N. M. (1984). *Letters of a Russian traveler*. Leningrad: Nauka Publ. 717 p. (In Russ.).
- Kr — Krivulin, V. (2001). *Poems after poems*. St. Petersburg: Blitz. 144 p. ISBN 5-86789-135-6. (In Russ.).
- Kuz — Kuznetsova, Yu. N. (2018). *How I write*. Moscow: KompasGid. 176 p. ISBN 978-5-00083-438-1. (In Russ.).
- Lot — Lotman, Yu. M., Uspensky, B. A. (1984). Textual principles of publication. In: *Karamzin N. M. Letters of a Russian traveler*. Leningrad: Nauka Publ. 516—524. (In Russ.).
- Mat — Matveeva, N. N. (2006). *The ball left in the sky: Autobiographical prose*. Poems. Moscow: Molodaya Gvardiya Publ. 639 p. ISBN 5-235-02859-7. (In Russ.).
- Nek — Nekrasov, Vs. (2002). *Poems. 2nd ed.* Novosibirsk: Vain Labor. 64 p. (In Russ.).
- Nik — Nikiforova, O. I. (1972). *Psychology of perception of fiction*. Moscow: Book. 152 p. (In Russ.).
- Poz — Pozov, A. S. (1975). *Metaphysics of Lermontov*. Madrid: Ediciones Castilla. 202 p. ISBN 84-399-3626-5. (In Russ.).
- Sob — Sobolev, L. S. (1988). *Sea soul: Stories*. Kiev: Radyanka school. 445 p. ISBN 5-330-00285-0. (In Russ.).
- Sor — Sorokin, V. G. (2021). *Queue*. Moscow: AST; CORPUS. 256 p. ISBN 978-5-17-108518-6. (In Russ.).
- Tol — Tolstaya, T. N. (2015). *The felt age*. Moscow: AST. 352 p. ISBN 978-5-17-086710-3. (In Russ.).

References

- Barton, S. (2016). *Visual devices in contemporary prose fiction: Gaps, gestures, images*. New York: Palgrave Macmillan. 202 p. ISBN 978-1-349-58025-5.
- Bertuccelli, M. (2022). The cognitive complexity of punctuation. *Lingue e linguaggi*, 54: 15—29. DOI: 10.1285/i22390359v54p15.
- Bogoyavlenskaya, Yu. V. (2021). *Parcelling in Russian and French: the experience of comparative cognitive-semiotic research. 2nd ed.* Yekaterinburg: UrFU. 214 p. ISBN 978-5-7996-3289-2. (In Russ.).
- Bohn, W. (2011). *Reading visual poetry*. Madison; Teaneck: Fairleigh Dickinson University Press. 176 p. ISBN 978-1-61147-062-8.
- Galperin, I. R. (2005). *Selected works*. Moscow: Vysshaya Shkola Publ. 255 p. ISBN 5-06-004962-0. (In Russ.).
- Itskovich, V. A., Schwarzkopf, B. S. (1979). Punctuation marks as dialogue replicas. In: *Modern Russian punctuation*. Moscow: Nauka Publ. 141—158. (In Russ.).
- Koltsova, L. M. (2006). *Punctuation experiment in a literary text*. Voronezh: VSU. 194 p. ISBN 5-9273-10-94-X. (In Russ.).
- Kuznetsova, N. V. (2017). The absence of a comma between the subject and the predicate: a self-evident norm or a lacuna in the rules? *The world of the Russian word*, 3: 14—19. (In Russ.).
- Murzin, L. N. (1991). *Text and its perception*. Sverdlovsk: USU. 172 p. ISBN 5-7525-0139-3. (In Russ.).
- Nikolina, N. A. (2009). *Active processes in the language of modern Russian fiction*. Moscow: Gnosis. 336 p. ISBN 5-8163-0077-4. (In Russ.).
- Orehova, N. N. (2000). *Punctuation and writing (based on the material of Russian and English languages)*. Izhevsk: Udmurt University Publishing House. 216 p. ISBN 5-93008-027-5. (In Russ.).

- Patt, S. (2013). *Punctuation as a means of medium-dependent presentation structure in English. Exploring the guide functions of punctuation*. Tübingen: Narr Verlag. 299 p. ISBN 978-3-8233-6753-6.
- Reformatsky, A. A. (1963). On recoding and transformation of communicative systems. In: *Research on structural typology*. Moscow: Institute of Slavic Studies of the USSR Academy of Sciences. 208—215. (In Russ.).
- Sadchenko, V. T. (2009). *Secondary semiosis in a literary text*. Khabarovsk: DVGGU. 242 p. (In Russ.).
- Saenger, P. H. (1997). *Space between words: the origins of silent reading*. Stanford: Stanford University Press. 480 p. ISBN 0-8047-2653-1.
- Shcherba, L. V. (1974). *Language system and speech activity*. Leningrad: Nauka Publ. 428 p. (In Russ.).
- Shchetsova, T. G. (2013). Parodic reflection of punctuation usage by N. M. Karamzin. In: *Literary text: structure, semantics, stylistics*. Moscow: M. A. Sholokhov Moscow State University. 188—197. ISBN 978-5-8288-1429-9. (In Russ.).
- Shubina, N. L. (2006). Punctuation of the modern Russian language. Moscow: Akademiya Publ. 256 p. ISBN 5-7695-2881-8. (In Russ.).
- Smutterberg, E. (2020). Non-correlative commas between subjects and verbs in nineteenth-century private letters and scientific texts. In: *Punctuation in context — past and present perspectives*. Bern: Peter Lang. 23—45. ISBN 978-3-0343-3790-8.
- Valgina, N. S. (2004). *Actual problems of modern Russian punctuation*. Moscow: Vysshaya Shkola Publ. 259 p. ISBN 5-06-004937-X. (In Russ.).

*The article was submitted 29.08.2024;
approved after reviewing 17.12.2024;
accepted for publication 02.01.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(1), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Черных Ю. С. Имя собственное в пространстве учебного текста по арабскому языку как иностранному / Ю. С. Черных, О. В. Макарова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 1. — С. 137—156. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-137-156.

Chernykh, Yu. S., Makarova, O. V. (2025). Proper Nouns in Context of Arabic as a Foreign Language Learning. *Nauchnyi dialog*, 14 (1): 137-156. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-137-156. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Имя собственное в пространстве учебного текста по арабскому языку как иностранному

Черных Юлиана Станиславовна

orcid.org/0009-0008-3448-9496

кафедра русского языка
как иностранного
july222@inbox.ru

Макарова Ольга Владимировна

orcid.org/0000-0002-3356-6794

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра русского языка
как иностранного,
корреспондирующий автор
omakarova1980@mail.ru

Тюменский государственный
медицинский университет
(Тюмень, Россия)

Proper Nouns in Context of Arabic as a Foreign Language Learning

Yuliana S. Chernykh

orcid.org/0000-0008-3448-9496

Department of Russian
as a Foreign Language
july222@inbox.ru

Olga V. Makarova

orcid.org/0000-0002-3356-6794

PhD in Philology, Associate Professor
Department of Russian
as a Foreign Language,
corresponding author
omakarova1980@mail.ru

Tyumen State
Medical University
(Tyumen, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуется национальная картина мира, которая репрезентируется именами собственными в учебных текстах по арабскому языку как иностранному. Цель работы — изучить этнокультурную семантику и прагматику имени собственного в процессе освоения арабского языка. Для анализа 910 онимов, извлеченных из учебных текстов, применяются описательный, линейно-сопоставительный методы, приемы контекстуального, компонентного и функционально-стилистического анализа. Выделено 9 микрогрупп имен собственных, которые отражают важные для арабов реалии и касаются как обозначения физических объектов мира (людей, их локаций), так и духовной составляющей (верований, традиций еды, проведения праздников и др.). Приводятся статистические данные. Так, удельный вес употребления антропонимов в учебных текстах составляет 60 %, что обусловлено изучением норм речевого этикета в арабской культуре; использование топонимов составляет 18 %, что соответствует необходимому лингвострановедческому аспекту в изучении иностранного языка; 10 % от всего корпуса составляют религиозные ономастические единицы, отсылающие к этическим принципам исламской культуры. Авторы выявили, что для воссоздания образа страны изучаемого языка онимы играют ключевую роль, поэтому необходимо следовать ряду принципов в их отборе: частотности, прецедентности, положительной коннотации, символичности, соответствию принципам исламской культуры.

Ключевые слова:

арабский язык как иностранный; имя собственное; оним; прагматический аспект речи; учебный текст.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study investigates the national worldview represented by proper nouns in educational texts for Arabic as a foreign language. The primary objective of this research is to explore the ethnocultural semantics and pragmatics of proper nouns within the context of Arabic language acquisition. A total of 910 proper names extracted from teaching materials are analyzed using descriptive and linear comparative methods, along with contextual, componential, and functional-stylistic analysis techniques. Nine microgroups of proper nouns are identified, reflecting significant realities for Arabs, encompassing both physical entities (people and their locations) and spiritual components (beliefs, food traditions, celebrations, etc.). Statistical data is provided; for instance, the proportion of anthroponyms in educational texts accounts for 60%, which is attributed to the study of speech etiquette norms in Arab culture. The use of toponyms constitutes 18%, aligning with the necessary linguistic and cultural aspects of foreign language education. Additionally, religious onomastic units make up 10% of the corpus, referencing ethical principles within Islamic culture. The authors conclude that proper nouns play a crucial role in reconstructing the image of the target language country, necessitating adherence to several selection principles: frequency, precedence, positive connotation, symbolic significance, and alignment with Islamic cultural principles.

Key words:

Arabic as a foreign language; proper noun; onym; pragmatic aspect of speech; educational text.

УДК 811.411.21'243+81'367.622.12:371.67

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-137-156

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Имя собственное в пространстве учебного текста по арабскому языку как иностранному

© Черных Ю. С., Макарова О. В., 2025

1. Введение = Introduction

Актуальность исследования имен собственных в учебных текстах по арабскому языку как иностранному обусловлена антропоцентрической направленностью современной лингвистики в аспекте изучения фрагмента национальной картины мира. Его необходимость продиктована не только традиционным использованием в практике преподавания иностранных языков национальных ономастиконов с целью формирования у инофонов лингвокультурной компетенции, но и возможностью выявления специфических особенностей арабской культуры.

Научная новизна состоит в расширении фокуса исследования картины мира за счет включения в объект анализа учебного текста по арабскому языку как иностранному, что позволяет изучить специфику имен собственных с учетом жанровых и дискурсивных практик. В науке сопоставительный аспект исследования русской и арабской ономастической лексики, представленной в учебниках для иностранцев, недостаточно разработан.

Цель исследования — изучение этнокультурной семантики и прагматики имени собственного в процессе освоения арабского языка.

Задачи исследования: выявить ономастический корпус в учебной литературе по арабскому языку как иностранному; установить функциональный статус арабских имен собственных, представленных в учебных текстах для иностранцев; выявить прагматические особенности арабской ономастической лексики в учебных текстах.

Обращение к учебным текстам по арабскому языку предполагает исследование имени собственного как лингвопрагматического феномена учебной коммуникации. Полагаем, что изучение онимов с учетом их национально-культурного содержания способствует развитию у инофонов знаний об арабской культуре, формированию коммуникативных компетенций, необходимых для межкультурного диалога.

В изучении учебных текстов наблюдается смещение акцентов с коммуникативно-деятельностного [Бурвикова, 1991, с. 12; Чистякова, 2006 и др.], методико-дидактического [Афанасьева, 2020; Радченко, 2014 и др.] аспектов на дискурсивный анализ [Габидуллина, 2019, Короткевич, 2023 и др.]. Так, А. В. Курьянович справедливо замечает, что учебные тексты по иностранному языку участвуют в формировании вторичной картины мира и выступают «ретрансляторами социально значимых смыслов и ценностных установок, актуализирующихся в дискурсивном пространстве диалога культур» [Курьянович, 2022, с. 39].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В данной работе ономастический корпус рассматривается в учебных текстах, предназначенных для уровня начального обучения арабского языка как иностранного (далее — АКИ). Материалом исследования являются 910 имен собственных, извлеченных из учебной литературы иноязычных авторов. В РФ сегодня обучается много студентов из стран Азии и Африки, понимание культурных особенностей которых необходимо для эффективного межнационального диалога. Привлечение в качестве эмпирического материала учебных текстов расширяет представление об ономастике как важном фрагменте арабской языковой картины мира, моделируемой с учетом такого фактора, как включенность носителей разных языков в межкультурную коммуникацию.

Для анализа онимов, функционирующих в учебных текстах, применяются описательный и сопоставительный методы, приемы контекстуального, компонентного и функционально-стилистического анализа. Семантический анализ имён собственных (далее — ИС) в арабских текстах проводился на основе классического линейного сопоставительного метода. На первом этапе определена макросистема в виде выборки всех имен собственных в учебных текстах по арабскому языку. Далее выделено 9 микросистем, составлены списки наиболее частотных ИС в учебных текстах по АКИ.

Наш анализ ИС опирался на известную классификацию онимов по принципу словообразовательной мотивации слова, количеству обозначаемых объектов, принадлежности к определенным лексико-семантическим группам. В науке имеются работы, рассматривающие проблемы включения ономастического компонента в процесс обучения русскому языку как иностранному [Зубарева, 2017], встречаются труды, связанные с анализом топонимов на территории Африки [Перфильева и др., 2017, с. 200; Blair, 2020], однако комплексного исследования онимов арабского происхождения в учебных текстах не представлено.

В качестве объекта анализа рассмотрено 11 учебных пособий по арабскому языку (здесь и далее перевод наш. — Ю. Ч.): «Арабский в твоих руках» (4 части) [Аль-Фаузан и др., 2014], «Madinah. Arabic reader» (3 части) [Abdur Rahim, 2014], «Арабский для взрослых» [Салам, 2016], «Уроки арабского языка» [Маджли и др., 1977], «Арабская книга в руках наших детей» (2 части) [Аль-Фаузан и др., 2018].

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в разработке методических приемов, связанных с введением ономастического компонента в процесс обучения иностранным языкам; описании форм и способов презентации ономастических моделей в иностранной аудитории с учетом их межтекстовых и экстратекстуальных связей.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Структурно-семантические и грамматические особенности онимов в арабском языке

В науке не сложилось единого мнения относительно наличия значения у имени собственного: одни авторы, вслед за Дж. Миллем [Цит. по: Денисова, 2015, с. 1116], считают, что оним выполняет только номинативную функцию; другие исследователи [Арутюнова, 1999 и др.] отмечают, что оним соотносится с референтом и ситуативно обусловлен. Мы считаем, что имя собственное является носителем значения особого типа, выполняет роль идентификатора и может обозначать одного носителя: *Иисус, Аллах* — моноозначаемое [Kisel, 2017, р. 55], многие объекты окружающего мира (многозначные — *Антон, Наталья*) и мифологических существ (ситуативно обусловленные: варьируются в зависимости от целей говорящего — джинн *Амир, Карин, Марид, Ифрит*, хотя чаще упоминаются без имени, что соответствует традиции табуирования; например, в русской культуре к таким онимам относятся наименования медведя у охотников — *Михаил, Топтыгин, Потапыч*). Кроме того, компонентный анализ онима свидетельствует о включении в его структуру номинативного, оценочного (уменьшительное, ласковое, шутовое и др.) и стилистического компонентов (официальное / неофициальное производное).

Считаем, что значение онима равно информации носителя об объекте, обозначенном ИС. *Шахерезада* — женское имя, а применительно к тексту «Тысяча и одна ночь» оним обретает смысловую емкость и включает сему «женская мудрость и красота». Следовательно, необходимо разграничивать имя собственное как часть национального ономастикона и имя собственное в его связи с конкретным референтом: в семантической структуре имени конкретного человека содержатся признаки языка, менталитета, культуры того или иного народа.

Отметим, что одно и то же прецедентное имя при его использовании в разных национально-культурных сообществах может иметь отличительные особенности. Так, номинация «Израиль» (إسرائيل) для арабоязычного мира, как правило, связана с оккупацией и нарушениями прав палестинцев; для русскоязычного мира этот оним в большей степени ассоциируется с древними библейскими событиями.

Использование имен собственных играет важную роль в эффективном общении между участниками. Рассмотрим, как правильный выбор, варьирование, употребление и восприятие имен собственных влияют на успешную коммуникацию.

Во многих культурах традиционного типа выбор имени для новорожденного является ответственным шагом. Так, в соответствии со славянской традицией имяназачение не только «инициационный акт, придающий новорожденному статус человека», но и формирующий (творящий) человека (в частности, славянская пословица гласит: «Прибери пня, дай ему имя — из него буде чоловік») [Словарь древностей ..., 1995, с. 408]. Процесс именования человека в арабском мире соотносим с общими тенденциями имяназачения: имя может быть выбрано по религиозным мотивам, в честь предков, с учетом семейных традиций или исходя из принципа благозвучия. Кроме того, имя может отражать надежду родителей и их пожелания относительно будущего своего ребенка, например: *Хабиба* — «любимая», *Омния* — «желанная», *Хади* — «тихий, спокойный».

Высокую частотность приобретают имена, связанные с религиозной сферой. В исламе есть определенные правила относительно имяназачения: в таком случае имя может быть как символом веры и духовности, так и напоминанием о моральных ценностях, например: *Мохамед* (пророк), *Ая* (глава из Корана), *Абдалла* (раб божий), *Фатима* (мать пророка).

В арабских странах также следует учитывать культурные традиции при обращении к человеку и выбору формы имени. Так, к человеку с высшим образованием принято обращаться по имени с добавлением слова *устаз* «господин», например: *Устаз Ахмед*. В некоторых арабских государствах, в частности Сирии и Египте, вежливой формой обращения является наименование человека по имени его сына или дочери: *абу Мохамед* (папа Мохамеда).

Как в русской, так и в арабской культурах возможно варьирование форм имени в зависимости от контекста общения и отношений с собеседником. Так, если в официальной обстановке лучше использовать полные имена *Михаил*, *Александр*, *Мохамед*, то в неформальной — краткие или прозвища: *Миша*, *Саша*, *Хамуди*. Диминутивные формы имен собственных являются распространенным явлением и используются в кругу близ-

ких. Прагматика диминутива-антропонима связана с аспектами проявления его экспрессивной составляющей в различных ситуациях общения для выражения уменьшительно-ласкательности или уменьшительно-уничтожительности.

Правильное использование имени собеседника, его произношение и понимание способствуют укреплению связи между коммуникантами, созданию дружеской атмосферы, связаны с демонстрацией уважения к другому, помогают избежать неловких ситуаций, когда неизвестно, как обращаться к другому человеку. Имена не просто являются способом обозначить человека — в них заложены глубокие культурные, религиозные и социальные смыслы. Поэтому выявление особенностей онимов в разных культурах является важным аспектом при изучении соответствующего языка как иностранного, в частности арабского.

В арабском языке имена собственные имеют определенные грамматические особенности. Можно выделить категорию «разумности / неразумности», в соответствии с которой животные относятся к неразумным существам и их обозначения соотносятся с вопросом «Что это?», а антропонимы — с вопросом «Кто это?».

Имена собственные обладают категорией рода. Показателем женского рода, как правило, выступает окончание ة — (та марбута): *Басма* (بَسْمَة), исключением является имя *Зейнаб* (زَيْنَب). Как и в русском языке, многие имена имеют форму как мужского, так и женского рода, например: *Карим* (كَرِيم) — *Карима* (كَرِيمَة). Часто мужская арабская аудитория неоднозначно реагирует на склонение их имени в родительном падеже, поскольку эта форма созвучна с именем в женском роде, например, нет *Карима*, у *Карима*... При имянаречении дочери все составляющие имени (имя отца, деда, фамилия) не подлежат изменению рода, например: *Басма Абдельхамид Фатхи Аммар*.

Категория числа антропонимов выражена формами единственного числа: *محمد, فاطمة* (*Мохамед, Фатима*); двойственного: *محمدتين, فاطمتين* (*Мохамедейн, Фатиматейн*) — два Мохамеда, две Фатимы; множественного: *محمدون, فاطمات* (*Мохамадун, Фатимат*). Топонимы не изменяются по числам.

Все имена собственные обладают грамматической категорией падежа. В отличие от русского языка в арабском падежная система представлена тремя падежами: именительным — *альрафа* (الرفع): окончание *дамма* ُ «-у», *танвин дамма* ٌ «-ун» *مُحَمَّدٌ* — *Мухамадун*; родительным — *альжар* (الجر): окончание *касра* ِ «-и», *танвин касра* ٍ «-ин» *مُحَمَّدٍ*, *Мухамадин*; винительным — *альнааб* (النصب): окончание *фатха* َ «-а», *танвин фатха* ً «-ан» *مُحَمَّدٌ* — *Мухамадан*.

В арабском языке диминутивы-антропонимы образуются по модели изменения внутренней флексии, причем в арабском классическом (фусха) также существуют мелиоративные и пейоративные антропонимические варианты. Так, при образовании феминных и маскулинных диминутивов происходит изменение внутренней флексии имени. Ср.: *Али* (علي) — *Алиа* (عليّ), *Салим* (سليم) — *Салаим* (سليم), *Абдалла* (عبد الله) — *Обаидулла* (عُتَيْبُ الله), *Мохамед* (محمد) — *Мохаймад* (مُحَمَّد), *Омар* (عمر) — *Омаир* (عُمَيْر), *Марех* (مَرْح) — *Мураиха* (مُرَيْحَة), *Зейнаб* (زينب) — *Зуйаинаб* (زَيْنَب); *Али* (علي) > *Алюша* (عَلُوشَة), *Салим* (سليم) > *Салюма* (سَلُومَة), *Абдалла* (عبد الله) > *Абуда* (عَبُودَة), *Мохамед* (محمد) > *Хамуда* (حَمُودَة), *Зейнаб* (زينب) > *Зейнуба* (زَيْنُوبَة) и др. Такие формы имен используются обычно в кругу близких людей, поскольку диминутивы стилистически окрашены (выражают оттенки таких эмоций, как ласка, нежность и др.).

Использование диминутивных гипокористик в арабском языке является неприемлемым в официальной ситуации. В современном обществе классический арабский язык все меньше используется в разговорной речи, поэтому границы его употребления сужаются до рамок образовательного процесса, официально-деловых переговоров и религиозной сферы. В связи с этим использование пейоративных диминутивов (с оттенком пренебрежения) полностью исключается.

Если в российской традиции оним включает три составляющих: имя, отчество и фамилию, при этом отчество и фамилия отражают уважение к отцу и семейным связям, то в арабских странах используется система именования, основанная на патронимике и принадлежности к племени или клану. У арабов личное имя содержит четыре компонента: имя, имя отца, имя деда, фамилию. При необходимости упоминаются дополнительные дескриптивные или прозвищные имена (*лакаб*, *нисба*), которые указывают на происхождение или отличительную черту человека.

3.2. Специфика употребления онимов в учебном тексте

Рассмотрев структурно-семантические и грамматические особенности онимов в арабском языке, обратимся к анализу их употребления в учебном тексте. Вслед за А. Э. Бабайловой [Бабайлова, 1999, с. 12] под *учебным* мы понимаем текст, все элементы которого организованы в дидактических целях для формирования у обучающихся умений и навыков на конкретном этапе обучения. Кроме того, текст является средством формирования коммуникативной компетенции, языковой личности адресата, его концептосферы [Воробьева, 2021, с. 4].

Проанализировав материал учебников, мы выявили, что наиболее употребляемые ИС в учебных текстах относятся к антропонимам, топонимам и религиозным ИС (рис. 1). Это объяснимо спецификой учебных пособий:

тексты в них представлены как модель диалогового общения в различных ситуациях или в виде монолога — рассказа о себе, жизни и быте того или иного персонажа.

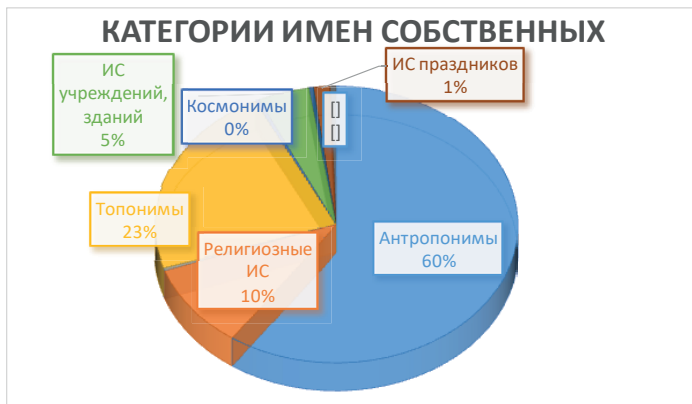

Рис. 1. Категории имен собственных в учебных текстах

Все антропонимы корпуса можно разбить на две группы: мужские и женские имена. Мужские имена составляют 78 % группы антропонимов (422 словоформы), тогда как женских имен всего 22 % (121 сл.).

В арабском мире существует особая культурная предрасположенность к уважению мужской части общества, что отражается и в языке, и в учебниках. Данный факт обусловлен не только тем, что традиционное арабское общество опирается на патриархальные принципы, но и требованиями мусульманского этикета, который не допускает расспросов о женской части семьи.

Структура арабского имени человека включает элементы:

1. Имя (Исм) (الاسم) — непосредственно само имя. Например, *Мухаммад* (محمد), *Али* (علي), *Фатима* (فاطمة).
2. Отчество (Насаб) (نسب) — вторая часть имени, которая указывает на отцовство человека. Например, *Мухаммад бен Абдуллах* (محمد بن عبدالله) (*Мухаммад, сын Абдуллаха*).
3. Кунья (كنية) — дополнительное имя, которое указывает на наличие у человека детей. Например, *Абу Бакр* (ابو بكر), что означает *отец Бакра*. Обычно это имя используется в повседневной жизни. Следует отметить, что при обращении к кому-либо используется звательная частица *ya* (يا).
4. Наследственное имя (Лакаб) (اللقب) — имя, которое указывает на качества или достижения человека. Например, *ас-Сиддики* (الصادق) (первый муж *Айши*), *аль-Харизми* (الخوارزمي) (математик).

5. Фамилия (Нисба) (نسبة) — указание на происхождение или место жительства человека. Например, *ат-Туниси* (التونسي) (тунисец), *аль-Масри* (المصري) (египтянин).

Вместе эти элементы образуют полное арабское имя. Однако не всегда все элементы присутствуют в имени, и могут быть использованы разные комбинации в зависимости от конкретных традиций и предпочтений человека.

Женские арабские имена могут быть короче и проще мужских и, как правило, состоят из имени (*исм*), отчества (*отчество*) и фамилии (*нисба*).

В арабских странах давать детям имена, имеющие религиозное значение или связанные с важными историческими фигурами ислама, является традицией. Как видно из диаграммы (рис. 2), наиболее употребляемое имя — *Ахмед* (90 % из всего списка мужских имен), несмотря на то что, согласно статистике, самое популярное имя в мире *Мохаммед*. Имя *Ахмед* имеет арабское происхождение и означает «просветленный» или «знающий».

Возможно, это связано с тем, что имя *Мохаммед* является особенно святым для мусульман, так как оно ассоциируется с пророком *Мохаммедом*, основателем ислама. Из уважения к пророку многие мусульмане избегают использования его имени в повседневной речи или на страницах учебников. При этом имя *Ахмед* (أحمد) ассоциируется с пророком *Мухаммедом*, поскольку оно является одним из его прозвищ наряду с онимом *Мустафа* (مصطفى). В Коране говорится: «Он — пророк, и его имя — Ахмед».

Рис. 2. Мужские имена, употребляемые в учебниках арабского языка как иностранного

Имена: *Хасан* (حسن) и *Мухаммад* (محمد) — тоже имеют символическое значение. В исламской истории есть несколько известных фигур с именем *Хасан*, в частности *Хасан* и *Хусейн* были внуками Пророка Мухаммада и потомками его дочери Фатимы и её мужа Али.

Отметим, что в учебных текстах иногда встречаются иностранные имена с учетом ориентации материала на адресата. Так, в учебных пособиях «Madinah. Arabic reader. P. 2» [Abdur Rahim, 2014], «Арабский в твоих руках. Ч. 2» [Аль-Фаузан и др., 2014], ориентированных на англоговорящую аудиторию, выявлено использование антропонимов: *Ульям, Эдвард, Джон, Дэвид и Карл*.

Наиболее употребляемыми в учебных текстах женскими именами являются онимы: *Фатима, Зейнаб* (فاطمة و زينب) (рис. 3).

Рис. 3. Женские имена, употребляемые в учебниках арабского языка как иностранного

Прагматика введения имени *Фатима* (فاطمة) в учебные тексты арабского языка напрямую связана с религиозной традицией. *Фатима Захра* (فاطمة الزهراء) (605 или 615 — 632 или 633) — четвёртая дочь пророка Мухаммеда, жена Али, мать Хасана и Хусейна. Ее с раннего возраста отделили от матери, поэтому прямое значение имени — «отнятое от груди дитя». Этот оним имеет особое значение в духовной и религиозной практике мусульман.

Имя *Зейнаб* (زينب) происходит от слов *зейн* «убор, украшение, краса» и *аб* «отец» и переводится как «украшение отца». Так, именем *Зейнаб* звали жену *Али-Бабы*, персонажа одной из арабских сказок, входящих в сборник «1001 ночь». В исторических хрониках сохранилось множество упоминаний о женщинах, носивших имя *Зейнаб*. Одной из самых знаменитых была Зейнаб, жена предводителя североафриканского мусульманского союза Альморавидов Абу Бекра. Благодаря своей красоте, хитрости и энергичности, она имела неограниченное влияние на военно-политические дела союза.

Отметим, что во всех учебных текстах и диалогах культура обращения к человеку отражена четырьмя основными формами:

1) по имени с использованием звательной частицы *йа*, например, *йа Бадр* (بدر يا), *йа Фатима* (فاطمة يا) ;

2) с добавлением перед именем слова *абу* «папа» или *ума* «мама» при обращении к людям, имеющих детей. Эта вежливая форма фиксирует только имя их первого ребенка: *Абу Салех* (ابو صالح) — «папа Салеха», *Абу Мустафа* (ابو مصطفى) — «папа Мустафы», *Ума Карим* (ام كريم) — «мама Карима»;

3) с использованием слова *уста́з* (أستاذ) «учитель» при обращении к преподавателю без добавления имени, что не характерно для русской культуры. Именно это культурное различие вызывает трудности у студентов-арабов на начальном этапе адаптации в России. Также слово *уста́з* является обращением к любому человеку с высшим образованием. Например, *уста́з Мурад* (استاذ مراد) ;

4) с добавлением слова «саид» (سيد), «саида» (سيدة), «аниса» (أنيسة) (незамужняя женщина), в том числе и в официально-деловой переписке. Например, *саид абу Махер* (سيد أبو ماهر), *саида Самира* (سيدة سميرة).

Указанные формы требуют дополнительного пояснения преподавателем, поскольку в одном тексте учебника может встретиться несколько упоминаний одного антропонима, например, в учебниках: «Арабский в твоих руках» [Аль-Фаузан и др., 2014], «Уроки арабского языка» [Маджли и др., 1977].

Особую роль выполняет имя *Джуха* (جحا), упоминаемое в учебнике «Повседневный арабский язык. Лондонский курс». Джуха является популярным персонажем комических историй, он представлен как простой и наивный человек, который оказывается в нелепых ситуациях. Его истории содержат элементы шуток, игры слов и сюрреалистических элементов. Посредством введения данного онима автор учебника знакомит читателей с арабским юмором и фольклором.

Вторая микрогруппа ИС в учебных текстах представлена топонимами и составляет 23 % от всего корпуса. В анализируемой группе топонимов самыми частотными являются названия городов (41 %), стран (39 %) и прочие ИС (20 %): номинации улиц, континентов, морей и океанов.

Анализ топонимов, по мнению авторов [Аль-Рахби и др., 2023, с. 878], значим не только для лингвистического описания в аспекте этимологического, морфологического и морфемного видов анализа наименований, но и для смежных исследований в области культуры народа, его истории, психологии. Несмотря на динамичное развитие арабоязычного сектора топонимики, большинство работ посвящено изучению фонетических особенностей перевода арабских топонимов на русский язык либо эти работы фокусируются на арабских географических терминах морской тематики [Хайрутдинов, 2007].

Употребление топонимов в текстах учебников арабского языка имеет специфику и обусловлено обучающими целями. При изучении иностранного языка авторы включают известные и значимые арабские и мировые топонимы, знания о которых расширяют словарный запас обучающихся и обогащают их представления о культуре изучаемой страны. Например, в учебнике «Уроки арабского языка» [Маджли и др., 1977] большой раздел посвящен диалогам о путешествиях по разным странам и городам.

Среди топонимов в учебных текстах частотны номинации *Саудовская Аравия* (المملكة العربية السعودية), *Сирия* (سوريا) и *Egypt* (مصر), что объясняется локацией издательств учебных пособий. Лингвострановедческий аспект при изучении языка обуславливает упоминание в текстах-диалогах главных достопримечательностей Египта: *памятника Тутанхамона* (عنفخ أمون), *храма Абу-Симбел* (معبد ابوسمبل), *религиозного комплекса Карнак* (معبد الكرنك), *мечети Султана Хасана* (مسجد سلطان حسن) и др. В учебниках часто упоминаются две главные мечети Саудовской Аравии: *аль-Харам* (المسجد الحرام) и *ан-Набави* (المسجد النبوي). Именно названия мечетей составляют 62 % от корпуса ИС учреждений и зданий в учебных текстах.

Учебники арабских издательств варьируют в своем подходе и содержании, и употребление топонимов в них может быть разным. Например, в учебниках «Madinah. Arabic reader. P. 2.» [Abdur Rahim, 2014] и «Уроки арабского языка» [Маджли, 1977], предназначенных для широкого круга читателей, упоминаются не только названия арабских стран и городов, но и стран мирового значения: *США* (الولايات المتحدة الأمريكية), *Индия* (الهند), *Китай* (الصين) — и некоторых островов. Учебное пособие «Арабский для взрослых» [Салам, 2016] включает в себя тексты, преимущественно связанные с Египтом, поэтому здесь используются онимы *Kaир* (القاهرة), *Александрия* (الاسكندرية), *Нил* (النيل), *Айн-Сохна* (العين السخنة) и др. Первый компонент топонимов, указывающий на связь с водой: *айн* «источник», *афлядж* / *фалядж* «оросительная система», *хейль* (например, *Хейль ан-Наж*), — обладает высокой частотностью, потому что вода имеет большое значение в жизни Аравийского полуострова.

Среди названий городов наиболее употребляемым является оним *Мекка* (مكة), играющий важную роль в истории и культуре ислама, поскольку это место рождения пророка Мухаммеда. Упоминание Мекки в учебных текстах не только вводит информацию о значимых священных местах и ритуалах, ассоциированных с паломничеством, но и способствует пониманию и апроприации религиозной культуры и традиций мусульманского народа. В учебнике «Арабский в твоих руках» [Аль-Фаузан и др., 2014] существует целая глава, посвященная теме паломничества, в связи с чем

упоминается лексема *Кабба* (الكعبة) — «мусульманская святыня» в виде ку-бической постройки.

Группа религиозных ИС состоит из четырех подгрупп-лексем: имени Бога — *Аллах*, мусульманской святыни — *Кабба* (الكعبة), главной книги ислама — *Коран* (القرآن), названия 5 молитв: *Фаджр* (الفجر), *Зухр* (الظهر), *Аср* (العصر), *Магриб* (المغرب) и *Иша* (العشاء). Наиболее частотными являются лексеммы *Аллах* и *Коран*. Авторы учебников по АКИ включают данные номинации, вероятно, с целью показать своеобразие мира духовной культуры мусульманина, для которого одним из видов времяпровождения является чтение Корана.

Примечательно, что в арабских странах существует только два основных праздника, и оба связаны с религией: *эйд Адха* (عيد الاضحى), празднуемый в честь завершения хаджа, и *эйд Фитр* (عيد الفطر), отмечаемый в месяц *Рамадан*, после завершения поста. В учебном пособии «Арабский в твоих руках» [Аль-Фаузан и др., 2014] не только сообщается об этих праздниках, но и дается представление о них посредством описания последовательности действий мусульман в эти дни. В учебных текстах представлен также оним *Арафат* (يوم عرفات) — второй день Хаджа, связанный с посещением горы Арафат и совершением намаза у её подножия.

В арабских странах названия улиц отсылают к именам известных людей, внесших значительный вклад в развитие общества. Поэтому в учебных текстах упоминается улица *Тарика ибн Зияда* (شارع طارق بن زياد), названная в честь героя, который прославился командованием мусульманских войск во время завоевательных войн на Пиренейском полуострове в 711 году.

Группа ИС блюд представлена тремя онимами: *Табула* (تبولة) (салат из зелени, овощей и крупы булгур), *Кубба* (كبة) (мясное блюдо с добавлением специй), *Мулухия* (ملوخية) (арабское блюдо из листьев молохия — овоща, обычно подается с рисом, кускусом или хлебом).

Прагматика включения названий блюд в учебные тексты арабского языка заключается в том, что объекты вкусового восприятия не только характеризуют специфику восточной кухни, но и являются частью кулинарной традиции, отражая уникальные аспекты арабской культуры. Сведения о пищевой культуре арабов важны для установления контактов с деловыми партнерами, гастрономического туризма, успешного путешествия в страны арабского мира.

Следующая группа ИС представлена космонимами. Прагматический аспект включения слов *солнце* (الشمس) и *луна* (القمر) — в тексты учебников арабского языка обусловлен культурной символикой, соотносительной с этими лексемами, что важно не только для понимания религиозных тек-

стов, в которые включается информация о Вселенной, но и для развития языковой компетенции в виде правильной интерпретации образов арабской литературы.

ИС группы «Компании и мероприятия» представлены названиями трех популярных футбольных команд: *Аль Ахли* (الأهلي), *Замалек* (الزمالك), *Аль-Иттихад* (الاتحاد). Их включение в тексты обусловлено успехами арабских спортсменов в этом виде спорта, его распространенностью в арабских странах, и знание названий команд способствует лучшему проникновению в культуру изучаемого языка.

4. Заключение = Conclusions

Ономастический компонент в процессе изучения иностранного языка не только отражает нормы речевого этикета, связан с лингвострановедческим аспектом, но и эксплицитно содержит информацию о культуре страны изучаемого языка. Включение онимов в учебный процесс обусловлено дидактическими и прагматическими целями: введением в культурный фон изучаемого языка; экспликацией знаковых религиозных реалий; описанием достопримечательностей, основных географических объектов; упоминанием событий, связанных с ключевыми личностями; формированием ассоциаций, отсылающих к арабской культуре и её традициям.

Как уже отмечалось нами ранее [Черных, 2024, с. 424], выделенные из учебных текстов имена собственные репрезентируют важные реалии и касаются как обозначения людей и их локаций — физических объектов мира, так и духовной составляющей: его верований, традиций еды, проведения праздников и др. Такая информация способствует лучшему пониманию картины мира арабов, даже при столь ограниченном знакомстве с ней посредством онимов в учебных пособиях по арабскому языку.

Самый большой удельный вес употребления ИС приходится на антропонимы (60 %), что обусловлено необходимостью использования языка в той сфере, где центральную роль играет человек, его быт и традиции. В связи с этим возникает необходимость знакомить студентов с миром имен и их производных, формами обращения к человеку с учетом культурных особенностей.

Удельный вес употребления топонимов в учебниках арабского языка составил 18 %. Изучение топонимов важно не только для понимания территориальных особенностей страны изучаемого языка, но и для экспликации связей с ее историей и культурой. Для обучающихся введение в речь новых географических названий не только расширяет лексикон, но и свидетельствует об особой значимости упоминаемого в тексте объекта.

Создание концептосферы в сознании изучающего арабский язык обусловлено обязательным включением духовно-нравственного компонента. Все учебные пособия, попавшие в выборку, содержат информацию об исламе: от текстов информационного характера до аятов и хадисов Корана, наставлений пророка. Ислам в арабском мире имеет определяющее влияние на закон, личные и деловые отношения, нормы поведения, брак, искусство. Более того, с точки зрения мусульман, рекомендуемыми к использованию являются пособия, в которых материал освещается в соответствии с исламской системой ценностей, а научные факты подкрепляются кораническими аятами и сунной [Кротова, 2012, с. 356]. Именно поэтому в учебниках арабского языка как для детей, так и для взрослых часто встречаются онимы, связанные с религией, что составляет 10 % от всего корпуса имен собственных.

Для сравнения: в учебниках по русскому языку для иностранцев авторы считают нецелесообразным включение религиозных ИС. Возможно, это обусловлено многонациональным составом территории РФ.

Интересным фактом является отсутствие в учебных текстах по арабскому как иностранному зоонимов и мифонимов, которые встречаются при изучении русского языка. Возможно, мифонимы, являясь частью культурного наследия и фольклора, не играют важной роли при изучении арабского языка на начальном этапе. Исламская мифология носит вторичный характер и является переработкой древнеаравийской мифологии и представлений народов, принявших ислам.

Таким образом, они как носители культурного кода играют важную роль в сохранении, передаче традиций и ценностей народа и способствуют более глубокому пониманию особенностей национальной культуры изучаемого языка.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Аль-Фузан А. И. Арабский язык в ваших руках / А. И. Аль-Фузан, М. Х. Аль-Тахир, М. А. Фадл. — Королевство Саудовская Аравия, Эр-Риад : Каталог Национальной библиотеки короля Фахда, 2014. — Ч. А1. — 285 с. (الفوزان إبراهيم بن عبد الرحمن، الطاهر مختار، م. أ. فادل. — مكتبة الملك عبد الله بن عبدالعزيز، الرياض، ٢٠١٤م، ٢٨٥ ص. العربية بين العريية فضل، كتاب محمد عبد الخالق محمد، حسين فهد الملك مكتبة ٨، فهرسة ١) (الوحدات الأولى الجزء الأول الإصدار يديك بين العربية فضل، كتاب محمد عبد الخالق محمد، حسين فهد الملك مكتبة ٨، فهرسة ١) (السعودية، ٢٠١٤م، ٢٨٥ ص العربية المملكة الرياض، النشر أثناء الوطنية).
2. Аль-Фузан А. И. Арабский язык в ваших руках / А. И. Аль-Фузан, М. Х. Аль-Тахир, М. А. Фадл. — Королевство Саудовская Аравия, Эр-Риад : Каталог Национальной библиотеки короля Фахда, 2014. — Ч. А2. — 285 с. (الفوزان إبراهيم بن عبد الرحمن، الطاهر مختار، م. أ. فادل. — مكتبة الملك عبد الله بن عبدالعزيز، الرياض، ٢٠١٤م، ٢٨٥ ص. العربية بين العريية فضل، كتاب محمد عبد الخالق محمد، حسين فهد الملك مكتبة ٨، فهرسة ١) (الوحدات الأولى الجزء الأول الإصدار يديك بين العربية فضل، كتاب محمد عبد الخالق محمد، حسين فهد الملك مكتبة ٨، فهرسة ١) (السعودية، ٢٠١٤م، ٢٨٥ ص العربية المملكة الرياض، النشر أثناء الوطنية).

الملك مكتبة فهرسة، (٩-١٦) الوحدات الثاني الجزء الأول الإصدار يدبك بين العربية فضل، كتاب محمد عبد الخالق محمد، حسين (السعودية، ٢٠١٤م، ٢٨٥ص العربية المملكة الرياض، النشر أثناء الوطنية فهد).

3. *Аль-Фузан А. И.* Арабский язык в ваших руках / А. И. Аль-Фузан, М. Х. Аль-Тахир, М. А. Фадл. — Королевство Саудовская Аравия, Эр-Риад : Каталог Национальной библиотеки короля Фахда, 2014. — Ч. В1. — 285 с. (الفوزان إبراهيم بن عبد الرحمن، الطاهر مختار د.، الفوزان إبراهيم بن عبد الرحمن، د. (٨-١) الوحدات الأول الجزء الثاني الإصدار يدبك بين العربية فضل، كتاب محمد عبد الخالق محمد، حسين الملك مكتبة فهرسة، (٩-١٦) الوحدات الثاني الجزء ٢٨٥ص العربية المملكة الرياض، النشر أثناء الوطنية فهد (السعودية، ٢٠١٤م، ٢٨٥ص)).

4. *Аль-Фузан А. И.* Арабский язык в ваших руках / А. И. Аль-Фузан, М. Х. Аль-Тахир, М. А. Фадл. — Королевство Саудовская Аравия, Эр-Риад : Каталог Национальной библиотеки короля Фахда, 2014. — Ч. В2. — 257 с. (الفوزان إبراهيم بن عبد الرحمن، الطاهر مختار د.، الفوزان إبراهيم بن عبد الرحمن، د. (٩-١٦) الوحدات الثاني الجزء الثاني الإصدار يدبك بين العربية فضل، كتاب محمد عبد الخالق محمد، حسين الملك مكتبة فهرسة، (٩-١٦) الوحدات الثاني الجزء ٢٥٧ص العربية المملكة الرياض، النشر أثناء الوطنية فهد (السعودية، ٢٠١٤م، ٢٥٧ص)).

5. *Аль-Фузан А. И.* Арабская книга в руках наших детей / А. И. Аль-Фузан, М. А. Аль-Шейх. — Королевство Саудовская Аравия, Эр-Риад : Каталог Национальной библиотеки короля Фахда, 2018. — Ч. 1. — 84 с. (عبد الرحمن بن محمد، الفوزان إبراهيم بن عبد الرحمن، د. (١٨-٢٠) ص العربية المملكة الرياض، النشر أثناء الوطنية فهد الملك مكتبة فهرسة الجزء أولادنا يدي بين العربية كتاب، الشيخ آل (السعودية، ٢٠١٨م، ٨٤ص)).

6. *Аль-Фузан А. И.* Арабская книга в руках наших детей / А. И. Аль-Фузан, М. А. Аль-Шейх. — Королевство Саудовская Аравия, Эр-Риад : Каталог Национальной библиотеки короля Фахда, 2018. — Ч. 2. — 84 с. (عبد الرحمن بن محمد، الفوزان إبراهيم بن عبد الرحمن، د. (١٨-٢٠) ص العربية المملكة الرياض، النشر أثناء الوطنية فهد الملك مكتبة الأول، فهرسة الجزء أولادنا يدي بين العربية كتاب، الشيخ آل (السعودية، ٢٠١٨م، ٨٤ص)).

7. *Маджали Ф.* Уроки арабского языка / Ф. Маджали, Мансур. — Лондон : [б. и.], 1977. — 186 с. (العربية في منصور، دروس البروفيسور، مجلي فواد لدكتور). London, 1977. 186 p.)

8. *Салам М. Г.* Арабский язык для взрослых / М. Г. Салам. — Египет : [б. и.], 2016. — 223 с. (مصر، للكبار العربية كتاب، سلام جمال محمد لأستاذ). (١٦-٢٠م، ٢٢٣ص)).

9. *Abdur Rahim V.* Madinah. Arabic reader / V. Abdur Rahim. — New Delhi : Goodword Books, 2014. — P. 1. — 98 p.

10. *Abdur Rahim V.* Madinah. Arabic reader / V. Abdur Rahim. — New Delhi : Goodword Books, 2014. — P. 2. — 104 p.

11. *Abdur Rahim V.* Madinah. Arabic reader / V. Abdur Rahim. — New Delhi : Goodword Books, 2014. — P. 3. — 122 p.

Литература

1. *Аль-Рахби А. М.* Структурно-семантические особенности топонимов Омана как отражение языковой ситуации и материальной и нематериальной культуры страны / А. М. Аль-Рахби, В. Н. Зарыговская // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2023. — Т. 14. — № 3. — С. 876—892. — DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-876-892.

2. *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — 2-е издание, исправленное. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — 896 с. — ISBN 5-7859-0027-0.

3. *Афанасьева О. В.* Обучение чтению как самостоятельному виду речевой деятельности и как средство формирования языков и речевых навыков / О. В. Афанасьева // Вестник Московского информационно-технологического университета — Московского архитектурно-строительного института. — 2020. — № 4. — С. 92—96.

4. *Бабайлова А. Э.* Текст как продукт, средство и объект коммуникации при обучении неродному языку / А. Э. Бабайлова. — Саратов : Изд-во Саратов.ун-та, 1987. — 151 с.
5. *Бурвикова Н. Д.* Текст как объект лингвистического исследования в аспекте описания и преподавания русского языка как иностранного / Н. Д. Бурвикова // Лингвистические и методические проблемы преподавания русского языка как неродного. — Сб. науч. тр. — Москва : Наука, 1991. — С. 12—19.
6. *Воробьева Е. В.* Текст учебного издания по русскому языку как иностранному : текстоведческий, лингвокультурный и прагматический аспекты : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Е. В. Воробьева. — Москва, 2021. — 241 с.
7. *Габидуллина А. Р.* К вопросу о типах педагогического дискурса / А. Р. Габидуллина // Вестник ЗКГУ. — 2019. — № 3 (75). — С. 231—240.
8. *Денисова Н. В.* К вопросу о значении имени собственного в современной лингвистике / Н. В. Денисова // Молодой ученый. — 2015. — № 8. — Ч. 11. — С. 1116—1118.
9. *Зубарева А. В.* Освоение ономастической лексики иностранными обучающимися : методические рекомендации / А. В. Зубарева // Язык & культура : межкультурная антропология : Материалы международной научной конференции. — Ростов-на-Дону : Южный федеральный университет, 2017. — С. 32—34.
10. *Короткевич И. И.* Дискурсивный подход в текстах по РКИ / И. И. Короткевич // Аксиология филологического образования в контексте подготовки педагога будущего : материалы II Международной научно-практической конференции. — Минск : Белорусский государственный университет, 2023. — С. 423—426.
11. *Кротова Т. А.* Традиции исламской системы образования в процессе обучения арабских учащихся русскому языку / Т. А. Кротова // Проблемы преподавания филологических дисциплин иностранным учащимся : материалы II Международной научно-методической конференции. — Воронеж : Истоки, 2012. — С. 355—361.
12. *Курьянович А. В.* Реализация миромоделирующего потенциала концепта ЯЗЫК в учебных текстах : опыт анализа дискурсивного варьирования лингвокультурного концепта / А. В. Курьянович, Е. А. Серебренникова // Сибирский филологический журнал. — 2022. — № 2. — С. 325—337. — DOI: 10.17223/18137083/79/23.
13. *Перфильева Н. В.* Информационный компонент топонимов Гвинеи-Бисау и Кабо-Верде / Н. В. Перфильева, Н. В. Новоспасская, Ф. Да Сильва // Вопросы теории и практики журналистики. — 2017. — Т. 6. — № 2. — С. 189—203. — DOI: 10.17150/2308-6203.2017.6(2).
14. *Радченко О. А.* Основные принципы построения учебника по языку специальности / О. А. Радченко // Вестник Московского государственного лингвистического университета. — 2014. — № 8 (694). — С. 112—120.
15. *Славянские древности : этнолингвистический словарь в 5-ти томах /* Российская академия наук, Институт славяноведения и балканистики. — Москва : Международные отношения, 1995. — Т. 1. — 584 с.
16. *Хайрутдинов Д. Р.* Арабская географическая терминология / Д. Р. Хайрутдинов // Ученые записки Казанского государственного университета. — 2007. — Т. 149. — Книга 4. — С. 76—82.
17. *Черных Ю. С.* Лингвопрагматический аспект имени собственного в учебных текстах по русскому языку как иностранному / Ю. С. Черных, О. В. Макарова // Проблемы современного педагогического образования. — 2024. — № 82—1. — С. 421—424.
18. *Чистякова О. А.* Методика организации коммуникативного практикума в курсовом обучении РКИ : автореферат диссертации ... кандидата педагогических наук : 13.00.02 / О. А. Чистякова. — Ярославль, 2006. — 28 с.

19. Blair D. Toponym types. A revised typology of placenaming / D. Blair, J. Tent. — Sydney : Placenames Australia Inc., 2020. — Pp. 76—77.

20. Kisel O. V. Are proper names meaningful or meaningless? / O. V. Kisel, Z. N. Zarutskaya, V. V. Mikhaylov, A. O. Zarutskaya, G. A. Bosik // Russian Linguistic Bulletin. — 2017. — № 4 (12). — Pp. 54—56.

Статья поступила в редакцию 31.08.2024,
одобрена после рецензирования 18.11.2024,
подготовлена к публикации 21.01.2025.

Material resources

- Abdur Rahim, V. (2014). *Madinah. Arabic reader, 1*. New Delhi: Goodword Books. 98 p.
- Abdur Rahim, V. (2014). *Madinah. Arabic reader, 2*. New Delhi: Goodword Books. 104 p.
- Abdur Rahim, V. (2014). *Madinah. Arabic reader, 3*. New Delhi: Goodword Books. 122 p.
- Al-Fuzan, A. I., Al-Sheikh, M. A. (2018). *The Arabic book in the hands of our children, 1. The Kingdom of Saudi Arabia*, Riyadh: Catalogue of the National library of king Fahd. 84 p. (In Arabic.).
- Al-Fuzan, A. I., Al-Sheikh, M. A. (2018). *The Arabic book in the hands of our children, 2. The Kingdom of Saudi Arabia*, Riyadh: Catalogue of the National library of king Fahd. 84 p. (In Arabic.).
- Al-Fuzan, A. I., Al-Tahir, M. H., Fadl, M. A. (2014). *The Arabic language is in your hands, A1. Kingdom of Saudi Arabia*, Riyadh: Catalog of the King Fahd National Library. 285 p. (In Arabic.).
- Al-Fuzan, A. I., Al-Tahir, M. H., Fadl, M. A. (2014). *The Arabic language is in your hands, A2. Kingdom of Saudi Arabia*, Riyadh: Catalog of the King Fahd National Library. 285 p. (In Arabic.).
- Al-Fuzan, A. I., Al-Tahir, M. H., Fadl, M. A. (2014). *The Arabic language is in your hands, B1. Kingdom of Saudi Arabia*, Riyadh: Catalog of the King Fahd National Library. 285 p. (In Arabic.).
- Al-Fuzan, A. I., Al-Tahir, M. H., Fadl, M. A. (2014). *The Arabic language is in your hands, B2. Kingdom of Saudi Arabia*, Riyadh: Catalogue of the King Fahd National Library. 257 p. (In Arabic.).
- Majali, F., Mansour. (1977). *Arabic language lessons*. London: [b. i.]. 186 p. (In Arabic.).
- Salam, M. G. (2016). *Arabic for adults*. Egypt: [b. i.]. 223 p. (In Arabic.).

References

- Afanas'yeva, O. V. (2020). Teaching reading as an independent type of speech activity and as a means of forming languages and speech skills. *Bulletin of the Moscow Information Technology University — Moscow Institute of Architecture and Civil Engineering*, 4: 92—96. (In Russ.).
- Al-Rahbi, A. M., Zarytovskaya, V. N. (2023). Structural and semantic features of Omani toponyms as a reflection of the linguistic situation and the material and immaterial culture of the country. *Bulletin of the People's Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics*, 14 (3): 876—892. DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-876-892. (In Russ.).
- Arutyunova, N. D. (1999). *Language and the human world. 2nd edition, revised*. Moscow: Languages of Russian Culture. 896 p. ISBN 5-7859-0027-0. (In Russ.).
- Babailova, A. E. (1987). *Text as a product, means and object of communication in teaching a non-native language*. Saratov: Sarat Publishing House. University. 151 p. (In Russ.).

- Blair, D., Tent, J. (2020). *Toponym types. A revised typology of placenaming*. Sydney: Place-names Australia Inc. 76—77.
- Burvikova, N. D. (1991). Text as an object of linguistic research in the aspect of describing and teaching Russian as a foreign language. In: *Linguistic and methodological problems of teaching Russian as a non-native language. Collection of scientific papers*. Moscow: Nauka. 12—19. (In Russ.).
- Chernykh, Yu. S., Makarova, O. V. (2024). The linguopragmatic aspect of proper names in educational texts on Russian as a foreign language. *Problems of modern pedagogical education*, 82—1: 421—424. (In Russ.).
- Chistyakova, O. A. (2006). *Methods of organizing a communicative workshop in the course of RCT training*. Author's abstract of PhD Diss. Yaroslavl. 28 p. (In Russ.).
- Denisova, N. V. (2015). On the question of the meaning of a proper name in modern linguistics. *Young Scientist*, 8 (11): 1116—1118. (In Russ.).
- Gabidullina, A. R. (2019). On the question of types of pedagogical discourse. *Bulletin of the ZKSU*, 3 (75): 231—240. (In Russ.).
- Khairutdinov, D. R. (2007). Arabic geographical terminology. *Scientific notes of Kazan State University*, 149 (4): 76—82. (In Russ.).
- Kisel, O. V., Zarutskaya, Z. N. (2017). Are proper names meaningful or meaningless? *Russian Linguistic Bulletin*, 4 (12): 54—56.
- Korotkevich, I. I. (2023). The discursive approach in texts on Russian Philology. In: *Axiology of philological education in the context of future teacher training: proceedings of the II International Scientific and Practical Conference*. Minsk: Belarusian State University. 423—426. (In Russ.).
- Krotova, T. A. (2012). Traditions of the Islamic education system in the process of teaching Arabic students the Russian language. In: *Problems of teaching philological disciplines to foreign students: proceedings of the II International Scientific and Methodological Conference*. Voronezh: Istoki Publ. 355—361. (In Russ.).
- Kuryanovich, A. V., Serebrennikova, E. A. (2022). Realization of the world-modeling potential of the concept of LANGUAGE in educational texts: the experience of analyzing discursive variation of a linguistic and cultural concept. *Siberian Philological Journal*, 2: 325—337. DOI: 10.17223/18137083/79/23. (In Russ.).
- Perfilieva, N., Novospasskaya, N. V., Da Silva, F. (2017). Information component of the toponyms of Guinea-Bissau and Cape Verde. *Questions of the theory and practice of journalism*, 6 (2): 189—203. DOI: 10.17150/2308-6203.2017.6(2). (In Russ.).
- Radchenko, O. A. (2014). Basic principles of building a textbook on the specialty language. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University*, 8 (694): 112—120. (In Russ.).
- Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary in 5 volumes*, 1. (1995). Moscow: Publishing House "International Relations". 584 p. (In Russ.).
- Vorobyeva, E. V. (2021). *Text of the educational publication on Russian as a foreign language: Textual, linguistic, cultural and pragmatic aspects*. PhD Diss. Moscow. 241 p. (In Russ.).
- Zubareva, A. V. (2017). Mastering onomastic vocabulary by foreign students: methodological recommendations. In: *Language & Culture: Intercultural Anthropology: Proceedings of the International Scientific Conference*. Rostov-on-Don: Southern Federal University. 32—34. (In Russ.).

*The article was submitted 31.08.2024;
approved after reviewing 18.11.2024;
accepted for publication 21.01.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(1), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Шалков Д. Ю. Вербальная репрезентация культурно-исторической памяти в граффити-дискурсе / Д. Ю. Шалков, С. В. Былкова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 1. — С. 157—175. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-157-175.

Shalkov, D. Yu., Bylkova, S. V. (2025). Verbal Representation of Cultural-Historical Memory in Graffiti Discourse. *Nauchnyi dialog*, 14 (1): 157-175. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-157-175. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Вербальная репрезентация культурно-исторической памяти в граффити-дискурсе

Шалков Денис Юрьевич

orcid.org/0000-0002-5353-0086
кандидат филологических наук,
доцент кафедры документоведения
и языковой коммуникации,
корреспондирующий автор
shalkovdenis@yandex.ru

Былкова Светлана Викторовна

orcid.org/0000-0002-8853-0684
кандидат филологических наук, доцент,
декан социально-гуманитарного
факультета, и. о. заведующего
кафедрой документоведения и
языковой коммуникации
svetbyl7592@rambler.ru

Донской государственный
технический университет
(Ростов-на-Дону, Россия)

Verbal Representation of Cultural-Historical Memory in Graffiti Discourse

Denis Yu. Shalkov

orcid.org/0000-0002-5353-0086
PhD in Philology, Associate Professor
at the Department of Documentation
and Language Communication,
corresponding author
shalkovdenis@yandex.ru

Svetlana V. Bylkova

orcid.org/0000-0002-8853-0684
PhD in Philology, Associate Professor,
Dean of the Faculty of Social Sciences
and Humanities, Acting Head
of the Department of Documentation
and Language Communication
svetbyl7592@rambler.ru

Don State Technical University
(Rostov-on-Don, Russia)

© Шалков Д. Ю., Былкова С. В., 2025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматриваются некоторые способы вербальной репрезентации культурно-исторической памяти в граффити-дискурсе. Стрит-арт-объекты представлены как социокультурная дискурсивная формация, транслирующая определённые национальные концепты, духовно-нравственные ориентиры и морально-этические принципы. Цель настоящего исследования — рассмотреть разновидности прецедентных феноменов, используемых граффити-райтерами, и на основе полученных результатов предложить классификацию соответствующих вербальных стрит-арт-объектов. Материалом послужили более 200 граффити, содержащих различные интертекстуальные включения. Минимальной структурно-семантической единицей прецедентного феномена является интертекстема — собственно лингвистическое средство реализации интертекстуальных связей в конкретных текстовых условиях. Авторы приходят к выводу, что интертекстемы, которые базируются на историко-культурном материале различного качества, служат раскрытию коммуникативно-прагматических интенций и мировоззренческих целеустановок граффити-райтеров. Наполняя урбанистическое пространство особыми смыслами, графические стрит-арт-объекты не только поднимают актуальные социально-экономические проблемы, но и содержат умозаключения философского характера, а также включают контент, способствующий эффективной трансляции и сохранению национального культурно-исторического кода.

Ключевые слова:

стрит-арт-объекты; лингвокультура; дискурсивная формация; интертекстема; прецедентный феномен.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores various methods of verbal representation of cultural-historical memory within graffiti discourse. Street art objects are presented as a sociocultural discursive formation that conveys specific national concepts, spiritual and moral guidelines, and ethical principles. The aim of this study is to examine the types of precedent phenomena utilized by graffiti writers and to propose a classification of the corresponding verbal street art objects based on the findings. The material analyzed comprises over 200 graffiti pieces featuring diverse intertextual inclusions. The minimal structural-semantic unit of a precedent phenomenon is identified as the intertexteme — linguistic means that realize intertextual connections within specific textual contexts. The authors conclude that intertextemes based on historical and cultural material of varying quality serve to reveal the communicative-pragmatic intentions and worldview objectives of graffiti writers. By infusing urban spaces with unique meanings, graphic street art objects not only highlight pressing socio-economic issues but also contain philosophical reflections and include content that facilitates the effective transmission and preservation of the national cultural-historical code.

Key words:

street art objects; linguoculture; discursive formation; intertexteme; precedent phenomenon.

УДК 811.161.1'42:75

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-157-175

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Вербальная репрезентация культурно-исторической памяти в граффити-дискурсе

© Шалков Д. Ю., Былкова С. В., 2025

1. Введение = Introduction

Культурно-историческая память представляет собой этнофилологический феномен, который реализуется в осознании ценности отечественной культуры и стремлении к её сохранению и передаче от одного поколения к другому. Речь идёт прежде всего об определённых культурных традициях, нормах, концепциях, ценностях, обычаях, обрядах, национальных ремесленных навыках, стилях и т. п. С точки зрения современной лингвокультурологии, культурная память, будучи фундаментальной основой самоидентификации личности, тесно связана с национальным культурно-историческим кодом и прецедентным тезаурусом взаимосвязанных микросоциумов.

В контексте социолингвистики и коммуникативистики прецедентные феномены трактуются как актуальные семиотические знаки, транслирующие совокупность духовно-нравственных и морально-этических принципов и легко дешифруемые представителями того или иного национального лингвокультурного сообщества. При этом культурная память предстаёт не только как некое информационное хранилище, но и как «сложная, динамичная, непрерывно трансформирующаяся система, связанная с процессом смены знаний, в котором социальные страты накапливают, конструируют и реконструируют знание о собственной (культурной) идентичности» [Ефремов, 2021, с. 68].

Стрит-арт как социокультурная дискурсивная формация неоднократно становился объектом научных изысканий. В частности, исследовались психологические мотивы создания граффити с точки зрения деструктивного поведения и вандальной активности молодёжи [Порозов и др., 2020]; эстетическая роль и компенсаторные функции субкультуры граффити [Новик, 2020]; способность стрит-арта актуализировать социальные, философские, политические, экологические и другие проблемы [Швиндт, 2019]; кросс-культурные [Культурный код ..., 2021] и правовые аспекты граффити-коммуникации [Посиделова и др., 2023]; репрезентация граффитологии

ческой тематики в городских виртуальных сообществах [Руденкин и др., 2023]; специфика ментальности постсовременных графических стрит-арт-объектов [Белкин, 2019]; историография и методика работы с древними сакральными граффити [Яйленко, 2018]; а также иные вопросы.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что граффити-надписи и изображения, обретая статус неотъемлемой части городского пространства, становятся важным компонентом социокультурного дискурсивного ландшафта. Специфика современной граффити-коммуникации заключается в рецепции многочисленного и качественно разнообразного круга прецедентных феноменов, поскольку интертекстуальность в её широком понимании позволяет активизировать квазидialogические стратегии, определяющие эффективность коммуникативного акта [Былкова и др., 2017].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Любая коммуникативная интенция вызывает определённую речевую, психологическую или поведенческую реакцию — фатическую, аксиологическую, респонсивную и ряд других. Понимание закономерно предшествует реакции. Важным критерием эффективного общения выступает ориентация на взаимное понимание. Лингвокультурологическая компетенция коммуникантов и общность понимания ими прецедентных текстов становятся необходимыми и достаточными условиями адекватного воздействия автора-граффитиста на реципиентов современного стрит-арта [Былкова и др., 2023].

Большинство авторитетных исследователей (Ю. Н. Караулов [Караулов, 2010], Н. С. Бирюкова [Бирюкова, 2005], Е. А. Нахимова [Нахимова, 2018], А. Н. Безруков [Безруков, 2015], Р. З. Назарова, М. В. Золотарев [Назарова и др., 2015], И. Р. Хузин, Г. Т. Гильфанова, Д. А. Салимзанова, Э. М. Вильданова [Прецедентные тексты ..., 2020] и др.) выделяют следующие разновидности прецедентных феноменов: прецедентная ситуация (историческая эпоха; историческое событие; любой инфоповод или поступок, затрагивающий интересы широкой общественности и насыщенный узнаваемыми коннотациями); прецедентный текст (произведения художественной литературы, религиозные и политические тексты, публицистика, устное народное творчество, мифы народов мира, тексты популярных песен, анекдоты, рекламные слоганы); прецедентное имя (имена писателей, художников, музыкантов, спортсменов, политических деятелей; литературных и фольклорных героев; а также индивидуальные имена собственные, которые связаны с широко известным текстом и, указывая на некую «эталонную» совокупность определённых качеств, употребляются в нарицательном значении); **прецедентное высказывание** (точные или трансформированные цитаты из текстов самого

разнообразного характера — классики, беллетристики, низовой (массовой) литературы; идиоматические выражения, крылатые слова, пословицы, поговорки, афоризмы и т. п.).

Указанные разновидности прецедентных феноменов находят то или иное воплощение в современном коммуникативном пространстве, важную составляющую которого формируют графические стрит-арт-объекты, отражающие различные способы вербальной репрезентации культурно-исторической памяти.

Контент-анализ граффити-надписей реализуется методом сплошной выборки с использованием инструментария прагматической лингвистики, в частности, таких приёмов, как наблюдение, систематизация, описание, а также элементов статистического, структурно-функционального и дистрибутивного анализа. Осуществлён герменевтический подход к интерпретации языковых единиц и композиционно-стилистических структур.

Полевые исследования, предпринятые в городах Ростовской области (преимущественно в Ростове-на-Дону и Таганроге), позволили сформировать достаточно репрезентативную картотеку, которая включает более 200 фотографий графических стрит-арт-объектов, содержащих интертекстуальные включения различного характера.

Цель настоящего исследования — рассмотреть разновидности прецедентных феноменов, используемых граффити-райтерами, и на основе полученных результатов предложить классификацию соответствующих вербальных граффити. Попытки обозначить некоторые разновидности стрит-арт-объектов предприняты во многих научных исследованиях, однако вопрос об их единой классификации до сих пор остаётся открытым. Зачастую критерием классификации становится тематика граффити. По тематическому принципу чаще всего выделяют социально-экономические, экологические, политические, символические, пацифистские, религиозные, музыкальные, эротические, наркотические, метатекстуальные (граффити о месте стрит-арт-объектов, сведения об их авторах, надписи-комментарии, реализующие квазидialogические речевые стратегии) и ряд других.

Коммуникативно-прагматические интенции граффити-надписей могут воплощаться в разнонаправленных формах, среди которых наиболее частотны: признания в любви; выражение личных эмоций и переживаний; трансляция онтологических ценностей; ностальгические настроения; вопросы, просьбы, призывы и обращения; пожелания, поздравления, благодарности; угрозы; информационно-регламентирующие указания; вербально-образные композиции мемориально-патриотического характера и многие другие. Психогерменевтика граффити обусловлена реализацией двух «локусов контроля» (термин Дж. Роттера): экстернального (отмеча-

ется у индивидов, перекладывающих ответственность за происходящее на окружающих и внешние обстоятельства) и интернального (проявляется в способности личности самостоятельно нести ответственность за принятые жизненные решения) [Kolmakova et al., 2021].

Другим критерием классификации может выступать потенциальный автор надписи или изображения: на этом основании различают «детские, школьные, студенческие граффити, граффити молодёжных субкультур» и т. д. [Гуто, 2014]. Среди основных техник нанесения граффити называют теггинг, бомбинг, скретчинг, вайлдстайл, трафареты, наклейки, плакаты, муралы и прочее [Культурный код ..., 2021, с. 74].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Классификация граффити-надписей по месту их размещения

Под графическими стрит-арт-объектами в широком смысле понимаются надписи, которые наносят всевозможными способами на самые разнообразные поверхности. С учетом сферы бытования граффити, которые предстают как один из инвариантных сегментов лингвокультурологического кода современной урбанистической коммуникации, классификация базовых локусов их размещения может быть представлена следующим образом:

1) «классические» локусы:

- надписи на стенах жилых домов, гаражей, государственных учреждений и производственных помещений;
- на дверях, калитках, заборах и ограждениях;
- на витринах магазинов, фасадах торговых центров и учреждений сферы услуг;
- на торговых палатках, киосках, павильонах;
- на других объектах инфраструктуры, среди которых — лавки и скамейки в общественных местах, остановочные комплексы, трансформаторные подстанции, столбы электропередач;
- в подъездах и лифтах;
- в подземных переходах;
- на мостовых сооружениях;
- на асфальтовом покрытии;

2) «экстремальные» («маргинальные») зоны:

- подвалы;
- потолки;
- окна;
- стены заброшенных, разрушающихся или недостроенных помещений;

3) денежные знаки (банкноты);

4) поверхности транспортных средств (личных автомобилей, железнодорожных составов, общественного транспорта);

5) предметы мебели, находящиеся в публичном пространстве (столы, стулья, парты, шкафчики), камеры хранения.

Граффити-надпись является одним из нетрадиционных способов самовыражения её автора — вербализацией внутренних психологических импульсов, желаний или конфликтов. Исходя из наблюдений, можно утверждать, что арт-объекты, в которых функционируют прецедентные тексты, как правило, не представлены в маргинальных зонах, что скорее всего обусловлено уровнем интеллектуального развития, социальным статусом и эстетическим вкусом не только самих райтеров, но и их адресатов. Для того чтобы определённый месседж предстал взору как можно большего числа реципиентов, граффитисты, как правило, избирают «классические» городские локусы — места, на которых созданные ими надписи будут наиболее заметны для окружающих: стены зданий или объекты городской инфраструктуры.

3.2. Интертекстема как минимальная структурно-семантическая единица прецедентного феномена в граффити-дискурсе

Минимальной структурно-семантической единицей прецедентного феномена является интертекстема — собственно лингвистическое средство реализации интертекстуальных связей в конкретных текстовых условиях; «чужое» слово, которое, отражая диалогическое взаимодействие текстов, находит воплощение в самых разнообразных формах, среди которых — цитация, языковая игра с культурными кодами, аллюзия, реминисценция, пастиш, ризома, стилизация, пародия (в виде травестирования или бурлеска), парафраз, проекция, сюжетно-образная деривация и ряд других. Иными словами, прецедентные феномены служат источником интертекстем. Графические стрит-арт-объекты, включающие различные по характеру, степени узнаваемости, тематике и способам репрезентации интертекстемы, целенаправленно стимулируют логико-когнитивные «способности коммуникантов оперировать культурно значимой информацией, воплощённой в лингвоментальной базе человека и социума» [Нахимова, 2018, с. 42], и в результате аккумулируют культурно-историческую память с помощью тех или иных вербальных средств.

3.3. Цитаты из произведений русской и зарубежной литературы

Семантику культурно-исторической памяти транслируют креолизованные граффити-надписи сериального характера, включающие изображения русских поэтов и писателей, а также фрагменты произведений, легко узнаваемые среднестатистическим реципиентом: «О, сколько нам открытий чудных / Готовит просвещенья дух, / И опыт, сын ошибок трудных, /

И гений, парадоксов друг... / А. Пушкин»; «Послушайте! / Ведь, / если звёзды / зажигают — / значит — это / кому-нибудь нужно?»; «Твори, выдумывай, пробуй! / В. В. Маяковский»; «Светить всегда, / Светить везде, / До дней последних донца, / Светить — / и никаких гвоздей! / Вот лозунг мой — / и солнца! В. Маяковский»; «Пиджак / сменить снаружи — / мало, товарищи! / Выворачивайтесь / нутром!»; «Мы в жизни / любим только раз, / а после ищем / лишь похожих / С. Есенин»; «Вечерние поля в росе, / Над ними — вороны... / Благословляю вас на все / четыре стороны! / М. Цветаева»; «Никто не / хочет любить / в нас / обыкновенного / человека. / А. П. Чехов»; «Не уставайте / делать / добро / А. Чехов»; «Жить / не по лжи! / А. И. Солженицын».

Граффити «Сказка / ложь, да / в ней / намёк!» отсылает к «Сказке о золотом петушке» (1834) А. С. Пушкина и заставляет вспомнить окончание фразы: «Добрый молодцам урок». Семантика и прагматика некоторых арт-объектов являются поликодовыми и могут быть дешифрованы только в контексте сочетания вербального и визуального семиотических рядов: так, изображение кошки, которая держит в лапках золотую рыбку, и надпись «Сама по себе» воспринимаются как креолизованный эквивалент заглавия сказки Р. Кипплинга «Кошка, которая гуляла сама по себе» (1902) или же названий советских мультфильмов, снятых по её мотивам.

Изречение «Пусть / всегда / будет / счастье» представляет собой видоизменённую фразу из известной советской песни на стихи Л. И. Ошанина «Пусть всегда будет солнце» (1962). Экзистенциальные размышления о предназначении человека и смысле его существования отражает граффити-надпись, воспроизводящая фразу Родиона Раскольникова из романа «Преступление и наказание» (1866): «Тварь ли я дрожащая / или право имею / Ф. М. Достоевский». К «Тихому Дону» (1925—1940) М. А. Шолохова отсылает изображение Григория Мелехова и двух других казаков, которые едут верхом на лошадях, и надпись-цитата из 4-й книги произведения: «Побеждает только тот, / кто твёрдо знает, / за что он сражается, и верит в своё дело». Граффити «Мы были на волосок от жизни», сделанная на лавке в общественном месте, дословно повторяет крылатое выражение из романа Ч. Поланика «Бойцовский клуб» (1996), построенное на основе десемантизации фразеологизма «на волосок от смерти».

Освещая актуальные проблемы социально-экономического характера, граффити-райтеры нередко обращаются к современной поэзии как к источнику интертекстуальных включений: «Я вижу красоту во всём, / Как в транспорт ты не влезешь днём, / Как за услуги ЖКХ три шкуры содраны с тебя. / Я вижу красоту во всём...» Можно предположить, что рефрен приведённой граффити-надписи, сделанной в одном из подземных переходов

города Ростова-на-Дону, заимствован из стихотворения Н. Гамаюнова, размещённого на портале «Стихи.ру» в 2022 году: «Я вижу красоту во всём, / В грозе, в деревьях, в ветре. / В беседе с рыженьким котом, / И с птицами на ветках. / Я вижу красоту во всём, / В заре прохладным утром, / И в поле и в жужжанье пчёл, / В тени под старым дубом...». Выражение «Я вижу красоту во всём» довольно часто используется в медитативной лирике и философской прозе современных авторов (С. Боромянской, А. Царьковой и других).

3.4. Имена и фамилии известных поэтов, писателей, медийных личностей

Каламбурный риторический вопрос «Улица МАЯКОВСКОГО, / а стихов нет! / Почему?» (дописано: «Алло? / Кто говорит»), размещённый на закрашенной бетонной стене, репрезентирует концепцию всепоглощающего экзистенциального вакуума, втягивающего человека в прозу жизни, лишённой яркого наполнения. Надпись на двери «Куда собрался? Ты что, / Бродского не читал?» ориентирована на «хорошего», «умного» читателя, который способен опознать цитату из стихотворения И. Бродского «Не выходи из комнаты, не совершай ошибку» (1970). Ощущение девальвации духовно-нравственных ориентиров, скептическое отношение к природе человека и сугубо пессимистические настроения отражают граффити, прямо отсылающие к полемическим концепциям социально-философской драмы М. Горького «На дне» (1901—1902): «Дно ближе, / чем думал / Горький».

В качестве прецедентных текстов, которые рецептируются граффити-райтерами, могут выступать имена медийных личностей (теле- и радиоведущих, блогеров, звёзд шоу-бизнеса). Так, масштабная надпись на стене ресторана «Жизнь что-то мне приготовила / явно не как Джейми Оливер — но если я его переварю — то всем расскажу / как / было / здорово» упоминает имя известного английского повара, владельца сети ресторанов по всему миру, автора книг по кулинарии, ведущего популярных ток-шоу, популяризатора домашней кухни и здорового питания. Граффити-надпись обретает квазифилософское смысловое наполнение: опыт в преодолении жизненных трудностей закаляет человека и делает его сильнее, что может стать наглядным примером для окружающих [Kolmakova et al., 2021].

3.5. Крылатые выражения и иные единицы фразеосистемы

Продуктивным источником граффити-коммуникации являются единицы фразеосистемы (крылатые фразы, афоризмы, пословицы, поговорки). Выражение «Меньше знаешь — больше» (надпись выполнена красным цветом, синей краской дописано «тупой»), имитируя форму диалога, содержит элементы языковой игры и тем самым иронически полемизирует с известным изречением «Меньше знаешь — крепче спишь»: на пути

к балансу в эмоциональном и интеллектуальном состоянии не следует игнорировать новые знания и жизненный опыт. Эффект недоговорённости создаётся за счёт стилистической фигуры умолчания — апозиопезиса, представляющего собой внезапный обрыв высказывания из-за резкого изменения коммуникативно-прагматической интенции адресанта.

Граффити «ети цветы / жизни» (перед надписью, нанесённой чёрным цветом, дописана красная буква «й», а перевёрнутое «д» размещено в конце фразы, сопровождающейся изображением ребёнка) модифицируют известный афоризм о важности детей в жизни каждого человека: позитивная семантика изречения смещается в иронический эмоционально-смысловой регистр. Выражение «Дети — цветы жизни», как отмечается в энциклопедических справочниках крылатых слов и выражений, сложилось на основе фразы «Дети — живые цветы земли» из рассказа М. Горького «Бывшие люди» (1897). Однако ранее подобную мысль высказывал австрийский журналист и писатель-сатирик и М. Г. Сафир: «Цветы — дети царства растений, дети — цветы царства людей». Кроме того, происхождение фразы нередко связывают с именами немецкого педагога Ф. Фрёбеля, который известен как теоретик дошкольного воспитания и создатель первого детского сада, и французского писателя А. де Сент-Экзюпери. Возглавляющая вербальный ряд граффити лексема «йети» (криптид; мифическое обезьяно- и человекоподобное существо; снежный человек, якобы обитающий в высокогорных или лесных регионах) нивелирует традиционное представление о детях как об источнике жизненной силы, радости и вдохновения.

3.6. Фразы из популярных песен

Создателя граффити «Ясные дни / Алаясны дни» вдохновил народный артист России Олег Газманов, написавший текст и музыку исполняемой им популярной песни «Мои ясные дни» (2003): «А я ясные дни оставляю себе! А я хмурые дни возвращаю судьбе!» Надпись «Туси, / пока / молодой» представляет собой трансформированную цитату из песни Родиона и Олега Газмановых «Танцуй, пока молодой» (1993). Не меняя семантический вектор приведённой строчки, граффитист осовременивает её за счёт использования сленгизма «туси».

Феноменом массовой культуры стала так называемая «Стена Цоя» в Москве на Старом Арбате, содержащая надписи «Цой жив», «Всегда живой», «Поём вместе с тобой», «Кино» (название рок-группы, основателем и фронтменом которой был Виктор Цой), а также признания в любви к музыканту и известные цитаты из его песен («Перемен / требуют наши сердца»; «Каждой звезде / свой неба кусок»; «Смерть стоит того, / чтобы жить, / А любовь стоит того, чтобы ждать»; «Ты должен быть сильным, / иначе зачем тебе быть» и другие). Подобные граффити-надписи являются

неотъемлемой частью граффитологической среды многих российских городов, в том числе населённых пунктов Ростовской области.

3.7. Реплики мультипликационных персонажей

Надпись на боковой стене многоэтажного дома «Ребята, / давайте / жить / дружно!», сопровождающаяся изображением кота Леопольда и постоянно донимающих его двух мышей-хулиганов, представляет собой жизненное кредо кота-мироотворца. Точная цитата из цикла советских мультипликационных фильмов «Приключения кота Леопольда» (1975—1987) и его имя, как отмечают исследователи, уже давно стали прецедентными в русской лингвокультуре. Одной из часто используемых граффити-райтерами цитат является крылатая фраза волка из советского рисованного мультфильма режиссёра Э. Назарова «Жил-был пёс» (1982): «Ты заходи, если что...» Граффити-надписи с идентичным или трансформированным текстом часто размещают на калитках, оградах частных домов, гаражных воротах, дверях подъездов и магазинов. Примечательно, что массовое сознание отражает контаминацию двух коммуникативно-прагматических регистров — наложение реплик диалога, состоявшегося между волком и псом в финале мультфильма: фразу «Ну ты это... » произносит пёс; волк отвечает «Спасибо» и, уходя в лес, сносит по пути часть хозяйского плетня, добавляя при этом «Ты заходи, если что».

В качестве интертекстем выступают и цитаты из других известных мультипликационных фильмов: «Хорошими / делами / прославиться нельзя» (старуха Шапокляк); «Извини, / старик, / ко мне тут / Челентано / зашёл» (попугай Кеша). Противоречивость образа Шапокляк неоднократно становилась предметом исследований: «Демонстративная хулиганистость старухи Шапокляк наглядно подчеркивает ... черты образа “Трикстера”, который то и дело провоцирует как саму Шапокляк, так и тех, кто ее окружает, на постоянные изменения характера повседневности» [Некита и др., 2024, с. 107]. Попугай Кеша — амбивалентный персонаж: с одной стороны, эгоцентричный, своенравный, капризный, требующий постоянного внимания, а с другой — добрый и отзывчивый. Его отличают творческие задатки, готовность прийти на помощь, а также авантюризм, тяга к приключениям и гипертрофированное стремление к независимости, которые являются не чем иным, как «предлогом для освобождения от контролирующего и всевидящего социума» [Печорина, 2009]. Симптоматично, что обе вышеупомянутые надписи и изображения соответствующих мультипликационных персонажей размещены на дверях подъездов как особой буферной зоны, которую постоянно пересекают различные типы городских обывателей. Воссоединяя вербальную и визуально-образную информацию, мультфильмы как один из видов креолизованных текстов «обеспечивают комплекс-

ное воздействие на адресата» и «наполняются культурно маркированными смыслами, становятся символами типизированных ситуаций» [Черняк, 2020, с. 69].

3.8. Фольклорно-мифологические мотивы и образы

Эксплуатируя фольклорно-мифологический мотивно-образный комплекс, новейшие стрит-арт-объекты сопрягают техногенное урбанистическое пространство с исконным «квазиславянским» мировидением: графический арт-объект «Азь / боги / вЪди», имитирующий рукописные начертания букв кириллической азбуки, обрамлён традиционным древнерусским орнаментом и включает изображение берёзы (ритуального дерева в культуре многих народов), а также зоологических персонажей волшебных сказок — щуки, фигурирующей в фольклорных сюжетах про Емелю-дурака, и Жар-птицы. Известно, что акрофонические названия первых трёх букв азбуки составляли фразу «Азь буки вЪди» («Я знаю буквы»), однако, заменяя лексему «буки» на «боги», приведённые граффити транслируют принципиально иной коммуникативно-прагматический месседж.

В качестве ещё одного примера можно рассмотреть граффити из серии «фольклорных» стрит-арт-объектов, размещённых в центре Ростова-на-Дону. Надпись «Всему лесу краса», которая воспроизводит начертания старославянской кириллицы, дополнена изображением рыжей прищурившейся лисы с гроздьями рябины. Сопрягая визуально-образные и вербальные компоненты в едином когнитивно-интерпретационном поле, граффити-райтер креативно моделирует поговорку «Лиса — всему лесу краса».

3.9. Изречения государственных и культурных деятелей; исторические события; достопримечательности; иная культурологическая информация

Неотъемлемой частью городского коммуникативного пространства становятся многочисленные граффити, которые посвящены победе русского народа в Великой Отечественной войне и другим героическим страницам родной истории: «70 лет воинской славы!»; «70 лет Победе»; «Победа, / купленная / кровью»; «9 Мая»; «ВОВ / 1941—1945»; «Мы помним»; «За Родину»; «... Никто не забыт, / Ничто не забыто... » (с изображением ордена Отечественной войны, представляющего собой выпуклую пятиконечную рубиново-красную звезду, которая включает изображение серпа и молота и располагается на фоне лучей, расходящихся в виде другой звезды).

Серия стрит-арт-объектов в Таганроге посвящена высказываниям известных государственных деятелей. В качестве примера приведём одно из них: «Счастье не так слепо, как его себе представляют. / Часто оно бывает следствием длинного ряда мер, / верных и точных, не замеченных толпою и / предшествующих событию. А в особенности счастье отдельных лич-

ностей бывает следствием / их качеств характера и личного поведения / Екатерина II» (с подписью автора в виде хештега «#антонтимченко»). Подобные работы включают, как правило, изречение, а также имя и портретное изображение его автора.

На фасаде одной из трансформаторных подстанций в сюрреалистической манере воспроизведён портрет знаменитого русского живописца К. А. Савицкого, принадлежащий кисти И. Н. Крамского. Арт-объект был создан молодым стрит-художником Антоном Тимченко в рамках проекта «Окно в Таганрог: взгляни на город иначе!» Константин Аполлонович Савицкий — академик, действительный член Императорской академии художеств, член Товарищества передвижных выставок, педагог — родился в Таганроге в 1844 году и до переезда в Лифляндскую губернию учился в Таганрогской классической мужской гимназии. Полотна К. А. Савицкого представлены в экспозиции Таганрогского художественного музея.

Граффити включают цитату художника, которая демонстрирует его духовную связь с Таганрогом: «... Блеснёт ли в жизни / моей луч счастья и радости, / нахмурится ли чело от скорби / и горя, — всегда Таганрог, / Азовское море согревают / и поддерживают меня, / картины родины вдохновляют / моё художественное / творчество... / К. А. Савицкий 1902 г.». Сам граффитист А. Тимченко, который определяет свою технику как «рисунки на стене в пиксельном стиле», «пиксель-арт», так комментирует замысел стрит-арт-объекта: «Мне захотелось стилизовать портрет Константина Савицкого, добавив мой пиксельный стиль. На основе его цитаты изобразить виды Таганрога». Действительно, фрагментами этого изображения выступают узнаваемые таганрогские достопримечательности: знаменитые солнечные часы, памятник Петру I работы скульптора М. М. Антокольского, вид на Таганрогский залив Азовского моря и кованая ограда Пушкинской набережной.

Семантически и композиционно ёмкой деталью арт-объекта является перекрывающее причёску Савицкого чёрно-белое изображение трёх медвежат и медведицы возле поваленного дерева. В граффити-зарисовке легко узнаётся фрагмент одного из наиболее популярных полотен И. И. Шишкина «Утро в сосновом лесу» (1889). Дело в том, что руке И. И. Шишкина принадлежит только сам лесной пейзаж, однако элементы анималистической сюжетности привнёс в знаменитое полотно К. А. Савицкий, подпись которого, как гласит одна из устоявшихся версий, была стёрта меценатом П. М. Третьяковым, купившим картину для своей коллекции.

Особый интерес представляют собой масштабные граффити в районе таганрогской Центральной городской детской библиотеки им. М. Горького: на окрашенной белой краской кирпичной стене хозяйской постройки воспроизведён план Троицкой крепости и её гавани петровских времён, об-

рамлённый по периметру информацией энциклопедического характера, которая функционирует по принципу структурно-смысловых блоков — топосов («Построена по / личному / приказу Петра I»; «Протяжённость — 3 км / Высота — 8 метров / Глубина рва — 3 метра»; «Троицкая крепость / (Троицк-на-Таганьем Роге) / фортификационное / сооружение / Русского государства, / сооружённое на берегу / Азовского моря на / окончании мыса / Таганьин Рог»; «Дата основания / 1696 год»), которые знакомят жителей и гостей Таганрога с его историей.

Ещё один стрит-арт-объект, размещённый в центре города, воспроизводит схематичное изображение памятника Петру I и несколько пространственных цитат из русского литературно-педагогического сочинения начала XVIII века «Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов», которое было подготовлено и напечатано по указанию императора в 1717 году: «... должны дети отца и мать в великой чести содержать... и оное они должны учинить вежливо и учтиво... у родителей речей перебивать не надлежит... Нужду свою благообразно в приятных и учтивых словах предлагать... Что изволите, государь батюшко; или государыня матушка... слушать, и других речи не перебивать».

В Ростове-на-Дону несколько остановочных комплексов общественного транспорта оформлены изображениями известных деятелей науки и искусства, а также граффити-надписями, воспроизводящими их высказывания, которые стали прецедентными для отечественной лингвокультуры: «Качалов: / карету мне, карету» (в 1906—1914 годах актёр исполнял роль Чацкого в спектакле «Горе от ума», поставленном режиссёрами В. И. Немировичем-Данченко и К. С. Станиславским в Московском художественном театре); «Горький: / Рождённый ползать — летать не может :)» (в конце цитаты из «Песни о Соколе» (1895) изображён смайл, обозначающий улыбку); «Станиславский: / Не верю!» и ряд других надписей.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, граффитологическая среда как социокультурная дискурсивная формация, ориентируясь на общий с адресатом культурный код, как правило, эксплуатирует прецедентные феномены, которые формируют устойчивый тезаурус массового сознания [Культурный код ..., 2021]. Среди них — мифологические онимы и нарративы, фольклорные тексты, единицы фразеосистемы, произведения русской и зарубежной классики, популярные песни, сериалы, художественные и мультипликационные фильмы, интернет-мемы, высказывания медийных персон и инфлюенсеров (звёзд шоу-бизнеса и спорта, теле- и радиоведущих, актёров, музыкантов, спор-

тивных комментаторов, блогеров), значимые события отечественной и мировой истории, узнаваемые ситуации современной общественно-политической, экономической и культурной жизни [Zadorojnyi, 2011].

Учитывая характер прецедентных феноменов, которые функционируют в граффити-дискурсе, целесообразно классифицировать графические стрит-арт-объекты на основании соответствующих интертекстов как универсальных репрезентантов культурно-исторической памяти:

- 1) граффити, включающие цитаты из произведений русской и зарубежной литературы, а также из религиозных текстов, фольклорных и мифологических источников;
- 2) граффити, содержащие реплики персонажей из сериалов, художественных или мультипликационных фильмов;
- 3) граффити, воспроизводящие фразы из популярных песен;
- 4) граффити, эксплуатирующие крылатые фразы и иные единицы фразеосистемы (идиоматические выражения, пословицы, поговорки, афоризмы);
- 5) граффити, цитирующие изречения государственных и культурных деятелей; популярных теле- и радиоведущих, представителей шоу-бизнеса, спортсменов, блогеров;
- 6) граффити, отсылающие к историческим событиям; достопримечательностям; иной культурологической информации.

Обращение граффити-райтеров к общедоступным источникам прецедентности позволяет включить в языковую игру максимальное количество субъектов коммуникации. Используемые граффитистами интертексты, базирующиеся на историко-культурном материале разнородного качества (проекции, параллели, аллюзии, реминисценции, «осколки» цитат, парафразы, изречения), служат раскрытию аксиологических, коммуникативно-прагматических и мировоззренческих целеустановок граффити-райтеров, наполняя урбанистическое пространство принципиально новыми смыслами, эмоционально-семантический вектор которых определяют актуальные вопросы социально-экономического и политического характера; философские умозаключения; изречения, воплощающие житейскую мудрость; а также вербальный контент, эффективно способствующий трансляции и сохранению национального культурно-исторического кода.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Печорина Д. *Возвращение блудного попугая* — история эгоиста [Электронный ресурс] / Д. Печорина. — Режим доступа : <https://web.archive.org/web/20100110061438/http://www.nashfilm.ru/multifilms/1114.html> (дата обращения 22.10.2024).

Литература

1. Безруков А. Н. Рецепция художественного текста : функциональный подход : монография / А. Н. Безруков. — Wrocław : Фонд «Русско-польский институт», 2015. — 300 с. — ISBN 978-83-935729-3-9.
2. Белкин А. И. Специфика ментальности постсовременных граффити в контексте формаций граффити / А. И. Белкин // Художественные парадигмы в эпоху социальной турбулентности : материалы Международного научно-практического форума : в 2 томах / под ред. В. И. Ионесова. — Самара : Самарский государственный институт культуры : Согласие, 2019. — Т. 2. — С. 547—580. — ISBN 978-5-907038-36-3.
3. Бирюкова Н. С. О типах прецедентных феноменов / Н. С. Бирюкова // Известия Уральского государственного педагогического университета : Лингвистика. — 2005. — № 5. — С. 60—66.
4. Былкова С. В. Диалогическое общение как сфера взаимодействия дискурсивных и грамматических факторов / С. В. Былкова, И. А. Кудряшов // Общественные науки. — 2017. — № 6. — С. 167—178.
5. Былкова С. В. Коммуникативные навыки студенческой молодёжи как фактор успешной социализации в профессиональной сфере / С. В. Былкова, Е. П. Чубова // Инновационная наука : психология, педагогика, дефектология. — 2023. — Т. 6. — № 4. — С. 109—118. — DOI: 10.23947/2658-7165-2023-6-4-109-118.
6. Гуго Е. Язык и графика студенческих граффити : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.00 / Е. Гуго. — Задар, 2014. — 222 с.
7. Ефремов В. А. Культурная память и прецедентные феномены : случай Ф. М. Достоевского / В. А. Ефремов // Мир русского слова. — 2021. — № 4. — С. 65—72. — DOI: 10.24412/1811-1629-2021-4-65-72.
8. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Москва : Издательство ЛКИ, 2010. — 264 с. — ISBN 978-5-382-01071-7.
9. Культурный код вандализма : опыт кросс-культурного исследования : монография / М. Р. Бабикина, О. А. Блинова, И. В. Воробьева [и др.] / под науч. ред. И. В. Воробьевой, О. В. Кружковой. — Екатеринбург : Издательство Уральского государственного педагогического университета, 2021. — 308 с. — ISBN 978-5-7186-1870-9.
10. Назарова Р. З. Прецедентные феномены : проблемы дефиниции и классификации прецедентных феноменов / Р. З. Назарова, М. В. Золотарев // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика. — 2015. — Т. 15. — № 2. — С. 17—23.
11. Нахимова Е. А. О классификации и дифференциации прецедентных феноменов в политической коммуникации / Е. А. Нахимова // Политическая лингвистика. — 2018. — № 1 (67). — С. 41—46. — DOI: 10.26170/pl18-01-04.
12. Некита А. Г. Услужить индустриям ностальгии: мифология советского Чебурашки в лабиринтах потребительской безысходности / А. Г. Некита, С. А. Маленко // Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований. — 2024. — № 2 (7). — С. 86—126. — DOI 10.34680/EISCRT-2024-2(7)-86-126.
13. Новик А. Л. Граффити как явление искусства Беларуси конца XX—XXI века / А. Л. Новик // Искусство и культура. — 2020. — № 2 (38). — С. 5—11.

14. Порозов Р. Ю. Молодёжь как субъект вандальной активности в субкультуре граффити / Р. Ю. Порозов, П. С. Ключова // Политическая лингвистика. — 2020. — № 6 (84). — С. 150—155. — DOI: 10.26170/p120-06-16.
15. Посиделова В. В. Социолингвистические маркеры деструктивного речевого поведения в граффити-коммуникации / В. В. Посиделова, Д. Ю. Шалков // Вестник Уфимского юридического института МВД России. — 2023. — № 3 (101). — С. 158—163.
16. Прецедентные тексты как лингвокультурные компоненты коммуникации / И. Р. Хузин, Г. Т. Гильфанова, Д. А. Салимзанова, Э. М. Вильданова // Глобальный научный потенциал. — 2020. — № 1 (106). — С. 104—107.
17. Руденкин Д. В. Репрезентация темы граффити в городских виртуальных сообществах : итоги контент-анализа / Д. В. Руденкин, Д. А. Лугин // Теория и практика общественного развития. — 2023. — № 11. — С. 108—113. — DOI: 10.24158/tipor.2023.11.11.
18. Черняк В. Д. «Баба-яга против» : прецедентные феномены из мультфильмов в политическом дискурсе / В. Д. Черняк, Х. Ли // Политическая лингвистика. — 2020. — № 4 (82). — С. 68—76. — DOI: 10.26170/p120-04-08.
19. Швиндт У. С. Стрит арт как способ выстраивания диалога с жителями города (на примере 4-х административных районов г. Екатеринбург) / У. С. Швиндт // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2019. — Т. 10. — № 2. — С. 13—19.
20. Яйленко В. П. Историография и методика работы с древнегреческими граффити / В. П. Яйленко // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. — 2018. — № 10. — С. 479—515. — DOI: 10.24411/2219-8857-2018-00021.
21. Zadorojnyi A. V. Transcripts of dissent? Political graffiti and elite ideology under the Principate / A. V. Zadorojnyi // *Ancient Graffiti in Context*. — United Kingdom : Routledge, Taylor & Francis Group, 2011. — Pp. 110—133. — DOI: 10.4324/9780203840870-13.
22. Kolmakova V. V. Psychohermeneutics of graffiti : External and internal loci of control / V. V. Kolmakova, D. Y. Shalkov // E3S Web of Conferences : 14th International Scientific and Practical Conference on State and Prospects for the Development of Agribusiness, INTER-AGROMASH. — 2021. — Vol. 273. — P. 11021. — DOI: 10.1051/e3sconf/202127311021.

Статья поступила в редакцию 19.07.2024,
одобрена после рецензирования 23.12.2024,
подготовлена к публикации 29.01.2025.

Material resources

Pechorina, D. *The return of the prodigal parrot — the story of an egoist*. Available at: <https://web.archive.org/web/20100110061438/http://www.nashfilm.ru/multifilms/1114.html> (accessed 22.10.2024). (In Russ.).

References

- Belkin, A. I. (2019). The specifics of the mentality of postmodern graffiti in the context of graffiti formations. In: *Artistic paradigms in the era of social turbulence: proceedings of the International Scientific and Practical Forum: in 2 volumes*, 2. Samara: Samara State Institute of Culture: Consent. 547—580. ISBN 978-5-907038-36-3. (In Russ.).
- Bezrukov, A. N. (2015). *Reception of a literary text: a functional approach: a monograph*. Wrocław: Russian-Polish Institute Foundation. 300 p. ISBN 978-83-935729-3-9. (In Russ.).

- Biryukova, N. S. (2005). On the types of precedent phenomena. *Proceedings of the Ural State Pedagogical University: Linguistics*, 5: 60—66. (In Russ.).
- Bylkova, S. V., Chubova, E. P. (2023). Communication skills of students as a factor of successful socialization in the professional sphere. *Innovative science: psychology, pedagogy, defectology*, 6 (4): 109—118. DOI: 10.23947/2658-7165-2023-6-4-109-118. (In Russ.).
- Bylkova, S. V., Kudryashov, I. A. (2017). Dialogic communication as a sphere of interaction of discursive and grammatical factors. *Social Sciences*, 6: 167—178. (In Russ.).
- Chernyak, V. D., Lee, H. (2020). “Baba Yaga vs”: precedent phenomena from cartoons in political discourse. *Political Linguistics*, 4 (82): 68—76. DOI: 10.26170/pl20-04-08. (In Russ.).
- Efremov, V. A. (2021). Cultural memory and precedent phenomena: the case of F. M. Dostoevsky. *The World of the Russian Word*, 4: 65—72. DOI: 10.24412/1811-1629-2021-4-65-72. (In Russ.).
- Guto, E. (2014). *The language and graphics of student graffiti*. Doct. Diss. Zadar. 222 p. (In Russ.).
- Karaulov, Yu. N. (2010). *Russian language and linguistic personality*. Moscow: LKI Publishing House. 264 p. ISBN 978-5-382-01071-7. (In Russ.).
- Khuzin, I. R., Gilfanova, G. T., Salimzanova, D. A., Vildanova, E. M. (2020). Precedent texts as linguistic and cultural components of communication. *Global scientific potential*, 1 (106): 104—107. (In Russ.).
- Kolmakova, V. V., Shalkov, D. Y. (2021). Psychohermeneutics of graffiti: External and internal loci of control. *E3S Web of Conferences: 14th International Scientific and Practical Conference on State and Prospects for the Development of Agribusiness, INTERAG-ROMASH*, 273: P. 11021. DOI: 10.1051/e3sconf/202127311021.
- Nakhimova, E. A. (2018). On classification and differentiation of precedent phenomena in political communication. *Political Linguistics*, 1 (67): 41—46. DOI: 10.26170/pl18-01-04. (In Russ.).
- Nazarova, R. Z., Zolotarev, M. V. (2015). Precedent phenomena: problems of definition and classification of precedent phenomena. *Proceedings of the Saratov University. A new series. Series: Philology. Journalism*, 15 (2): 17—23. (In Russ.).
- Nekita, A. G., Malenko, S. A. (2024). Serving the Nostalgia Industries: The Mythology of the Soviet Cheburashka in the Labyrinths of Consumer Hopelessness. *Impression Industries. Technologies of Sociocultural Research*, 2 (7): 86—126. DOI 10.34680/EISCRT-2024-2(7)-86-126.
- Novik, A. L. (2020). Graffiti as an art phenomenon in Belarus at the end of the XX—XXI century. *Art and Culture*, 2 (38): 5—11. (In Russ.).
- Porozov, R. Y. (2020). Youth as a subject of vandal activity in the subculture of graffiti. *Political linguistics*, 6 (84): 150—155. DOI: 10.26170/pl20-06-16. (In Russ.).
- Posidelova, V. V., Shalkov, D. Y. (2023). Sociolinguistic markers of destructive speech behavior in graffiti communication. *Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 3 (101): 158—163. (In Russ.).
- Rudinkin, D. V., Lugin, D. A. (2023). Representation of the graffiti theme in urban virtual communities: results of content analysis. *Theory and practice of social development*, 11: 108—113. DOI: 10.24158/tpor.2023.11.11. (In Russ.).
- Schwindt, U. S. (2019). Street art as a way of building a dialogue with the residents of the city (on the example of 4 administrative districts of Yekaterinburg). *The world of science. Sociology, philology, cultural studies*, 10 (2): 13—19. (In Russ.).

- Starukha Shapoklyak*. Available at: <http://mar4586.narod.ru/trickster/shapoklyak.html> (accessed 22.01.2025). (In Russ.).
- Vorobyova, I. V., Kruzhkova, O. V. (ed.). (2021). *The cultural code of vandalism: the experience of cross-cultural research: a monograph*. Yekaterinburg: Publishing House of the Ural State Pedagogical University. 308 p. ISBN 978-5-7186-1870-9. (In Russ.).
- Yaylenko, V. P. (2018). Historiography and methods of working with ancient Greek graffiti. Materials on the archeology and history of the ancient and medieval *Black Sea region*, 10: 479—515. DOI: 10.24411/2219-8857-2018-00021. (In Russ.).
- Zadorojnyi, A. V. (2011). Transcripts of dissent? Political graffiti and elite ideology under the Principate. In: *Ancient Graffiti in Context*. United Kingdom: Routledge, Taylor & Francis Group. 110—133. DOI: 10.4324/9780203840870-13.

*The article was submitted 19.07.2024;
approved after reviewing 23.12.2024;
accepted for publication 29.01.2025.*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА LITERARY STUDIES. FOLKLORE

.....

Баазр Александрович Бичеев, д-р филос. наук (Элиста)
Босха Халгаевна Борлыкова, канд. филол. наук (Элиста)
Вера Владимировна Сердечная, д-р филол. наук (Краснодар)
Дмитрий Николаевич Жаткин, д-р филол. наук (Пенза)
Екатерина Павловна Овсянникова, исследователь (Санкт-Петербург)
Елена Валерьевна Канищева, канд. филол. наук (Челябинск)
Карина Вячеславовна Чалбанова, научный сотрудник (Элиста)
Наталья Николаевна Шлемова, канд. филол. наук (Челябинск)
Никита Александрович Вальянов, канд. филол. наук (Санкт-Петербург, Красноярск)
Ольга Владимировна Богданова, д-р филол. наук (Санкт-Петербург)
Ольга Юрьевна Осьмухина, д-р филол. наук (Саранск)
Татьяна Николаевна Баранова, канд. филол. наук (Санкт-Петербург)

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(1), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Богданова О. В. Моллюск или тритон? Поэтическая образность «большого стихотворения» И. Бродского / О. В. Богданова, Т. Н. Баранова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 1. — С. 177—193. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-177-193.

Bogdanova, O. V., Baranova, T. N. (2025). Mollusk or Triton? Poetic Imagery of Joseph Brodsky's "Great Poem". *Nauchnyi dialog*, 14 (1): 177-193. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-177-193. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Моллюск или тритон? Поэтическая образность «большого стихотворения» И. Бродского

Богданова Ольга Владимировна

orcid.org/0000-0001-6007-7657

ResearcherID: C-5907-2016

ScopusAuthorID 57219902824

доктор филологических наук,

профессор,

кафедра культурологии,

педагогике и искусств,

корреспондирующий автор

olgabogdanova03@mail.ru

Баранова Татьяна Николаевна

orcid.org/0000-0003-0516-2773

кандидат филологических наук

bysinka27@mail.ru

Русская христианская гуманитарная
академия им. Ф. М. Достоевского
(Санкт-Петербург, Россия)

Mollusk or Triton? Poetic Imagery of Joseph Brodsky's "Great Poem"

Olga V. Bogdanova

orcid.org/0000-0001-6007-7657

ResearcherID: C-5907-2016

ScopusAuthorID 57219902824

Doctor of Philology, Professor,

Department of Cultural Studies,

Pedagogy and Arts,

corresponding author

olgabogdanova03@mail.ru

Tatyana N. Baranova

orcid.org/0000-0003-0516-2773

PhD in Philology

bysinka27@mail.ru

Russian Christian Academy
for Humanities named after
Fyodor Dostoevsky
(St. Petersburg, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Предложена новая интерпретация «большого стихотворения» Иосифа Бродского «Тритон» (1994, первоначальное название «Моллюск») и его титульных образов. Сообщается, что ранее исследователи трактовали заглавный образ исключительно метафорически, в опоре на поэтическую образность стиха, аллюзийно связывая образы моллюска и тритона с символикой морской стихии или более предметно — даже с историко-архитектурным контекстом стихотворения. В статье выбран иной подход: предложено связать историю создания текста с реальными событиями жизни Бродского, в частности с сердечным приступом, инфарктом, который он пережил накануне. Показано, что образ моллюска имеет у Бродского вполне конкретный источник метафоризации — человеческое сердце, подобно живому моллюску открывающее и закрывающее свои створки, наполняющее камеры, связанное с жизненно важной аортой. Прослежено, как возникающие, кажется, случайные «медицинские» детали обрастают дополнительными коннотациями, обеспечивая семантико-смысловую поддержку всего поэтического целого. Предложены варианты причин и истоков изменения названия стихотворения, трансформации его титульного образа. Показано, что «таинственность» заглавного образа стихотворения Бродского имеет не только бытийную, но и бытовую природу. Авторы отмечают, что контекст советской литературы, в которой формировался поэт, не мог помешать ему создать глубокое философское произведение.

Ключевые слова:

стихотворение *Тритон*; Иосиф Бродский; образ сердца; поэтическое и реальное; реализм и метафоризм.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article presents a new interpretation of Joseph Brodsky's "Great Poem" titled "Triton" (1994, originally named "Mollusk") and its titular imagery. It is noted that previous scholars have exclusively interpreted the titular image metaphorically, relying on the poem's poetic imagery and allusively linking the mollusk and triton images to the symbolism of the marine element or, more concretely, to the historical and architectural context of the poem. This study adopts a different approach, suggesting a connection between the poem's creation and real events in Brodsky's life, particularly a heart attack he experienced shortly before writing. It demonstrates that the image of the mollusk has a specific source of metaphorization in Brodsky's work — the human heart, which, like a living mollusk, opens and closes its valves, filling its chambers, and is intricately linked to the vital aorta. The article traces how seemingly incidental "medical" details accumulate additional connotations, providing semantic and meaningful support for the entire poetic structure. Various reasons and origins for the change in the poem's title and the transformation of its titular imagery are proposed. It is shown that the "mystery" of the titular image in Brodsky's poem possesses both existential and quotidian dimensions. The authors note that the context of Soviet literature in which the poet was formed did not hinder him from creating a profound philosophical work.

Key words:

Triton poem; Joseph Brodsky; heart imagery; poetic and real; realism and metaphorism.

Моллюск или тритон? Поэтическая образность «большого стихотворения» И. Бродского

© Богданова О. В., Баранова Т. Н., 2025

1. Введение = Introduction

Творческое наследие Иосифа Бродского на первый взгляд представляется хорошо и многоаспектно изученным. К анализу стихотворений Нобелевского лауреата обращались как отечественные именитые исследователи [Ранчин, 2001; Плеханова, 2002; Лекманов, 2022; Ахапкин, 2009; Богданова, 2022, 2023; Азаренков, 2017; и др.], так и авторитетные зарубежные [Лосев, 2008; Полухина, 2008, 2009; Betea, 1994; Верхейл, 2022; Волков, 2000; Левинг, 2018, 2020; Лотман, 1990; и др.]. Между тем предметом внимания критиков и литературоведов нередко становятся, во-первых, одни и те же тексты, во-вторых, относительно понятные, ибо сложность и затрудненность признаны одними из самых характерных качеств поэзии Бродского. В этом плане стихотворение «Тритон» (1994) оказывается в числе текстов, к которым обращались исследователи [Ранчин, 2001; Левинг, 2020; Лотман, 1990; Генис, 2009], но, как и в ряде других случаев, при его анализе возникает множество принципиальных разночтений. Именно это обстоятельство и формирует научную задачу исследования — проникнуть в глубинные составляющие текста Бродского, попытаться разгадать его «непонятные» строки, сложные образы, неоднозначные символы и мотивы. Новая интерпретация «усложненного» текста поэта может показать, насколько простыми и ясными поэтическими категориями мыслил художник, сколь тонка и прозрачна ткань его поэзии.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Стихотворение «Тритон» — одно из самых поздних лирических произведений Иосифа Бродского. По самому поверхностному признаку — объему — оно должно быть причислено к так называемым *большим стихотворениям*, по словам самого поэта, позволяющим ему быть «полнозвучным» и «громогласным» [Сергеев, 1997, с. 431]. Философская онтологическая направленность тематически поддерживает причастность текста к корпусу

больших стихотворений, тяготеющих к философичности; о жанре больших стихотворений см.: [Азаренков, 2017].

О времени написания стихотворения «Тритон» самые общие сведения приводит В. Полухина. В книге «Иосиф Бродский. Жизнь, труды, эпоха» в разделе «Другие стихотворения 1994 года» бродсковед пишет: «Тритон (“Земная поверхность есть...”); в сборнике *В окрестностях Атлантиды* опубликовано под названием “Моллюск”» [Полухина, 2008, с. 443].

Известно, что в январе 1994 года Бродский перенес «четвертый инфаркт» [Полухина, 2008, с. 442]. Над составом и редактурой анонсированного в нью-йоркском «Новом журнале» сборника «В окрестностях Атлантиды» (вышел под названием «Пейзаж с наводнением» [Бродский, 1996]) его составитель А. Сумеркин и Бродский работали летом 1994-го [Полухина, 2008, с. 443]. Следовательно, можно предположить, что стихотворение было написано в первой половине 1994 года, вероятно, вскоре после выписки из больницы, в конце зимы или весной того года.

Упомянутый В. Полухиной сборник «В окрестностях Атлантиды» вышел в России в Санкт-Петербурге в 1995 году [Бродский, 1995] — в нем стихотворение опубликовано под названием «Моллюск». По сведениям Д. Н. Ахапкина, «впервые (под названием “Моллюск”)» стихотворение Бродского появилось в журнале «Звезда». 1995. № 1» [Ахапкин, 2009, с. 106]. В сборнике А. Сумеркина «Пейзаж с наводнением» [Бродский, 1996] стихотворение опубликовано как «Тритон».

Известно, что название в литературном произведении играет весьма важную роль. Заглавие «в конденсированной форме выражает основную тему текста, определяет его важнейшую сюжетную линию <...> указывает на его главный конфликт» [Николина, 2007, с. 184]. Заголовочный комплекс — это «компрессированное <...> содержание текста» [Гальперин, 2005, с. 133]. Заглавие вводит в мир художественного произведения, служит актуализации текстовых слагаемых разного уровня [Хализев, 1999, с. 94].

В этой связи возникают вопросы: что Бродский вкладывал в заголовочный образ «Моллюск» и почему стихотворение было переименовано в «Тритон»?

Современные исследователи высказали различные точки зрения на содержание образа моллюска и предложили его множественные интерпретации. Так, известный бродсковед А. М. Ранчин увидел в образе моллюска проявление «мотивов одиночества и отчуждения» [Ранчин, 2001, с. 196—201], реализацию одного из их многочисленных вариантов. По А. М. Ранчину, «повторяющийся образ <...> ископаемого моллюска» воплощает «разрыв и одиночество лирического героя», становится «символом одинокого я у Бродского» [Ранчин, 2001, с. 196]. По наблюдениям московского

исследователя, образ моллюска появляется и в стихотворениях Бродского «Это — ряд наблюдений. В углу — темно...» (1975—1976), «Стихи о зимней кампании 1980 года» (1980), где поэтическая семантика образа предваряет «Тритона» и актуализирует свое содержание, «...бо никто нас не слышит, точно мы трилобиты» [Бродский, 1997, с. 195].

Исследователь Ю. Левинг, создатель большого трехтомного издания «Бродский в Риме» [Левинг, 2020], усматривает истоки образа моллюска в облике римского фонтана «Тритон»: «...постамент фонтана образован четырьмя дельфинами, держащими на кончиках хвостов раковину. В ее раскрытых створках восседает Тритон, обреченный вечно выдувать из раковины моллюска водную струю (отсюда, по-видимому, и название стихотворения в первых публикациях — “Моллюск”))» [Левинг, 2018, с. 203]. В пользу этой версии, по Ю. Левингу, говорят «как типично римско-итальянские маргиналии в тексте (Колизей, Апеннины и вездесущий турист с камерой фотоаппарата), так и мотив “сужающейся аорты” из последнего “римского стихотворения” Бродского “Корнелию Долабелле” (1995)» [Левинг, 2018, с. 203].

Как уже многократно отмечалось в бродсковедении, основными философскими категориями в поэзии Бродского стали время, пространство, жизнь, смерть, движение (и др.). В этом контексте А. Генис определяет «Моллюска» как «натурфилософскую поэму о море» [Генис, 2009, с. 312] и предложенный проблемно-тематический ряд дополняет еще одной «сущностью» — водой. По словам критика, Бродский предпочитает воду всем остальным стихиям, в каком бы виде она ни представала в его стихах — будь то река, дождь, море, океан и др. «Суть этой поэмы в диалоге, в дружеском общении частного с общим. Мы, например, частный случай куда более общего мира, в котором нас нет. А суша — частный случай моря. Море — общее, которое поглощает все частное, содержит его в себе, дает ему родиться и стирает вновь набегающей волной» [Генис, 2009, с. 312]. А. Генис указывает на философский потенциал «поэмы» (в нашем понимании, большого стихотворения) и предлагает образ моря выдвинуть на передний план [Генис, 2009, с. 312—313].

К морской символике обратился и М. Ю. Лотман. В статье «С видом на море» он рассмотрел «море в поэзии Бродского <...> в двух категориях: в пространственной и временной» [Лотман, 1990, с. 113]. В восприятии эстонского исследователя, «море как пространственная категория непосредственно связано с поэтической моделью мира Бродского и имеет символический смысл... “В состязании с сушей” море выступает как активное начало <...> море живет по своим законам, отличным от законов суши и человека <...> Море значительнее человека, оно неподвластно ему...». Море как временная категория приобретает, по М. Ю. Лотману, «конкрет-

ные координаты»: «...море у Бродского мы видим чаще всего в осеннее или зимнее время» [Лотман, 1990, с. 113]. Кроме того, «время, вышедшее из моря, оказывается не просто реальным астрономическим временем, а временем философским, бытийным» [Лотман, 1990, с. 113]. Применительно к заглавному образу стихотворения *моллюск* (ученый рассматривает текст под названием «Моллюск») М. Ю. Лотман не ищет его природу, но а priori видит его морским существом, подобно *осьминогу* (как в «Новом Жюль Верне»), и связывает с ним пробуждение в лирическом герое Бродского «древнего, первобытного начала» [Лотман, 1990, с. 114].

На первый взгляд, предлагаемые интерпретации звучат весомо и вполне убедительно. Как видно, исследователи, которые обращались к тексту «Тритона» (= «Моллюска»), с большей или меньшей мерой конкретики предлагают видеть в поэтическом образе Бродского некое морское (реальное или мифическое) существо, обитателя морских пучин. В любом случае имеет место «...наделение земного существа атрибутами моря...» [Ранчин, 2001, с. 197].

Однако, в нашем представлении, значение заглавного образа (обоих титульных образов) связано с более «приземленными» категориями и вбирает в себя иные коннотации. Для экспликации этого необходимо понять, по какой причине *моллюск* возник в стихотворении и почему уступил место *тритону*. Ведь если первый хотя бы единожды упоминается в тексте, то второй ни разу не появляется в нем. На наш взгляд, природа образа моллюска (= тритона) иная — *не* (только) морская.

В статье был использован *комплексный подход*, объединяющий принципы *социокультурного, сравнительно-исторического методов*. Значимым в нашем инструментарии был *метод целостного анализа* литературного произведения, давший возможность осмыслить проблемно-тематические особенности «Тритона» (= «Моллюска») в неразрывной связи и единстве с его жанровым уровнем.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Морские аллюзии стихотворения

Как и другие большие стихотворения Бродского, «Тритон» (в ходе анализа мы будем использовать окончательное название) написан акцентным стихом (трехиктный ТОЧНО ТАК? акцентный стих) с мужскими (ударными) окончаниями, с чередованием точных и неточных рифм. Акцентный стих а priori программирует «ослабление» поэтической строфической точности и стройности и приближает стихотворение к свойственной большим стихам Бродского повествовательности, эпичности, определенной прозаизации и разговорности (диа- или монологизму). В данном случае — *моно-*

логизму, переданному редкими личными или притяжательными местоимениями («мой сентимент», «я радуюсь», «во мне говорит моллюск», «сдаётся мне» [Бродский, 1998, с. 186—187] и др.).

На проблемно-тематическом уровне в стихотворении доминирует онтологическая, бытийная направленность, эксплицированная исходным противоположением земли («земной поверхности») и моря (морей: «мне <...> дороже всего моря»), усиленная и расширенная введением в текст «признака» космоса, упоминания о планетах («восьми других планет») [Бродский, 1998, с. 186]. То есть земля в «Тритоне» должна писаться с заглавной буквы — Земля («Земная поверхность»), ибо размышление Бродского охватывает вне-земной порядок — вселенский, всеобщий. И в этом без-граничном пространстве центральной проблемой автора и лирического героя оказывается проблема жизни («жить... разрешено» или «нет» [Бродский, 1998, с. 186]).

Как уже было упомянуто выше, в январе 1994 года Бродский пережил очередной инфаркт — перед ним реально вставал вопрос: быть или не быть, жить или не жить, «разрешено» или нет? В «Тритоне» его лирический герой заявляет: «Тем не менее я / существую...» [Бродский, 1998, с. 186], — с одной стороны, переводя на русский язык известное философское утверждение Рене Декарта «[Cogito] ergo sum», частично усекая его: «[Я мыслю] → я существую», с другой стороны, сопровождая его оборотом «*тем не менее*», позволяющим судить о запрете («не-разрешено»), который лирический герой затекстово получил, вероятно, в часы недавнего приступа («когда убивают нас / и *когда мы больны*» [Бродский, 1998, с. 186]).

Абстрактное противостояние «Земля ↔ Космос», «Земля ↔ другие планеты», задающее масштаб первым строфам стихотворения (условно зачина), довольно скоро, уже в третьей строфе, локализуется до уровня более «узкого» противопоставления *жизнь ↔ смерть*, которое в «Тритоне» метафорически реализуется через диалогические отношения *я ↔ море*. Причем я лирического героя не противопоставляется *морю*, но словно бы «окружается» морем, и в этом «кольце» персонаж ищет понимания *sum* и пребывания себя в нем. Намеченная исследователем А. А. Азаренковым особенность больших стихотворений Бродского — их спиралеобразная структуризация («расширяющуюся спираль» [Азаренков, 2017, с. 28]) — находит свою реализацию в «Тритоне».

Море в «Тритоне» признается Бродским самой большой ценностью — «дороже всего», даже «единственного бытия» [Бродский, 1998, с. 186].

Если жизнь земная (в «Тритоне» она скорее небесная, космическая, противопоставленная морю) имеет свои пределы:

Статус небесных тел
приобретаем за счет
рельефа. Но их рельеф
не плещет и не течет,
взгляду кладя предел,
его же преодолев [Бродский, 1998, с. 186], —

то в водной стихии все обстоит иначе:

Стоя на берегу
моря, морща чело,
присматриваясь к воде,
я радуюсь, что могу
разглядывать то, чего
в галактике нет нигде [Бродский, 1998, с. 187].

В морях, в волнах, в воде лирического героя поражает свобода, синонимами которой у него могут стать «хаос» или «чехарда»:

По существу, вода —
сумма своих частей,
которую каждый миг
меняет их чехарда;
и бредни ведомостей
усугубляет блик [Бродский, 1998, с. 188].

Взгляд лирического субъекта на море заставляет его искать «определение волны», понимание «свойств синевы» [Бродский, 1998, с. 188]. Его, «небесное (= земное) тело», наделенного «рельефом» и «пределами» [Бродский, 1998, с. 186], восхищает безграничность водной стихии. Как аналитик и мыслитель, как поэт-метафорист лирический персонаж видит:

В облике буквы «в»
явно дает гастроль
восьмерка — родная дочь
бесконечности, столь
свойственной синеве,
склянке чернил и проч. [Бродский, 1998, с. 186].

Исследователь Д. Н. Ахапкин комментирует образ в-восьмерки и поясняет: «*При расшифровке “вода”, / обнажив свою суть, / даст в профиль или в анфас / бесконечность-о-да* — Буква “в” трансформируется сначала

в цифру “8”, затем, с поворотом (на 90 градусов — от “профиля” к “анфасу”), в знак бесконечности “да”, создавая прочтение, поддерживающее постоянное в поэтике Бродского отождествление времени с водой» [Ахапкин, 2006, с. 111]. Исследователь уточняет: «Знак бесконечности вообще очень часто появляется в сравнениях и метафорах Бродского, ср., например, стихотворения “В Англии” и “Стрельна”. Возможно, это результат детского впечатления, о котором поэт упоминает в эссе “Полторы комнаты” (речь идет об ограде Спасо-Преображенского собора): “Видишь их? — спрашивает отец, указывая на тяжелые звенья цепи. — Что они напоминают тебе?” Я второклассник, и я говорю: “Они похожи на восьмерки”. — “Правильно, — говорит он. — А ты знаешь, символом чего является восьмерка?” — “Змеи?” — “Почти. Это символ бесконечности”. — “Что это — бесконечность?” — “Об этом спроси лучше там”, — говорит отец с усмешкой, пальцем показывая на собор» [Ахапкин, 2006, с. 111—112].

Можно заметить, что одновременно с восхищением бесконечностью воды в тексте стихотворения возникает параллель «вода // письмо [писание]», которое органично встраивается в традиционный ряд концептов, присущих поэзии Бродского. По мысли А. А. Азаренкова, вертикальные и горизонтальные координаты тематических пластов поэзии Бродского формируются мотивными вариациями инвариантных мотивов времени, пространства, движения, смерти, *поэтического творчества, письма* и др. [Азаренков, 2017, с. 54, 55, 60 и др.] и становятся средством развития лирического сюжета больших стихотворений. Так и в «Тритоне» в контексте *в-воды* (бесконечности-воды) появляются образы «склянка чернил», «почерк», «певец», «тетрадь» [Бродский, 1998, с. 188—189], *буквальные* напоминания о письменах и скрижалях:

Склонностью пренебречь
смыслом, чья глубина
буквальна, морская даль
напоминает *речь*,
рванные *письмена*,
некоторым — *скрижаль* [Бродский, 1998, с. 188].

Бродский играет на полисемии и омонимии слов и сближает образ моря, морские мотивы и мотивы творчества. Безбрежность и бесконечность одних и других вступает во взаимодействие и выдвигается в тексте на передний план. Водная стихия и равная ей стихия творчества оказываются мощнее каждого индивидуального *я*, воспринимаются «местом *не для людей*», они созданы «*не ради нас*» [Бродский, 1998, с. 190].

Лирический герой Бродского переживает состояние глубокого («чья глубина буквальна») осознания, что «суша» и человек на ней — «для волны <...> лишь эпизод» [Бродский, 1998, с. 190]. Стихия воды, занимающая «две трети планеты» или более — «три четверти» [Бродский, 1998, с. 190], равнодушна к человеку, он для нее — лишь «разновидность каймы» на краю волны, пена. Он «моря не отвлечет» [Бродский, 1998, с. 191].

И тогда возникает риторический вопрос, исполненный отчаяния:

Не есть ли вообще тоска
по вечности и т. д.,
по ангельскому крылу —
инерция косяка,
в родной для него среде
уткнувшегося в скалу? [Бродский, 1998, с. 190].

«Тоска по вечности», «по ангельскому крылу» низводится до «инерции косяка», где *косяк* — метафора земного существа, человека, «уткнувшегося» в пределы доступных ему «рельефов», «накосячившего» в жизни и «искосячившего» жизнь. Обращение «косяка» к морю — следствие ситуации, «когда мы / никому не нужны» или оказываемся «в западне» [Бродский, 1998, с. 191].

Лирического героя стихотворения охватывает грусть:

Сворачивая шапито,
грустно думать о том,
что бывшее, скажем, мной,
воздух хватая ртом,
превратившись в ничто,
не сделается волной [Бродский, 1998, с. 191—192].

За оборотом «сворачивая шапито» прочитывается метафора: вся жизнь — не театр (по Шекспиру), а цирк «Шапито». Но и этой «искосяченной», «цирковой» жизни наступает конец. Потому подставить водной стихии грудь и «сделать к ней лишний шаг» [Бродский, 1998, с. 192] — иллюзия свободы, «мнимая» «свобода от всего» [Бродский, 1998, с. 191].

Лирического героя Бродского посещает мысль о самоубийстве (уже в который раз в его жизни и в его поэзии; см. об этом, например: [Богданова, 2023]). Особенно трагично этот мотив звучит на фоне недавнего реального инфаркта, который напоминает поэту (лирическому герою) о невозможности («не-разрешено») удовлетворения «тоски по вечности» и «по ангельскому крылу».

Как правило, исследователи говорят о том, что спасением от мыслей о безысходности земного существования для Бродского является творчество. Однако, на наш взгляд, Бродскому не свойствен такого рода «оптимизм», по сути — самообман. Сращение в данном стихотворении образов моря и творчества еще раз позволяет (ему) понять, что «...моря <...> / обращены лицом / вовсе не к нам...» [Бродский, 1998, с. 191] и что творчество не спасает от одиночества и бесцельного в итоге существования. Декартовский тезис о *sum* в русском языке находит адекватно точный перевод: *существую*. Лирический герой Бродского (как и сам поэт) глубоко осознает семантическую и грамматическую сущность этой номинации, ср.: [Леонтьева, 2021].

3.2. Титульный образ моллюска

Остается вернуться к вопросу, который был задан в самом начале рассуждений, и ответить, какой же смысл вложен Бродским в титульный образ *моллюска* и позже *тритона*.

Если внимательно вчитаться в текст, то можно заметить, что наряду с образом моллюска — *морского существа* (подобно рыбе, крабу, осьминогу и др. морским обитателям, появляющимся в лирике Бродского) в стихотворении «Тритон» проступает иной его абрис, иные коннотации.

Напомним еще раз, что незадолго до создания стихотворения Бродский пережил четвертый инфаркт, лежал в больнице, только что немного оправился. На этом фоне выпуклее начинают восприниматься образы и мотивы, которые в другом тексте могли бы показаться случайными и чрезмерно конкретными.

Так, ранее уже было обращено внимание на «Нет!» других планет, обращенных к человеку-землянину, к людям-землянам, «когда мы *больны*» [Бродский, 1998, с. 186].

Был отмечен и оборот «*тем не менее я существую...*» [Бродский, 1998, с. 186], который позволяет предположить, что лирический герой болен и что он уже услышал это «нет», предупреждающее о «несуществовании».

В ходе обсуждения поэтического *sum* лирический герой акцентирует единственность бытия («единственного бытия») [Бродский, 1998, с. 186], что позволяет предположить его трагическое неверие в продолжение жизни за пределами земного «ландшафта», неверие в иной «тот свет» [Бродский, 1998, с. 190].

Земная жизнь лирическим героем описана в образной системе границ, пределов, углов, камней, щебня и валуна: «Это портит каблук и не блесит вблизи...» [Бродский, 1998, с. 187]. Именно этот ландшафт подает пример «умам и сердцам...» [Бродский, 1998, с. 187]. Кажется, что эта фраза — только слепок со знакомого фразеологизма «ни уму, ни сердцу». Но в тек-

сте стихотворения появляется еще один «реципиент» — *аорты* («пример <...> тем более для аорт» [Бродский, 1998, с. 187]). И тогда *сердце* вступает в иные взаимосвязи и получает иные коннотации — это уже не метафорическое поэтическое сердце, но *человеческое сердце*, к которому ведут (по примеру серого ландшафта) «посеревшие» аорты.

Буквально вскоре в тексте стихотворения появляется упоминание пяти литров крови, не голубой («вторят пять / литров неголубой / крови...» [Бродский, 1998, с. 187]). Здесь же, в той же строфе, называются мышцы и «поры суши» [Бродский, 1998, с. 187] как поры кожи. И в контексте намеченных Бродским (и его лирическим героем) «медико-биологических» координат совершенно иначе теперь звучит и прочитывается образ *моллюска*.

Отсюда — мой сентимент.

(Кажется, несколько затемненная фраза. — О. Б., Т. Б.)

И скорей, чем турист,
готовый нажать на спуск
камеры в тот момент,
когда ландшафт волнист,
во мне говорит моллюск [Бродский, 1998, с. 187].

Читай: во мне говорит *сердце*. Моллюск — сердце. Оно внутри, оно сжато, закрыто. У него, как и у морского моллюска, есть створки. Есть «камеры». «Хор хордовых» аллюзийно порождает образ кровеносных сосудов и хорд сердца, уже упомянутой аорты.

Как правило, именно с сердцем мы обычно связываем чувства, «сентименты». И тогда «мой сентимент», мое чувство, порожденное видом взволнованного моря («биологически» — открыванием / закрыванием створок сердца-моллюска), становится доступен пониманию и восприятию в тексте.

Таким образом, образ моллюска в стихотворении «Тритон» двусоставен, двупланов. С одной стороны, его прообраз — *морской* моллюск, обитатель морских глубин, морской безбрежности, с другой — это метафорический образ *сердца*-моллюска, сжимающего створки в волнении и восторге при созерцании бесконечного (∞) моря, безбрежной водной стихии, пенных волн.

То есть первоначальное название большого стихотворения «Моллюск», наминавшее в первую очередь об обитателе морей, вызывало непонимание реципиентов (читателей и слушателей) и диссонировало с поэтической семантикой всего стихотворения, где центральная эмоция лирического персонажа — сожаление о невозможности оказаться в лоне морской (внеземной) стихии, атомически раствориться в ней.

Потому смена названия стихотворения для Бродского была неизбежной: слушатели-реципиенты не распознавали образа моллюска-сердца.

3.3. Титульный образ тритона

Остается найти объяснение образу тритона, заменившему у Бродского образ моллюска. В. Кругликов понимает образ тритона в прямых аналогиях с интерпретациями образа морского моллюска, ранее предложенными учеными. Для него тритон, по словарю, «род хвостатых земноводных семейства саламандр», по греческой мифологии — «морское божество, сын Посейдона и одной из nereид Амфитриты» [Кругликов, 2006]. Согласно В. Кругликову, «тритон Бродского не имеет признаков мифологического персонажа», «он сугубо биологичен» [Кругликов, 2006]. И хотя с последним утверждением вряд ли можно всецело согласиться, но подчеркнем, что исследователю важно *природное* свойство тритона — «существа по преимуществу метаморфозного порядка» [Кругликов, 2006]. Именно в этом ракурсе, по В. Кругликову, и привлекается тритон Бродским: он позволяет поэту эксплицировать метаморфозу преобразования волны в речь, связать стихию воды и стихию языка. «Бродский взглядом тритона на воду и слово <...> выхватывает из стихий воды и языка родственные уголки “вечного возвращения”» [Кругликов, 2006].

Несомненно, принять подобную трактовку вполне допустимо, хотя при таком условии зона влияния образа тритона в рамках большого стихотворения Бродского окажется несколько суженной, ограниченной. Как было показано выше, сопоставление водной стихии и стихии языка носит подчиненный, зависимый характер, не выходит на передний план размышлений лирического персонажа. Параллель *вода // речь* действительно возникает в тексте, но довольно скоро угасает, более того, как было показано выше, оптимизма лирическому персонажу не прибавляет.

Однако если посмотреть на метаморфические возможности тритона с иной стороны — как на существо *земно-водное*, тогда переход поэта к этому образу может оказаться вполне объяснимым и оправданным. Лирический герой Бродского переживает неприютность на «земной поверхности» и неприятие его водной стихией. Он «в западне» [Бродский, 1998, с. 191]. Между тем он хотел бы в полноте прочувствовать яркие краски земного прижизненного существования (не его ландшафтные серость, сухость и твердь) и быть принятым свободной стихией воды после жизни (стать частью другого ландшафта, который «волнист»). В этом смысле метаморфическая природа тритона оказывается созвучна поэтической семантике стихотворения, и образ тритона подчеркивает положение лирического героя, погруженного в нерадостные размышления о *ситуации*, в позиции *между* — *между* водой и твердью, *между* жизнью и смертью.

Природа метаморфических — «промежуточных» — свойств тритона в таком случае оказывается содержательной и мыслеемкой. Хотя, на наш взгляд, первоначальный образ — *моллюск* — был более органичен для Бродского, для сосредоточения внутренней сути поэтической образности стиха. Двойственно-промежуточный образ *тритона* оказывался дальше от исходной интенции поэта, переводил титульный образ на иной уровень восприятия.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, можно заключить, что большое стихотворение «Тритон» действительно различными по размаху витками-кольцами встраивается в обширный ряд *бытийной* тематики поэзии Бродского, развивая поэтические представления художника о жизни и смерти, о бытии, в данном случае, ментально размещенном поэтом между стихиями земли и воды, моря и неба, Земли и космоса, свободы и несвободы, существования и творчества и др. В рамках этих бытийных констант титульные образы Бродского *моллюск* и *тритон* стали выражением двойной (сложной) сущности поэтической образности. С одной стороны, они слепок с живой природы, обнаруживающей связь с онтологическими реалиями мира, с другой стороны, каждый из них наделен метафорической сущностью, позволяющей углубить реальные представления об окружающем пространстве и лирическом субъекте, его воспринимающем. В случае с образом моллюска — это еще и переход на внутренний уровень (скрытой) метафорики, позволяющей достичь самых потаенных уголков «ума и сердца» автора и его лирического alter ego.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Бродский И.* В окрестностях Атлантиды. Новые стихотворения / И. Бродский ; сост. Г. Комаров. — Санкт-Петербург : Пушкинский фонд, 1995. — 80 с.
2. *Бродский И.* Пейзаж с наводнением / И. Бродский ; сост. А. Сумеркин. — Dana Point, CA. : Ardis, 1996. — 207 с.
3. *Бродский И.* Стихи о зимней кампании 1980 года / И. Бродский // Сочинения Иосифа Бродского. — Санкт-Петербург : Пушкинский фонд, 1997. — Т. 3. — С. 193—195. — ISBN 5-89803-002-6.
4. *Бродский И.* Тритон / И. Бродский // Сочинения Иосифа Бродского. — Санкт-Петербург : Пушкинский фонд, 1998. — Т. 4. — С. 186—192. — ISBN 5-89803-002-6.

Литература

1. *Азаренков А. А.* Поэтика композиции «больших стихотворений» Иосифа Бродского : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / А. А. Азаренков. — Смоленск, 2017. — 220 с.
2. *Ахапкин Д. Н.* Иосиф Бродский после России : комментарии к стихам, 1972—1995 / Д. Н. Ахапкин. — Санкт-Петербург : Журнал «Звезда», 2009. — 132 с. — ISBN 978-5-7439-0144-9.
3. *Богданова О. В.* Поэтические миры Иосифа Бродского / О. В. Богданова, Е. А. Власова. Санкт-Петербург : Алетей, 2022. — 174 с. — ISBN 978-5-00165-445-2.
4. *Богданова О. В.* «Новые стансы к Августе» Иосифа Бродского. Еще одна попытка самоубийства / О. В. Богданова // Вопросы литературы. — 2023. — № 3. — С. 141—158.
5. *Верхейл К.* Образ Христа у Бродского / К. Верхейл // И. А. Бродский : pro et contra : антология / сост. О. Богданова, А. Степанов. — Санкт-Петербург : РХГА, 2022. — С. 311—329. — ISBN 978-5-907613-16-4.
6. *Власова О. А.* «Точка зрения» в литературоведении, истории и истории философии : перспектива диалога / О. А. Власова // Научный диалог. — 2020. — № 1 (11). — С. 193—210. — DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-11-193-210>.
7. *Волков С.* Диалоги с Иосифом Бродским / С. Волков. — Москва : Независимая газета, 2000. — 325 с. — ISBN 5-86712-049-X.
8. *Генис А.* Частный случай. Филологическая проза / А. Генис. — Москва : АСТ, Астрель, 2009. — 445 с. — ISBN 978-5-17-058835-0.
9. *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. — 3-е изд., стер. — Москва : УРСС, 2005. — 139 с. — ISBN 5-354-01088-8.
10. *Левинг Ю.* Бродский в Риме : в 3 книгах / Ю. Левинг. — Москва : Perlov Design Center, 2020. — 464 с. — ISBN 978-5-6044416-2-6.
11. *Левинг Ю.* «Город знаком, будто ты в нем вырос...» Неоконченные римские стихи Иосифа Бродского / Ю. Левинг // Звезда. — 2018. — № 5. — С. 201—213.
12. *Лекманов О.* «Рождественская звезда» : текст и подтекст / О. Лекманов // И. А. Бродский : pro et contra: антология / сост. О. Богданова, А. Степанов. — Санкт-Петербург : РХГА, 2022. — С. 270—274. — ISBN 978-5-907613-16-4.
13. *Леонтьева Т. В.* Идентичность как организующая идея новой лексики и фразеологии / Т. В. Леонтьева, А. В. Щетинина // Научный диалог. — 2021. — № 12. — С. 89—105. — DOI: [10.24224/2227-1295-2021-12-89-105](https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-12-89-105).
14. *Лосев Л.* Иосиф Бродский. Опыт литературной биографии / Л. Лосев. — Москва : Молодая гвардия, 2008. — 446 с. — ISBN 978-5-235-03089-3.
15. *Лотман М. Ю.* С видом на море. Балтийская тема в поэзии Иосифа Бродского / М. Ю. Лотман // Таллинн. — 1990. — № 2 (71), март-апрель. — С. 113—117.
16. *Николина Н. А.* Филологический анализ текста / Н. А. Николина. 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Академия, 2007. — 268 с.
17. *Плеханова И. И.* Преображение трагического: метафизическая мистерия Иосифа Бродского : диссертация ... доктора филологических наук : 10.01.01 / И. И. Плеханова. — Иркутск, 2002. — 429 с.
18. *Полухина В.* Больше самого себя. О Бродском / В. Полухина. — Томск : ИД СК-С, 2009. — 416 с.
19. *Полухина В.* Иосиф Бродский. Жизнь, труды, эпоха / В. Полухина. — Санкт-Петербург : Журнал «Звезда», 2008. — 528 с.

20. Ранчин А. М. «На пиру Мнемозины». Интертексты Бродского. — Москва : НЛЮ, 2001. — 462 с. — ISBN 5-86793-150-1.
21. Сергеев А. Я. Omnibus. Альбом для марок. Портреты. О Бродском. Рассказы / А. Я. Сергеев. — Москва : Новое литературное обозрение, 1997. — 536 с.
22. Хализев В. Е. Введение в литературоведение. Литературное произведение. Основные понятия и термины / В. Е. Хализев ; под ред. Л. В. Чернец. — Москва : Высшая школа, Академия, 1999. — 556 с.
23. Betea D. Joseph Brodsky and the Criation of Exile / D. Betea. — Princeton : Legacy Library, 1994. — 317 p.

Статья поступила в редакцию 28.03.2024,
одобрена после рецензирования 02.12.2024,
подготовлена к публикации 29.01.2025.

Material resources

- Brodsky, I. (1995). *In the vicinity of Atlantis. New poems*. St. Petersburg: Pushkin Foundation. 80 p. (In Russ.).
- Brodsky, I. (1996). *Landscape with flood*. Dana Point, CA.: Ardis. 207 p. (In Russ.).
- Brodsky, I. (1997). Poems about the winter campaign of 1980. In: *The writings of Joseph Brodsky*, 3. St. Petersburg: Pushkin Foundation. 193—195. ISBN 5-89803-002-6. (In Russ.).
- Brodsky, I. (1998). Triton. In: *The works of Joseph Brodsky*, 4. St. Petersburg: Pushkin Foundation. 186—192. ISBN 5-89803-002-6. (In Russ.).

References

- Akhapkin, D. N. (2009). *Joseph Brodsky after Russia: comments on poetry, 1972—1995*. Saint Petersburg: Zvezda Magazine. 132 p. ISBN 978-5-7439-0144-9. (In Russ.).
- Azarenkov, A. A. (2017). *The poetics of the composition of “great poems” by Joseph Brodsky*. PhD Diss. Smolensk. 220 p. (In Russ.).
- Betea, D. (1994). *Joseph Brodsky and the Criation of Exile*. Princeton: Legacy Library. 317 p.
- Bogdanova, O. V. (2023). “New Stanzas for August” by Joseph Brodsky. Another suicide attempt. *Questions of literature*, 3: 141—158. (In Russ.).
- Bogdanova, O. V., Vlasova, E. A. (2022). *The Poetic Worlds of Joseph Brodsky*. Saint Petersburg: Alethea. 174 p. ISBN 978-5-00165-445-2. (In Russ.).
- Galperin, I. R. (2005). *Text as an object of linguistic research. 3rd ed., ster.* Moscow: URSS. 139 p. ISBN 5-354-01088-8. (In Russ.).
- Genis, A. (2009). *A special case. Philological prose*. Moscow: AST, Astrel. 445 p. ISBN 978-5-17-058835-0. (In Russ.).
- Khalizev, V. E. (1999). *Introduction to literary criticism. A literary work. Basic concepts and terms*. Moscow: Higher School, Academy. 556 p. (In Russ.).
- Lekmanov, O. (2022). “The Christmas Star”: text and subtext. In: *I. A. Brodsky: pro et contra: an anthology*. Saint Petersburg: Russian Academy of Fine Arts. 270—274. ISBN 978-5-907613-16-4. (In Russ.).
- Leontyeva, T. V., Shchetinina, A. V. (2021). Identity as an Organizing Idea of New Vocabulary and Phraseology. *Nauchnyi dialog*, 12: 89—105. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-12-89-105> (In Russ.).
- Leving, Yu. (2018). “The city is familiar, as if you grew up in it...” Unfinished Roman poems by Joseph Brodsky. *Zvezda*, 5: 201—213. (In Russ.).

- Leving, Yu. (2020). *Brodsky in Rome: in 3 books*. Moscow: Perlov Design Center. 464 p. ISBN 978-5-6044416-2-6. (In Russ.).
- Losev, L. (2008). *Joseph Brodsky. The experience of literary biography*. Moscow: Molodaya Gvardiya Publ. 446 p. ISBN 978-5-235-03089-3. (In Russ.).
- Lotman, M. Y. (1990). With a view of the sea. The Baltic theme in the poetry of Joseph Brodsky. *Tallinn, 2 (71), March-April*. 113—117. (In Russ.).
- Nikolina, N. A. (2007). *Philological analysis of the text. 2nd ed., ispr. and add.* Moscow: Akademiya Publ. 268 p. (In Russ.).
- Plekhanova, I. I. (2002). *The transformation of the tragic: the metaphysical mystery of Joseph Brodsky*. Doct. Diss. Irkutsk. 429 p. (In Russ.).
- Polukhina, V. (2008). *Joseph Brodsky. Life, works, epoch*. Saint Petersburg: Zvezda Magazine. 528 p. (In Russ.).
- Polukhina, V. (2009). *More than himself. About Brodsky*. Tomsk: Publishing House SK—S. 416 p. (In Russ.).
- Ranchin, A. M. (2001). “At the feast of Mnemosyne.” *Brodsky's intertexts*. Moscow: UFO. 462 p. ISBN 5-86793-150-1. (In Russ.).
- Sergeev, A. Ya. (1997). *Omnibus. A stamp album. Portraits. About Brodsky. Short stories*. Moscow: New Literary Review. 536 p. (In Russ.).
- Verheil, K., Stepanov, A. (2022). The image of Christ in Brodsky. In: I. A. *Brodsky: pro et contra: an anthology*. St. Petersburg: Russian Academy of Fine Arts. 311—329. ISBN 978-5-907613-16-4. (In Russ.).
- Vlasova, O. A. (2020). “Point of View” in Literary Criticism, History and History of Philosophy: Perspective of Dialogue. *Nauchnyi dialog, 1 (11)*: 193—210. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-11-193-210> (In Russ.).
- Volkov, S. (2000). *Dialogues with Joseph Brodsky*. Moscow: Nezavisimaya gazeta. 325 p. ISBN 5-86712-049—X. (In Russ.).

*The article was submitted 28.03.2024;
approved after reviewing 02.12.2024;
accepted for publication 29.01.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(1), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Борлыкова Б. Х. Высшие иерархии тибетского буддизма в ранних песнях-шастрах монголоязычных народов / Б. Х. Борлыкова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 1. — С. 194—212. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-194-212.

Borlykova, B. Kh. (2025). Higher Hierarchs of Tibetan Buddhism in Early Song-Shas of Mongolian-Speaking Peoples. *Nauchnyi dialog*, 14 (1): 194-212. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-194-212. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Высшие иерархии тибетского буддизма в ранних песнях-шастрах монголоязычных народов

Борлыкова Босха Халгаевна
orcid.org/0000-0001-9264-3430

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник,
Управление научной
и инновационной политики
borlboskha@mail.ru

Калмыцкий государственный
университет имени Б. Б. Городовикова
(Элиста, Россия)

Higher Hierarchs of Tibetan Buddhism in Early Song-Shas of Mongolian-Speaking Peoples

Boskha Kh. Borlykova
orcid.org/0000-0001-9264-3430

PhD in Philology,
senior research scientist,
Department of Science and
Innovation Policy
borlboskha@mail.ru

Kalmyk State University
named after B. B. Gorodovikov
(Elista, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Настоящая работа продолжает исследование текстов ранних записей песен монголоязычных народов (халха-монголов, ойратов, калмыков, бурят). Введение в научный оборот песен-шаштр представляет большой интерес для изучения общей проблемы становления жанровой системы монгольского песенного фольклора. Немаловажное значение имеет изучение настоящих песен-шаштр и для воссоздания истории развития буддизма среди монголов. В статье впервые рассматриваются образы высших иерархов тибетского буддизма (Цзонхава, Далай-лама, Панчен-лама) на материале ранних записей песенного фольклора, хранящихся в Санкт-Петербургских архивах, большая часть которых опубликована автором настоящей статьи в сборнике «Калмыцкие народные песни и мелодии XIX века (2015) и монографии «Калмыцкие народные песни и мелодии XIX — начала XX веков: исследование и материалы» (2023). В качестве дополнительных материалов для изучения иерархов Тибета и их описания были привлечены фольклорные (легенды, сказки, эпос), лексикографические, исторические, этнографические источники, а также переводы буддийских гимнов (рапсалов). Проанализировав тексты песен, автор пришел к выводу, что рассмотренные им тексты ранних песен-шаштр свидетельствуют, дополняют и расширяют знания о высших иерархах тибетского буддизма, оказавших значительное влияние на буддизм у монголов.

Ключевые слова:

песни-шаштры; буддийские гимны; монголоязычные народы; культ высших иерархов тибетского буддизма.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This paper continues the exploration of early song records from Mongolian-speaking peoples (Khalka Mongols, Oirat, Kalmyks, Buryats). Introducing song-shas into scholarly discourse is of significant interest for studying the broader issue of the development of genre systems within Mongolian song folklore. The examination of these song-shas is also crucial for reconstructing the historical evolution of Buddhism among the Mongols. For the first time, this article analyzes the representations of the higher hierarchs of Tibetan Buddhism (Tsongkhapa, Dalai Lama, Panchen Lama) based on early records of song folklore preserved in archives in Saint Petersburg, a substantial portion of which has been published by the author in the collection "Kalmyk Folk Songs and Melodies of the 19th Century" (2015) and in the monograph "Kalmyk Folk Songs and Melodies from the 19th to Early 20th Century: Research and Materials" (2023). Additional materials for studying the hierarchs of Tibet and their depictions include folklore (legends, tales, epics), lexicographic, historical, and ethnographic sources, as well as translations of Buddhist hymns (rapsals). Through an analysis of the song texts, the author concludes that the examined early song-shas provide evidence that complements and expands knowledge about the higher hierarchs of Tibetan Buddhism, who have had a significant impact on Buddhism among the Mongols.

Key words:

song-shas; Buddhist hymns; Mongolian-speaking peoples; cult of higher hierarchs of Tibetan Buddhism.

Высшие иерархи тибетского буддизма в ранних песнях-шастрах монголоязычных народов

© Борлыкова Б. Х., 2025

1. Введение = Introduction

Настоящая статья продолжает серию публикаций, посвященных исследованию ранних текстов песен-шастр монголоязычных народов. Песни-шастры — песни буддийского содержания, восхваляющие Учение Будды, божества, духовенство, буддийские монастыри, паломничество в Тибет, святыни и др. В предыдущей статье [Борлыкова, 2023б] были охарактеризованы буддийские гневные божества «докшиты» (Махакала, Ямантака, Хаягрива, Дамдин Дорлик, Ваджрапани, Окон Тенгри) на материале ранних записей песен-шастр халха-монголов, ойратов, калмыков и бурят. В нынешней публикации мы обратимся к высшим иерархам тибетского буддизма (Цзонхава, Далай-лама, Панчен-лама), упоминаемых в религиозном песенном фольклоре монголоязычных народов.

Материалы о существовании у монголов религиозных песен, именуемых *шастир*, представлены в трудах, посвященных народной поэзии монгольских племен [Позднеев, 1880; Руднев, 1909; Владимирцов, 1926; Дамдинсурэн, 1959], и в архивах [Свадебные песни ...; Барадийн]. Со времен путешествий П. С. Палласа в 1769 году до П. А. Ровинского 1874 года записано несколько десятков песен монгольских народов. И. В. Кульганек, исследуя рукописи по монгольскому фольклору, хранящиеся в Архиве востоковедов Института восточных рукописей Российской академии наук (РАН), отмечает, что песни-шастры (она называет их религиозно-философскими песнями) в Монгольском фонде архива занимают третью часть от всего количества песен [Кульганек, 2010, с. 88]. Исследователь монгольских песен К. Н. Яцковская песни-шастры называет «здравницей, обращенной к паломникам после их долгого пути к святым местам» [Яцковская, 1988, с. 65]. Начало изучения песен-шастр было положено А. М. Позднеевым в труде «Образцы народной литературы монгольских племен» [Позднеев, 1880]. Он пишет, что религиозные песни-шастры имеют длительную традицию бытования и их история имеет продолжение, то есть они не только существуют, но и с каждым годом прибывают, они получают более широкое распространение, «по мере того

как буддизм более и более проникает в массу и обращает простолюдинов в лам, изучающих буддийские молитвенники и начинающих смотреть на все глазами религии» [Там же, с. 175]. Самые ранние из них, как исследователь пишет, «были созданы ламами, знавшими буддийские сутры и ритуальные тексты». В качестве образцов он приводит песни-шастры, записанные им среди халха-монголов, олёт, забайкальских и добайкальских бурят. «Песни, слагаемые ламами, обыкновенно воспевают бурханов, будд и бодхисаттв и непременно в высокопарных выражениях, заимствованных из заученных молитв и богослужебных номов; знакомый с буддийской литературой монголов не усомнится сказать, откуда заимствуется и содержание таких песен» [Позднеев, 1880, с. 83].

Термин *шастр дун* в отечественной литературе упоминается также в труде Б. Я. Владимирцова «Образцы монгольской народной словесности» [Владимирцов, 1926]. Опираясь на личный полевой материал, собранный среди ойратов Монголии (баиты, дербеты, мингаты, олёт, захчины, торгуты, урянхайцы), Владимирцов к данному жанру песен относит «песни буддийского, духовного содержания, песни о монастырях, ламах и др.» [Там же, с. 5]. А. Д. Руднев в 1909 году издал статью «Мелодии монгольских племен», в которой собрал воедино имевшиеся на тот момент нотные материалы; это был огромный вклад в изучение и сохранение музыки монгольских народностей (халха-монголов, восточных монголов, западных монголов (ойратов), внутренних монголов, бурят, калмыков). Мелодии духовных песен он делит на буддийские богослужебные и шаманские [Руднев, 1909, с. 403]. Песни-шастры монголоязычных народов встречаются в фольклористических сборниках и монографиях, изданных во второй половине XX — начале XXI веков: [Шаракшинова, 1973; Дугаров, 1980; Хорлоо, 1981; Яцковская, 1988; Хабунова, 1998; Кульганек, 2010; Алимаа, 2012; Моңһл ..., 1984; Монгол ардын ..., 1984 и др.].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

До настоящего времени высшие иерархи тибетского буддизма как персонажи ранних тестов песен монгольских народов не были объектом специального изучения. Между тем накопленный на сегодняшний день фактический фольклорный материал позволяет нам провести данное исследование. Источниками исследования послужили рукописные песенники, хранящиеся в Санкт-Петербургском государственном университете, Русском географическом обществе, Институте восточных рукописей Российской академии наук (РАН), опубликованные автором настоящей статьи в сборнике «Калмыцкие народные песни и мелодии XIX века (по архивным и опубликованным материалам)» [КНПМ, 2015] и монографии «Кал-

мышкие народные песни и мелодии XIX — начала XX веков: исследование и материалы» [Борлыкова, 2023a], а также песни из книг А. М. Позднеева [Позднеев, 1880], Г. Й. Рамстедта [Ramstedt, 1962], Н. Очирова [Очиров, 2006], «Свода народных песен монголов Синьцзяна» [Свод ..., 2007]. В качестве дополнительных источников для выявления и анализа описаний высших иерархов Тибета были привлечены фольклорные (легенды, сказки, эпос), лексикографические, исторические и этнографические материалы, в частности дневники и сочинения отечественных путешественников и калмыцких паломников: П. К. Козлова (1907—1909) [Козлов, 1923], П.-О. Джунгруева (1898—1900; 1902—1903) [Хождение в Тибет ..., 1987], Б. Менкеджуева «Сказание о хождении в Тибетскую страну Малодербетовского Бааза-бакши» (1891—1894) [Сказание о хождении ..., 1897] и др. Приводятся отрывки из буддийских гимнов (рапсалов), содержащие описания иерархов. В статье были использованы сравнительно-типологический и сравнительно-сопоставительный методы, а также описательный, позволяющий выявить более полный портрет персонажа.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Цзонхава в песнях-шастрах

Цонкапа / Цзонхава (<тиб. *tsong kha pa* ‘падь дикого лука’, калм. *Эцк Зуңква*) — рел. *Цзонхава Лобзангдракпа* (Чже Цонкапа, 1357—1419) — тибетский средневековый религиозный деятель, ученый, автор многотомных буддийских сочинений, проповедник, основатель школы Гелугпа (желтошапочников). Тибетская буддийская школа *Гелугпа / Гелук* (тиб. *dge lugs*, учение, или закон, добродетели) сформировалась в начале XV века в лоне другой школы (кадам), но быстро затмила свою родоначальницу. Философско-теоретическим фундаментом школы стало учение индийской мадхьямаки по линии преемственности от Нагарджуны до Чандракирти (называемой *прасанга*, или методом сведения доводов оппонентов к абсурду). В ней подчеркивается значение учителя, ламы, который объявляется «четвёртой драгоценностью» буддизма (после Будды, Дхармы и Сангхи), а верующие и ученики дают ему обет духовного поклонения [Андросов, 2011, с. 197—198].

Согласно тибетским легендам, имя *Цонкапа* ему дали по названию местности *Гора дикого лука*, в которой он родился. В 1583 году на этом месте третьим Далай Ламой, Сонам Гьяцо (1543—1588), был возведён монастырь *Гумбум* (букв. ‘Сто тысяч бурханов’), происхождение которого связывают со священным деревом, выросшим на месте падения остриженных волос трёхлетнего Цзонхавы. На каждом листочке дерева с самого начала была видна буддийская шестисложная мантра бодхисатвы Авалокитешвары «*Ом-ма-ни-пад-мэ-хум*», призванная спасти все живые суще-

ства от Сансары (санскр. *saṃ-sa-ra*, тиб. *'khor ba* ‘странствие из рождения в рождение’ — круговорот рождения и смерти, ограниченных кармой, то есть всем тем, что делалось, говорилось и мыслилось в прежних жизнях). В записях П. К. Козлова имеется легенда, рассказывающая о смене традиции в тибетском буддизме. *Цзонхава, пребывая в Лхасе, за короткое время привлёк к себе множество последователей. С каждым днем его влияние в обществе росло и крепло. Тогда далай-лама «красношапочников», переодевшись в одежду простого монаха, явился к Цзонхаве с целью победить его в религиозном диспуте и сделать его объектом всеобщего посмешища. Однако далай-ламе не удалось вывести Цзонхаву на спор, так как тот его сразу признал. Далай-лама, находясь в палатке Цзонхавы, убивает укусившее его насекомое и тем самым нарушает основную буддийскую заповедь, запрещающую лишать жизни живых существ. Цзонхава пристыдил его за этот грех и сказал, что «ты сам произнес над собою суд!». Далай-лама, удаляясь из его палатки, в дверях зацепил свою высокую красную шапку за дверной косяк и уронил её. Это послужило тибетцам знаком, что прежняя, старая вера «красношапочников» покончила свое существование и что наступило время настоящей праведной религии, проповедуемой Цзонхавой* [Козлов, 1923, с. 270]. Цзонхава, являясь продолжателем дела Атиши (982—1054), также «произвёл реформу тибетского буддизма, отменил появившиеся искажённые и поверхностные воззрения, восстановил и переосмыслил культ будды будущего — Майтреи, возвёл в его честь и его неба Тушиты монастырь (знаменитый Гандэн, построенный около Лхасы в 1409 году). Он дополнил общепобуддийский символ веры, состоявший из Трёх драгоценностей, четвёртой — “преклонением пред ламой”, или духовным учителем» [Андросов, 2011, с. 371]. О распространении культа Цзонхавы и его учения Б. Я. Владимирцов пишет, что последователи секты «желтошапочников» оказывают Цзонхаве почтение во всех уголках мира, где только распространилось его учение: в Тибете, в монгольской Гоби, в Забайкалье и Астраханских степях, в горах Тянь-Шаня — везде Цзонхава чтится не только как глава, основатель нового вероисповедания, но и как могучий, совершенный и милосердный бодисатва, как третий будда. Он является для них близким и видимым образом совершенства, близким заступником и утешителем, к которому может прибегать страждущее человечество. Его изображением наполнены храмы, ступы, жилища тибетцев и монголов, они носят его на груди. «В тяжелую минуту жизни тибетец и монгол простолюдин обращается прежде всего к “своему” ламе, святому Цзонхаве (“Лама Цзунхув.”)». Среди верующих широко популярна молитва-восхваление «Мигцзем» (тиб. *dmig-dze-md*), посвященная Цзонхаве, одному из воплощений Манджушри. (*Манджушри*, или *Сарвадхармапра-*

паньча <санскр. मञ्जुश्री, *Mañjuśrī*; кит. Вэнь-шу; яп. 文殊 / Мондзю; тиб. Джампэл / *Jampal* — букв. «Красивое сияние», «Святое великодушие»> — бодхисаттва семейства Падма. Манджушри устраняет все разделения обликов, пребывает в самадхи «пустоты, отсутствия обликов и желаний». Бодхисаттва Манджушри олицетворяет высшую мудрость, разум и волю, персонифицирует всеведение и осуществляет полную просветлённость).

Один из ранних текстов зафиксирован в Монголии и переведен на русский язык в XIX веке А. М. Позднеевым: «*Молюсь у ног <...> Цзонхавы — украшения мудрецов снежной страны и — несравненного Сумади-киртишри гэгэна. Лик победоносного Цзонхавы во всех моих перерождениях да будет моим ламою руководителем к высоким добродетелям*» [Позднеев, 1887, с. 303]. Видимо, под влиянием хвалебных шаштр Цзонхаве со временем в фольклоре монгольских народов возникли о нём песни. К примеру, в старинной песне бурят «Охторгойги гэйгулухши...» («Освещающее небо...»), записанной во второй половине XIX века, воспевается Цзонхава, просвещающий своим учением всех живых существ. Учение «желтошапочников» сравнивают с золотым жёлтым солнцем, энергией которого существует жизнь нашей планеты, с вечно-бледной луной и со светлым лучом лампы.

*Охторгойги гэйгулухши
Алтаы шара наран бй
Оршилангйи гэйгулухши
Алдарту шарайн шайын бй
Бодонъту гхунйи гэйгулухши
Мунъхэ сагаи гхара бй
Бодонъгбйи гэйгулухши
Мунъхэ шарайн шайиы бй
Харангойги гэйгулухши
Гэгэн зулайн туя бй
Хамук амитан-ни гэйгулухши*

*Богдо зонъхавайи гэгэи би
[Позднеев, 1880, с. 224—226].*

*Освещающее небо
Золотое, желтое солнце,
Просвещающая материальный мир
Славная, желтая вера.
Освещающая темную ночь
Вечная, бледная луна,
Просвещающая мрак (невежества).
Вечная, желтая вера.
Освещающий темноту
Луч светлой лампы,
Просвещающий всех одушевлённых существ.
Лик святого Цзонхавы.
[Там же, с. 226—227].*

В тексте калмыцкой песни «Учение отца Цзонхавы» («Эцк Зуңквин шажиг...»), записанной на ойратском вертикальном письме «тодо бичиг», верующие Цзонхаву называют «отцом»: *Эцк Зуңквин шажиг / Эндүрл уга теткдг // Учение Отца Цзонхавы, / Безошибочно поддерживающий*). В других калмыцких песнях «Зу гидг һазр...» («Местность, называемая Джоканг...») и «Бааза багш» («Бааза бакша») паломники, идущие в далё-

кий Тибет через Кукунор (калм. *Көк нур*), чтобы поклониться святыням храма Джоканг (Зу) в Лхасе, молясь, просят Цзонхаву избавить их от трудностей и опасностей в пути. Вера в Цзонхаву и божества помогала им совершать духовные подвиги:

(1) *Зу гидгэ хазртн / Зурхан сара хазр билэ, / Зуурк завсрин дээсиг / Зуңквинэн гегэн ээлдтхэ!* // Местность, называемая Джоканг / в шесть месяцев пути земля / От недругов, что встретятся в пути, / Пусть Зункава геген сохранит!

(2) *Ижл мөрнэс мордлав / Иткл Зууһан темцлэв. / Эн хөөтин зеткр мини / Эцк Зуңква ээлдтхэ* // Выехав с реки Волга, / Направился к Прибежищу Дзу. / От нынешних и будущих опасностей / Пусть убережет Отец Цзонхава.

В вариантах песни «Маленький гнедой конь...» («Бичкн кер мөрн...») верующие у Цзонхавы просят благословения для своих странствующих братьев (*Зуур йовсн ахриг / Зуңква гегэн өршэтхэ* // Братьев, находящихся в пути / Пусть Цзонкава благословит!) и для отца (*Зу курсн аавнь / Зуңкван хормад багтатха!* // Отца, достигшего ста лет, / Пусть Цзонкава благословит!).

В песне-шаштре «С именем Арьябала...» («Арьябал нертэ») упоминается, что Цзонхава пребывал в раю Тушита. *Төгс Цогт Һалднд / Төрсн Зуңква* // В небесах Тушита / Родившийся Цзонхава). Для справки: *Тушита* (монг. *Tegüis bayasqulang-tu burqan-u oron*; санскр. *Tusitā*, калм. *Төгс Цогт Һалдн*) — название небесной области, где пребывают будды перед своим перевоплощением в облике человека [Видения ..., 2004, с. 249].

В этом же тексте отмечено, что вера в Цзонхаву может спасти верующих от промежуточного ада (монг. *јауир-а тати*; калм. *зуурдын там* ‘местопребывание души умершего человека между прошлым и будущим рождением’) [Видения ..., 2004, с. 249—250]: *Зуңквин Гегэһэн / Зула деерэн залый. / Зуурдин олн тамас / Зальврн бэгэж һарий* // Святого Цзонхаву / Вознесем на темя, / От многих промежуточных адв, / Молясь, избавимся.

3.2. Персонаж Далай-лама в песнях-шаштрах

Далай-лама (монг.-тиб. *ta-la'i bla ma* <букв. ‘Океан-Учитель’>, тиб. *rgyal ba rin po che* <букв. ‘Победитель [смерти] — живой будда’>, полный титул переводится на русский язык как «Океан-Учитель — Держатель ваджры») — титул политического (до присоединения в 1951 году Тибета в КНР) и духовного владыки тибетского народа. В буддизме он считается земным воплощением бодхисаттвы Авалокитешвары, внимающим мольбам страдающих существ. Для справки: *Авалокитешвара* (санскр. *avalokita-iśvara* букв. ‘Владыка, взирающий’, тиб. *spyen ras gzigs dbang phyug* букв. ‘Владыка, взирающий на существа милостливо’, либо ‘Владыка, внимающий мольбам страдающих существ’, монг. *Жанрайсиг, Арья-*

вал, калм. *Арьябала, Логи-Шри, Хоңшим*) — бодхисаттва, воплощение бесконечного сострадания всех будд.

Титул Далай-лама по происхождению является монгольским, он впервые был присвоен третьему главе школы Гелукпа — Сонаму Гьяцо (1543—1588) — монгольским Алтын ханом и стал широко известен во всём мире — шире, нежели его тибетские варианты *Дже рипочхе* (букв. ‘Драгоценный владыка’) и *Тхамчад кхьенпа* (букв. ‘Всеведущий’). Два предшественника Сонама Гьяцо — Гендун-друп (1391—1474), Гендун-Гьяцо (1475—1542) — были признаны далай-ламами посмертно. Верующие считают, что знания Далай-ламы безмерны, как океан, и он их лучший Учитель, покровитель, сострадательный защитник. Настоящее представление отражено и в песенном фольклоре монгольских народов. К примеру, в песне халха-монголов: *Илагухсан эрхэту Далай лама / Илэтэ тоголохсон богдо мини / Илгал угэй очир дара / Имакта намайгәнэ үрүшійэ // Победоносный и могущественный Далай лама, / Всесовершенный Владыка мой, / Несравненный ваджрадержатель, / Будь ко мне всегда милосерден*. В этом четверостишии отмечается, что Далай-лама является «ваджрадержателем», что соответствует его образу в буддийской иконографии: «он держит правой рукой ваджру, левой — перевёрнутый колокольчик» [Himalayan Art]. Со времен правления Алтын-хана (1548—1582) между школой Гелугпой и духовенством монгольских народов устанавливается прочная связь, они становятся её последователями и главными паломниками в Тибет, где получают наставления от самого Далай-ламы. В песне олётвов Монголии «Өндор богдо-йн аруду...» («На северной стороне высокой [горы] Богдо...») воспевается монастырь, находящийся на берегу реки Тола, и его духовенство, получившее наставления от Далай-ламы: *Баса олон хуварак / Далай ламаса луньданьтай // Множество хуварак, / Получившие наставление от Далай-ламы*.

А. М. Позднеев, сравнив олётскую песню с её халхасским вариантом, отмечает, что «халхасская редакция песни гораздо обширнее олётской, однако она значительно уступает олётской в изящности отделки и в красоте изложения всей песни вообще, а ровно стройности, законченности и целостности её отдельных периодов. Всё это несомненно свидетельствует, что олётские больше интересуются песней, чем халхасы» [Позднеев, 1880, с. 174].

В песне забайкальских бурят «Наран-ни гарху зүтэгхэ» («Со стороны восхода солнца») также отмечено, что бурятские ламы получают наставление непосредственно от самого Далай-ламы (*Далай ламийн гэгэнэгхэ / Даруй луньдан булгачжи, // От Далай-ламы / Получили наставление*) и часто посещают святые места в Тибете и Монголии. В первом куплете песни северобайкальских бурят (*баргу-бурят*), опубликованной А. М. Позднеевым,

упоминается лампада, горящая в храме Далай-ламы: *Даши угэй шара зула / Далай ламайн гхумэ-ду / Дабайш угэй буйн хутук / Эсэгэ бурханы урун-ду //* Непостижимая желтая лампада / в храме Далай-ламы, / Не нарушаемые добродетель и святость / в царстве Отца-Будды.

Исследователь, кратко описывая баргу-бурят, приводит ряд преданий об их происхождении от поколений ойрат-бурят, обитавших у Байкала ещё во времена Чингис-хана [Там же, с. 264]. Распространение буддизма среди шаманов баргу-бурят, было начато значительно позже, забайкальскими ламами в тридцатые годы XIX века [Там же, с. 267]. В калмыцких песнях Далай-лама представлен как Учитель, раздающий Священное Учение: *Түгэмл зэрлгтэ Дала-лам, / Дала-ламин шажнд / Даярн хамт жүрхий! //* Раздающий речения Далай-лама, / в Учении Далай-ламы / Все будем пребывать в блаженстве! *Төгмр зэрлгтэ Дала-Лам //* Раздающий речения Далай-лама; *Дала лам гегэнд / Сээхн бүгдэрн жүрхия //* В [Учении] светлейшего Дала-ламы / Все вместе прекрасно будем блаженствовать.

В песне «Эцк Зуцкин шажиг...» («Учение Отца Цзонхавы») верующие молятся, чтобы быстрее нашелся перерожденец Далай-ламы: *Гетлгч Богд Дала-ламин / Гегэнэ төрл тодрад, //* Освободителя владыки Далай-ламы / Пусть перерождение скорее определится.

В буддийской литературе подробно описывается процедура нахождения и обучения будущего далай-ламы после смерти предыдущего [Андросов, 2011, с. 202—203; Буддизм ..., 1992, с. 104—105]: «После смерти Далай-ламы начинались поиски его нового воплощения или реинкарнации предыдущего. Новую реинкарнацию отыскивают по характерным признакам среди мальчиков, родившихся спустя 49 дней, но не более чем через 2 года после смерти предыдущего Далай-ламы. Образование Далай-лама получал в монастырях Гелугпы. Полная интронизация происходила в 16—18 лет» [Буддизм ..., 1992, с. 104—105].

В тексте песни-шастры «Арьябала нертэ...» («С именем Арьябала...») под страной Далай-ламы (калм. *Дала ламин орн*) понимаются ряд монастырей Тибета, в которых обучались калмыцкие монахи и которым поклонялись калмыцкие паломники: **Потала** (калм. *Бодл хари*) — зимняя резиденция Далай-ламы, возведенная Далай-ламой V в 1645 году; **Сера** (калм. *Шер нертэ хари*) — монастырь в пригороде Лхасы в Тибете, один из самых крупных буддийских монастырей и университетов школы Гелуг тибетского буддизма; **Даши-Лхунбо** (калм. *Даши-Нимб*) — дворец всеведущего Панчен-гегена, основанный Гендун-друпом, учеником самого Цзонхавы, первым Далай-ламой (1391—1474); **Дрепунг-Гоманг** (калм. *Дарма-Бүрэвин киид*) — один из семи факультетов монастырского комплекса Палден Дрепунг, основанный в 1416 году одним из ближайших учени-

ков Цзонхавы, Джамьянг Чойдже Таши Палденом (1379—1449). В этом же тексте описываются святыни этих монастырей: *Урд үзгин сүмд / Окн теңр¹ шүтэтэ* // В храме южной стороны / Находится шутен Окон-тенгри; *Бодал нертэ харишд, Бурхн алтн шүтэн* // Во дворце Поталы / Золотая статуя Будды; *Шер нертэ харишд, / Шүтэн алтн бурхн* // Во дворце Сера / Золотая статуя Будды. Монастыри Потала, Сера и Ганден² упоминаются и в других старинных калмыцких песнях: *Бодлн харишин өргд / Бодьитг бэрүлгч Логи-Шри³* // На вершине дворца Потала // Святой Логи-Шри; *Шарин нурвн ик кишдт / Шажэна чимг делгрэд*, // В трех монастырях Гелугпы [Сера, Брайбун и Ганден] / Распространяется драгоценное Учение; *Серэ, Берңбин, Галдн кишдт / Сүмсиг дорацулгч Хаягрва⁴* // В монастырях Сера, Брайбун и Ганден / [Есть] Хаягрива, подавляющий сознание.

Ещё одним тибетским храмом, воспеваемым калмыками в песнях, является храм Джоканг (калм. Зу) — самый древний буддийский храм Лхасы, построенный в 640 году тридцать третьим царём Тибета Сонгцэн Гампо, покровителем буддизма. В варианте песни «Зу гидг назр...» («Местность, называемая Джоканг...»), зафиксированном в начале XX века финским исследователем Г. Й. Рамstedтом, говорится: *Дөрвлжэн шар Жовиг / Дөтэн замар залрыя. / Дөрвн өөрдин тенднь / Дала лам евэтхэ!* // В четырехугольный желтый Джоканг / Отправимся ближним путём, / Пусть там дербен-ойратов⁵ / Благословит Далай-лама.

Главной религиозной святыней храма является статуя Будды Шакьямуни Джо (Джово Шакьямуни) — образ, выполненный при жизни Просветленного, в народе считается, что её освятил сам Будда и она исполняет все желания. При одном только виде скульптуры энергия человека становится позитивной, она дарует «освобождение через видение». «При виде Джово Шакьямуни многие плачут, каждый пытается задержаться у статуи и сделать как можно больше простираций, что очень нелегко при большом скоплении народа и давке в очереди». Святыня Джово Шакьямуни упоминается в пер-

- 1 Окн Тенгр шүтэн — божество Окон Тенгри (тиб. Палден Лхамо ‘прославленная богиня’) — в тибетском буддизме гневное женское божество, одна из 8 основных дхармапал, защитников Учения Будды.
- 2 Галдн (Ганден) — монастырь на горе Вангбур в 47 км к востоку от Лхасы в Тибете, один из самых крупных буддийских монастырей и знаменитый университет школы гелуг тибетского буддизма, а также место паломничества.
- 3 Логи-Шри (калм. Логи-Шри) — рел. Авалокитешвара (калм. Арьябала), бодхисаттва, воплощение бесконечного сострадания всех будд.
- 4 Хаягрива (тиб. rta tshog, санскр. Naṃagrīva, букв. ‘лошадиная шея’ > бур. Хаинкирва, ойр. Xayangrva, калм. Хаягрва) — персонаж индуистской мифологии (в современном индуизме обычно принимается за воплощение Вишну) и буддийской образной системы (как ‘гневное божество-защитник Учения», дхармапала).
- 5 Дербен-ойраты — союз ойратских кочевых этнополитических объединений, основавших Ойратское ханство.

вой строке ойратской молитвы-призывания Будд и Бодхисаттв поля Прибежища «Баазардари» (*Ом Баазрдара хум! / Ок Шагжмуни Зу! / Ора деер сууж өтр маниг эдслтн! // Ом Ваджрадхара хум! / Шакьямуни Джово! // Сев на макушку, / Скоро благословите нас!*) и в калмыцкой песне «Бааза-бакши» (*Зууһин алтн сүмд / Жо Шагжмуни бээнэ, / Зүркнэс зальврсар / Зуурд уга тоньһит // В золотом храме Джоканг / Есть Джово Шакьямуни / Искренне ему молясь, / Избавитесь от «промежуточных» страданий*).

В тибетских устных преданиях говорится: «*Вишвакарман изготовил Будду под руководством царя богов Индры из десяти драгоценностей мира богов и людей. Долгое время скульптура хранилась в “обители богов”, после в Уддияне — буддийской стране, существовавшей в второй половине первого тысячелетия нашей эры в северной Индии, затем в древней стране Магадха. Царь Магадхи подарил её китайскому императору Тайцзуну, после чего в качестве приданого китайской принцессы была передана в Тибет*» [Гарри, 2012, с. 58]. В песне «Алтан Хаңһа шилд...» («У гор Алтая и Хангая») верующие мечтают дойти до Лхасы и поклониться Благословенному святому Джо (калм. *Эдстэ Зууһин гегэн*). Посещение тибетских монастырей калмыками подробно описано в средневековой калмыцкой литературе, в сочинениях о «хождениях» в Тибет — «Сказание о хождении в Тибетскую страну Малодербетовского Бааза-бакши» [Сказание ..., 1897], «Описание двух поездок в Тибет Пурдаша Джунгруева» (1898—1900, 1902—1903) [Хождение в Тибет ..., 1987], «Рассказ калмыка Овше Мучкиновича Норзунова о путешествии в Тибет» (1898—1901) [Митруев и др., 2018] и др. Из истории известно, что калмыки ещё в XVIII веке поддерживали постоянную связь с духовным владыкой буддистов Далай-ламой, а некоторые калмыцкие владельцы даже получали от него грамоты и ханские титулы. По народному преданию, первым калмыцким паломником был бакша Джиджетен¹, имя которого встречается часто в преданиях и легендах.

А. М. Позднеев на основании показания Бааза-бакши отождествляет его с исторической личностью — Галдан-Цереном, потомком дербетского нойона Далай-Баатур хунтайджи (Далай тайши) (? — 1637), умершим в Петербурге в 1764 году. Он отличался особой приверженностью к буддизму и отправлял своих послов в паломничество к Далай-ламе V. Реликвии, привезенные ими от Далай-ламы, долгое время хранились в Ики-ху-

1 Исследователь калмыцких песен Б. Б. Оконов считает, что создание песни «Зу гидз наэр...» («Местность, называемая Джоканг...») связано с паломничеством бакши Джиджетена.

руле Малодербетовского улуса¹. В песенном фольклоре сохранилась песня «Угта йозурта сээдүдиг...» («Высокородную знать...»), в которой верующие просят богиню Тару и Далай-ламу благословить их правителя, потомка дербетского тайши Далай тайши, возможно, этим потомком и был Галдан-Церен: *Дала тээшин сүлжлиг / Дэркин хувлһн өршэтхэ! //* Потомков Далай тайши / Пусть благословит богиня Тара²; *Дөрвүд хаана сүлжлиг / Дала ламнь өршэтхэ! //* Потомков дербетского хана / Пусть благословит Далай лама!

3.3. Персонаж Панчен-лама в песнях-шастрах

Панчен-лама (монг. *Баньчэнь Эрдэни*, букв. ‘Драгоценный Панчен’ < тиб. *pan chen bla ma* ‘Великий пандит и учитель-лама’) — (рел.) титул высшего воплощения в линии преемственности школы Гелукпа, а именно Будды Амитабхи в качестве его признанного воплощения. Он является одним из главных фигур после Далай-ламы, вместе с советом высших лам он отвечает за поиск нового воплощения или реинкарнации предыдущего Далай-ламы. Впервые этот титул был присвоен в XVII веке Далай-ламой V его наставнику Чоки Гьялцену (1570—1662), который сразу стал четвёртым Панчен-ламой, и от него ретроспективно была проведена линия духовной преемственности в лице трёх его исторических предшественников [Андросов, 2011, с. 305]. В 1645 году Панчен-ламе от монгольского Алтын-хана и Далай-ламы был присвоен титул «Панчен Богдо» (монг. *богд* ‘Святейший Панчен’). В Тибете его называют *Панчен Ринпоче* «Великий Драгоценный Учёный», и он является настоятелем монастыря Даши-Лхунбо (тиб. *bkra shis lhun po*), основанным в 1447 году первым Далай-ламой. А. М. Позднеев, исследуя духовенство буддийских монастырей Монголии в XIX веке, пишет: «*Хубилганы (“перерожденцы”) всех монгольских хутухт первоначально указывались в Тибете Панчен-ламой, либо Далай-ламой. После выбор хубилганов, рождающихся в Монголии, стал совершаться, в большинстве случаев, при посредстве ургинского Чжэб-цзун дамба хутухты*» [Позднеев, 1887, с. 249]. В песне халха-монголов «Барун цзу-ду мэндүлээн...» («Родившегося в западном Дзу...») Панчен-ламу называют святым отцом (монг. *Эцигэ Баньчэнь богдо*) седьмого монгольского хубилгана Джебдзун-Дамба-хутухты (период правления сангхой — 1850—1868/1869 годы), родившегося в Тибете, в окрестностях Лхасы. В 1851 году он был признан хубилганом и перевезён в Ургу, в резиденцию монгольских богдо-гэгэнов. В песне точно описывается место

- 1 Летом 1860 года Г. С. Лыткин, познакомившись с молодым владельцем Цанджином Убуши Тундутовым (ум. 1866), посетил Ики-хурул и описал данные реликвии.
- 2 Тары (Тара (санскр. [tārā], тиб. [Drolma] «Спасительница») — одна из главных бодхисаттв (идам, просветлённых существ) буддизма).

рождения хутухты (богдо ламы) — западный Дзу (*Барун Цзу-ду мэндүлэсэн*) — и его переезд в ургинский белый храм (*Бату цаган дугань-ду*). Ойратские хубилганы так же, как и монгольские, получали образование в тибетских монастырях, позже направлялись лхаскими первоиерархами к себе на родину для распространения и укрепления буддизма (*Дала-лам ринпоче, дэжн Банчн эрднь, / Далдр уга евэхэд дарунь маниг эдслтн! // Далай-лама ринпоче, и Панчен-лама / Благоволите и благословите нас!*) [Кольдонга, 2018, с. 93]. Ярким представителем этого был джунгарский Галдан, который считался воплощением Энса-хутухту, ближайшего ученика четвёртого Панчен-ламы (1570—1662): «В малолетнем возрасте Галдан был отправлен в Тибет для посвящения в монахи. Как и его предыдущая инкарнация, он был определен на учёбу в Даши-Лхунбо, где его наставниками стали Панчен-лама и Далай-лама. Тибетский период оказал большое влияние на развитие Галдана и понимания себя как ответственного за благо школы Гелук» [Китинов, 2024, с. 271]. Волжские калмыки, несмотря на оторванность от Джунгарии, сохраняли связь со своим духовным центром — Тибетом и его иерархами — Далай-ламой и Панчен-ламой. Об этом свидетельствуют строки из калмыцкой песни-шастры «Арьябал нертэ...» и «Баазар-дара»: *Дэжэ Банчн-Эрднэхэн / Дара мааняр учрий // Встретимся вновь с Панчен-Эрдени / с помощью [прочтения] мани [Арья].* В дневниках калмыцких паломников, побывавших в Тибете, говорится об их посещении монастыря Панчен-ламы в Даши-Лхунбо. Так, один из первых паломников Пурдаш Джунгуев в дневнике второго своего путешествия в 1902—1903 годах пишет, что ему удалось увидеться с самим Панчен-ламой, поднести подарки и получить от него грамоту с официальной печатью (гашик-тамга), верхнюю одежду с его плеча (епанчу), шапочку (титим), чашу для сбора подаяния (цзугийн бадир), медные тарелки (цанг), маленькую фигурку Ямантаки, клеймо для скота, пилюлю с прахом одного из буддийских святых (рилу шалир), один кусок сукна и один хадак. О монастыре, где восседает Панчен-лама, он пишет: «Дворец всеведущего Панчен-гэгэна находится в самом центре / монастыря / Даши-лхунбо. Дворец шестистаэтажный, каменный. Очень красивый. Называют его Чяал-цантонбо. В этом монастыре тринадцать храмов. На каждом из тринадцати — золотая крыша. / В монастыре / семь тысяч хуараков. Эти храмы / расположены / на северном берегу / реки / Цзан, на южном склоне горы Нэсэр» [Хождение в Тибет ..., 1987, с. 142]. Другому калмыцкому паломнику Бааза Бакши Менкенджуеву во время пребывания в монастыре Даши-Лхунбо не удалось увидеться с Панчен-ламой, так как тот уже второй месяц сидел в особой башне, не показываясь никому, и упражнялся в чтении цама. Желание Бааза Бакши увидеться с Панчен-ламой было настолько велико, что

он воспел это в своей автобиографической песне «Бааза-бакши»: *Заңгин Даш Гүмбд / Заята Панчн Богд бээнэ, / Зальврн-бишрн мөргсэр / Зурхан зүүлэс тоньлхит. // В [монастыре] Даши-Лхунбо провинции Цзан / Пребывает святой Панчен-богдо / Искренне веря в него, и молясь / Избавимся от перерождений шести живых существ*¹.

Култ Панчен-ламы в настоящее время очень распространен среди ойратов и монголов Китая, что широко отражено в текстах их песен. К примеру, в песне «Маанин магтал» («Гимн мантре»), записанной в 1990 году в местности Баингол уезда Хеджин СУАР КНР от Ши Пунцука, говорится: *Бадмтэхн күрдиг / Барун хартан эргүлтн. / Банчн богдын гегэг / Зүрхн дотран сантн* [Свод ..., 2007, с. 72] // Лотосовый молитвенный барабан / Вращайте в правой руке, / Святейшего Панчен-богдо / Храните в сердце.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, разбирая тексты ранних религиозных песен-шаштр монгольских народов, мы приходим к выводу, что в их основе лежат тибетские буддийские молитвы-рапсалы (гимновые тексты), берущие своё начало ещё из Древней Индии. В этих песнях присутствуют восхваление, исповедание веры молящегося, мольба и просьба верующего к божествам и высшим иерархам тибетского буддизма, благопожелания достижения святости и духовного блага. Первыми авторами монгольских песен-шаштр, видимо, были монахи, получившие образование в тибетских монастырях и знавшие буддийские гимны, восхваляющие различных будд (прежде всего Будду Шакьямуни), тантрических божеств, выдающихся буддийских наставников, различные аспекты состояния будды и т. д. В результате исследования в текстах песен монгольских народов были выявлены имена высших иерархов тибетского буддизма: основатель школы Гелугпа Чже Цонкапа и его последователи Далай-лама и Панчен-лама. Тексты песен дополняют и расширяют знания об иерархах (их внешний вид, местопребывание, атрибуты и др.), хранят свидетельства развития культа, его распространения среди монголоязычных народов (халха-монголов, бурят, ойратов и калмыков). Как показал анализ песен, функции иерархов заключаются в защите, покровительстве Учения и его последователей, а также в устранении препятствий. Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что исследуемые нами тексты песен являются ценными дополнительными источниками в изучении истории буддизма монголов.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.

1 *Шесть живых существ* — рел.: люди, небожители, асуры, животные, преты, существа ада.

Источники и принятые сокращения

1. Андросов В. П. Индо-тибетский буддизм. Энциклопедический словарь : монография / В. П. Андросов. — Москва : Ориенталия, 2011. — 448 с. — ISBN 978-5-91994-007-4.
2. Барадийн Б. Б. Записи бурят-монгольских песен / Б. Б. Барадийн // Архив востоковедов при Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения Российской академии наук. — Ф. 87. — Оп. 1. — Д. 21.
3. Борлыкова Б. Х. Калмыцкие народные песни и мелодии XIX — начала XX вв. : исследование и материалы / Б. Х. Борлыкова. — Элиста : Изд-во Калм. ун-та, 2023а. — 352 с.
4. Буддизм : словарь / Л. Л. Абаева, В. П. Андросов и др. — Москва : Республика, 1992. — 287 с.
5. Видения буддийского ада / предисловие, перевод, транслитерация, примечания и глоссарий А. Г. Сазыкина. — Санкт-Петербург : Издательство А. Терентьева «Нартанг», 2004. — 256 с. — ISBN 5-901941-13-6.
6. КНПМ, 2015 — *Калмыцкие* народные песни и мелодии XIX в. (по архивным и опубликованным материалам) : записи XIX века. / вступ. ст. сост., предисл., подг. Текстов, пер. на соврем. калм. язык и прилож. Б. Х. Борлыковой ; транслитерация, пер. со старокалм. на соврем. калм. язык Б. В. Меняева. — Элиста : Джангар, 2015. — Ч. 1. — 120 с. (На калм. яз.).
7. Козлов П. К. Монголия и Амдо и мёртвый город Хара-Хото : экспедиция Рус. геогр. о-ва в Нагорной Азии / П. К. Козлов ; почет. чл. Рус. геогр. о-ва, 1907—1909. — Москва-Петроград : Гос. изд-во, 1923. — 677 с.
8. Кольдонга С. «Жить свободно по своим обычаям...» : духовное наследие калмыцкой эмиграции / С. Кольдонга ; сост., вступ. ст., коммент. Б. А. Бичеева. — Элиста : КалмНЦ РАН, 2018. — 380 с.
9. Митруев Б. Л. Первый фотограф Лхасы : публикация дневника О. Норзунова «Три поездки в Лхасу (1898—1901)» (перевод Д. К. Ворониной, комментарии Б. Л. Митруева) / Б. Л. Митруев, Д. К. Воронина // *Oriental Studies*. — 2018. — 11 (6): 36—72. — DOI: 10.22162/2619-0990-2018-40-6-36-72.
10. *Моңһл* ут дууна үг [Тексты монгольских протяжных песен] / сост. Бадма То. — Урумчи : Шинжэңгин ардын кевлин хора [Народное издательство Синьцзяна], 1984. — 668 с.
11. *Монгол* ардын уртын дуу [Монгольская народная протяжная песня] / эмхтгэн боловсруулж, удиртгал тайлбар бичсэн [составители, авторы предисловия и комментариев]: Х. Сампилдэндэв, К. Н. Яцковская ; ред. Д. Цэрэнсодном. — Улан-Батор: Республиканское издательство, 1984. — 271 с.
12. *Очиров* Н. Живая старина / Н. Очиров ; Сост., вступит. ст., коммент. Б. А. Бичеева. — Элиста : Калм. кн. изд-во, 2006. — 397 с. — ISBN 5-7539-0549-8.
13. *Позднеев* А. М. Образцы народной литературы монгольских племен. Народные песни монголов / А. М. Позднеев. — Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии Наук, 1880. — Выпуск 1. — 347 с.
14. *Руднев* А. Д. Мелодии монгольских племен / А. Д. Руднев // Сборник в честь 70-летия Г. Н. Потанина. — Санкт-Петербург : Тип. В. Ф. Киришаума, 1909. — С. 010—023.
15. *Свадебные* песни калмыков / составитель А. М. Позднеев // Архив востоковедов при Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения Российской академии наук. — Ф. 44. — Оп. 1. — Ед. хр. 96.

16. *Свод народных песен* монголов Синьцзяна. — Урумчи : Народное издательство Синьцзяна, 2007. — 1040 с. — ISBN 978-5-903833-38-2.

17. *Сказание о хождении в Тибетскую страну Малодербетовского Бааза-бакши* / Калмыцкий текст, с переводом и примечаниями, сост. А. Позднеевым. — Санкт-Петербург : Типография Императорской академии наук, 1897. — 260 с.

18. *Хождение в Тибет* калмыцкого бакши Пурдаш Джунгуева. Путь в Тибет / перевод А. Д. Руднева ; редакция перевода, предисловие и примечания А. Г. Сазыкина // Филологические исследования старописьменных памятников. — 1987. — Ч. 1. — С. 126—144.

19. *Himalayan Art*: № 99077 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.himalayanart.org/items/99077> (дата обращения 10.05.2024).

20. *Ramstedt G. J. Kalmückische Lieder* / Aufgezeichnet von G. J. Ramstedt ; Bearb. und hrs. von S. Balinov und Pentti Aalto. — Helsinki : [b. i.], 1962. — 127 p.

Литература

1. *Алимаа А.* Монгол уртын дууны бүртгэл [Каталог монгольских протяжных песен] / А. Алимаа ; редакторы : Б. Энхтүвшин, Ж. Энэбиш. — Улан-Батор : Тэнгэрлэг Үсэг [Небесный алфавит], 2012. — 418 с. — ISBN 978-99962-983-4-9.

2. *Борлыкова Б. Х.* Гневные божества «докшиты» в ранних песнях-шастрах монголоязычных народов / Б. Х. Борлыкова // Языки и фольклор коренных народов Сибири. — 2023б. — № 4. — Выпуск 48. — С. 126—137.

3. *Владимирцов Б. Я.* Образцы монгольской народной словесности (С.-З. Монголия) / Б. Я. Владимирцов. — Ленинград : Инст-т живых вост. яз., 1926. — 200 с.

4. *Гарри И. Р.* Тибетский храм Джокхан : прошлое и настоящее / И. Р. Гарри // Новый исторический вестник. — 2012. — № 3 (33). — С. 54—64.

5. *Дамдинсүрэн Ц.* Монгол уран зохиолын дээж зуун билиг оршвой [Сто избранных произведений монгольской литературы] / Ц. Дамдинсүрэн. — Улан-Батор : УХГ, 1959. — 601 с.

6. *Дугаров Д. С.* Бурятские народные песни: песни западных бурят / Д. С. Дугаров. — Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 1980. — 280 с.

7. *Китинов Б. У.* Буддизм и религиозные деятели в истории четырех ойратов / Б. У. Китинов. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : ИВ РАН, 2024. — 626 с. — ISBN 978-5-907543-23-2.

8. *Кульганек И. В.* Монгольский поэтический фольклор : проблемы изучения, коллекции, поэтика / И. В. Кульганек. — Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2010. — 240 с. — ISBN 978-5-85803-413-1.

9. *Позднеев А. М.* Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу / А. М. Позднеев. — Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. наук, 1887. — XVI, 492 с.

10. *Хабунова Е. Э.* Калмыцкая свадебная обрядовая поэзия: исследования и материалы / Е. Э. Хабунова. — Элиста : Калмыцкое книжное издательство, 1998. — 224 с.

11. *Хорлоо П.* Монгол ардын дууны яруу найраг : төрөл зүйлийн бүрэлдэхүүнийн асуудлаар [Поэзия монгольской народной песни : к вопросу о разновидностях жанра] / П. Хорлоо ; редактор Д. Цэдэв. — Улан-Батор : ӨМСХХХ, 1981. — 283 с.

12. *Шаракишинова Н. О.* Лирические песни бурят / Н. О. Шаракишинова. — Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1973. — 148 с.

13. Яцковская К. Н. Народные песни монголов / К. Н. Яцковская. — Москва : Наука, 1988. — 254 с.

Статья поступила в редакцию 05.10.2024,
одобрена после рецензирования 11.12.2024,
подготовлена к публикации 09.01.2025.

Material resources

- Androsov, V. P. (2011). *Indo-Tibetan Buddhism. Encyclopedic dictionary: monograph*. Moscow: Orientalia. 448 p. ISBN 978-5-91994-007-4. (In Russ.).
- Baradiyn, B. B. Recordings of Buryat-Mongolian songs. In: Archive of Orientalists at the St. Petersburg branch of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Collection 87. Inventory 1. Storage unit 21. (In Russ.).
- Borlykova, B. Kh. (2023a). *Kalmyk folk songs and melodies of the XIX — early XX centuries.: research and materials*. Elista: Publishing House of Kalm. Unita. 352 p. (In Russ.).
- Buddhism: A Dictionary*. (1992). Moscow: Republic. 287 p. (In Russ.).
- Collection of folk songs of the Mongols of Xinjiang*. (2007). Urumqi: Xinjiang People's Publishing House. 1040 p. ISBN 978-5-903833-38-2. (In Russ.).
- Kalmyk bakshi Purdash Dzungruuev's trip to Tibet. The Way to Tibet. (1987). *Philological studies of Old written monuments, 1*: 126—144. (In Russ.).
- KNPM, 2015 — *Kalmyk folk songs and melodies of the XIX century (based on archival and published materials). Records of the XIX century, 1*. (2015). Elista: ZAO "NPP "Dzhangar". 120 p. (In Kalm.).
- Koldonga S. (2018). *"To live freely according to your customs ...": the spiritual heritage of the Kalmyk emigration*. Elista: KalmSC RAS. 380 p. (In Russ.).
- Kozlov, P. K. (1923). *Mongolia and Amdo and the dead city of Khara-Khoto: expedition of Russian geogr. islands in Mountainous Asia*. Moscow-Petrograd: State Publishing House. 677 p. (In Russ.).
- Mitruiev, B., Voronina, D. (2018). He Who Was the First to Take Photographs of Lhasa: 'Three Journeys to Lhasa (1898–1901)', a Travel Diary by O. Norzunov (Transl. by D. K. Voronina, Comment. by B. L. Mitruiev). *Oriental Studies, 11* (6): 36-72. DOI: 10.22162/2619-0990-2018-40-6-36-72. (In Russ.)
- Ochirov, N. (2006). *Zhivaya starina*. Elista: Kalm. book publishing House. 397 p. ISBN 5-7539-0549-8. (In Russ.).
- Pozdneev, A. M. (ed.). Wedding songs of the Kalmyks. In: *Archive of Orientalists at the St. Petersburg branch of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*. Collection 44. Inventory 1. Storage unit 96. (In Russ.).
- Pozdneev, A. M. (1880). *Samples of folk literature of Mongolian tribes. Folk songs of the Mongols, 1*. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences. 347 p. (In Russ.).
- Ramstedt, G. J. (1962). *Kalmückische Lieder*. Helsinki: [b. i.]. 127 p. (In Germ.).
- Rudnev, A. D. (1909). Melodies of the Mongolian tribes. In: *Collection in honor of the 70th anniversary of G. N. Potanin*. St. Petersburg: V. F. Kirshbaum Type. 010-023. (In Russ.).
- Sampildende, H., Yatskovskaya (comp.), K. N., Tserensodnom, D. (ed.). (1984). *Mongol ardyn urtyн duu* [Mongolian folk long song]. Ulaanbaatar: Republican Publishing House. 271 p. (In Mong.).

Texts of Mongolian lingering songs. (1984). Urumqi: People's Publishing House of Xinjiang. 668 p. (In Mong.).

The legend of the journey to the Tibetan country of the Maloderbet Baaz-Bakshi. (1897). St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences. 260 p. (In Russ.).

Visions of the Buddhist hell. (2004). St. Petersburg: A. Terentyev Publishing House "Nartang". 256 p. ISBN 5-901941-13-6. (In Russ.).

References

- Alimaa, A. (2012). *Mongol urtyн duuny burtgel* [Catalog of Mongolian long songs]; editors: B. Enkhtuvshin, Zh. Enebish. Ulaanbaatar: Tengerleg Useg [Heavenly Alphabet]. 418 p. ISBN 978-99962-983-4-9. (In Mong.).
- Borlykova, B. Kh. (2023b). The wrathful deities of "dokshita" in the early songs-shastras of the Mongolian-speaking peoples. *Languages and folklore of the indigenous peoples of Siberia*, 4 (48): 126—137. (In Russ.).
- Damdinsuren, Ts. (1959). *Mongol uran zohiolyn deezh zuun bilig orshvoy* [One Hundred Selected Works of Mongolian Literature]. Ulaanbaatar: UHG. 601 p. (In Mong.).
- Dugarov, D. S. *Buryat Folk Songs: Songs of the Western Buryats*. Ulan-Ude: Buryat Book Publishing House, 1980. 280 p. (In Russ.).
- Garry, I. R. (2012). The Tibetan temple of Jokhan: past and present. *New Historical Bulletin*, 3 (33): 54—64. (In Russ.).
- Khabunova, E. E. (1998). *Kalmyk wedding ritual poetry: research and materials*. Elista: Kalmyk book publishing house. 224 p. (In Russ.).
- Khorloo, P. (1981). Poetry of Mongolian folk songs: on the issue of the varieties of the genre. Ulaanbaatar: ӨМСХХХ. 283 p. (In Mong.).
- Kitinov, B. U. (2024). *Buddhism and religious figures in the history of the four Oirats*. Moscow: IV RAS. 626 p. ISBN 978-5-907543-23-2. (In Russ.).
- Kulganek, I. V. (2010). *Mongolian poetic folklore: problems of study, collections, poetics*. St. Petersburg: St. Petersburg Oriental Studies. 240 p. ISBN 978-5-85803-413-1. (In Russ.).
- Pozdneev, A. M. (1887). *Essays on the life of Buddhist monasteries and Buddhist clergy in Mongolia in connection with the attitude of this latter to the people*. St. Petersburg: Type. Imp. Academy of Sciences. XVI, 492 p. (In Russ.).
- Sharakhshinova, N. O. (1973). *Lyrical songs of the Buryats*. Irkutsk: East Siberian book publishing house. 148 p. (In Russ.).
- Vladimirtsov, B. Ya. (1926). *Samples of Mongolian folk literature (S.-Z. Mongolia)*. Leningrad: Institute of Living East. yaz. 200 p. (In Russ.).
- Yatskovskaya, K. N. (1988). *Folk songs of the Mongols*. Moscow: Nauka. 254 p. (In Russ.).

*The article was submitted 05.10.2024;
approved after reviewing 11.12.2024;
accepted for publication 09.01.2025.*

Информация для цитирования:

Вальянов Н. А. Творчество О. Павлова в контексте литературоведческой рефлексии : обзор исследований / Н. А. Вальянов // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 1. — С. 213—236. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-213-236.

Valyanov, N. A. (2025). Works of Oleg Pavlov in Context of Literary Reflection: A Review of Research. *Nauchnyi dialog*, 14 (1): 213-236. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-213-236. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Творчество О. Павлова в контексте литературоведческой рефлексии: обзор исследований

Вальянов Никита Александрович^{1,2}

orcid.org/0000-0002-0005-1372

кандидат филологических наук,
кафедра мировой литературы
и методики ее преподавания
nick.valyanov@yandex.ru

¹ Красноярский государственный
педагогический университет
им. В. П. Астафьева
(Красноярск, Россия)

² Русская христианская гуманитарная
академия им. Ф. М. Достоевского
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
за счет гранта Российского
научного фонда № 23-18-00408,
<https://rscf.ru/project/23-18-00408/>;
Русская христианская гуманитарная
академия им. Ф. М. Достоевского

Works of Oleg Pavlov in Context of Literary Reflection: A Review of Research

Nikita A. Valyanov^{1,2}

orcid.org/0000-0002-0005-1372

PhD in Philology, Department of World
Literature and Teaching Methodology
nick.valyanov@yandex.ru

¹ Krasnoyarsk State
Pedagogical University
named after V. P. Astafyev
(Krasnoyarsk, Russia)

² Russian Christian Academy
for Humanities named after
Fyodor Dostoevsky
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number № 23-18-00408,
<https://rscf.ru/project/23-18-00408/>;
(Russian Christian Academy
for Humanities named after
Fyodor Dostoevsky)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена проблеме литературоведческой рефлексии художественного наследия современного русского писателя Олега Павлова. Материалом исследования послужили критические и публицистические статьи, литературоведческие работы о творчестве писателя, его избранные художественные произведения. Представлен опыт системного описания, обобщения и анализа поэтики Олега Павлова. В статье впервые предлагается периодизация творчества писателя. Автор выявляет и интерпретирует классические этапы творческой биографии — ранний («биографический»), зрелый («критико-публицистический») и поздний («рефлексивный»). Установлено, что литературная критика неоднозначно оценила художественное мастерство современника, выдвигая противоречивые суждения — от снисходительных и толерантных до резких и обвинительных. С одной стороны, его проза соотносилась с классической литературной традицией, а с другой — появилось клише «мрачного» писателя. Отмечается устойчивый интерес к творчеству О. Павлова в научном литературоведении. Обозначены мифопоэтическое, философское, историко-культурное и лингвистическое направления исследований. Автор приходит к выводу о том, что в актуальной филологической рефлексии открывается исследовательская перспектива в области изучения поэтики О. Павлова как представителя «нового реализма» в современной русской литературе.

Ключевые слова:

новый реализм; Олег Павлов; традиционная проза; литературная критика; литературоведческая рефлексия.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article addresses the issue of literary reflection on the artistic legacy of contemporary Russian writer Oleg Pavlov. The study is based on critical and journalistic articles, literary analyses of the author's works, and selected literary pieces. It presents an attempt at a systematic description, generalization, and analysis of Oleg Pavlov's poetics. For the first time, the article proposes a periodization of the writer's oeuvre. The author identifies and interprets the classical stages of Pavlov's creative biography — early ("biographical"), mature ("critical-journalistic"), and late ("reflective"). It is established that literary criticism has offered a mixed assessment of the writer's artistic mastery, presenting contradictory judgments ranging from condescending and tolerant to sharp and accusatory. On one hand, his prose is associated with the classical literary tradition; on the other hand, a cliché of the "gloomy" writer has emerged. The article highlights a sustained interest in Oleg Pavlov's works within academic literary studies, identifying mythopoetic, philosophical, historical-cultural, and linguistic research directions. The author concludes that current philological reflection opens up research perspectives in the study of Pavlov's poetics as a representative of "new realism" in contemporary Russian literature.

Key words:

new realism; Oleg Pavlov; traditional prose; literary criticism; literary reflection.

Творчество О. Павлова в контексте литературоведческой рефлексии: обзор исследований

© Вальянов Н. А., 2025

1. Введение = Introduction

Настоящее исследование посвящено проблеме литературоведческой рецепции художественного наследия Олега Павлова — русского писателя, чье имя с определенной долей условности связывают с поэтикой «нового реализма». В современном литературоведении творческой биографии автора уделяется незначительное внимание, что может быть обусловлено рядом причин: личными перипетиями в судьбе художника, его общественно-политическими взглядами, профессиональным отношением к актуальной словесности и, наконец, достаточно неоднозначной оценкой критики поэтических изысканий мастера.

Отсутствие системного представления о художественной картине мира писателя оборачивается ущербностью анализа его идейных, художественно-эстетических взглядов, противоречиями в соотношении авторского метода и традиции, разрозненностью в оценке творческой индивидуальности, что в целом свидетельствует о фрагментарности изучения поэтики О. Павлова. Анализ творческого метода писателя обусловлен и возрастающим интересом к изучению течения «нового реализма».

Олег Олегович Павлов (1970—2018) — современный русский писатель, критик и публицист, чье имя в актуальной русской словесности связывают с явлением «нового реализма» — литературного направления, отмечающего кризис пародийного отношения к действительности и сочетающего маркировки различных эстетических течений постмодернизма, реализма и романтизма¹. Для прозы О. Павлова характерны мотивы отчужденности, внутренних исканий, экзистенциальный тупик, неудов-

1 Термин и его определение считаются устойчивыми и общепринятыми в современном литературоведении и в критике. Этому посвящены работы Н. В. Ковтун — «Актуальная литература в зеркале манифестов (“Мой манифест” В. Распутина, “Учение ЁПС” В. Ерофеева) и “Отрицание траура” С. Шаргунова)» [Ковтун, 2016] и «Малая проза М. Тарковского в контексте “нового реализма”» [Ковтун, 2019].

летворенность и трагический жест [Ковтун, 2017]. Художественной картине мира писателя свойственно сопряжение общего и частного планов повествования. Отражение откровенно-лирического, интимного начала в сочетании с натуралистическим пафосом изображения социальной действительности выстраивают драматическое противостояние личности и истории, что, по мнению современников, свидетельствует об отношении павловского текста и к «исповедальной прозе». Присущий авторскому методу экспрессионизм, порождаемый гиперболизацией, использованием неклассических техник, гипертрофированностью изображаемой действительности, зачастую выступает аргументом в пользу гиперреализма [Ремизова, 2007].

Критики и литературоведы неоднозначно оценивают художественный талант писателя, его своеобразную — «тяжеловесную», или мучительную — манеру письма [Ремизова, 2007, с. 189—190]. При этом чтением ранних текстов автора в 1990-е годы увлекается европейская общественность [Орехова, 2020]. В начале нулевых его произведения переводились на европейские и восточные языки. В современном литературоведении существуют отдельные исследования, посвященные западным рецензиям на переводы художественных текстов мастера. Противоречивость оценок и суждений заметна в постсоветской критике и обусловлена прежде всего появлением его дебютных произведений, которые посвящены армейской тематике, описывают тяжелые будни солдат, охраняющих «зоны» и «лагеря», — повестей «Казенная сказка» (1994), «Дело Матюшина» (1997) и «Карагандинские девятины» (2001), составляющих русскую трилогию «Повести последних дней» (2001).

В актуальной критике и литературоведении прозу О. Павлова связывают с творчеством А. Платонова, Г. Владимова, А. Солженицына. Об истоках собственного художественного дарования О. Павлов размышляет в автобиографических заметках: «Духовно повлиял Андрей Платонов. Повлияло то, что, читая “Архипелаг ГУЛАГ” Солженицына, который открыт был тогда для прочтения “Новым миром”, наткнулся на описание Карабаса, того лагеря, где я, собственно, и служил...» [Павлов, 1998а, с. 5].

За свой творческий путь О. Павлов был неоднократно лауреатом литературных премий — журналов «Новый мир» (1994), «Октябрь» (1997, 2001, 2007), «Знамя» (2009). В 2012 году писателю присуждена Литературная премия А. Солженицына «за исповедальную прозу, проникнутую поэтической силой и состраданием; за художественные и философские поиски смысла существования человека в пограничных обстоятельствах». В 2017 году за актуальность и злободневность поднимаемых тем автора наградили престижной мировой литературной премией «Angelus».

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель работы — обзор и выработка системного представления о художественном творчестве О. Павлова в контексте литературоведческой рефлексии.

Предмет исследования — особенности литературоведческой рецепции поэтики писателя.

Методология исследования подразумевает использование биографического и структурно-описательного методов.

Степень изученности проблемы литературоведческой рефлексии творчества Олега Павлова маркирована разноаспектными исследованиями отечественных и зарубежных славистов. Художественное наследие писателя фрагментарно изучено в литературоведческом, лингвистическом и философском направлениях. Анализ прозы писателя посвящены работы А. К. Котлова [Котлов, 2012; Котлов, 2013; Котлов, 2016], С. В. Крыловой [Крылова, 2011; Крылова, 2014], Н. В. Ковтун [Ковтун, 2016], Е. Е. Ореховой [Орехова, 2003], Т. О. Личмановой [Личманова, 2011], Ли Синьмэй [Ли Синьмэй, 2020] и др.

Результаты настоящего исследования представляют собой опыт системного описания, обобщения и анализа творческой биографии современного реалиста, намечающие перспективу определения роли и места О. Павлова в современном литературном процессе.

В исследовании в историко-литературном контексте выявлены основные периоды творчества О. Павлова, определена их характеристика.

Ранний этап непосредственно сопряжён с биографическими событиями писателя и отражает главным образом военно-армейскую тематику, которая маркирована в его дебютном цикле лирических рассказов «Караульные элегии» (1990). Зрелый этап жизни и творчества — критико-публицистический — ознаменован выходом литературных заметок, остросоциальных очерков, мемуаристики, а также критических рецензий и отзывов, связанных с вопросами развития современной отечественной литературы («Русский человек в XX веке», «Метафизика русской прозы», «Антикритика»). Поздний период творчества писателя отмечен публикацией последнего художественного произведения — «Асистолия» (2010), ставшего настоящим литературным событием. В романе, по сути финализирующем художественно-эстетические взгляды писателя, разворачивается экзистенциальная и онтологическая проблематика, повествуется о трагической сути человеческой жизни, одиночестве «маленького человека», потерянного в жестоком и несправедливом мире, концептуализируются «бытийные» темы — жизни и смерти.

В статье проанализированы критические оценки литературного опыта О. Павлова — от снисходительных и толерантных суждений до резких вы-

сказываний и обвинения в пасквильстве; представлены основные направления научного исследования художественного мира писателя в контексте актуальной филологической рефлексии.

Материалом исследования послужили критические и публицистические статьи, литературоведческие работы, посвященные поэтике О. Павлова, избранные художественные произведения автора.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Основные периоды творчества

Выделяя ключевые этапы творчества Олега Павлова, следует разделить его поэтику на три классических периода — *ранний, зрелый и поздний*.

Ранний этап творчества (1990-е годы) ознаменован литературными произведениями армейской, или военно-лагерной, тематики, апеллирующей к биографии писателя. Служба в армии, а затем и опыт работы охранником карагандинских лагерей (в конвойных войсках Туркестанского военного округа) определит «большую» тему в творчестве начинающего художника, сформирует его мироощущение: «Жизнь человека изначально трагична перед образами смерти и в окружении непроницаемой космической черноты... Душа и сознание принуждают нас искать гармонии, мы ищем способы как бы запахнуть мир и осмыслить его, чтобы превратить его пустоту в дом» [Николаев, 1999]. Моральные издевательства над личностью, унижения человеческого достоинства, жестокие избиения в лагерях, свидетелем которых становится сам автор, наиболее полно и реалистично отразят идейно-тематическое и сюжетно-образное своеобразие ранней павловской прозы.

В постсоветскую литературу О. Павлов входит с циклом лирических рассказов «Караульные элегии» (1990). Под впечатлением от прочитанного в то время художественно-исторического исследования А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», опубликованного в «Новом мире», О. Павлов приступает к рассказам о современном Карабасе — том самом лагере, где он проходил службу. Продолжают избранную тематику этого периода рассказы из цикла «Записки из-под сапога» и сборник повествований «Правда Карагандинского полка», ставшие впоследствии частями «Степной книги» (1998), где писатель освещает конвойную тематику, выражая ее в лирических, эпических и драматических формах. Апеллируя к художественному опыту А. Платонова и А. Солженицына, автор в экзистенциальном ключе раскрывает тему трагизма человеческой судьбы, передает ощущение страха как перед смертью, так и перед самой жизнью. Показательна история ефрейтора Стрешнева, который чувствует «границу смерти», наблюдая за мучениями умирающего зэка (рассказ «Лепота»), или случай, произо-

шедший в семье прапорщика Глотова, пережившего трагическую смерть душевнобольного сына, которого он стыдился «показать миру» (рассказ «Задуманная песня»). Причиной рокового исхода становится подаренная отцом гармошка, символизирующая отеческую любовь лишь условно: в контексте истории она маркируется как знак самообмана.

Герои Павлова в платоновском стиле признают бессилие человеческого сознания перед лицом смерти, ощущают обреченность бытия; они утрачивают собственную идентичность, становятся внутренне надломленными, убогими, превращаясь в *ничто*. Симптоматично, что в заглавие книги вынесен архетипический образ степи / пустыни, соотносимый с платоновскими представлениями о жизни как «иллюзорной», «небылой», пустой, эфемерной, бесплодной, выходящей в смерть [Котлов, 2012, с. 120]. *Память о смерти* воспринимается как философская категория павловской прозы, в которой нивелирована архетипическая антиномия (жизнь / смерть, светлое / темное, праведное / грешное). Писатель нарочито избегает традиционного противостояния, чтобы продемонстрировать естественную природу смерти, следовательно, — выразить изначальный трагизм человеческого существования. Показательно это в рассказе «Конец века» (1996), где описана история рождественской ночи в приемном отделении «захудалой» московской больницы.

Повествование, с одной стороны, пронизано темой милосердия, а с другой — отсылает к известным в современной традиционалистской прозе апокалиптическим сюжетам (В. Астафьев, В. Распутин, М. Тарковский, Р. Сенчин), когда равнодушные сотрудники стационара становятся «мерилом истины» по отношению к судьбе умирающего бездомного. После исхода он уже не испытывает ни физической боли, ни душевных страданий, но при этом словно взывает к медсестре увидеть в его судьбе доподлинно человеческое. «Степная книга» явилась трудом, предваряющим философские и эстетические искания молодого автора на раннем этапе творчества.

В 1994 году в журнале «Новый мир» писатель опубликовал свой первый роман «Казенная сказка». Талант автора отметили В. Астафьев и Г. Владимов. Роман принес автору известность, выдержав несколько изданий и попав в список Букеровской премии, что стало причиной разгоревшейся вокруг произведения острой литературной полемики — от признания до жесточайшего неприятия текста, в частности, либеральной критикой, обвинившей писателя во вторичности, пошлости и неоригинальности. В романе разворачивается традиционная для отечественной литературы (анти-)бюрократическая тема, отсылающая к сатирической традиции Н. Гоголя, М. Салтыкова-Щедрина, А. Чехова, М. Булгакова, М. Зощенко. Представленный в романе образ государства как «казенной машины», безжалостно обнажающей тру-

женика («маленького человека»), маркирует конфликт, отчасти приемлемый для ранней советской литературы (М. Булгаков, А. Платонов). Покорность и безволие капитана Ивана Хабарова контрастируют с «канцелярской важностью» и равнодушием Скрипицына — «человека с портфелем», «винтика в системе», олицетворяющего государство. Сопряжение с классической традицией в прозе О. Павлова очевидно как на идейно-тематическом (тема маленького человека, идея противостояния человека и власти), так и на сюжетно-образном уровнях художественного повествования (образы казенного дома, шинели, переписчика, «человека в футляре»).

В 1997 году в журнале «Октябрь» был опубликован роман писателя — «Дело Матюшина» — как авторское размышление о «казарменном» человеке, судьба которого изначально predeterminedена его «дремотным сознанием», «жизнью взаперти». О. Павлов изображает героя, осознанно отделяющего свою судьбу как от истории собственной семьи (отца, матери, брата), так и от истории своего народа, заслоняя её казарменными стенами / границей. Матюшин — пограничный персонаж, совершающий «преступление без идеи», «идущий мимо истории», «убывающий в чувстве собственной жизни», отстаивая личные пределы [Кокшенева 2000]. Критика неоднозначно оценила роман: одни отсылали к яркой, живой, плодотворной реалистической традиции, открывая в произведении народнические тенденции прозы Г. Успенского и художественную преемственность с А. Платоновым и А. Солженицыным [Борисова, 1998]; другие и вовсе считали роман воплощением «мертвой» художественной эстетики, где органико-народнический пафос словно «бухает в пустоту» [Елисеев, 1999, с. 191].

Финализирует ранний этап творчества итоговая повесть «“русской” трилогии» «Карагандинские девятины» (2001), после издания которой писатель был удостоен Букеровской премии, чуть позже — подвергнут резкой критике Н. Переяслова, заявившего: «...более точного определения, чем “пасквили” для того, что делает в своей “армейской прозе” этот писатель, трудно и придумать» [Переяслов, 2002, с. 171].

Переходом от раннего этапа творчества к зрелому послужил выход павловской статьи «Тотальная критика», в которой автор резко осуждает бездарных, непрофессиональных критиков — тех, «у кого не хватило таланта, ума, совести, чтобы быть художниками, но кто без права на то судит художников» [Павлов, 19986]. В литературной критике происходит основательная переоценка его творчества. Переходный период творчества представлен небольшими рассказами и повестями автобиографического характера («Сны о себе», «Яблочки от Толстого», «Школьники», «В безбожных переулках»).

Зрелый этап творчества (2002—2009 годы) ознаменован произведениями мемуарного, критического и публицистического характера. Ведущим трудом писателя в этот период становится цикл полемических материалов «Антикритика» (2005), собранный по большей части из авторских (газетных и журнальных) публикаций периода 1990-х. Обращение к критике как роду литературной деятельности в этот период обусловлено стремлением О. Павлова переосмыслить в ретроспективе ее пограничное состояние (переход от советской к постсоветской критике), обозначить *переживание кризиса*, определить её погрешности и тем самым продемонстрировать ее нежизнеспособность как социального института. Так, например, О. Павлов указывает на нежелание ведущих представителей постсоветской критики *изучать* литературное произведение, познавать его художественность, идейность, а не *субъективно интерпретировать* язык, стиль и содержание. Павлов-критик призывает отказаться от потребительского отношения к тексту (просто-го, бессмысленного, чтения) и перейти к творческому (исследовательскому) осмыслению его природы — от факта *познания* к факту *понимания*. Доводы О. Павлова о том, что критика, подобно литературе, «отстраняет и приближает свое время, чтобы достичь наивысшей подлинности изображения», порождает полемику в среде современников, несогласными с его эстетическими убеждениями и порой даже обвиняющими его в противоречивости и нелогичности приводимых аргументов. Критическую прозу О. Павлова делает уязвимой и его преданное отношение к традиционному реализму («... *реализм есть наша вера...*»), которое порождает личную предубежденность, например, в противовес постмодернизму. Автор называет постмодернистскую («ироническую») литературу *плодом безверия и безвременья* («Метафизика русской прозы»).

О. Павлов последовательно и убедительно высказывается в защиту традиционных приоритетов национальной словесности — её нравственного, духовно-философского, подлинно эстетического начала. Он выступает против засилия и насаждения низкосортной беллетристики, непосредственно связывая расцвет подобной литературы с кризисом большого эпического стиля и литературных традиций [Павлов, 2005]. В книге критики О. Павлов демонстрирует основные тенденции литературного процесса 1990-х годов, раскрывает собственные взгляды на место и роль писателя, определяет судьбу русского реализма и отечественной литературы в целом. В этот же период автор публикует очерки «Гефсиманское время», продолжающие традиции публицистики А. Солженицына («Русский вопрос к концу XX века», «Россия в обвале»), куда позже будут включены ведущие критические этюды: «Русские письма», «Русская литература и крестьянский вопрос», «Русский человек в XX веке». В сборнике уточняется, что почвой для размышления

послужили письма людей, адресованные Солженицыну в начале 90-х годов и опубликованные с его согласия. Каждое письмо содержало просьбу при-
дать написанное гласности [Павлов, 2011].

«Русские письма» О. Павлова явились знаковым произведением в его публицистике, представленным в жанре остросоциального критического этюда, где автор отразил ключевые проблемы русского общества. Очерки, как отмечают критики, «не вписываются в общий духовный настрой современной литературы» [Варава, 2000]. Соприкасаясь с письмами соотечественников, Павлов-критик размышляет о бедах России — пытается понять её, переломную, *изнутри* (заметим здесь «критический» почерк А. Солженицына). Рассуждения о будущем России, озадаченность писателя её нравственными проблемами, неразрешимыми вопросами существования в постперестроечное время коррелируют с публицистикой традиционалистов; идейно сближают повествование О. Павлова с рассуждениями А. Солженицына, В. Шукшина, В. Распутина и В. Астафьева, открыто заявляющими на закате культурной эпохи о трагедии России, зашедшей в тупик и потерявшей направление: «Открытие слов, волевое превращение личного да тайного в общую боль — и есть русское письмо... <...> Дошедшие до нас русские письма все возникают, как человеческие голоса, из пустот не мирных времен, а самых трагических, как глас вопиющего в пустыне. Это всегда письма от жертвы к палачу. Обличение и покаяние ходят рядышком по русской крови, в письмах русских» [Павлов, 2011, с. 7—78].

Статья-исследование «Русская литература и крестьянский вопрос» (2005) написана на грани истории литературы и социологии. Главными её героями являются писатели народной темы — от А. Радищева до Б. Екимова. Крестьянский вопрос — вопрос о земле — выводит автора к проблемам совершенно иного порядка: крестьянство и культура, вера и отречение от неё, утопия крестьянская и утопия коммунистическая [Kovtun et al., 2018, pp. 315—337]. Эти проблемы рассматриваются им в литературно-философском контексте. О. Павлов высказывает ряд образно-теоретических положений, например, о причинах рождения эпической формы в литературоведении. Или о появлении феномена деревенской прозы: «Новых писателей объединила не крестьянская тема, заявленная ещё до них, а энергия нового жизненного опыта. Вот почему рассказы и повести разных авторов <...> прочитываются как целое, становятся собранной в духовное и художественное единство прозой <...> Это не приобщение разных авторов к эпической традиции, а эпическое единство судеб» [Павлов, 2011, с. 123].

Трагическое звучание русской прозы XX века, по мнению Павлова-критика, пронизано «тоской по погибшим», которую разделили со своим народом страдающие и сострадающие писатели, чьи произведения стали

«искупительной жертвой» уцелевших. Прозаик отмечает одну из перво-степенных проблем нынешнего писателя: как утверждает К. Кокшенева, это его «пренебрежение осмыслением», «презрение к уму», что искажает смысл писательского служения и само по себе является вредным. О. Павлов рассуждает о сущности русского реализма как свободном и органическом дыхании русской литературы. Публицист отмечает родовые черты традиционного реалистического понимания мира, невозможного без высокого смысла, идущего от христианской этики.

Необходимо отметить, что зрелый этап творчества маркирован долгим молчанием писателя, канувшего, как объясняли его исчезновение критики, «в пустоту небытия» (М. Ремизова). Завершит условно намеченный этап творчества издание авторской серии «Проза Олега Павлова» (2007—2009), в которой будут опубликованы значительные художественные сочинения мастера.

Поздний этап творчества (2010—2018) отмечен как момент переосмысления и переоценки собственного дара. Центральным литературным событием этого периода становится выход в свет романа «Асистолия» (2010), вызвавшего в читательской среде «эмоциональный шок». Наименование произведения буквально отсылает к значению *остановки сердца* (= *жизни*). Пронизанный откровенным началом и доверительной интонацией роман отсылает одновременно и к «исповедальной прозе», и к экзистенциальной художественной традиции в целом. Историю художника, одержимого идеей смерти, писатель выводит на уровень сверхбытийного осмысления. О. Павлов выводит героя, устраивающего любовные свидания на кладбищах и страдающего от каждого мелкого недоразумения. По сути, выстраивая сюжет в инфернальном пространстве, автор закладывает мрачно-экзистенциальные смыслы, характерные для его ранней картины мира. В фирменном павловском стиле отражены мотивы несостоявшейся любви, а отсюда — беспросветного восприятия жизни, абсурдистского существования «потерянного» человека, его отчужденности и разобщенности с миром как таковым. Современники оценят литературное произведение неоднозначно: одни назовут «Асистилю» *романом-тупиком* (Е. Ратникова) и *психологической автобиографией* (К. Мильчин), другие — *рефлексией на смерть* (Е. Ермолин), *историей болезни* (Н. Анико) или вовсе *потоком сознания* (С. Беляков), талантливо исполненного в классических традициях европейской прозы.

Стоит также отметить, что развитие последнего творческого этапа продолжает издававшаяся почти 16 лет книга «Дневник больничного охранника», представленная как хроника приемного отделения обыкновенной московской больницы, через которое прошли тысячи человеческих судеб».

Последние годы жизни О. Павлов практически не появлялся в русской литературе, за исключением выхода периодической серии литературных произведений («Проза Олега Павлова»), в числе которых до 2014 года выходят в свет ключевые романы раннего периода творчества. Сам писатель в это время изредка выступает в СМИ, при этом беспартийно высказываясь о состоянии современной художественной словесности, ругая представителей либерально-критического лагеря, которым, как считал писатель, неподвластно истинно внутреннее восприятие и познание настоящей литературы.

3.2. Рецепция творчества О. Павлова в современной литературной критике

Анализируя творчество писателя в зеркале современной критики, следует отметить неоднородность полемических оценок. Противоречивые суждения о художественном таланте, самостийности О. Павлова — от резко критических, местами пасквильных, до лояльных и благожелательных отзывов — обусловлены рядом факторов. Во-первых, сменой литературно-критической формации в русской литературе на этапе постперестройки. Во-вторых, социально-политическими процессами, происходившими в стране: отменой единой государственной идеологии, отказом от цензуры, общей либерализацией нравов, отсюда — формированием иной мировоззренческой конъюнктуры ряда изданий, следовательно, политизацией литературной критики как таковой, но в других условиях. В-третьих, экономическим переделом литературного пространства (особенно — в части литературных премий), порожденным складыванием новых рыночных отношений [Иванова, 2003].

Так, например, часть левого лагеря — либерально настроенных критиков — указывали на «вторичность», «несамостоятельность», «чернушность» и непоследовательность художественной прозы О. Павлова. Уже ранние произведения современного реалиста («Караульные элегии», «Карагандинские девятины», «Конец века») подверглись достаточно жесткой критике: его обвиняли в несправедливых оценках российской армии, пошлости в описании состояния постсоветской медицины, неверном восприятии и отражении современных художественных типов в актуальной литературе. Создание тяжелых и мрачных реалистических произведений О. Павловым (как, например, история лагерного охранника, ставшего убийцей поневоле) вызывает возмущение у части литературной публики, учившейся жить с новыми моральными взглядами, внутренне не готовой к жесткой правде, основательному и глубокому натурализму. С одной стороны, это объясняется особенностью либеральной критики 1990-х годов, которая, по словам М. Липовецкого, выражалась в «полном отсутствии системных дискуссий между разными изданиями», что обусловило, своего рода, аморфность и беспринципность некоторых известных журналов —

«писать обо всем, кроме фашизма» (С. Чупринин, «Знамя»). Это породило спорадическую ситуацию в литературной среде: например, когда в авторитетных изданиях публиковались статьи, содержащие диаметрально противоположные оценки обсуждаемых произведений или течений, или, к слову, формировалось равнодушное отношение к своей литературной деятельности и самих критиков, каждый из которых, как правило, публиковался сразу в нескольких изданиях одновременно.

С другой стороны, полемическая разрозненность в оценке художественной поэтики О. Павлова обусловлена «системной» конфронтацией литературных изданий, часть из которых поддерживает художественные произведения, отмеченные «печатью постмодернистской эстетики» («Октябрь», «Знамя», «Дружба народов», «Независимая газета»), часть отстаивает принципы традиционного реализма («Новый мир», «Континент»). Следовательно, полемика о постмодернизме и реализме внутри либерального лагеря критиков и приводит к идеологическому расколу [Липовецкий, 2011, с. 635—640]. Свидетельствует об этом и М. Ремизова, утверждающая противоборство двух ведущих литературных лагерей: «новаторов» и «консерваторов». В критике, как и в словесности в целом, высказывалось обоюдное недовольство друг другом — «первые тяготеют к теоретизированию по поводу онтологического конца прежней художественной системы, откуда следует вывод о принципиальной невозможности создания текста на старых принципах, вторые склонны апеллировать к достижению мировой культуры вообще <...> считая прошлые заслуги достаточным аргументом в пользу собственного настоящего» [Ремизова, 2007, с. 11].

Изучая павловские произведения, некоторые критики смело заявляли о том, что «отшелушиться» от «армейского» клеяма, нанесенного ранними текстами на творческую биографию писателя, ему позволило обращение к традиционной проблематике, отсылающей к текстам классической литературы (автобиографические рассказы переходного этапа «Сны о себе», «Яблочки от Толстого», «Школьники»). Но и здесь в поле художественной критики нашлись недоброжелатели, заявляющие, что «мрачная» проза О. Павлова «волочит, тащит за собой инерция великой, но мертвой традиции. Народническая традиция <...>, ныне мертва. Страдания и многотерпеливость русского народа нынче как-то не убеждают» [Елисеев, 1999, с. 191].

Воссоздание в литературном повествовании О. Павлова трагического фона «девяностых», стремление к эмпирическому изображению пережитых событий (лично увиденных и прочувствованных автором), возможность «посветить фонариком в мрачное жизненное захолустье» сподвигало критиков (К. Анкудинова, А. Агеева, Н. Елисеева, Н. Переяслова) обвинять писателя в излишней субъективности, прямолинейности и серьезности, отсут-

ствии иронии, приемов отстранения, игровой стратегии; уверять читателей в неубедительности христианского пафоса его произведений, созданных на фоне развернувшегося общественно-политического и социокультурного хаоса. Впрочем, для «новой» прозы, представляющей собой «тип интеллектуальной игры, никоим образом не затрагивающей глубоких струн личности» [Ремизова, 2007, с. 13], характерно смешение магистральных ценностей; следовательно, тема сострадания и милосердия, приемлемая для павловской картины мира, становится периферийной, неинтересной, малоубедительной не только для читателей, но и для критики. В этом отношении достаточно вспомнить опыт критических публикаций произведений В. Астафьева («Людочка»), Г. Владимова («Генерал и его армия») и др.

Так, например, критик К. Анкудинов в беседе с А. Карасевым [Анкудинов, 2018], характеризуя павловский стиль и метод в последнем романе «Асистолия», отмечает неспособность современного писателя к самокритике и саморефлексии, невозможность отрешиться от поэтики *мерзкого* и *чудовищного* и преодолеть трагические обстоятельства в повествовании техникой отстранения или юмористическими приемами («В ней нелепо, нездорово, катастрофически отсутствует чувство юмора»). Здесь профессиональные суждения критика контрастируют с его личными убеждениями о таланте писателя («Павлов не преосуществлял искусство до конца. Он кормил нас полуфабрикатами»).

Симптоматично, что литературная деятельность О. Павлова (в частности, критическая) подняла «большую волну» в русской литературе девяностых, выявив страхи и опасения «культурного общества, состоящего сплошь из эстетических и этических законодателей»: «страх перед способностью русского человека спастись русской литературой», «страх перед прямым зрением на нашу жизнь, в которой можно видеть “мерзости”, а можно — лихо, нужду и беду» [Кокшенева, 2000, с. 174—185]. К. Кокшенева, описывая состояние литературы и критики 1990-х, манифестирует: «Именно желание “все перепутать” (беду с уродством, подлинное страдание с фальшивым) выдает с головой как профессиональных защитников реализма, так и стойких приверженцев эстетики “нечистот жизни”». Отстаивая правоту павловских произведений, критик утверждает: «Страх перед трагическими и серьезными размышлениями о жизни и о смерти родил катастрофическое количество игровых произведений, авторы которых, обуреваемые зудом мнения, с удовольствием рассуждают при этом о “ничтожестве русской литературы”, о ее поражении, конце <...>» [Кокшенева, 2000, с. 174—185].

Правые критики, или консервативный лагерь, всячески поддерживающие реалистический опыт современной литературы, именуют прозу О. Павлова живой и плодотворной, указывая на то, что ему — одному из

немногих «властителей дум» — удается писать «не характер, но судьбу, органику рода» [Борисова, 1998, с. 160—191]. К. Кокшенева, М. Ремизова, усматривая «тяжеловесный», «мучительный», «вязкий» стиль повествования в текстах О. Павлова, отмечают влияние художественного опыта отечественной литературы XX столетия. Неслучайно представители «консервативной» критики относят творчество писателя к продолжению лучших реалистических традиций, называя его «современным Платоновым» или «новым Солженицыным» (здесь отмечается влияние публицистических традиций писателя). Условно разделяя это мнение, критик А. Агеев акцентирует: «У Павлова эта речь натужно и грубо стилизована, и рождается из нее образ отталкивающе-фальшивый, насквозь литературный — этакий гибрид странствующих идеалистов Платонова и солженицынского хитроумного “простеца” Ивана Денисовича» [Агеев, 1995, с. 176].

Приверженность реалистическому художественному методу и традиции особо подчёркивает факт присуждения О. Павлову в 2012 году литературной премии А. Солженицына, финансируемой Русским общественным фондом писателя. В Уставе, размещенном на официальном сайте организации, отмечается: «Премией награждаются писатели, чье творчество обладает высокими художественными достоинствами, способствует самопознанию России, вносит значительный вклад в сохранение и бережное развитие традиций отечественной литературы» («Устав Литературной премии Александра Солженицына»).

Некоторые литературные мыслители, искренне сочувствуя павловским героям, отмечали «пронзительные интонации христианской жалости к выброшенному на дно жизни человеку» (о рассказе «Конец века»). П. Басинский, основательно изучая павловскую прозу, размышляет о том, что она «была заточена на страдающего человека» [Басинский, 2018]. М. Ремизова утверждает, что прозу писателя выгодно отличает от большинства современных литераторов «отсутствие позы и унижительного фиглярства», когда Павлов не боится показаться «слишком серьезным — во время общей двусмысленности и шутовского декаданса» [Ремизова, 2007, с. 192]. Ряд критиков и исследователей творчества писателя заявляют о нем как об одном из немногих представителей «нового реализма», кто относился к литературе с предельной серьезностью.

Две основные тенденции в представленных критических суждениях Ю. Щербинина назвала «иронической» и «сентиментальной» [Щербинина, 2012]: одни рецензенты «посмеиваются над пафосом страдания и упрекают писателя в отсутствии чувства юмора», другие «видят в произведениях этого автора лишь беспросветную тоску да свинцовые мерзости жизни». Она полагает, что эти оценки «сходятся в тенденциозности и

ограниченности восприятия литературного текста», так как проза О. Павлова принципиально отличается «художественной универсальностью и глобальностью проблематики» [Щербинина, 2012, с. 205]. В. Бондаренко в связи с присуждением О. Павлову премии А. Солженицына категорично заявит: «Он не некий народолюбец или социальный разоблачитель грязи (хотя его очерки бывают крайне беспощадны), он нутром своим чувствует боль своих героев, мучится и корчится вместе с ними, но всегда видит свет в конце туннеля. По сути он — светлый художник» [Бондаренко, 2012]. Неоднозначность критических замечаний, которые принципиально отличали публикуемые рецензии на произведения О. Павлова, прослеживается по отношению к его избранным произведениям. Так, например, о цикле «Повесть последних дней», претендовавшем на премию «Национальный бестселлер» (2002), вышли разгромные полемические статьи с метафорическими названиями — «Манихейский вариант» К. Анкудинова [Анкудинов, 2002, с. 166—172] и «“Баланда” о солдате» Н. Переясллова [Переяслов, 2002, с. 171]. Известный критик Д. Быков безапелляционно заявит о том, что роман О. Павлова «Карагандинские девятины», вошедший в названный цикл, «довольно плох» [Быков, 2011, с. 197—202]. Иные критики и вовсе иронизируют над повествовательной манерой писателя, отмечая ее «неврозность», «кошмарность» (Н. Анико), «мрачность» и «безысходность» (К. Анкудинов); самого писателя называют «героем несчастливой андерсеновской сказки “Тень”» (Л. Новикова). Писателя упрекали за отсутствие художественной трансформации, «прорыва к новой правде» [Пустовая, 2010, с. 193—196], навязывание сюжетов о наркомании и упадничестве, где есть место унынию, тоске и малодушию.

Оценивая образную систему произведений О. Павлова, некоторые критики сходятся во мнении, что типично-павловский персонаж представляется «героем-нытиком, заслуживающим либо язвительных уколов, либо слезливой жалости» [Щербинина, 2012, с. 205—2013], но в чем ему действительно нельзя отказать, так это в том, что он ведет непрерывную внутреннюю работу по преодолению слабости, искуплению греха, изживанию страха. Справедливо полагать, что представленные художественные образы *терпил* и *потерпевших* в павловской картине мира трансформируются: герой имеет перспективу перерождения через экзистенциальные испытания, через проявление любовью — к ребенку, матери, женщине, к ближнему, где автору видится возможность излечить человеческую душу клевой, оберегом и мольбой.

3.3. Поэтика писателя в зеркале академического литературоведения

В академическом литературоведении художественное наследие О. Павлова изучено достаточно фрагментарно; отсутствуют и исследова-

ния системного характера, позволяющие целостно рассмотреть авторскую картину мира.

Ключевой работой в области изучения павловской прозы стоит назвать диссертацию Е. Е. Ореховой [Орехова, 2003б]. Она исследует образную систему «Степной книги» писателя, выявляет особенности социального самоопределения героев; акцентирует внимание на проблеме хронотопа (природный, социальный), маркирует бытийные координаты существования героев. Исследователю принадлежит ряд литературоведческих работ, посвященных прозе современного реалиста, вопросам художественной проблематики и поэтики, языка и стиля писателя, связи с предшествующей литературной традицией.

Кроме того, следует отметить имена современных славистов, изучающих *мифопоэтический* [Котлов, 2012; Котлов, 2014]; *философский* [Личманова, 2011; Котлов, 2013; Васильева, 2015; Орехова, 2020;], *историко-культурный* [Крылова, 2011; Котлов, 2016], *языковой* [Орехова, 2003а] контекст избранных произведений писателя. *Мифопоэтический* контекст исследования предполагает интерес к изучению фольклорных и христианских мотивов, жанровому своеобразие; *философский* вектор научных изысканий направлен на выявление онтологической и экзистенциальной проблематики, отраженной в ведущих произведениях О. Павлова («Степная книга», «Казенная сказка», «Асистолия»), осмысление метафизики и этической корреляции как концептуально-мировоззренческих категорий авторского письма. Особое внимание здесь уделяется теме жизни и смерти, судьбы, диалектике света и тьмы в их сюжетно-типологическом освещении. В *историко-культурном* аспекте исследования выявляются проблемы реализации архетипа пространства, времени и героя; акцентируется внимание на вопросах художественного метода и литературной традиции. *Лингвистическое* направление исследований павловской прозы отражает особенности её поэтического языка, речевой организации текстов, выразительных средств и топонимики.

Обозначая ряд ведущих научных трудов в области изучения художественного мира автора, следует отметить исследовательский интерес к анализу поэтики, как правило, ранних текстов — «Казенная сказка», «Карагандинские девятины», «Дело Матюшина», «Степная книга». По отношению к этому комплексу текстов в целом выявлены жанровые особенности, рассмотрена сюжетно-мотивная и образная структура повествования, определены ведущие характеристики павловского хронотопа, исследованы языковые и стилистические приемы авторского письма. Проза писателя находилась в фокусе внимания китайских ученых, отмечавших его «редкий талант в современной русской литературе» [Ли Синьмэй, 2020].

Особого внимания, как нам видится, заслуживает аспект изучения зрелого — критико-публицистического — этапа творчества О. Павлова [Крылова, 2014], лишенный актуальной литературоведческой рефлексии, но заявляемый в перспективе достаточно любопытным предметом научного интереса.

4. Заключение = Conclusions

Художественная проза О. Павлова — заметное явление современной русской словесности. Писатель входит в большую литературу с достаточно жесткой социально-критической темой, одновременно пронизанной откровенно-интимной тональностью, исповедальным началом, дидактизмом.

Мы выявили основные этапы творческой биографии писателя, определили идейно-тематическое своеобразие авторской картины мира, рассмотрели художественные особенности её трансформации. Отметим, что предметом изображения в поэтике О. Павлова зачастую становятся темы «маленького человека», повседневного трагизма бытия, экзистенциального тупика, нравственно-этической деградации человека, соотносимые с мотивами уныния, духовной потерянности. «Карнавальность», «травестирование смерти», в которых так часто обвиняли современника, становятся едва ли не стержневой историей его прозы, что свидетельствует об эволюции взглядов писателя. Если на раннем этапе творчества О. Павлов *натурализирует* тему смерти и страха перед смертью, заставляет человека бороться с жестокостью, жизненными драмами, противостоять им («Степная книга», «Повести последних дней»), то в поздних произведениях («Асистолия») его герой тоскует по человечности, ищет выход в запретное, в его образе угадывается подлинное стремление познать тайны инобытия, соприкоснуться с Богом. На зрелом этапе творчества О. Павлов продемонстрировал и свое критическое мастерство, размышляя о современном состоянии русской литературы, роли и месте писателя, полемизируя с профессиональной критикой о подходах к оценке литературных произведений. Полемическая деятельность писателя развернулась, с одной стороны, в область непрофессионализма существующей критики, которая фрагментарно интерпретирует текст, не способна исследовать художественное произведение во всей его полноте и целостности — от познания к пониманию; с другой стороны, Павлов-критик, вослед А. Солженицыну, размышляет о нравственном положении России, ее ситуации на распутье.

В исследовании проанализированы ведущие полемические оценки художественного мира О. Павлова. Критика неоднозначно оценила дарование современника: с одной стороны, его проза соотносилось с классической литературной традицией, а с другой — появилось клише «мрачного» пи-

сателя. Дискуссионность оценок обусловлена некоторыми основаниями: во-первых, традиционно идеологическим подходом к осмыслению художественного произведения автора (либеральный / консервативный); во-вторых, сменой литературно-критической формации и идейной борьбой внутри критического лагеря, характеризующейся противостоянием изданий, отстаивающих разные принципы литературного письма (модернисты / реалисты; новаторы / консерваторы); в-третьих, новыми экономическими отношениями, порождающими передел литературного пространства.

В академическом литературоведении, как мы старались показать, изучению художественного мира автора уделяется довольно скромное внимание. Отсутствуют фундаментальные исследования системного характера, посвященные изучению прозы О. Павлова в *историко-литературном контексте* (осмысление основных этапов жизни и творчества писателя, соотносённость с художественной традицией); в *литературно-критическом дискурсе* (выявление и анализ существующих критических подходов к прозе и публицистике автора); в *теоретико-литературной парадигме* (интерпретация художественного метода, языка и стиля: анализ образной системы, хронотопа и других литературоведческих категорий). При этом отметим, что существующие научные труды представляют собой значимый научный задел, что открывает исследовательскую перспективу в области изучения поэтики О. Павлова как представителя «нового реализма» в современной русской литературе.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Анкудинов К. Олег Павлов : живое и мертвое слово [беседа Александра Карасева и Кирилла Анкудинова] [Электронный ресурс] / К. Анкудинов // Профессионалы о таланте. Литературная Россия : [интернет-портал]. — 2018. — № 41. — Режим доступа : <https://litrossia.ru/item/oleg-pavlov-zhivoe-i-mjortvoo-slovo/> (дата обращения 12.03.2024).
2. Басинский П. Трудно быть большим. О прозе Олега Павлова [Электронный ресурс] / П. Басинский // Год литературы. — 2018. — 16 октября. — Режим доступа : <https://godliteratury.ru/articles/2018/10/16/trudno-byt-bolshim-ob-olege-pavlove> (дата обращения 15.01.2024).
3. Бондаренко В. Восхождение Олега Павлова [Электронный ресурс] / В. Бондаренко // Завтра. — 2012. — № 18 (964). — Режим доступа : <https://zavtra.ru/blogs/voshozhdenie-olega-pavlova> (дата обращения 16.01.2024).
4. Варава В. Русские письма — русский апокалипсис [Электронный ресурс] / В. Варава // Русский переплет : [литературный интернет-журнал]. — 2000. — 10 августа. — Режим доступа : <https://pereplet.ru/text/holm.html> (дата обращения 14.03.2024).
5. Николаев А. XX век : веки истории — веки судьбы. На вопросы анкеты отвечают Игорь Клех, Олег Павлов, Юрий Буйда [Электронный ресурс] / А. Николаев // Дружба народов. — 1999. — № 9. — Режим доступа : <https://magazines.gorky.media/druzhba/1999/9/xx-vek-vehi-istorii-vehi-sudby-5.html> (дата обращения 17.02.2024).

6. Павлов О. Антикритика. Литература глазами писателя / О. Павлов. — Пермь : Книжный мир, 2005. — 222 с. — ISBN 5-93824-006-2.
7. Павлов О. Гефсиманское время / О. Павлов. — Москва : Время, 2011. — 288 с. — ISBN 978-5-9691-0651-2.
8. Павлов О. Степная книга : повествование в рассказах / О. Павлов. — Санкт-Петербург : Лимбус-Пресс, 1998а. — 157 с. — ISBN 5-8370-0213-8.
9. Павлов О. Тотальная критика [Электронный ресурс] / О. Павлов // Завтра : [газета]. — 1998б. — № 51 (264). — Режим доступа : <https://zavtra.ru/blogs/1998-12-2281> (дата обращения 12.03.2024).

Литература

1. Агеев А. Самородок, или Один день Олега Олеговича / А. Агеев // Знамя. — 1999. — № 5. — С. 173—180.
2. Анкудинов К. Манихейский вариант / К. Анкудинов // Новый мир. — 2002. — № 5. — С. 166—172.
3. Борисова И. Схлест / И. Борисова // Дружба народов. — 1997. — № 2. — С. 160—191.
4. Быков Д. Своя правда / Д. Быков // Континент. — 2011. — № 150. — С. 197—202.
5. Васильева Т. И. Концептуальная оппозиция «жизнь—смерть» в «Степной книге» О. Павлова / Т. И. Васильева // Казанская наука. — 2015. — № 4. — С. 123—126.
6. Елисеев Н. Пятьдесят четыре / Н. Елисеев // Новый мир. — 1999. — № 1. — С. 178—193.
7. Иванова Н. Б. Скрытый сюжет. Русская литература на переходе через век / Н. Б. Иванова. — Санкт-Петербург : Русско-Балтийский информационный центр «Блиц, 2003. — 559 с. — ISBN 5-86789-117-8.
8. Ковтун Н. В. Актуальная литература в зеркале манифестов («Мой манифест» В. Распутина, «Учение ЁПС» В. Ерофеева и «Отрицание траура» С. Шаргунова) / Н. В. Ковтун // LITERATURA. — 2016. — Т. 58. — № 2. — С. 52—65.
9. Ковтун Н. В. Малая проза М. Тарковского в контексте «нового реализма» / Н. В. Ковтун // Гуманитарный вектор. — 2019. — Т. 14. — № 5. — С. 39—50. — DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-5-39-50.
10. Ковтун Н. В. Русская традиционалистская проза XX—XXI веков : генезис, мифопоэтика, контексты / Н. В. Ковтун. — Москва : ФЛИНТА : Наука, 2017. — 600 с. — ISBN 978-5-9765-3330-1.
11. Кокшенина К. Больно жить: о прозе Олега Павлова / К. Кокшенина // Москва. — 2000. — № 5. — С. 174—185.
12. Кокшенина К. Олег Олегович Павлов / К. Кокшенина // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Биобиблиографический словарь. — Москва : Олма ПРЕСС Инвест. — 2005. — Т. 3. — С. 6—9. — ISBN 5-94848-211-1.
13. Котлов А. К. Диалектика света и тьмы в метафизическом пространстве романа Олега Павлова «Дела Матюшина» / А. К. Котлов // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. — 2013. — № 5. — С. 126—129.
14. Котлов А. К. Традиции Андрея Платонова в прозе Олега Павлова : к постановке проблемы / А. К. Котлов // Духовно-нравственные основы русской литературы. — Кострома : Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова, 2016. — С. 217—219.
15. Котлов А. К. Фольклорно-мифологические истоки хронотопа «Казенной сказки» О. Павлова / А. К. Котлов // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. — 2012. — Т. 18. — № 4. — С. 137—141.

16. Котлов А. К. Христианские мотивы и образы в прозе Олега Павлова / А. К. Котлов // Духовно-нравственные основы русской литературы. — Кострома : Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова, 2014. — С. 178—181.

17. Крылова С. В. Архетип героя в повести Олега Павлова «Казенная сказка» / С. В. Крылова // Studia Rossica Posnaniensia. — 2011. — Т. 36. — С. 161—171.

18. Крылова С. В. Олег Павлов : критик и антикритик (по книге О. Павлова «Антикритика», 2005) / С. В. Крылова // Судьбы курсив — курсив литературы. К юбилею профессора Нэллы Михайловны Щединой. — Москва : Московский государственный областной университет, 2014. — С. 428—436.

19. Ли Синьмэй. Современная русская литература в Китае : обзор исследований / Ли Синьмэй // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. — 2020. — № 4 (69). — С. 103—130. — DOI: 10.37724/RSU.2020.69.4.012.

20. Липовецкий М. Н. Критические дискуссии 1990-х годов / М. Н. Липовецкий // История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи : [сборник статей] / под редакцией Е. Добренко и Г. Тиханова. — Москва : Новое литературное обозрение, 2011. — 791 с. — ISBN 978-5-86793-918-2.

21. Личманова Т. О. Образ смерти в «Степной книге» Олега Павлова / Т. О. Личманова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2. Филология и искусствоведение. — 2011. — № 3. — С. 22—25.

22. Орехова Е. Е. Речевые средства выражения ценностной ориентации персонажей и автора в «Степной книге» Олега Павлова / Е. Е. Орехова // Труды молодых ученых Воронежского государственного университета. — 2003а. — № 2. — С. 168—173.

22. Орехова Е. Е. Судьба и время : архетип русского писателя в интерпретациях жизни и творчества Олега Павлова / Е. Е. Орехова // Русская литература в иностранной аудитории. — Санкт-Петербург : Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2020. — С. 124—130.

23. Орехова Е. Е. Художественный мир «Степной книги» О. Павлова : Герой. Среда. Поэтика : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Е. Е. Орехова. — Воронеж, 2003б. — 183 с.

24. Переяслов Н. «Баланда» о солдате / Н. Переяслов // Октябрь. — 2002. — № 6. — С. 171.

25. Пустовая В. Сердоболия / В. Пустовая // Новый мир. — 2010. — № 7. — С. 193—196.

26. Ротай Е. М. «Новый русский реализм» : основные признаки литературного проекта / Е. М. Ротай // Культурная жизнь Юга России. — 2011. — № 3. — С. 73—74.

27. Серова А. А. Новый реализм как художественное течение в русской литературе XXI века : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / А. А. Серова. — Нижний Новгород, 2015. — 290 с.

28. Щербинина Ю. Сквозное сердце : очерк творчества Олега Павлова / Ю. Щербинина // Знамя. — 2012. — № 3. — С. 205—213.

29. Kovtun N. The Traditionalist discourse of contemporary Russian literature : from the neo-traditionalism to «new realism» / N. Kovtun, N. Klimovich // The Art of Words Journal of Literary, Theatre and Film Studies. — 2018. — № 3/4. — Pp. 315—337.

Статья поступила в редакцию 04.11.2024,
одобрена после рецензирования 15.12.2024,
подготовлена к публикации 29.01.2025.

Material resources

- Ankudinov, K. (2018). Oleg Pavlov: the living and the dead word [a conversation between Alexander Karasev and Kirill Ankudinov]. *Professionals about talent. Literary Russia: [Internet portal]*, 41. Available at: <https://litrossia.ru/item/oleg-pavlov-zhivoe-i-mjortvovoe-slovo/> (accessed 12.03.2024). (In Russ.).
- Basinsky, P. (2018). It's hard to be big. About Oleg Pavlov's prose. *The year of literature. October 16*. Available at: <https://godliterary.ru/articles/2018/10/16/trudno-byt-bolshim-ob-olege-pavlove> (accessed 15.01.2024). (In Russ.).
- Bondarenko, V. (2012). The Ascent of Oleg Pavlov. *Tomorrow*, 18 (964). Available at: <https://zavtra.ru/blogs/voshozhdenie-olega-pavlova> (accessed 16.01.2024). (In Russ.).
- Nikolaev, A. (1999). XX century: milestones of history — milestones of fate. The questionnaire questions are answered by Igor Klekh, Oleg Pavlov, Yuri Buida. *Friendship of Peoples*, 9. Available at: <https://magazines.gorky.media/druzhba/1999/9/xx-vek-vehi-istorii-vehi-sudby-5.html> (accessed 17.02.2024). (In Russ.).
- Pavlov, O. (2005). *Anti-criticism. Literature through the eyes of a writer*. Perm: Knizhny Mir Publ. 222 p. ISBN 5-93824-006-2. (In Russ.).
- Pavlov, O. (2011). *Gethsemane time*. Moscow: Vremya. 288 p. ISBN 978-5-9691-0651-2. (In Russ.).
- Pavlov, O. (1998a). *Steppe book: narration in stories*. St. Petersburg: Limbus Press. 157 p. ISBN 5-8370-0213-8. (In Russ.).
- Pavlov, O. (1998b). Total criticism. *Tomorrow: [newspaper]*, 51 (264). Available at: <https://zavtra.ru/blogs/1998-12-2281> (accessed 12.03.2024). (In Russ.).
- Varava, V. (2000). Russian letters — the Russian apocalypse. *Russian binding: [literary online magazine]*. August 10. Available at: <https://pereplet.ru/text/holm.html> (accessed 03/14/2024). (In Russ.).

References

- Ageev, A. (1999). Nugget, or One day of Oleg Olegovich. *Banner*, 5: 173—180. (In Russ.).
- Ankudinov, K. (2002). Manichaeism variant. *New World*, 5: 166—172. (In Russ.).
- Borisova, I. (1997). Clash. *Friendship of peoples*, 2: 160—191. (In Russ.).
- Bykov, D. (2011). His own truth. *Continent*, 150: 197—202. (In Russ.).
- Eliseev, N. (1999). Fifty-four. *New world*, 1: 178—193. (In Russ.).
- Ivanova, N. B. (2003). *The hidden plot. Russian literature on the transition through the century*. Saint Petersburg: Russian-Baltic Information Center Blitz. 559 p. ISBN 5-86789-117-8. (In Russ.).
- Koksheneva, K. (2000). It hurts to live: about Oleg Pavlov's prose. *Moscow*, 5: 174—185. (In Russ.).
- Koksheneva, K. (2005). Oleg Olegovich Pavlov. In: *Russian literature of the XX century. Novelists, poets, playwrights. Bio-bibliographic dictionary*, 3. Moscow: Olma PRESS Invest. 6—9. ISBN 5-94848-211-1. (In Russ.).
- Kotlov, A. K. (2012). Folklore and mythological origins of the chronotope of O. Pavlov's "State-owned fairy tale". *Bulletin of the Kostroma State University named after N. A. Nekrasov*, 18 (4): 137—141. (In Russ.).
- Kotlov, A. K. (2013). Dialectics of light and darkness in the metaphysical space of Oleg Pavlov's novel "The Affairs of Matyushin". *Bulletin of Kostroma State University named after N. A. Nekrasov*, 19 (5): 126—129. (In Russ.).

- Kotlov, A. K. (2014). Christian motifs and images in Oleg Pavlov's prose. In: *Spiritual and moral foundations of Russian literature*. Kostroma: Kostroma State University named after N. A. Nekrasov. 178—181. (In Russ.).
- Kotlov, A. K. (2016). Traditions of Andrey Platonov in Oleg Pavlov's prose: towards a problem statement. In: *Spiritual and moral foundations of Russian literature*. Kostroma: Kostroma State University named after N. A. Nekrasov. 217—219. (In Russ.).
- Kovtun, N. V. (2016). Current literature in the mirror of manifestos ("My Manifesto" by V. Rasputin, "The Doctrine of the ENP" by V. Yerofeyev and "Denial of Mourning" by S. Shargunov). *LITERATURE*, 58 (2): 52—65. (In Russ.).
- Kovtun, N. V. (2017). *Russian traditionalist prose of the XX—XXI centuries: genesis, mythopoetics, contexts*. Moscow: FLINT: Nauka. 600 p. ISBN 978-5-9765-3330-1. (In Russ.).
- Kovtun, N. V. (2019). The small prose of M. Tarkovsky in the context of "new realism". *Humanitarian Vector*, 14 (5): 39—50. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-5-39-50. (In Russ.).
- Kovtun, N., Klimovich, N. (2018). The Traditionalist discourse of contemporary Russian literature: from the neo-traditionalism to «new realism». *The Art of Words Journal of Literary, Theatre and Film Studies*, 3/4: 315—337.
- Krylova, S. V. (2011). The archetype of the hero in Oleg Pavlov's novella "The Official Tale". *Studia Rossica Posnaniensia*, 36: 161—171. (In Russ.).
- Krylova, S. V. (2014). Oleg Pavlov: critic and anti-critic (based on O. Pavlov's book "Anticriticism", 2005). In: *The fate of the italics — the italics of literature. On the anniversary of Professor Nellie Mikhailovna Shchedrina*. Moscow: Moscow State Regional University. 428—436. (In Russ.).
- Lichmanova, T. O. (2011). The Image of Death in Oleg Pavlov's *Steppe Book*. *Bulletin of the Adygea State University. Series 2. Philology and Art criticism*, 3: 22—25. (In Russ.).
- Lipovetsky, M. N. (2011). Critical discussions of the 1990s. In: *History of Russian literary criticism: Soviet and post-Soviet eras: [collection of articles]*. Moscow: New Literary Review. 791 p. ISBN 978-5-86793-918-2. (In Russ.).
- Li Xinmei. (2020). Modern Russian Literature in China: a Review of Research. *Bulletin of Ryazan State University named after S. A. Yesenin*, 4 (69): 103—130. DOI: 10.37724/RSU.2020.69.4.012. (In Russ.).
- Orekhova, E. E. (2003a). Speech means of expressing the value orientation of the characters and the author in Oleg Pavlov's "Steppe Book". *The works of young scientists of Voronezh State University*, 2: 168—173. (In Russ.).
- Orekhova, E. E. (2003b). *The artistic world of O. Pavlov's Steppe Book: A Hero. Wednesday. Poetics*. PhD Diss. Voronezh. 183 p. (In Russ.).
- Orekhova, E. E. (2020). *Fate and Time: the archetype of a Russian writer in the interpretations of Oleg Pavlov's life and work*. Saint Petersburg: A. I. Herzen Russian State Pedagogical University. 124—130. (In Russ.).
- Pereyaslov, N. (2002). "Balanda" about the soldier. *October*, 6: P. 171. (In Russ.).
- Pustovaya, V. (2010). Serdobolia. *Novy Mir*, 7: 193—196. (In Russ.).
- Rotai, E. M. (2011). "New Russian realism": the main features of a literary project. *Cultural life of the South of Russia*, 3: 73—74. (In Russ.).
- Serova, A. A. (2015). *New realism as an artistic trend in Russian literature of the XXI century*. PhD Diss. Nizhny Novgorod. 290 p. (In Russ.).

Shcherbinina, Yu. (2012). The Through-the-heart: an essay on Oleg Pavlov's work. *Banner*, 3: 205—213. (In Russ.).

Vasilyeva, T. I. (2015). Conceptual opposition “life–death” in O. Pavlov's “Steppe Book”. *Kazan science*, 4: 123—126. (In Russ.).

*The article was submitted 04.11.2024;
approved after reviewing 15.12.2024;
accepted for publication 29.01.2025.*

Информация для цитирования:

Осьмухина О. Ю. Генетические истоки романа воспитания в литературе соцреализма («роман фигуры» Н. Г. Чернышевского «Что делать?») / О. Ю. Осьмухина, Е. П. Овсянникова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 1. — С. 237—255. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-237-255.

Osmukhina, O. Yu., Ovsyannikova, E. P. (2025). Genetic Origins of Bildungsroman in Socialist Realism Literature: “Figure Novel” of N. G. Chernyshevsky’s “What Is to Be Done?”. *Nauchnyi dialog*, 14 (1): 237-255. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-237-255. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Генетические истоки романа воспитания в литературе соцреализма («роман фигуры» Н. Г. Чернышевского «Что делать?») Genetic Origins of Bildungsroman in Socialist Realism Literature: “Figure Novel” of N. G. Chernyshevsky’s “What Is to Be Done?”

Осьмухина Ольга Юрьевна¹
orcid.org/0000-0002-1456-4793
доктор филологических наук,
профессор, заведующий кафедрой
русской и зарубежной литературы,
**корреспондирующий автор*
osmukhina@inbox.ru

Овсянникова Екатерина Павловна²
orcid.org/0000-0002-2740-9178
исполнитель проекта, отдел
сопровождения научных проектов
ovsyannikova-kate@yandex.ru

¹Национальный исследовательский
Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарева
(Саранск, Россия)

²Русская христианская гуманитарная
академия им. Ф. М. Достоевского
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда № 23-18-01007,
<https://rscf.ru/project/23-18-01007/>;
Русская христианская гуманитарная
академия им. Ф. М. Достоевского

Olga Yu. Osmukhina¹
orcid.org/0000-0002-1456-4793
Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department
of Russian and Foreign Literature,
**corresponding author*
osmukhina@inbox.ru

Ekaterina P. Ovsyannikova²
orcid.org/0000-0002-2740-9178
Project executor, Scientific Project
Support Department
ovsyannikova-kate@yandex.ru

¹National Research Ogarev
Mordovia State University
(Saransk, Russia)

²Russian Christian Academy
for Humanities named after
Fyodor Dostoevsky
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:

The study was supported by a grant from
the Russian Science Foundation № 23-18-01007,
<https://rscf.ru/en/project/23-18-01007/>;
Russian Christian Academy for Humanities
named after Fyodor Dostoevsky

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена осмыслению «романа фигуры» как особого подтипа романа воспитания. Гипотеза исследования состоит в расширении и углублении идей М. Бахтина и М. Берга об особой разновидности в соцреалистической литературе романа воспитания, а также Х. Майкснера и В. Пашигорева о жанровой специфике «романа фигуры»: мы полагаем, что в литературе соцреализма традиция романа воспитания трансформировалась в «роман фигуры». Научная новизна статьи состоит в том, что впервые доказывается, что «роман фигуры» на русской почве генетически восходит к «Что делать?» Н. Г. Чернышевского. Цель статьи — выявить генетические истоки «романа фигуры» в русской словесности. В результате было установлено, что, во-первых, в романе Чернышевского сохраняется жанровая доминанта романа воспитания, более того, при наличии моногероя как носителя исключительно типических черт, становлению в романе подвергается идея, сосредоточенная в его образе. Во-вторых, центральное место у Чернышевского, равно как и в соцреалистическом «романе фигуры», занимает процесс идеологизации, причем важнейшие этапы идейного становления героини в романе маркируются включением в хронотоп повествования онейрических эпизодов, способствующих созданию особой нарративной модели. В-третьих, развитие героини изначально задано и устремлено в будущее таким образом, что в результате из носителя идеи она превращается в ее транслятора и в глазах других героев становится тождественной с ней: в финале романа роль protagonista меняется с ученической на наставническую.

Ключевые слова:

«роман фигуры» в русской литературе; традиция Bildungsroman; жанровая традиция; Чернышевский; герой идеи.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the comprehension of the “novel of the figure” as a special subtype of the Bildungsroman. The hypothesis of the study is to expand and deepen the ideas of M. Bakhtin and M. Berg about a special variety of the Bildungsroman in socialist realist literature, as well as H. Meixner and W. Berg. Meixner and V. Pashigorev on the genre specificity of the “novel of the figure”: we believe that in socialist realist literature the tradition of the Bildungsroman was transformed into the “novel of the figure”. The scientific novelty of the article consists in the fact that for the first time it is proved that the “novel of the figure” on the Russian soil genetically goes back to “What is to be done?” by N. G. Chernyshevsky. The aim of the article is to identify the genetic origins of the novel of the figure in Russian literature. As a result, it was found that, first, Chernyshevsky's novel retains the genre dominance of the Bildungsroman; moreover, in the presence of a monhero as a bearer of exclusively typical features, the idea centered in his image undergoes formation in the novel. Second, Chernyshevsky's novel, as well as the socialist realist “novel of the figure,” is centered on the process of ideologization, and the most important stages of the heroine's ideological formation in the novel are marked by the inclusion of oneiric episodes in the chronotope of the narrative, which contribute to the creation of a special narrative model. Thirdly, the heroine's development is initially set and directed into the future in such a way that as a result she turns from a carrier of an idea into its translator and becomes identical with it in the eyes of the other characters: in the novel's finale, the protagonist's role changes from student to mentor.

Key words:

“novel of the figure” in Russian literature; Bildungsroman tradition; genre tradition; Chernyshevsky; hero of the idea.

УДК 821.161.1Чернышевский.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-237-255

Научная специальность ВАК

5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Генетические истоки романа воспитания в литературе соцреализма («роман фигуры»

Н. Г. Чернышевского «Что делать?»)»**© Осьмухина О. Ю., Овсянникова Е. П., 2025**

1. Введение = Introduction

Общеизвестно, что одной из наиболее «живучих» жанровых разновидностей, причем не только в европейской, но и в русской словесности, развивающихся по сей день, оказывается роман воспитания и «роман становления человека» как его тип. Как отмечал М. М. Бахтин, «роман становления продолжает жить и во второй половине XIX-го и в XX-м веке» [Бахтин, 2012, с. 333]. Примечательно при этом, что тот же М. Бахтин, во-первых, в известной статье «Роман воспитания и его значение в истории реализма», конспективно обозначая перспективы исследования Bildungsroman в советской литературе, отмечал необходимость изучения романа воспитания в литературе соцреализма с учетом классической традиции: Проблема социалистического реализма. <...> Проблема воспитания и роста нового социалистического человека. Новая реалистическая концепция человеческих возможностей. Построение образа незавершенного, активно становящегося социалистического человека — одна из основных задач социалистического реализма. Значение классического наследия прошлого, в особенности творческого наследия Гёте, в решении этой задачи» [Бахтин, 2012, с. 217].

Во-вторых, чуть позже — в наброске <К «Роману воспитания»> — ученый указывал на неактуальность возрастной схемы романа воспитания в условиях новой действительности: «Перевоспитание и переделка человека производится у нас в небывалых масштабах. Мы присутствуем при становлении и росте нового социалистического человека. <...> Будущее присутствует в нашем настоящем в исключительно сгущенной, планомерной и четкой форме. Оно организует человека и заставляет его расти. У нас нет и не может быть готовых людей. В этом отношении у нас уже нет старости. Возрастная схема становления нам не годится» [Бахтин, 2012, с. 344].

К сожалению, исследователь не оставил законченного оформленного изложения собственных тезисов — они лишь абрисно намечают вектор

дальнейшего исследования воспитания (становления) героя советской литературы, однако уже в процитированном фрагменте очевидна мысль о ломке прежней фабульной схемы романа воспитания. Справедливости ради укажем, что здесь же предвосхищается замечание М. Берга о том, что романский герой советской литературы не может иметь возрастного становления: определяя литературу 1930—1950-х годов как «инфантильную», Берг отмечает, что именно по этой причине романский герой соцреализма был вынужден проходить процесс взросления, не имеющий конца [Берг, 2000, с. 50]. Кроме того, он же косвенно указывает на признаки константности нарратива соцреалистического романа воспитания, высказывая мысль о том, что постоянной величиной в образовательной программе героя «является не реальность, а ее иллюзорная нарративная интерпретация» [Берг, 2000, с. 50]. Таким образом, становится очевидно, что советский роман не является последователем классической традиции романа воспитания, но воплощает одну из его разновидностей — «роман фигуры». В связи с этим *актуальность* нашего исследования обусловлена необходимостью восполнения пробела в изучении жанровой традиции романа воспитания в советской словесности и уточнения модификаций Bildungsroman на русской почве.

Становясь повествованием о фигуре, судьба которой заранее запрограммирована, как уже было сказано выше, соцреалистический роман сводится к четкой схематизации — он представляет читателю трансформацию и развитие не героя, но идеи: герой изначально обладает всеми необходимыми добродетелями «настоящего коммуниста», задача автора — взрастить в нем «правильную» идеологию большевизма и тем самым популяризировать ее. Потому, на наш взгляд, разрешение перечисленных противоречий необходимо искать именно в типе «романа фигуры», который, являясь разновидностью романа воспитания, стал, говоря словами Бахтина, его «формальным заместителем» в литературе соцреализма.

Объектом нашего исследования явился роман Н. Г. Чернышевского, в котором отчетливо воплощаются ключевые элементы «романа фигуры». **Предметом** нашего исследования выступает жанр Bildungsroman и «роман фигуры» как его модификация (субжанр).

Цель определила ключевые **задачи** исследования: опираясь на методологию М. М. Бахтина, вычленив важнейшие составляющие «романа фигуры»; изучить специфику «романа фигуры» как жанровой модификации Bildungsroman в романе Н. Г. Чернышевского.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Впервые теоретическое обоснование проблемы фигурализма применительно к жанру романа было дано Х. Майкснером в монографии «Романти-

ческий фигурализм. Критическое изучение романов Арнима, Эйхендорфа и Гофмана» [Meixner, 1971]. Ученый выделил несколько характерных черт, позволяющих говорить о фигурализме как об отличительном элементе поэтики нового типа романа — «романа фигуры». В первую очередь, исследователь отмечает, что «идея романа делает из героев фигуры, которые становятся ее выразителями, идея доминирует, создает систему отношений, в которой герои становятся фигурами» [Meixner, 1971, с. 32]. Вторым немаловажным аспектом Х. Майкснер называет различные траектории, по которым происходит развитие фигуры и образа героя, а именно «образ развивается из самого себя, тогда как фигура не знает этого развития» [Meixner, 1971, с. 35]. В-третьих, исследователь помечает особенную генерализованную функцию персонажа-фигуры в отношении принципов «миромоделирования» в романе: фигуры являются «персонажами в игре универсальных сил и полярностей» [Meixner, 1971, с. 237]. Таким образом, любое проявление индивидуального в фигурализме а priori транслируется в художественном сознании на концепцию всеобщности, человек рассматривается в первую очередь как представитель рода, и, следовательно, предпочтение отдается *типу*, но не *индивидууму*.

В. Н. Пашигорев в диссертации «Роман воспитания в немецкой литературе XVIII—XX веков. Генезис и эволюция» конкретизирует тезисы Х. Майкснера в аспекте рассмотрения жанра романа воспитания. В частности, на примере романа Жан-Поля «Титан» исследователь доказывает, что развитие персонажа осуществляется в тесной связи осознания им себя как части целого, при этом «речь не идет об изображении характера персонажа, <...>, а о субъективном, фигуре, судьба которой запрограммирована всеобщим, фигуре, являющейся исполнителем определенной цели, определенного предназначения или призвания» [Пашигорев, 2005, с. 128]. Такая типизация, по мнению В. Н. Пашигорева, очерчивает фигуру в романе как символично-аллегорическое, мифологическое явление мира и заключает ее в систему универсально-космических отношений. При этом для нас крайне примечательно именно «внедрение» элементов фигурализма в жанровую основу романа воспитания, поскольку в этом случае возникает особый его подтип (субжанр), названный В. Н. Пашигоревым «романом фигуры».

Напомним, что жанр романа воспитания в «чистом» виде предполагает моноцентризм, а также становление и развитие личности, по словам А. В. Дialekтовой, по траектории от крайнего индивидуализма к обществу [Дialekтова, 1972, с. 35]. «Роман фигуры» также является романом одного героя и заключает в себе процесс воспитания протагониста (именно этот процесс, как известно, является доминантой построения сюжета романа воспитания и его важнейшим жанровым признаком), однако разновид-

ностью жанра романа воспитания позволяет назвать его не что иное, как то, что в отличие от воспитания крайнего индивидуализма данная форма реализует в развитии героя запрограммированную автором идею, определенную мифологическую тенденцию. Таким образом, в «романе фигуры» сохраняется жанровая доминанта романа воспитания, однако отличительной чертой его является тот факт, что здесь герой уже — носитель не индивидуальных, а типических черт, эволюция которого осуществляется не столько в личностном плане, сколько в идейном.

Следует отметить при этом, что, с точки зрения терминологии, дефиниции «фигурализм» и «роман фигуры» на данный момент не вошли в научный обиход. Они упоминаются в ряде исследований, однако до сих пор не закреплены в литературоведческих словарях или энциклопедических изданиях. После В. Н. Пашигорева не было проведено ни одного исследования, которое бы расширяло или обосновывало выдвинутые им тезисы на основе других романов воспитания (справедливости ради заметим, что исключение составляет лишь наша статья, в которой на материале лишь одного романа выявляются особенности этого субжанра [Осьмухина и др., 2023]).

Однако для выявления его генетических истоков в отечественной словесности, а также глубокого и объективного исследования дальнейшего развития жанровой системы русской прозы данная разновидность романа крайне примечательна.

Материалом статьи явился роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?».

В статье авторы использовали **комплексный подход**, объединяющий принципы **историко-генетического**, позволяющего выявить связи романа Чернышевского с развитием отечественного литературного процесса, с жанровой традицией Bildungsroman и прежде всего «романа фигуры»; **сравнительно-типологического** (он дал возможность выявить общие, сущностные особенности «романа фигуры» в его историческом развитии) **методов**. Значимым в нашем инструментарии был **метод целостного анализа** литературного произведения, давший возможность осмыслить жанровые особенности романа Чернышевского в неразрывной связи и единстве с его проблемно-тематическим уровнем.

Теоретической базой статьи явились работы, посвященные изучению романа воспитания [Бахтин, 2012; Боров, 2008; Володина, 1998; Дialeктова, 1972; Краснощекова, 2008; Осьмухина и др., 2024] и «романа фигуры» как его жанровой разновидности [Пашигорев, 2005; Meixner, 1971]. Особую значимость в решении стоящих перед нами задач имели отечественные и западные труды, касающиеся тех или иных аспектов соцреализма и поэтики соцреалистического романа [Берг, 2000; Добренко, 2007; Кларк, 2002; Лейдерман, 2003; Синявский, 1988; Хоффман, 2018; Gunther, 1990];

учитывались также работы по осмыслению жанрово-тематического своеобразия романа «Что делать?» Чернышевского [Елифёрова, 2007; Наумова, 1978; Паперно, 1996].

Практическая значимость нашего исследования состоит в том, что материалы, результаты и общие выводы могут быть использованы в вузовских курсах теории литературы, истории русской литературы, спецкурсах и спецсеминарах, посвященных традиции романа воспитания в отечественной словесности.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Научное осмысление романа воспитания эпохи соцреализма

В литературоведении сложился противоречивый взгляд на жанр романа воспитания в эпоху соцреализма: в противовес Е. Н. Краснощековой [Краснощекова, 2008, с. 14], которая не вполне правомерно, на наш взгляд, утверждает, что роман воспитания в советские годы был обречен на вымирание по причине того, что «самостоятельные поиски жизни и идейные блуждания» героя были не актуальны для этой эпохи, отечественная проза уже первого советского десятилетия [Осьмухина и др., 2024] со всей очевидностью демонстрирует, что воспитание (и перевоспитание) отдельной личности в ней не только являлось ключом к пониманию механизмов перековки советского общества, но и служило наглядным примером читателям — идеологическим изменениям подвержен каждый: и простой неграмотный мужик (Матвей Коренистов в одноименном тексте А. Бондина), и капиталист (Джим Кларк в романе Б. Ясенского «Человек меняет кожу»), и представитель интеллектуальной прослойки (Иван Ильич Бородин в пьесе Афиногенова «Страх»). Более того, в ключевых субжанрах Bildungsroman советского периода (романе перевоспитания, «романе фигуры») значимой чертой, позволяющей дифференцировать их, является характеристика самого протагониста: если в романе воспитания герой предстает перед читателем как *tabula rasa*, то в его субжанрах путь протагониста начинается уже в тот момент, когда он, казалось бы, полностью сформирован: герой неплохо знаком с мировоззренческими альтернативами и сознательно противится метаморфозам. При этом возраст его на момент воспитания не имеет определяющего значения. Хотя история литературы советского периода знает примеры произведений, в которых, несмотря на зрелый возраст протагониста, выдерживается именно жанровая традиция романа воспитания — герой представлен как *tabula rasa* (к примеру, «Чапаев» Д. Фурманова), тем не менее личный путь «воспитуемого» героя от индивидуализма к коммунизму и сознательности в соцреалистическом Bildungsroman и его субжанрах есть не что иное, как путь сотен других стихийных личностей,

и нарратив соцреалистического романа трактует жизнь отдельного персонажа как путь целого поколения в его историческом развитии.

Е. Н. Володина, как нам представляется, справедливо подчеркивает, что Bildungsroman пережил подлинное возрождение в литературе соцреализма [Володина, 1998, с. 23]. Обратимся к истории: на Первом Всесоюзном съезде советских писателей была сформулирована общая универсальная идея соцреалистического романа — «воспитание трудящихся в духе соцреализма». Впервые эта идея была осмыслена А. Синаевским: «В значительной своей части советская литература — это воспитательный роман, в котором показана коммунистическая метаморфоза отдельных личностей и коллективов» [Синаевский, 1988, с. 25]. Ряд исследователей соцреалистического канона [Gunther, 1990; Кларк, 2002] видят в романе воспитания эпохи соцреализма черты стереотипного упрощения жанра: «опыт, образование и развитие заменяются процессом “закаливания” в рамках идеологии и бойцовского духа» [Gunther 1990: 205]. К. Кларк предлагает не воспринимать мысль А. Синаевского буквально, поскольку «соцреалистический роман настолько ритуализирован, что прогресс героя лишается персональности и самоценности» [Кларк, 2002, с. 24]. На более нейтральной позиции стоит Е. Добренко, отмечающий следующее: «Соцреализм имеет дело с развивающимся героем <...> Однако этот становящийся герой изображается вовсе не динамически, но статически и эконически» [Добренко, 2007, с. 309—310].

Кажущаяся внешняя разнородность мнений исследователей соцреализма вполне объяснима. Заметим, что если воспринимать роман воспитания не в его традиционном варианте, но допустить его возможную трансформацию и адаптацию в соответствии с требованиями времени, то довод Е. Добренко можно уточнить: роман воспитания в соцреалистический период принимает форму своей разновидности — «романа фигуры», в котором, по замечанию В. Н. Пашигорева, «развитие персонажа осуществляется не столько в его психологическом многообразии и противоречивости, сколько в ракурсе эволюции идейной» [Пашигорев, 2005, с. 130].

Идея рождения нового человека, качественно противопоставленного старому миру, для соцреализма не была новой. Как отмечает Дэвид Л. Хоффманн, впервые в отечественной литературе она была поднята в XIX веке [Хоффманн, 2018, с. 296]. Эту мысль поддерживает и К. Кларк: «Революционная литература XIX века могла сильно отличаться от соцреалистической, но парадоксально, что ее мифы и образы легли в основу официальных советских преданий, а следовательно, и соцреализма» [Кларк, 2002, с. 52]. В частности, образ нового человека в русской литературе нашел свое отображение в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» (1863 год), а потому нельзя обойти вниманием этот роман именно как про-

изведение, явившееся предтечей соцреалистического романа, и в частности романа воспитания.

3.2. Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» как генетический исток «романа фигуры» соцреализма

Отнюдь не случайно, на наш взгляд, ряд революционных идей, касающихся воспитания новой личности, которые высказал на страницах романа Н. Г. Чернышевский, спустя десятилетия нашли глубокую поддержку в кругах строителей светлого будущего. Так, из воспоминаний Н. К. Крупской следует упоминание о крайне восторженной реакции вождя на роман: «Я была удивлена, как внимательно читал он этот роман и какие тончайшие штрихи, которые есть в этом романе, он отметил» [Крупская, 1927, с. 125]. В 1928 году уже предпринимаются более основательные попытки представить роман Чернышевского в виде образцовой литературы: так, А. Луначарский, возглавлявший в те годы Народный комиссариат просвещения, в статье «Чернышевский как писатель» называет последнего великим писателем-беллетристом, характеризуя его произведения «быть может наилучшими образцами того романа, который нам нужен» [Луначарский, 1958, с. 66]. Социалистическая идея в этом романе, по мнению Луначарского, заключается в таком типе личности, «который ставит интересы общества и даже интересы другого человека выше своих собственных. Ему нужно как раз обуздать мещанский эгоизм, который ищет непосредственно вульгарной пользы» [Луначарский, 1958, с. 74]. И далее: «Изображаемый им человек рассуждает так: для меня, как эгоиста, выгоднее в данном случае поступить альтруистически, так, как общественно выгоднее, потому что мое чувство человеческого достоинства меня за это вознаградит. А что это за поступки, которых требует Чернышевский? Это есть поступки в духе общественности, понимаемой с точки зрения нового класса» [Луначарский, 1958, с. 75].

Воспитание в духе социализма — вот то идейное зерно, которое увидели «строители» нового мира в романе Н. Г. Чернышевского. И хотя исследователи по-разному смотрят на восприятие соцреализмом идей Чернышевского (в частности, М. Елиферова считает, что «большая часть реальных эстетических воззрений Чернышевского прошла мимо соцреалистических идеологов» [Елиферова, 2007, с. 236]), нельзя не согласиться с Н. Наумовой, которая справедливо подчеркивает, что «задача коммунистического воспитания, по Чернышевскому, заключается не в том, чтобы постоянно указывать, что делать, а в том, чтобы сделать каждого способным решать этот вопрос. Каждый должен стать активным строителем новой жизни» [Наумова, 1978, с. 87]. Преобладание практики над дидактикой — та мысль, которая главенствовала в коммунистическом обществе.

Для нашего исследования роман «Что делать?» весьма показателен как первый русский роман, в котором сформировались предпосылки будущего соцреалистического романа воспитания, а точнее, для его субжанра — «романа фигуры». Подкрепим свой тезис мнением Ю. Борева, который отмечает, что «социалистический реализм возник на основе реалистических традиций классической литературы (в первую очередь русской литературы критического реализма XIX в.)» [Борев, 2008, с. 129]. Нет сомнения в том, что Вера Павловна Розальская (а впоследствии Лопухова и Кирсанова) на протяжении всего романа проходит путь становления. Однако путь этот оказывается не столько траекторией личностной трансформации, сколько трансформации идейной. Исследователь творчества Н. Чернышевского Н. Наумова также отмечает эту особенность романа: «Превращение идеи в личную волю — это процесс. Роман не раз указывает на то, что это идейно-психологический процесс и на него нужно время» [Наумова, 1978, с. 88]. Именно этому образцу воспитания нового человека впоследствии будет отдано предпочтение в романах канонической фазы соцреализма — личностное формирование героя останется за рамками внимания авторов. В романе «Что делать?» черед читателем — путь формирования основной идеи — обретения героиней внутренней свободы, параллельно которой реализуются другие социалистические концепции, такие как необходимость труда, равенства, реализация мифа о «светлом будущем», о чем подробнее будет сказано несколько позже.

Как уже было упомянуто выше, для романа фигуры главным становится идейное развитие героя, а потому, как правило, герой дается читателю готовый и константный — в личностном плане он не претерпевает трансформаций, но является носителем идеи, которая в нем развивается. При этом для романа, транслирующего социалистические идеи, крайне важна перспективность героя, его внутренняя, пусть даже неосознанная принадлежность к «новому» миру, его готовность порицать прежние и противостоять им. Так, Вера Павловна в романе «Что делать?» с первых же страниц демонстрирует читателю такие немаловажные для человека нового типа качества, как решительность (несмотря на давление матери, она демонстративно покидает ложу театра, а затем возмутительнейшим образом отказывается от их порыва вести ее под руки), смелость (Верочка прямо высказывает в лицо Михаилу Ивановичу Сторешникову о его бесчестном поведении, заключая: «Мать замучит меня, но пусть будет со мною, что будет, все равно!» [Чернышевский, 2017, с. 37]), расшатывание устоев (для читателя, должно быть, явилось неожиданностью, что героиня намеренно не целует руки своей матушки и открыто заявляет ей об этом). Но самым ценным качеством Верочки, тем, которое позволит Чернышевскому воспи-

тать в ней «нового» человека, становится интуитивное стремление к независимости («Я знаю только то, что никому не хочу поддаваться, хочу быть свободна, не хочу никому быть обязана ничем, чтобы никто не смел сказать мне: ты обязана делать для меня что-нибудь!» [Чернышевский, 2017, с. 51]). Очевидно, что образ Веры Павловны отнюдь не несет в себе черты *tabula rasa*, характерного для героя классического романа воспитания: с детства она имеет свои убеждения и твердо и последовательно отстаивает их, готовая «не даться живой в руки» матери.

С композиционной точки зрения становление мировоззрения Веры Павловны в романе выстроено линейно: от подготовки героини к восприятию идеи — через ее формирование — вплоть до ее полного воплощения. *Подготовка* Верочки к *формулировке и принятию идеи* происходит в пространстве ее семьи: это мир пошлых людей, наполненный сатирическими образами матери и отца Верочки, квартирной хозяйки, ее инфантильного и недалекого сына и даже их прислуги. В мире этом, который буквально кишит глупостью, жадой денег и положения в обществе, для Верочки практически не находится единомышленников, разве что кроме Жюли, открытая связь с которой, опять же, может опорочить девушку из приличной семьи. Все эти обстоятельства, сконцентрированные в замкнутом пространстве дома на Горюховой, резко контрастируют с ее собственными, и, как выяснилось ранее, уже сформированными представлениями о жизни, а потому играют роль своеобразного трамплина для главной героини. Единственным выходом для нее видится уход из дома, — классический мотив для романа воспитания, — который и приводит непосредственно к следующему этапу — *формированию идеи*. Необходимость заниматься делом рождает в Вере Павловне желание «завести швейную», а после и вовсе ясную цель — открыть магазин на Невском [Чернышевский, 2017, с. 187]. Примечательно, что уход главной героини из дома, равно как и в соцреалистическом романе, подрывает ее связи с родной семьей, выключает последнюю из сколько-нибудь возможного влияния на формирование дальнейшей ее судьбы и вводит Веру Павловну в «большую семью» — в круг единомышленников: «Как вдвойне отрадна показалась Вере Павловне ее новая жизнь с чистыми мыслями, в обществе чистых людей!» [Чернышевский, 2017, с. 194]. Сопоставление новой жизни в обретенной семье с прошлой жизнью в семье родной составляет резкий контраст и презентует первую как истинную и единственно правильную. Реализация соцреалистического мифа о «большой семье», как видим, берет свое начало в романе Чернышевского. И хотя этот миф в нем не развит в той степени, в которой он будет включаться в романное полотно в соцреалистической литературе, но все же его появление у Чернышевского дает основания предполагать, что истоки его находятся именно здесь.

Весьма примечательна модель социалистического государства, которую закладывает Чернышевский в мастерской, устроенной Верой Павловной. Прототипом пропаганды, ставшей впоследствии одним из востребованных инструментов советской власти на пути её становления, является в романе речь героини, обращенная к швеям: «Стала говорить она простым языком вещи понятные, очень понятные, но каких от нее, да и ни от кого прежде, не слышали ее швей» [Чернышевский, 2017, с. 207]. Если учесть, что исследователи определяют коммунистическую пропаганду как средство просвещения, воспитания масс, ускорителя социального прогресса [Беглов, 1984; Медушевский, 2019], то речь Веры Павловны в романе становится ее прототипом. Исключительно важной в этой речи становится до толе неслыханная для швей мысль о равенстве, которое хозяйка предлагает им: «Я без вас ничего нового не стану заводить. Только то и будет новое, чего вы сами захотите» [Чернышевский, 2017, с. 210]. Более того, деньги, заработанные швеями, Вера Павловна объявляет их собственными — назначая двух швей ответственными за ведением счетов, она объясняет это следующим образом: «Ведь ваши деньги, а не мои, стало быть, вам и надобно смотреть за ними» [Чернышевский, 2017, с. 210]. Описывая развитие мини-государства Веры Павловны, Чернышевский отмечает, что через три года ей удалось добиться порядка распределения прибыли поровну, а вернее — ввести социализм: «<...> мастерская поняла, что получение прибыли — не вознаграждение за искусство той или другой личности, а <...> ее цели, а цель эта — всевозможная одинаковость пользы от работы для всех, участвующих в работе, каковы бы ни были личные особенности» [Чернышевский, 2017, с. 212]. Уже здесь имплицитно звучит критика индивидуализма, ставшая впоследствии едва ли не одним из лозунгов социалистических романов.

С точки зрения внутреннего устройства мастерская Веры Павловны воплотила в жизнь и утопическую идею государства-коммуны. Исторически эта теория была воплощена в жизнь (хотя и не вполне удачно) в России после прихода к власти большевиков, в 1918 году; возникла же она в ходе разработки Конституции РСФСР как «идея непосредственного перехода к коммунизму в форме Государства-Коммуны, где рабочие станут не только осуществлять контроль над производством, но и непосредственно управлять государством» [Медушевский, 2019, с. 65].

В романе Чернышевский довольно подробно описывает процесс устройства коммуны: учреждение своего банка, который давал нуждающимся участникам коммуны деньги без ссуды, решение жить в одной большой квартире, да так, чтобы «вся компания жила твердою мыслью, что никто ни у кого не в обиде, никто никому не в убыток» [Чернышев-

ский, 2017, с. 216], решение выделить среди рабочего дня время для учебы — учреждение «лица всевозможных знаний» [Чернышевский, 2017, с. 217]. При этом обращает на себя внимание, что роль Веры Павловны в этом обустройстве заключается, как отмечает автор, не в раздаче распоряжений, а ограничивается лишь одними советами и предостережениями [Чернышевский, 2017, с. 214]. Рассказывая о преобразованиях мастерской, Чернышевский то и дело указывает: «прежде всего увидели», «с первого же раза все поняли»; «тут же увидели» и т. д. Таким образом, выключая хозяйскую руку из процесса стройки мини-государства, прозаик реализует коммунистическую идею о распределении власти между всеми членами общества, позволяет участницам мастерской самим принимать решения. Неслучайно Вера Павловна грезит тем, что «мастерская могла бы идти без нее» [Чернышевский, 2017, с. 222]. Но абсолютного достижения своей идеи Вера Павловна не может добиться: вступив в период кризиса личных чувств, она едва не запускает свое дело, переживая кризис в семейной жизни и испытывая вину перед Лопуховым.

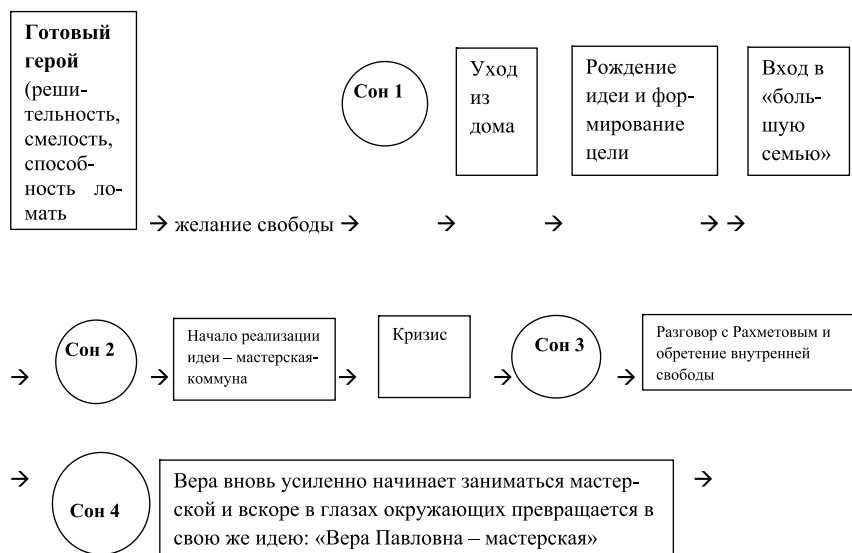
Этап окончательного воплощения идеи Веры Павловны предваряется постижением внутренней свободы, пониманием собственных чувств: «Так неужели я люблю его за то, что он выводит меня из подвала? Не его самого, а свое избавление из подвала?» [Чернышевский, 2017, с. 281]. Но в том-то и заключается «новизна» того типа, который Чернышевский выписывает в своем романе, что свободен он должен быть не только в идеях, касающихся общественной стороны жизни, но прежде — в личных чувствах, потому что только обуздав их можно по-настоящему служить обществу. Лишь перестав испытывать вину перед «миленьким», Вера Павловна прекращает обманываться и становится окончательно свободной. Это и позволяет ей достичь успеха в том деле, которое она изначально затеяла, да так, что впечатления Катерины Васильевны Полозовой после знакомства с ней ассоциируются исключительно с мастерской: «<...> но дальше, дальше у нее в воспоминаниях уже действительно не было почти ничего относящегося к Вере Павловне: мастерская, мастерская, мастерская, — и объяснения Веры Павловны о мастерской: эти объяснения она помнила, но самой Веры Павловны во все следующее время, после первых слов встречи, она уж не помнила» [Чернышевский, 2017, с. 522].

Воплощение идеи в романе приводит, таким образом, к полному растворению героини в ней, теперь перед читателем не личность — Вера Павловна, но ее реализованная идея — мастерская.

Перечисленные ключевые этапы идейного становления Веры Павловны маркируются включением в хронотоп повествования эпизодов измененного сознания героини — ее снов. Сны Веры Павловны (а их четыре)

располагаются в нарративе романа на границе упомянутых этапов и подобно любому пограничному состоянию выполняют функцию прозрения. И. Паперно называет сны Веры Павловны аллегориями, иллюстрирующими «главные философские, этические и социальные доктрины Чернышевского» [Паперно, 1996, с. 24]. Н. Наумова отмечает по этому поводу следующее: «Каждый сон Веры Павловны — это момент, когда в подсознании героини совершается скачок: осмысливается все пережитое и передуманное и открывается перспектива дальнейшего развития» [Наумова, 1978, с. 76]. Сны в нарративе романа открывают читателю ключевые моменты, происходящие в идейном формировании героини. Таким образом, Чернышевский создает весьма любопытную композицию романа — идейное развитие героини происходит в двух плоскостях: в событийном плане, который направляет развитие идеи, и в сновидческих состояниях, через которые Вера Павловна рефлексировала. Таким образом, путь идейного формирования героини дублирован — на основную нарративную модель становления накладывается путь развития, совершающийся в подсознании.

Схема, отражающая ключевые моменты формирования идеи Веры Павловны, на наш взгляд, могла бы выглядеть следующим образом:

Итак, первый сон предвещает уход героини из дома и подготавливает ее сознание к появлению, а позже и постепенному вызреванию идеи за-

няться швейной мастерской; второй — следует сразу же за входом героини в «большую семью» единомышленников, а следовательно, порождает осмысление своей прошлой жизни и правильности намеченного пути: «<...> она уже совершенно отвыкла от тяжелой атмосферы хитрых слов, из которых каждое произносится по корыстному расчету, от слушания мошеннических мыслей, низких планов <...> Грязь, пошлость, цинизм всякого рода — все это бросалось теперь в глаза ей с резкостью новизны» [Чернышевский, 2017, с. 193].

Третий сон возникает как результат внутреннего кризиса героини и через осмысление любви к Лопухову, в которую была заложено сильнейшее стремление вырваться на волю, что, в конечном итоге, приближает ее к постижению истинной свободы. Именно на этом этапе Чернышевский вводит в повествование образ Рахметова, охарактеризованный впоследствии А. Луначарским как фигура «огромная и последовательная» [Луначарский, 1958, с. 94]. Как отмечает Н. Наумова, «к “Четвертому сну” ведет ее разговор с Рахметовым, потому что от «особенного человека» она впервые услышала об истинной свободе любви и задумалась о путях ее достижения» [Наумова, 1978, с. 76]. Поэтому четвертый сон становится кульминационной точкой прозрения героини, гранью, за которой начинается осознанная жизнь идеи: Вере Павловне теперь нет необходимости оглядываться на свои чувства, она постигла гармонию в личной жизни, а потому целиком может посвятить себя развитию мастерской-коммуны.

Остановимся на том, как формируется идея в снах Веры Павловны. Первое, на что следует обратить внимание, — поистине дантовское пространство, выстроенное по принципу «готической вертикали», которое воплощается в снах — движение от символического «ада», реализующегося в первом сне через подвальный, замкнутый мир, в котором томятся девушки, к символическому «раю» в четвертом. Во втором и третьем сне Вера Павловна попадает в нейтральное, промежуточное пространство «чистилища», пребывание в котором позволяет ей приблизиться к пониманию обещанного «рая». Идейный путь Верочки Розальской, исцеленной от «паралича» и выпущенной из подвала, ведет в конечном итоге к созерцанию райских обителей — «светлого будущего», о котором впредь героиня должна проповедовать отовсюду. К слову сказать, здесь вновь звучит предвосхищение соцреалистического дискурса, который, по словам Н. Лейдермана, «моделирует Космос: он конструируется по типу государства, его движущие пружины — классовые антагонизмы и идеологические размежевания, в нем есть положительный герой — самое наглядное воплощение эстетического идеала, <...> развитие этого Космоса демонстрирует неизбежность «светлого будущего» [Лейдерман, 2003, с. 20].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, соцреалистический миф о «светлом будущем» предвосхищается в романе Чернышевского и дается Вере Павловне в качестве главного завета: «Любите его, стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его» [Чернышевский, 2017, с. 472]. Проводником Веры Павловны в пространствах первого, второго и четвертого снов становится так называемая «невеста женихов». При этом она определяет себя в снах по-разному: в первом сне зовется любовью к людям, в последнем — «равноправностью» [Чернышевский, 2017, с. 459]. Смена облика загадочной проводницы Веры Павловны ото сна ко сну отнюдь не случайна — встречаясь в начале своего пути с любовью к людям, а в финале — с равноправием, она постигает непреложную истину: свобода достигается любовью к человеку. В этой-то «нелюбви» и упрекает Верочку Рахметов, указывая на то, что она подвергла риску гибели мастерскую в угоду личным чувствам: «Вот уж за вами два великие преступления: безжалостность и деспотизм» [Чернышевский, 2017, с. 360]. Священное отношение к государству и альтруизм к человеку, по меткому замечанию Ю. Борева, были «установкой социалистического реализма» [Борев, 2008, с. 175], а потому ошибка Веры Павловны заключалась в неправильной расстановке приоритетов, что могло бы обречь на погибель государство-коммуна. Личное не может довлеть над общественным — этот урок, преподанный Рахметовым Вере Павловне, позднее станет одним из кредо соцреалистической идеологии. И Вера Павловна исправляет эту ошибку, растворяясь в собственной идее на последних страницах романа.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что влияние романа Н. Г. Чернышевского на соцреалистический дискурс несомненно. Прежде всего принципиально, что в контексте той части соцреалистической словесности, которая продолжала традицию романа воспитания, именно «Что делать?» предвосхитил разновидность последнего — роман «фигуры», в котором при наличии константного героя на первый план выходит формирование идеи.

Перспективой дальнейшего исследования может стать осмысление отечественной традиции Bildungsroman, изучении специфики её преломления в прозе XX столетия на разных этапах её развития. Наконец, одной из перспектив может стать сравнительно-сопоставительный анализ особенностей «романа фигуры» как субжанра воспитания в литературе советского периода.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Чернышевский Н. Г.* Что делать? / Н. Г. Чернышевский. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 573 с. — ISBN 978-5-17-105407-6.

Литература

1. *Бахтин М. М.* Собрание сочинений. Теория романа (1930—1961 гг.) / М. М. Бахтин. — Москва : Языки славянской культуры, 2012. — Т. 3. — 880 с. — ISBN 978-5-9551-0500-0.

2. *Беглов С. И.* Внешнеполитическая пропаганда. Очерк теории и практики / С. И. Беглов. — Москва : Высшая школа, 1984. — 366 с.

3. *Берг М. А.* Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе / М. А. Берг. — Москва : Новое литературное обозрение, 2000. — 352 с. — ISBN 5-86793-101-3.

4. *Борев Ю.* Социалистический реализм: взгляд современника и современный взгляд / Ю. Борев. — Москва : АСТ, Олимп, 2008. — 478 с. — ISBN 978-5-17-052357-3.

5. *Володина Е. Н.* Романы В. Дудинцева : Типология и эволюция жанра : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Е. Н. Володина. — Екатеринбург, 1998. — 285 с.

6. *Диалектова А. В.* Воспитательный роман в немецкой литературе эпохи Просвещения / А. В. Диалектова. — Саранск : [б. и.], 1972. — 38 с.

7. *Добренко Е. А.* Политэкономика соцреализма / Е. А. Добренко. — Москва : Новое лит. обозрение, 2007. — 592 с. — ISBN 5-86793-482-9.

8. *Елифферова М. В.* Что делать с Чернышевским? Заметки читателя / М. В. Елифферова // Вопросы литературы. — 2007. — № 5. — С. 232—251.

9. *Кларк К.* Советский роман : история как ритуал / К. Кларк ; пер. с англ. ; под ред. М. А. Литовской. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. — 260 с. — ISBN 978-5-7525-1027-4.

10. *Краснощекова Е. А.* Роман воспитания. Bildungsroman на русской почве : Карамзин, Пушкин, Гончаров, Толстой, Достоевский / Е. А. Краснощекова. — Санкт-Петербург : Изд-во Пушкинского фонда, 2008. — 478 с. — ISBN 978-5-89803-169-5.

11. *Крупская Н. К.* Что нравилось Ильичу из художественной литературы / Н. К. Крупская // Удар. — 1927. — № 1. — С. 124—128.

12. *Лейдерман Н. Л.* Современная русская литература : 1950 — 1990-е гг. : в 2 т. / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. — Москва : Издательский центр «Академия», 2003. — Т. 1. — 412 с. — ISBN 978-5-7695-4638-9.

13. *Луначарский А. В.* Чернышевский как писатель / А. В. Луначарский // Статьи о Чернышевском. — Москва : Гослитиздат, 1958. — С. 54—86.

14. *Медушевский А. Н.* Государство-Коммуна : Эксперимент рабочей демократии в России 1918 г. и причины его крушения / А. Н. Медушевский // Мир России. — 2019. — № 2. — С. 63—83.

15. *Наумова Н.* Роман Чернышевского «Что делать?» / Н. Наумова. — Ленинград : Художественная литература, 1978. — 135 с.

16. *Осьмухина О. Ю.* Особенности репрезентации жанровой традиции романа воспитания в русской прозе конца 1920-х годов / О. Ю. Осьмухина, Е. П. Овсянникова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Philology. Theory & Practice. — 2024. — Т. 17. — Выпуск 6. — С. 2079—2085.

17. Осьмухина О. Ю. Черты фигурализма в поэтике романа В. Каверина «Два капитана» / О. Ю. Осьмухина, Е. П. Овсянникова // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. — 2023. — Т. 24. — № 3 (2). — С. 359—369.

18. Паперно И. Семиотика поведения : Николай Чернышевский — человек эпохи реализма / И. Паперно. — Москва : Новое литературное обозрение, 1996. — 207 с. — ISBN 5867930157.

19. Пашигорев В. Н. Роман воспитания в немецкой литературе XVIII—XX веков. Генезис и эволюция : диссертация ... доктора филологических наук : 10.01.03 / В. Н. Пашигорев. — Ростов-на-Дону, 2005. — 333 с.

20. Синявский А. Что такое социалистический реализм / А. Синявский. — Париж, 1988. — 64 с.

21. Хоффманн Д. Л. Вращивание масс. Модерное государство и советский социализм. 1914—1939 / Д. Л. Хоффман. — Москва : Новое литературное обозрение, 2018. — 422 с. — ISBN 978-5-4448-0730-9.

22. Gunther H. Education and Conversion : The Road to the New Man in the Totalitarian Bildungsroman / H. Gunther // The Culture of the Stalin Period. Günther H (Ed) ; Studies in Russia and East Europe. — Basingstoke : Macmillan, 1990. — Pp. 193—209.

23. Meixner H. Romantischer Figuralismus : kritische Studien zu Romanen von Arnim, und Hoffmann / H. Meixner. — Frankfurt am Main : Athenäum Verl, 1971. — 266 s.

Статья поступила в редакцию 17.11.2024,
одобрена после рецензирования 27.12.2024,
подготовлена к публикации 29.01.2025.

Material resources

Chernyshevsky, N. G. (2017). *What is to be done?* Moscow: AST Publishing House. 573 p. ISBN 978-5-17-105407-6. (In Russ.).

References

Bakhtin, M. M. (2012). Theory of the novel (1930—1961). In: *Collected works: in 6 volumes*, 3. Moscow: Languages of Slavic cultures. 880 p. ISBN 978-5-9551-0500-0. (In Russ.).

Beglov, S. I. (1984). *Foreign policy propaganda. Sketch of theory and practice*. Moscow: Higher School. 366 p. (In Russ.).

Berg, M. A. (2000). *Literaturocracy. The problem of appropriation and redistribution of power in literature*. Moscow: New Literary Review. 352 p. ISBN 5-86793-101-3. (In Russ.).

Borev, Yu. (2008). *Socialist realism: a look at the contemporary and the Modern view*. Moscow: AST, Olympus. 478 p. ISBN 978-5-17-052357-3. (In Russ.).

Clark, K. (2002). *The Soviet Novel: History as Ritual*. Ekaterinburg: Izd-v. Ural. un-ta. 260 p. ISBN 978-5-7525-1027-4. (In Russ.).

Dialectova, A. V. (1972). *The educational novel in the German literature of the Enlightenment*. Saransk: Publishing House of the SSPI. 38 p. (In Russ.).

Dobrenko, E. A. (2007). *Political Economy of socialist realism*. Moscow: New Literary Review. 592 p. ISBN 5-86793-482-9. (In Russ.).

Eliferova, M. V. (2007). What to do with Chernyshevsky? Notes of a reader. *Voprosy Literatury*, 5: 232—251. (In Russ.).

- Gunther, H. (1990). Education and Conversion: The Road to the New Man in the Totalitarian Bildungsroman. In: *The Culture of the Stalin Period*. Basingstoke: Macmillan. 193—209.
- Hoffmann, D. L. (2018). *Educating the masses. The Modern State and Soviet Socialism. 1914—1939*. Moscow: New Literary Review. 422 p. ISBN 978-5-4448-0730-9. (In Russ.).
- Krasnoshchekova, E. A. (2008). *The novel of education. Bildungsroman on Russian soil: Karamzin, Pushkin, Goncharov, Tolstoy, Dostoevsky*. St. Petersburg: Pushkin Foundation Publishing House. 478 p. ISBN 978-5-89803-169-5. (In Russ.).
- Krupskaya, N. K. (1927). K. What Ilyich liked from fiction. *Udar, 1*: 124—128. (In Russ.).
- Leiderman, N. L., Lipovetsky, M. N. (2003) *Modern Russian Literature: 1950—1990s: in 2 vol., 1*. Moscow: Academia Publishing Center. 412 p. ISBN 978-5-7695-4638-9. (In Russ.).
- Lunacharsky, A. V. (1958). Chernyshevsky as a writer. In: *Lunacharsky, A. V. Articles about Chernyshevsky*. Moscow: Goslitizdat. 54—86. (In Russ.).
- Medushevsky, A. N. (2019). State-Commune: The experiment of labor democracy in Russia in 1918 and the reasons for its collapse. *The World of Russia, 2*: 63—83. (In Russ.).
- Meixner, H. (1971). *Romantischer Figuralismus: kritische Studien zu Romanen von Arnim, und Hoffman*. Frankfurt am Main: Athenäum Verl. 266 p.
- Naumova, N. (1978). *Chernyshevsky's novel "What is to be done?"*. Leningrad: Khudozhestvenna literature. 135 p. (In Russ.).
- Osmukhina, O. Y., Ovsiyannikova, E. P. (2023). Features of figuralism in the poetics of the Kaverin's novel "Two Captains". *Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy, 24, 3 (2)*: 359—369. (In Russ.).
- Osmukhina, O. Y., Ovsiyannikova, E. P. (2024). Features of the representation of the genre tradition of the Bildungsroman in Russian prose of the late 1920s. *Philology. Theory & Practice, 17 (6)*: 2079—2085. (In Russ.).
- Paperno, I. (1996). *Semiotics of behavior: Nikolai Chernyshevsky — a man of the epoch of realism*. Moscow: New Literary Review. 207 p. ISBN 5867930157. (In Russ.).
- Pashigorev, V. N. (2005). *The Bildungsroman in German literature of the XVIII—XX centuries. Genesis and evolution*: Doct. Diss. Rostov-on-Don. 333 p. (In Russ.).
- Sinyavsky, A. (1988). *What is socialist realism*. Paris: [b. i.]. 64 p. (In Russ.).
- Volodina, E. N. (1998). *The novels of V. Dudintsev: Typology and evolution of the genre*: PhD Diss. Ekaterinburg. 285 p. (In Russ.).

*The article was submitted 17.11.2024;
approved after reviewing 27.12.2024;
accepted for publication 29.01.2025.*

Информация для цитирования:

Сердечная В. В. К истории русской переводческой рецепции поэмы Эдвина Арнольда «Свет Азии»: перевод А. М. Федорова / В. В. Сердечная, Д. Н. Жаткин // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 1. — С. 256—283. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-256-283.

Serdechnaya, V. V., Zhatkin, D. N. (2025). History of Russian Translational Reception of Edwin Arnold's Poem "The Light of Asia": Translation by A. M. Fedorov. *Nauchnyi dialog*, 14 (1): 256-283. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-256-283. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

К истории русской переводческой рецепции поэмы Эдвина Арнольда «Свет Азии»: перевод А. М. Федорова

Сердечная Вера Владимировна¹
orcid.org/0000-0001-8718-3556

доктор филологических наук, доцент,
кафедра зарубежной литературы
и сравнительного культуроведения
rintra@yandex.ru

Жаткин Дмитрий Николаевич²
orcid.org/0000-0003-4768-3518

доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой перевода
и переводоведения,
корреспондирующий автор
ivb40@yandex.ru

¹ Кубанский государственный университет
(Краснодар, Россия)

² Пензенский государственный
технологический университет
(Пенза, Россия)

Благодарности:

Статья подготовлена в рамках реализации работ по гранту Российского научного фонда (проект № 24-18-00040 «Эволюция русского поэтического перевода в контексте идейных концепций литературных журналов второй половины XIX века»),
<https://rscf.ru/project/24-18-00040/>

History of Russian Translational Reception of Edwin Arnold's Poem "The Light of Asia": Translation by A. M. Fedorov

Vera V. Serdechnaya¹
orcid.org/0000-0001-8718-3556

Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of Foreign Literature
and Comparative Cultural Studies
rintra@yandex.ru

Dmitry N. Zhatkin²
orcid.org/0000-0003-4768-3518

Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department of Translation
and Translation Studies
Corresponding author
ivb40@yandex.ru

¹ Kuban State University
(Krasnodar, Russia)

² Penza State Technological University
(Penza, Russia)

Acknowledgments:

The article was prepared as part of the work under the grant of the Russian Science Foundation (project № 24-18-00040 "The Evolution of Russian Poetic Translation in the Context of Ideological Concepts of Literary Magazines of the Second Half of the 19th Century"),
<https://rscf.ru/project/24-18-00040/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проблема исследования состоит в определении переводческих стратегий А. М. Федорова в его поэтическом переводе буддийской поэмы Эдвина Арнольда «Свет Азии», созданном в 1895 году. Изучается, как модифицируется текст Арнольда в переводе и как эти модификации способствуют контекстуализации поэмы в русском поэтическом пространстве. Материалом выступили оригинал поэмы «Свет Азии» Эдвина Арнольда, ее переводы, выполненные А. Н. Анненской, И. М. Сабашниковым и А. М. Федоровым, а также литературно-критические публикации рубежа XIX—XX веков. Использованы историко-литературный и компаративный подходы, нацеленные на аналитическое изучение преобразований текста поэмы Арнольда в русской культуре. Сообщается, что А. М. Федоров создает свое поэтическое переложение поэмы Арнольда на материале предшествующего прозаического перевода Анненской (1890). Выявлено, что он модифицирует размер подлинника и сильно варьирует его: на смену пятистопному нерифмованному стиху переводчик привносит разнообразие форм рифмованного стиха, как правило, вписанного в традицию русской ориентальной поэзии. Показано, что Федоров русифицирует перевод в лексике и стилистически приближает его к традиции романтизма, допуская значительные отступления от оригинала, сокращения и добавления. Отмечается, что вместе с тем легкость слога и привычность поэтической формы делают этот перевод популярным в России рубежа XIX—XX веков; отредактированный, он переиздается также в начале XXI века.

Ключевые слова:

Эдвин Арнольд; *Свет Азии*; буддизм; художественный перевод; А. М. Федоров; русская рецепция буддизма.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study investigates the translational strategies employed by A. M. Fedorov in his poetic rendition of Edwin Arnold's Buddhist poem "The Light of Asia," created in 1895. It explores how Arnold's text is modified in translation and how these modifications contribute to the contextualization of the poem within the Russian poetic landscape. The analysis draws on the original text of "The Light of Asia" by Edwin Arnold, along with translations by A. N. Annenskaya, I. M. Sabashnikov, and A. M. Fedorov, as well as literary-critical publications from the turn of the 19th to the 20th century. Employing historical-literary and comparative approaches, the study aims to analytically explore the transformations of Arnold's text within Russian culture. It is reported that A. M. Fedorov creates his poetic adaptation of Arnold's work based on Annenskaya's earlier prose translation (1890). The findings reveal that he modifies the meter of the original and significantly varies it, replacing the unrhymed pentameter with a diverse range of rhymed forms, typically aligned with the tradition of Russian Oriental poetry. Furthermore, it is shown that Fedorov Russifies the translation in terms of vocabulary and stylistically aligns it with Romantic traditions, allowing for considerable deviations from the original, including omissions and additions. Notably, the ease of the verse and the familiarity of the poetic form contribute to the popularity of this translation in Russia at the turn of the 19th and 20th centuries; it has been reedited and republished in the early 21st century.

Key words:

Edwin Arnold; *The Light of Asia*; Buddhism; artistic translation; A. M. Fedorov; Russian reception of Buddhism.

УДК 82.091+821.161.1Федоров.032

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-256-283

Научная специальность ВАК

5.9.1. Русская литература и литературы

народов Российской Федерации

5.9.2. Литературы народов мира

5.9.3. Теория литературы

К истории русской переводческой рецепции поэмы Эдвина Арнольда «Свет Азии»: перевод А. М. Федорова

© Сердечная В. В., Жаткин Д. Н., 2025

1. Введение = Introduction

Эдвин Арнольд (1832—1904), английский поэт и журналист, оказался прославлен в истории одним своим произведением — поэмой «Свет Азии» (“The Light of Asia”, 1879), в которой была изложена поэтическая биография Гаутамы Будды. Эта поэма, первое яркое отражение жизни Будды в европейской литературе, на рубеже XIX и XX веков крайне активно переиздавалась, переводилась на различные языки, даже инсценировалась (в 1887 году в Вашингтоне состоялась премьера оратории Дадли Бака «The Light of Asia», в 1892 году английский композитор Изидор Лара поставил в Лондоне оперу “La Luce dell’ Asia”) и экранизировалась (“Prem Sanyas”, Индия, 1925). Поэма Арнольда быстро стала известна и в России: ее переводили на русский язык и издавали, рекомендовали к детскому и юношескому чтению [О детских книгах ..., 1908; Что читать народу ..., 1906; Рубакин, 1914; Рубакин, 1919]; писали на ее сюжеты творческие вариации [Тамбовский, 1893, с. 34—35]; она обрела популярность у самой взыскательной читающей публики (Е. П. Блаватская, А. И. Эртель, Л. Н. Толстой и толстовский круг, В. Э. Мейерхольд, Н. К. и Е. И. Рерихи, Д. Л. Андреев). Однако русская рецепция «Света Азии» до данного момента не получила сколько-нибудь полного научного освещения; в частности, практически не исследованы этапы переводческой рецепции поэмы.

Среди переводчиков «Света Азии» следует назвать прежде всего тех трех, которые осуществили полный перевод поэмы: Александру Анненскую, прозаическое переложение которой под редакцией Владимира Лесевича было опубликовано в 1890 году [Арнольд, 1890] и републиковано в 1893-м [Арнольд, 1893]; в стихах поэму перевел Иван Сабашников (Юринский) [Арнольд, 1891; Арнольд, 1895]; затем, снова в стихах, свой вариант поэмы Арнольда напечатал Александр Федоров [Арнольд, 1895; Арнольд, 1906].

Частично переводила поэму Анна Барыкова [Вместо вступления, 1893; Арнольд, 1897], вольно интерпретировал ее отрывок П. Бутурлин [Бутурлин, 1890]. Кроме того, были популярны краткие переложения поэмы для юношества авторства О. Пассек [Свет Азии, 1899; Свет Азии, 1911] и анонимного интерпретатора в издании О. Поповой [Арнольд, 1903].

Переводы «Света Азии» сыграли значительную роль в распространении идей и образов буддизма среди образованной части населения Российской империи; для многих поэма стала исходным звеном в познании религиозно-философских традиций буддизма. Поэма Арнольда «было первое, что я прочел о Будде» [Толстой, 1937, с. 125], — так, в частности, писал В. Г. Чертков Л. Н. Толстому. Кроме того, период активной рецепции «Света Азии» в России совпал с общим углублением общественного внимания к буддийскому вероучению, что было вызвано рядом объективных факторов, таких как кризис тесно связанной с самодержавным строем Русской православной церкви, рост национального самосознания в буддийских регионах империи и упрочение политических позиций ряда стран Азии [Уланов, 2003, с. 14—15]. Таким образом, восприятие поэмы Арнольда стало одной из немало-важных составляющих рецепции буддизма в России периода рубежа веков.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

До настоящего времени наследие Арнольда и его рецепция в России находились практически вне фокуса академического внимания. О самом Арнольде и «Свете Азии» сохранились высказывания различных исследователей и критиков рубежа веков разной степени подробности [Blavatskaia, 1879 и др.; Краснов, 1898, с. 236, 300; Михайловский, 1892; Леопардов, 1892; Ольденбург, 1906].

В новейшей печати мы встречаем некоторые переводы старых отзывов [Блаватская, 1996], а в исследовательской литературе — лишь упоминания о том, что поэма в той или иной мере повлияла на русскую рецепцию буддизма [Серебряный, 1985; Зубкова, 2004; Бернюкевич, 2009; Бернюкевич, 2011; Бернюкевич, 2012; Сафронова, 2023].

Переводы «Света Азии» на русский язык также практически не изучены и не отрефлексированы; в публикациях рубежа веков, посвященных поэме, иногда встречаются и отзывы на переводы — например, на первый перевод Анненской под редакцией Лесевича [Михайловский, 1892; Леопардов, 1892]; отдельной же рецензией отмечен в печати только перевод Федорова [Лернер, 1907].

Творчество поэта, прозаика, драматурга, переводчика Александра Митрофановича Федорова (1868—1949), эмигрировавшего в Болгарию в 1920 году, долгие годы оставалось забытым, и только в последние деся-

тилетия вновь проявился интерес к его художественным произведениям и мемуаристике, ставшим объектами научного изучения [Сырова, 2006; Рогозина, 2016], при этом его переводы по-прежнему не исследованы. Таким образом, можно говорить о том, что переводческая рецепция поэмы Арнольда, в частности переложение Федорова, остается неизученной областью в истории литературного процесса рубежа XIX—XX веков.

Методологическим основанием для данного исследования становятся историко-литературный и компаративный подходы, нацеленные на аналитическое исследование преобразований текста поэмы Арнольда в русской культуре, а конкретно — в переводческом переложении А. М. Федорова.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Перевод Федорова в контексте адаптации буддийской поэмы «Свет Азии» к русской поэтической традиции

Об А. М. Федорове, ставшем автором третьего перевода «Света Азии» на русский язык, опубликованного после переложений Анненской и Сабашникова (Юринского), сохранились воспоминания К. И. Чуковского: «Нельзя забывать, что он был очень трудолюбивый писатель: круглый год не покладая рук сочинял и стихи, и романы, и пьесы, и повести, перевел “Свет Азии” Арнольда и даже несколько сонетов Шекспира. <...> На его даче подолгу гостили и Бунин, и Куприн, и Найденов, и Овсяннико-Куликовский, и Тинский, и Ходотов, и каждый из них — даже Бунин — относились к нему с дружеским чувством» [Чуковский, 2001, с. 520]. Сам Федоров писал в автобиографии о том, как начинал творческий путь: «Очень любил Пушкина, но до такой степени уважал Некрасова, что впоследствии первые мои стихотворные опыты были жестоким подражанием Некрасову» [Федоров, 1911, с. 103]. Его стихи так охарактеризованы в статье «Большой энциклопедии» под редакцией С. Н. Южакова: «Как поэт, Ф[едоров] обладает неподдельным поэтическим вдохновением и гладким звучным стихом, в который он облачает свои красивые, порою сильные, рельефные образы. Но отсутствие цельного и определенного мирозерцания заставляет его часто расплываться в общих туманных фразах, не пробуждающих в душе читателя ничего, кроме смутного чувства» [Большая энциклопедия ..., 1905, с. 805].

Федоров, согласно воспоминаниям И. А. Белоусова, перевел «Свет Азии» уже в 1892 году и читал его на вечере у К. Д. Бальмонта: «...я встретился с Константином Дмитриевичем Бальмонтом, у которого мне пришлось быть на квартире еще в 1892 году и вот при каких обстоятельствах. Приехал из Одессы поэт Александр Митрофанович Федоров, зашел ко мне и предложил поехать к К. Д. Бальмонту. Там Федоров должен был читать только что переведенную им стихами поэму Арнольда “Свет Азии”. Я поехал, и

впервые лично познакомился с Бальмонтом, имя которого, как поэта-новатора, уже становилось известным читающей публике» [Белоусов, 1928, с. 235].

Однако опубликовать перевод удалось только в 1895 году [Арнольд, 1895]. В это первое издание были включены предисловие Арнольда, его портрет, а также словарь понятий и имен, систематизированный по книгам поэмы «Свет Азии», в которых эти понятия и имена упоминаются. К заключительным словам предисловия Арнольда, содержащим указания на другие его произведения («Придет время, надеюсь, когда эта книга, а также мои “Индийская песнь песней” и “Индийские идиллии”, сохраняют память того, кто любил Индию и ее народы» [Там же, с. VIII]), Федоров сделал примечание: «В непродолжительное время я надеюсь познакомить русского читателя и с этими замечательными произведениями» [Там же]. Однако «Свет Азии» остался единственным произведением Арнольда, переведенным Федоровым на русский язык.

Сам Федоров в своем оригинальном творчестве также касался тематики буддизма: в частности, в рассказе «Идол» (1908) его герой, оказавшись в Пасху на Суматре, ищет буддийский храм, и там ему рассказывают поразившую его притчу, подходящую для пасхальной ночи [Федоров, 1908, с. 92—100]. Неоднократно его герои называют имя Будды среди величайших свершителей мира (рассказ «Тюрьма» [Там же, с. 155], роман «Подвиг» [Федоров, 1909, с. 103]).

Перевод Федорова можно характеризовать как попытку максимально погрузить текст Арнольда в традицию русского стиха: вместо нерифмованного пятистопного ямба, которым написана в основном поэма в оригинале, переводчик дает рифмованный стих: местами это четырех- и трехстопный амфибрахий, с его романтической и ориентальной семантикой (ср. с пушкинской «Песнью о вещем Олеге») [Гаспаров, 2012, с. 387—388], местами — трех- и четырехстопный анапест, с его балладными романтикой и патетикой [Там же, с. 390], местами — четырехстопный ямб, отсылающий к традициям романтической поэмы, а иногда и пятистопный анапест, напоминающий гекзаметр и, тем самым, обращенный к эстетике античного эпоса [Там же, с. 328]. Такой выбор размеров (вместе с принципиальным использованием рифмы) подчеркивает тенденцию к романтизации арнольдовской биографии Будды в русской рецепции.

С самого начала предлагаемые интерпретатором размеры и рифмовка переводят стих Арнольда, имитирующий священные книги, в развлекательно-поучительную модальность:

О том, кто учил, всех усердней и ране,
Законом о вечной, блаженной Нирване [Арнольд, 1895, с. 1], —

ср. в оригинале: «учитель Нирваны и Закона» («the Teacher of Nirvana and the Law») [Arnold, 1879, p. 1].

В самом общем виде можно описать цель Федорова как создание не собственно перевода поэмы Арнольда, но написание своей поэмы по мотивам. Он делает множество отступлений, опускает наличествующие в оригинале фразы и добавляет свои.

Рассмотрим подробнее вторую строфу поэмы, в которой описывается предыстория воплощения Будды. У Арнольда строфа состоит из 14 стихов, вмещающих в себя массу основополагающих понятий; у Федорова этой строфе соответствуют 24 стиха, при этом утрачивается ряд образов оригинала и происходит расцвечивание текста условно-романтической лексикой:

За гранью далекой бесстрастного мира,
Превыше престолов божественных сил,
Где полог небесный нежнее сапфира
И ярче согласные хоры светил,
Где воздух, цветов напоенный дыханьем,
Чарует аккордами струн золотых,
Где ждут возрождения к житейским страданиям
Блаженные души святых, —
Внимая страданиям мира оттуда,
На землю, облитую кровью людской,
Небесный Владыка, всеведущий Будда
Взглянул с благодатной тоской;
И Дэвы, проникнув значение взгляда,
Сказали: «О мир, утомленный, внемли:
Властительный Будда, страдальцев отрада,
Услышал стенанья земли».
И Будда ответил: «Небесного лона
Покинув эфирный чертог,
Я к людям иду, чтобы словом закона
От смерти спасти и тревог.
Иду я туда, где в лазурь Гималаи
Возносят серебряный снежный алтарь,
Где правит народом с царицею Майи
Правдивый, властительный царь» [Арнольд, 1895, с. 1—2].

Приведенная цитата — яркий пример множества переводческих вольностей. Так, в оригинале нет ни слова о «пологе небесном нежнее сапфира», о «согласных хорах светил», о «воздухе, цветов напоенном дыха-

ньем» и «аккордах струн золотых». Сухой, лаконичный текст Арнольда не включает описания места пребывания душ, оно лишь названо: «Below the highest sphere...» (Под высочайшей сферой...) [Arnold, 1879, p. 1], «... under them are zones / Nearer, but high» (...под ними есть пространства ближе, но высоко) [ibid., p. 2]. Федоров, напротив, наделяет это пространство чертами рая как вечноцветущего сада. Также переводчик добавляет в свой текст отсутствующие в оригинале обороты «земля, облитая кровью людей», «благодатная тоска» Будды, «мир утомленный» и «стенанья земли», «небесного лона <...> эфирный чертог», «от смерти спасать и тревог», «серебряный снежный алтарь».

В то же время Федоров не передает здесь понятия и образы, принципиально важные для буддийского эпоса. Так, в переводе упоминаются абстрактные и христианизированные «престолы божественных сил» [Арнольд, 1895, с. 1], в то время как в оригинале это «четыре Правителя, которые управляют нашим миром» («four Regents sit / Who rule our world») [Arnold, 1879, p. 1]. Федоров не упоминает тот срок, в течение которого души ждут воплощения (тридцать тысяч лет), не говорит о пяти признаках рождения Будды, не сообщает о том, что он сходит на землю в последний раз. Его переводческую стратегию можно охарактеризовать как вольный поэтический пересказ, с сокращениями и, напротив, дописыванием оригинала.

Очевидно, Федоров знаком с более ранними переводами, в том числе с достаточно точным переводом Анненской; многие его фразы, по словупотреблению и особенностям выбираемых грамматических оборотов, выглядят стихотворным пересказом прозаической версии «Света Азии». Например, у Анненской обращение природы к Будде звучит так: «Господь и друг! Ты, любвеобильный спаситель! Ты, который преоборол гнев и гордость, и желания, и опасения, и сомнения! Ты, который принес себя в жертву за всякого и за всех, шествуй ко древу! Печальный мир благословляет тебя: ты — Будда, долженствующий облегчить его страдания! Шествуй, благословенный и полоняемый! Возвести последнюю борьбу за нас, о победоносный царь! Твой час настал! Вот та ночь, которую ожидали века!» [Арнольд, 1890, с. 116].

У Федорова в переводе того же отрывка можно видеть множество совпадений и в лексике, и в выборе синтаксических конструкций:

Господь, любовью обильный!
Ты, поборовший гордость, гнев,
Внемли, всечтимый и всеильный,
Благословляющий напев!

Для всех ты жертвовал собою!
Гряди же к дереву, Господь!
Спеши божественной душою
Страданья мира побороть!

Гряди, о светлый и всечтимый!
Настал твой час... Уж сотни лет
Его ждал мир необозримый;
И в эту ночь да будет свет! [Арнольд, 1895, с. 128—129].

При этом переводческой вольностью Анненской является лексема «любвеобильный» (в оригинале — *Lover*, «возлюбленный»), значимая для дальнейшего продвижения идеи самопожертвования (в оригинале здесь — несколько мягче: «...hast given thyself» («...отдал себя»; [Arnold, 1879, p. 157]); и Федоров повторяет эти решения.

Очевидно, Федоров читал Арнольда с помощью перевода Анненской; доказательств этого по тексту — множество: так, например, в обоих переводах духи, пришедшие с Камой, «воркуют» (в оригинале — *singing*, «поют»); у Камы в обоих переводах упоминается жезл (хотя в оригинале — лук). Одинаково переводятся имена, названия ступеней познания, именованья восьми уровней Пути (которые Федоров называет «подъемами») и т. д. Редкое слово «fivescore» («сотня») интерпретировано у Анненской как «пятьсот» [Арнольд, 1890, с. 79], что резко увеличило число привратников в замке Сидхартхи; эту же ошибку повторяет А. М. Федоров [Арнольд, 1895, с. 87].

Таким образом, Федоров пишет свое стихотворное переложение прежде всего с перевода Анненской, зачастую вольно его сокращая. В ряде случаев это опосредованное чтение приводит к курьезам. Так, у Анненской сообщается о мировой божественной силе следующее: «Она хранит серые яйца в гнезде ангинги» [Арнольд, 1890, с. 159]; образ ангинги (морской птицы) — переводческое решение, в оригинале — «golden sun-bird's nest» [Arnold, 1879, p. 216]; у Федорова получается комично: «...хранит она серые яйца ангины» [Арнольд, 1895, с. 75].

Очень существенной особенностью нового перевода становится то, что Федоров, в ряде переводческих решений, по сути уравнивает Будду с библейским Богом. Так, он, в отличие от других переводчиков, допускает передачу «Lord» как «Господь» [Там же, с. 101]. С момента ухода Будды из дома в переводе говорится о нем как о Боге, вполне в христианской традиции. При этом даже местоимения подаются со смысловым и шрифтовым выделением, с прописной буквы, чего нет в английском оригинале: «лик Его» [Там же, с. 103]; «и снял Он пути с незакланной, / И был так светел

взор Его» [Там же, с. 105]. Таким образом, Федоров существенно библиизировал текст, выводя Будду на один уровень с Христом.

Фантазия переводчика побуждает его домысливать и дописывать даже то, что противоречит буддийскому учению. Так, в оригинале говорится о судьбоносной альтернативе — Сиддхартха призван быть либо великим просветителем, либо царем: «Who shall deliver men from ignorance, / Or rule the world, if he will deign to rule» (Кто избавит людей от невежества или будет править миром, если снизойдет до правления) [Arnold, 1879, p. 4]. Таким образом, царевичу открыты два пути, что сопоставимо с выбором между подвигами и мирной жизнью, предлагаемым другим героям, например, Ахиллу или Гераклу. В переводе же никакой альтернативы нет, но просто объявляется, что Будда будет царем природы:

И тайные силы свободной природы,
Законы всесильной судьбы,
И ветер, и тучи, и бурные воды
Послужат ему, как рабы! [Арнольд, 1895, с. 3—4]

Не имеет оснований в оригинале, например, такая строфа, в которой описана царица Майя в ожидании рождения Сиддхартхи:

Вдруг сверкнул у царицы отрадою взор,
И в небесный простор, в безмятежный простор,
Устремился он с робостью нежной:
Точно в близкое счастье не верилось ей...
Но с улыбкой счастливой в потоке лучей
Утопал небосвод безмятежный [Там же, с. 4].

Афористичное «The gods come sometimes thus» (Иногда так являются боги) [Arnold, 1879, p. 67] Федоров интерпретирует следующим образом:

Так, часто, по воле Судьбы,
Являются смертным в житейской дороге
Глубоко-премудрые, светлые боги [Арнольд, 1895, с. 57].

Будда, значительно в большей степени, чем у переводчиков-предшественников Анненской и Сабашникова, становится у Федорова героем романтическим: экзальтированным, чувствительным, отдаленным от людей. Так, например, к характеристике принца переводчик добавляет одиночество в детстве, что никак не соотносится с текстом оригинала:

Сиддарта возрос нелюдим;
Он чужд был обычным невинным затеям
И шалостям детства живым [Там же, с. 9].

Федоров также дополняет портрет Будды рядом деталей, которых нет в оригинале поэмы: «с девичьим лицом» [Там же, с. 26]; «светлой головкой поник» [Там же, с. 10]. Вообще герой у Федорова часто печалится: «Головкой поникнул в тоске» [Там же, с. 13]. Также, благодаря фантазии переводчика, Будда наделяется всеми добродетелями и осмысливается через гиперболические метафоры:

Терпением спорил он с твердостью стали,
И с звездами — светом в очах [Там же, с. 11].

Федоров знаком не только с переводом Анненской, но и с переводом Сабашникова, с которым соотносимы некоторые интерпретационные решения. Так, если Сабашников говорит о «пылающей» щеке принца, то у Федорова упоминается «горящая румянцем щека» [Там же, с. 13], при этом в оригинале нет никакого указания на румянец. Переводчик заставляет влюбленного царевича ярко выражать свои чувства, что также не характерно для английского подлинника:

Он вздрогнул, и краска, как пламя пожара,
Окрасила щеки его [Там же, с. 24].

У жениха и невесты переводчик отмечает «две полные дрожью руки» [Там же, с. 34]; Сиддхартха постоянно проявляет сентиментальную чувствительность: «И вздрогнув, царевич сказал со слезами» [Там же, с. 51], при этом мысль в оригинале выражена гораздо проще: «Then spake the Prince» (Тогда принц сказал) [Arnold, 1879, p. 59]. Афористичное «грустный лицом и духом» («sad of mien and mood») [Ibid., p. 61] в переводе разрастается в пространное описание: «Исполненный тягостных дум... / В душе его скорбь разрослась необъятно, / И лик был тосклив и угрюм» [Арнольд, 1895, с. 51]. Сиддхартха в переводе Федорова смотрит на мертвеца «пугливо» [Там же, с. 63]; если в оригинале упоминаются «полные слез глаза» («tearful eyes») [Arnold, 1879, p. 103], то в переводе — «взор, полный любви, вдохновенья и муки / в слезах» [Арнольд, 1895, с. 85].

Усиливая эмоциональное воздействие текста, в четвертой книге Федоров делает более соблазнительным собрание «подруг», окружающих Сиддхартху; они уже не полуобнажены, а полностью раздеты: «их тела обна-

женные нежно-смуглы», это собрание «красавиц нагих», у которых «груды блестят» [Там же, с. 70], — скрытый эротизм оригинала становится очень откровенным в переводе.

Будда Федорова живет прежде всего чувствами; он наделен чертами юного бунтаря, в котором пробудилось сострадание к униженным и оскорбленным:

В крыле, беспощадной стрелою разбитом,
Прекрасного лебедя кровь
Встревожила в детском сердечке к забытым,
К униженным братьям любовь [Там же, с. 14], —

В то время как в оригинале сказано лишь: «так наш Господь Будда начал свои труды милосердия» («...so our Lord Buddh / Began his works of mercy») [Arnold, 1879, p. 18].

Если у Арнольда, уходя из дома окончательно, Будда скажет: «Therefore farewell, friends! While life is good to give, I give, and go / To seek deliverance and that unknown Light!» (Так прощайте, друзья! Если жизнь хороша, чтобы ее отдать, я отдаю, и иду искать избавление и тот неизвестный Свет!) [ibid., p. 101], то в переводе значительно усилена тема самопожертвования:

О, прощайте, друзья! Я иду вас спасать
От неволи, от зла и проклятья!
Как прекрасно, как сладостно душу отдать
За добро и за вас, мои братья! [Арнольд, 1895, с. 84].

В оригинале, уезжая, принц говорит слуге, что ищет царства более высокого, чем собственное, то есть царства духа: «...the kingdom that I crave / Is more than many realms» (...царство, которого я желаю, более всех королевств) [Arnold, 1879, p. 104]; в переводе Федорова он просто отказывается от власти: «Что роскошь и слава / И призрачный царский венец?» [Арнольд, 1895, с. 85].

Переводчик сокращает детали детства Сиддхартхи, упоминания о его врожденных умениях (что позволяет не передавать меры чисел и длины на санскрите, которые Арнольд дает в транслитерации). Федоров опускает очень многие реалии, предлагая, в частности, во второй книге вместо описания роскошной природы Индии картину некоей усредненной местности:

Равнины, леса... Даль слилась с небесами...
Кой-где, как осколки зеркал — под лучами —

Озера... Всё блещет, горит...
Роскошных лугов зеленеют извивы...
Селенья ютятся у вод [Там же, с. 16].

Довольно ожидаема в этом переводе русификация лексики: царица Майя «почивает» [Там же, с. 2] со своим мужем; Будда разгонит мрак, подобно «зорьке огнистой» [Там же, с. 8]; царь говорит о работнике «пахарь родной» — очевидно, для рифмы с «весной» [Там же, с. 15]; ребенок бросает цветы из «кошницы» [Там же, с. 48]; Сиддхартху называют «царевич младой» [Там же, с. 22], он блуждает по «стогнам» [Там же, с. 93]; в пустыне вместо колодца — «водомер» [Там же, с. 124]. Дерево джамбу (место первого откровения Сиддхартхи) оказывается «цветущею яблоней старой» [Там же, с. 19]. Есть в лексике и следы христианизации; так, один из советников царя поминает ангела-хранителя [Там же, с. 22].

Иногда переводчик добавляет те или иные образы, никак не связанные с оригиналом, просто для заполнения паузы; так, например, у Федорова появляются, без опоры на оригинальный текст, тучки, как будто залетевшие из стихов М. Ю. Лермонтова:

Где мчатся, тоскующим ветром гонимы,
Сребристые тучки толпой [Там же, с. 16].

Среди важных концептов буддизма из перевода исчезают: тридцать два знака будущего Будды (на теле новорожденного Сиддхартхи), семидневный срок жизни царицы Майи после рождения сына, многие личные имена. Федоров, в отличие от Сабашникова, стремится передать образ позы Будды (скрещенные ноги, поза медитации), но делает это стилистически неловко:

И сел он, как Будда, священные ноги
Сложив неподвижно опять [Там же, с. 18].

Вслед за Сабашниковым Федоров переводит «flower-stars» как «астры» [Там же, с. 25], хотя астры — не обычный для Индии цветок. Внедрение в этот балладный, украшенный стих буддийских понятий и имен собственных выглядит порой почти иронично: «Последний, хранимый своими Якшами, / Был Севера ангел» [Там же, с. 6].

В отдельных случаях переводчик отходит от норм грамматики русского языка, предпочитая им соображения метра и рифмы: «Они состязались друг с дружкой прилежно / в игре, красоте и бегу» [Там же, с. 25]. Не-

редко встречаются штампы и тавтологии: «с молчаньем немым» [Там же, с. 6], «как майского утра заря» [Там же], «в лазури небес голубой» [Там же, с. 16], «пламя любви огневой» [Там же, с. 25], «смерти холодной рука» [Там же, с. 61] и т. д.

Таким образом, перевод Федорова представляет собой поэтический пересказ, вероятнее всего, более раннего прозаического перевода Анненской (1890), о чем свидетельствует выбор лексики и грамматических конструкций. На основании поэмы «Свет Азии» Федоров создает произведение, сильно отступающее от оригинала, с многочисленными дополнениями и опущениями. Переводческую стратегию здесь можно определить как приближение текста Арнольда к традиции русского романтического стиха: в области размера, рифмы, лексики и образных решений. Выбор такой стратегии погружает получившийся перевод в отечественную поэтическую традицию, однако делает его глубоко вторичным, а переводческие вольности сильно отдаляют данный текст от оригинала.

3.2. Дальнейшая издательская судьба перевода Федорова и его ре- цепция

Федоров беспокоился о судьбе своего перевода и предпринимал попытки его переиздания. В частности, известно, что по просьбе Федорова И. А. Бунин обращался к К. П. Пятницкому с вопросом о судьбе «Света Азии», предложенного для публикации Книгоиздательскому товариществу «Знание», после чего в письме Федорову от 9 марта 1903 года сообщал следующее: «Говорил с Пятницким о “Свете Азии”. Говорю — очевидно, не издадите, скажете? Нет, говорит, это еще не решено» [Бунин, 2003, с. 422]. По прошествии нескольких месяцев, 20 июля 1903 года, Федоров в письме от 20 июля 1903 года сообщал Бунину: «Горький не взял “Свет Азии”. М. б., возьмет “Землю” <...> Жаль, если не примкну к “Знанию”» [Морозов и др., 2003, с. 689] (имеется в виду роман А. М. Федорова «Земля», впервые опубликованный в журнале «Русское богатство» в 1903 году и впоследствии выходивший отдельными изданиями). Известно, что Федоров стал одним из тех, при чем непосредственным влиянии развился интерес Бунина к Востоку [Двинятина, 2015; Лобанова, 1988, с. 73], в особенности к буддийскому востоку, который был для писателя особенно значим [Чебо-ненко, 2004; Смольянинова, 2007; Таирова, 2010].

Как видим, существенную роль в отказе Книгоиздательского товарищества «Знание» Федорову сыграла позиция М. Горького, в 1900—1912 годы серьезно влиявшего на концепцию издательства. Известно негативное отношение Горького не только к буддийской поэме Арнольда, но и к другим «восточным» книгам, не менявшееся с годами и отчетливо сформулированное в письме И. Д. Сургучеву от 13 (26) января 1912 года, отравленном

с Капри: «Буддийский катехизис — читал, читал “Сутту-Нипату”, “Буддийские сутты” в переводах Герасимова, читал Арнольда и “Душу одного народа” — Фильдинга, что ли, не помню автора. Читал также архиепископа Хрисанфа, и всё это купно с Шопенгауэром, который значительно красивее и проще, — не нравится мне. Очевидно — необходимо быть индусом и жить в жарком, влажном климате, где тело должно ощущать таяние, — тогда, может быть, эта желтая скука будет понятна.

Бегите от Востока — пора. Кстати — он исчезает, погружаясь в арийскую культуру с ее активной верою в будущее, чем она и ценна, и дорога мне.

Бессмертие? Не надо. Не хочу.

Повторяю — “благословен закон брэнности, обновляющий дни жизни”. Аллилуйя» [Горький, 2002, с. 240].

Публикация письма состоялась еще при жизни М. Горького, но с купюрой второго абзаца, где говорится про арийскую культуру, который, очевидно, не соответствовал политической ситуации середины 1930-х годов [Письма, 1934]; первая полная публикация увидела свет спустя два десятилетия [Горький, 1955]. Интересно, что Горький противопоставлял «ветхому» востоку арийскую культуру «с ее активной верою», погружение в которую ведет к исчезновению восточных ценностей. Из письма очевидно, что он прочитал не только «Свет Азии» Арнольда, но и множество других книг о буддизме.

В 1906 году в издательстве «Светоч» вышло переиздание перевода Федорова — богато иллюстрированное, с предисловием и примечаниями востоковеда С. Ф. Ольденбурга [Арнольд, 1906]. В качестве иллюстраций в книге приведены изображения буддийских рельефов, архитектурных сооружений и буддийская живопись (как правило, без подробной атрибуции). Предисловие Ольденбурга освещало роль буддизма в мире и сущность учения. Ученый изложил несколько легенд, в том числе связанных со смертью Будды, упомянул о двух направлениях в буддизме и подробно остановился на «четырёх святых истинах» буддийского учения и истории распространения буддизма из Индии по всей Азии. Ольденбург также включил в предисловие краткую биографию Арнольда, рассказав о его обучении в Оксфорде (там Арнольд «отличился как выдающийся классик» [Ольденбург, 1906а, с. XXII]), годах учительской работы в Бирмингеме, а затем и в Индии, его журналистских и переводческих трудах, путешествии в Африку. Ученый высоко оценил поэму «Свет Азии»: «...из-под пера лондонского журналиста полились вдохновенные слова, понятные одинаково востоку и западу. Из драгоценного источника буддийских преданий Арнольд с тонким пониманием почерпнул всё главное, что могло ознакомить

нас с жизнью и учением индийского учителя <...>. Верующий кончает молитвою, чтобы настал Великий Восход, чтобы пришло мгновение, когда Великое Солнце Истины перенесет в сияющее море Вечного Света каплю росы на лотосе — человеческое существование!» [Там же, с. XXIII].

Особенно интересной, в контексте русского обращения к буддизму, была акцентировка Ольденбургом межкультурного характера поэмы: «Всё это было так бесконечно далеко от европейского рассудка, делового, холодного, и так близко европейскому сердцу, жаждущему той красоты, того величавого покоя, тех глубоких и ярких, смелых мечтаний, которыми так богат бедный, не деловитый восток» [Там же]. Ольденбург также стал автором примечаний, кратко, но при этом достаточно полно раскрывающих суть буддийских понятий и названий. Он, в частности, уточняет написание ряда имен: Лакшми, Шива, который «часто пишется ошибочно в наших книгах Сива» [Ольденбург, 1906б, с. 185]; определяет содержание многих реалий — таких как *чампака* (цветок), *йоджана* (мера длины); уточняет природу «Дарма-канды» как одного из учений и др.

Выпущенное «Светочем» второе издание «Света Азии» в переводе Федорова неожиданно оказалось весьма популярным, было замечено существенно больше в сравнении с первым изданием. Из письма Б. Л. Модзалевского С. А. Венгерову от 23 декабря 1906 года (5 января 1907 года) можно узнать о просьбе С. Ф. Ольденбурга, который «болен и лежит в постели», «прислать ему еще хотя бы 2 экземпляра “Света Азии”» [Переписка ..., 2001, с. 271].

В начале 1907 года в «Весах» появилась негативная рецензия Н. О. Лернера [Лернер, 1906], публикации которой предшествовали обращения к В. Я. Брюсову: «Вчера я послал “Весам” две рецензии; одна из них на возмутительный федоровский перевод “Света Азии”» (из письма Н. О. Лернера В. Я. Брюсову от 28 ноября 1906 года) [Валерий Брюсов, 2019, с. 281]; «С рецензией на жалкий федоровс[кий] перевод Арнольда что хотите, то и делайте: — на то вы и редакция; вы — наши отцы, а мы — ваши дети» (из письма Н. О. Лернера В. Я. Брюсову от 20 февраля 1907 года) [Там же, с. 288].

Приведем эту небольшую рецензию полностью: «При переводе с одного языка на другой неизбежна некоторая “усышка” красот и характерных черт подлинника, но под рукою г. Федорова “Свет Азии” слишком ослабел, почти померк. В наше время, когда к языку и стиху предъявляются очень серьезные требования, тяжело читать такие дубовые вирши:

Потом, как венец лучезарный познания,
Наставник просил написать

Тот стих, что с небесной печатью созданья
Способны одни понимать.

Или:

Он ей подарил свое сердце с любовью
И белого крошку-козла...

“Он подарил ей сердце и козла”... Называя козленка “крошкой-козлом”, г. Федоров будет вынужден назвать слоненка “крошкой слонем”. Не выйдет ли это немного странно? Ради рифмы г. Федоров сокращает “солоны” в “солны”, а “воина” в “война”. И так переведена вся поэма, для чего-то переложенная в рифмованные стихи, тогда как в подлиннике она написана стихами без рифм. Жаль, что к такому плохому переводу даны интересные иллюстрации, взятые из старинных буддийских книг, и прекрасное введение, написанное г. Ольденбургом с увлечением и знанием культа Будды. Нельзя не заметить кстати, что поэма Арнольда прославлена далеко не по заслугам; успех ее нужно приписать интересу к божественной личности ее героя, так поверхностно понятого Арнольдом, а не самой поэме, в которой десятки скучных, уныло-дидактических страниц» [Лернер, 1906, с. 89—90].

Несмотря на большое количество неточностей и на отрицательную рецензию, перевод Федорова, вероятно, по причинам удобочитаемости и привычности слога и размера, оказался достаточно популярным и был рекомендован к чтению, в том числе и детскому. Так, в критико-библиографическом указателе детской литературы, вышедшем в 1907 году, было отмечено: «Всякому желающему познакомиться с буддийским учением и детям старшего возраста можно смело рекомендовать эту книжку. Перевод в стихах Федорова очень хорош» [О детских книгах, 1907, с. 504].

Перевод Федорова читала В. И. Вернадскому, заболевшему тифом в 1920 году, дочь Нина [Вернадский, 2013, с. 261, 340]. Ученый отмечал: «“Свет Азии” Арнольда <...> мог дать направление моим мечтам» [Там же, с. 261], он стал одним из оснований для размышления о «живом веществе» человечества и, возможно, о метемпсихозе. Вернадский рассматривал буддизм, наряду с учениями Пифагора и Конфуция, как один из древнейших факторов объединения человечества: тогда «идея единства всего человечества, людей как братьев, вышла за пределы отдельных личностей, к ней подходивших в своих интуициях или вдохновениях, стала двигателем жизни и опыта народных масс и задачей государственных образований» [Вернадский, 2022, с. 335].

Читал перевод Федорова и Л. Н. Толстой. В яснополянской библиотеке сохранились переводы «Света Азии» И. М. Сабашникова и А. М. Федорова, оба — с дарственными надписями [Библиотека Льва Николаевича Толстого ..., 1972, с. 49]. При этом перевод А. М. Федорова (изд. 1895 года) был подарен Л. Н. Толстому с инскриптом на титульном листе чернилами: «Льву Толстому от переводчика. Москва, 31 авг. 95»; также в библиотеке сохранился второй экземпляр этого издания без инскриптов. Библиографы, осуществлявшие описание библиотеки Л. Н. Толстого, отмечали, что издание перевода И. М. Сабашникова было не разрезано, то есть Л. Н. Толстой с ним не знакомился; напротив, издание перевода А. М. Федорова с автографом переводчика находится в удовлетворительном состоянии, что свидетельствует о том, что книгу много читали.

Знакомился с первым изданием «Света Азии» в переводе Федорова и Г. В. Плеханов, отметивший в нем фрагмент о самопожертвовании Будды тигрице и сделавший приписку: «Толстому» [Кожурин, 1967, с. 267], — что, очевидно, было направлено против толстовской проповеди религии любви и ненасилия.

В советском государстве, по очевидным причинам, связанным с антирелигиозной идеологией, не появлялись и не републиковались переводы «Света Азии». Однако фрагмент из перевода Федорова под заголовком «Как нужно молиться» был перепечатан в 1970 году. В русском эмигрантском журнале «Оккультизм и йога», выходившем в Парагвае [Арнольд, 1970, с. 44—46]. А. В. Мень цитирует «Свет Азии» в своем труде «История религии: в поисках Пути, Истины и Жизни» (1-е изд., Брюссель, 1970—1983; 2-е изд., Москва, 1991—1992). В списке литературы по теме он указывает издание «Света Азии» Арнольда в переводе Федорова и с примечаниями С. Ф. Ольденбурга [Мень, 1992, с. 229].

Перевод Федорова был впервые переиздан только в 2016 году [Арнольд, 2016]. Затем, в 2018 и 2020 годах, он увидел свет под новой, весьма кардинальной, редакцией П. Н. Малахова [Арнольд, 2018; Арнольд, 2020]: редактор переписал часть перевода, приблизив его к оригиналу. В подготовке данного издания также принял участие Б. С. Гречин, переработавший и дополнивший материалы С. Ф. Ольденбурга [Ольденбург и др., 2018].

П. Н. Малахов отмечает помощь буддийской общины Ярославля и сообщает в предисловии к новому изданию о том, что им проведена работа по «возвращению» переложения к оригиналу: «...замечательный стихотворный перевод А. М. Федорова был тщательно сверен с оригинальным текстом на английском и отредактирован. Для более близкого соответствия к тексту оригинала одни части пришлось переписать, а другие расширить. Так были исправлены округлённо 400 строк, еще около 350 пришлось уда-

лить и дописать более 750. По неизвестной причине переводчик решил не придерживаться одного стиля стихосложения и многократно изменял размер стиха, длину строки, объем строфы, а также схему рифмовки. При добавлениях и исправлениях выдерживался выбранный переводчиком стиль. <...> Некоторые слова на санскрите приведены к современному написанию: где необходимо, была восстановлена буква “х”, “с” заменена на “ш”, “н” на “м» [Арнольд, 2018, с. 6], — есть и другие редакторские пометы. Таким образом, новый редактор во многом становится соавтором переводчика.

Редактор-соавтор действительно правит по стихотворному тексту, добиваясь несколько большего соответствия перевода оригиналу. Ср. у Федорова:

Звезда озарила небесные страны,
Сверкнув в лучезарном огне [Арнольд, 1895, с. 2], —

и в редакции Малахова, значительно ближе к оригинальному тексту:

Шестилучевою звездой долгожданной
Виденье явилось в огне [Арнольд, 2018, с. 14].

Вместе с тем эта новая редакция также содержит существенный отпечаток собственного, интерпретирующего, прочтения поэмы. Фрагмент, в котором звезда, явившаяся царице Майе как предвестье рождения Будды, «пронеслась через пустоту и, освещая ее внутри, вошла в ее матку справа» («Shot through the void and, shining into her, / Entered her womb upon the right») [Arnold, 1879, p. 3], так интерпретирован Федоровым:

Прорезав зловещую тьму величаво,
С небес голубого шатра,
Во чрево царицы вошла она справа,
Как мысль перед смертью — быстра [Арнольд, 1895, с. 2].

В редакции Малахова можно видеть, как на стихи Федорова накладывается идея о безгрешном зачатии Будды, не соотносимая с оригиналом:

Вдруг, вниз устремившись быстрее чем птицы
Сквозь бездну и тьму пустоты,
Проникнул он справа во чрево царицы,
Не тронув её чистоты [Арнольд, 2018, с. 14—15].

Редакция Малахова, интересная, но не свободная от вольностей, стала довольно показательным примером обновления старого текста. Исправляя и дописывая перевод Федорова, редактор не уходит от проблемы переложения поэмы Арнольда рифмованным, необоснованно разнообразным стихом, но при этом вносит в перевод и собственные дополнения, не всегда напрямую основанные на оригинале.

При этом авторские стихи Малахова не отличаются особенным благозвучием и порой производят ощущение поэтической беспомощности: «Асита мудрец, на ком светлая дума / Блуждала в морщинах лица» [Там же, с. 20]; «Здесь тридцать и два отличительных знака, / Что наше приданье даёт, / А с ними все восемь десятков, однако, / Подробностей меньших идёт» [Там же, с. 21].

Очевидно, что это новейшее издание, распространяемое бесплатно в сети Интернет, преследует прежде всего заявленную цель: «...передача читателю превосходной поэмы Эдвина Арнольда “Свет Азии” <...>, сохранив по возможности все подробности буддийского учения, которыми автор обильно снабдил текст» [Там же, с. 6]. Редакция Малахова сделала перевод более точным в смысле конфессиональном, но несколько не более поэтичным; более того, строки, полностью переписанные редактором, нередко проигрывают в художественно-эстетическом отношении. Эстетическое своеобразие перевода Федорова как романтизирующего переложения биографии Будды в этой обновленной редакции во многом утрачено.

4. Заключение = Conclusions

Перевод поэмы Эдвина Арнольда «Свет Азии» А. М. Федоровым завершил дореволюционную традицию переводов этого произведения: после прозаического перевода Анненской и поэтического перевода Сабашникова Федоров переложил поэму достаточно вольно по форме и содержанию, с сокращениями и добавлениями; тем не менее этот перевод оказался читаемым, цитируемым и републикуемым. Причиной такой популярности перевода Федорова можно считать, очевидно, его вписанность в традиции русской лироэпической ориентальной поэмы, образцы жанра которой даны Пушкиным, Лермонтовым и другими поэтами начала XIX века. Такая романтизирующая трактовка, выражающаяся и в замене белого пятистопного ямба оригинала на разнообразные размеры рифмованного стиха, и в усилении сентиментально-романтической окраски образов поэмы, и в использовании привычной поэтической лексики и фразеологии, составляет основу переводческой стратегии А. М. Федорова и, можно предположить, обеспечивает этому переводу популярность в дальнейшей рецепции, вплоть до его редактирования и переиздания в XXI веке. «Вписав» био-

графию Будды в традицию русской ориентальной романтической поэзии, пусть и оказавшись в своем поэтическом языке вторичным по отношению к этой традиции, Федоров как переводчик поддержал и развил «романтическое» направление в отечественной рецепции буддизма.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Арнольд Э.* Восточные сказания : I. Грех Бен-Азара. II. Раб Гассана. III. Два повеления. IV. Азраил ; Из поэмы «Свет Азии» (Отрывок первый ; Отрывок второй ; Отрывок третий ; Отрывок четвертый) / Э. Арнольд ; пер. А. П. Барыковой // Барыкова А. П. Стихотворения и прозаические произведения. — Санкт-Петербург : Посредник, 1897. — С. 249—261.
2. *Арнольд Э.* Как нужно молиться [отрывок из «Света Азии»] / Э. Арнольд ; пер. А. М. Федорова // Оккультизм и йога (Асунсион). — 1970. — Т. 46. — С. 44—45.
3. *Арнольд Э.* Свет Азии (The Light of Asia) / Э. Арнольд ; пер. А. Анненской под ред. В. Лесевича. — Санкт-Петербург : Тип. и лит. В. Тиханова, 1890. — [4], СПБ, 238 с.
4. *Арнольд Э.* Свет Азии (The Light of Asia). Поэма / Э. Арнольд ; пер. А. Анненской под ред. В. Лесевича. — Санкт-Петербург : Тип. и лит. В.Тиханова, 1893. — [6], VIII, 344 с.
5. *Арнольд Э.* Свет Азии / Э. Арнольд ; пер. А. М. Федорова. — Москва : Дельфис, 2016. — 182, [2] с.
6. *Арнольд Э.* Свет Азии / Э. Арнольд ; пер. в стихах А. М. Федорова ; предисл. Э. Арнольда. — Москва : Типолит. Д. А. Бонч-Бруевича, 1895. — 192 с.
7. *Арнольд Э.* Свет Азии или Великое отречение / Э. Арнольд ; пер. А. М. Федорова под ред. П. Н. Малахова. — Кемерово : Колокол, 2018. — 272 с.
8. *Арнольд Э.* Свет Азии или Великое отречение / Э. Арнольд, пер. А.М. Фёдорова под ред. П.Н. Малахова. — Москва : Амрита-Русь, 2020. — 272 с.
9. *Арнольд Э.* Свет Азии. (Изложение в поэтической форме буддизма) / Э. Арнольд, пер. А. М. Федорова, с предисловием и примечаниями академика С. Ф. Ольденбурга. 2-е изд., илл., с 4 фототип., 4 автотип. и 24 рис. В тексте. — Санкт-Петербург : Светоч, 1906. — XXVI, 188 с.
10. *Арнольд Э.* Светило Азии или Великое отречение. (Mahābhiniṣhkramana) : Поэма / Э. Арнольд, пер. И. М. Сабашникова (И. Юринского). 2-е изд. — Санкт-Петербург : М. М. Ледерле ; типолит. Б. М. Вольфа, 1895. — 238 с.
11. *Арнольд Э.* Светило Азии, или Великое отречение. (Mahābhiniṣhkramana) : Поэма / Э. Арнольд ; пер. И. Юринского (И.М. С[абашни]кова). — Санкт-Петербург : типолит. Месника и Римана, 1891. — 254 с.
12. *Арнольд Э.* Светило Азии. В кратком изложении / Э. Арнольд. — Санкт-Петербург : О. Н. Попова, 1903. — 75 с.
13. *Белоусов И. А.* Литературная среда. Воспоминания. 1880—1928 / И. А. Белоусов. — Москва : Никитинские субботники, 1928. — 278 с.

14. *Библиотека Льва Николаевича Толстого* в Ясной Поляне : Библиографическое описание. — Москва : Книга, 1972. — Т. 1. — 440 с.
15. *Блаватская Е. П.* «Свет Азии». Поэма в стихах индийского буддиста / Е. П. Блаватская // В поисках Оккультизма. — Москва : Сфера, 1996. — С. 210—215.
16. *Большая энциклопедия* : Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания : в 20 т. / Под ред. С. Н. Южакова. — Санкт-Петербург : Просвещение, 1905. — Т. 20. — VIII, 814 с.
17. *Бунин И. А.* Письма 1895—1904 годов / И. А. Бунин ; Под общей редакцией О. Н. Михайлова. — Москва : ИМЛИ РАН, 2003. — 769 с.
18. *Бутурлин П.* Будда. Подражание английскому / П. Бутурлин // Сибилла и другие стихотворения. — Санкт-Петербург : Тип. А. С. Суворина, 1890. — С. 108—110.
19. *Валерий Брюсов* — историк литературы. Переписка с П. И. Бартеневым и Н. О. Лернером / Статьи, подготовка текста и комментарии Н. А. Богомолова, А. В. Лаврова. — Москва : Литфакт, 2019. — 408 с.
20. *Вернадский В. И.* Биосфера и ноосфера / В. И. Вернадский. — Москва : АСТ, 2022. — 640 с.
21. *Вернадский В. И.* Собрание сочинений : в 24 т. Дневники В. И. Вернадского 1917—1922 гг. / В. И. Вернадский. — Москва : Наука, 2013. — Т. 19. — 456 с.
22. *Вместо вступления* (Из поэмы «Свет Азии» Эдвина Арнольда) / Пер. А. Барыковой // Кингсфорд А. Научные основания вегетарианства или безубойного питания. — Москва : Тип. И. Д. Сытина и Ко, 1893. — С. 3—5.
23. *Горький М.* Письмо И. Д. Сургучеву от 13 (26) января 1912 г. / М. Горький // Полное собрание сочинений : в 30 т. — Москва : ГИХЛ, 1955. — Т. 29. — С. 219—222.
24. *Горький М.* Письмо И. Д. Сургучеву от 13 (26) января 1912 г. / М. Горький // Полное собрание сочинений. Письма : в 24 т. — Москва : Наука, 2002. — Т. 9. — С. 237—240.
25. *Кожурин Я. Я.* Неопубликованные заметки Г. В. Плеханова о религии / Я. Я. Кожурин // По этапам развития атеизма в СССР. — Ленинград : Наука, 1967. — С. 261—268.
26. *Краснов А. Н.* Из колыбели цивилизации : Письма из кругосветного путешествия / А. Н. Краснов. — Санкт-Петербург : Тип. М. Меркушева, 1898. — [2], 660 с.
27. *Леопардов Н.* О Будде в поэме Э. Арнольда «Свет Азии», представленном в образе предвозвещенного Мессии / Н. Леопардов. — Киев : Тип. С. В. Кульженко, 1892. — 52 с.
28. *Лернер Н. О.* [Рец. на кн.:] Эдвин Арнольд. Свет Азии / Н. О. Лернер // Весы. — 1907. — № 2. — С. 89—90.
29. *Мень А. В.* История религии : в поисках Пути, Истины и Жизни : в 7 т. У врат молчания : Духовная жизнь Китая и Индии в середине первого тысячелетия до нашей эры / А. В. Мень. — Москва : Слово, 1992. — Т. 3. — 239 с.
30. *Михайловский Н. К.* О буддизме / Н. К. Михайловский // Литература и жизнь (письма о разных разностях). — Санкт-Петербург : Тип. газеты «Новости», 1892. — С. 132—164.
31. *Морозов С. Н.* Комментарии / С. Н. Морозов, Л. Г. Голубева, И. А. Костомарова // Бунин И. А. Письма 1858—1904 годов. — Москва : ИМЛИ РАН, 2003. — С. 459—711.
32. *О детских книгах* : Критико-библиографический указатель книг, вышедших до 1 января 1907 г., рекомендуемых для чтения детям в возрасте от 7 до 16 лет / Сост. кружком преподавателей и писателей под ред. А. Анненской, В. Герда, Н. Лихаревой, С. Порецкого, Е. Репьевой, Е. Соломина и О. Флоровской. — Москва : Кн. маг. «Труд», 1908. — XV, [3] с., 832 стлб.

33. *Ольденбург С. Ф.* [Предисловие] / С. Ф. Ольденбург // Арнольд Э. Свет Азии. (Изложение в поэтической форме буддизма) / Перевод А. М. Федорова, с предисловием и примечаниями академика С. Ф. Ольденбурга. 2-е изд., иллюстр., с 4 фототип., 4 автотип. и 24 рис. В тексте. — Санкт-Петербург : Светоч, 1906а. — С. III—XXIII.

34. *Ольденбург С. Ф.* Примечания / С. Ф. Ольденбург // Арнольд Э. Свет Азии. (Изложение в поэтической форме буддизма) / Перевод А. М. Федорова, с предисловием и примечаниями академика С. Ф. Ольденбурга. 2-е изд., иллюстр., с 4 фототип., 4 автотип. и 24 рис. В тексте. — Санкт-Петербург : Светоч, 1906б. — С. 185—188.

35. *Ольденбург С. Ф.* Примечания / С. Ф. Ольденбург, Б. С. Гречин // Арнольд Э. Свет Азии или Великое отречение / Пер. А. М. Федорова под ред. П. Н. Малахова. — Кемерово : Колокол, 2018. — С. 232—266.

36. *Переписка Б. Л. Модзалевского с С. А. Венгеровым и А. Г. Фоминым* / Публикация М. Д. Эльзона // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год. Борис Львович Модзалевский : Материалы к научной биографии. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2001. — С. 259—300.

37. *Письма М. Горького к писателям и критикам* / Вступительная статья и комментарии С. Д. Балухатого // М. Горький : Материалы и исследования / Под ред. В. А. Десницкого. — Ленинград : Изд-во АН СССР, 1934. — Т. 1. — С. 251—345.

38. *Рубакин Н. А.* Практика самообразования : (Среди книг и читателей) : Опыт системы самообразовательного чтения применительно к личным особенностям читателей / Н. А. Рубакин. — Москва : Наука, 1914. — 536 с.

39. *Рубакин Н. А.* Практика самообразования : (Среди книг и читателей) : Опыт системы самообразовательного чтения применительно к личным особенностям читателей. 2-е изд. / Н. А. Рубакин. — Москва : Гос. изд-во, 1919. — X, 288, IV с.

40. *Свет Азии.* Индийское сказание / Сост. по А. О. Пассек. — Москва : Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1899. — 36 с.

41. *Свет Азии.* Индийское сказание / Сост. по А. О. Пассек. — Москва : Посредник, 1911. — 48 с.

42. *Тамбовский А.* Проклятие любви : Оригинальный сборник стихотворений автора «Безграничного моря любви» / А. Тамбовский. — Санкт-Петербург : Тип. и фототип. Императорской Акад. художеств, 1893. — 96 с.

43. *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений : [В 90 т.] / Л. Н. Толстой. — Москва : Художественная литература, 1937. — Т. 25. — 916 с.

44. *Федоров А. М.* [Автобиография] / А. М. Федоров // Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских писателей. — Москва : Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1911. — С. 102—106.

45. *Федоров А. М.* Подвиг : Роман / А. М. Федоров. — Санкт-Петербург : Тип. Т-ва «Общественная польза», 1909. — 225 с.

46. *Федоров А. М.* Рассказы / А. М. Федоров. — Санкт-Петербург : Издание С. В. Бунина, 1908. — 240 с.

47. *Что читать народу?* Критический указатель книг для народного и детского чтения : в 3 т. / Сост. учительницами Харьковской частной женской воскресной школы Х. Д. Алчевской, Е. Д. Гордеевой, А. П. Грищенко [и др.]. — Санкт-Петербург : Тип. Т-ва «Общественная польза», 1906. — Т. 3. — 560 с.

48. *Чуковский К.* Две «королевы». Страницы воспоминаний / К. Чуковский // Чуковский К. И. Собрание сочинений : в 15 т. — Москва : Терра-Книжный клуб, 2001. — Т. 4. — С. 509—522.

49. *Arnold E.* The Light of Asia, or Great Renunciation (Mahabhinishkramana) / E. Arnold. — London : Trubner & Co, 1879. — XIII, 238 p.

50. *Blavatskaia E. P.* “The Light of Asia”. As told in verse by an Indian Buddhist / E. P. Blavatskaia // The Theosophist. — 1879. — № 1 (October). — Pp. 20—25.

Литература

1. *Бернюкевич Т. В.* Буддизм в российской философской культуре — «чужое» и «свое» / Т. В. Бернюкевич. — Москва : Либроком, 2009. — 159 с. — ISBN 978-5-397-00531-9.

2. *Бернюкевич Т. В.* Концепт «нирвана» в контексте рецепции буддийских идей в философской культуре России конца XIX — начала XX века / Т. В. Бернюкевич // Гуманитарный вектор. — 2012. — № 4 (32). — С. 127—132.

3. *Бернюкевич Т. В.* О рецепции буддийских идей в философии России конца XIX — первой половины XX в. / Т. В. Бернюкевич // Вопросы философии. — 2011. — № 4. — С. 153—163.

4. *Гаспаров М. Л.* Метр и смысл / М. Л. Гаспаров. — Москва : Фортуна ЭЛ, 2012. — 416 с. — ISBN 978-5-9582-0045-0.

5. *Двинятина Т. М.* И. А. Бунин и А. М. Федоров : к истории творческих отношений / Т. М. Двинятина // Сибирский филологический журнал. — 2015. — № 1. — С. 43—50.

6. *Зубкова (Бычихина) Л. В.* Теософское общество и «национальное пробуждение» в Южной Индии (конец XIX — начало XX в.) / Л. В. Зубкова (Бычихина) // Alaica : Сборник научных трудов российских востоковедов, подготовленный к 70-летию юбилею профессора, доктора исторических наук Л. Б. Алаева. — Москва : Восточная литература, 2004. — С. 248—268. — ISBN 5-02-018361-X.

7. *Лобанова Т. К.* Ориентальная проза И. Бунина и духовно-эстетическое наследие народов Востока / Т. К. Лобанова // Русская литература и Восток (особенности художественной ориенталистики XIX—XX вв.). — Ташкент : Фан, 1988. — С. 69—91.

8. *Рогозина Н. М.* Мемуарная проза А. М. Федорова в контексте литературного творчества писателя : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Н. М. Рогозина. — Нижний Новгород, 2016. — 25 с.

9. *Сафронова А. Л.* Буддийский мир Южной Азии в трудах и творчестве российских ученых и деятелей культуры XIX — начала XX в. / А. Л. Сафронова // Исторический вестник. — 2023. — Т. 46. — С. 324—345. — DOI: 10.35549/HR.2023.2023.46.010.

10. *Серебряный С. Д.* «Гитаговинда» Джаядэвы в Индии и на Западе / С. Д. Серебряный // Классические памятники литератур Востока (в историко-функциональном освещении) : Сб. ст. — Москва : Наука, 1985. — С. 69—107.

11. *Смолянинова Е. Б.* Буддийский Восток в творчестве И. А. Бунина : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Е. Б. Смолянинова. — Санкт-Петербург, 2007. — 27 с.

12. *Сырова Ю. Н.* А. М. Федоров : жизнь и творчество в контексте литературной эпохи конца XIX — начала XX веков (1885—1920) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Ю. Н. Сырова. — Саратов, 2006. — 18 с.

13. *Таирова И. А.* Восточные традиции в творческом восприятии И. А. Бунина : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / И. А. Таирова. — Москва, 2010. — 213 с.

14. Уланов М. С. Буддизм в истории русской философии XIX — первой половины XX вв. / М. С. Уланов. — Элиста : Изд-во Калмыцкого государственного университета, 2003. — 177 с. — ISBN 5-230-20178-9.

15. Чебоненко О. С. Восток в художественном сознании И. А. Бунина : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / О. С. Чебоненко. — Иркутск, 2004. — 217 с.

Статья поступила в редакцию 23.10.2024,
одобрена после рецензирования 23.12.2024,
подготовлена к публикации 29.01.2025.

Material resources

About children's books: A critical and bibliographic index of books published before January 1, 1907, recommended for reading by children aged 7 to 16 years. (1908). Moscow: Kn. mag. Trud. XV, [3] p., 832 pages. (In Russ.).

Arnold, E. (1879). *The Light of Asia, or Great Renunciation (Mahabhinishkramana)*. London: Trubner & Co. XIII, 238 p.

Arnold, E. (1890). *The Light of Asia*. Saint Petersburg: V. Tikhonov's Type and lit. [4], CIII, 238 p. (In Russ.).

Arnold, E. (1891). *The Luminary of Asia, or the Great Renunciation. (Mahâbhinishkramana): A poem*. St. Petersburg: tipolit. Mesnik and Riemann. 254 p. (In Russ.).

Arnold, E. (1893). *The Light of Asia. The poem*. Saint Petersburg: V. Tikhonov's Type and lit. [6], VIII, 344 p. (In Russ.).

Arnold, E. (1895). *The Light of Asia*. Moscow: Typolit. D. A. Bonch-Bruевич. 192 p. (In Russ.).

Arnold, E. (1895). *The Luminary of Asia or the Great Renunciation. (Mahâbhinishkramana): A Poem*. St. Petersburg: M. M. Lederle; typol. by B. M. Wolf. 238 p. (In Russ.).

Arnold, E. (1897). *Oriental legends: I. The Sin of Ben-Azar. II. Hassan's slave. III. Two commands. IV. Azrael ; From the poem "The Light of Asia" (Excerpt one; Excerpt two; Excerpt three; Excerpt four)*. St. Petersburg: Intermediary. 249—261. (In Russ.).

Arnold, E. (1903). *The luminary of Asia. In brief*. Saint Petersburg: O. N. Popova. 75 p. (In Russ.).

Arnold, E. (1906). *The Light of Asia. (Exposition in the poetic form of Buddhism)*. St. Petersburg: Svetoch. XXVI, 188 p. (In Russ.).

Arnold, E. (1970). How to pray [excerpt from *The Light of Asia*]. *Occultism and Yoga (Asuncion)*, 46: 44—45. (In Russ.).

Arnold, E. (2016). *The Light of Asia*. Moscow: Delphis. 182, [2] p. (In Russ.).

Arnold, E. (2018). *The Light of Asia or the Great Renunciation*. Kemerovo: Kolokol Publ. 272 p. (In Russ.).

Arnold, E. (2020). *The Light of Asia or the Great Renunciation*. Moscow: Amrita-Rus. 272 p. (In Russ.).

Belousov, I. A. (1928). *Literary environment. Memories. 1880—1928*. Moscow: Nikitinsky Subbotniks. 278 p. (In Russ.).

Blavatskaia, E. P. (1879). "The Light of Asia". As told in verse by an Indian Buddhist. *The Theosophist, I (October)*: 20—25.

Bunin, I. A. (2003). *Letters of 1895—1904*. Moscow: IMLI RAS. 769 p. (In Russ.).

Buturlin, P. (1890). The Buddha. Imitation of English. In: *Sibylla and other poems*. Saint Petersburg: A. S. Suvorin Publishing House. 108—110. (In Russ.).

- Chukovsky, K. (2001). Two “queens”. Pages of memoirs. In: *Collected works: in 15 volumes, 4*. Moscow: Terra Book Club. 509—522. (In Russ.).
- Correspondence of B. L. Modzalevsky with S. A. Vengerov and A. G. Fomin. (2001). In: *Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 1996. Boris Lvovich Modzalevsky: Materials for a scientific biography*. Saint Petersburg: Dmitry Bulanin. 259—300. (In Russ.).
- Desnitsky, V. A. (ed.). (1934). M. Gorky’s letters to writers and critics. In: *M. Gorky: Materials and Research, 1*. Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 251—345. (In Russ.).
- Fedorov, A. M. (1908). *Stories*. Saint Petersburg: S. V. Bunin’s Edition. 240 p. (In Russ.).
- Fedorov, A. M. (1909). *Feat: Novel*. St. Petersburg: Tip. T-va “Public benefi”. 225 p. (In Russ.).
- Fedorov, A. M. (1911). [Autobiography]. In: *The first literary steps. Autobiographies of modern Russian writers*. Moscow: I. D. Sytina Printing House. 102—106. (In Russ.).
- Gorky, M. (1955). Letter to I. D. Surguchev dated January 13 (26), 1912. In: *Complete works: in 30 volumes, 29*. Moscow: GIHL. 219—222. (In Russ.).
- Gorky, M. (2002). Letter to I. D. Surguchev dated January 13 (26), 1912. In: *Complete works. Letters: in 24 volumes, 9*. Moscow: Nauka. 237—240. (In Russ.).
- H. P. Blavatsky, “The Light of Asia.” A Poem in verse by an Indian Buddhist. (1996). In: *In search of the Occult*. Moscow: Sphere Publ. 210—215. (In Russ.).
- Instead of an introduction (From the poem “The Light of Asia” by Edwin Arnold). (1893). In: *Kingsford A. Scientific foundations of vegetarianism or slaughter-free nutrition*. Moscow: I. D. Sytina and Co. 3—5. (In Russ.).
- Kozhurin, Ya. Ya. (1967). Unpublished notes of G. V. Plekhanov on religion. In: *According to the stages of atheism development in the USSR*. Leningrad: Nauka Publ. 261—268. (In Russ.).
- Krasnov, A. N. (1898). *From the Cradle of civilization: Letters from a trip around the world*. St. Petersburg: M. Merkushev Publishing House. 660 p. (In Russ.).
- Leopardov, N. (1892). *About the Buddha in E. Arnold’s poem “The Light of Asia”, presented in the image of the foretold Messiah*. Kiev: S. V. Kulzhenko Publishing House. 52 p. (In Russ.).
- Lerner, N. O. (1907). [Translated from the book:] Edwin Arnold. The Light of Asia. *Libra, 2*: 89—90. (In Russ.).
- Men, A. V. (1992). *History of religion: in search of the Way, Truth and Life: in 7 vols. At the Gates of Silence: The Spiritual Life of China and India in the Middle of the First Millennium BC, 3*. Moscow: Slovo Publ. 239 p. (In Russ.).
- Mikhailovsky, N. K. (1892). On Buddhism. In: *Literature and life (letters about various differences)*. Saint Petersburg: Novosti newspaper Printing House. 132—164. (In Russ.).
- Morozov, S. N., Golubeva, L. G., Kostomarov, I. A. (2003). Comments. In: *Bunin I. A. Letters of 1858—1904*. Moscow: IMLI RAS. 459—711. (In Russ.).
- Oldenburg, S. F. (1906a). [Preface]. In: *Arnold E. The Light of Asia. (Presentation in the poetic form of Buddhism)*. Saint Petersburg: Svetoch Publ. III—XXIII. (In Russ.).
- Oldenburg, S. F. (1906b). Notes. In: *Arnold E. The Light of Asia. (Presentation in the poetic form of Buddhism)*. St. Petersburg: Svetoch. 185—188. (In Russ.).
- Oldenburg, S. F., Grechin, B. S. (2018). Notes. In: *Arnold E. The Light of Asia or the Great Renunciation*. Kemerovo: Kolokol Publ. 232—266. (In Russ.).
- Rubakin, N. A. (1914). *The practice of self-education: (Among books and readers): The experience of the system of self-educational reading in relation to the personal characteristics of readers*. Moscow: Nauka Publ. 536 p. (In Russ.).

- Rubakin, N. A. (1919). *The practice of self-education: (Among books and readers): The experience of a system of self-educational reading in relation to the personal characteristics of readers. 2nd ed.* Moscow: State Publishing House. X, 288, IV p. (In Russ.).
- Tambovsky, A. (1893). *The Curse of Love: An original collection of poems by the author of the Boundless Sea of Love.* Saint Petersburg: Type and phototype. Imperial Academy of Sciences. Arts. 96 p. (In Russ.).
- The Library of Leo Nikolaevich Tolstoy in Yasnaya Polyana: A bibliographic description, 1.* (1972). Moscow: Book. 440 p. (In Russ.).
- The Light of Asia. Indian legend.* (1899). Moscow: I. D. Sytina Printing House. 36 p. (In Russ.).
- The Light of Asia. Indian legend.* (1911). Moscow: Intermediary. 48 p. (In Russ.).
- Tolstoy, L. N. (1937). *Complete works: [In 90 volumes], 25.* Moscow: Khudozhestvennaya literature. 916 p. (In Russ.).
- Valery Bryusov is a literary historian. Correspondence with P. I. Bartenev and N. O. Lerner.* (2019). Moscow: Litfakt Publ. 408 p. (In Russ.).
- Vernadsky, V. I. (2013). *Collected works: in 24 volumes, 19.* Moscow: Nauka Publ. 456 p. (In Russ.).
- Vernadsky, V. I. (2022). *Biosphere and noosphere.* Moscow: AST. 640 p. (In Russ.).
- What should people read? Critical index of books for folk and children's reading: in 3 volumes, 3.* (1906). St. Petersburg: Tip. T-va "Public benefit". 560 p. (In Russ.).
- Yuzhakov, S. N. (ed.). (1905). *The Great Encyclopedia: A Dictionary of publicly Available Information on all branches of Knowledge: in 20 volumes, 20.* St. Petersburg: Prosveshchenie. VIII, 814 p. (In Russ.).

References

- Bernyukevich, T. V. (2009). *Buddhism in Russian philosophical culture — "alien" and "own".* Moscow: Librocom. 159 p. ISBN 978-5-397-00531-9. (In Russ.).
- Bernyukevich, T. V. (2011). On the reception of Buddhist ideas in the philosophy of Russia at the end of the XIX — first half of the XX century. *Questions of Philosophy, 4:* 153—163. (In Russ.).
- Bernyukevich, T. V. (2012). The concept of "nirvana" in the context of the reception of Buddhist ideas in the philosophical culture of Russia at the end of the XIX — beginning of the XX century. *Humanitarian vector, 4 (32):* 127—132. (In Russ.).
- Chebonenko, O. S. (2004). *The East in the artistic consciousness of I. A. Bunin.* PhD Diss. Irkutsk. 217 p. (In Russ.).
- Dvinyatina, T. M. (2015). I. A. Bunin and A. M. Fedorov: towards the history of creative relations. *Siberian Philological Journal, 1:* 43—50. (In Russ.).
- Gasparov, M. L. (2012). *Meter and meaning.* Moscow: Fortuna EL. 416 p. ISBN 978-5-9582-0045-0. (In Russ.).
- Lobanova, T. K. (1988). I. Bunin's Oriental prose and the spiritual and aesthetic heritage of the peoples of the East. In: *Russian literature and the East (features of artistic orientalism of the XIX—XX centuries).* Tashkent: Fan. 69—91. (In Russ.).
- Rogozina, N. M. (2016). *The memoir prose of A. M. Fedorov in the context literary creativity of the writer.* Author's abstract of PhD Diss. Nizhny Novgorod. 25 p. (In Russ.).
- Safronova, A. L. (2023). The Buddhist world of South Asia in the works and works of Russian scientists and cultural figures of the XIX — early XX century. *Historical bulletin, 46:* 324—345. DOI: 10.35549/HR.2023.2023.46.010. (In Russ.).

- Serebryany, S. D. (1985). “Gitagovinda” by Jayadeva in India and the West. In: *Classical monuments of Oriental literature (in historical and functional light): Collection of articles*. Moscow: Nauka. 69—107. (In Russ.).
- Smolyaninova, E. B. (2007). *The Buddhist East in the works of I. A. Bunin*. Author’s abstract of PhD Diss. St. Petersburg. 27 p. (In Russ.).
- Syrova, Yu. N. (2006). *A. M. Fedorov: life and creativity in the context of the literary era of the late XIX — early XX centuries (1885—1920)*. Author’s abstract of PhD Diss. Saratov. 18 p. (In Russ.).
- Tairova, I. A. (2010). *Oriental traditions in the creative perception of I. A. Bunin*. PhD Diss. Moscow. 213 p. (In Russ.).
- Ulanov, M. S. (2003). *Buddhism in the history of Russian philosophy of the 19th — first half of the 20th centuries*. Elista: Publishing House of Kalmyk State University. 177 p. ISBN 5-230-20178-9. (In Russ.).
- Zubkova (Bychikhina), L. V. (2004). The Theosophical Society and the “national awakening” in South India (late 19th — early 20th centuries). In: *Alaica: A collection of scientific papers by Russian Orientalists, prepared for the 70th anniversary of Professor, Doctor of Historical Sciences L. B. Alaev*. Moscow: Oriental Literature. 248—268. ISBN 5-02-018361-X. (In Russ.).

*The article was submitted 23.10.2024;
approved after reviewing 23.12.2024;
accepted for publication 29.01.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(1), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Чалбанова К. В. Реликты древнего культа солнца в фольклорной и обрядовой традиции калмыков / К. В. Чалбанова, Б. А. Бичеев // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 1. — С. 284—303. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-284-303.

Chalbanova, K. V., Bicheev, B. A. (2025). Relics of Ancient Sun Cult in Folklore and Ritual Traditions of Kalmyks. *Nauchnyi dialog*, 14 (1): 284-303. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-284-303. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Реликты древнего культа солнца в фольклорной и обрядовой традиции калмыков

Чалбанова Карина Вячеславовна

orcid.org/0000-0002-5987-8825

научный сотрудник,

корреспондирующий автор

chalbanovakv@gmail.com

Бичеев Баазр Александрович

orcid.org/0000-0002-9352-7367

доктор философских наук, профессор

baazr@mail.ru

Калмыцкий государственный
университет имени Б. Б. Городовикова
(Элиста, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено в рамках
государственного задания

Министерства науки и высшего
образования Российской Федерации
(№ 075-03-2024-113

«Буддизм и глобальные вызовы
современного мира»)

Relics of Ancient Sun Cult in Folklore and Ritual Traditions of Kalmyks

Karina V. Chalbanova

orcid.org/0000-0002-5987-8825

Researcher,

corresponding author

chalbanovakv@gmail.com

Baazr A. Bicheev

orcid.org/0000-0002-9352-7367

Doctor of Philosophy, Professor

baazr@mail.ru

Kalmyk State University
named after B. B. Gorodovikov
(Elista, Russia)

Acknowledgments:

This research was conducted as
a part of the state assignment
of the Ministry of Science and Higher
Education of the Russian Federation
(№ 075-03-2024-113
“Buddhism and Global
Challenges of the Modern World”)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматриваются реликты древнего культа поклонения солнцу, сохранившиеся в содержании мифов, сказочном фольклоре и в обрядовых действиях калмыков. Цель статьи — выявить следы древнего культа в фольклорной и обрядовой традиции, определить их символическое значение в сказочных сюжетах и обрядовых действиях. Материалом для исследования послужили образцы мифов, волшебных и богатырских сказок, а также обряды жизненного цикла. Доказано, что концепция божественности солнца и ее влияния на земную жизнь стала основой многих религиозно-мифологических представлений, следы которых обнаруживаются в разных аспектах духовно-религиозной жизни народа. Сообщается, что древний буддийский календарный праздник Зул отмечается в дни зимнего солнцестояния. Анализ мифов, волшебных и богатырских сказок позволил выявить значимые мотивы: (1) так, с восходом солнца герой обретает волшебные предметы, сбываются загаданные им желания, выявляются следы нечистых сил; (2) отправляясь в путь, сказочные персонажи непременно начинают движение «посолонь», то есть по ходу движения солнца «в правильном направлении» (зөв эргэд), что сопряжено с устойчивым представлением об удачном свершении задуманного. Показано, что древняя концепция божественности небесного светила проявляется в наделении сказочного героя солярными признаками.

Ключевые слова:

культ солнца; солярные мифы; сказочный фольклор; обряд; обрядовый фольклор; символика солнца в традиции калмыков; календарные праздники калмыков.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the remnants of the ancient sun worship cult that have persisted within the myths, fairy tales, and ritual practices of the Kalmyk people. The aim of the study is to identify traces of this ancient cult in folklore and ritual traditions, and to determine their symbolic significance in fairy tale narratives and ceremonial actions. The research material includes samples of myths, magical and heroic tales, as well as life-cycle rituals. It is demonstrated that the concept of solar divinity and its influence on earthly existence has formed the foundation for numerous religious and mythological beliefs, traces of which can be found in various aspects of the spiritual and religious life of the Kalmyk people. The article notes that the ancient pre-Buddhist calendar festival of Zul is celebrated during the winter solstice. An analysis of myths, magical tales, and heroic epics reveals significant motifs: (1) with the rising sun, the hero acquires magical objects, wishes are fulfilled, and traces of malevolent forces are revealed; (2) when embarking on a journey, fairy tale characters invariably begin their movement “following the sun,” that is, in the direction of the sun’s path, which is associated with a steadfast belief in the successful completion of their endeavors. It is shown that the ancient concept of celestial divinity manifests in endowing the fairy tale hero with solar attributes.

Key words:

sun cult; solar myths; fairy tale folklore; ritual; ritual folklore; symbolism of the sun in Kalmyk tradition; Kalmyk calendar festivals.

Реликты древнего культа солнца в фольклорной и обрядовой традиции калмыков

© Чалбанова К. В., Бичеев Б. А., 2025

1. Введение = Introduction

Поклонение солнцу как божеству, изгоняющему тьму и смертельный холод, дарующему свет и животворящее тепло, существовало у разных народов мира. Совершая извечный круговорот по небесному своду, солнце определяет смену дня и ночи, время дневной деятельности и ночного сна человека, смену природных и жизненных циклов, сезоны возрождения и увядания в природе, жизни и смерти человека. Могущественному солярному божеству издревле совершали жертвоприношения и молили его о благополучии, поскольку человек воспринимал солнце как мистический фактор жизненного и природного равновесия [Сефербеков, 2007; Сем, 2020; Мартынова и др., 2020].

Култ небесного светила имел особое значение и в этнической культуре калмыков, что нашло свое отражение в мифах, сказках и в некоторых обрядах жизненного цикла. В работах калмыцких исследователей при анализе мифов и легенд, при описании персонажей калмыцких сказок, формул и мотивов сказочных сюжетов отмечаются следы древнего культа поклонения солнцу [Очиров, 2006; Надбитова, 2011; Горяева, 2011; Сарангов, 2012; Манджиева, 2017]. В трудах калмыцких этнологов, в которых исследованы свадебные и календарные обрядовые действия, также отмечены реликты этого древнего культа [Бакаева, 2003; Хабунова, 2005].

Исследователи отмечают, что у калмыков особо почитались красный и желтый цвета. Красный цвет связывали с солнцем. Желтый ассоциировался с золотом и воспринимался как застывший солнечный цвет. Култ Солнца у калмыков присутствовал во многих аспектах культуры: в оформлении жилища, в вышивке, одежде и др. Солярный култ, можно сказать, пронизывает всю культуру калмыков, что прослеживается в обрядах и обычаях, с ним связано множество примет [Мушаев 2021; Убушиева 2022].

Вход в кибитку у калмыков находился на южной, или передней, стороне. Такая ориентация основывалась на положении солнца, где югу соответствовал восход солнца, то есть восток, а северу — запад, что соот-

носится с представлениями древних тюрок о сторонах света [Болдырева и др., 2019, с. 125]. В мировидении калмыков существенное значение имела солярная символика пространства, проецируемая в пространстве кибитки. Деревянная конструкция кочевого жилища окрашивалась в красный цвет солнца. На этом фоне выделялся круг дымохода, в котором виднелось синее небо. Цвет солнца как символа жизни проецируется на огонь домашнего очага. Полусфера кибитки представляет собой своеобразные «солнечные часы», где «стрелкой» являются лучи солнца, попадающие внутрь жилища через дымоход [Батырева и др., 2021, с. 80—91].

Непосредственно теме отражения элементов культа солнца в сказочном и обрядовом фольклоре посвящены две работы. В одной из них раскрывается семантика бараньей головы в свадебных обрядах калмыков [Шараева, 2019]. Другая работа посвящена рудиментам солярной мифологии в эпосе «Джангар» [Селеева, 2011]. Однако в этих трудах элементы солярной мифологии рассматриваются лишь как дополнение к сказочному тексту или обрядовому действию, но сам культ поклонения солнцу не выступает объектом исследования.

Цель данного исследования — выявить следы древнего культа поклонения солнцу в фольклорной и обрядовой традиции калмыков, определить их символическое значение в контексте сказочных сюжетов и обрядовых действий, исходя из того, что культ солнца в древних верованиях имел влияние на многие аспекты жизнедеятельности человека.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Основным материалом исследования послужили тексты калмыцких мифов и преданий, волшебных и богатырских сказок, опубликованных в трех томах свода калмыцкого фольклора [Мифы ..., 2017; Калмыцкие богатырские ..., 2017; Калмыцкие волшебные ..., 2020], а также тексты мифов, легенд, преданий и сказок из других сборников [Семь ..., 2004]. Для достижения поставленной цели в исследовании применялся структурно-описательный метод сюжетных мотивов сказок, в которых сохранились следы культа солярного божества, а также метод сравнительно-сопоставительного анализа при описании обрядов жизненного цикла, уточняющих или развивающих тот или иной аспект культа солнца.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Мифология как результат духовно-практического освоения мира в целом или его элементов является фундаментальным основанием этнической культуры. Миф хранит в себе исходные этнические представления о сотворении мира, которые отражают процесс сотворения упорядоченного кос-

моса из неупорядоченного хаоса. Поэтому содержание мифа для этноса — это некая изначальная истина, поскольку она соответствует структуре его глубинного переживания. В космогонических мифах особое место занимает мифологизация солнца. Небесное светило как источник всепроникающего света олицетворяет непреложную истину, как источник живительного тепла — божественную энергию, созидающую жизнь. Соответственно этим архаичным представлениям жизнь человека отождествлялась со светом и божественной энергией солнца. Жизнь понималась как восход и свечение солнца, смерть — закат солнца и странствие во тьме.

3.1. Космогонические и солярные мифы калмыков

Культ солнца возник в глубокой древности вследствие жизненной потребности человека в солнечном свете и тепле. В мифологическом сознании прочно укоренилось представление о том, что существующий мир возник в результате преодоления хаоса, мрака, то есть с появлением солнца и луны. К числу архаических относятся солярные мифы, например, мифы о возникновении солнца, о солнечных затмениях, уничтожении лишних солнц. Несмотря на то, что архаичная мифология калмыков была разрушена под натиском мощной эпической традиции, а в поздний период произошла вторичная мифологизация сознания этноса в процессе принятия буддизма, в космогонических мифах сохранилась древнейшая структура этнического миропонимания [Михайлов, 1971, с. 26—27].

Древнейшая тема мифов многих народов мира — это сотворение мира в целом или его фундаментально значимых элементов. Не является исключением и калмыцкая мифологическая традиция, в которой в сотворении мира участвуют божества буддийского пантеона. В мифе «Араха закрывает Луну и Солнце» («*Сар, Нариг Араха хаалһн*») повествуется о том, как защитник дхармы Ваджрапани (санск. *Vajrapāṇi*), правитель мира богов-небожителей Хормуста (др.-перс. *ahuramazdā*) и предводитель асуров Араха¹ (санск. *rāhu*), вырвав гору, стали пахтать мировой океан [Очиров, 2006, с. 79—80]. Таким способом они добывают солнце, луну и напиток бессмертия амрита (санск. *amṛta*; калм. *аруан*).

Солнце и луна достаются Хормусте, амрита — Арахе. Ваджрапани становится обладателем добытой из океана разной опасной живности (змей, пауков, щук, волков и мышей), персонифицированной в образе огромного и черного существа с дурным видом. Затем Ваджрапани отправляется во владения Арахи и обманом овладевает амритой. Араха, облачившись

1 В индуистской традиции Раху — демон солнечного и лунного затмений [Словарь ..., 1996, с. 364]. В индийской астрологии он повелевает обманом и ассоциируется с аморальными поступками. В калмыцкой мифологии он выступает как демонический персонаж [Басангова, 2010].

в одежду небожителя, пытается вкусить амриту. Солнце и луна помогают разоблачить его. Ваджрапани метает в убегающего Араху свою ваджру и разрубает его на две части. Однако две его части продолжают самостоятельно существовать, поскольку Араху успел испить бессмертный напиток. Верхняя часть разрубленного демона, мстя солнцу и луне, периодически проглатывает их, а нижняя, ушедшая под землю, устраивает землетрясения [Семь ..., 2004, с. 35—43; Мифы ..., 2017, с. 32—43].

Содержание калмыцкого мифа о сотворении Луны и Солнца, а также других вариантов этого мифа свидетельствует о влиянии индуистского космогонического мифа, содержащегося в Пуранах и повествующего о битве дэвэв и асуров за обладание амритой, полученной при пахтании Молочного океана [Словарь ..., 1996, с. 364]. Однако в калмыцком варианте мифа сохранился акцент на древнем культе поклонения солнцу. В одном из вариантов этого мифа луна появляется из океана на серебряной колеснице, запряженной белой лошастью. Солнце же предстает на золотой колеснице, запряженной тремя соловыми конями. По велению буддийских божеств Солнце и Луна колесят вокруг Земли, которая была сотворена Буддой в виде черепахи, лежащей на панцире [Семь ..., 2004, с. 36]. Здесь отражена изначальная концепция божественности небесных светил и их влияния на земные дела, которые скрыты за доминирующим буддийским наполнением.

В другом варианте мифа говорится о том, что на берегу океана собрались боги-звезды, которые тогда жили на земле, чтобы добыть эликсир бессмертия — аршан. Самыми младшими среди них были малыши — Солнце и Луна. Кругом царили тьма, холод и хаос. Только звезды-боги были единственным источником света для себя. Когда им удалось добыть аршан, то Араху, воспользовавшись суматохой, успел обмакнуть в него свой палец, облизать его и обрести вечную жизнь. Лучники по подсказке Солнца и Луны выстрелили в ту сторону, куда бежал Араху, и рассекли его бессмертное туловище на две части. Пришло время, Боги-звезды расселились по всей Вселенной, а повзрослевшие Солнце и Луна остались освещать и обогреть землю [Семь ..., 2004, с. 41—43].

Этот вариант мифа более архаичен. В нем не ощущается столь явного влияния пуранического сюжета и более явственно обозначены элементы исходного этнического представления о сотворении мира. Во всех известных вариантах этого мифа, если не брать во внимание поздние буддийские наслоения, Солнце и Луна являются основными объектами творения во времена изначального существующего Хаоса, который олицетворяет Араху. Символически он являет собой то, что неотъемлемо существует как необходимость для гармоничного уравнивания космоса. Сам по себе Араху не представляет опасности до тех пор, пока он не начинает воздейство-

вать на Солнце или Луну, создавая некоторую природную опасность в виде затмения, зноя, засухи, пожаров или лютого холода, землетрясения, тьмы.

В определенной мере в содержании калмыцкого мифа о сотворении солнца проглядываются и морально-этические установки. Указывая местонахождение Арахи, небесные светила совершают определенный моральный проступок, за что получают своего рода наказание: их периодически проглатывает «пострадавший» демон. Даже этиологические мотивы, которые связывают происхождение пятен на Солнце и Луне с привязанными к ним двумя частями тела Арахи, содержат некий морально-смысловой акцент [Семь ..., 2004, с. 43].

Таким образом, калмыцкие мифы о происхождении Солнца и Луны, как и вся мифология в целом, несмотря на разрушительное воздействие эпических традиций, а затем и мощное влияние буддизма, сумели сохранить в себе исходные этнические представления о сотворении мира и свидетельства формирования культа божественного Солнца.

3.2. Мифы и легенды о возвращении Солнца

Среди мифов и легенд о солнце, существующих у разных народов, привлекает внимание общий для некоторых культур сюжет о появлении на небосклоне трех солнц, грозящих испепелить земной мир [Мартынова и др., 2020]. В калмыцком фольклоре существует противоположный сюжет, связанный с исчезновением солнца. При этом речь идет не о мотиве солнечного или лунного затмения, а именно о намеренном закрытии солнца.

В калмыцком фольклоре много легенд и преданий, связанных с богатырем Йобогон Мергеном (букв. Пеший богатырь). Согласно сложившимся представлениям Йобогон Мерген был не только умелым охотником, метким стрелком, но и сильным и мудрым богатырем, защищавшим родные кочевья от врагов. Говорится, что с тех пор, как он научился ходить, нога его никогда не касалась стремени, поскольку не было коня, способного нести его на себе [Мифы ..., 2017, с. 240—243]. Однажды в Тибете солнце и луна перестали появляться на небе. Тогда Далай-лама обратился к ойратскому хану с просьбой прислать богатыря, который мог бы решить эту проблему. В Тибет был послан Йобогон Мерген, который метким выстрелом удалил темное начало (*харнһуржасн юмн*), которое закрывало Солнце и Луну.

В основе этой легенды лежит символическое отражение исторического события, связанного с просьбой Далай-ламы V о военной помощи, с которой он обратился к правителям Джунгарии для подавления противоборствующего направления буддизма. В первой половине XVII века ойратские войска оккупировали Тибет, подавили представителей красншапочного буддизма и передали светскую и духовную власть в руки Далай-ламы. Для нас важен тот факт, что в данной легенде буддийское учение уподобляется

божественному культу Солнца, которое оказалось скрытым за темным началом, несущим тьму, холод и смерть.

Интересно, что эта же легенда о Ёобогон Мергене у калмыков Китая обрела новую историческую подоплеку. В ней повествуется о том, что в Пекин прилетела мифическая птица Гаруди и, сев на гору, закрыла собой солнце. Наступила долгая ночь и холод. Китайский император обратился к ойратам, которые недавно вернулись на историческую родину с берегов Волги, с просьбой прислать богатыря, способного убить царя птиц. Ёобогон Мерген прибывает в Пекин, но не убивает ее, поскольку, упав с горы, ее огромное тело накрыло бы собой весь город, а лишь ранит ее в крыло. В легенде говорится о том, что перо, выпавшее из крыла Гаруди, повредило стену Запретного императорского города. В данной легенде Солнце символически выражает силу и мощь калмыков, вернувшихся в родные кочевья, а мифическая птица — страх китайского императора. Неслучайно легенда заканчивается тем, что Ёобогон Мерген был отравлен в Пекине и по прибытии домой вскоре скончался.

Таким образом, даже в таких легендах, содержание которых тяготеет к символическому отражению значимых для этноса исторических событий, мы видим элементы древнего культа Солнца, важные для их содержания. В первой легенде солярное божество опосредованно символизирует свет буддийского учения, рассеивающего тьму разума. Во второй легенде благополучие народа на новом месте обитания не мыслится без небесного светила, для обретения которого совершается жертвоприношение лучшим представителем своего народа.

3.3. Культ Солнца в калмыцком свадебном обряде

Элементы древнего культа поклонения солнцу обнаруживаются во многих аспектах повседневной жизни калмыков, религиозных обрядах и календарных праздниках. Роль небесного светила в жизни калмыков и его почитание отражены в калмыцком фольклоре, в частности в сказках. Особенно отчетливо оно прослеживается в обрядовом фольклоре калмыков.

В свадебном обряде калмыков Солнце причисляется к числу священных объектов почитания. По мнению исследователей, в основе свадебного обряда многих народов лежит обряд похорон невесты или поминальный обряд [Еремина, 1991, с. 83]. Не является исключением и свадебный обряд калмыков. В калмыцком языке «выйти замуж» (*хəрд һарх, мордх*) дословно означает «отправится к чужим», «отправиться в путь». Семантически это означает «уйти (отправиться) в страну мертвых» [Бичеев, 2005, с. 531]. Невеста после совершения определенных обрядовых действий становится «чужой» в своем доме, и в семантическом значении проводы невесты из дома превращаются в прощальную похоронную обрядность [Шараева, 2019, с. 144].

Вхождение невесты в семью жениха сопровождается рядом знаковых обрядов, соотносимых уже с обрядами родильного цикла. Прежде всего, невеста совершает молитвенный ритуал поклонения на пороге жилища родителей жениха, стоя на коленях на специальной кошке и держа в руках вместе с женихом малую берцовую кость жертвенной овцы. О том, насколько важным был этот ритуал в свадебном обряде калмыков, свидетельствуют упоминания о нем в текстах сказок. Так, главный герой одной сказки Манджин Зарлик во время женитьбы на небесной деве совершает ритуальное поклонение Солнцу, держа в руках малую берцовую кость барана [Калмыцкие волшебные ..., 2020, с. 222].

Во время ритуала поклонение совершается Солнцу (*Шар Нарнд*), Очагу (*Гал-хулмтд*) и Берцовой кости (*Шаха-чимгнд*). Семантически все три объекта поклонения представляют разные аспекты главного солярного божества — Солнца. В первой из трех древних формул поклонения Солнце наделено качественным цветовым эпитетом ‘желтый’ (*шар*). Желтый цвет содержит многозначную семантическую нагрузку. С одной стороны, это непосредственно само Солнце как божество, собственно солнечный мир и сама земная жизнь. С другой — семантика религиозной и этнической принадлежности. Именно такая сконцентрированная и глубокая семантика скрыта в пестро-желтом цвете знамени (*шар цоохр туз*) повелителя мира и страны Бумбы Джангара.

Очаг семантически восходит к солярному божеству. Его связь с солнцем очевидна не потому, что очаг тоже представляет собой своеобразный источник света и тепла, но прежде всего из-за его взаимной связи с Солнцем, которая вертикально осуществляется через дымоход кочевой юрты. Запах жертвенной пищи от очага устремляется вверх к божеству, а божественная благодать ниспадает в юрту через дымоход на домашний очаг.

В архаическое время визуальная модель мира или ее отдельные элементы ассоциировалась с определенными животными. К примеру, образом модели мира у одних народов Евразии был олень, у других Солнце ассоциировалось с бараном [Сем, 2020; Шараяева, 2019]. Взаимосвязь барана с солярным божеством присутствует в культурах многих народов [Вольная и др., 2016]. Определенные части жертвенного барана (малая берцовая кость, голова) были обязательным атрибутом свадебного ритуала у калмыков, что и нашло свое отражение в формуле поклонения малой берцовой кости. В кочевой культуре калмыков круторогий баран символизировал энергию солнца и плодородия. Поэтому на лоб сваренной головы жертвенного животного наносились надрезы в виде креста (солярный знак), а края надрезанной кожи загибались наружу.

Еще один свадебный обряд, с которым связан баран как символ солярного божества, известен в виде обряда выбрасывания через дымоход кибитки новобрачных головы барана [Шараева, 2018]. Этот специфический ритуал существует в свадебном обряде ряда тюрко-монгольских народов. Несмотря на некоторые различия в его исполнении и количестве принимавших в нем участие лиц, следует отметить, что в целом он состоял в троекратном выбрасывании или забрасывании сваренной бараньей головы через дымоход юрты.

Исследователи по-разному толкуют семантику этого древнего обряда. Одни утверждают, что это действие открывает дымоход и способствует проникновению света и счастья в юрту молодой семьи [Галданова, 1992, с. 73]. Другие отмечают, что благодаря этому обрядовому действию через дымовое отверстие будет выходить дым, следовательно, молодожены не будут ни в чем нуждаться [Душан, 2016, с. 141]. Третьи видят в нем своеобразную санкцию на полноценную жизнь кочевника [Шараева, 2019, с. 76].

Нам представляется, что этот обряд есть некое символическое повторение мифологического воссоздания мира. Троекратное выбрасывание бараньей головы в дымоход юрты символически воспроизводит акт творения — пахтание мирового океана и сотворение солнца, луны и амриты. Обрядовое действие символически открывало вертикальную взаимосвязь очага с солярным божеством с помощью головы жертвенного животного, олицетворявшего энергию божественного Солнца.

3.4. Культ Солнца в калмыцких календарных праздниках

Элементы древнего культа поклонения Солнцу прослеживаются и в национальных праздниках калмыков. В калмыцкой кочевой культуре существуют два больших календарных праздника — *Цаган сар* (Белый месяц) и *Зул* (Лампада). Корни этих двух значимых в жизни кочевников праздников уходят в глубокую древность, несмотря на то, что с принятием буддизма они наполнились новым религиозным содержанием. Однако по своей сути, они непосредственно связаны с культом почитания Солнца, что, собственно, и лежит в основе этих двух календарных праздников и сопровождающих обрядовых действий.

Наиболее торжественный для буддийской церкви и любимый народом праздник *Цаган сар*, или *Цаган*, сопровождается большими молебнами и народными гуляниями. По лунному календарю он выпадает на первое число первого весеннего месяца, который, как правило, приходится на месяц февраль григорианского календаря. Относительно причин установления этого праздника исследователи приводят разные сведения. Торжественные молебны первых двух недель нового месяца в буддийских храмах связаны с легендарными событиями жизни Будды Шакьямуни: снисхождением его

во чрево матери в виде белого слоненка, проявлением им великих чудес и победой над шестью учителями-еретиками [Позднеев, 1993, с. 276—281; Бадмаев, 1898].

Однако в основе этого важного в жизни кочевников праздника лежит древний обряд поклонения Солнцу в преддверии дня весеннего равноденствия, который издревле символизировал наступление времени, когда темная и холодная зима постепенно начинала уступать место весеннему теплу и солнцу. Легендарное обоснование этого древнего праздника хотя и обросло буддийскими наслоениями, но, по сути, отсылает к мотиву освобождения Солнца из плена зимней тьмы и холода. Согласно одной легенде, некогда люди жили благополучно и счастливо под управлением одного царя, супруга которого была беременна. Прорицатели предсказали, что царица родит сына, который будет столь жестоким и кровожадным, что истребит весь людской род. На помощь скорбящим людям приходит *Окон-Тенгри* (Дева-Богиня), которая похищает ребенка в момент его рождения и бросает его в бездонную пропасть [Бадмаев, 1898, с. 136].

В другом варианте этой легенды повествуется о том, что некогда на земле жили безгрешные, подобные небожителям (*тенгриям*) люди, созданные Буддой Амитабхой (санск. *Amitābha*). Они были *хубилганами* (перерожденцами), и их тела испускали свет. Когда их число увеличилось, то на землю явился Эрлик Номин-хан, который сумел подчинить их себе и стал сеять среди них беспорядки. Тогда Бодхисаттва Манджушри (санск. *Mañjuśrī*) явился на землю в образе свирепого Ямантаки (санск. *Yamāntaka*), чтобы избавить людей от Эрлик Номин-хана, низвергнув его в преисподнюю. Эрлик Номин-хан стал повелевать царством тьмы.

Завидя людям, которые жили счастливо, не зная бед и болезней, благодаря благотворному действию солнечных лучей, он напал на землю и проглотил Солнце. Землю покрыла тьма, распространились болезни, несущие смерть всему живому. Сжалившись над людьми, *Окон-Тенгри* решила им помочь. Она приняла угрожающе безобразный вид и явилась в царство тьмы к Эрлик Номин-хану. Сразившись с ним, она ударом копья рассекла ему живот и освободила солнце, которое вновь стало освещать и обогащать землю.

Существуют и другие варианты этой легенды, которые также основаны на мотиве освобождения солнца из плена чудовища. Несмотря на их разнообразное содержание, основа повествования восходит к древнему почитанию солярного божества. Ожидание весеннего пробуждения природы было связано с неизбежным усилением солнечного тепла и продолжительностью дневного времени после наступления дня весеннего равноденствия. Для утверждения этого важного в жизни людей переходного

времени в глубокой древности, по всей видимости, совершались большие молебны с жертвоприношениями.

Среди других элементов праздника, связанного с поклонением Солнцу, следует указать на приготовление ритуальной пищи из теста (калм. *боорцэ*) — символических фигурок домашних животных разной формы, которые выкладывались на самую большую лепешку (калм. *целвэг*), вылепленную в форме Солнца, лучи которого обозначались зашипанными краями теста.

Другим не менее важным календарным праздником в жизни калмыцкого кочевого общества был праздник Зул, в основе которого также лежит обряд поклонения Солнцу. Он отмечался 25 числа десятого месяца лунного календаря, в преддверии самого короткого дня и самой долгой ночи в году — дня зимнего солнцестояния. Символично название праздника — Зул, то есть праздник зажженных лампад¹. В традиции буддийской церкви этот день отмечается как день памяти реформатора буддизма Цонкапы (1357—1419). Интересно, что от древнего культа поклонения Солнцу в буддийской храмовой службе сохранились время наступления праздника и ритуал зажигания многочисленных лампадок. Торжественный молебен начинается в вечернее время, когда на небе появляется созвездие Плеяды (калм. *Мөчн одн*). Внутри и снаружи храма зажигают большое количество лампадок.

Исследователи отмечают, что обряды, проводимые в день праздника лампад Зул, имели символику прибавления силы солнцу. Об этом свидетельствует обычай установки ледяного колпака над лампадой, которая растопит лед, как бы символизируя таянье застывшего на зиму небесного свода [Бакаева 2020, с. 672—677]. В самом названии праздника Зул (*лампада*) отражено древнее ритуальное действие, которое было призвано «помочь» солярному божеству преодолеть самую темную и долгую зимнюю ночь в году. Люди возжигали множество лампадок и жертвенных костров, как бы призывая Солнце вернуться на землю, увеличить силу своих лучей. С этого дня ночная тьма постепенно начинала уступать свое время дневному свету.

Специфика этого праздника, заключенная в возрождении Солнца, сказалась и на обрядовых праздничных действиях калмыков. Прежде всего, Зул отмечается как семейный праздник, на котором каждый член семьи прибавляет к своему возрасту один год. Зул — это своего рода общий день рождения для всего народа. Поэтому по традиции в этот день произносится благопожелание долгой жизни.

1 Интересно, что калмыцкий праздник Зул, отмечающийся 25 числа десятого месяца лунного календаря, совпадает с днем праздника еврейской Хануки, во время которого возжигаются восемь свечей.

Таким образом, сохранившиеся реликты солярного культа в мифологии и календарных праздниках свидетельствуют о том, что в прошлом культ Солнца, как и культ Луны и Неба, послужил той основой, на которой сформировалась этническая картина мира калмыков.

3.5. Реликты солярных культов в сказочном фольклоре

В калмыцком лунном календаре день делится на двенадцать отрезков, каждый из которых включает два часа. Самым тяжелым временем ночи считается час Быка (01:40–03:40). Согласно поверьям, что каждое время суток оказывает свое благоприятное или негативное влияние на человека. Утренние часы считаются наиболее благоприятными для начинания и завершения задуманного, а вечерние часы неблагоприятными для любых начинаний.

Такие общепринятые установки настолько вжились в сознание народа, что традиционные представления о движении по ходу солнца (посолонь), обычай начинать задуманное с утра, стремление завершить задуманное до захода солнца являлись вполне естественными в повседневной жизни человека. Они нашли свое отражение даже в сказочном фольклоре калмыков. Понятие «правильный поворот» (досл. «зөв эргэд») означает движение по ходу солнца, играющее важную роль, поскольку сопутствует удаче. Поэтому герои сказки начинают свой путь «по ходу солнца» или «повернув [коня] по ходу солнца».

Восприятие пространства в культуре калмыков связано с положением солнца на небосклоне. Герои калмыцких сказок, посещая верхний (небесный) и нижний (подземный) миры, а также место, где небо сходится с землей, обязательно направляются в сторону восхода или захода солнца. По древним представлениям, в стороне захода солнца находится все враждебное для человека. Там обитают противники героя сказки, имеющие связь с потусторонним миром. Отправившись в сторону заката, умирает Сын богача из сказки «Семеро братьев». В сторону захода солнца отправляется герой сказки «Бёргин Бёкин Цаган» на поиски черного облака, унесшего родившегося ночью жеребенка. Богатырь Шаджин Улан отправляется в сторону захода солнца, поскольку там живет предназначенная ему изобраница, пятнадцатилетняя дочь кровожадного хана Алтан Дарни.

В калмыцких сказках герои вершат свои дела с утра, в самое благоприятное время дня. Так, Улан Хачир, Барс Мерген и Шарсал, герои одноименных сказок, отправляется на охоту рано утром. Манджин Зарлик отправляется на встречу с ханским сыном на утро следующего дня после своего прибытия. Таким образом, установка на то, что дополуденное время является наиболее благоприятным для любых начинаний, по всей видимости, связано с представлениями о том, что лучи восходящего солнца дают человеку особую энергию для реализации задуманного.

Согласно фольклорным представлениям, ночь и особенно час Быка — это время активности демонических персонажей: *алмасов, мусов, шулмусов, лусов, мангусов, эрликов, четкеров*, которые являются врагами героев сказок [Басангова, 2010, с. 95]. В сказке «Делгир» старуха-шулмуска ночью совершает подмену письма. В сказке «Богатырь Шарсал на буланом иноходце» («*Сайг саарл мөртэ Шарсл гидг баатр*») старуха-шулмуска трижды пытается вывести у богатыря, где находится его душа и добывается своего на третью ночь. В сказке «Бёргин Бёкин Цаган» каждую ночь некое черное облако крадет жеребят, родившихся ночью. «Ложность героев» сказки «Нусха Му» проявляется в том, что они отказываются стеречь могилу умершего отца ночью [Сарангов, 2012, с. 63].

Согласно калмыцким сказкам, утром сбываются загаданные ночью желания или разгадываются загадки. К примеру, герой «Сказки о юноше Бош со свистун-стрелой тош» («*Бош көвүн тош худьтан тууль*») ночью загадывает желание, а утром оно исполняется. В сказке «Трое сыновей приметливого человека» («*Шинжэчин хурвн көвүн*») герой наутро разгадывает загадку хана.

Считалось, что солнечные лучи полуденного времени наиболее активны и опасны, поэтому эти часы предназначались для отдыха. Даже в пути полдень был временем обязательного отдыха. По всей вероятности, знойный полдень считался временем связи с потусторонним миром. В сказке «Юноша Эркя Билдер» герой попадает в потусторонний мир в полдень и встречает там мифическую птицу Гаруду. В сказке «Барс Мергн баатр» старшая сестра героя отправляет послание, в котором написано: «Возле дома пику воткну, в острие пики иглу воткну, иглу ватой оберну, завтра в полдень приезжай и заberi меня» [Калмыцкие богатырские ..., 2017, с. 86—87]. Назначение свидания в полдень указывает на то, что сестра героя связана с потусторонней силой.

Судя по содержанию сказок, встреча героя с кем-либо в полдень не сулила ему ничего хорошего. Так, в сказке «Богач с Дона и богач с Волги» герой в полдень встретился с семьёю мужчинами, которые обманым путем забрали у него верблюдов, груженных приданым его невесты. В полдень мальчик Амха Шара из сказки «Хадыр Хара Авги Хан Сенаки на вороном коне с лысиной» встречает алчную старуху-шулмуску с козыми ножками.

В сказках красота персонажей часто описывается посредством сравнения с солнцем. Так, при свете, излучаемом суженой Богатыря Улада, «можно было стеречь табун, при свете лика ее можно было рукоделием заниматься» [Калмыцкие волшебные ..., 2020, с. 444—445]. В сказке «Сын медведя» мать главного героя предстает красавицей с солнечным светом на лбу и лунным светом на макушке [Сказки ..., 2017, с. 21]. По-

добные сказочные представления восходят к солярному культу и древним представлениям о женской красоте как животворной силе небесного светила.

Богатыри калмыцких сказок обладают необычной способностью напускать тьму и холод на землю и зажигать маленькое солнце (иногда луну и солнце) на своих ладонях. Так, Богатырь Харти Хара Кюкюл, пытаясь поймать упущенных им семерых птенцов, напускает выюгу. Затем «на двух ладонях своих солнце зажжет». На свет солнца слетаются птицы, он ловит семерых птенцов, которые являются душами семи мангасов [Калмыцкие богатырские ..., 2017, с. 288—289]. Подобный мотив встречается и в других богатырских сказках.

Таким образом, в представлении калмыков день воспринимался не просто временем между восходом и заходом солнца, он был строго регламентирован исходя из положения солярного божества на небосклоне. Утренние часы «желтого солнца» считались наиболее благоприятными для всех начинаний. Нельзя было начинать задуманное вечером, особенно на закате «красного солнца». Все эти представления, нашедшие свое отражение в калмыцком сказочном фольклоре, являются подтверждением того, что реликты древнего культа почитания солярного божества продолжали сохраняться в мифологическом сознании калмыков.

4. Заключение = Conclusions

В древности предки калмыков почитали Солнце как божество, дающее свет, тепло и жизнь, молились ему о благополучии и совершали жертвоприношения. Согласно древним представлениям, существующий мир возник в результате устранения хаоса и мрака с появлением Солнца и Луны. Мифы об их происхождении сохранили в себе исходные этнические представления о творении мира с помощью пахтания океана.

Элементы древнего культа Солнца присутствуют в содержании более поздних по времени легендарных текстов, которые символически отражают важные события истории народа. Благополучие народа в новом месте обитания не мыслится без небесного светила. Для его обретения в жертву приносится лучший богатырь народа. Учение Будды уподобляется свету солярного божества, рассеивающего тьму разума.

В представлении калмыков традиционные занятия в течение светового дня соотносились с положением солярного божества на небе. Утренние часы «желтого солнца» считались наиболее благоприятными для всех начинаний. Нельзя было начинать задуманное на закате «красного солнца». Такие представления, нашедшие свое отражение в калмыцком сказочном фольклоре, служат подтверждением того, что реликты древнего культа по-

читания солярного божества продолжали сохраняться в мифологическом сознании калмыков.

В свадебной традиции калмыков солярное божество причисляется к числу священных объектов поклонения. Обряд выбрасывания бараньей головы в дымоход юрты символически воспроизводит акт творения мира. Обрядовое действие символически открывает вертикальную связь домашнего очага с солярным божеством. Элементы древнего культа поклонения Солнцу прослеживаются и в древних национальных праздниках. С принятием буддизма они наполнились новым содержанием, однако не утратили элементы культа почитания Солнца.

Таким образом, сохранившиеся реликты солярного культа в мифологии, свадебных обрядах, календарных праздниках и сказочном фольклоре свидетельствует о том, что культ Солнца был той основой, на которой сформировалось этническое мировидение калмыков.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Словарь* — Индуизм. Джайнизм. Сикхизм : Словарь / под общ. ред. М. Ф. Альбедиль и А. М. Дубянского. — Москва : Республика, 1996. — 576 с.
2. *Калмыцкие* волшебные сказки / вступ. ст. Б. Б. Горяевой ; сост., указатели Б. Б. Горяевой, Д. В. Убушиевой ; перевод, примеч., коммент., словарь Б. Б. Горяевой, Т. А. Михалевой, Д. В. Убушиевой ; отв. ред. А. А. Бурыкин, В. Л. Кляус, В. В. Куканова, Г. Ц. Пюрбеев. — Москва : АО «Первая Образцовая типография», Филиал «Чеховский Печатный Двор», 2020. — 584 с. — ISBN 978-5-906881-42-7.
3. *Калмыцкие* богатырские сказки / вступит. ст. Б. Б. Манджиевой ; подготовка текстов, переложение калмыцких текстов, пер. Б. Б. Манджиевой, Т. А. Михалевой, Ц. Б. Селеевой ; примеч. комментарии, указатели, словарь Б. Б. Манджиевой, Ц. Б. Селеевой ; отв. ред. А. А. Бурыкин, В. Л. Кляус, В. В. Куканова, Г. Ц. Пюрбеев ; Калмыцкий научный центра РАН. — Москва : АО «Первая Образцовая типография», Филиал «Чеховский Печатный Двор», 2017. — 561 с. — ISBN 978-5-906881-41-0.
4. *Мифы*, легенды и предания калмыков / подгот. текстов, пер., вступ. ст., примеч., коммент., указ., словарь, сверка калмыцких текстов Т. Г. Басанговой, Т. А. Михалевой ; отв. ред. А. А. Бурыкин, Е. Н. Кузьмина, В. В. Куканова, Г. Ц. Пюрбеев. — Москва : Наука, Вост. лит., 2017. — 367 с. — ISBN 978-5-02-039802-3.
5. *Очилов Н.* Живая старина. Сост., вступит. ст., коммент. Б. А. Бичеева / Н. Очилов. — Элиста : Калм. кн. изд-во, 2006. — 398 с. — ISBN 5-7539-0549-8.
6. *Сказки* народов Евразии. «Сын медведя» / сост., автор предисл. Е. Э. Хабунова. — Элиста : Изд-во Калм. ун-та, 2017. — 190 с. — ISBN 978-5-91458-246-0.
7. *Семь звезд.* Калмыцкие легенды и предания / составитель Д. Э. Басаев. — Элиста : Калм. кн. изд-во, 2004. — 415 с. — ISBN 5-7539-0513-7.

Литература

1. *Бадмаев Н.* Цаган-сара (калмыцкий праздник) / Н. Бадмаев // Астраханские Епархиальные ведомости. — 1898. — № 4. — С. 135—142.
2. *Бакаева Э. П.* Добуддийские верования калмыков / Э. П. Бакаева. — Элиста : АГТП “Джангар”, 2003. — 357 с. — ISBN 5-94587-112-5.
3. *Бакаева Э. П.* Почитание Большой Медведицы в среде ойратов и калмыков: древнейшие представления и буддийские напластования / Э. П. Бакаева // Oriental Studies. — 2020. — Т. 13. — № 3. — С. 661—687. — DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-661-687.
4. *Басангова Т. Г.* Демонологические персонажи в фольклоре калмыков / Т. Г. Басангова // MONGOLICA. — 2010. — № 9. — С. 95—98.
5. *Батырева С. Г.* Цвет и пространство в традиционной культуре ойратов Монголии и калмыков России / С. Г. Батырева, Д. Гантулга // Secreta Artis. — 2021. — Т. 4. — № 2. — С. 86—95. — DOI: <https://doi.org/10.51236/2618-7140-2021-4-2-86-95>.
6. *Бичеев Б. А.* Свадебный обряд как отражение представлений о смерти / Б. А. Бичеев // VI Конгресс этнографов и антропологов России : тезисы докладов. — Санкт-Петербург : МАЭ РАН, 2005. — С. 184.
7. *Болдырева В. В.* К вопросу об ориентации жилища у калмыков / В. В. Болдырева, А. Б. Лиджиев // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. — 2019. — № 1 (38). — С. 127—129.
8. *Вольная Г. Н.* Образ барана в прикладном искусстве Кобанской культуры и традиционной культуре населения Центрального Кавказа / Г. Н. Вольная, Ф. Т. Найфонова // Известия СОИГСИ. — 2016. — № 21 (60). — С. 5—23.
9. *Галданова Г. Р.* Семантика архаичных элементов свадьбы у тюрко-монгольских народов / Г. Р. Галданова // Традиционная обрядность монгольских народов. — Новосибирск : Наука, 1992. — С. 71—89.
10. *Горяева Б. Б.* Калмыцкая волшебная сказка : сюжетный состав и поэтико-стилевая система / Б. Б. Горяева. — Элиста : ЗАОР «НПП “Джангар”», 2011. — 128 с. — ISBN 978-5-94587-476-3.
11. *Душан У. Д.* Избранные труды / У. Д. Душан. — Элиста : КИГИ РАН, 2016. — 376 с. — ISBN 978-5-903833-00-9.
12. *Еремина В. И.* Ритуал и фольклор / В. И. Еремина. — Ленинград : Наука, 1991. — 206 с.
13. *Манджиева Б. Б.* К изучению образа героя калмыцкой богатырской сказки / Б. Б. Манджиева // Монголоведение (Монгол судлал). — 2017. — № 11. — С. 113—119.
14. *Мартынова Н. В.* Миф о трех солнцах, как отражение представлений о культе солнца в древней культуре мира / Н. В. Мартынова, И. Ли // The scientific heritage. — 2020. — № 54. — С. 3—9.
15. *Михайлов Г. И.* Проблема фольклора монгольских народов / Г. И. Михайлов. — Элиста : Калм. кн. изд-во, 1971. — 235 с.
16. *Мушаев В. Н.* Лингвокультурологические аспекты калмыцкой астрономической лексики в сравнительном освещении / В. Н. Мушаев, В. Н. Хонинов, Б. В. Баринова // Вестник Калмыцкого университета. — 2021. — № 3 (51). — С. 106—113. — DOI: 10.53315/1995-0713-2021-51-3-106-113.
17. *Надбитова И. С.* Сюжетный фонд калмыцких волшебных сказок / И. С. Надбитова // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. — 2011. — № 4. — С. 188—192.

18. Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. [Репринт. изд.] / А. М. Позднеев. — Элиста : Калм. кн. изд-во, 1993. — 492 с.

19. Сарангов В. Т. Фольклор калмыцкого народа / В. Т. Сарангов. — Элиста : Изд-во Калм. ун-та, 2012. — 136 с.

20. Селеева Ц. Б. Рудименты солярной мифологии в эпосе «Джангар» / Ц. Б. Селеева // Научная мысль Кавказа. — 2011. — № 1. — Ч. 2. — С. 89—92.

21. Сем Т. Ю. Космический олень в нарративах и ритуалах тунгусо-маньчжуров как архетипический символ / Т. Ю. Сем // Традиционная культура. — 2020. — Т. 21. — № 4. — С. 112—121. — DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2020.21.4.009>.

22. Сефербеков Р. И. Мифологические образы Солнца и Луны в верованиях народов Дагестана / Р. И. Сефербеков // Вестник Института ИАЭ. — 2007. — № 4. — С. 64—103.

23. Убушиева Ж. А. Символика желтого цвета в языковой традиции калмыков / Ж. А. Убушиева // Вестник Калмыцкого университета. — 2022. — № 3 (55). — С. 106—113. — DOI: 10.53315/1995-0713-2022-55-3-106-113.

24. Хабунова Е. Э. Очаг. Обряды и обрядовый фольклор жизненного цикла калмыков / Е. Э. Хабунова. — Элиста : АО «НПП Джангар», 2005. — 206 с. — ISBN 5-94587-194-1.

25. Шараева Т. И. «Когда говорят о свадьбе, то даже и иссохший череп катится» (к вопросу о значении бараньей головы в свадебных обрядах) / Т. И. Шараева // Человек и культура. — 2019. — № 5. — С. 73—81. — DOI: 10.25136/2409-8744.2019.5.27474.

26. Шараева Т. И. «И откуда Ваши сваты?» (реалии и ментальные образы пространства в свадебном обряде калмыков) / Т. И. Шараева // Новые исследования Тувы. — 2019. — № 3. — С. 135—148.

Статья поступила в редакцию 09.09.2024,
одобрена после рецензирования 27.12.2024,
подготовлена к публикации 29.01.2025.

Material resources

Albedil, M. F., Dubyansky, A. M. (eds.). (1996). *Dictionary of Hinduism. Jainism. Sikkism: A Dictionary*. Moscow: Republika Publ. 576 p. (In Russ.).

Fairy tales of the peoples of Eurasia. "Son of the bear". (2017). Elista: Publishing House of Kalm. University. 190 p. ISBN 978-5-91458-246-0. (In Russ.).

Kalmyk heroic tales. (2017). Moscow: JSC "First Exemplary Printing House", Chekhov Printing Yard Branch. 561 p. ISBN 978-5-906881-41-0. (In Russ.).

Kalmyk magic tales. (2020). Moscow: JSC "First Exemplary Printing House", Chekhov Printing Yard Branch. 584 p. ISBN 978-5-906881-42-7. (In Russ.).

Myths, legends and traditions of the Kalmyks. (2017). Moscow: Nauka, East lit. 367 p. ISBN 978-5-02-039802-3. (In Russ.).

Ochirov, N. (2006). *Zhivaya starina*. Elista: Kalm. kn. publishing house. 398 p. ISBN 5-7539-0549-8. (In Russ.).

Seven stars. Kalmyk legends and traditions. (2004). Elista: Kalm. publishing house. 415 p. ISBN 5-7539-0513-7. (In Russ.).

References

Badmaev, N. (1898). Tsagan-sarah (Kalmyk holiday). *Astrakhan Diocesan Gazette*, 4: 135—142. (In Russ.).

- Bakayeva, E. P. (2003). *Pre-Buddhist beliefs of the Kalmyks*. Elista: AGTP “Dzhangar”. 357 p. ISBN 5-94587-112-5. (In Russ.).
- Bakayeva, E. P. (2020). Veneration of the Big Dipper among the Oirats and Kalmyks: ancient beliefs and Buddhist strata. *Oriental Studies*, 13 (3): 661—687. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-661-687. (In Russ.).
- Basangova, T. G. (2010). Demonological characters in Kalmyk folklore. *MONGOLICA*, 9: 95—98. (In Russ.).
- Batyreva, S. G., Gantulga, G. (2021). Color and space in the traditional culture of the Oirats of Mongolia and Kalmyks of Russia. *Secreta Artis*, 4 (2): 86—95. DOI: <https://doi.org/10.51236/2618-7140-2021-4-2-86-95>. (In Russ.).
- Bicheev, B. A. (2005). The wedding ceremony as a reflection of ideas about death. In: *VI Congress of Ethnographers and Anthropologists of Russia: abstracts*. Saint Petersburg: MAE RAS. P. 184. (In Russ.).
- Boldyreva, V. V., Lidzhiev, A. B. (2019). On the issue of housing orientation among Kalmyks. *Bulletin of the Institute of Integrated Studies of Arid Territories*, 1 (38): 127—129. (In Russ.).
- Dusan, U. D. (2016). *Selected works*. Elista: KIGI RAS. 376 p. ISBN 978-5-903833-00-9. (In Russ.).
- Eremina, V. I. (1991). *Ritual and Folklore*. Leningrad: Nauka Publ. 206 p. (In Russ.).
- Galdanova, G. R. (1992). Semantics of archaic wedding elements among the Turkic-Mongolian peoples. In: *Traditional rituals of the Mongolian peoples*. Novosibirsk: Nauka Publ. 71—89. (In Russ.).
- Goryaeva, B. B. (2011). *Kalmyk fairy tale: plot structure and poetic-stylistic system*. Elista: ZAO r NPP Dzhangar. 128 p. ISBN 978-5-94587-476-3. (In Russ.).
- Khabunova, E. E. (2005). *Hearth. Rituals and ritual folklore of the Kalmyk's life cycle*. Elista: AO r “NPP Dzhangar”. 206 p. ISBN 5-94587-194-1. (In Russ.).
- Manjjeva, B. B. (2017). Towards the study of the image of the hero of the Kalmyk heroic tale. *Mongol studies (Mongol sudlal)*, 11: 113—119. (In Russ.).
- Martynova, N. V., Li. I. (2020). The myth of the three suns as a reflection of ideas about the cult of the sun in the ancient culture of the world. *The scientific heritage*, 54: 3—9. (In Russ.).
- Mikhailov, G. I. (1971). *The problem of folklore of the Mongolian peoples*. Elista: Kalm. publishing house. 235 p. (In Russ.).
- Mushaev, V. N., Honinov, V. N., Barinova, B. V. (2021). Linguistic and cultural aspects of Kalmyk astronomical vocabulary in comparative light. *Bulletin of the Kalmyk University*, 3 (51): 106—113. DOI: 10.53315/1995-0713-2021-51-3-106-113. (In Russ.).
- Nadbitova, I. S. (2011). Plot fund of Kalmyk fairy tales. *Bulletin of the Kalmyk Institute of Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences*, 4: 188—192. (In Russ.).
- Pozdneev, A. M. (1993). *Essays on the life of Buddhist monasteries and Buddhist clergy in Mongolia in connection with the latter's relations to the people*. [Reprint. ed.]. Elista: Kalm. publishing house. 492 p. (In Russ.).
- Sarangov, V. T. (2012). *Folklore of the Kalmyk people*. Elista: Publishing House of Kalm. Univ. 136 p. (In Russ.).
- Seferbekov, R. I. (2007). Mythological images of the Sun and Moon in the beliefs of the peoples of Dagestan. *Bulletin of the Institute of IAE*, 4: 64—103. (In Russ.).
- Seleeva, Ts. B. (2011). Rudiments of solar mythology in the epic “Dzhangar”. *Scientific thought of the Caucasus*, 1 (2): 89—92. (In Russ.).

- Sem, T. Y. (2020). The cosmic deer in the narratives and rituals of the Tungus-Manchus as an archetypal symbol. *Traditional culture*, 21 (4): 112—121. DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2020.21.4.009>. (In Russ.).
- Sharaeva, T. I. (2019). “And where do your matchmakers come from?” (realities and mental images of space in the Kalmyks wedding ceremony). *New studies of Tuva*, 3: 135—148. (In Russ.).
- Sharaeva, T. I. (2019). “When they talk about a wedding, even a withered skull rolls” (on the question of the meaning of a ram’s head in wedding ceremonies). *Man and culture*, 5: 73—81. DOI: 10.25136/2409-8744.2019.5.27474. (In Russ.).
- Ubushieva, J. A. (2022). The symbolism of the yellow color in the Kalmyks linguistic tradition. *Bulletin of the Kalmyk University*, 3 (55): 106—113. DOI: 10.53315/1995-0713-2022-55-3-106-113. (In Russ.).
- Volnaya, G. N., Naifonova, F. T. (2016). The image of a ram in the applied art of Koban culture and the traditional culture of the population of the Central Caucasus. *Izvestiya SOIGSI*, 21 (60): 5—23. (In Russ.).

*The article was submitted 09.09.2024;
approved after reviewing 27.12.2024;
accepted for publication 29.01.2025.*

Информация для цитирования:

Шлемова Н. Н. Городской нарратив Д. Бавильского : опыт прочтения челябинского текста / Н. Н. Шлемова, Е. В. Канищева // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 1. — С. 304—322. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-304-322.

Shlemova, N. N., Kanishcheva, E. V. (2025). Urban Narrative of D. Bavilsky: An Interpretation of Chelyabinsk Text. *Nauchnyi dialog*, 14 (1): 304-322. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-304-322. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Городской нарратив Д. Бавильского: опыт прочтения челябинского текста

Шлемова Наталья Николаевна
orcid.org/0000-0003-1796-6533
кандидат филологических наук,
доцент кафедры
русского языка и литературы
kundaevann@susu.ru

Канищева Елена Валерьевна
orcid.org/0000-0002-0294-2312
кандидат филологических наук,
доцент кафедры
русского языка и литературы,
корреспондирующий автор
kanishchevaev@susu.ru

Южно-Уральский
государственный университет
(Челябинск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено в рамках
реализации гранта Российского
научного фонда № 24-28-20286
«Образ Челябинска
в нарративах деятелей искусства:
цифровые инструменты
прочтения городского текста»

Urban Narrative of D. Bavilsky: An Interpretation of Chelyabinsk Text

Natalia N. Shlemova
orcid.org/0000-0003-1796-6533
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Russian
Language and Literature
kundaevann@susu.ru

Elena V. Kanishcheva
orcid.org/0000-0002-0294-2312
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Russian
Language and Literature,
corresponding author
kanishchevaev@susu.ru

South Ural State University
(Chelyabinsk, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number № 24-28-20286,
“The Image of Chelyabinsk
in the Narratives of Artists:
Digital Tools for Reading
the Urban Text”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена изучению особенностей создания городского нарратива в творчестве челябинского писателя Дмитрия Бавильского. Целью работы стало выявление специфических вариантов прочтения городского текста на материале цикла «Существительное». Методологической основой исследования послужило обращение к основам нарратологии, подходам геопоэтики и принципам ментального картографирования, позволяющим определить уникальность видения образа города. Доказано, что городской нарратив в цикле Д. Бавильского «Существительное» позволяет акцентировать особый хронотоп города, описываемый через положение окраины: Чердачинск (название, соотносительное с *Челябинск*) находится на границе определенного географического локуса и в то же время на границе миров. Авторы статьи подчеркивают, что город в произведениях Д. Бавильского соотносится с образом героя, пытающегося осмыслить собственное «я» через восприятие пространства, описать состояние «внезаходимости», заполнить его субъективными ценностными характеристиками. Отмечается, что ведущим приемом построения текста Д. Бавильского является антитеза. Анализ исследуемого материала позволил дополнить традиции изучения челябинского текста и творчества Д. Бавильского, охарактеризовать высокий уровень рефлексии образа города в творчестве писателя.

Ключевые слова:

городской нарратив; городской текст; образ городской окраины; пространство города; ментальное картографирование; Дмитрий Бавильский.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the distinctive features of urban narrative construction in the works of Chelyabinsk writer Dmitry Bavilsky. The primary objective of this study is to identify specific interpretative variations of urban text within the framework of the cycle "Noun." The methodological foundation of the research is grounded in the principles of narratology, approaches from geopoetics, and the concepts of mental cartography, which allow for the delineation of a unique vision of the cityscape. It is demonstrated that the urban narrative in D. Bavilsky's cycle "Noun" emphasizes a particular chronotope of the city, described through the lens of its periphery: Cherdachinsk (a name resonant with Chelyabinsk) exists at the boundary of a specific geographical locus while simultaneously straddling different worlds. The authors highlight that the city in Bavilsky's works is intricately linked to the image of a protagonist striving to comprehend their own "self" through spatial perception, articulating a state of "non-belonging," and filling it with subjective value characteristics. It is noted that a leading technique in Bavilsky's text construction is antithesis. The analysis of the material allows for an enrichment of the traditions surrounding the study of Chelyabinsk text and Bavilsky's oeuvre, characterizing a high level of reflection on the image of the city in the writer's work.

Key words:

urban narrative; urban text; image of the urban periphery; space of the city; mental cartography; Dmitry Bavilsky.

Городской нарратив Д. Бавильского: опыт прочтения челябинского текста

© Шлемова Н. Н., Канищева Е. В., 2025

1. Введение = Introduction

Город как «ментальный конструкт и социокультурный феномен» [Аванесов, 2016, с. 16] представляет пространство смыслов и ценностей, репрезентирующее духовный, эстетический, перцептивный опыт горожан, осмысление которого влияет на формирование локальной и культурной идентичности. Данное обстоятельство является одним из факторов, актуализирующих городские исследования, охватывающие разные области гуманитарного знания. В рамках Urban Studies одним из концептуальных становится утверждение о том, что «города — не чистые листы, а нарративные пространства, в которые вписаны [разнообразные] истории» [Серто, 2010, с. 120], определяющие уникальность города. В работах ученых (Е. И. Спешиловой, С. С. Аванесова) развивается мысль о том, что городской нарратив формируется теми, кто «перемещается» по городу и наделяет места, объекты пространства символическим «человеческим значением» [Спешилова, 2024, с. 113], опираясь на собственный социокультурный опыт и воображение. К. Линч в книге «Образ города» говорит о возможности читать город как текст [Линч, 1982, с. 16—19]. С. С. Аванесов замечает, что «человек в городе действует не только как читатель текстов, но и как их интерпретатор, корректор и создатель» [Аванесов, 2016, с. 11].

Город-текст формирует некий образ. По утверждению Е. Меднис, «индивидуальные образы городов порождают “городские тексты”» [Меднис], явленные в наибольшей степени в произведениях искусства. По утверждению В. Абашева, «в художественной литературе локальные тексты достигают той высокой степени осмысленности и завершенности, которая вводит их в культуру», и именно в художественных произведениях город обретает собственный голос [Абашев, 2012, с. 13]. Изучение художественного осмысления города, связанное со стремлением «услышать его голос», представляет научную значимость, поскольку ведет к постижению городского пространства. Этим обусловлена актуальность данного исследования.

В рамках представленной статьи исследуются особенности городского нарратива Д. Бавильского — писателя, в творчестве которого челябинский текст достигает уровня высокой рефлексии.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для данного исследования послужил цикл Д. Бавильского «Существительное», состоящий из нескольких произведений: «Места в Чердачинске, напоминающие другие города. *Отрывок из романа “Едоки картофеля”*» (здесь и далее курсив Д. Бавильского), «Поселок (*романное пространство*)», «Чердачинск. *Складки на поверхности*», «Иглоукалывание. *Поиск интонации*», «Смородина. *Бал манекенов*». Цикл опубликован в 2013 году в книге «Невозможность путешествий», посвященной путешествиям, городам и способам их «прочтения» [Бавильский, 2013]. Специфической особенностью цикла является подборка разножанровых произведений, объединенных концепцией создания городского нарратива.

Цель исследования — изучение специфики воплощения городского нарратива в творчестве писателя, выявление особенностей вариантов прочтения городского текста в цикле «Существительное».

Методологической основой изучения городского текста Д. Бавильского является обращение к теории нарратива и основам нарратологии.

Понятие нарратива активно используется в разных областях социально-гуманитарных наук, обнаруживая, по утверждению А. Борисенковой, «высокий потенциал в исследованиях природы знания (как повседневного, так и научного)» [Борисенкова, 2010]. Широкое употребление данного понятия стало основанием для разговора о «нарративном повороте» (Мартин Крейсворт) в социогуманитарных науках [Kreiwirth, 1993].

Продуктивный подход к изучению города с точки зрения городских нарративов предложил французский философ Мишель де Серто в труде «Изобретение повседневности». Предлагая рассматривать город как текст, ученый тем самым указал семиотическое решение проблемы. В основе метода — представление о городе как сложном тексте, который является результатом одновременного и несовпадающего творчества его создателей и простых обывателей. В городских нарративах он увидел «мощный инструмент» оживания города. Нарративы, по Серто, «создают иное измерение города» [Серто, 2010, с. 120]. Это мнение разделяет французский социолог и теоретик А. Лефевр, видевший в рассказах средство производства пространства в его символическом, глубоко переживаемом аспекте. Сегодня идеи М. де Серто и А. Лефевра стали одной из основ Urban Studies: «Города — не чистые листы, а нарративные пространства, в которые вписаны разнообразные истории» [Мартина и др., 2019, с. 45].

В отечественной традиции идеи о роли нарративов в жизни города формировались в русле изучения городской семиотики в исследованиях представителей тартуско-московской школы, прежде всего Ю. М. Лотмана и В. Н. Топорова.

В теории нарратива существует позиция, согласно которой «нарратив — это способ организации в сознании данных опыта, то есть, иными словами, когнитивный инструмент» [Маслов, 2020, с. 37]. Данная идея, принадлежащая Эдварду Бранигану, важная для понимания философии нарратива, развивается и в труде Поля Рикера «Время и рассказ». В этом смысле под нарративом понимают способ вербальной организации элементов опыта — событий, впечатлений, переживаний, идей [Рикер, 2000].

В литературоведении сложился вектор осмысления нарратива, согласно которому «наррация появляется в связи с кристаллизацией личного опыта (в том числе и взаимодействия с природой) как культурного феномена», а цель нарративных высказываний — «накопление опыта, фиксация событийной памяти» [Тюпа, 2001, с. 9].

По утверждению Е. К. Созиной, И. В. Силантьева, «нарратив — последовательность изложенных, рассказанных, явленных в определенном коммуникативном акте событий» [Силантьев и др., 2013, с. 60]. Как подчеркивают ученые, «вне нарратива не может быть и события как такового: нерассказанного события не существует, оно формируется и живет только в зоне своей адресованной рассказанности, только как сообщение, посланное другому или себе как другому» [Силантьев и др., 2013, с. 60]. При этом литературный нарратив выстраивается по «принципу вымышленного конструирования события» [Силантьев и др., 2013, с. 62].

Путь к выбору адекватных аналитических инструментов в рамках данного исследования связан с подходами, выработанными в рамках геопоэтики, «обозначающей формы и пути интеллектуального и эстетического освоения географических территорий, ландшафтов, топографических мест, работу с их образами и мифами, различные географические и пространственные аспекты художественных, научных и non-fiction произведений» [Сид, 2015, с. 153]. В статье О. Н. Александровой-Осокиной «Вопросы геопоэтики в современном литературоведении» описана природа геопоэтического образа, обоснована его роль как инструмента исследования поэтики текста [Александрова-Осокина, 2020]. В. В. Абашев под геопоэтическим образом понимает «символический образ территории как единого целого» [Абашев, 2012, с. 144]. В своих методологических основах геопоэтика развивает научные концепции в области исследования локальных текстов (Р. Барт, В. Топоров, Меднис и др.), представляющих совокупность кодов, метафор, символов, отражающих восприятие пространства.

Опираясь на данные положения, мы изучаем произведения Д. Бавильского, представляющие городской нарратив автора и предлагающие оригинальную оптику прочтения челябинского текста.

Необходимо определить специфику понятия «челябинский текст». Он представляет собой вариант локального текста, находящегося сегодня на стадии теоретического осмысления. Во многих исследованиях термин понимается достаточно широко. Например, существуют работы, посвященные изучению челябинского локального энциклопедического текста, в которых предложено описание «его типичных супер-, макро- и тематической структур» [Яковлев, 2015], работы, изучающие медиатекст СМИ Челябинска, текст баннеров и плакатов [Мамонова, 2019; Симакова, 2009; Решетников, 2009].

В литературоведческих исследованиях термин используется по аналогии с уже существующими и теоретически оформленными понятиями «петербургского текста», «московского текста», «уральского текста», «пермского текста». При этом отдельные литературоведы выделяют его в самостоятельный феномен, отправной точкой для формирования которого становятся указания на «Уральский треугольник» Пермь — Екатеринбург — Челябинск, включающий в себя и другие города региона [Семьян и др., 2015].

Изучение особенностей челябинской региональной литературы широко представлено в работах челябинских литературоведов, которые анализируют как творческие системы отдельных уральских писателей, так и литературу региона в целом.

Л. Р. Мусина использует термин *челябинский городской текст*, предлагая его узкое значение. Исследователь понимает под ним «комплекс художественных текстов о Челябинске», говорит о том, что образ города формирует его имидж, бренд. Автор подчеркивает, что «образ города сегодня сложен и полемичен»: он воспринимается одновременно как пограничный город, город трудовой славы, «город-богатырь» [Мусина, 2010, с. 63].

В широком значении термин *челябинский текст* звучит в работах Е. А. Смышляева, понимается как совокупность художественных произведений писателей Челябинска. Будучи вариантом локального текста, он «характеризуется употреблением местных топонимов, мотивами жизни городских окраин и широкой палитрой индивидуальных художественных практик» [Смышляев, 2014, с. 115]. Е. М. Ставцева предлагает установить разграничение между терминами *челябинский миф* и *челябинский текст*: «Челябинский текст — это воплощение этого инварианта челябинского мифа на текстовом уровне» [Ставцева, 2016, с. 193].

Челябинский текст находит яркое воплощение в творчестве Д. Бавильского. Его произведениям (роману «Красная точка», книгам «Ангелы

на первом месте», «Желание быть городом. Итальянский травелог эпохи Твиттера в шести частях и 35 городах», романам «Семейство пасленовых», «Едоки картофеля» и мн. др.) посвящено большое количество рецензий. При этом существует значительно меньшее количество литературоведческих исследований поэтики творчества Д. Бавильского.

Трилогии «Знаки препинания» посвящена глава диссертационного исследования Е. М. Ставцевой «Жанровые трансформации в современной челябинской прозе» [Ставцева, 2017]. Характеристика структурных и концептуальных особенностей произведений об Италии предложена в статьях О. Ф. Ладохиной «Топонимика Венеции в произведениях Кати Марголис и Дмитрия Бавильского» [Ладохина, 2021], И. Банах «Коллективная versus автобиографическая память в книге Дмитрия Бавильского Музей воды. Венецианский дневник эпохи Твиттера» [Banakh, 2021]. Анализ челябинского текста в творчестве Д. Бавильского представлен в статье А. В. Черновской «Челябинский текст в романе Д. Бавильского “Красная точка”», в которой автор отмечает, что «образ города обусловлен субъективным характером восприятия человека, находящегося в его пространстве, испытывающего определенные эмоции, переживания» [Черновская, 2022, с. 295]. А. В. Черновская исследует топонимы в произведении Д. Бавильского, указывает на детали и эпитеты, сопровождающие описание города [Черновская, 2022]. Образ города и варианты воплощения челябинского текста в произведениях автора описаны в статьях различных исследователей: А. Р. Медведевой «Поэтика городского пространства сквозь призму теории атмосферы Г. Беме (на примере романа Д. Бавильского “Красная точка”» [Медведева, 2023], «Город как когнитивное расширение: путешествие поперек пространства в романе Д. Бавильского “Красная точка”» [Медведева, 2023], Я. Я. Пекарь «Повседневность как травма в романе Д. Бавильского “Едоки картофеля”» [Пекарь, 2023]. Образ Челябинска в романе «Едоки картофеля», по мнению Я. Я. Пекарь, имеет тяжелый, неприглядный характер: «Возникающий на страницах произведения город Чердачинск — это статичные фотографии пустоты и асфальтовых трещин, “сшитый”, как лоскутное одеяло, готичный мир грубых и грязных образов. Здесь выживают герои, практически лишенные эмоций и переживаний, уставшие от самих себя и от города, давящего и приближающего депрессии, самоубийства, насилие и собственно олицетворяющего смерть» [Пекарь, 2023, с. 106—107].

Интересный способ трактовки романа Д. Бавильского «Красная точка» предложен в статьях А. Р. Медведевой. Автор анализирует принципы перекодировки стратегий цифрового текста в аналоговый текст, изучает «интерфейс восприятия города» через анализ особенностей организации текста, описывая их как особенности гипертекстовой структуры: «Ин-

терфейс города в романе реализован как сеть взаимосвязанных данных, переключение между которыми поддерживает образ города, доминирующий над реальным пространством; в то же время такая структура текста поддерживает осознание параллелизма опыта, проживание лишь одной из возможностей. Цифровая логика (фрагментация и гипертекст) воссоздает в романе иную картину когнитивного осмысления городского пространства как пространства с множеством слоев, наблюдать которые человек может одновременно» [Медведева, 2023, с. 153].

Мы предлагаем трактовку челябинского текста в произведениях Д. Бавильского, основанную на анализе городского нарратива писателя, геопоэтического образа пространства.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Нарратив городской окраины в творчестве Д. Бавильского

Челябинск в произведениях писателя имеет номинацию «Чердачинск», подчеркивающую идею близости к небу, положения над происходящим на земле. Объяснения подобной трактовки сложившегося неологизма автор давал в интервью, например, газете «Аргументы и факты» в 2017 году: «Челябинск надо эстетизировать не для кого-то, а в первую очередь для себя. Ну и лишний раз подчеркнуть таким образом свою субъективность. <...> Он для меня — пик и крыша мира. <...> Для меня это пик всего — как цивилизационного, так и моего собственного развития, от которого следует стартовать далее. Чердачинск — и “крыша дома твоего”, и место, которое, как периодическая система Менделеева, содержит в себе все элементы (подчас буквально)» [Дмитрий Бавильский..., 2017].

Челябинск в творчестве Д. Бавильского воплощается через нарратив городской окраины, позволяющий акцентировать особый хронотоп в изображении города. Положение окраины, нахождение на границе определенного географического локуса и в то же время на границе миров — вектор создания нарратива города в творчестве Д. Бавильского.

Нарратив окраины наиболее ярко читается в рассказе «Поселок», описывающем жизнь города через восприятие его отдельного окраинного района. Это место, которое не имеет названия, номинация *Поселок* прочно закрепляется за указанным географическим локусом. Пугающая обстановка, ощущение нужды, неблагополучия, реализуемые через мортальные мотивы, — главные характеристики безымянного пространства, находящегося «на берегу города» [Бавильский, 2013, с. 172]. При этом в восприятии героя Чердачинск — «город, в котором *все* окраина» [Бавильский, 2013, с. 186].

Концепт окраины противопоставляет жителя Поселка жителю города, подчеркивает формирование в сознании героя особых ценностных ориен-

тиров, особого способа восприятия окружающей среды, вырисовывающейся в конкретных координатах.

В целом городской нарратив творчества Д. Бавильского основан на использовании элементов ментального картографирования [Линч, 1982, с. 16—19], позволяющего автору создать собственное, субъективное пространство города.

В цикле «Существительное» Челябинск описан через реальные географические координаты, указание на городские локусы. Произведения цикла «Места в Чердачинске, напоминающие другие города» и «Чердачинск. Складки на поверхности» представляют собой список знаковых мест Челябинска, имеющих отношение к биографии, воспоминаниям, истории героя. Перечисление конкретных точек, которые легко найти на карте города, сопровождается элементами чувственного восприятия — описанием запахов и визуальных образов, музыкальных ассоциаций: «слепые глазницы карьера в черте города» [Бавильский, 2013, с. 185]; «И над всем этим — небообразное, как партитура Шостаковича, точнее, полифоничное, как симфонические массивы Прокофьева» [Бавильский, 2013, с. 185]. Описание каждой «точки притяжения» дано через картину личного субъективного восприятия, связанного с интенцией автора эстетизировать пространство.

Рассказ «Поселок» также открывается указанием на конкретные места города, создающие «схему пространства» [Бавильский, 2013, с. 143] в авторском восприятии. Воспоминания, ассоциации, размышления о социальной несправедливости обрамлены в рассказе точными координатами. Многие городские локусы имеют оценочную окраску: «школа для дураков», «конечная остановка», «фабрика для глухонемых», «необжитая девятиэтажка», «психиатрическая больница». Важно, что каждое название имеет негативную оценку, город воспринимается как пространство неустроенной, обделенной, неблагополучной жизни. Указание на существующие элементы городского пространства создает образ мегаполиса, одновременно реальный и вымышленный, рождающийся в сознании героя.

Неопределенностью характеризуется и хронотоп цикла «Существительное», представленный в смещении временных и пространственных координат. Каждый текст Д. Бавильского направлен на создание единой вневременной и внепространственной картины мира.

В творческом сознании объединяются Челябинск и Венеция, Бухарест, Пекин, Голландия, «типичный южный курортный городок» и др.: «Гостиница “Южный Урал”, выкрашенная в розовый цвет, — если смотреть на нее от выставочного зала Союза художников на улице Цвиллинга — напоминает венецианское палаццо. Тогда проезжающий мимо красный трамвай усть-катавской сборки — гондола» [Бавильский, 2013, с. 135]; «Дом

по улице Коммуны с кассами “Аэрофлота”, стоящий напротив белого дома с детской библиотекой по улице Пушкина (особенно верхняя его часть) [похожа], — на пекинские “ласточкины гнезда”» [Бавильский, 2013, с. 135].

В рассказе «Поселок» в реальном пространстве города мыслятся «серый бетонный саркофаг», готическая башня. Подобные смешения указывают на вечность описываемых категорий в творческом сознании художника.

Наиболее часто в тексте цикла встречаются пространственные переключки между Чердачинском и Москвой. Данное пространственное наложение напоминает принцип палимпсеста [Шлемова и др., 2024], городские пространства не переключаются в ассоциативных связях, а словно просвечивают одно через другое: «Сколько раз в Москве такое было: идешь по Усиевича в сторону “Аэропорта” и перпендикулярно этому оказываешься в непосредственной близости от памятника “Сфера любви” возле кинотеатра “Урал” [в Челябинске] или на Елисейских полях. В Венецианском лабиринте или на набережной Тель-Авива. Никогда ведь не знаешь, где окажешься» [Бавильский, 2013, с. 205]. Использование данного приема объясняется спецификой творческого мышления героя, живущего в двух городах: «Это важно, ибо очень часто я ловлю себя на том, что несу в себе места своего постоянного пребывания — эти или те, московские. Я не вспоминаю про них, не выкликаю, не загружаю в оперативную память, но они длятся параллельно моему существованию в каком-то внутреннем зрении всегда и время от времени обращают на себя внимание» [Бавильский, 2013, с. 154].

Важно, что Чердачинск становится не просто похожим на другие города, он заключает в себе приметы этих городов, таким образом становясь и связующим звеном между разрозненными локусами, и центром этого мира. Житель Чердачинска — человек мира, способный не только путешествовать, но и синтезировать разрозненные локусы, не разделяя их в творческом сознании.

Прием картографирования направлен не столько на фиксацию элементов местности или пространства, сколько на акцентуацию категорий памяти, философии жизни, эмоций, субъективного восприятия событий.

Общая установка автора на эстетизацию городского пространства, указание на абсолютность данного локуса создают особый характер мифологического восприятия образа города. Главная характеристика Чердачинска, звучащая в рассказе «Поселок», обозначена как «запущенная сказочность» [Бавильский, 2013, с. 166]. При этом пространство города всегда является «неуловимым», словно находится за пределами эмпирического восприятия. Поселок становится тем локусом, о существовании которого многие не догадываются, это закрытое, ирреальное пространство: «Такому новичку неизвестно, что за узкой полосой постоянно исчезающего леса живет ин-

тровертной жизнью тихие поселки вроде нашего, невидимые со стороны шоссе» [Бавильский, 2013, с. 191].

Город в произведениях Д. Бавильского одушевляется, описывается в точных физиогномических или физиологических подробностях: «...мне вдруг показалось, что у старой элитки по Толбухина снесло не крышу, но полчерепа» [Бавильский, 2013, с. 148], «...по мере отдаления от центра города (дом наш стоит в поселке на границе с областью), когда этажность начинает резко падать, точно температура в выздоравливающем теле» [Бавильский, 2013, с. 191].

Мифологическое восприятие образа города реализуется через регулярное обращение к символическим пространствам перекрестка, подземки, а также через создание мифических образов.

Перекресток в произведении «Поселок» ассоциирован с образом креста: «Чердачинск имеет форму креста...» [Бавильский, 2013, с. 143]. Данная параллель сакрализует образ города, наделяет его вечными ценностными характеристиками и значением. Перекресток и крест связаны с тенденцией противопоставления, антитезы, которая играет важную роль при создании нарратива города: «мучительное прошлое» [Бавильский, 2013, с. 144], реализуемое через мотив смерти, противопоставлено в текстах таинственному, сакральному. Перекресток маркирует векторы движения, обозначает противопоставление разных сторон света.

Другим важным символическим пространством в произведениях Д. Бавильского является подземный переход. В начале рассказа «Поселок» в авторском субъективном восприятии он представляет собой сложную систему «с массой рукавов и выходов» [Бавильский, 2013, с. 137]. Сложная архитектура подземки московского метро словно накладывается на пространство Челябинска, совмещая в авторском сознании данные координаты, расширяя границы восприятия мира, подчеркивая единое и «внепространственное» восприятие образа городов.

Подземный переход становится подобием инфернального пространства, погружаясь в которое герой попадает в сложную систему ассоциативных переходов между мирами, пространствами, городами: «... опускаясь ниже уровня земли, словно входили в теплый бассейн всеобщей осмысленности» [Бавильский, 2013, с. 140], «Ты точно плыл вместе с городом навстречу весне...» [Бавильский, 2013, с. 140].

Герою произведений свойственно мифологическое восприятие окружающего пространства, он указывает на подобию божественных существ, существующих в мире современного ему города: «...“светлое время суток” имеет уже какое-то совершенно иное агрегатное состояние — васильково-синее; даже васильково-василисковое, пронзительное, тоскливо стоящее

над городом» [Бавильский, 2013, с. 201]; «... начинает казаться, что сетевой Апокалипсис на пороге, но чу! — возят, значит, зерно, и Посейдены (бог такой, типа Посейдона, божество Крапивы и Полынного завтрака), <...> значит, не дремлет» [Бавильский, 2013, с. 171]; «Атланты держат небо на памятных плечах» [Бавильский, 2013, с. 171].

Мифическими чертами наделены некоторые реальные географические локусы города, например Ойкумена (название строительной компании). Данная координата не расшифрована в тексте, тесно вписана в географический контекст, подчеркивает таинственность, загадочность пространственной организации города.

3.2. Роль субъективного восприятия городского пространства в произведениях Д. Бавильского

В произведениях Д. Бавильского акцентирована мысль о том, что личность существует только через «участие» в ней пространства, именно пространство является «выигрывающим у кино и театра, а теперь уже даже и у книг» [Бавильский, 2013, с. 139]. Таким образом, личное восприятие формирует городской нарратив Д. Бавильского.

В предисловии-эпиграфе к циклу «Существительное» даны философские размышления Сенеки о невозможности убежать от себя, от груза своей души. Это отправная точка для размышлений, подтверждающая мысль о том, что в центре картины мира неизбежно находится сам человек, все окружающее его пространство становится отражением его личности, субъективности восприятия. Таким образом, пространство города, его образ, по мысли автора, формируется исключительно в сознании путешественника, рисующего свою карту мира, выбирающего свою траекторию движения. Герой произведений осознает взаимосвязь процесса самопознания и путешествия, когда человек познает себя, свою личность через путешествие (путешествует, чтобы познать себя): «Впрочем, русский путешественник тем и отличается от всех прочих, что перемещается не вширь, но вглубь, причем не пространства, но самого себя» [Бавильский, 2013, с. 203].

Чердачинск для героя произведений писателя — пространство «вне-находимости», из которого хочется убежать и к которому одновременно необходимо вернуться, чтобы приобрести «новый опыт обретения старого места» [Бавильский, 2013, с. 188].

Данная двойственность состояния героя рождает специфику нарратива городского пространства, раскрывающегося, например, в рассказе «Иглоукальвание». Нарратив путешествия с первых строк произведения приравнивается к внутренним наблюдениям за изменениями восприятия, смене чувств, ощущений героя. При этом концепция одновременного присутствия и отсутствия в определенном пространстве дает герою преимущество ви-

деть и чувствовать больше обычного обывателя: «... нужен взгляд местный и одновременно сторонний — игольчатый» [Бавильский, 2013, с. 203].

Ведущим приемом построения текста Д. Бавильского является антитеза, определяющая способ отношения к миру, способ поиска собственного я. В цикле Д. Бавильского заявлена целая система противопоставлений: вертикаль многоэтажек — горизонталь подземных переходов, желание присутствовать в конкретном пространстве — ощущение «внеаходимости», интенция эстетизировать окружающее пространство — указание на его неустроенность, противопоставление города и его окраины.

В антитезе выражается и главная концепция цикла, главная задача постижения пространства: «Все там, где ничего нет. Где ничего не видно (глаз замылился) — и где смысл открывается навстречу пытливому взгляду» [Бавильский, 2013, с. 139].

Под авторским «я» в произведении Д. Бавильского скрывается и автор, и герой. Все проходит через призму субъективного восприятия мира, «я» вписано в пространство Челябинска.

При этом герой и субъективное «я» текста всегда оказываются внутри городского пространства, именно оно становится отправной точкой в городах типа Чердачинска для создания реальной и одновременно личной картины мира, в которой сам человек определяет место: «... ты сам становишься пунктуом, сам становишься центром, начиная сплестать вокруг себя стихийную поэму без героя» [Бавильский, 2013, с. 138].

Герой цикла Д. Бавильского отождествляет себя с городом, он чувствует и понимает окружающую среду, подчеркивает единство личного и городского. Данная мысль формулируется через систему сопоставления личных переживаний и образов города: «... эти иглы ввинчиваются в плоть и уходят вглубь, точно воздуховоды» (о процедуре иглоукалывания) [Бавильский, 2013, с. 192], «Чувствуешь, что ты старый, подтекающий водопровод» [Бавильский, 2013, с. 196], «А еще представляешь себя картой города...» [Бавильский, 2013, с. 196].

Постепенно в цикле развивается идея общности не только человека и города, когда город = человек и одновременно человек = город, но и общность всего мирового пространства, всего существующего в мире, неразделимости бытия на составные части.

4. Заключение = Conclusions

Городской нарратив в цикле Д. Бавильского «Существительное» позволяет акцентировать особый хронотоп города, описываемый через положение окраины. Чердачинск находится на границе определенного географического локуса и в то же время на границе миров.

Герой произведений Д. Бавильского проходит путь субъективного восприятия пространства, являющийся способом глубокого самопознания. Положение одновременного присутствия в городе и «внеаходимости» рождает возможность четко видеть описываемый локус и глубже анализировать собственное «я», неразрывно с ним связанное. Через личное восприятие пространства города, создание субъективного городского нарратива формируется концепция цикла «Существительное» — единство внешнего (городского) и внутреннего (ощущения города), единство личности и мира.

Изображение пространства в произведении Д. Бавильского осуществляется через прием картографирования — описание конкретных географических локусов, при этом сопровождающееся эмоциональными оценочными характеристиками и особым чувственным восприятием. Прием картографирования используется для осмысления собственного я, создания подобия автопортрета через осмысление городского нарратива. Средства картографирования призваны запечатлеть реальное пространство города и в то же время подчеркнуть его эстетическую значимость, соотнести с другими географическими точками и культурными ценностями. Пространство города организовано по принципу палимпсеста, предполагающего наложение друг на друга разрозненных географических координат. Данный прием актуализирует идею вневременности, вечности различных ценностных категорий, а также активного участия личности в создании «схемы пространства».

Герой Д. Бавильского словно пытается преодолеть невнятность, невидимость, внеаходимость, поэтому настаивает на детальной точности в описании городских мест. В цикле «Существительное» определяющим становится желание героя «уловить» пространство и время и запечатлеть их посредством слова.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Бавильский Д.* Существительное / Д. Бавильский // Невозможность путешествий. — Москва : Новое литературное обозрение, 2013. — С. 135—230.
2. *Дмитрий Бавильский* : о суровых уральцах, беспринципных москвичах и пике мира [Электронный ресурс] // Аргументы и Факты. — 14 августа 2017. — Режим доступа : <https://news.rambler.ru/other/37643684-dmitriy-bavilskiy-o-surovyh-uralsah-besprintsipnyh-moskvichah-i-pike-mira/> (дата обращения 01.11.2024).

Литература

1. *Абашев В. В.* Русская литература Урала. Проблемы геопоэтики : учеб. пособие / В. В. Абашев. — Пермь : Перм. гос. нац. иссл. ун-т, 2012. — 140 с. — ISBN 978-5-7944-1920-7.
2. *Аванесов С. С.* Визуальная семиотика города : перспектива исследования городских текстов / С. С. Аванесов // ПРАΞНМА. Проблемы визуальной семиотики (ПРАΞНМА. Journal of Visual Semiotics). — 2016. — Выпуск 4 (10). — С. 9—22.
3. *Александрова-Осокина О. Н.* Вопросы геопоэтики в современном литературоведении / О. Н. Александрова-Осокина // Научный диалог. — 2020. — № 5. — С. 216—241. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-216-241.
4. *Борисенкова А.* Нарративный поворот и его проблемы / А. Борисенкова // Новое литературное обозрение. — 2010. — № 3. — Режим доступа : <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/3/narrativnyj-povorot-i-ego-problemy.html> (дата обращения 01.11.2024).
5. *Ладохина О. Ф.* Топонимика Венеции в произведениях Кати Марголис и Дмитрия Бавильского / О. Ф. Ладохин // История и современность филологических наук : по материалам Междунар. науч. конф. XVI Виноградовские чтения (г. Москва, 5—6 марта 2020 г.) : сб. науч. ст. : в 2 т. — Москва : Книгодел, 2021. — Т. 2. — С. 169—177. — ISBN 978-5-9659-0224.
6. *Линч К.* Образ города / К. Линч ; пер. с англ. В. Л. Глазычева ; сост. А. В. Иконников, под ред. А. В. Иконникова. — Москва : Стройиздат, 1982. — 328 с.
7. *Мамонова Н. В.* Англоязычные заимствования в современных городских текстах (на примере г. Челябинска) / Н. В. Мамонова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия : Гуманитарные и социальные науки. — 2019. — № 3. — С. 25—32. — DOI: 10.17238/issn2227-6564-2019.3.25.
8. *Мартина Л.* Собственная логика городов. Новые подходы в урбанистике / Л. Мартина, Р. Линднер, Х. Беркинг. — Москва : Новое литературное обозрение, 2019. — 424 с. — ISBN 978-5-4448-1167-2.
9. *Маслов Е. С.* Что такое нарратив? / Е. С. Маслов. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2020. — 116 с. — ISBN 978-5-00130-302-2.
10. *Медведева А. Р.* Город как когнитивное расширение : путешествие поперек пространства в романе Д. Бавильского «Красная точка» // Язык и культура / гл. редактор В. Б. Мещеряков. — Челябинск : Южно-Уральский государственный университет, 2023. — С. 31—35.
11. *Медведева А. Р.* Интерфейс города в романе «Красная точка» Д. Бавильского / А. Р. Медведева // Медиа в современном мире : сборник материалов 62-го Международного научного форума / отв. редактор А. А. Малышев. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет, 2023. — С. 152—154. — ISBN 978-5-00110-363-9.
12. *Медведева А. Р.* Поэтика городского пространства сквозь призму теории атмосферы Г. Беме (на примере романа Д. Бавильского «Красная точка») / А. Р. Медведева // Челябинский гуманитарий. — 2023. — № 2 (63). — С. 46—51. — DOI: 10.47475/1999-5407-2023-63-2-46-51.
13. *Меднис Н. Е.* Сверхтексты в русской литературе [Электронный ресурс] / Н. Е. Меднис. — Режим доступа : <http://rassvet.websib.ru/chapter.htm?no=35> (дата обращения 22.08.2024).
14. *Мусина Л. Р.* Образ города в зеркале художественного дискурса (к вопросу об идентификации челябинского текста) / Л. Р. Мусина // Lingua mobilis. — 2010. — № 2 (21). — С. 61—64.

15. Пекарь Я. Я. Повседневность как травма в романе Д. Бавильского «Едоки картофеля» / Я. Я. Пекарь // Мир слово. Слово в мире : сборник научных статей. — Гродно : ЮрСаПринт, 2023. — С. 106—111. — ISBN 978-985-7257-75-1.

16. Решетников Д. Е. Место медиатекстов в структуре «городского текста» / Д. Е. Решетников // Знак : проблемное поле медиаобразования. — 2009. — Т. 1. — № 3. — С. 40—42.

17. Рикер П. Время и рассказ / П. Рикер. — Москва — Санкт-Петербург : ЦГНИИ РАН ; Культурная инициатива ; Университетская книга, 2000. — Т. 1. — 311 с. — ISBN 5-7914-0042-X.

18. Семьян Т. Ф. Челябинская поэзия как часть уральского поэтического движения / Т. Ф. Семьян, Е. А. Смышляев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Лингвистика. — 2015. — Т. 12 (2). — С. 28—32.

19. Серто М. Призраки в городе / М. Д. Серто // Неприкосновенный запас. — 2010. — № 2 (70). — С. 108—121.

20. Сид И. История понятия «геопэтика» / И. Сид // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2015. — Выпуск 11 (722). — С. 153—170.

21. Силантьев И. В. Нарратив в литературе и истории. На материале дневниковой прозы А. Герцена 1840-х гг. / И. В. Силантьев, Е. К. Созина // Сибирский филологический журнал. — 2013. — № 3. — С. 58—68.

22. Симакова С. И. Цифровые обозначения как элемент газетного текста (на примере «Челябинского рабочего») : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.10 / С. И. Симакова. — Челябинск, 2009. — 184 с.

23. Смышляев Е. А. Челябинский поэтический текст как культурная модель / Е. А. Смышляев // Вестник ТГПУ. — 2014. — № 11 (152). — С. 115—118.

24. Спешилова Е. И. Постигание города : от восприятия к воображению / Е. И. Спешилова // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. — 2024. — Выпуск 2 (40). — С. 103—119. — DOI: 10.23951/2312-7899-2024-2-103-119.

25. Ставцева Е. М. Жанровые трансформации в современной челябинской прозе : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Е. М. Ставцева. — Екатеринбург, 2017. — 215 с.

26. Ставцева Е. М. Становление мифологемы Челябинска в современной южно-уральской прозе / Е. М. Ставцева // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. — 2016. — № 8. — С. 192—200.

27. Тюпа В. И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиперей» А. П. Чехова) / В. И. Тюпа. — Тверь : Твер. гос. ун-т, 2001. — 58 с.

28. Черновская А. В. Челябинский текст в романе Д. Бавильского «Красная точка» / А. В. Черновская // Наука XXI века : проблемы, поиски, решения : материалы XLVI научно-практической конференции. — Челябинск : Челябинский государственный университет, 2022. — С. 295—298. — ISBN 978-5-7271-1859-7.

29. Шлемова Н. Н. Палимпсест как принцип жанрового моделирования в книгах Е. Марголис «Венецианские тетради» и «Следы на воде» / Н. Н. Шлемова, Е. В. Пономарева // Сибирский филологический форум. — 2024. — № 2 (27). — С. 109—121.

30. Яковлев Д. И. Челябинский локальный энциклопедический текст : интегральная структура / Д. И. Яковлев // Инновационное развитие регионов в условиях глобализации : материалы Международной научно-практической конференции. — Иваново : Плес, 2015. — С. 234—242.

31. Banakh I. Коллективная versus автобиографическая память в книге Дмитрия Бавильского «Музей воды. Венецианский дневник эпохи Твиттера» / I. Banakh // *Wielkie tematy kultury w literaturach słowiańskich*. — 2021. — Т. 173. — Str. 137—146. — DOI: 10.19195/0137-1150.173.10.

32. Kreiswirth M. Trusting the Tale : the Narrativist Turn in the Human Sciences / M. Kreiswirth // *New Literary History*. — 1992. — Vol. 23. — № 3. — Pp. 629—657. — DOI: 10.2307/469223.

Статья поступила в редакцию 05.11.2024,
одобрена после рецензирования 23.12.2024,
подготовлена к публикации 29.01.2025.

Material resources

Bavilsky, D. (2013). Noun. In: *The impossibility of travel*. Moscow: New Literary Review. 135—230. (In Russ.).

Dmitry Bavilsky: about the harsh Urals, unscrupulous Muscovites and the peak of the world. (2017). *Arguments and Facts. August 14*. Available at: <https://news.rambler.ru/other/37643684-dmitriy-bavilskiy-o-surovyh-uraltсах-besprintsipnyh-moskvichah-i-pike-mira/> (accessed 01.11.2024). (In Russ.).

References

Abashev, V. V. (2012). *Russian literature of the Urals. Problems of geopoetics: studies. Manual*. Perm: Perm State National University. issl. Univ. 140 p. ISBN 978-5-7944-1920-7. (In Russ.).

Alexandrova-Osokina, O. N. (2020). Issues of Geopoetics in Modern Literary Criticism. *Nauchnyi dialog*, 5: 216—241. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-5-216-241> (In Russ.).

Avanesov, S. S. (2016). Visual semiotics of the city: a perspective for the study of urban texts. *ИПАЭХМА. Problems of visual semiotics (ИПАЭХМА. Journal of Visual Semiotics)*, 4 (10): 9—22. (In Russ.).

Bakar, Ya. Ya. (2023). Everyday life as a trauma in D. Bavilsky's novel "Potato Eaters". In: *The World of the Word the word in the world: a collection of scientific articles*. Grodno: Yursaprint. 106—111. ISBN 978-985-7257-75-1. (In Russ.).

Banakh, I. (2021). Collective versus autobiographical memory in Dmitry Bavilsky's book "The Museum of Water the Venetian Diary of the Twitter era". *Wielkie tematy kultury w literaturach słowiańskich*, 173: 137—146. DOI: 10.19195/0137-1150.173.10. (In Polish.).

Borisenkova, A. (2010). Narrative turn and its problems. *New Literary Review*, 3. Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/3/narrativnyj-povorot-i-ego-problemy.html> (accessed 11.01.2024). (In Russ.).

Chernovskaya, A. V. (2022). The Chelyabinsk text in D. Bavilsky's novel "The Red Dot". In: *Science of the XXI century: problems, searches, solutions: proceedings of the XLVI scientific and practical conference*. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University. 295—298. ISBN 978-5-7271-1859-7. (In Russ.).

Kreiswirth, M. (1992). Trusting the Tale: the Narrativist Turn in the Human Sciences. *New Literary History*, 23 (3): 629—657. DOI: 10.2307/469223.

Ladokhina, O. F. (2021). Toponymics of Venice in the works of Katya Margolis and Dmitry Bavilsky. In: *History and modernity of philological sciences: based on the mate-*

- rials of the International Scientific Conference XVI Vinogradov Readings (Moscow, March 5—6, 2020): collection of scientific articles: in 2 volumes, 2.* Moscow: The Bookseller. 169—177. ISBN 978-5-9659-0224. (In Russ.).
- Lynch, K. (1982). *The image of the city*. Moscow: Stroyizdat. 328 p. (In Russ.).
- Mamonova, N. V. (2019). English-language borrowings in modern urban texts (on the example of Chelyabinsk). *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*, 3: 25—32. DOI: 10.17238/issn2227-6564-2019.3.25. (In Russ.).
- Martina, L. (2019). *Own logic of cities. New approaches in urban studies*. Moscow: New Literary Review. 424 p. ISBN 978-5-4448-1167-2. (In Russ.).
- Maslov, E. S. (2020). *What is a narrative?* Kazan: Kazan Publishing House. University. 116 p. ISBN 978-5-00130-302-2. (In Russ.).
- Mednis, N. E. *Supertexts in Russian literature*. Available at: <http://rassvet.websib.ru/chapter.htm?no=35> (accessed 22.08.2024). (In Russ.).
- Medvedeva, A. R. (2023). The city as a cognitive expansion: a journey across Space in D. Bavilsky's novel "The Red Dot". In: *Language and Culture*. Chelyabinsk: South Ural State University. 31—35. (In Russ.).
- Medvedeva, A. R. (2023). The interface of the city in the novel "The Red Dot" by D. Bavilsky. In: *Media in the Modern world: a collection of materials from the 62nd International Scientific Forum*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. 152—154. ISBN 978-5-00110-363-9. (In Russ.).
- Medvedeva, A. R. (2023). The poetics of urban space through the prism of the theory of the atmosphere by G. Boehme (on the example of D. Bavilsky's novel "The Red Dot"). *Chelyabinsk Humanities*, 2 (63): 46—51. DOI: 10.47475/1999-5407-2023-63-2-46-51. (In Russ.).
- Musina, L. R. (2010). The image of the city in the mirror of artistic discourse (on the identification of the Chelyabinsk text). *Lingua mobilis*, 2 (21): 61—64. (In Russ.).
- Reshetnikov, D. E. The place of media texts in the structure of the "urban text". *Sign: a problematic field of media education*, 1 (3): 40—42. (In Russ.).
- Riker, P. (2000). *Time and story, 1*. Moscow — St. Petersburg: TSGNII RAS; Cultural Initiative; University Book. 311 p. ISBN 5-7914-0042-X. (In Russ.).
- Semyan, T. F., Smyshlyaev, E. A. (2015). Chelyabinsk poetry as part of the Ural poetic movement. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics*, 12 (2): 28—32. (In Russ.).
- Serto, M. (2010). Ghosts in the city. *Untouchable reserve*, 2 (70): 108—121. (In Russ.).
- Shlemova, N. N., Ponomareva, E. V. (2024). Palimpsest as a principle of genre modeling in the books by E. Margolis "Venetian Notebooks" and "Footprints on the Water". *Siberian Philological Forum*, 2 (27): 109—121. (In Russ.).
- Sid, I. (2015). The history of the concept of "geopoetics". *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities*, 11 (722): 153—170. (In Russ.).
- Silantyev, I. V., Sozina, E. K. (2013). Narrative in literature and history. *Based on the diary prose of A. Herzen in the 1840s. Siberian Philological Journal*, 3: 58—68. (In Russ.).
- Simakova, S. I. (2009). *Digital designations as an element of a newspaper text (on the example of the Chelyabinsk Worker)*. PhD Diss. Chelyabinsk. 184 p. (In Russ.).
- Smyshlyaev, E. A. (2014). Chelyabinsk poetic text as a cultural model. *Bulletin of TSPU*, 11 (152): 115—118. (In Russ.).

- Speshilova, E. I. (2024). Comprehension of the city: from perception to imagination. *ΠΡΑΞΗΜΑ. Problems of visual semiotics*, 2 (40): 103—119. DOI: 10.23951/2312-7899-2024-2-103-119. (In Russ.).
- Stavtseva, E. M. (2016). The formation of the Chelyabinsk mythologeme in modern South Ural prose. *Bulletin of the South Ural State Humanitarian Pedagogical University*, 8: 192—200. (In Russ.).
- Stavtseva, E. M. (2017). *Genre transformations in modern Chelyabinsk prose*. PhD Diss. Yekaterinburg. 215 p. (In Russ.).
- Tyupa, V. I. (2001). *Narratology as an analyst of narrative discourse ("Bishop" by A. P. Chekhov)*. Tver: Tver State University. 58 p. (In Russ.).
- Yakovlev, D. I. (2015). Chelyabinsk local encyclopedic text: an integral structure. In: *Innovative development of regions in the context of globalization: proceedings of the International Scientific and Practical Conference*. Ivanovo: Ples Publ. 234—242. (In Russ.).

*The article was submitted 05.11.2024;
approved after reviewing 23.12.2024;
accepted for publication 29.01.2025.*

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORY

.....

Азамат Амурович Татаров, канд. истор. наук (Нальчик)
Азат Корбангалиевич Идиатуллов, д-р истор. наук (Ульяновск)
Александр Анатольевич Сорокин, канд. истор. наук (Нижний Новгород)
Альберт Константинович Дудайти, д-р истор. наук (Владикавказ)
Анна Сергеевна Лизогуб, канд. истор. наук (Омск)
Валерия Николаевна Красивская, канд. истор. наук (Москва)
Вячеслав Викторович Калинов, д-р истор. наук (Москва)
Дмитрий Михайлович Софьин, канд. истор. наук (Пермь)
Екатерина Олеговна Науменкова, канд. истор. наук (Санкт-Петербург)
Елена Владимировна Бодрова, д-р истор. наук (Москва)
Елена Юрьевна Мокерова, канд. истор. наук (Киров)
Ирина Алексеевна Гатауллина, д-р истор. наук (Казань)
Константин Николаевич Тарасов, канд. истор. наук (Киров)
Максим Валерьевич Медведев, канд. истор. наук (Ростов-на-Дону)
Марина Владимировна Софьина, канд. истор. наук (Пермь)
Фёдор Алексеевич Попов, канд. истор. наук (Москва)
Ярослав Александрович Левин, канд. истор. наук (Самара)

Информация для цитирования:

Бодрова Е. В. Эффективность государственной научно-технической политики СССР на рубеже 1960—1970-х годов / Е. В. Бодрова, В. В. Калинов, В. Н. Красивская // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 1. — С. 324—344. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-324-344.

Bodrova, E. V., Kalinov, V. V., Krasivskaya, V. N. (2025). Effectiveness of State Science and Technology Policy in USSR at Turn of 1960s and 1970s. *Nauchnyi dialog*, 14 (1): 324-344. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-324-344. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Эффективность государственной научно-технической политики СССР на рубеже 1960—1970-х годов

Бодрова Елена Владимировна¹

orcid.org/0000-0001-7889-3054

доктор исторических наук, профессор;
заведующий кафедрой гуманитарных
и социальных наук
bodrova@mirea.ru

Калинов Вячеслав Викторович²

orcid.org/0000-0002-9709-7720

доктор исторических наук, доцент;
заведующий кафедрой истории
kafedra-i@yandex.ru

Красивская Валерия Николаевна¹

orcid.org/0000-0003-0107-4717

кандидат исторических наук;
доцент кафедры гуманитарных
и социальных наук,
корреспондирующий автор
krasivskaya93@yandex.ru

¹ МИРЭА — Российский
технологический университет
(Москва, Россия)

² Российский государственный
университет нефти и газа (национальный
исследовательский университет)
имени И. М. Губкина
(Москва, Россия)

Effectiveness of State Science and Technology Policy in USSR at Turn of 1960s and 1970s

Elena V. Bodrova¹

orcid.org/0000-0001-7889-3054

Doctor of History, Professor,
Head of the Department of Humanities
and Social Sciences
bodrova@mirea.ru

Vyacheslav V. Kalinov²

orcid.org/0000-0002-9709-7720

Doctor of History, Associate Professor,
Head of the Department of History
kafedra-i@yandex.ru

Valeriya N. Krasivskaya¹

orcid.org/0000-0003-0107-4717

PhD in History, Associate Professor,
Department of Humanities
and Social Sciences,
corresponding author
krasivskaya93@yandex.ru

¹ MIREA — Russian
Technological University
(Moscow, Russia)

² National University of Oil
and Gas «Gubkin University»
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

На основании рассекреченных архивных документов исследуется эволюция государственной научно-технической политики на рубеже 1960—1970-х годов, оценивается ее эффективность по ряду основных направлений. Доказано, что изученные документы дают возможность утверждать получение центральными партийно-государственными органами (благодаря усилиям Госплана СССР, АН СССР, Госкомитета по науке и технике Совета Министров СССР) вполне реальных сведений о состоянии как научно-технического потенциала страны в целом, так и по отдельным отраслям. Сообщается, что сравнительные показатели с США и другими ведущими капиталистическими странами были традиционными для подобных докладов и отчетов аргументами, акцентирующими внимание руководства на тех или иных проблемах и подтверждающими заключения авторов. Выяснено, что в ряду важнейших блокирующих факторов справедливо назывались недостаток ассигнований, низкая эффективность вложений, долгострой, недостаточное качество отечественного оборудования, а также недостаточная компетентность части руководителей высшего звена государственного управления, игнорирование рекомендаций ведущих ученых; ведомственный подход, отсутствие должного взаимодействия между гражданским и оборонным секторами науки, дефицит специалистов в ключевых направлениях. Отмечается, что вместе с тем тенденции в развитии научно-технической сферы в ведущих странах свидетельствовали о становлении там национальных инновационных систем, доказавших свою эффективность.

Ключевые слова:

научно-техническая политика; научный потенциал; СССР; достижения; технологическое отставание.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study examines the evolution of the state science and technology policy in the USSR at the turn of the 1960s and 1970s, utilizing declassified archival documents to assess its effectiveness across several key areas. The findings demonstrate that the analyzed documents provide substantial evidence that central party-state organs — thanks to the efforts of the State Planning Committee of the USSR, the Academy of Sciences of the USSR, and the State Committee for Science and Technology under the Council of Ministers — obtained concrete information regarding both the overall scientific and technological potential of the country and specific sectors. It is reported that comparative metrics with the United States and other leading capitalist nations were traditionally included in such reports, serving as arguments that drew leadership attention to various issues while corroborating the authors' conclusions. The study identifies several critical blocking factors, including insufficient funding, low investment efficiency, prolonged construction projects, subpar quality of domestic equipment, and a lack of competence among certain high-ranking government officials, as well as the neglect of recommendations from leading scientists; a departmental approach, inadequate collaboration between civilian and defense sectors of science, and a shortage of specialists in key areas. Furthermore, it is noted that trends in the development of the scientific and technological sphere in leading countries indicated the emergence of national innovation systems that have proven effective.

Key words:

Science and technology policy; scientific potential; USSR; achievements; technological lag.

УДК 94:001.891.573(47+73)“1968/1972”

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-324-344

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Эффективность государственной научно-технической политики СССР на рубеже 1960—1970-х годов

© Бодрова Е. В., Калинов В. В., Красивская В. Н., 2025

1. Введение = Introduction

Необходимость обретения технологического суверенитета чрезвычайно актуализирует исследования факторов, обусловивших как достижения, так и просчеты при реализации государственной научно-технической политики в позднесоветский период отечественной истории. В настоящее время чрезвычайно важно не допустить прежних просчетов и одновременно аккумулировать все позитивное из советского опыта реализации общенациональных проектов.

Историографический анализ продемонстрировал, что интересующая нас проблема в последние десятилетия нечасто выступала предметом изучения. Но отдельные сюжеты в научных публикациях рассматривались в контексте модернизационных процессов [Лосик и др., 1995; Красильщиков, 1998; Алексеев, 2000; Артемов, 2006 и др.], формирования нефтегазового комплекса страны, форсирования экспорта углеводородов [Славкина, 2007]. В качестве основных особенностей этого этапа в эволюции государственной научно-технической политики (ГНТП) Г. А. Быковская справедливо называет постепенное слияние партийно-государственных и научных функционеров [Быковская, 2005, с. 316]. Ряд исследователей в качестве главной причины технологического отставания называют непонимание советскими руководителями того времени основных тенденций мирового развития, необходимости структурной перестройки экономики [Ханин, 2008, с. 79, 387]. Отдельные сюжеты из истории развития электронно-вычислительной техники в 1950—1970-е годы исследовались в ряде публикаций [Арутюнян, 2023, с. 19—24; Бокарев, 2007; Крайнева и др., 2016а, с. 118—135; Крайнева и др., 2016б, с. 135—155; Парамонова, 2023, с. 252—297].

В работе Н. А. Митрохина «Очерки советской экономической политики в 1965—1989 годах» содержатся материалы интервью и мемуары представителей высшей советской бюрократии, изучен широкий круг документов. Представляет интерес предпринятая автором попытка охарактеризовать со-

держание экономической политики этого периода и оценить ее результативность, выявить роль противостоящих групп интересов [Митрохин, 2023].

Некоторые аспекты государственной политики в этой сфере в 1950—1960-е годы рассматривались и авторами настоящей публикации [Бодрова и др., 2023; Бодрова и др., 2024, с. 366—380]. Однако к настоящему времени ставшие доступными для изучения архивные документы, хранящиеся в фондах высших партийных органов, позволяют с большей степенью достоверности и объективности оценить эффективность предпринимаемых властью усилий по преодолению нарастающего отставания от ведущих капиталистических стран по ряду ключевых областей.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Базой для исследования стала теория модернизации, позволяющая рассмотреть интересующую нас проблему в контексте трансформационных процессов, протекавших в мире в 1960—1970-е годы. Позднеиндустриальная стадия модернизации требовала вычленения научно-технической политики, однако синхронизации с ведущими западными странами в этом отношении не произошло. Были привлечены как общенаучные методы исследования, так и специальные исторические (историко-сравнительный, историко-ретроспективный, историко-генетический и др.).

В ходе исследования нами изучена значительная источниковая база, которая включает опубликованные и архивные материалы: законодательно-нормативные акты, а также документы органов центральных органов партийно-государственного управления. Особую ценность, на наш взгляд, представляют к настоящему времени рассекреченные документы из фонда ЦК КПСС Российского государственного архива новейшей истории, в частности, *доклад об основных направлениях развития науки и техники* и научно-технических проблемах, подлежащих решению в 1971—1975 годах, подготовленный в 1968 году Госпланом СССР, АН СССР и Госкомитетом по науке и технике Совета Министров СССР. Содержащиеся в нем данные позволяют с большей степенью достоверности оценить как достижения, так и просчеты ГНТП.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Значительная часть исследователей в ряду особенностей российской модели модернизации называет ее скачкообразный тип, характеризующийся сменой периодов форсированного экономического роста стагнацией и нарастанием технико-технологического разрыва с промышленно развитыми державами. Для обеспечения очередного рывка государство использовало мобилизационные методы привлечения ограниченных внутренних

ресурсов. Структурные перекосы в экономике обуславливались приоритетным развитием военно-промышленного комплекса и обслуживающих его отраслей, имели следствием невозможность синхронизации с передовыми странами перехода к последующим стадиям развития, хроническое отставание надстройки от быстро меняющегося модернизирующегося базиса. Экзогенный инновационный импульс «затухал», предопределяя половинчатость реформ.

В отличие от авторов, формулирующих выводы об эффективности единой государственной научно-технической политики в СССР, мощного координационного органа инновационной системы, мы полагаем, что активизации инновационных процессов препятствовали ведомственный подход, просчеты в планировании, подчас некомпетентность управления.

3.1. Попытки «ускорения» научно-технического прогресса

Исследование показало, что значительное количество значимых правительственных решений, направленных на «ускорение» научно-технического прогресса, было принято в 1960-е годы [О мерах по улучшению..., 1968, с. 51—55; О мерах по дальнейшему улучшению..., 1968, с. 50—52; о дальнейшем улучшении..., 1968, с. 306—311; О мерах по улучшению..., 1968, с. 330—334]. Так, Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР от 4 октября 1965 года предусматривало использовать плановые затраты предприятий на НИОКР за счет средств фонда освоения новой техники, дополнительные средства возможно стало направить на цели повышения качества выпускаемой продукции [КПСС в резолюциях..., 1986, с. 466]. В 1966 году создавался Научный Совет по вычислительной технике и системам управления Государственного комитета Совета министров СССР по науке и технике и Президиума Академии наук СССР [РГАЭ, ф. 9480, оп. 9, лл. 1,5]. В 1968 году были предприняты попытки оптимизировать материальное стимулирование НИР, формы и методы организации научных исследований и обеспечить их связь с потребностями промышленности [Решения партии ..., 1970, с. 317—322]. Однако предпринимаемые усилия позволили осуществить запланированное лишь отчасти.

3.2. Результаты реализации государственной научно-технической политики к 1968 году и перспективные планы

В ходе исследования нами были изучены материалы из фондов РГАНИ, в частности, доклад об основных направлениях развития науки и техники и научно-технических проблемах, подлежащих решению в 1971—1975 годы под грифом «Секретно», подготовленный Госпланом СССР, АН СССР, Госкомитетом по науке и технике Совета Министров СССР, датированный 6 февраля 1968 года и направленный в ЦК КПСС и в Совет Министров [РГАНИ, ф. 5, оп. 61, д. 55, л. 3—94]. Доклад предвзяла вводная часть

со ссылкой на необходимость реализации намеченного в Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР 29 декабря 1967 года «О порядке и сроках разработки проекта пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы» [О порядке и сроках..., 1968, с. 637—642]. Осуществление сформулированных в Постановлении задач предполагало проведение крупных мероприятий по техническому совершенствованию производства и существенному повышению экономических показателей работы всех отраслей народного хозяйства. Практическое решение поставленных задач основывалось на необходимости использования научных и технических разработок, завершаемых в текущем пятилетии.

Этот документ, в отличие от ряда других, также с пометкой «Секретно», не отличался обилием негативных сведений, критических оценок. Однако ряд показателей, их сравнительный анализ с ведущими капиталистическими странами не мог не настораживать руководство страны, несмотря на то, что в начале доклада авторами были перечислены значительные достижения в сфере энергетики, химии, металлургии, машиностроении, радиоэлектроники и т. д. Выполненные в предшествующие годы исследования в области математики, физики, химии, биологии, действительно, обеспечили в исследуемый период возможность создания прогрессивных технологических процессов, экономичных материалов, эффективных препаратов и новых высокопроизводительных машин, оборудования, приборов. Так, например, в производстве электроэнергии применение энергетических установок большой мощности с использованием сверхкритических параметров пара и современных теплофикационных установок позволило снизить в 1968 году расход топлива на отпущенную электроэнергию до 384 г/кВтч против 415 г/кВтч в 1965 году. Ожидалось, что в 1970 году расход топлива на один отпущенный кВтч электроэнергии снизится до 367 г/кВтч [РГАНИ, ф. 5, оп. 61, д. 55, л. 3—4]. Однако в этом отношении наблюдалось отставание от США, что объяснялось более низкими, в среднем, параметрами пара, наличием большого числа мелких устаревших электростанций с расходом топлива свыше 500 г/кВтч, а также меньшими единичными мощностями энергетических блоков. В США же в это время получили широкое распространение более экономичные блоки мощностью 400, 500, 800 мВт и началась эксплуатация блока мощностью 1000 мВт. В СССР первые блоки мощностью 500 и 800 мВт должны были быть освоены в эксплуатации не раньше 1970 года. В докладе предлагалось более широкое применение атомных электростанций, в первую очередь в районах, не обеспеченных топливными ресурсами. По предварительным расчетам, общая мощность АЭС в 1975 году должна была быть доведена до 12 млн кВт, а общая выработка электроэнергии — до 40 млрд против

5—5,5 млрд кВтч в 1970 году. Предусматривалось также дальнейшее объединение энергетических систем, завершение создания Единой европейской энергетической системы СССР, обеспечение надежной связи с энергосистемой «Мир» стран-членов СЭВ [Там же, л. 14—15].

Впервые в мировой практике в эти годы было осуществлено строительство газопроводов из труб диаметром 1020 и 1220 мм, а в конце текущей пятилетки планировалось начать строительство нового мощного газопровода диаметром 1420 мм из района Ухты в Центр. Удельный вес мощных газопроводов из труб диаметром 700 мм и выше составлял в то время примерно 54 %, а к концу пятилетки должен был увеличиться до 70 % (в США он не превышал 47 %).

Проведенные работы по совершенствованию доменной плавки и подготовки рудной шихты позволили в 1968 году довести коэффициент использования полезного объема (КИПО) доменных печей до 0,613 против 0,671 в 1965 году. К 1970 году КИПО доменных печей должен был быть доведен примерно до 0,595. Расход кокса на плавку 1 т чугуна в 1968 году составил 588 кг, и к 1970 году он, планировалось, снизится до 560 кг против 633 кг в 1965 году. Доменное производство по основным технико-экономическим показателям стало отвечать современным достижениям мировой практики.

В текущем пятилетии годовая выплавка кислородно-конверторной стали должна была увеличиться в 5 раз. Доля стали, выплавляемой в кислородных конверторах в 1970 году, планировалось, достигнет 17 % общей выплавки стали против примерно 5 % в 1965 году [Там же, л. 14—15]. Выплавка кислородно-конверторной стали, согласно планам, в 1975 году должна была возрасти до 45 млн т (38 % от общей выплавки) против 20 млн т в 1970 году. Однако доля ее в общей выплавке стали тем не менее была ниже, чем в США и Японии, где уже в 1967 году она составила соответственно 32,5 % и 67,2 % [Там же, л. 27]. Выплавка мартеновской стали с применением кислорода должна была увеличиться в 1970 году до 60 % всей выплавки мартеновской стали против 48,4 % в 1965 году.

Одновременно с перечислением достижений авторы документа вынуждены были констатировать значительное отставание СССР по ряду направлений в машиностроении, например в сфере освоения новой техники для комплексной механизации сельского хозяйства. Медленно решались проблемы по повышению эффективности использования металла в народном хозяйстве, главным образом, из-за недостаточного производства экономичных видов проката и профилей, а также отставания технического уровня заготовительного производства в машиностроении. В структуре выпускаемой в СССР металлопродукции отношение чугуна и сталь-

ного литья к прокату было значительно выше, чем в США, что приводило к менее эффективному использованию металла. Термообработка проката и труб производилась в совершенно недостаточных количествах. В машиностроительной промышленности, где перерабатывалось 37 % всего проката, слабо применялись новые технологические процессы производства заготовок.

Отставание технического уровня технологии заготовительного производства в машиностроении объяснялось авторами доклада рассредоточением производства литых и кузнечно-штамповочных заготовок между многими цехами, в большинстве случаев — небольшими объемами производства и низким уровнем оснащенности прогрессивным оборудованием. В 1967 году в СССР отходы в стружку составили более 6 млн т черных металлов, а в США, при большем объеме металлопотребления, — всего 3,7 млн т [Там же, л. 10].

Значительным тормозом в техническом развитии отраслей, прежде всего в осуществлении комплексной механизации и автоматизации многих технологических процессов в машиностроении, по справедливому мнению авторов, стал низкий уровень специализации производства. В СССР 80 % машиностроительных заводов имели законченный цикл производства (то есть завод выпускал всю номенклатуру узлов и деталей машиностроительного применения, как правило, в ограниченном количестве и на универсальном оборудовании). На специализированных предприятиях выпуск заготовок составлял всего 0,5—0,9 % продукции машиностроения. Между тем в США свыше 70 % чугунного и стального литья выпускали специализированные литейные заводы, в СССР — только 1,5 %. На них было занято 1,7 % общей численности работающих в машиностроении, в США — 27 %. В ведущих отраслях отечественного машиностроения уровень унификации оказался примерно в 3 раза ниже сложившегося в мировой практике. Так, например, в тяжелом машиностроении он составлял 25—30 %, а в мировой практике — 60—70 %, в автомобилестроении — 15—20 % против 70—80 %, в станкостроении — 30—40 % против 80—85 %. Это вынуждало загружать заводы многономенклатурной, нестандартной продукцией, затрудняющей применение прогрессивной технологии [Там же, л. 10—11].

Серьезной проблемой оставалась и низкая механизация погрузочно-разгрузочных работ. Численность занятых в этой сфере в промышленности и на транспорте в СССР составляла около 5 млн чел., из которых 85 % приходилось работать вручную [Там же, л. 11].

Но разработанные планы по ряду направлений обнадеживали. Так, значительного прогресса при составлении планов ожидали от внедрения

новейших технологий в нефтеперерабатывающей и химической промышленности. В нефтеперерабатывающей сфере осваивались в промышленном масштабе ведущие процессы переработки нефти — каталитический риформинг, каталитический крекинг, гидроочистка, обеспечивающие увеличение выхода светлых продуктов. Выпуск бензинов с октановым числом 72 и выше к 1970 году должен был составить около 47 % от общего выпуска против 22,7 % в 1965 году, малосернистых дизельных топлив с содержанием серы 0,20—5 % — примерно 72—73 % против 49,1 % в 1965 году [Там же, л. 5]. Для оснащения процессов добычи угля, нефти, газа уже начался выпуск новых видов оборудования.

3.3. Положение в нефтеперерабатывающей и химической промышленности

Более объективно рассмотреть реальную ситуацию, сложившуюся в сфере модернизации советской промышленности, возможно, как нам представляется, на примере нефтеперерабатывающей и химической отраслей. Так, согласно данным из изученного нами доклада министра нефтеперерабатывающей и химической промышленности СССР В. С. Федорова, направленного Д. Ф. Устинову, Л. И. Брежневу и А. Н. Косыгину 16 октября 1967 году, только в Японии работало 37 нефтеперерабатывающих заводов (НПЗ) с установленной мощностью по переработке 105,7 млн т сырой нефти. Только в 1966 году Япония переработала 79 млн т нефти, или в 5,6 раза больше, чем в 1958 году, и вышла по объему переработки на 3-е место в мире после США и СССР. К 1971 году мощности по переработке сырой нефти должны были в этой стране увеличиться до 178,4 млн т. Япония намечала нарастить собственное производство нефтепродуктов до 58,7—59 % при отсутствии собственной сырьевой базы. [РГАНИ, ф. 5, оп. 59, д. 106, л. 8].

Директор института «ВННЕФТЕХИМ» И. Р. Осадченко также информировал 10 мая 1967 года заведующего отделом химической промышленности ЦК КПСС В. М. Бушуева «об отставании в развитии нефтехимической промышленности СССР» [РГАНИ, ф. 5, оп. 59, д. 107, л. 45]. Автор акцентировал внимание на том, что для всех без исключения стран Западной Европы и Японии стало характерным преимущественное развитие нефтехимии. Эта тенденция утверждалась все в большей степени, несмотря на отсутствие в Западной Европе ресурсов нефтяного сырья. Практика доказывала, что нефтехимия становилась наиболее эффективным источником сырья для производства синтетических полимерных материалов.

Казалось, зарубежный и отечественный опыт лег в основу принятых центральными правительственными органами решений о химизации народного хозяйства, но темпы развития нефтехимии, согласно выводам и

данным министра, оказались недостаточными, как, впрочем, и связанное с ней производство синтетических материалов [Там же, л. 46]. В ряду главных факторов торможения им были названы недостаточность средств, оказавшихся ниже запланированных (по плану, составленному в августе 1966 году, общие капиталовложения в нефтехимию должны были составить 748,84 млн руб., но уже в феврале 1967 году цифра уменьшилась до 621,6 млн руб.) [Там же, л. 47], а также низкая эффективность вложений. Анализ документов показывает, что даже на действовавших установках от начала строительства до пуска в эксплуатацию типовых нефтехимических установок стоимостью 5—10 млн руб. проходило не менее 3—4 лет. Строительство же новых установок, впервые производимых в отечественной практике, растягивалось на 7—8 лет. За это время новая технология морально устаревала, а отдельные виды оборудования и сооружений приходили в негодность. Так, например, произошло с установками по получению метилэтилкетона на Салаватском нефтехимическом комплексе (НХК) и бутиловых спиртов на Ангарском НХК [Там же, л. 49].

Не лучше дело обстояло и со строительством новых нефтехимических комплексов: сроки строительства типового НПЗ или НХК растягивались на 10—12 и более лет. Между тем современные методы организации строительства и состояние стройиндустрии в мире позволяли сооружать промышленные объекты значительно быстрее. В странах Западной Европы и США отдельные нефтехимические объекты в этот период вводились в строй за 1—2 года.

И. Р. Осадченко охарактеризовал положение дел в этой области в СССР как «совершенно неприемлемое». В США и странах Западной Европы в 1966—1967 годах строились крупные установки по производству этилена — 450—500 тыс. т в год в одной технологической линии. Средняя мощность этиленовых установок в США составляла 240 тыс. т против 90—100 тыс. т в 1960 году. К концу 1960-х годов установки мощностью 100 тыс. т закрывались как нерентабельные. В СССР же к тому времени не была введена в строй этиленовая установка ЭП-60, запроектированная еще в 1959—1960 годах. До 1970 года не было запланировано ни одной установки мощностью 60 тыс. т в год. В СССР строились установки риформинга и экстракции мощностью 50—60 тыс. т в год ароматических углеводородов, запроектированные еще в 1956—1960 годах. В мировой практике в эти годы типовой стала установка риформинга и экстракции мощностью 1 млн т прямогонного бензина [Там же, л. 53].

Очевидно, что в СССР к этому времени необходимо было строить более мощные технологические установки, отвечающие современным требованиям, и выделять на эти цели достаточные ассигнования.

3.4. Внедрение современного оборудования в сфере нефтедобычи: планы и блокирующие факторы

Возвращаясь к анализу доклада Госплана СССР, АН СССР и Госкомитета по науке и технике Совета Министров СССР от 6 февраля 1968 году, акцентируем внимание на предложениях авторов о необходимости *интенсификации добычи нефти, повышения* степени извлечения ее из месторождений, улучшения методов сбора, транспорта, о подготовке нефти на промыслах и использовании попутного газа. Все перечисленное было более чем актуально в контексте форсированного освоения Западно-Сибирской нефтегазовой провинции и наращивания экспорта углеводородов. Решение этих задач должно было быть обеспечено за счет широкого применения новых методов воздействия на пласты: закачки в пласт газа высокого давления, растворителей с последующим вытеснением оторочки сухим газом; внутриконтурного, законтурного и площадного заводнения с добавками поверхностно-активных веществ (ПАВ) и химических реагентов; тепловых методов воздействия.

Количество нефти, добываемой с применением термического воздействия на пласт, в 1975 году предполагалось увеличить до 20 млн т против 3 млн т, ожидаемых в 1970 году. Осуществление этих мероприятий позволило бы повысить коэффициент извлечения нефти по пластам, находящимся под воздействием, до 0,65 против 0,45—0,50 к 1968 году. Добычу нефти с поддержанием пластового давления намечалось довести в 1975 году до 75 % от общей добычи против 70 % в 1970 году. Предусматривалось применение следующих новых технических средств: высокопроизводительных погружных насосов, компрессоров высокого давления, в том числе автономных газокompрессоров мощностью 550 и 1100 л. с., парогенераторных установок.

Одновременно анализ данных, представленных в указанных документах, вынуждает признать, что к тому моменту отечественное оборудование и для нефтедобычи по своему техническому уровню, конструктивному исполнению, надежности и долговечности, а также разнообразию рабочих параметров и типоразмеров значительно уступало лучшим зарубежным образцам.

Особое внимание авторами акцентировалось на необходимости создания комплексно-автоматизированных промыслов на вновь обустраиваемых площадях, особенно в Западной Сибири и Мангышлаке, что позволило бы повысить производительность труда и уменьшить численность производственного персонала в 2,5—3 раза. В ряду проблем, которые требовали скорейшего решения, называлась малая эффективность применяемых деэмульгаторов для подготовки нефти на промыслах, имевших во много

раз меньшую активность по сравнению с зарубежными образцами. В очередной раз подчеркивалась необходимость максимального использования попутного газа (ПНГ). Для этого предусматривалось создание и освоение мощных компрессоров, передвижных газобензиновых быстромонтируемых установок по переработке газа на промыслах. Между тем в 1968 году в факелах было сожжено около 10 млрд м³ ПНГ.

Основными направлениями в научных исследованиях и проектно-конструкторских работах в 1971—1975 годах в нефтедобывающей отрасли должны были стать: совершенствование методов воздействия на пласт; создание автоматизированных технологических систем, охватывающих весь комплекс процессов по сбору, транспорту, учету нефти и ПНГ; создание комплексов более совершенного промыслового оборудования и других технических средств; комплекс работ по изысканию методов разработки глубокозалегающих (до 4—7 км) нефтяных месторождений. По расчетам, годовой экономический эффект от внедрения в 1971—1975 годах новой техники и технологий должен был составить примерно 150 млн руб. [РГА-НИ, ф. 5, оп. 61, д. 55, л. 16—19].

В газовой отрасли промышленности также предусматривалось улучшение техники и методов разведки, добычи, хранения, транспортирования, переработки и эффективного использования газа, а также комплексная механизация строительства новых газопроводов. Широкое использование нового метода ускоренного ввода в эксплуатацию газовых месторождений, основанного на совмещении процессов разведки и разработки, должно было позволить примерно в 2 раза сократить сроки ввода месторождения в эксплуатацию и на 25—30 % уменьшить объем разведочного бурения [Там же, л. 20].

Однако общей проблемой для нефтяной и газовой промышленности являлось сравнительное отставание от США по буровым работам. Частично это объяснялось большими глубинами скважин и менее благоприятными природными условиями, но главными причинами, с точки зрения специалистов, являлись недостаточное техническое оснащение и слабая организация буровых работ. Выпускаемые отечественные буровые установки («Уралмаш 3Д», «5Д», «БУ-75») имели малую мощность, низкие монтажеспособность и надежность в работе. Породоразрушающий инструмент, трубы нефтяного сортамента, противовыбросовое и другое оборудование по техническому уровню и качеству изготовления также уступали лучшим зарубежным образцам. В качестве необходимого условия называлось повышение качества бурильных и обсадных труб, буровых растворов и химических реагентов. Предусматривалось создание нового транспортного бурового оборудования с взаимозаменяемыми унифицирован-

ными узлами, а также использование комплекса технических средств для бурения, обустройства и разработки нефтяных и газовых месторождений в море (глубина моря до 10 м). Ставилась задача отработать и расширить внедрение способа бурения скважин электробурами, что позволило бы автоматизировать процесс бурения и сократить затраты на сооружение скважин [Там же, л. 20—23].

Перечень планируемых нововведений по указанным и другим отраслям промышленности был впечатляющим, однако авторы доклада должны были признать, что достижения науки и техники использовались в СССР «далеко не полностью». Так, за предыдущие три года планы по освоению новых видов промышленной продукции, прогрессивных технологических процессов, механизации и автоматизации производства министерствами и ведомствами выполнялись по объему в среднем на 84—85 %, а по количеству полностью выполненных мероприятий — на уровне 70—75 %, что сдерживало обновление выпускаемой продукции. Согласно данным, полученным в ходе обследования ЦСУ СССР предприятий 9 машиностроительных министерств (Минтяжмаша, Минэлектротехпрома, Минхиммаша, Минстанкопрома, Минстройдормаша, Минприбора, Минавтопрома, Минсельхозмаша, Минлегпищемаша), в общем объеме производства машиностроительной продукции за 1967 год 45 % составила продукция, выпускаемая свыше 5 лет, при этом около 17 % машин и оборудования находилось в производстве 10 и более лет. Удельный вес вновь освоенной продукции в общем объеме выпуска являлся незначительным и в 1967 году составил по указанным министерствам 9,3 % против 8,5 % за 1965 год [Там же, л. 8].

Полагаем, что приведенные данные свидетельствуют о крайне медленных темпах и объемах внедрения в производство новых видов продукции в исследуемый период, что, несомненно, отрицательно сказывалось на темпах технического прогресса в СССР. Невыполнение многими министерствами и ведомствами планов НИОКР и особенно планов внедрения достижений науки и техники не позволяло достичь намеченного уровня технического развития в отдельных отраслях народного хозяйства.

Так, например, в угольной промышленности уровень добычи с применением высокопроизводительного узкозахватного оборудования, позволяющего увеличить выемку угля с одного очистного забоя в 1,5—2 раза по сравнению с широкозахватной выемкой, составлял примерно 66 % против намеченных 75 %. В таких странах, как Англия, Франция, ФРГ, Бельгия, переход на узкозахватный способ добычи угля был к этому времени полностью завершен. Медленное освоение в СССР этого способа во многом объяснялось недостаточными объемами производства необходимого оборудования и его невысоким качеством, а также длительными сроками пе-

ревооружения шахт. Реконструкция одной шахты длилась в СССР 7 лет и более, в Англии и ФРГ — 2—3 года [Там же, л. 8].

3.5. Отставание в области разработки и производства вычислительной техники

Одним из ключевых направлений, требующих особого внимания и скорейшего преодоления отставания, оставалось развитие вычислительной техники. В докладе от 6 февраля 1968 года сообщалось о масштабном комплексе работ по развитию ЭВМ, приборов и устройств, созданию на их основе автоматических систем планирования, учета, управления и обработки информации. К концу 1970 года намечалось ввести в действие 28 отраслевых автоматизированных систем управления (первые очереди) в ведущих отраслях народного хозяйства, более 300 систем управления предприятиями и непромышленными объектами, около 270 систем управления сложными технологическими процессами и отдельными производствами. Эти системы должны были быть созданы на основе широкого применения средств вычислительной техники. Планировалось введение в строй более 450 информационно-вычислительных центров на крупных предприятиях и в организациях для автоматизированной обработки информации, свыше 299 вычислительных центров в научных, конструкторских, проектных и других организациях для выполнения научных, инженерных и планово-экономических расчетов. Общее количество ЭВМ, используемых в народном хозяйстве, к концу 1970 года должно было составить около 6000 единиц с суммарным быстродействием до 70 млн вычислительных операций/сек. К 1968 году в СССР уже было начато серийное производство ряда современных полупроводниковых ЭВМ. Серийно выпускались ЭВМ «Урал-14», «БЭСМ-4», «М-220», «Минск-22», «Минск-23» и др., предназначенные для решения широкого круга экономических и научно-технических задач во всех сферах народного хозяйства. Был налажен выпуск ЭВМ «БЭСМ-6» с производительностью около 1 млн операций сложения/сек. Серийно выпускались новые типы необходимых для ЭВМ устройств ввода, вывода, накопления и обработки информации, в том числе устройства считывания информации, алфавитно-цифровые печатающие устройства и др. [Там же, л. 7].

Главными направлениями в этой сфере правомерно назывались переход на выпуск качественно новых ЭВМ и существенное расширение масштабов автоматизации процессов управления и обработки информации на основе вычислительной техники. Объемы ее производства должны были увеличиться в 3 раза, главным образом за счет увеличения выпуска электронных цифровых вычислительных машин с программным управлением общего назначения и вычислительных машин для автоматизации управления технологическими процессами. К 1973 году планировалось создать и

внедрить в серийное производство комплекс типовых электронных цифровых вычислительных систем «Ряд», построенных на единой структурной и микроэлектронной технологической базе, имеющих совместимые системы программирования и предназначенных для автоматизации процессов управления и обработки информации в промышленности и в других сферах народного хозяйства.

Предусматривалась разработка и внедрение до 1972 года в серийное производство комплекса агрегатных средств вычислительной техники для автоматизированного управления технологическими процессами и производства («АСВТ»). Эти машины создавались в блочном конструктивном исполнении и должны были быть снабжены современными системами программирования [Там же, л. 53].

В первую очередь, согласно докладу, имелось в виду завершить работы по автоматизированной системе управления (АСУ) материально-техническим снабжением в стране, по переходу на оптимальные методы межотраслевого и отраслевого планирования на уровне Госплана СССР и госпланов союзных республик, а также по созданию отраслевых автоматизированных систем управления в ведущих отраслях промышленности. Более чем в 40 отраслях планировалось ввести в действие первые очереди отраслевых автоматизированных систем управления, намечалось, что к 1975 году около 20—25 % крупных предприятий ведущих отраслей перейдут на системное автоматизированное управление, используя для этих целей средства вычислительной техники. Авторы особо подчеркивали, что новые ЭВМ и их внешние устройства, серийное производство которых должно было быть создано в следующей пятилетке, будут по своим техническим показателям на уровне лучших современных образцов зарубежной техники. Одновременно признавалось, что, тем не менее, по общему количеству ЭВМ и по масштабам их производства СССР к 1976 году будет значительно отставать от США. При этом в абсолютных количествах это отставание будет еще нарастать [Там же, л. 57].

Напомним в связи с этим, что в 1967 году в США было выпущено 15000 ЭВМ, в СССР — лишь 600. В 1975 году объем выпуска в США еще более должен был вырасти, а в СССР, предполагалось, — достигнуть лишь 3000 машин в год. Выполнение намеченного плана производства ЭВМ оговаривалось «решающими» условиями: темпами строительства новых и реконструкции действующих предприятий, уровнем технологии, организации и кооперированием производства, своевременным выделением в 1969—1970 годы и в будущем пятилетии необходимых капвложений для этих целей [Там же, л. 59]. Планировалось серийное производство дешевых интегральных схем, разработка и освоение производства микроэлек-

тронных блоков и узлов (больших интегральных схем), линейных и СВЧ интегральных схем как основы для построения новых видов аппаратуры связи, радиовещания, телевидения, научного приборостроения и средств ЭВМ (машин третьего поколения), значительного повышения их качества и надежности [Там же, л. 53].

Однако по поручению ЦК КПСС № 3485 от 16 ноября 1967 года 30 декабря 1967 года было принято Постановление Совета Министров СССР № 1180-420 [РГАНИ, ф. 5, оп. 59, д. 111, д. 183], в котором предписывалось Министерству радиопромышленности разработать комплекс программно-совместимых информационно-вычислительных машин «Ряд» и организовать его серийное производство. Значительной частью экспертов это решение оценивалось и оценивается резко отрицательно, так как оно предусматривало клонирование архитектуры американской IBM-360. Отечественные разработки были свернуты. Академик Н. Н. Моисеев оценивал это изменение курса в качестве «выбросившего нас из числа технически развитых государств и определившего развал Великого государства в неизмеримо большей степени, чем все действия всех возможных диссидентов» [Моисеев].

Таким образом, авторы изученных документов для преодоления технологического отставания по ряду ключевых направлений настаивали на необходимости обеспечения дальнейшего развития научной базы, выделения более значительных средств. Определялись ими и приоритеты научно-технического развития страны, требующие первоочередного внимания и поддержки правительства: создание новых методов преобразования энергии, использование атомной энергии в технологических процессах производства; создание принципиально новых технологических процессов обработки и переработки материалов, а также техники, основанной на их применении; выпуск новых более экономичных изделий, материалов, высокотехнологических процессов и внедрение методов организации производства, обеспечивающих повышение качества продукции; дальнейшая интенсификация процессов производства, снижение трудовых и материальных затрат и внедрение новых методов переработки природного сырья, материалов и продуктов с целью комплексного их использования и др.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, изученные рассекреченные документы из фондов РГАНИ как подтверждают выводы как о значительных достижениях в ходе реализации государственной научно-технической политики в исследуемый период, так и позволяют определить направления, по которым наблюдалось значительное отставание. Исследование дает возможность признать, что центральные партийно-государственные органы получали вполне досто-

верные сведения о состоянии научно-технического потенциала страны как в целом, так и по отдельным отраслям. Сравнительные показатели с США и другими ведущими капиталистическими странами были традиционными для подобных докладов и отчетов аргументами, акцентирующими внимание руководства на тех или иных проблемах и подтверждающими заключения авторов. В ряду важнейших блокирующих факторов справедливо назывался недостаток ассигнований. Полагаем, что во многом это было вызвано сосредоточением ресурсов на формировании мощного нефтегазового комплекса на востоке страны, потребовавшего огромных средств. Правомерными представляются и выводы авторов о низкой эффективности вложений, долгосрочное, недостаточное качество отечественного оборудования. Дополним этот перечень такими причинами, как недостаточная компетентность части руководителей высшего звена государственного управления, о чем, например, свидетельствуют принятые решения относительно клонирования американских образцов ЭВМ, приведшие впоследствии к самому серьезному технологическому отставанию; игнорирование рекомендаций ведущих ученых; ведомственный подход, отсутствие должного взаимодействия между гражданским и оборонным секторами науки; дефицит специалистов в ключевых направлениях. Между тем тенденции, обозначившиеся в развитии научно-технической сферы в других ведущих странах, свидетельствовали о становлении там национальных инновационных систем в качестве эффективного механизма форсирования научно-технического прогресса.

Анализ показателей по многим основным направлениям развития научно-технического комплекса страны, которые нами были использованы в качестве примера, дают основания говорить о том, что уже на рубеже 1960—70-х годов экономическая система СССР оказалась неадекватной требованиям мощных трансформационных процессов, наблюдавшихся в мире, стала во многом невосприимчивой к нововведениям. Одним из примеров, подтверждающих подобный вывод, явился выбор стратегии относительно производства вычислительной техники, которая предопределила свертывание собственных разработок. Системе партийно-государственного управления не удалось достичь органичного сочетания социально-экономического и научно-технического развития, что и явилось основной причиной обозначившейся тенденции к деградации научно-технического потенциала, к формированию сырьевой зависимости страны.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986). — Москва : Политиздат, 1986. — Т. 10. — 493 с.
2. *О дальнейшем улучшении руководства развитием науки и техники* : Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 5 марта 1963 году // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : Сборник документов за 50 лет. — Москва : Политиздат, 1968. — Т. 5. — С. 306—311.
3. *О мерах по дальнейшему улучшению подбора и подготовки научных кадров в стране* : Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 мая 1962 году // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : Сборник документов за 50 лет. — Москва : Политиздат, 1968. — Т. 5. — С. 50—52.
4. *О мерах по улучшению деятельности Академии наук СССР и академий наук союзных республик* : Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 11 апреля 1963 году // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : Сборник документов за 50 лет. — Москва : Политиздат, 1968. — Т. 5. — С. 330—334.
5. *О мерах по улучшению подготовки научных и научно-педагогических кадров* : Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 13 июня 1961 году // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986). — Москва : Политиздат, 1986. — Т. 10. — С. 51—55.
6. *О порядке и сроках разработки проекта пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 гг.* : Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 29 декабря 1967 году // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : Сборник документов за 50 лет. — Москва : Политиздат, 1968. — Т. 6. — С. 637—642.
7. РГАНИ — *Российский государственный архив новейшей истории*. Ф. 5. (Аппарат ЦК КПСС (1935—1991 гг.)). Ф. 5. Оп. 61. Д. 55. Л. 3—5, 7—12, 14—19, 20—23, 27, 35—36, 53, 57, 59, 3—94 ; Оп. 59. Д. 106. Л. 8 ; Д. 107. Л. 45—47, 49—50, 53 ; Д. 111. Л. 183.
8. РГАЭ — *Российский государственный архив экономики*. Ф. 9480. (Государственный комитет Совета Министров СССР по науке и технике). Ф. 9480. Оп. 9. Д. 160. Лл. 1, 5.
9. *Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам* : Сборник документов. Июль 1968 г. — 1969 г. — Москва : Политиздат, 1970. — Т. 7. — 686 с.

Литература

1. *Алексеев В. В.* Волны российских модернизаций / В. В. Алексеев // Опыт российских модернизаций XVIII—XX века. — Москва : Наука, 2000. — 244 с. — ISBN 5-02-010204-0.
2. *Артемьев Е. Т.* Научно-техническая политика в советской модели постиндустриальной модернизации / Е. Т. Артемьев. — Москва : РОССПЭН, 2006. — 254 с. — ISBN 5-8243-0763-6.
3. *Арутюнян Г. А.* Разработка Ереванским НИИ математических машин специализированного двухмашинного вычислительного комплекса СВК и операционной системы реального масштаба времени / Г. А. Арутюнян // Труды SORUCOM-2023. Материалы Шестой Международной конференции. — 2023. — С. 19—24. — DOI: 10.31144/SOR.978-5-6050958-0-4.2023.
4. *Бодрова Е. В.* Государственная научно-техническая политика СССР в условиях холодной войны и развертывания научно-технической революции (1950-е — первая половина 1960-х годов) / Е. В. Бодрова, В. В. Калинов. — Москва : «Дашков и Ко», 2023. — 452 с. — ISBN 978-5-394-05829-5.

5. Бодрова Е. В. Изменение правительственного курса в отношении развития вычислительной техники в СССР во второй половине 1960-х годов / Е. В. Бодрова, В. В. Калинов // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 2. — С. 364—380. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-364-380.

6. Бодрова Е. В. Развитие вычислительной техники в первой половине 1960-х гг.: попытки преодолеть отставание / Е. В. Бодрова, В. В. Калинов // История и современное мировоззрение. — 2023. — Т. 5. — № 3. — С. 81—89. — DOI: 10.33693/2658-4654-2023-5-3-81-89.

7. Бокарев Ю. П. СССР и становление постиндустриального общества на Западе. 1970—1980-е годы / Ю. П. Бокарев. — Москва : Наука, 2007. — 380 с. — ISBN 5-02-035261-6.

8. Быковская Г. А. Исторический опыт разработки и реализации партийно-государственной научно-технической политики в Российской Федерации (1917—1991 гг.): диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / Г. А. Быковская. — Москва, 2005. — 611 с.

9. Крайнева И. А. Советская вычислительная техника в контексте экономики, образования и идеологии (конец 1940-х — середина 1950-х гг.) / И. А. Крайнева, Н. Ю. Пивоваров, В. В. Шилов // Идеи и идеалы. — 2016. — Т. 1. — № 4 (30). — С. 135—155. — DOI: 10.17212/2075-0862-2016-4.1-135-155.

10. Крайнева И. А. Становление советской научно-технической политики в области вычислительной техники (конец 1940-х — середина 1950-х гг.) / И. А. Крайнева, Н. Ю. Пивоваров, В. В. Шилов // Идеи и идеалы. — 2016. — Т. 1. — № 3 (29). — С. 118—135. — DOI: 10.17212/2075-0862-2016-3.1-118-135.

11. Красильщиков В. А. Вдгонку за прошедшим веком. Развитие России в XX в. С точки зрения мировых цивилизаций / В. А. Красильщикова. — Москва : РОССПЭН, 1998. — 263 с. — ISBN 5-86004-173-X.

12. Лосик А. В. Научно-технический прогресс : драматизм развития : (Страницы отечественной истории. Вторая половина 50-х — 80-е годы) / А. В. Лосик, С. Ю. Чимаров. — Санкт-Петербург : ВИККА, 1995. — 102 с.

13. Митрохин Н. А. Очерки советской экономической политики в 1965—1989 годах / Н. А. Митрохин. — Москва : Новое литературное обозрение, 2023. — Т. 1. — 504 с. — ISBN 978-5-4448-1867-1.

14. Моисеев Н. Н. Как далеко до завтрашнего дня. Свободные размышления [Электронный ресурс] / Н. Н. Моисеев. — 1917—1993. — Режим доступа : <http://nikitamoishev.livejournal.com/6800.html> (дата обращения 21.09.2024).

15. Парамонова Р. Н. Электронное машиностроение в СССР в 1965—1975 гг.: планы и результаты развития отрасли / Р. Н. Парамонова // Труды SORUCOM-2023. Материалы Шестой Международной конференции. — 2023. — С. 327—333. — DOI: 10.31144/SOR.978-5-6050958-0-4.2023.

16. Славкина М. В. Великие победы и упущенные возможности : влияние нефтегазового комплекса на социально-экономическое развитие СССР в 1945—1991 гг. / М. В. Славкина. — Москва : Нефть и газ, 2007. — 383 с. — ISBN 978-5-7246-0398-0.

17. Ханин Г. И. Экономическая история России в новейшее время / Г. И. Ханин. — Новосибирск : НГТУ, 2008. — Т. 1. — 515 с. — ISBN 978-5-7782-0903-9.

*Статья поступила в редакцию 06.11.2024,
одобрена после рецензирования 16.01.2025,
подготовлена к публикации 29.01.2025.*

Material resources

Decisions of the party and the government on economic issues: a collection of documents. July 1968—1969, 7. (1970). Moscow: Politizdat. 686 p. (In Russ.).

On further improvement of the management of the development of science and technology: Resolution of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR dated March 5, 1963. (1968). In: *Decisions of the party and the government on economic issues: a collection of documents for 50 years, 5.* Moscow: Politizdat Publ. 306—311. (In Russ.).

On measures to further improve the selection and training of scientific personnel in the country: Resolution of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR dated May 12, 1962. (1968). In: *Decisions of the party and the government on economic issues: a collection of documents for 50 years, 5.* Moscow: Politizdat. 50—52. (In Russ.).

On measures to improve the activities of the USSR Academy of Sciences and the Academies of Sciences of the Union Republics: Resolution of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR dated April 11, 1963. (1968). In: *Decisions of the party and the government on economic issues: a collection of documents for 50 years, 5.* Moscow: Politizdat Publ. 330—334. (In Russ.).

On measures to improve the training of scientific and scientific-pedagogical personnel: Resolution of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR dated June 13, 1961. (1986). In: *The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898—1986), 10.* Moscow: Politizdat. 51—55. (In Russ.).

On the procedure and timing of the development of the draft five-year plan for the development of the national economy of the USSR for 1971—1975: Resolution of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR dated December 29, 1967. (1968). In: *Decisions of the party and the government on economic issues: a collection of documents for 50 years, 6.* Moscow: Politizdat. 637—642. (In Russ.).

RGAE — *Russian State Archive of Economics.* (In Russ.).

RGANI — *Russian State Archive of Modern History.* (In Russ.).

The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898—1986), 10. (1986). Moscow: Politizdat. 493 p. (In Russ.).

References

Alekseev, V. V. (2000). Waves of Russian modernization. In: *Experience of Russian modernization of the XVIII—XX century.* Moscow: Nauka Publ. 244 p. ISBN 5-02-010204-0. (In Russ.).

Artyomov, E. T. (2006). *Scientific and technical policy in the Soviet model of post-industrial modernization.* Moscow: ROSSPEN. 254 p. ISBN 5-8243-0763-6. (In Russ.).

Bodrova, E. V., Kalinov, V. V. (2023). Development of computer technology in the first half of the 1960s: attempts to overcome the lag. *History and modern worldview, 5 (3):* 81—89. DOI: 10.33693/2658-4654-2023-5-3-81-89. (In Russ.).

Bodrova, E. V., Kalinov, V. V. (2023). *The state scientific and technical policy of the USSR in the conditions of the Cold War and the unfolding of the scientific and technical revolution (1950s — the first half of the 1960s).* Moscow: Dashkov & Co. 452 p. ISBN 978-5-394-05829-5. (In Russ.).

- Bodrova, E. V., Kalinov, V. V. (2024). Shift in Government Policy Regarding Computer Technology Development in USSR in Late 1960s. *Nauchnyi dialog*, 13 (2): 364—380. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-2-364-380> (In Russ.).
- Bokarev, Yu. P. (2007). *The USSR and the formation of a post-industrial society in the West. The 1970s and 1980s*. Moscow: Nauka Publ. 380 p. ISBN 5-02-035261-6. (In Russ.).
- Bykovskaya, G. A. (2005). *Historical experience in the development and implementation of party-state scientific and technical policy in the Russian Federation (1917—1991)*. Doct. Diss. Moscow. 611 p. (In Russ.).
- Harutyunyan, G. A. (2023). Development by the Yerevan Research Institute of Mathematical Machines of a specialized two-machine computing complex ICS and a real-time operating system. *Proceedings of SORUCOM-2023. Proceedings of the Sixth International Conference*. 19—24. DOI: 10.31144/SOR.978-5-6050958-0-4.2023. (In Russ.).
- Khanin, G. I. (2008). *Economic history of Russia in modern times, I*. Novosibirsk: NSTU. 515 p. ISBN 978-5-7782-0903-9. (In Russ.).
- Kraïneva, I. A., Pivovarov, N. Y., Shilov, V. V. (2016). Soviet computing technology in the context of economics, education and ideology (late 1940s — mid-1950s). *Ideas and Ideals*, 1 / 4 (30): 135—155. DOI: 10.17212/2075-0862-2016-4.1-135-155. (In Russ.).
- Kraïneva, I. A., Pivovarov, N. Y., Shilov, V. V. (2016). The formation of Soviet scientific and technical policy in the field of computing technology (late 1940s — mid-1950s). *Ideas and ideals*, 1 / 3 (29): 118—135. DOI: 10.17212/2075-0862-2016-3.1-118-135. (In Russ.).
- Krasilshchikov, V. A. (1998). *Chasing the past century. The development of Russia in the 20th century from the point of view of world civilizations*. Moscow: ROSSPEN. 263 p. ISBN 5-86004-173-X. (In Russ.).
- Losik, A. V., Chimarov, S. Y. (1995). *Scientific and technical progress: the drama of development: (Pages of Russian history. The second half of the 50s — 80s)*. Saint Petersburg: VIKKA Publ. 102 p. (In Russ.).
- Mitrokhin, N. A. (2023). *Essays on Soviet economic policy in 1965—1989, I*. Moscow: New Literary Review. 504 p. ISBN 978-5-4448-1867-1. (In Russ.).
- Moiseev, N. N. (1917—1993). *How far is tomorrow? Free reflections*. Available at: <http://nikitamoiseev.livejournal.com/6800.html> (accessed 21.09.2024). (In Russ.).
- Paramonova, R. N. (2023). Electronic engineering in the USSR in 1965—1975: plans and results of industry development. *The works of SORUCOM-2023. Proceedings of the Sixth International Conference*. 327—333. DOI: 10.31144/SOR.978-5-6050958-0-4.2023. (In Russ.).
- Slavkina, M. V. (2007). *Great victories and missed opportunities: the impact of the oil and gas complex on the socio-economic development of the USSR in 1945—1991*. Moscow: Oil and Gas. 383 p. ISBN 978-5-7246-0398-0. (In Russ.).

*The article was submitted 06.11.2024;
approved after reviewing 16.01.2025;
accepted for publication 29.01.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(1), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Гатауллина И. А. Советская экономическая политика в Средневолжском регионе в первой половине 1920-х годов / И. А. Гатауллина // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 1. — С. 345—377. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-345-377.

Gataullina, I. A. (2025). Soviet Economic Policy in Middle Volga Region during Early 1920s. *Nauchnyi dialog*, 14 (1): 345-377. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-345-377. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Советская экономическая политика в Средневолжском регионе в первой половине 1920-х годов

Гатауллина Ирина Алексеевна
orcid.org/0000-0002-1304-3945
доктор исторических наук, доцент,
кафедра социологии,
политологии и менеджмента
gataullina.irina2010@yandex.ru

Казанский национальный
исследовательский технический
университет им. А. Н. Туполева-КАИ
(Казань, Россия)

Soviet Economic Policy in Middle Volga Region during Early 1920s

Irina A. Gataullina
orcid.org/0000-0002-1304-3945
Doctor of History, Associate Professor,
Department of Sociology,
Political Science, and Management
gataullina.irina2010@yandex.ru

Kazan National Research
Technical University
named after A. N. Tupolev-KAI
(Kazan, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос реализации нэпа в Татарской республике, Ульяновской, Самарской и Саратовской губерниях. Институциональные принципы организации внутреннего рынка, выработанные в рамках ленинского проекта, определяются как основание хозяйственной деятельности. Представлены результаты сравнительного анализа региональной сети. Установлено, что стремительный рост торговли происходил за счет динамики абсолютных показателей частного и укрепления позиций государственного и кооперативного секторов. Подчеркивается, что если в губернском товарообороте сдвиг произошел в сторону госорганов, то в Татреспублике фиксируется сбалансированное соотношение торговых конкурентов с преимуществом частного капитала. Обосновывается, что благодаря предшествующему опыту началось возрождение рыночной конъюнктуры, обусловившей эволюционную направленность проводимой политики. Показано, что регулирование отражало попытку взвешенного подхода властных структур к частной конкуренции, их стремление дать критическую оценку своим действиям по отношению к кооперации. Однако факты некомпетентности, упрощенных решений насущных задач позволяют утверждать, что узаконение произвольной власти государства насильственно вмешиваться в ход восстановительного процесса — дело времени. Автор приходит к выводу, что противовесом разрушительной силе классовой ненависти может быть только сила созидательного потенциала социального партнерства, выстраивающего экономику компромисса.

Ключевые слова:

история России; экономическая политика; конъюнктура; регулирование; компромисс.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the implementation of the New Economic Policy (NEP) in the Tatar Republic, Ulyanovsk, Samara, and Saratov provinces. The institutional principles governing the organization of the internal market, developed within the framework of Lenin's project, are identified as the foundation of economic activity. The results of a comparative analysis of the regional network are presented. It is established that the rapid growth of trade was driven by the dynamics of absolute indicators in the private sector and the strengthening positions of state and cooperative sectors. It is emphasized that while there was a shift towards state entities in provincial trade turnover, a balanced ratio of trading competitors with an advantage for private capital was observed in the Tatar Republic. The study argues that the revival of market conditions, influenced by prior experience, initiated an evolutionary direction for the policies being implemented. It is shown that regulation reflected a measured approach by authorities towards private competition and their desire to critically assess their actions regarding cooperation. However, instances of incompetence and simplified solutions to pressing issues suggest that the legitimization of arbitrary state power to interfere in the recovery process is merely a matter of time. The author concludes that the counterbalance to the destructive force of class hatred can only be found in the constructive potential of social partnership, which builds an economy based on compromise.

Key words:

History of Russia; economic policy; market conditions; regulation; compromise.

УДК 94(470.40/.43)“192”

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-345-377

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

Советская экономическая политика в Средневолжском регионе в первой половине 1920-х годов

© Гатауллина И. А., 2025

1. Введение = Introduction

100-летие принятия в России новой экономической политики — не только значимая дата в календаре отечественной истории, но и повод для раздумий о месте и роли рынка как институциональной составляющей политико-экономической системы страны. Специфические условия развития Российского государства сформировали особую политику власти по отношению к частной собственности, ставшей к концу XIX — началу XX века структурообразующим элементом хозяйственного механизма. Ликвидация рынка явилась для России испытанием, поставившим на кон существование и новой власти, и новой государственности. Однако разворот, предпринятый В. И. Лениным в условиях военно-коммунистического кризиса, в свою очередь оказался не меньшим проявлением радикализма большевистской диктатуры, схватившейся за рынок как за спасительную соломинку.

Обстоятельства, в которых жила страна на протяжении всей советской истории, диктовали разное отношение к рынку. В этом смысле не стал исключением и постсоветский период. Непростой путь от антикапиталистической ментальности к легитимации собственности привел российский социум к очередной развилке: с одной стороны, рынок действительно оправдывает ожидания людей, с другой — общество склонно проявлять и антирыночные настроения. Так, под лозунгом «Поиграли в капитализм и хватит» [Коммунист идет на выборы...] осуществлял свою предвыборную кампанию в 2024 году кандидат в президенты России от Коммунистической партии. Все вышесказанное является обоснованным поводом обратиться к опыту новой экономической политики 1920-х годов — наиболее длительному этапу существования легального рыночного пространства в советской истории. Цель работы, выполненной на основе предшествующих исследований автора, а также привлечения новых источников, состоит в попытке выяснить, почему в указанный период при наличии непростых обстоятельств, связанных с наступлением голода, частный сектор экономики выступил партнером государственных и кооперативных орга-

низаций, совместная деятельность которых обеспечивала поступательный характер восстановления истощенных производительных сил региона, возрождала и укрепляла его хозяйственные связи. Использование новых документов позволяет более внимательно рассмотреть вопрос о миссии и роли государства в деле налаживания на этом этапе взаимоотношений с частным капиталом как системы государственного капитализма, ставшей предвестником советской экономики еще в эпоху С. Ю. Витте.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Новые документальные источники, вышедшие в свет к 100-летию нэпа в России, существенно дополняют историю того периода, отражая положение дел в повседневной хозяйственной практике 1920-х годов [Экономика компромисса ..., 2021]. Рынок в ней выступает антикризисным инструментом и одновременно явлением не только терпимым, но поощряемым со стороны государства, которое, приспосабливаясь, учится договариваться с ним. Примечательно, что большую часть юбилейного сборника составляют 134 документа, которые освещают участие частного капитала и торговли в деле восстановления страны и ее отдельных регионов, в частности Среднего Поволжья. Советское законодательство, партийные решения и собственно ленинские акценты новой политики сформировали источниковую базу для оценки практических действий власти. Архивные материалы, прежде всего статистические данные, извлеченные из федеральных и региональных фондов государственных учреждений, легли в основу настоящего исследования. Существенную помощь также оказало обращение к сборникам документов, опубликованным в постсоветский период.

Методологической базой исследования выступают основополагающие принципы историзма и объективности, опора на историко-сравнительный и ретроспективный методы. Броделевский подход в осмыслении явлений общественной жизни во всей совокупности, «на многоуровневой вертикали от земли до надстройки» [Бродель, 1986, с. 27—28], как необходимое условие адекватного восстановления картины прошлого, выступает руководящим положением исследования. Его предмет — экономическая политика в регионе и развитие внутреннего рынка в условиях легализации частного капитала. Компромисс между властью и большей частью населения в 1920-е годы обеспечивал решение центральной задачи момента — осуществление «смычки» между городом и деревней, реализуемой прежде всего через торговую деятельность «разнородной и “многоукладной” массы нэпманского торга» [Экономика компромисса..., с. 38].

Проблематика нэпа обладает колоссальным исследовательским ресурсом, сформировавшимся в отечественной историографии, в том числе за

последние годы. Итоги в изучении новой экономической политики подведены по случаю 100-летия введения нэпа в России в статье М. Ю. Мухина [Мухин, 2020, с. 3—14]. Отклик на эту публикацию В. В. Кондрашина, который не только критически оценил подачу автором историографии аграрно-крестьянского аспекта проблемы, но и существенным образом дополнил ее обзором значимых исследований в области изучения советской деревни рассматриваемого периода [Кондрашин, 2021, с. 180—184], также обращает на себя внимание. Необходимо признать, что фундированность проблематики делает представление проделанной историками за столетний период работы в рамках юбилейной статьи весьма затруднительным. В то же время М. Ю. Мухин, действительно не претендуя на всеобъемлющее раскрытие историографии нэпа, точно сформулировал ее исследовательский итог — это деидеологизация «нэповедения» [Мухин, 2020, с. 13].

Рыночную проблематику в целом, равно как историю внутренней торговли 1920-х годов в отдельном регионе, невозможно изучать в отрыве от наследия В. И. Ленина. На трактовке создателя проекта была выстроена советская историография нэпа как вынужденного, сделанного из тактических соображений отступления к государственному капитализму, обеспечивающего экономический переход к основам социализма [Ленин, 1974, с. 205]. Согласимся с мнением Е. Р. Кураповой и В. С. Пушкарева, которые, отметив исследования Г. А. Дихтяра [Дихтяр, 1961], Г. Л. Рубинштейна [Рубинштейн, 1964], выделили работу В. П. Дмитренко [Дмитренко, 1971] как одного из первых интерпретаторов ленинской концепции нэпа применительно к торговле [Экономика компромисса ..., 2021, с. 27]. Советский историк акцентировал внимание на изучении проблем госкапитализма [Дмитренко, 1974], утверждая позднее, что экономические методы руководства социалистическими предприятиями являются «основным приобретением НЭПа» [Историки спорят ..., 1989, с. 142]. Вышедшее в свет в 1952 году, но опубликованное в СССР в 1989 году многотомное исследование Э. Карра [Карр, 1989], а также русскоязычные переводы книг С. Коэна [Коэн, 1988] и Р. Дэвиса [Дэвис, 1994] во многом предвосхищали последующие подходы российских историков к изучению «философии НЭПа» (термин Э. Карра). Публицистические работы экономистов в период перестройки [Лацис, 1990; Попов Г., 1990; Шмелев и др., 1989] подняли тему противопоставления нэпа «административной системе» (термин Г. Х. Попова), которая вывела историков на проблему альтернативности, ставшую сквозной как в конкретно-исторических работах, так и в историографических обзорах в 1990-е годы [Дмитренко, 1991; Орлов, 1999; Роголина, 1994; Роговин, 1992]. Крупные исследователи истории 1920-х годов, давшие положительную оценку результатам нэпа, изучали причины, помешавшие полной ре-

ализации его потенциала [Данилов и др., 1989]. Примечательно, что высказанные на 6-й научной конференции ИРИ РАН в 2002 году трактовки В. П. Данилова относительно роли кооперации как важнейшего фактора нэпа [Данилов, 2006] и Н. Л. Рогалиной по вопросу эффективности экономической политики [Рогалина, 2006] в свете новых документов получают интерпретацию, связанную с более предметным анализом действий власти по отношению к рынку именно в первой половине 1920-х годов.

Изучение вопроса эффективности нэпа через призму модернизационной теории имеет несомненную теоретическую значимость [Бокарев, 2006; Павлюченков 2002; Сенявский 2006]. Исследование Л. И. Бородинки в области моделирования социальной динамики крестьянства [Бородин, 2008], монография Л. Н. Суворовой о многоукладной экономике [Суворова, 2013], а также работы С. В. Журавлева, А. К. Соколова [Журавлев и др., 1998], М. Ю. Мухина [Журавлев и др., 2004] по истории повседневности 1920-х годов вносят существенный вклад в понимание нэпа как многостороннего явления. Современные исследования углубляют сложившиеся представления о нем. На связь отказа от экономической стратегии нэпа и начала мобилизационной подготовки по причине «военной тревоги» 1927 года указывает И. Б. Орлов [Орлов, 2021, с. 18]. Мысль Ю. Н. Жукова об искусственном продлении нэпа (вследствие победы линии Н. И. Бухарина в декабре 1925 года), не оправдавшего себя в тех формах, в которых он сложился [Жуков, 2019, с. 105], весьма плодотворна. Данный подход снимает вопросы эффективности и альтернативности нэпа в пользу центральной проблемы — целесообразности социального эксперимента в условиях исторического выбора и необходимости использования предшествующего опыта страны с опорой на базовые институты цивилизационного развития, среди которых рынок — основополагающий.

Региональная историография в последние десятилетия также приросла комплексными исследованиями различных аспектов нэпа [Виноградов, 1998; Демчик, 2005; Килин, 2018; Лихолет, 2016; Лошаков, 2019; Нарский, 2002; Полянская, 2017; Стулов, 2024; Фельдман, 2003;], в том числе на материалах Среднего Поволжья [Гатаулина-Апайчева, 2007; Лютов, 2002, Орлов, 2009; Чуканов, 2001]. Выявление особенностей реализации экономической политики на местах способствовало формированию более целостной картины времени, объективного взгляда на политико-экономические и социокультурные процессы в стране этого периода.

В современных условиях рыночная проблематика обретает новое прочтение. Как здесь не вспомнить слова С. Н. Прокоповича о невозможности роста экономики и неизбежном исчерпании нэпа, ставшего препятствием к развитию по причине его исходной противоречивости: сохранение огосу-

дарствления крупной промышленности, внешней торговли и банковского дела при необходимости притока капиталов, свободы частной хозяйственной инициативы, утверждения права частной собственности [НЭП: Взгляд со стороны..., 1991, с. 40—41]. Вместе с тем не следует забывать и опыт дореволюционной «системы» С. Ю. Витте [Мартынов, 2002, с. 70], в которой вопрос государственного регулирования, протекционизма в России рассматривался как один из главных. Государство, исторически сложившееся в условиях земледельческой цивилизации, неизбежно выполняет функции «локомотива» экономического развития и «регулирующего» рынка, обеспечивая устойчивое развитие экономики в целом. По справедливому мнению В. Кудрявцева, принцип национализации, повлекший огосударствление экономики, никогда не подвергался сомнению в социалистических кругах. Спорили лишь о мере национализации, о ее разумных пределах [НЭП: Взгляд со стороны..., 1991, с. 7].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Институциональные основы торговли и рынка на старте нэпа

О том, насколько жизненно необходимым для Советского государства стал переход к нэпу, свидетельствует не только факт радикальной смены политического курса в стране, но и характер мероприятий власти. Логика переживаемого момента потребовала от нее выработки законодательных норм, регулирующих поведение всех хозяйствующих субъектов: от частного до организованных контрагентов. Представляется, что действия большевистской власти были спонтанны и направлены на преодоление вновь и вновь возникающих обстоятельств, угрожающих самому ее существованию. Каскад принятых в первой половине 1921 года декретов отразил начавшийся сложный социально-политический процесс, подчинявшийся исторической необходимости.

Рынок, решительно отвергнутый большевиками в годы военного коммунизма, и торговля (по выражению В. И. Ленина, «неприятная штука» [Ленин, 1974, с. 216]) оказались единственным средством спасения страны от экономического краха, а ее руководства — от политического фиаско. Выступая в ноябре 1922 года на IV конгрессе Коммунистического интернационала, В. И. Ленин, впервые признав внутренний кризис, когда «большие массы крестьянства, не сознательно, а инстинктивно, по настроению были против нас», твердо заявил: «Это было в первый и, надеюсь, в последний раз в истории Советской России...» [Ленин, 1975, с. 282]. Нэповское возрождение хозяйственных связей восстанавливало, казалось, окончательно разрушенные в годы Гражданской войны социальные отношения основных политических сил друг к другу и вместе взятых — к власти.

Центральным объектом в оптике последней было крестьянство. Декрет ВЦИК от 21 марта 1921 года дал старт нэпу. Замена продовольственной разверстки продналогом явилась первостепенной и кардинальной мерой, следствием чего должно было стать и стало-таки возвращение к частной торговле. Согласно определению В. И. Ленина, продналог — это не только средство улучшения положения крестьянства после военного коммунизма, но также и «развитие оборота земледелия с промышленностью» [Ленин, 1974, с. 243]. Продналог означал получение избытков сельскохозяйственных продуктов, реализуемых крестьянином на рынке по любой цене.

Однако путь к рынку оказался извилистым. Концепт «правильного социалистического продуктообмена», как способ осуществления «более непосредственного перехода к социалистическому строительству» [Ленин, 1974, с. 215], потребовал включения в этот процесс рабочих и кооперативы — партнеров крестьян по обмену. Признавая, что введение продналога открывает путь к «негосударственному обмену», В. И. Ленин призывал «не пытаться запретить или запереть развитие капитализма, а стараться направить его в русло государственного капитализма» [Ленин, 1974, с. 222]. Это означало регулирование торговли, которая, согласно основополагающему декрету о нэпе от 21 марта, должна была осуществляться в пределах местного хозяйственного оборота. Но после выхода 28 марта декрета о свободном обмене, покупке и продаже сельскохозяйственных продуктов, отменившего все ограничения на транспорт [Собрание узаконений, 1921], это правило перестало действовать.

Решение власти о возвращении формальной независимости кооперативам, выступавшим, по мысли В. И. Ленина, в качестве «разновидности государственного капитализма» [Ленин, 1974, с. 225], а также о получении рабочими права откладывать часть своей продукции для собственного потребления и для «обменного фонда» с крестьянами через свои, рабочие кооперативы было обнародовано 7 апреля [Карр, 1989, с. 261]. На IV Всероссийском съезде профсоюзов, проходившем с 17 по 25 мая, эти меры были охарактеризованы как «эксперимент» с целью поставить под контроль незаконную торговлю [Там же, с. 261]. Декрет от 17 мая возвестил о «генеральном договоре» с потребительской кооперацией, согласно которому Центросоюз наделялся правом оптового распределения потребительских товаров в масштабе всей страны. 24 мая новый декрет разрешил отдельным гражданам и кооперативам «обменивать, закупать и продавать сельскохозяйственную продукцию после выплаты натурального налога», а июльский — получать лицензию на торговлю любыми товарами, но не из сырья, поставляемого государством и изготавливаемого национализированной промышленностью [Там же, с. 262].

Законы второй половины 1921 года определяли правила поведения торгующих контрагентов. Так, уже 16 августа 1921 года вышел в свет Декрет СНК о расширении прав государственных предприятий в области финансирования и распоряжения материальными ресурсами. Предприятия могли заказывать и покупать на рынке все продукты кустарного и мелкого производства, в том числе и у частных лиц. 4 октября 1921 года право приобретения сырья, сельскохозяйственных продуктов и кустарных изделий на вольном рынке по рыночным ценам «в пределах потребности, предусмотренной сметами», получили советские органы. Во всех случаях приобретений они должны были «обращаться сначала к кооперативным организациям, затем к непосредственным производителям и лишь при неудовлетворении из первых двух источников — к частным лицам вообще» [Советская ..., с. 22].

Согласно Декрету от 26 октября 1921 года подлежала возврату вся прежде национализированная или муниципализированная собственность кооперативов. Они могли покупать и продавать товары, предлагая их в первую очередь Центросоюзу, в случае же отказа последнего — на свободном рынке [Карр, 1989, с. 265]. При этом кооперативам отдавалось предпочтение в качестве поставщиков товаров для госорганов, которым также разрешалось покупать товары на частном рынке сначала в виде исключения, а декретом от 4 октября — на регулярной основе [Там же, с. 267]. Декрет СНК от 27 октября 1921 года предоставлял госпредприятиям «право расходовать продукцию своего производства по рыночным ценам в пределах норм, установленных для каждой отрасли промышленности». Однако реализация товарных фондов должна была осуществляться поочередно: госучреждения — кооперативные органы — частные организации и лица [Советская ..., с. 23].

В докладе о новой экономической политике на VII Московской губпартконференции 29 октября В. И. Ленин пояснял цель предпринятых шагов: «Более или менее социалистически обменять в целом государстве продукты промышленности на продукты земледелия и этим товарообменом восстановить крупную промышленность как единственную основу социалистической организации» [Ленин, 1974, с. 207]. Но в таком виде поставленную задачу решить не удалось. В. И. Ленин тогда констатировал, что «товарообмен сорвался», «частный рынок оказался сильнее нас, и вместо товарообмена получилась обыкновенная... торговля» [Там же, с. 207—208]. Вслед за признанием ошибочности начальных действий власти последовало обращение «приспособиться к ней»: «Иначе стихия купли-продажи... захлестнет вас!» [Там же, с. 208].

Таким образом, за политическим отступлением весны 1921 года В. И. Ленин призвал к новому отступлению от социалистического строительства не просто к государственному капитализму, а к государственно-

му регулированию коммерческих отношений [Там же, с. 218]. В ноябре 1921 года торговля трактовалась им как единственно возможная экономическая связь между десятками миллионов мелких земледельцев и крупной промышленностью, а также как «звено» в исторической цепи событий, «за которое надо всеми силами ухватиться». Отступление к государственному регулированию через овладение торговлей, развивающейся в заданном направлении и поставленной в известные рамки, было определено главной задачей момента [Там же, с. 226—227]. Согласно Постановлению IX Всероссийского съезда Советов от 28 декабря 1921 года, предприятия и их объединения могли реализовать на рынке части своей продукции «в соответствии с операционными планами и при условии недодачи государством необходимых им ресурсов» [Советская ..., с. 24]. Поскольку теперь госпредприятия для пополнения своих ресурсов обращаются к рынку, им предоставляются широкие права вести торговые операции как между собой, так и с кооперативами и вольным рынком, «учитывая при этом декрет о преимущественном праве госорганов и кооперации» [Там же]. Так, свободная торговля, всего два года назад считавшаяся «государственным преступлением», «возвратом к старому капитализму» [Ленин, 1974, с. 315], на этом форуме была объявлена «оселком экономической жизни», которой следует учиться. Это учение — «чрезвычайно свирепое», признавал председатель Совета Народных Комиссаров, но «невозможного ничего нет», «чтобы начать общим фронтом экономический подъем» [Ленин, 1974, с. 218, 322]. Уже весной 1922 года на XI съезде РКП(б), давая оценку существованию страны в новых экономических условиях, В. И. Ленин сравнил государство с вырывающейся из рук машиной, едущей не туда, куда ее направляют: «Гвоздь вопроса в том, чтобы мы поняли, что это тот капитализм, который мы можем и должны допустить, который мы можем и должны поставить в рамки», суметь «сделать так, чтобы государство, которое вы взяли в руки, по-вашему действовало» [Ленин, 1974, с. 85—86]. Позднее, в своей речи на IV сессии ВЦИК IX созыва 31 октября 1922 года, касаясь вопроса о Земельном и Трудовом кодексах, он подтвердил следование политике, «которую мы ведем твердо и относительно которой у нас не может быть колебаний» [Ленин, 1974, с. 248]. Принятие ВЦИКом Гражданского кодекса завершило начальную фазу нэпа, юридически оформив его первые результаты. Законодательство «поставило штемпель на новый культ законности, целью которого было защитить и приумножить достижения НЭПа» [Карп, 1989, с. 268].

3.2. Соотношение торговых контрагентов в регионе в первой половине 1920-х годов

Согласно ст. 52 Гражданского кодекса, собственность в стране была представлена государственной, кооперативной и частной видами [Граж-

данский Кодекс РСФСР]. Именно частная торговля сыграла особую роль в Среднем Поволжье, охваченном в начале 1920-х годов голодом. Его наступление предопределила не только засуха, но и сохранение политики продразверстки в 1920/21-м продовольственном году. Недостаток или отсутствие семенного материала вело к разграблению общественных амбаров, погромам ссыпных пунктов и даже к крестьянским волнениям. Так, в апреле 1921 года в Татарской Республике были подавлены восстания в Бугульминском кантоне, а председатель исполкома Арского кантона вынужден был признать, что подлинной власти на местах нет [Крестьянское движение ..., 2002, с. 703, 706—707]. Крестьяне ряда уездов Симбирской губернии расхищенный семенной материал, если не успевали засеять, прятали или съедали [Там же, с. 717]. Самарский губпродком в ЦК Помгола от 12 сентября 1921 года сообщал, что питание населения уже строится на суррогатной основе [Письма во власть ..., 1998, с. 275].

Возможность сбора продналога в этих обстоятельствах ставилась под сомнение. «Посмотрим, как власти соберут продналог с нашей деревенской голи да бедноты, нахватавшей земли на едоков. А жрать как не было, так и теперь нет ничего», — говорил симбирский бедняк в беседе с представителем Главкустпрома 11 ноября 1921 года [РГАЭ, ф. 1691, оп. 1, д. 67, л. 1]. Прогнозы аналитиков губернских статистических бюро оправдались: к концу 1921 года в Среднем Поволжье наступил голод. Шел второй год новой экономической политики, а Информотдел ГПУ в обзоре политико-экономического состояния РСФСР за май-июнь 1922 года констатировал, что весной 1922 года сеять было нечего: весь семенной материал съеден [«Совершенно секретно...», с. 161]. В докладе Наркомзема РСФСР о ходе озимой посевной кампании в 1922 году районы Поволжья, как значительно пострадавшие от неурожая и голода, в губернской группировке были обозначены первыми из шести российских регионов в очередности снабжения семенными материалами [Экономика компромисса ..., 2021, с. 61]. Спустя три года после отчаянно голодных лет в связи с плохими видами на предстоящий урожай нарком земледелия РСФСР А. П. Смирнов в записке секретарю ЦК РКП(б) В. М. Молотову сообщал, что крестьянство неурожайных районов потеряло надежды на урожай 1924 года, настроение у него паническое, а в Ульяновской губернии — подавленное, потому что свежи в памяти ужасы 1921/22 годов [Там же, с. 125, 126].

Голод значительно поднял рейтинг «вольного» рынка, где можно было купить все, кроме разве что птичьего молока [РГАЭ, ф. 1691, оп. 1, д. 67, л. 1]. Крестьяне предлагали городу провиант, горожане селу — мануфактуру, соль, керосин, сласти. 28 декабря 1921 года в Татарской Республике за 25 фун-

тов муки можно было приобрести потасканные суконные брюки, за 5 фунтов топленого масла — сатиновую рубашку, а ситцевую — за 10 фунтов говядины. Серебряные часы обменивались на 8 фунтов свинины; четверть молока — на 3 фунта керосина или 3—4 фунта хлеба, или на 2 фунта мыла [ГАРТ, ф. 1296, оп. 2, д. 201, л. 86]. На «вольном» рынке господствовал частник, которому к 1922 году в Татарской Республике принадлежало 1075 из 1277 торговых заведений, в то время как государству — 112, а кооперации — 90 соответственно [ГАРТ, ф. 1296, оп. 4, д. 186, л. 1]. В 1923 году общее число возросло до 3549 предприятий [ГАРТ, ф. 990, оп. 1, д. 156, л. 7]. При сохранении численности кооперативных заведений и увеличении государственных предприятий всего на два, частные — показали рост на 33 % по отношению к предыдущему году.

В поволжских губерниях систематический отчет торговых заведений начался в 1923 году. Так, в Самарской губернии имелось 901 торговое предприятие, хотя количество выбранных патентов на ведение торговой деятельности с октября 1922 по октябрь 1923 года составляло 8785 [ГАСам.О., ф. 839, оп. 2, д. 39, л. 7]. По данным Симбирского внутрорга, в губернии действовало 2918 торговых заведений, из них 2590 частных, тогда как кооперативных — 269 и государственных — 50 [ГАУО, ф. 101, оп. 1, д. 910, л. 47а, 56].

Вслед за переводом госпредприятий на хозрасчет началось восстановление финансовой системы, и товарообмен стал заменяться денежной торговлей, ускоренной налоговым законодательством. Промысловый налог в денежной форме был установлен 26 июля 1921 года [Собрание ..., 1921]. Согласно Декрету ВЦИК и СНК от 3 февраля 1922 года, этим налогом, состоявшим из патентного и уравнительного сборов, по пятиразрядной шкале облагались все торговые и промышленные предприятия [Собрание ..., 1922]. Патенты I и II разрядов выбирали мелкие скупщики сельскохозяйственной продукции, осуществлявшие ручную торговлю. Владельцы небольших магазинов приобретали патенты III разряда [Собрание ..., 1921]. Торговлю в лавках, имеющих четыре и более окон на улицу, вели обладатели патентов IV разряда. Наконец, хозяева крупных магазинов, занимающих «более пяти светлых покоев и обслуживаемых более чем двадцатью служащими и рабочими», должны были выбирать патенты V разряда для осуществления оптовой торговли [Собрание ..., 1922]. Строгий регламент ведения торговли упорядочивал стихию рынка, структурировал его в рамках государственного, кооперативного и частного секторов. Количественный анализ выбранных патентов по категориям владельцев с 1923/24 по 1925/26 годы позволяет определить направленность развития торговли в регионе в 1-й пол. 1920-х годов (см. табл.).

Таблица

Количество выбранных патентов по категориям владельцев в Среднем Поволжье
за период с 01.04.1923/24 по 01.10.1925/26 гг.*

	Период	Разряд	Госорганы		Кооперация		Частник		Всего дин.
			дин. / уд. вес	дин. / уд. вес	дин. / уд. вес	дин. / уд. вес			
	За 1922/23 гг. данных нет								
Татарская республика	Сведения по разрядам отсутствуют								
	I пол. 1923/24 гг.	Всего:	285	354	7046	7685 / 100			
			100 / 3,7	100 / 4,6	100 / 91,6				
			1	1	1232	1234			
		I	0,08	0,08	99,8				
			32	76	4686	4794			
			0,6	1,6	97,7				
		II	124	615	1296	2035			
			6,1	30	68,7				
			103	45	106	254			
		IV	40,6	17,7	41,7				
			70	11	17	98			
			71,4	11,2	17,3				
		V	330	748	7337	8415			
			115,7 / 3,9	211,2 / 8,8	104,1 / 87,2	109,4 / 100			
			Всего:						

Продолжение табл.

Период	Разряд	Сведения по разрядам отсутствуют			Всего дин.
		Госорганы дин. / уд. вес	Кооперация дин. / уд. вес	Частник дин. / уд. вес	
I пол. 1924/25 гг.	Всего:	307	409	7545	8261
		107,7 / 3,7	115,5 / 4,9	107,1 / 91,3	107,4 / 100
	I	4	2	1831	1837
	II	72	121	5735	5928
	III	86	1631	1433	3150
	IV	111	92	108	311
	V	80	24	21	125
	Всего:	353	1870	9128	11351
		123,8 / 3,1	528 / 16,4	129,5 / 80,4	147,7 / 100
I пол. 1925/26 гг.	Сведения по разрядам отсутствуют				
	Всего:	385	1019	10039	11443
		135,1 / 3,3	287,8 / 8,9	142,4 / 87,7	148,9 / 100
	I	—	12	2395	2607
	II	36	126	7125	7287
	III	81	1704	2088	3873
	IV	191	163	182	536
	V	111	54	46	211
	Всего:	419	2059	12036	14514
		147,0/2,8	581,6 / 14,1	170,8 / 82,9	188,8 / 100
II пол. 1925/26 гг.					

Продолжение табл.

Период	Разряд	Госорганы	Кооперация	Частник	Всего дин.	
		дин. / уд. вес	дин. / уд. вес	дин. / уд. вес		
Ульяновская губерния	За 1922/23 и I пол.1923/24 гг. данных нет					
	II пол. 1923/24 гг.	Сведения по разрядам отсутствуют				
		Всего:	102	248	5308	5658
			100 / 1,8	100 / 4,3	100 / 93,8	100 / 100
	I пол. 1924/25 гг.	Сведения по разрядам отсутствуют				
		Всего:	121	308	5760	6189
118,6 / 1,9			124,1 / 4,9	108,5 / 93,1	109,3 / 100	
II пол. 1924/25 гг.	Сведения по разрядам отсутствуют					
	Всего:	133	465	5987	6585	
		130,3 / 2,0	187,5 / 7,0	112,8 / 90,9	116,3 /100	
За 1925/26 гг. данных нет						

Период	Разряд	Госорганы	Кооперация	Частник	Всего дин.	
		дин. / уд. вес	дин. / уд. вес	дин. / уд. вес		
Саратовская губерния	За 1922/23 и I пол.1923/24 гг. данных нет					
	II пол. 1923/24 гг.	Сведения по разрядам отсутствуют				
		Всего:	303	395	6045	6746
			100 / 4,49	100 / 5,9	100 / 89,6	100 / 100
	I пол. 1924/25 гг.	I	—	1	2200	2201
		II	24	40	4456	4520
		III	125	314	1290	1729

Продолжение табл.

Период	Разряд	Госорганы	Кооперация	Частник		Всего дин.
		дин. / уд. вес	дин. / уд. вес	дин. / уд. вес		
II пол. 1924/25 гг.	IV	102	95	1522		1719
	V	110	55	39		204
	Всего:	361	505	9057		10373
		119,1 / 3,5	127,8 / 4,7	149,8 / 91,7		153,7 / 100
	I	—	7	2611		2618
	II	46	83	4476		4607
	III	132	461	1332		1925
	IV	143	139	194		476
	V	125	59	51		235
	Всего:	446	749	8664		9861
147,1 / 4,5		189,6 / 7,6	143,3 / 87,9		146,1 / 100	
I пол. 1925/26 гг.	I	—	3	2125		2128
	II	28	62	5040		5130
	III	120	497	1855		2472
	IV	167	187	388		742
	V	145	80	106		331
	Всего:	460	829	9514		10803
151,8 / 4,3		209,8 / 7,7	157,3 / 88,0		160,1 / 100	
За II пол. 1925/26 гг. данных нет						

Продолжение табл.

Самарская губерния	Период	Разряд	Госорганы	Кооперация	Частник	Всего дин.	
			дин. / уд. вес	дин. / уд. вес	дин. / уд. вес		
	I пол. 1922/23 гг.		97	180	5558	5835	
			100 / 1,6	100 / 3,08	100 / 95,2	100 / 100	
			132	268	8385	8785	
	II пол. 1922/23 гг.	Всего:	136 / 1,5	148,8 / 3,05	150,8 / 95,4	150,5 / 100	
			229	448	13943	14620	
			236/1,5	248,8/3,1	250,8/95,3	250,5/100	
	За I пол. 1923/24 гг. данных нет						
	II пол. 1923/24 гг.	Сведения по разрядам отсутствуют					
		Всего:	167	685	6218	7070	
			172,1 / 2,36	380,5 / 9,68	111,8 / 87,9	121,1 / 100	
	За I пол. 1924/25 гг. данных нет						
	II пол. 1924/25 гг.	I	4	34	1346	1384	
		II	19	170	4883	5072	
		III	82	903	1044	2029	
		IV	81	111	156	348	
V		72	41	41	154		
Всего:		258	1259	7470	8987		
265,9 / 2,87					699,4 / 14,01	134,4 / 83,1	154,0 / 100
За 1925/26 гг. данных нет							

* Составлено и подсчитано по данным: [ГАРГ, ф. 1488, оп. 2, д. 51, л. 1, 37; ф. 3452, оп. 1, д. 1661, л. 103; ГАУО, ф. 334, оп. 1, д. 95, л. 56; ГАСам.О., ф. 839, оп. 2, л. 7, 39; ф. 796, оп. 10, д. 117, л. 55; ГАСар.О, ф. 441, оп. 1, д. 603, л. 28].

Таблица не содержит полных сведений по всем районам региона, но отражает стабильный рост количества выбранных патентов на ведение всех видов торговли. Сравнивая состояние торговой сети в Татарской республике и Саратовской губернии, имеющих данные со 2-й пол. 1923/24 по 1-ю пол. 1925/26 года, видим увеличение количества выбранных патентов в каждом сегменте с преимуществом всех предприятий в республике (11 443 патента против 10 803 губернских) в указанный период. При этом удельный вес контрагентов внутри районов различен и показывает, что, несмотря на доминирование частного сектора в торговой сети региона, произошло его снижение: в ТР с 91,6 до 87,7 %, в губернии с 89,6 до 88 %. Удельный вес кооперативной сети, напротив, увеличился: с 5,9 до 7,7 % в Саратовской губернии и почти вдвое — с 4,6 (с 1-й пол. 1923/24 года) до 8,9 % — в Татарской республике. Аналогичной, но за период со 2-й пол. 1923/24 года по 2-ю пол. 1924/25 года, представляется картина в других губерниях. Удельный вес кооперативной торговли по количеству выбранных патентов в Самарской губернии вырос с 3,0 до 14,01 %, а в Ульяновской — с 4,3 до 7,0 %. Частный сектор при общем увеличении выбранных патентов в удельном весе заметно уменьшился в первой — с 95,2 до 83,1 %, тогда как во второй — с 93,8 до 90,9 % всего. По государственному сектору обнаруживается значительный рост патентов на ведение торговой деятельности в Самарской губернии (с 1,6 до 2,87 %) при увеличении его удельного веса в Ульяновской губернии (с 1,8 до 2 %), но снижении — в Саратовской (с 4,49 до 4,3 %) и ТР (с 3,7 до 2,8 %).

Имеющиеся данные по удельному весу товарооборота за 2-ю пол. 1924/25 года выявляют положение контрагентов в каждом районе, определяющее векторы торговли по региону в целом. Соотношение торговых оборотов государственного, кооперативного и частного секторов в Ульяновской губернии составляло 48,1:26,6:25,3 %; в Самарской — 44,0:18,4:37,6 %; в Саратовской — 52,5:24,0:23,5 %, в Татарской республике — 32,9:31,7:35,4 % [Гатаулина-Апайчева, 2007, с. 404—405]. Оно показывает рост государственной и кооперативной торговли, происходивший за счет усиления ее оптового и крупно-оптового секторов в первых трех районах. Тем не менее частный капитал при повсеместном снижении выбранных патентов не сдавал своих позиций. В Самарской губернии его товарооборот (37,6 %) был самым высоким в регионе; в Татарской республике частник занимал приоритетное место по отношению к госорганам и кооперации. Согласно анализу состояния частной торговли в товарообороте страны за 1-ю пол. 1920 года, проведенному Экономическим управлением Наркомата СССР, на повышение абсолютных размеров частных торговых оборотов повлиял кризис кооперативной системы, случившийся в 1-й пол.

1923/24 года, а их абсолютное сокращение связано с «энергичным снижением цен промтоваров и зажимом снабжения и кредитования частного торгового капитала» во 2-й пол. 1923/24 и 1-й пол. 1924/25 годов [Экономика компромисса ..., 2021, с. 778]. Но торговые обороты кооперации в ТР были самыми значительными в регионе (31,7 %), как, впрочем, и рост кооперативной сети, хотя и уступавшей таковой в Самарской губернии. В секретном обзоре информационного отдела ОГПУ о ходе ценовой кампании в провинции от 23 апреля 1924 года сообщается, что, несмотря на значительные убытки, обороты розничной кооперативной торговли Татреспублики «сильно поднялись», а обороты Татторга (в начале 1922 года из отдела Татарского СНХ превратившегося в мощный коммерческий орган) за 2 недели марта увеличились с 200—300 до 800—1200 червонцев в день [Экономика компромисса ..., 2021, с. 562].

Если в региональной торговле в целом произошел сдвиг в сторону госорганов, то в Татреспублике видим относительно сбалансированное соотношение удельного веса торговых контрагентов во 2-й пол. 1924/25 года. При этом Татреспублика сохраняла лидерство как в общем количестве торговых предприятий в регионе (11 443), так и по числу частных заведений (10 039) в 1-й пол. 1925/26 года. Это связано с достаточно эффективным экономическим механизмом Казанского Поволжья, сформировавшимся в дореволюционный период. Развитие хозяйственных связей между народами Волжско-Камского края, втягивающегося в орбиту капиталистических отношений, создавало основу для интернационализации производства. Знание языков своих соседей способствовало осуществлению собственных интересов в торговых операциях татарских организаций, завидной активности отдельных предпринимателей [РГАСПИ, ф. 17, оп. 15, д. 72, л. 207]. Представляется, что во многом благодаря этому опыту регион сумел преодолеть голод и начать хозяйственную деятельность. Руководство торговых ведомств страны признавало, что «частная торговля... исполняет необходимые функции», «до сих пор остается значительным рыночным фактором», подчинить который «своему прямому влиянию государственных и кооперативные органы не могли» [Экономика компромисса ..., 2021, с. 518, 789, 790].

3.3. Рыночная инфраструктура и политика регулирования в регионе

Регулирование торговли в начальный период было направлено на защиту экономики от рыночной стихии. Председатель Комвнуторга А. М. Лежава в своей аналитической записке в СНК РСФСР от 13 июня 1923 года указывал, что регулирование деятельности частника должно содействовать «увязке в одно целое разрозненных отдельных районов и отраслей рынка», «укре-

плению рыночных цен», «правильному построению торгового аппарата, способного быстро и дешево проводить товары от производителя к потребителю» [Экономика компромисса ..., 2021, с. 517]. По мнению А. М. Лежавы, особая роль в «увязке и образовании правильно и закономерно действующего рынка» принадлежала ярмаркам, которые «по природе своей» призваны «быть регулирующим народное хозяйство фактором» [Там же].

В тяжелых условиях начального периода и при отсутствии средств могли открыться только уездные и волостные торжища. Так, в ярмарках в Петровском уезде Саратовской губернии за период с 1 октября 1923 года до 1 октября 1924 года участвовали 4 государственных заведения, 24 кооперативных и 335 частных. В декабре 1924 года на ярмарке в Вязьменской волости можно было купить колбасу чайную или языковую по цене 25 коп., сковорода же предлагалась за 1 руб. Самыми дорогими из товаров были мануфактура, продававшаяся за 3,8 руб. аршин и чай китайский стоимостью в 3 р. 26 коп., самым дешевым — керосин — по 5 коп. за фунт [ГАСар.О, ф. 441, оп. 1, д. 309, л. 7, 21]. В Ульяновской губернии к середине 1920-х годов было восстановлено 29 торгов в 20 населенных пунктах с оборотом в 1 322 600 руб., что составляло 74,4 % довоенного оборота [ГАУО, ф. 101, оп. 1, д. 910, л. 60]. В сентябре 1924 года возобновила торги одна из самых крупных в губернии осенняя недельная ярмарка «Иван Постный», на которой госорганы реализовали только 7 % продукции, тогда как кооперация и частники сумели продать 74,8 % и 63,9 % соответственно. Продукция первых отличалась дороговизной, тогда как кооперативные и частные организации предлагали самый ходовой, необходимый в хозяйстве товар — лошадей. Их привоз на эту ярмарку до революции доходил до 4000 единиц. В сентябре 1924 года из количества в 1501 остались непроданными 150 единиц, или всего 10 %. [ГАУО, ф. 283, оп. 1, д. 85, л. 160]. Главным товаром «Сборной» ярмарки в Симбирске весной 1925 года была легкая мануфактура московских фабрик и так называемая тяжелая мануфактура местного производства. Но 53,3 % предложенного товара в целом остались нереализованными опять же по причине его дороговизны, в том числе 21,5 % по мануфактуре и 48,8 % — по кожтоварам. Показательно, что в 148 ярмарках, которые состоялись в 96 из 106 волостей Саратовской губернии до 1925 года, приняли участие 3527 частных торговцев, кооператоров — 516, а госпредприятий — только 54 [ГАСар.О, ф. 441, оп. 1, д. 19, л. 16].

Новые документы подтверждают факт высокой концентрации частного капитала, торгующего мануфактурой, недостаток которой влиял на темп заготовок хлеба. В секретном письме временно исполняющего обязанности директора Татнаркомвноторга Дукальского в Наркомвноторг СССР от 20 декабря 1924 года сообщалось, что республика испытывала сильнейший

мануфактурный голод, обусловивший медленный темп заготовки хлеба, когда из намеченных 58 % годового плана выполнили только 24 % [Экономика компромисса ..., 2021, с. 609]. Из письма следует, что мануфактура поставлялась Центром в ограниченном количестве. Власти ТР принимали все меры к тому, чтобы хлопчатобумажный товар целиком попадал в деревню через аппарат Татторга и Татсоюза по ценам, делающим для крестьян «приемлемыми наши лимиты на хлеб». В то же время значительная часть мануфактуры попадала в руки казанского частника и продавалась по «непомерно вздутым ценам» [Там же, с. 609]. Дукальский сообщал, что из-за отсутствия денег Селькредпромсоюз вынужден прибегать к посредничеству Татбанка. Но тот приобретал мануфактуру для союза на своих условиях — с правом распоряжения тканью и продажи $\frac{1}{4}$ ее части исключительно частным оптовикам-мануфактуристам с 15—20-процентной «накидкой». Директор ТатНКВТорга считал это явление ненормальным, просил центральный орган «дать указания по его ликвидации» [Там же, с. 610]. В сводке № 13 2-го отделения Экономического управления ОГПУ по кооперации от 2 января 1925 года также отмечается дефицит ткани в Татреспублике, особенно в кооперативах и госорганах Чистопольского, Тетюшского и Буинского кантонов. Указывается, что имеющийся товар госорганы и кооперация действительно продавали частным торговцам, которые закупали его впрок, по слухам, на случай выдачи по карточкам [Там же, с. 616].

Как видно, частник играл значительную роль в торговых операциях, становясь на мануфактурном рынке оптовиком, торгующим приобретенным товаром существенно дороже государственных и кооперативных организаций. В этом замкнутом круге разнонаправленных интересов торговых агентов население саботировало властные инициативы, наглядно демонстрируя оборотную сторону кооперации. В сводке сообщается, что в татарских селениях крестьяне не желали создавать кооперативы, а новым потребительским обществам не доверяли, отказываясь от уплаты членских взносов. Если в Тетюшском кантоне значилось 55 сельскохозяйственных кредитных организаций и потребительских обществ с 2210 членами, то в Буинском таковых было всего 12 и их работа отмечалась как неудовлетворительная по причине «проникновения в них и агитации кулаков» [Там же, с. 616—617]. Заместитель ТатНКВТорга Башкиров в секретном письме наркомку внутренней торговли СССР А. Л. Шейнману от 9 апреля 1925 года был вынужден подтвердить, что хлебозаготовительная кампания в Татреспублике протекала «в условиях непрекращающейся борьбы за рынок наших плановых заготовителей с частным капиталом» [Там же, с. 651].

Нарком земледелия РСФСР А. П. Смирнов смотрел на ситуацию иначе и свой взгляд подробно изложил в секретной докладной записке в Политбюро

ЦК РКП(б) «О регулировании цен сельскохозяйственного рынка» 17 апреля 1925 года. Руководитель ведомства дал критическую оценку политике власти по отношению к крестьянству в заготовительный период как «совершенно неправильной линии», когда «проектирование цен и план заготовок велись без учета неурожая в ряде губерний» [Там же, с. 653—654]. Установив пониженные на 30 % против довоенных лимиты на зерновые продукты тогда, когда рынок уже устойчиво повысился, Совет труда и обороны фактически создал благоприятные условия для частного капитала [Там же, с. 654]. По мнению А. П. Смирнова, недооценка зерновых продуктов при заготовках 1924/25 года привела к тому, что именно в урожайных районах особенно резко раздвинулись «ножницы» и вместо экономического получилось административное регулирование [Там же, с. 654]. При пониженных лимитах и давлении на цены в осенний период страдали прежде всего середняцкие и маломощные хозяйства. Когда же лимиты отменялись, то выгоды от повышения цен доставались более состоятельным слоям, что также можно расценивать как недочет регулирования. При этом налоговый пресс был так использован, что «фактически получилось изъятие излишков» и «реально уплаченный налог был выше, чем налог 1923/24 года» [Там же, с. 656].

Деревня же страдала от отсутствия средств. Растущая безлошадность, достигающая почти 40 %, огромная потребность в долгосрочном сельскохозяйственном кредите, слабое развитие вкладных операций в низовой сети, а также большой (хотя и уступающий довоенному) спрос на сельхозмашины и самые дешевые типы орудий свидетельствовали о маломощности крестьянских хозяйств [Там же]. Таким же вызывающим беспокойство было положение и в кооперации. Как только крестьяне объединялись для сбыта своей продукции, их организация немедленно попадала под регулирование, предполагающее обязательные поставки, которые производятся по твердым ценам, и тогда от всего кооперативного сбыта «не остается буквально ни хвостика» [Там же, с. 655].

А. П. Смирнов утверждал, что нельзя искать политическую опору в деревне, говорить о рационализации и интенсификации и в то же время практически вести политику обесценивания капитала крестьянского хозяйства. Ведь «когда с.х. кредит составляет всего 4 рубля на двор против 20 руб. довоенных», это означает, что кредита нет, свой капитал не накапливается. Подобная система государственного регулирования направлена против крестьянина, и «мужик это прекрасно понимает» [Там же, с. 656]. Свои рассуждения нарком земледелия подкрепил сравнительными данными о соотношении цен на продукты сельского хозяйства и предметы промышленности в 1913 и 1924 годах в разных районах страны. В частности, в Волжско-Камском районе аршин ситца и 1 пуд ржи в 1913 году стоили 4,5 руб., в октябре

1924 года — 1,5 руб., в Средне-Волжском (с пометкой — Саратов) — 5,4 и 3,7 руб. соответственно. В первом стоимость аршина ситца и 1 пуда говядины в 1913 году составляла 30 руб, в октябре 1924 года — 7,6 руб., во втором — 31,3 и 8,0 руб. соответственно. «Сколько заплатим, так нам и отзовется», — предупреждал ответработник [Там же, с. 655, 657].

Годом ранее председатель правления Сельскохозяйственного союза П. А. Садырин на XV сессии совета Сельскохозяйственного союза в своем докладе о развитии сельскохозяйственной кооперации от 17 ноября 1924 года отмечал, что пассивность крестьянства усугубляется неблагоприятным фоном его бедности, недостаточностью капиталов у сельскохозяйственной кооперации, а также нагруженностью различного рода государственными заданиями, превышающими силы и возможности, которые у нее имеются. Решение проблемы руководитель союза видел в изменении методов работы: «Не директивы крестьянским хозяйствам давать, а принимать задания снизу, от крестьянства... выявлять, что крестьянству нужно...» [Там же, с. 135]. Следующий шаг — создание условий, при которых крестьянин мог бы нести свои свободные наличные средства в кредитную кооперацию для развития товарного оборота. «Ведь строить хозяйство на одни государственные средства совершенно невозможно». Наконец, как бы ни было трудно, надо развивать материальную самостоятельность населения через товарный кредит в направлении «крестьяне — первичная кооперация — союз — центр», он должен выступать как целостная система, привносящая в крестьянское хозяйство рациональность, принципы коллективизации, ставящая его на более экономичные, более жизненные основы и принципы в его развитии [Там же, с. 137].

Проблема отсутствия финансовых средств, а также средств доставки или приобретения товаров получила свое отражение на Нижегородской ярмарке 1924 года. Из 603 зарегистрированных фирм только 230 смогли реализовать грузы общим количеством всего 1 790 583 пудов [РГАЭ, ф. 8151, оп. 1, д. 86, л. 24]. Низовая кооперация заявила о себе высоким спросом на мануфактуру, за которую готова была платить 30 % наличными [Экономика компромисса ..., с. 588]. Однако этот спрос удовлетворялся настолько незначительно, что прибывшие кооператоры возмущались и обвиняли устроителей в том, что их «вытащили на ярмарку, ввели в большие расходы и ничего не дали» [Там же]. Инструктор Наркомвноторга СССР П. П. Иванов в секретном рапорте от 27 августа 1924 года сообщал, что обороты ярмарки малы, рассчитывать можно не более чем на 50 млн, «нет мануфактуры, посуды, сахара... оцинкованной и эмалированной посуды, резиновых изделий» [Там же, с. 590].

Оборот Нижегородской ярмарки 1925 года, на которую 460 фирм доставили 2 020 162 пудов товаров, составил 150 млн руб. [РГАЭ, ф. 8151,

оп. 1, д. 86, л. 24]. Но ярмарка потеряла свое былое значение. Не только дефицит кредитных и наличных денежных средств был причиной отсутствия динамики в торговых операциях. Опыт организации Нижегородской ярмарки 1924 года выявил спрос на продукцию, которая попросту не была доставлена. Так, представительство Вольского комбината из Саратовской губернии осталось не удовлетворено результатами торгов: новых товаров не приобрели; товары, необходимые крестьянству, отсутствовали, а ярмарка вызвала лишние расходы [Там же, д. 23, л. 55]. Спрос Сердобского райсоюза, сумевшего приобрести 20 % мануфактуры и 30 % кожи, был удовлетворен всего на 25 % [ГАСар.О, ф. 441, оп. 1, д. 309, л. 99]. Представитель ярмарочного комитета С. В. Малышев подтвердил, что ярмарка была «тяжелой и происходила в страшной борьбе за товары». «Товаров было так мало, а спрос на них столь велик, что приходилось принимать экстраординарные меры на уровне СТО» [Там же, л. 191].

Анализ ярмарочной торговли 1926 года выявил новый аспект проблемы. Докладывая об итогах Нижегородской ярмарки, показавшей уменьшение собственно торговых и увеличение торгово-производственных предприятий и кустарей, С. В. Малышев обратил внимание на отношение к ней со стороны центральных государственных органов. По его мнению, «правительство перестало придавать ярмарке крупное всесоюзное значение... что крайне понижало настроение на местах и замедляло подготовку ярмарки» [Экономика компромисса ..., с. 806, 818]. Бессменный глава комитета упрекнул Наркомторг в «отсутствии четкой линии» в организации ярмарки, подверг критике Экономическое управление, которое в самый горячий период «начало ставить палки в колеса»: говорило о ненужности ярмарки, назначало ревизионную комиссию для ее обследования, тем самым «нервируя работников аппарата и отрывая его от работы» [Там же, с. 807]. С. В. Малышев считал, что если в предшествующие годы ярмарочный комитет регулировал торг общественными и коммерческими методами, то в 1926 году специально назначенный для этого уполномоченный Наркомторга проводил регулирующие мероприятия административного характера [Там же, с. 808].

Возрождение ярмарок было значимым явлением хозяйственной жизни населения региона, которое после тяжелых лет лишений и голода стремилось и продать, и купить. Однако хронические проблемы ярмарочной торговли, ее неравномерность и скромные обороты в условиях «бестоварья» и, главное, сложное отношение центральных органов к ее организации и проведению — все это отрицательно влияло на дальнейшую судьбу некогда знаменитого поволжского торжища, способствовало постепенному разрушению рыночной инфраструктуры.

4. Заключение = Conclusions

Выступая на VII Московской губпартконференции 29 октября 1921 года, В. И. Ленин не раз повторил расхожее в партийных рядах суждение: «Нас в тюрьмах торговать не учили». Стараясь убедить присутствующих в необходимости научиться «понимать коммерческие отношения и торговлю», он привлекал самые различные аргументы, показывал проблему с разных сторон [Ленин, 1974, с. 218]. Но рынок уже возник в России и задолго до прихода большевистской власти показал свою результативность. Поэтому реализация новой экономической политики стала возрождением досоветского опыта, обеспечивающего выход страны из кризиса, открывшего возможность сбалансированного способа существования политико-экономической системы в новых условиях. Опыт хозяйствования в Среднем Поволжье, на два года позднее других регионов вступившем на путь реализации нэпа, показывает, что рынок — универсальный инструмент, обладающий мощным восстановительным ресурсом. Однако региональная экономика первой половины 1920-х годов характеризовалась замедленными темпами накопления, бескредитностью, пониженными доходами хозяйств и, в целом, низким уровнем жизни населения. На преодоление этих тяжелых явлений требовалось время, и первые ростки новой политики могли принести плоды при слаженном действии механизма регулирования, учитывающего интересы всех участников рынка. На начальном этапе нэпа компромисс власти и общества задал оптимальные пределы вмешательства государства в рыночный процесс. Его корректировка происходила под влиянием трудностей переходного периода, а идеологическое давление со стороны большевистских ортодоксов было сведено к минимуму. Новые документы отражают представление властных структур о необходимости регулирования. Но если одни их представители демонстрировали взвешенный подход к оценке роли рынка, ориентируясь на показатели его эффективности в дореволюционной экономике России, другие были склонны использовать упрощенные способы в реализации насущных задач, вводя практику административного регулирования и, таким образом, сводя на нет усилия «многоукладной» массы нэпманского торга. Главный урок нэпа состоит в том, чтобы в политических проектах страны ее прошлое, настоящее и будущее связывались неразрывной линией преемственности — основы поступательного развития как единственной гарантии от безответственных социальных экспериментов.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares № conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ГАРТ — *Государственный архив Республики Татарстан*. Ф. Р990 (Народный комиссариат Рабоче-Крестьянской инспекции). Ф. Р990. Оп. 1. Д. 156. Л. 7 ; Ф. Р1296 (Татарское статистическое управление). Ф. Р1296. Оп. 2. Д. 201. Л. 86 ; Оп. 4. Д. 186. Л. 1 ; Ф. Р1488 (Народный комиссариат внутренней торговли). Ф. Р1488. Оп. 2. Д. 51. Л. 1, 37 ; Ф. Р3452 (Народный комиссариат финансов ТАССР). Ф. Р3452. Оп. 1. Д. 1661. Л. 103.
2. ГАУО — *Государственный архив Ульяновской области*. Ф. Р101 (Губернское статистическое бюро). Ф. Р101. Оп. 1. Д. 910. Л. 47а, 56, 60; Ф. Р283 (Кооперация, торговля). Ф. Р283. Оп. 1. Д. 85. Л. 160; Ф. Р334 (Плановая комиссия Ульяновского губернского исполнительного комитета). Ф. Р334. Оп. 1. Д. 95. Л. 56.
3. ГАСам.О. — *Государственный архив Самарской области*. Ф. Р796 (Самарская губернская рабоче-крестьянская инспекция). Ф. Р796. Оп. 10. Д. 117. Л. 55 ; Ф. Р839 (Самарский губернский торговый отдел). Ф. Р839. Оп. 2. Д. 39. Л. 7.
4. ГАСар.О — *Государственный архив Саратовской области*. Ф. Р441 (Торговля). Ф. Р441. Оп. 1. Д. 19. Л. 16 ; Д. 85, Л. 160 ; Д. 309. Л. 7, 21, 99, 191 ; Д. 603. Л. 28.
5. *Гражданский Кодекс РС.Ф.С.Р. Вещное право. Право собственности* // Собрание кодексов РС.Ф.С.Р. — 4-е изд. — Москва : Юридическое изд-во, 1927. — 1188 с.
6. *Крестьянское движение в Поволжье. 1919—1922 : документы и материалы* / под ред. В. Данилова и Т. Шанина. — Москва : РОССПЭН, 2002. — 944 с. — ISBN 5-8243-0298-7.
7. *Ленин В. И.* Речь на I Всероссийском совещании по партийной работе в деревне 18 ноября 1919 г. / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. — 5 изд. — Москва : Изд-во полит. лит-ры, 1974. — Т. 39. — С. 309—317.
8. *Ленин В. И.* О продовольственном налоге / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. — 5 изд. — Москва : Изд-во полит. лит-ры, 1974. — Т. 43. — С. 205—245.
9. *Ленин В. И.* Доклад о новой экономической политике 29 октября / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. — 5 изд. — Москва : Изд-во полит. лит-ры, 1974. — Т. 44. — С. 193—220.
10. *Ленин В. И.* Заключительное слово 29 октября / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. — 5 изд. — Москва : Изд-во полит. лит-ры, 1974. — Т. 44. — С. 214—220.
11. *Ленин В. И.* О значении золота теперь и после полной победы социализма / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. — 5 изд. — Москва : Изд-во полит. лит-ры, 1974. — Т. 44. — С. 221—229.
12. *Ленин В. И.* Речь при открытии съезда 27 марта / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. — 5 изд. — Москва : Изд-во полит. лит-ры, 1974. — Т. 45. — С. 67 — 116.
13. *Ленин В. И.* Речь на IV сессии ВЦИК IX созыва 31 октября 1922 г. / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. — 5 изд. — Москва : Изд-во полит. лит-ры, 1974. — Т. 45. — С. 245—251.
14. *Ленин В. И.* Пять лет российской революции и перспективы мировой революции / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. — 5 изд. — Москва : Изд-во полит. лит-ры, 1975. — Т. 45. — С. 278—294.
15. *Письма во власть : 1917—1927 : заявления, жалобы. Доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям* / сост. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. — Москва : РОССПЭН, 1998. — 664 с.
16. РГАСПИ — *Российский государственный архив социально-политической информации*. Ф. Р17 (Организационно-инструкторский и организационно-распределительный отдел ЦК РКП(б) и ЦК ВКП(б)). Ф. Р17. О. 15. Д. 72. Л. 207.

17. РГАЭ — *Российский государственный архив экономики*. Ф. Р1691 (Главное управление по делам кустарной и мелкой промышленности и промысловой кооперации — Главкустпром ВСНХ). Ф. Р1691. Оп. 1. Д. 67. Л. 1 ; Ф. Р8151 (Комиссия по внутренней торговле. — Комвнторг). Ф. Р8151. Оп. 1. Д. 86. Л. 24; Оп. 1. Д. 23. Л. 55.
18. *Собрание узаконений и распоряжений Правительства за 1921 г.* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://znanium.ru/read?id=165652> (дата обращения 8.08.2024).
19. *Собрание узаконений и распоряжений Правительства за 1922 г.* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://archive.org/details/Sobranie_uzakoneniy_i_rasporyazheniy_pravitelstva_za_1922/page/n317/mode/2up (дата обращения 8.08.2024).
20. «*Совершенно секретно...*». Лубянка– Сталину о положении в стране (1922—1934 гг.). — Москва : ИРИ РАН, 2001. — 1093 с.
21. *Советская товарная биржа. 20-е годы. Документы и материалы* / Сост., комм. и вступ. статья Н. В. Московченко. — Москва : Изд-во «ДЕЛО», 1992. — 343 с. — ISBN 5-85900 005 7.
22. *Экономика компромисса. К 100-летию НЭПа в России: сборник документов / научный редактор А. В. Юрасов ; ответственные редакторы Е. Р. Курапова, В. С. Пушкарев.* — Москва : Кучково поле Музеон, 2021. — 872 с. — ISBN 978-5-907.

Литература

1. *Бокарев Ю. П.* НЭП как самоорганизующаяся и саморазрушающаяся система / Ю. П. Бокарев // НЭП : экономические, политические и социокультурные аспекты. — Москва : РОССПЭН, 2006. — С. 121—133. — ISBN 5-8055-0164-3.
2. *Бородкин Л. И.* Моделирование социальной динамики крестьянства в годы НЭПа : альтернативный ретропрогноз / Л. И. Бородкин // История и математика : концептуальное пространство и направление поиска / Ежегодник. — Москва : Изд-во ЛКИ, 2008. — С. 99—122. — ISBN 978-5-382-00514-0.
3. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. : в 3-х томах. — Структура повседневности : возможное и невозможное / Ф. Бродель. — Москва : Прогресс, 1986. — Т. 1. — 622 с.
4. *Виноградов С. В.* Возрождение многоукладной экономики Российской Федерации в годы НЭПа, 1921—1927 гг. : На материалах Поволжья : автореферат диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / С. В. Виноградов. — Москва, 1998. — 32 с.
5. *Гатаулина-Апайчева И. А.* Среднее Поволжье в годы новой экономической политики. Социально-экономические процессы и повседневность / И. А. Гатаулина-Апайчева. — Казань : Изд-во Казанск. ун-та, 2007. — 432 с. — ISBN 978-5-7464-1477-9.
6. *Данилов В. П.* К вопросу о понимании НЭПа / В. П. Данилов // НЭП : экономические, политические и социокультурные аспекты. — Москва : РОССПЭН, 2006. — С. 26—32. — ISBN 5-8055-0164-3.
7. *Данилов В. П.* НЭП и его судьба / В. П. Данилов // Историки спорят. Тринадцать бесед. — Москва : Политиздат, 1989. — С. 12—190. — ISBN 5-250-01038-5.
8. *Дэвис Р.* Развитие советского общества в 20-е годы и проблема альтернативы / Р. Дэвис // Россия в XX веке : Историки мира спорят. — Москва : Наука, 1994. — С. 311—318. — ISBN 5-02-009724-1.
9. *Демчик Е. В.* Частный капитал в экономике Сибири периода нэпа / Е. В. Демчик. — Барнаул : Пять Плюс, 2018. — 261 с. — ISBN 978-5-6041019-3-3.
10. *Дихтяр Г. А.* Советская торговля в период построения социализма / Г. А. Дихтяр. — Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. — 472 с.

11. *Дмитренко В. П.* Торговая политика Советского государства после перехода к НЭПу. 1921—1924 гг. / В. П. Дмитренко. — Москва : Наука, 1971. — 269 с.
12. *Дмитренко В. П.* Проблемы НЭПа в советской историографии 1960—1970-х годов / В. П. Дмитриенко // Новая экономическая политика : Вопросы теории и истории. — Москва : Наука, 1974. — С. 260—302.
13. *Дмитренко В. П.* Четыре измерения НЭПа / В. П. Дмитренко // Вопросы истории КПСС. — 1991. — № 3. — С. 125—138.
14. *Жуков Ю. Н.* Обратная сторона НЭПа. 1923—1925 годы. Экономика и политическая борьба в СССР / Ю. Н. Жуков. — Москва : Концептуал, 2019. — 377 с. — ISBN 978-5-906867-20-9.
15. *Журавлев С. В.* Повседневная жизнь советских людей в 1920-е годы / С. В. Журавлев, А. К. Соколов // Социальная история : Ежегодник : 1997. — Москва : РОССПЭН, 1998. — С. 287—332. — ISBN 5-8243-0135-2.
16. *Журавлев С. В.* “Крепость социализма” : Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928—1938 гг. / С. В. Журавлев, М. Ю. Мухин. — Москва : РОССПЭН, 2004. — 238 с. — ISBN 5-8243-0524-2.
17. *Историки спорят : 13 бесед.* — Москва : Политиздат, 1989. — 510 с. — ISBN 5-250-01038-5.
18. *Карр Э.* История Советской России : в 14 кн. : перевод с английского / Э. Карр. — Москва : Прогресс, 1989. — 365 с. — ISBN 5-01-002968-5.
19. *Коэн С.* Бухарин : политическая биография. 1888—1938 / С. Коэн. — Москва : Прогресс ; Минск : Беларусь, 1989. — 570 с. — ISBN 5-01-001900-0.
20. *Килин А. П.* Частная торговля и кредит на Урале в годы нэпа : экономические, политические и социальные аспекты / А. П. Килин. — Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2018. — 604 с. — ISBN 978-5-7996-2445-3.
21. *Коммунист идет на выборы с лозунгом «Понграли в капитализм и хватит»* [Электронный ресурс]. — Режим доступа <https://1prime.ru/20240111/842772279.html> (дата обращения: 19.08.2024).
22. *Кондрашин В. В.* Отклик на статью М.Ю. Мухина «Сто лет изучения нэпа / В. В. Кондрашин // Время подводить итоги? Российская история. — 2020. — № 5. — С. 3—14.
23. *Кудрявцев В.* Предисловие / В. Кудрявцев // НЭП. Взгляд со стороны. — Москва : Моск. рабочий, 1991. — 304 с. — ISBN 5-239-01271-7.
24. *Лацис О. Р.* Перелом : Опыт прочтения несекретных документов / О. Р. Лацис. — Москва : Политиздат, 1990. — 399 с. — ISBN 5-250-01112-8.
25. *Лихолет О. В.* Социальная политика Советской власти в первые годы НЭПа и формирование системы государственного контроля : (на материалах Нижнего Поволжья) / О. В. Лихолет. — Астрахань : Сорокин Р. В., 2016. — 111 с. — ISBN 978-5-91910-499-5.
26. *Лошаков А. В.* Борьба с преступностью на территории Симбирской (Ульяновской) губернии в 1918—1928 гг. : автореферат диссертация ... кандидата исторических наук / А. В. Лошаков. — Саранск, 2019. — 23 с.
27. *Люттов Л. Н.* Обречённая реформа : Промышленность России в эпоху нэпа / Л. Н. Люттов. — Ульяновск : Ульян. гос. ун-т, 2002. — 266 с. — ISBN 5-88866-107-4.
28. *Мартынов С. Д.* Государство и экономика. Система Витте / С. Д. Мартынов. — Санкт-Петербург : Наука, 2002. — 402 с. — ISBN 5-02-028509-9.

29. Мухин М. Ю. Сто лет изучения нэпа. Время подводить итоги? = Century of Study of the New Economic Policy. Time to Take Stock? / М. Мухин // Российская история. — 2020. — № 5. — С. 3—14. — DOI: 10.31857/S086956870012177-5.
30. Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917—1922 гг. / И. Нарский. — Москва : РОССПЭН, 2001. — 632 с. — ISBN 5-8243-0280-4.
31. Орлов В. В. Этнополитические и социально-экономические аспекты развития Чувашии в 20-е годы XX века : Монография / В. В. Орлов. — Москва : Изд-во РГАЗУ, 2009. — 395 с. — ISBN 978-5-901240-33-5.
32. Орлов И. Б. Современная отечественная историография НЭПа : достижения, проблематика, перспективы / И. Б. Орлов // Отечественная история. — 1999. — № 1. — С. 102—116.
33. Орлов И. Б. НЭП как антикризисная политика / И. Б. Орлов // Вестник Московского государственного областного университета. — 2021. — № 2. — С. 9—22. — DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-9-22.
34. Павлюченков С. А. Россия нэповская / С. А. Павлюченков. — Москва : Новый хронограф, 2002. — 468 с. — ISBN 5-94881-003-8.
35. Полянская Л. Ю. Формирование нового социокультурного облика крестьянства Среднего Поволжья в период НЭПа / Л. Ю. Полянская. — Москва : РОССПЭН, 2017. — 237 с. — ISBN 978-5-8243-2173-9.
36. Попов Г. Х. Блеск и нищета административной системы / Г. Х. Попов. — Москва : ПИК, 1990. — 238 с.
37. Прокопович С. Н. Что дал России НЭП? (Из «Русского экономического сборника») / С. Н. Прокопович // НЭП. Взгляд со стороны. — Москва : Моск. рабочий, 1991. — С. 11—57. — ISBN 5-239-01271-7.
38. Роголина Н. Л. Новая экономическая политика и крестьянство / Н. Л. Роголина // НЭП : приобретения и потери. — Москва : Наука, 1994. — С. 139—149. — ISBN 5-02-009759-4; 9-78-502009-759-9.
39. Роголина Н. Л. НЭП в свете современных документальных публикаций / Н. Л. Роголина // НЭП : экономические, политические и социокультурные аспекты. — Москва : РОССПЭН, 2006. — С. 55—72. — ISBN 5-8055-0164-3.
40. Роговин В. З. Была ли альтернатива? “Троцкизм” : взгляд через годы / В. З. Роговин. — Москва : Изд. центр “Терра”, 1992. — 400 с. — ISBN 5-85255-128-7.
41. Рубинштейн Г. Л. Развитие внутренней торговли в СССР / Г. Л. Рубинштейн. — Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1964. — 396 с.
42. Сенявский А. С. Новая экономическая политика : современные подходы и перспективы изучения / А. С. Сенявский // НЭП : экономические, политические и социокультурные аспекты. — Москва : РОССПЭН, 2006. — С. 5—25. — ISBN 5-8055-0164-3.
43. Стулов А. Н. Торговля как фактор социально-экономического развития на Кубани в условиях НЭПа : 1921—1929 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук / А. Н. Стулов. — Армавир, 2024. — 212 с.
44. Суворова Л. Н. Нэповская многоукладная экономика. Между государством и рынком / Л. Н. Суворова. — Москва : АИРО-XXI, 2013. — 303 с. — ISBN 978-5-91022-234-6.
45. Фельдман М. А. Культурный уровень и политические настроения рабочих крупной промышленности Урала в годы нэпа / М. А. Фельдман // Отечественная история. — 2003. — № 5. — С. 20—30.
46. Чуканов И. А. Советская экономика в 1920-е годы : новый взгляд : (На материалах Сред. Поволжья) / И. А. Чуканов. — Москва : Компания Спутник+, 2001. — 382 с. — ISBN 5-93406-116-X.

47. Шмелев Н. На переломе. Экономическая перестройка в СССР / Н. Шмелев, В. Попов. — Москва : Изд-во Агентства печати “Новости”, 1989. — 398 с. — ISBN 5-7020-0067-6.

Статья поступила в редакцию 03.10.2024,
одобрена после рецензирования 23.12.2024,
подготовлена к публикации 29.01.2025.

Material resources

- Collection of laws and Government orders for 1921*. Available at: <https://znanium.ru/read?id=165652> (accessed 08.08.2024). (In Russ.).
- Collection of laws and Government orders for 1922*. Available at: https://archive.org/details/Sobranie_uzakonieniy_i_rasporyazheniy_pravitelstva_za_1992/page/n317/mode/2up (accessed 08.08.2024). (In Russ.).
- GAO — *The State Archive of the Ulyanovsk region. F. P101 (Provincial Statistical Bureau)*. (In Russ.).
- GARTH — *The State Archive of the Republic of Tatarstan. F. P990 (People's Commissariat of Workers' and Peasant's Inspection)*. (In Russ.).
- GASam.O — *The State Archive of the Samara region*. (In Russ.).
- Gasar.O — *The State Archive of the Saratov region*. (In Russ.).
- Lenin, V. I. (1974). Final speech on October 29. In: *Complete Works, 44*. Moscow: Publishing House of Political Science. lit. 214—220. (In Russ.).
- Lenin, V. I. (1975). Five Years of the Russian Revolution and prospects of the World Revolution. In: *Complete Works, 45*. Moscow: Publishing House of Political Science. lit. 278—294. (In Russ.).
- Lenin, V. I. (1974). On the food tax. In: *Complete Works, 43*. Moscow: Publishing House of Political Science. lit. 205—245. (In Russ.).
- Lenin, V. I. (1974). On the significance of gold now and after the complete victory of socialism. In: *Complete Works, 44*. Moscow: Publishing House of Political Science. lit. 221—229. (In Russ.).
- Lenin, V. I. (1974). Report on the new economic policy on October 29. In: *Complete Works, 44*. Moscow: Publishing House of Political Science. lit. 193—220. (In Russ.).
- Lenin, V. I. (1974). Speech at the First All-Russian conference on Party work in the countryside on November 18, 1919. In: *Complete Works, 39*. Moscow: Publishing House of Political Science. lit. 309—317. (In Russ.).
- Lenin, V. I. (1974). Speech at the IV session of the Central Executive Committee of the IX convocation on October 31, 1922. In: *Complete Works, 45*. Moscow: Publishing House of Political Science. lit. 245—251. (In Russ.).
- Lenin, V. I. (1974). Speech at the opening of the Congress on March 27. In: *Complete Works, 45*. Moscow: Publishing House of Political Science. lit. 67—116. (In Russ.).
- Letters to the authorities: 1917—1927: statements, complaints. Denunciations, letters to government agencies and Bolshevik leaders*. (1998). Moscow: ROSSPEN. 664 p. (In Russ.).
- RGAE — *Russian State Archive of Economics. F. R1691 (Main Department of Handicraft and small industry and commercial cooperation — Glavkustprom VSNKh)*. (In Russ.).
- RGASPI — *Russian State Archive of Socio-political Information. F. R17 (Organizational and instructional and organizational and distribution Department of the Cen-*

- tral Committee of the Russian Communist Party (b) and the Central Committee of the CPSU(b).* (In Russ.).
- The Civil Code of R.S.F.S.R. Property law. Ownership rights. (1927). In: *Collection of Codes of the R.S.F.S.R.* Moscow: Law Publishing House. 1188 p. (In Russ.).
- The economics of compromise. On the 100th anniversary of the New Economic Policy in Russia: a collection of documents.* (2021). Moscow: Kuchkovo Field Museum. 872 p. ISBN 978-5-907. (In Russ.).
- The peasant movement in the Volga region. 1919—1922: documents and materials.* (2002). Moscow: ROSSPEN. 944 p. ISBN 5-8243-0298-7. (In Russ.).
- The Soviet Commodity Exchange. The 20s. Documents and materials.* (1992). Moscow: Publishing house “DELO”. 343 p. ISBN 5-85900 005 7. (In Russ.).
- “Top secret...”. *Lubyanka to Stalin on the situation in the country (1922—1934).* (2001). Moscow: IRI RAS. 1093 p. (In Russ.).

References

- A communist goes to the polls with the slogan “Let’s play capitalism and that’s enough”.* Available at: <https://1prime.ru/20240111/842772279.html> (accessed 19.08.2024). (In Russ.).
- Bokarev, Yu. P. (2006). NEP as a self-organizing and self-destructive system. In: *NEP: economic, political and socio-cultural aspects.* Moscow: ROSSPEN. 121—133. ISBN 5-8055-0164-3. (In Russ.).
- Borodkin, L. I. (2008). Modeling the social dynamics of the peasantry during the NEP years: an alternative retrospective forecast. In: *History and Mathematics: conceptual space and search direction / Yearbook.* Moscow: LKI Publishing House. 99—122. ISBN 978-5-382-00514-0. (In Russ.).
- Braudel, F. (1986). *Material civilization, economics and Capitalism, XV—XVIII centuries: in 3 volumes. The structure of everyday life: the possible and the impossible, 1.* Moscow: Progress Publ. 622 p. (In Russ.).
- Carr, E. (1989). *The History of Soviet Russia: in 14 books.* Moscow: Progress. 365 p. ISBN 5-01-002968-5. (In Russ.).
- Chukanov, I. A. (2001). *The Soviet economy in the 1920s: a new look: (Based on the materials of the Environment. Volga Region).* Moscow: Sputnik+ Company. 382 p. ISBN 5-93406-116-X. (In Russ.).
- Cohen, S. (1989). *Bukharin: a political biography. 1888—1938.* Moscow: Progress; Minsk: Belarus. 570 p. ISBN 5-01-001900-0. (In Russ.).
- Danilov, V. P. (1989). NEP and its fate. In: *Historians argue. Thirteen conversations.* Moscow: Politizdat Publ. 12—190. ISBN 5-250-01038-5. (In Russ.).
- Danilov, V. P. (2006). On the question of understanding the NEP. In: *NEP: economic, political and socio-cultural aspects.* Moscow: ROSSPEN. 26—32. ISBN 5-8055-0164-3. (In Russ.).
- Davis, R. (1994). The development of Soviet society in the 20s and the problem of alternatives. In: *Russia in the twentieth century: Historians of the world argue.* Moscow: Nauka Publ. 311—318. ISBN 5-02-009724-1. (In Russ.).
- Demchik, E. V. (2018). *Private capital in the economy of Siberia during the NEP period.* Barnaul: Five Plus. 261 p. ISBN 978-5-6041019-3-3. (In Russ.).
- Dikhtyar, G. A. (1961). *Soviet trade in the period of building socialism.* Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences. Sciences of the USSR. 472 p. (In Russ.).

- Dmitrenko, V. P. (1971). *Trade policy of the Soviet state after the transition to the New Economic Policy. 1921—1924*. Moscow: Nauka Publ. 269 p. (In Russ.).
- Dmitrenko, V. P. (1974). Problems of the NEP in Soviet historiography of the 1960s and 1970s. In: *New Economic Policy: Issues of Theory and History*. Moscow: Nauka Publ. 260—302. (In Russ.).
- Dmitrenko, V. P. (1991). Four dimensions of the New Economic Policy. *Questions of the history of the CPSU*, 3: 125—138. (In Russ.).
- Feldman, M. A. (2003). Cultural level and political sentiments of workers of large-scale industry in the Urals during the NEP years. *Russian history*, 5: 20—30. (In Russ.).
- Gataullina-Apaicheva, I. A. (2007). *The Middle Volga region in the years of the new economic policy. Socio-economic processes and everyday life*. Kazan: Kazansk Publishing House. Univ. 432 p. ISBN 978-5-7464-1477-9. (In Russ.).
- Historians argue: 13 conversations*. (1989). Moscow: Politizdat. 510 p. ISBN 5-250-01038-5. (In Russ.).
- Kilin, A. P. (2018). *Private trade and credit in the Urals during the NEP years: economic, political and social aspects*. Yekaterinburg: Publishing House of the Ural University. 604 p. ISBN 978-5-7996-2445-3. (In Russ.).
- Kondrashin, V. V. (2020). Response to M. Yu. Mukhin's article One hundred years of studying the New Economic Policy. *Time to sum up? Russian history*, 5: 3—14. (In Russ.).
- Kudryavtsev, V. (1991). Preface. In: *NEP. A view from the outside*. Moscow: Moscow. Rabochy. 304 p. — ISBN 5-239-01271-7. (In Russ.).
- Latsis, O. R. (1990). *Turning point: The experience of reading unclassified documents*. Moscow: Politizdat. 399 p. ISBN 5-250-01112-8. (In Russ.).
- Likholet, O. V. (2016). *Social policy of the Soviet government in the early years of the New Economic Policy and the formation of the system of state control: (based on the materials of the Lower Volga region)*. Astrakhan: Sorokin R. V. 111 p. ISBN 978-5-91910-499-5. (In Russ.).
- Loshakov, A. V. (2019). *The fight against crime in the territory of the Simbirsk (Ulyanovsk) province in 1918—1928*. Author's abstract of PhD Diss. Saransk. 23 p. (In Russ.).
- Lyutov, L. N. (2002). *The doomed reform: Russian industry in the era of NEP*. Ulyanovsk: Ulyanovsk State University. 266 p. ISBN 5-88866-107-4. (In Russ.).
- Martynov, S. D. (2002). *The State and Economics. Witte's system*. Saint Petersburg: Nauka Publ. 402 p. ISBN 5-02-028509-9. (In Russ.).
- Mukhin, M. Y. (2020). One hundred years of studying the New Economic Policy. Is it time to take stock? = Century of Study of the New Economic Policy. Time to Take Stock? *Russian History*, 5: 3—14. DOI: 10.31857/S086956870012177-5. (In Russ.).
- Narsky, I. V. (2001). *Life in disaster: Everyday life of the Urals population in 1917—1922*. Moscow: ROSSPEN. 632 p. ISBN 5-8243-0280-4. (In Russ.).
- Orlov, I. B. (1999). Modern Russian historiography of the NEP: achievements, problems, prospects. *Russian History*, 1: 102—116. (In Russ.).
- Orlov, I. B. (2021). NEP as an anti-crisis policy. *Bulletin of the Moscow State Regional University*, 2: 9—22. DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-9-22. (In Russ.).
- Orlov, V. V. (2009). *Ethnopolitical and socio-economic aspects of the development of Chuvashia in the 20s of the twentieth century: A monograph*. Moscow: Publishing House of RGAZU. 395 p. ISBN 978-5-901240-33-5. (In Russ.).
- Pavlyuchenkov, S. A. (2002). *Russia Nepovskaya*. Moscow: Novy Chronograph. 468 p. ISBN 5-94881-003-8. (In Russ.).

- Polyanskova, L. Y. (2017). *Formation of a new socio-cultural image of the peasantry of the Middle Volga region during the NEP period*. Moscow: ROSSPEN. 237 p. ISBN 978-5-8243-2173-9. (In Russ.).
- Popov, G. H. (1990). *Splendor and poverty of the administrative system*. Moscow: PIK Publ. 238 p. (In Russ.).
- Prokopovich, S. N. (1991). What did the NEP give Russia? (From the “Russian Economic Collection”). In: *NEP. A view from the outside*. Moscow: Moscow. Rabochy. 11—57. ISBN 5-239-01271-7. (In Russ.).
- Rogalina, N. L. (1994). New Economic Policy and the peasantry. In: *NEP: acquisitions and losses*. Moscow: Nauka Publ. 139—149. ISBN 5-02-009759-4; 9-78-502009-759-9. (In Russ.).
- Rogalina, N. L. (2006). NEP in the light of modern documentary publications. In: *NEP: economic, political and socio-cultural aspects*. Moscow: ROSSPEN. 55—72. ISBN 5-8055-0164-3. (In Russ.).
- Rogovin, V. Z. (1992). *Was there an alternative? “Trotskyism”: a look through the years*. Moscow: Publishing House of the Terra Center. 400 p. ISBN 5-85255-128-7. (In Russ.).
- Rubinstein, G. L. (1964). *Development of domestic trade in the USSR*. Leningrad: Publishing House of the Leningr University. 396 p. (In Russ.).
- Senyavsky, A. S. (2006). New economic policy: modern approaches and prospects for study. In: *NEP: economic, political and socio-cultural aspects*. Moscow: ROSSPEN. 5—25. ISBN 5-8055-0164-3. (In Russ.).
- Shmelev, N., Popov, V. (1989). *At the turning point. Economic restructuring in the USSR*. Moscow: Publishing House of the Novosti Press Agency. 398 p. ISBN 5-7020-0067-6. (In Russ.).
- Stulov, A. N. (2024). *Trade as a factor of socio-economic development in the Kuban under the New Economic Policy: 1921—1929*. PhD Diss. Armavir. 212 p. (In Russ.).
- Suvorova, L. N. (2013). *The NEP multicultural economy. Between the state and the market*. Moscow: AIRO-XXI. 303 p. ISBN 978-5-91022-234-6. (In Russ.).
- Vinogradov, S. V. (1998). *The revival of the diversified economy of the Russian Federation during the NEP years, 1921—1927: Based on the materials of the Volga region*. Author’s abstract of Doct. Diss. Moscow. 32 p. (In Russ.).
- Zhukov, Yu. N. (2019). *The reverse side of the NEP. The years 1923—1925. Economics and Political struggle in the USSR*. Moscow: Conceptual. 377 p. ISBN 978-5-906867-20-9. (In Russ.).
- Zhuravlev, S. V., Mukhin, Yu. M. (2004). *“Fortress of socialism”: Everyday life and motivation of work at a Soviet enterprise, 1928—1938*. Moscow: ROSSPEN. 238 p. ISBN 5-8243-0524-2. (In Russ.).
- Zhuravlev, S. V., Sokolov, A. K. (1998). Everyday life of Soviet people in the 1920s. In: *Social history: Yearbook: 1997*. Moscow: ROSSPEN. 287—332. ISBN 5-8243-0135-2. (In Russ.).

*The article was submitted 03.10.2024;
approved after reviewing 23.12.2024;
accepted for publication 29.01.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(1), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Дудайти А. К. Два десятилетия перемен : российско-грузинские отношения после «Революции роз» (2003—2023) / А. К. Дудайти // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 1. — С. 378—397. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-378-397.

Dudayti, A. K. (2025). Two Decades of Change: Russian-Georgian Relations after Rose Revolution (2003—2023). *Nauchnyi dialog*, 14 (1): 378-397. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-378-397. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Два десятилетия перемен: российско-грузинские отношения после «Революции роз» (2003—2023)

Дудайти Альберт Константинович

orcid.org/0000-0002-7103-959X

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой
всеобщей истории
adudaiti@mail.ru

Северо-Осетинский
государственный университет
имени Коста Левановича Хетагурова
(Владикавказ, Россия)

Two Decades of Change: Russian-Georgian Relations after Rose Revolution (2003—2023)

Albert K. Dudayti

orcid.org/0000-0002-7103-959X

Doctor of History, Professor,
Head of the Department
of World History
adudaiti@mail.ru

North Ossetian State
University named after
Kosta Levanovich Khetagurov
(Vladikavkaz, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена анализу изменений в отношениях между Россией и Грузией, произошедших после «Революции роз». В рамках проведенного исследования автор ставит задачу оценить основные этапы и ключевые аспекты трансформации двусторонних отношений, которые оказали значительное влияние на региональную политическую динамику. В качестве материалов привлекаются официальные документы, публикации в СМИ, аналитические отчеты, что позволяет обеспечить комплексный подход к анализу данных. Применены методы политического анализа, исторический обзор, сопоставительный анализ данных, что способствует всестороннему пониманию изучаемой проблематики. Исследование демонстрирует, что революция привела к ухудшению отношений, особенно после введения визовых и торговых ограничений. В последующие годы наблюдалась флуктуация отношений с периодами обострения. Особенно важным является снижение напряженности и возобновление диалога в последние годы. Исследование выявило основные факторы, влияющие на динамику отношений, включая внешнеполитические ориентации Грузии и региональные конфликты. В работе подчеркивается, что политическая воля и международное посредничество оказывают ключевое влияние на процесс восстановления доверия между странами, что ставит перед ними новые вызовы и возможности для урегулирования противоречий.

Ключевые слова:

Революция роз; российско-грузинские отношения; политическая динамика; региональные конфликты; международное посредничество; восстановление доверия между Россией и Грузией.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article analyzes the transformations in Russian-Georgian relations following the Rose Revolution. The study aims to evaluate the key phases and significant aspects of the bilateral relationship that have notably influenced regional political dynamics. Utilizing a comprehensive approach, the research draws on official documents, media publications, and analytical reports. It employs methods of political analysis, historical review, and comparative analysis, facilitating a thorough understanding of the issues at hand. The findings demonstrate that the revolution resulted in a deterioration of relations, particularly following the imposition of visa and trade restrictions. In subsequent years, the relationship exhibited fluctuations with periods of escalation. Notably, recent years have seen a reduction in tensions and a resumption of dialogue. The study identifies critical factors affecting the dynamics of relations, including Georgia's foreign policy orientations and regional conflicts. It emphasizes that political will and international mediation play a crucial role in the process of rebuilding trust between the two nations, presenting new challenges and opportunities for resolving their differences.

Key words:

Rose Revolution; Russian-Georgian relations; political dynamics; regional conflicts; international mediation; trust-building between Russia and Georgia.

УДК 94:327(470+479)“2003/2023”

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-378-397

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история
5.6.2. Всеобщая история
5.6.7. История международных
отношений и внешней политики

Два десятилетия перемен: российско-грузинские отношения после «Революции роз» (2003—2023)

© Дудайти А. К., 2024

1. Введение = Introduction

В начале XXI века политический ландшафт Восточной Европы и Южного Кавказа претерпел значительные изменения, ключевым моментом которых стала «Революция роз» в Грузии. Этот переломный момент в истории страны не только привел к изменениям внутривнутриполитической арены Грузии, но и радикально повлиял на формат и характер ее внешнеполитических отношений, особенно с Российской Федерацией [Наумов, 2016, с. 116—117; Сихарулидзе, 2019, с. 142—143]. Процесс переосмысления и перестройки двусторонних отношений, запущенный событиями 2003 года, выявил ряд принципиально новых вызовов и перспектив, ставших предметом данного исследования.

Актуальность данной темы обусловлена не только значительными изменениями в политическом курсе Грузии, но и последующими геополитическими сдвигами в регионе, которые оказали существенное влияние на ключевые аспекты международных отношений, включая вопросы безопасности и внешнеполитической ориентации. Исследование трансформаций в российско-грузинских отношениях после «Революции роз» представляет важную основу для анализа процессов интеграции и дезинтеграции, которые играют центральную роль в современной мировой политике на постсоветском пространстве, где пересекаются интересы крупных международных игроков. При этом степень исследованности данной проблематики в академическом сообществе остается неоднозначной, так как большинство научных трудов сосредоточено на краткосрочных последствиях политических перемен, в то время как долгосрочные тенденции и стратегические сдвиги в двусторонних отношениях между Россией и Грузией оказываются упущенными из виду. Настоящее исследование нацелено на восполнение этого пробела. В статье предлагается всесторонний анализ эволюции отношений между двумя странами в период с 2003 по

2023 годы, особое внимание уделяется международному посредничеству и политической воле как ключевым факторам, влияющим на восстановление и развитие двусторонних связей. Это позволяет не только пересмотреть и оценить известные результаты, но и предложить новые подходы к пониманию потенциалов и ограничений, формирующих современное российско-грузинское взаимодействие.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В данном исследовании ставится задача проанализировать динамику российско-грузинских отношений на фоне политических перемен, последовавших за «Революцией роз». Этот процесс требует не только всестороннего рассмотрения социально-политических источников, но и глубокого методологического подхода, что предполагает использование широкого спектра материалов: официальных документов, научных работ и медиапубликаций. Так, А. О. Наумов исследует методы и инструменты «мягкой силы», используемые для влияния на политические процессы в постсоветских республиках [Наумов, 2016]. А. Т. Сихарулидзе анализирует влияние России на внутренние политические процессы в Грузии, а также изучает роль Москвы в контексте усиливающихся прозападных тенденций и интеграции Грузии в евроатлантические структуры [Сихарулидзе, 2019]. И. М. Федоровская исследует внутриполитическую обстановку в Грузии накануне парламентских выборов 2020 года с акцентом на характеристике ключевых политических сил, общественных настроений и перспектив развития партийного ландшафта в условиях нарастающей политической напряжённости и вызовов для демократических институтов [Федоровская, 2019]. Дж. Меликян рассматривает изменения во внешнеполитическом курсе Грузии после победы коалиции «Грузинская мечта» с акцентом на анализе отношений с Россией, Евросоюзом и НАТО, а также на оценке предпринятых попыток балансировать между евроатлантическими стремлениями и необходимостью нормализации отношений с Москвой [Меликян, 2014].

Источниковая база работы включает документы международных организаций и официальные материалы, касающиеся российско-грузинских отношений. Такие документы, как «Act of Restoration of Independence of Georgia» [Act ..., 1991], отражают правовые и политические основы суверенитета Грузии и ее дальнейший курс на независимость от России. Материалы, связанные с политикой НАТО в отношении Грузии, такие как «NATO-Georgia Commission Annual Report» [NATO-Georgia ..., 2022] и «NATO-Georgia Relations» [NATO-Georgia ..., 2024], дают возможность оценить степень интеграции Грузии в западные структуры безопасности и реакции России на этот процесс. Кроме того, важную роль в исследова-

нии играют официальные российские документы, в частности, Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Указ ..., 2021].

Методологически исследование базируется на комплексном подходе, сочетающем политический анализ, исторический обзор и сопоставительный анализ. Политический анализ позволяет выявить стратегии и тактики, которые применялись государственными деятелями обеих стран в различные периоды. Исторический обзор предоставляет контекст для понимания происходящих изменений, а сопоставительный анализ данных выявляет тенденции и закономерности в динамике двусторонних отношений.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Грузия перед революцией: геополитическое положение и проблемы в отношениях с Россией

Распад Советского Союза в 1991 году ознаменовал собой серьезные изменения в мировом порядке, положив конец геополитическому противостоянию между двумя крупнейшими сверхдержавами — Соединенными Штатами Америки и СССР, что завершило эпоху «холодной войны», характеризующуюся идеологическими различиями и контрастами в политико-экономических системах, которые определяли пути развития Запада и Востока. Прекращение существования СССР, объединявшего пятнадцать республик с разнообразными социальными, культурными и этническими особенностями, оставило за собой не только сложное наследие, но и вызовы, связанные с новой реальностью глобального перераспределения сил, требовавшей от международного сообщества пересмотра существующей системы безопасности и экономического взаимодействия. Это событие не только привело к политической децентрализации бывших союзных республик, каждая из которых начала формировать собственные политические и экономические стратегии, но и породило новые геополитические вопросы и экономические вызовы, отразившиеся на стабильности в региональном и глобальном контексте. Возникла потребность в адаптации международных механизмов сотрудничества и разработки новых подходов для поддержания устойчивости [Дудайти и др., 2024, с. 196—197].

После распада Советского Союза процесс обретения независимости бывшими союзными республиками, включая Грузию, сопровождался множеством внутренних и внешних трудностей, особенно остро проявившихся в начале 1990-х годов, когда новообразованные государства столкнулись с задачами определения национальной идентичности, формулировки самостоятельной государственной стратегии и обеспечения полного суверенитета. В данном контексте Грузия, как одна из бывших советских

республик с ограниченным опытом существования в качестве независимого государства, столкнулась с необходимостью преодоления значительных вызовов на пути восстановления своих международных позиций, что потребовало разработки стратегического курса, направленного на укрепление демократических институтов и консолидацию государственного суверенитета. Объявление Верховным Советом Грузии о независимости апреля 1991 года [Act ..., 1991] совпало с началом этнополитического кризиса в Абхазии и Южной Осетии — двух регионах, характеризующихся стремлением к сепаратизму, что значительно усложнило и без того непростую внутривнутриполитическую ситуацию [Broers et al., pp. 246—247]. Этот кризис создал дополнительные вызовы для грузинского руководства, которое вынуждено было искать пути урегулирования конфликта и сохранения территориальной целостности, одновременно пытаясь утвердить страну в качестве полноценного члена международного сообщества.

Внутриполитическая нестабильность, охватившая Грузию в постсоветский период и сопровождавшаяся гражданской войной, привела к смещению с поста первого президента страны З. Гамсахурдия. Этот процесс существенно подорвал позиции правительства и привел к ослаблению государственного управления, что негативно отразилось на социально-экономическом развитии страны. В результате данных событий в Грузии сформировались «замороженные конфликты», которые затруднили проведение эффективной государственной политики и стали источником затяжной политической нестабильности [Дудайти, 2020, с. 82—83]. В условиях внутренних и внешних вызовов руководство Грузии прилагало усилия для разрешения возникших конфликтов, что выразилось в серии встреч и переговоров, проведенных в 1990-е годы между президентом Грузии Э. А. Шеварднадзе и главой Российской Федерации Б. Н. Ельциным, которые были нацелены на достижение мирного урегулирования и стабилизации ситуации, однако сталкивались с непреодолимыми трудностями, что нередко приводило к затягиванию дипломатического процесса и затрудняло поиск взаимоприемлемых решений.

Начало нового тысячелетия стало периодом прихода к власти в Грузии и России молодых и амбициозных лидеров, что вызвало существенные изменения в политическом ландшафте обоих государств и повлияло на динамику их взаимоотношений. Придя к власти, М. Саакашвили инициировал реформы, направленные на укрепление прозападной ориентации страны и ее интеграцию в НАТО и Европейский Союз [Kelly et al., 2022, pp. 14—15]. Однако эти шаги создали определенные вызовы в сфере региональной безопасности, вызвав обеспокоенность России, которая, исходя из своей исторической роли и стратегических интересов в Кавказском регионе, уви-

дела в этих действиях угрозу своему влиянию и стабильности на южных рубежах.

3.2. Российско-грузинские отношения после «Революции роз»: вызовы и стратегии внешней политики

Российско-грузинские отношения в период после «Революции роз» представляли собой сложный аспект внешнеполитических взаимодействий, который был обусловлен как назревшими вызовами, так и стратегическими решениями, принятыми обеими сторонами в условиях политической турбулентности на постсоветском пространстве, усилившейся с приходом В. В. Путина к власти в России и совпавшей с волной «цветных революций», включая «Революцию роз» в Грузии и «Оранжевую революцию» на Украине. Эти события оказали значительное влияние на политическую трансформацию региона, где государства начали активно стремиться к укреплению своего суверенитета и выстраиванию новых векторов внешней политики, направленных на интеграцию с НАТО и ЕС, что существенно изменило геополитический баланс и повлияло на дальнейшее развитие отношений с Россией.

С приходом к власти В. В. Путин был решительно настроен преодолеть вызовы, с которыми Россия столкнулась в 1990-е годы — период, ассоциировавшийся с утратой былого статуса и влияния на мировой арене, и в рамках своей стратегии восстановления мощной российской государственности он нацелился на возрождение статуса России как великой державы, способной эффективно защищать свои национальные интересы и активно влиять на международные процессы. Этот подход соответствовал традиционной практике крупных мировых держав, которые стремятся к защите своих стратегических интересов и укреплению геополитического влияния в регионах, имеющих ключевое значение для их национальной безопасности.

В этом контексте важным стало выступление В. В. Путина на Мюнхенской конференции по безопасности 10 февраля 2007 года, где он подверг резкой критике расширение НАТО на восток и внешнюю политику Соединенных Штатов [Выступление ..., 2007]. Российский лидер заявил, что расширение НАТО не только не способствует модернизации альянса и укреплению безопасности в Европе, но, напротив, представляет собой серьезную провокацию, подрывающую взаимное доверие между странами, и рассматривается Россией как прямая угроза ее национальной безопасности. Он особо отметил, что обещания, данные западными партнерами после распада Варшавского договора, не были выполнены, что негативно сказывалось на уровне стратегической стабильности в Европе и усиливало напряженность в отношениях между Россией и западными государствами.

В этот период Грузия активизировала курс на укрепление связей с НАТО, что нашло выражение в подписании 29 октября 2004 года «Индивидуального плана действий партнерства» [NATO-Georgia ..., 2024]. Этот документ стал важным шагом на пути адаптации политической, оборонной и правовой систем Грузии к стандартам НАТО, обозначив стремление страны к более тесной интеграции с западными структурами безопасности. Данный процесс получил дальнейшее развитие в сентябре 2006 года, когда была создана комиссия НАТО — Грузия, что предоставило новые возможности для углубления диалога и расширения сотрудничества между Грузией и альянсом [NATO-Georgia ..., 2022].

Важным элементом, отражающим внешнеполитические приоритеты Грузии, стала Концепция национальной безопасности, утвержденная 30 мая 2005 года [National Security ..., 2024]. В данном документе был сделан акцент на исторической принадлежности Грузии к европейскому пространству и подчеркивалась необходимость ее интеграции в европейские и евроатлантические структуры. В концепции также отмечалось, что интеграция государств Черноморского региона в НАТО и Европейский Союз способна значительно укрепить безопасность на юго-восточных рубежах Европы, которые играют важную роль в обеспечении общей стабильности континента.

В ответ на усиление прозападной ориентации внешнеполитического курса Грузии российское руководство приняло меры по защите своих национальных интересов, в их числе было введение строгих экономических санкций против Тбилиси, среди которых ключевым шагом стал запрет, введенный в декабре 2005 года, на ввоз грузинской сельскохозяйственной продукции, включая фрукты и овощи, на российский рынок. В марте 2006 года последовало ужесточение экономических мер, включающее запрет на импорт грузинского вина, что нанесло ощутимый удар по экономике Грузии, так как Российская Федерация являлась одним из крупнейших торговых партнеров страны [Запреты ..., 2007]. Эти меры привели к значительному экономическому спаду, поскольку альтернативные рынки сбыта для грузинской продукции в регионе были ограничены и быстро найти замену российскому рынку оказалось крайне сложной задачей.

Проявление прозападных и, как воспринималось в Москве, антироссийских тенденций во внешней политике Грузии под руководством М. Саакашвили вызвало серьезное беспокойство в России, что привело к дальнейшему обострению двусторонних отношений. Укрепление связей Грузии с западными странами и ее активное участие в международных энергетических проектах, таких как Баку-Тбилиси-Джейхан, Баку-Тбилиси-Эрзурум, NABUCCO, ТРАСЕКА, способствовали превращению Грузии в важный транспортный узел, обеспечивающий энергетическую

безопасность Европы [Petersen, 2007, p. 12]. Эти стратегические изменения, усиливая влияние Тбилиси на региональную энергетику, вступили в противоречие с интересами России, стремящейся сохранять свое влияние в регионе Южного Кавказа и контролировать важные транспортные и энергетические коридоры.

Наращение напряженности в российско-грузинских отношениях и в более широком контексте евроатлантической безопасности достигло своей кульминации в апреле 2008 года, когда Соединенные Штаты поддержали предоставление Грузии и Украине Плана действий по членству (ПДЧ) на саммите НАТО в Бухаресте [House Passes ..., 2008]. Это решение, хотя и не означало немедленного вступления этих стран в альянс, было воспринято российским руководством как потенциальная угроза национальной безопасности. В Москве считали, что расширение военного блока НАТО до границ России может нарушить баланс сил в регионе и поставить под угрозу стабильность на ее рубежах. Президент России В. В. Путин выразил глубокую озабоченность, заявив, что такое развитие событий будет рассматриваться как прямое нарушение безопасности страны, что отразило растущие опасения по поводу изменения геополитической ситуации в Европе [Путин ..., 2008].

Противоречия в российско-грузинских отношениях достигли апогея в августе 2008 года, когда вооруженный конфликт стал самым острым кризисом в двусторонних отношениях после распада СССР, явившись кульминацией накопившихся разногласий и вызовом для всей системы международных отношений, подчеркнув необходимость поиска мирных решений в условиях сложных геополитических реалий. События августа 2008 года продемонстрировали применение Россией «жесткой силы» в ответ на эскалацию, что подтвердило ее намерение сохранять Грузию в своей исторически сложившейся сфере влияния, а также закрепило за Россией статус ключевой мировой державы, способной отстаивать свои интересы на международной арене. Этот краткосрочный, но интенсивный пятидневный конфликт не только обострил российско-грузинские отношения, доведя их до самого низкого уровня, но и показал, что Евразийский континент в XXI веке продолжает сталкиваться с серьезными вызовами безопасностью, требующими внимания международного сообщества.

29 августа 2008 года в ответ на решение президента России Д. А. Медведева признать независимость Абхазии и Южной Осетии Тбилиси принял решение разорвать дипломатические отношения с Москвой [Georgia ..., 2008]. Это событие стало важным поворотным моментом, после которого отношения между двумя государствами претерпели значительную трансформацию. В следующем 2009 году Грузия также приняла решение выйти

из состава Содружества Независимых Государств (СНГ), что стало еще одним шагом на пути к дистанцированию от интеграционных процессов в постсоветском пространстве [Georgia ..., 2009].

Период с 2008 по 2012 годы ознаменовался полным прекращением всех форм дипломатического взаимодействия между Россией и Грузией, что стало свидетельством глубокой политической и дипломатической изоляции, в которой оказались обе страны. Этот период характеризовался отсутствием прямого диалога и сотрудничества, что еще больше усложнило возможности для разрешения накопившихся противоречий и поиска компромиссных решений, необходимых для стабилизации ситуации и восстановления взаимного доверия.

3.3. Новые перспективы: роль «Грузинской мечты» в налаживании диалога с Россией

Российско-грузинские отношения претерпели значительные изменения с момента прихода к власти политической коалиции «Грузинская мечта», которая одержала победу на парламентских выборах 2012 года. Новое руководство Грузии, возглавляемое Б. Иванишвили, взяло курс на более прагматичный и конструктивный подход в отношениях с Москвой, ориентируясь на необходимость разведения политических и экономических вопросов, что позволило сделать первый шаг к улучшению двусторонних связей [Меликян, 2014, с. 84]. Одной из ключевых задач, поставленных перед новым правительством, стало восстановление торговых связей с Россией, что имело большое значение для стабилизации и развития экономики Грузии.

Б. Иванишвили неоднократно подчеркивал, что улучшение отношений с Россией не противоречит стратегическим устремлениям Грузии по интеграции в евроатлантические структуры. В своих выступлениях он отмечал, что отказ от экономического взаимодействия с Россией не отвечает национальным интересам Грузии, и заявлял, что те, кто выступает за закрытие российского рынка для грузинской продукции, фактически действуют во вред стране [Иванишвили выступает ..., 2012].

В ноябре 2012 года грузинский дипломат З. Абашидзе, который ранее занимал пост посла Грузии в Москве, был назначен специальным представителем Б. Иванишвили для ведения переговоров с российской стороной с целью восстановления разорванных дипломатических связей, разорванных в результате российско-грузинского конфликта. Новый формат переговоров, инициированный З. Абашидзе и его российским коллегой Г. Карасиным, стал платформой для обсуждения широкого спектра вопросов, включая гуманитарные, торговые и экономические аспекты, а также вопросы безопасности, такие как борьба с терроризмом и незаконной торговлей оружием. Этот диалог, получивший название «Формат Абашидзе

зе — Карасин», способствовал постепенному восстановлению торговых связей между Россией и Грузией, что оказало позитивное воздействие на экономическое состояние Грузии [Lomia, 2020, p. 119].

Согласно данным Национального статистического центра Грузии, в 2013 году экспорт грузинского вина и минеральной воды на российский рынок показал впечатляющий рост, увеличившись на 43 % по сравнению с 2012 годом, что стало важным индикатором восстановления экономических связей между двумя странами [Экспорт ..., 2013]. Одновременно с этим импорт товаров из России в Грузию также продемонстрировал положительную динамику, увеличившись на 24 %, что свидетельствовало о постепенном восстановлении взаимовыгодных торговых отношений. В последующие годы экономическая выгода от торговли с Россией продолжала расти: двусторонняя торговля улучшилась на 17 % в 2016 году, а в 2017 году экспорт грузинского вина в Россию достиг нового рекорда, увеличившись на 86 % [Товарооборот ..., 2017]. Эта тенденция имела продолжение и в 2018 году, что подтверждает значительный интерес российского рынка к грузинской продукции. По данным Национального агентства вина Грузии, с 2013 по 2018 годы Россия занимала второе место после Китая по объемам импорта грузинского вина [Экспорт ..., 2020], что подчеркивало важность российско-грузинских экономических связей для винодельческой отрасли Грузии.

Кроме того, значительный вклад в экономику Грузии вносил российский туристический поток. Согласно информации Национального агентства туризма Грузии, в 2018 году Грузию посетили более 1,6 млн туристов из России [Россияне ..., 2019], что стало важным показателем для грузинского туристического сектора и свидетельствовало об углублении экономического сотрудничества между двумя странами.

Не менее важным аспектом двусторонних отношений являлось значительное количество граждан Грузии, проживающих на территории Российской Федерации. Согласно данным Государственного министерства по вопросам диаспоры Грузии, пик эмиграции приходился на 2019 год, при этом Россия оставалась основной страной приема грузинских эмигрантов (450 тыс. человек) [Civil ..., 2022]. Этот факт свидетельствовал о значительном масштабе грузинской диаспоры в России, что подчеркивало важность гуманитарных и экономических связей между двумя странами.

Кроме того, согласно статистическим данным, опубликованным Национальным банком Грузии, в 2022 году почти половина всех поступивших в Грузию средств (3,8 млрд долл.) была переведена из России [Из России ..., 2022]. Этот факт подчеркивал ключевую роль российских денежных потоков в поддержке грузинской экономики, особенно в условиях,

когда многие грузинские семьи зависели от переводов своих соотечественников, работающих в России.

Несмотря на значительное улучшение российско-грузинских отношений, сохранялся ряд сложных вопросов, продолжающих оказывать влияние на двусторонний диалог, среди которых ключевой проблемой оставалась ситуация вокруг Абхазии и Южной Осетии, вызывавшая обеспокоенность Тбилиси. В то же время российское руководство, исходя из своих стратегических интересов, выражало тревогу по поводу евроатлантической интеграции Грузии, негативно оценивая сближение Тбилиси с НАТО, способное иметь серьезные последствия для безопасности Европы [Suleymanov et al., 2018, pp. 79—80].

Грузия, являясь активным и важным партнером НАТО, участвовала в ряде международных операций альянса, демонстрируя свою приверженность коллективной безопасности. В ответ на поддержку Грузии со стороны НАТО альянс продолжал отстаивать принцип территориальной целостности и суверенитета Грузии, одновременно призывая Россию пересмотреть свое признание независимости Абхазии и Южной Осетии [Sadri et al., 2010, pp. 138—139]. Грузия, в свою очередь, оказывала поддержку операциям НАТО, в том числе в Афганистане, что подчеркивало ее роль как надежного партнера в обеспечении глобальной безопасности.

Антиправительственные протесты, разразившиеся в Грузии в 2019 году и вошедшие в историю как события «ночи Гаврилова», вновь привели к обострению российско-грузинских отношений [Machurishvili, 2021, pp. 140—141]. Массовые протесты в Тбилиси, начавшиеся 20 июня, были вызваны визитом депутата Государственной Думы России С. Гаврилова для участия в Межпарламентской ассамблее православия, его выступление в грузинском парламенте спровоцировало волну недовольства среди населения. Митингующие у здания парламента требовали отставки правительства, выражая недовольство российской политикой, что подчеркивало хрупкость политической стабильности в Грузии. Июньский кризис продемонстрировал, что политические процессы в стране часто подвержены эмоциональным факторам, что может противоречить рациональным политическим ожиданиям [Федоровская, 2019, с. 62].

Комментируя события в столице, президент Грузии С. Зурабишвили заявила, что Россия является «врагом и оккупантом», прямо возлагая ответственность на Кремль за попытки дестабилизации ситуации в стране [Президент ..., 2019]. Однако премьер-министр России Д. А. Медведев отверг эти обвинения, назвав их «искажением реальности», что указывало на разногласия в оценке происходящего между двумя странами [Медведев ответил ..., 2019]. В ответ на протесты в Тбилиси, которые в России были восприня-

ты как проявление радикальных антироссийских настроений, президент В. В. Путин принял решение временно приостановить прямое авиасообщение между Россией и Грузией, что вступило в силу 8 июля [Россия ..., 2019].

6 июля новый виток напряженности вызвал инцидент, когда грузинский оппозиционный телеведущий Г. Габуния в прямом эфире программы «Постскриптум» допустил оскорбительные высказывания в адрес президента России и его покойных родителей, что спровоцировало незамедлительную реакцию грузинских властей. Премьер-министр Грузии осудил действия телеведущего, назвав их провокацией против собственной страны и охарактеризовав как «опасную игру с безопасностью государства и его граждан» [Премьер ..., 2019]. Президент С. Зурабишвили также подчеркнула, что поведение Г. Габуния наносит серьезный ущерб интересам Грузии [Зурабишвили ..., 2019].

Происшествие вызвало серьезную реакцию в Государственной Думе России, где поддержали предложения о возможном введении экономических ограничений в отношении Грузии, включая закрытие российского рынка для грузинской продукции, такой как вино и минеральная вода, а также введение запрета на денежные переводы между странами, что могло существенно повлиять на экономику Грузии [Грузинского журналиста ..., 2019]. Однако президент России В. В. Путин, демонстрируя более сдержанную позицию, выступил против введения экономических санкций в отношении Грузии, подчеркнув, что не стал бы прибегать к таким мерам из уважения к грузинскому народу [Путин выступил ..., 2019]. Такое заявление свидетельствовало о стремлении российского руководства к сохранению определенного уровня взаимодействия между народами двух стран, несмотря на политические разногласия.

В 2023 году Грузия оказалась в эпицентре политического противостояния, вызванного предложением нового закона об иностранных агентах, инициированного правящей партией «Грузинская мечта», который предполагал введение более строгих правил для организаций и медиа, получающих финансирование из-за рубежа, что привело к значительному общественному и политическому расколу. Законопроект вызвал бурную реакцию со стороны оппозиции, которая увидела в нем угрозу свободе слова и демократическим институтам [Законопроект ..., 2023].

Оппозиционные силы охарактеризовали законопроект как «прорусский», указывая на его сходство с мерами, действующими в России, и выражая опасения, что его принятие приведет к ограничению влияния международных организаций в стране. В ответ на эти обвинения правительство Грузии настаивало, что законопроект направлен исключительно на повышение прозрачности и ответственности тех организаций, которые

получали иностранное финансирование, и не угрожает демократическим институтам или правам грузинских граждан [Парламент ..., 2023].

Принятие закона об иностранных агентах в Грузии оказало значительное влияние на дальнейшее развитие ее отношений с Российской Федерацией [Kvitini, 2024]. Данный законопроект и последовавшее за ним общественное противостояние продемонстрировали, насколько остро в грузинском обществе воспринималось любое решение, которое могло быть интерпретировано как шаг в сторону усиления влияния России на Грузию, что делало тему отношений между двумя странами важным и чувствительным аспектом внутренней и внешней политики Грузии.

В целом, российская внешнеполитическая стратегия в последние годы претерпела существенные изменения, что нашло выражение в усилении акцента на использование так называемой «мягкой силы» в отношении Грузии [Khatiasvili, 2018, pp. 8—9]. В рамках этого подхода Россия развивала медийные и культурные инструменты, позволяющие формировать общественное мнение в нужном русле. Эти инструменты не только способствовали укреплению пророссийских позиций, но и играли важную роль в распространении взглядов, которые могли восприниматься как альтернативные западным ценностям и подходам.

4. Заключение = Conclusions

Подводя итоги двадцатилетнего периода после «Революции роз» в Грузии, можно отметить значительные изменения в отношениях между Грузией и Россией, которые отражают сложный и противоречивый характер их взаимодействия. «Революция роз» стала поворотным моментом, вызвав глубокие трансформации во внутренней и внешней политике Грузии, что привело к усилению прозападного курса, стремлению к интеграции с НАТО и ЕС, что неизбежно отразилось на ее отношениях с Россией. Взаимодействие двух стран на протяжении этих лет было отмечено периодами обострений и попытками налаживания диалога.

Несмотря на многочисленные вызовы, Грузия сумела продолжить путь реформ, при этом российско-грузинские отношения оставались ключевым элементом региональной политики, требующим постоянного внимания и поиска компромиссов для поддержания мира и стабильности на Южном Кавказе. Опыт последних двух десятилетий подчеркнул важность диалога и взаимного уважения в отношениях между государствами, которые, несмотря на различия в политических курсах, остаются соседями с общими интересами и исторически сложившимися связями.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности* [Электронный ресурс] // Президент России. — 2007. — 10 февраля. — Режим доступа : <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения 25.08.2024).
2. *Грузинского журналиста Г. Габуния требуют экстрадировать в Россию* [Электронный ресурс] // Парламентская газета. — 2019. — 8 июля. — Режим доступа : <https://www.pnp.ru/politics/gruzinskogo-zhurnalista-gabuniyu-trebuyut-ekstradirovat-v-rossiyu.html> (дата обращения 25.08.2024).
3. *Законопроект об иноагентах привел к беспорядкам в Тбилиси* [Электронный ресурс] // Ведомости. — 2023. — 8 марта. — Режим доступа : <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/03/07/965661-zakonoproekt-ob-inoagentah-privel-k-besporyadkam> (дата обращения 25.08.2024).
4. *Запреты на ввоз различных видов продукции в Россию. 2005—2007* [Электронный ресурс] // РИА Новости. — 2007. — 27 февраля. — Режим доступа : <https://ria.ru/20070227/61327725.html> (дата обращения 25.08.2024).
5. *Зурбабишвили : брань в эфире «Рустави 2» в адрес руководства РФ ведет к росту напряженности* [Электронный ресурс] // ТАСС. — 2019. — 7 июля. — Режим доступа : <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6639906> (дата обращения 25.08.2024).
6. *Иванишвили выступает за нормализацию отношений Грузии с Россией* [Электронный ресурс] // РИА Новости. — 2012. — 15 июля. — Режим доступа : <https://ria.ru/20120715/700408743.html> (дата обращения 25.08.2024).
7. *Из России в Грузию в этом году перевели в 5 раз больше денег, чем в прошлом* [Электронный ресурс] // Ассоциация российских банков (АРБ). — 2022. — 15 декабря. — Режим доступа : <https://arb.ru/b2c/fun/> (дата обращения 25.08.2024).
8. *Медведев ответил на фразу главы Грузии «Россия — наш враг и оккупант»* [Электронный ресурс] // РБК. — 2019. — 21 июня. — Режим доступа : <https://www.rbc.ru/politics/21/06/2019/5d0d04589a7947d2e31126b4> (дата обращения 25.08.2024).
9. *О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации* : Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения 25.08.2024).
10. *Парламент Грузии зарегистрировал законопроект об иноагентах* [Электронный ресурс] // ТАСС. — 2023. — 20 февраля. — Режим доступа : <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17096543> (дата обращения 25.08.2024).
11. *Президент Грузии объяснила беспорядки в Тбилиси происками Кремля* [Электронный ресурс] // Ридус. — 2019. — 21 июня. — Режим доступа : <https://www.ridus.ru/prezident-gruzii-obyasnila-besporyadki-v-tbilisi-proiskami-kremlya-301528.html> (дата обращения 25.08.2024).
12. *Премьер Грузии осудил нецензурную брань телеведущего «Рустави 2» в адрес руководства РФ* [Электронный ресурс] // ТАСС. — 2019. — 7 июля. — Режим доступа : <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6639884> (дата обращения 25.08.2024).
13. *Путин выступил против санкций в отношении Грузии* [Электронный ресурс] // РИА Новости. — 2019. — 9 июля. — Режим доступа : <https://ria.ru/20190709/1556352584.html> (дата обращения 25.08.2024).
14. *Путин : решение по НАТО должны принимать народы Украины и Грузии* [Электронный ресурс] // РИА Новости. — 2008. — 3 августа. — Режим доступа : <https://ria.ru/20080308/100975609.html> (дата обращения 25.08.2024).

15. *Россия временно прекращает прямое авиасообщение с Грузией* [Электронный ресурс] // Интерфакс. Россия. — 2019. — 8 июля. — Режим доступа : <https://www.interfax-russia.ru/main/rossiya-vremenno-prekrashchaet-pryamoe-aviasoobshchenie-s-gruziye> (дата обращения 25.08.2024).

16. *Россияне в 2018 году были на третьем месте по числу туристов в Грузии* [Электронный ресурс] // РИА Новости. — 2019. — 22 июня. — Режим доступа : <https://ria.ru/20190622/1555810243.html> (дата обращения 25.08.2024).

17. *Товарооборот между Россией и Грузией вырос на 17 % в 2016 году* [Электронный ресурс] // РИА Новости. — 2017. — 17 февраля. — Режим доступа : <https://ria.ru/20170207/1487386654.html> (дата обращения 25.08.2024).

18. *Экспорт вина из Грузии побил новый рекорд* [Электронный ресурс] // Eurasia Daily. — 23 January — 2020. — Режим доступа : <https://eadaily.com/ru/news/2020/01/23/> (дата обращения 25.08.2024).

19. *Экспорт грузинского вина и алкогольных напитков вырос, в том числе благодаря рынку РФ* [Электронный ресурс] // Sputnik. Грузия. — 2013. — 14 августа. — Режим доступа : <https://sputnik-georgia.ru/20130814/215838348.html> (дата обращения 25.08.2024).

20. *Act of Restoration of State Independence of Georgia (The emergency session of 9 April 1991 of the Supreme Council of the Republic of Georgia)* [Electronic resource] // Gazette of the Supreme Council of the Republic of Georgia. — 1991. — № 4. — Art. 291. — Access mode : <https://matsne.gov.ge/en/document/view/32362?publication=0> (accessed 25.08.2024).

21. *Civil: за десять лет из Грузии эмигрировало 23 % населения* [Электронный ресурс] // Иноسمи. — 2022. — 15 сентября. — Режим доступа: <https://dzen.ru/a/YyJCNozDbmbNfbHg> (дата обращения 25.08.2024).

22. *Georgia Officially Leaves CIS* [Electronic resource] // Asbarez.com. — 18 August. — 2009. — Access mode : <https://www.asbarez.com/> (accessed 25.08.2024).

23. *Georgia says cutting diplomatic ties with Russia* [Electronic resource] // Reuters. — 29 August. — 2008. — Access mode : <https://www.reuters.com/article/economy/georgia-says-cutting-diplomatic-ties-with-russia-idUSLT515206/> (accessed 25.08.2024).

24. *House Passes Resolution Supporting a NATO Membership Plan for Georgia and Ukraine* [Electronic resource] // Congressman Gus Bilirakis. Serving Florida's 12th District. — 2 April. — 2008. — Access mode : <https://bilirakis.house.gov/media/bilirakis-blog/house-passes-resolution-supporting-nato-membership-plan-georgia-and-ukraine> (accessed 25.08.2024).

25. *National Security Concept of Georgia* [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs of Georgia. — 2024. — Access mode : <https://mfa.gov.ge/en/national-security-concept> (accessed 25.08.2024).

26. *NATO-Georgia Commission* [Electronic resource] // North Atlantic Treaty Organization (NATO). — 31 August. — 2022. — Access mode : https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_52131.htm (accessed 25.08.2024).

27. *NATO-Georgia relations* [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs of Georgia. — 2024. — Access mode : <https://mfa.gov.ge/en/nato/232016-saqartvelo-nato-s-urtiertobebi> (accessed 25.08.2024).

Литература

1. *Дудайти А. К.* Этнотерриториальные конфликты в Закавказье и интересы национальной безопасности Российской Федерации / А. К. Дудайти // Национальная безопас-

ность России : актуальные аспекты : сборник избранных статей. — Санкт-Петербург : Нацразвитие, 2020. — С. 81—85.

2. *Дудайти А. К.* Россия и Иран на Южном Кавказе : опыт исторического взаимодействия и современные проблемы / А. К. Дудайти, Дж. Моршедлу, М. Абдоллахи. — Владикавказ : СОГУ им. К. Л. Хетагурова, 2024. — 552 с.

3. *Меликян Дж.* Внешняя политика Грузии после парламентских выборов 1 октября 2012 года / Дж. Меликян // Центральная Азия и Кавказ. — 2014. — Т. 17. — № 1. — С. 78—88.

4. *Наумов А. О.* «Мягкая сила», «цветные революции» и технологии смены политических режимов в начале XXI века / А. О. Наумов. — Москва : АРГАМАК-МЕДИА, 2016. — 274 с. — ISBN 978-5-00024-071-7.

5. *Сихарулидзе А. Т.* Россия как фактор внутренней политики Грузии / А. Т. Сихарулидзе // Центральная Евразия. — 2019. — № 1 (3). — С. 135—153.

6. *Федоровская И. М.* Политическая ситуация в Грузии за год до парламентских выборов / И. М. Федоровская // Россия и новые государства Евразии. — 2019. — № 4 (45). — С. 59—67. — DOI: 10.20542/2073-4786-2019-4-59-67.

7. *Broers L.* Ethno-territorial and secessionist conflicts: causes and trajectories / L. Broers, G. Emelyanova // Routledge Handbook of the Caucasus. — 2020. — Pp. 239—256.

8. *Kelly I.* Country on the Verge : The Case for Supporting Georgia / I. Kelly, D. J. Kramer, A. Inayah. — Washington : German Marshall Fund of the United States, 2022. — 53 p.

9. *Khatiaishvili M.* Understanding Russia's soft power behavior in Georgia after the Russo-Georgian war / M. Khatiaishvili // European Journal of Transformation Studies. — 2018. — Vol. 6. — № 2. — Pp. 5—24.

10. *Kvitini D.* Georgia's Foreign Agent Law : Implications and Controversy Explained [Electronic resource] / D. Kvitini // ExpatHub.GE. 2024. — Access mode : <https://expathub.ge/georgias-foreign-agent-law-implications-and-controversy-explained/> (accessed 25.08.2024).

11. *Lomia E.* The Evaluation of Russia's foreign policy towards Georgia following the 'Rose Revolution' / E. Lomia // Journal of Liberty and International affairs. — 2020. — Vol. 6. — № 1. — Pp. 112—128.

12. *Machurishvili N.* Prospects of the EU's Common Foreign and Security Policy and Russia's Disinformation Campaign in the South Caucasus / N. Machurishvili // Studia Europejskie. — 2021. — Vol. 25. — № 1. — Pp. 127—145. — DOI: 10.33067/SE.1.2021.6.

13. *Petersen A.* Integrating Azerbaijan, Georgia, and Turkey with the West : the case of the East-West transport corridor / A. Petersen // CSIS commentary. — 2007. — Vol. 10. — Pp. 1—20.

14. *Sadri H. A.* The Georgia crisis : a New Cold War on the horizon? / H. Sadri, N. L. Burns // Caucasian Review of International Affairs. — 2010. — Vol. 4. — № 2. — Pp. 126—144.

15. *Suleymanov E. A.* Unrecognized states as a means of coercive diplomacy? Assessing the role of Abkhazia and South Ossetia in Russia's foreign policy in the South Caucasus / E. A. Suleymanov, E. Abrahamyan, H. Aliyev // Southeast European and Black Sea Studies. — 2018. — Vol. 18. — № 1. — Pp. 73—86. — DOI: 10.1080/14683857.2017.1390830.

Статья поступила в редакцию 04.09.2024,
одобрена после рецензирования 24.11.2024,
подготовлена к публикации 25.12.2024.

Material resources

- 5 times more money was transferred from Russia to Georgia this year than in the past. (2022). *Association of Russian Banks (ARB). December 15th*. Available at: <https://arb.ru/b2c/fun/> (accessed 25.08.2024). (In Russ.).
- Act of Restoration of State Independence of Georgia (The emergency session of 9 April 1991 of the Supreme Council of the Republic of Georgia). (1991). *Gazette of the Supreme Council of the Republic of Georgia*, 4. Art. 291. Available at: <https://matsne.gov.ge/en/document/view/32362?publication=0> (accessed 25.08.2024).
- Bans on the import of various types of products into Russia. 2005—2007. (2007). *RIA Novosti. February 27*. Available at: <https://ria.ru/20070227/61327725.html> (accessed 25.08.2024). (In Russ.).
- Civil: 23% of the population emigrated from Georgia in ten years (2022). In: *Inosmi*, September 15. Available at: <https://zen.ru/a/YyJCNozDbmbNfbHg> (accessed 25.08.2024). (In Russ.).
- Georgia Officially Leaves CIS. (2009). *Asbarez.com. 18 August*. Available at: <https://www.asbarez.com/> (accessed 25.08.2024).
- Georgia says cutting diplomatic ties with Russia. (2008). *Reuters. 29 August*. Available at: <https://www.reuters.com/article/economy/georgia-says-cutting-diplomatic-ties-with-russia-idUSLT515206/> (accessed 25.08.2024).
- Georgian journalist G. Gabunia is required to be extradited to Russia. (2019). *Parliamentary Newspaper. July 8th*. Available at: <https://www.pnp.ru/politics/gruzinskogo-zhurnalista-gabuniyu-trebuyut-ekstradirovat-v-rossiyu.html> (accessed 25.08.2024). (In Russ.).
- House Passes Resolution Supporting a NATO Membership Plan for Georgia and Ukraine. (2008). *Congressman Gus Bilirakis. Serving Florida's 12th District. 2 April*. Available at: <https://bilirakis.house.gov/media/bilirakis-blog/house-passes-resolution-supporting-nato-membership-plan-georgia-and-ukraine> (accessed 25.08.2024).
- Ivanishvili stands for normalization of Georgia's relations with Russia. (2012). *RIA Novosti. July 15*. Available at: <https://ria.ru/20120715/700408743.html> (accessed 25.08.2024). (In Russ.).
- Medvedev responded to the phrase of the head of Georgia “Russia is our enemy and occupier”. (2019). *RBC. June 21*. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/21/06/2019/5d0d04589a7947d2e31126b4> (accessed 25.08.2024). (In Russ.).
- National Security Concept of Georgia. (2024). *Ministry of Foreign Affairs of Georgia*. Available at: <https://mfa.gov.ge/en/national-security-concept> (accessed 25.08.2024).
- NATO-Georgia Commission. (2022). *North Atlantic Treaty Organization (NATO). August 31*. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_52131.htm (accessed 25.08.2024).
- NATO-Georgia relations. (2024). *Ministry of Foreign Affairs of Georgia*. Available at: <https://mfa.gov.ge/en/nato/232016-saqartvelo-nato-s-urtiertobebi> (accessed 25.08.2024).
- On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 No. 400. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (accessed 25.08.2024). (In Russ.).
- Putin opposed sanctions against Georgia. (2019). *RIA Novosti. July 9*. Available at: <https://ria.ru/20190709/1556352584.html> (accessed 25.08.2024). (In Russ.).
- Putin: the decision on NATO should be made by the peoples of Ukraine and Georgia. (2008). *RIA Novosti. August 3*. Available at: <https://ria.ru/20080308/100975609.html> (accessed 25.08.2024). (In Russ.).

- Russia temporarily stops direct flights with Georgia. (2019). *Interfax. Russia*. Available at: <https://www.interfax-russia.ru/main/rossiya-vremennno-prekrashchaet-pryamoe-avi-asoobshchenie-s-gruziyei> (accessed 25.08.2024). (In Russ.).
- Russians in 2018 were in third place in terms of the number of tourists in Georgia. (2019). *RIA Novosti. June 22*. Available at: <https://ria.ru/20190622/1555810243.html> (accessed 08/25/2024). (In Russ.).
- Speech and discussion at the Munich Conference on Security Policy. (2007). *President of Russia. February 10*. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (accessed 25.08.2024). (In Russ.).
- The bill on foreign agents led to riots in Tbilisi. (2023). *Vedomosti. March 8*. Available at: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/03/07/965661-zakonoproekt-ob-inoagentah-privel-k-besporiyadkam> (accessed 25.08.2024). (In Russ.).
- The export of Georgian wine and alcoholic beverages has increased, including due to the Russian market. (2013). *Sputnik. Georgia. August 14*. Available at: <https://sputnik-georgia.ru/20130814/215838348.html> (accessed 25.08.2024). (In Russ.).
- The Parliament of Georgia has registered a bill on foreign agents. (2023). *TASS. February 20*. Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17096543> (accessed 25.08.2024). (In Russ.).
- The President of Georgia explained the riots in Tbilisi by the machinations of the Kremlin. *Ridus. June 21*. Available at: <https://www.ridus.ru/prezident-gruzii-obyasnila-besporiyadki-v-tbilisi-proiskami-kremlya-301528.html> (accessed 25.08.2024). (In Russ.).
- The Prime Minister of Georgia condemned the obscene language of the TV presenter “Rustavi 2” addressed to the leadership of the Russian Federation. (2019). *TASS. July 7*. Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6639884> (accessed 25.08.2024). (In Russ.).
- Trade turnover between Russia and Georgia increased by 17 % in 2016. (2017). *RIA Novosti. February 17th*. Available at: <https://ria.ru/20170207/1487386654.html> (accessed 25.08.2024). (In Russ.).
- Wine exports from Georgia have broken a new record (2020). *Eurasia Daily. January 23*. Available at: <https://eadaily.com/ru/news/2020/01/23/> (accessed 25.08.2024). (In Russ.).
- Zurabishvili: swearing on the air of Rustavi 2 at the leadership of the Russian Federation leads to an increase in tension. (2019). *TASS. July 7*. Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6639906> (accessed 25.08.2024). (In Russ.).

References

- Broers, L., Emelyanova, G. (2020). Ethno-territorial and secessionist conflicts: causes and trajectories. *Routledge Handbook of the Caucasus*. 239—256.
- Dudayti, A. K. (2020). Ethnoterritorial conflicts in Transcaucasia and the interests of national security of the Russian Federation. In: *National security of Russia: topical aspects: a collection of selected articles*. St. Petersburg: National Development. 81—85. (In Russ.).
- Dudayti, A. K., Morshedlu, J., Abdollahi, M. (2024). *Russia and Iran in the South Caucasus: the experience of historical interaction and modern problems*. Vladikavkaz: North Ossetian State University. 552 p. (In Russ.).
- Fedorovskaya, I. M. (2019). The political situation in Georgia a year before the parliamentary elections. *Russia and the new states of Eurasia*, 4 (45): 59—67. DOI: 10.20542/2073-4786-2019-4-59-67. (In Russ.).

- Kelly, I., Kramer, D. J., Inayah, A. (2022). *Country on the Verge: The Case for Supporting Georgia*. Washington: German Marshall Fund of the United States. 53 p.
- Khatiasvili, M. (2018). Understanding Russia's soft power behavior in Georgia after the Russo-Georgian war. *European Journal of Transformation Studies*, 6 (2): 5—24.
- Kvitini, D. (2024). Georgia's Foreign Agent Law: Implications and Controversy Explained. *ExpatHub.GE*. Available at: <https://expathub.ge/georgias-foreign-agent-law-implications-and-controversy-explained/> (accessed 25.08.2024).
- Lomia, E. (2020). The Evaluation of Russia's foreign policy towards Georgia following the 'Rose Revolution'. *Journal of Liberty and International affairs*, 6 (1): 112—128.
- Machurishvili, N. (2021). Prospects of the EU's Common Foreign and Security Policy and Russia's Disinformation Campaign in the South Caucasus. *Studia Europejskie*, 25 (1): 127—145. DOI: 10.33067/SE.1.2021.6.
- Melikyan, J. (2014). Georgia's Foreign Policy after the parliamentary elections on October 1, 2012. *Central Asia and the Caucasus*, 17 (1): 78—88. (In Russ.).
- Naumov, A. O. (2016). "Soft power", "color revolutions" and technologies of changing political regimes at the beginning of the XXI century. Moscow: ARGAMAK-MEDIA. 274 p. ISBN 978-5-00024-071-7. (In Russ.).
- Petersen, A. (2007). Integrating Azerbaijan, Georgia, and Turkey with the West: the case of the East-West transport corridor. *CSIS commentary*, 10: 1—20.
- Sadri, H. A., Burns, N. L. (2010). The Georgia crisis: a New Cold War on the horizon? *Caucasian Review of International Affairs*, 4 (2): 126—144.
- Sikharulidze, A. T. (2019). Russia as a factor of Georgia's internal policy. *Central Eurasia*, 1 (3): 135—153. (In Russ.).
- Suleymanov, E. A., Abrahamyan, E., Aliyev, H. (2018). Unrecognized states as a means of coercive diplomacy? *Assessing the role of Abkhazia and South Ossetia in Russia's foreign policy in the South Caucasus. Southeast European and Black Sea Studies*, 18 (1): 73—86. DOI: 10.1080/14683857.2017.1390830.

*The article was submitted 04.09.2024;
approved after reviewing 24.11.2024;
accepted for publication 25.12.2024.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(1), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Идиатуллин А. К. Конструирование идентичности Тюменского казачьего союза в 1990—2000-е годы (по материалам Государственного архива Тюменской области) / А. К. Идиатуллин // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 1. — С. 398—414. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-398-414.

Idiatullov, A. K. (2025). Constructing Identity of Tyumen Cossack Union in 1990s-2000s: Evidence from State Archive of Tyumen Region. *Nauchnyi dialog*, 14 (1): 398-414. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-398-414. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Конструирование идентичности Тюменского казачьего союза в 1990—2000-е годы (по материалам Государственного архива Тюменской области)

Идиатуллин Азат Корбангалиевич
orcid.org/0000-0003-2804-6302
доктор исторических наук, доцент
профессор кафедры географии и
экологии
AzKoIdiat@yandex.ru

Ульяновский государственный
педагогический университет
имени И. Н. Ульянова
(Ульяновск, Россия)

Constructing Identity of Tyumen Cossack Union in 1990s-2000s: Evidence from State Archive of Tyumen Region

Azat K. Idiatullov
orcid.org/0000-0003-2804-6302
Doctor of History, Associate Professor,
Professor, Department
of Geography and Ecology
AzKoIdiat@yandex.ru

Ulyanovsk State
University of Education
(Ulyanovsk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Целью статьи является анализ основных направлений конструирования идентичности Тюменского казачьего союза. Источниковой базой исследования послужили материалы фондов Государственного архива Тюменской области. Автор утверждает, что с первых дней своего существования Тюменский казачий союз обозначил, помимо казачьей, свою православную и русскую идентификацию. Показано, что для организации было важно заявить права на исконность казачества в тюменском крае. В документах целенаправленно актуализировалась историческая преемственность с казачьими формированиями царской и императорской России. Сообщается, что в связи с этими задачами особое внимание в документах уделяется более чем четырёхсотлетней истории Сибирского казачьего войска, роли казаков при основании сибирских городов (Тюмени), исторической роли Ермака в покорении Сибири. В документах выявлены также сообщения о сотрудничестве казачества с центром восточных единоборств, что подчёркивает сложность конструирования идентичности любого общества.

Ключевые слова:

конструирование идентичности; Тюменский казачий союз; Тюменское линейное казачье войско; маркеры идентичности.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article aims to analyze the key directions in the construction of identity for the Tyumen Cossack Union. The research is grounded in materials sourced from the collections of the State Archive of Tyumen Region. The author asserts that from its inception, the Tyumen Cossack Union has emphasized not only its Cossack identity but also its Orthodox and Russian affiliations. The study demonstrates that it was crucial for the organization to assert its claims to the authenticity of Cossack heritage in the Tyumen region. The documents intentionally highlight historical continuity with Cossack formations from Tsarist and Imperial Russia. Furthermore, it is reported that in pursuit of these objectives, particular attention is given to the over four-hundred-year history of the Siberian Cossack Host, the role of Cossacks in the founding of Siberian cities (including Tyumen), and the historical significance of Yermak's conquests in Siberia. The documents also reveal instances of collaboration between the Cossacks and a center for Eastern martial arts, underscoring the complexities involved in constructing the identity of any society.

Key words:

identity construction; Tyumen Cossack Union; Tyumen Linear Cossack Host; identity markers.

Конструирование идентичности Тюменского казачьего союза в 1990—2000-е годы (по материалам Государственного архива Тюменской области)

© Идиатуллов А. К., 2025

1. Введение = Introduction

Последние годы советского — первые десятилетия постсоветского времени традиционно связывают с национальным возрождением, созданием национальных обществ в России. Многие из них осознают необходимость конструирования идентичности [Клюева, 2007, с. 256]. Одним из первых в Тюмени стало проявлять активность казачье движение. К началу 1993 года в Тюменской области существовало 32 казачьи организации [Казачи ..., 2010, с. 154]. Однако первое десятилетие общество казаков в Тюменской области переживало заметные противоречия. Только на юге региона (без Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов) существовали и зачастую находились друг с другом не в простых отношениях Тюменский отдел Сибирского казачьего войска, Тюменское объединение зауральских казаков, Отряд «Кречет», Союз казачьих формирований, Тюменское линейное казачье войско (первый атаман Г. И. Хмелев, затем Ю. А. Роммель) [Клюева, 2007, с. 257]. В связи с этим представляется, что, несмотря на социокультурную общность тюменского казачества, отдельные процессы, связанные с поиском своего места в формировавшемся в постсоветский период поликультурном пространстве российского социума, могли проходить в конкретных организациях до некоторой степени автономно. Выяснение специфики конструирования идентичности на примере одной из казачьих организаций — Тюменского казачьего союза (до 08.05.1993 года), позднее (с 08.05.1993 года) — Тюменского линейного казачьего войска — поможет более объективно взглянуть на проблему сущности современного казачества.

Исследование данной проблемы на примере казачества по сравнению с другими национальными сообществами особенно востребовано в связи с тем, что идентичность первого претерпела кардинальные изменения за почти за 70 лет советского периода. В частности, в начале 1920-х годов казачество оказалось в положении проигравшего в Гражданской войне.

Советская власть проводила политику расказачивания, уничтожая словесную специфику казаков, сами казаки в свою очередь, отказывались от взаимодействия с партийно-советскими органами, социально замыкались [Рвачева, 2022, с. 26]. Существует точка зрения, что идентичность казаков за советский период была полностью утрачена. Например, 50—70-е годы XX века представляют заметную проблему для исследователей в плане изучения казачества как социальной общности [Тикиджян и др., 2019, с. 68]. В первую очередь это связано с отсутствием четких критериев, которые позволили бы выделить их в это время из общей группы сельского населения [Рвачева, 2023, с. 315]. По всей видимости, возрожденное в конце XX века казачество представляло собой модный политический конструкт с отсылкой ко временам Империи, не имеющий при этом реальных социальных корней. В попытках использования культуры как ресурса возрождения также проявилась серьёзная проблема. Традицию можно было искусственно воссоздать, но вернуть ей прежний смысл было невозможно в силу утраченной социальной организации. В итоге она музеефицировалась, утратив во многом своё символическое значение. Культуре новых казаков стала присуща карнавальность [Рвачева, 2022, с. 46]. Таким образом, проблема конструирования новой идентичности именно у казаков в исследуемый период приобретает особое значение.

В отечественной науке существует большое количество публикаций, посвящённых проблеме конструирования идентичности казачества. Приведём некоторые из них. Так, А. В. Филимонов считает, что в формировании идентичности казаков ведущую роль играет социальное мифотворчество. По мнению автора, исторический контекст показывает различные версии прошлого, что доказывает мифологическую природу любых рассуждений о том, какими на самом деле были казаки [Филимонов, 2017а, с. 204; Филимонов, 2017б]. Сходной позиции придерживаются А. В. Сериков и Ф. А. Барков, считающие, что для казаков характерна так называемая «аргументная идентичность»: самоопределение должно сопровождаться доказательствами, ярко-выраженной демонстрацией маркеров, в том числе на основе кровнородственного признака — «казаки от казаков ведутся» [Сериков и др., 2014, с. 45]. В контексте нашего исследования важно, что, опираясь на данные социологического опроса, авторы констатируют: гораздо меньшее влияние оказывает на идентичность казаков членство в казачьих организациях [Там же, с. 46]. В социологическом исследовании А. Л. Кузевановой и Ю. А. Метелицкой, напротив, выявлена значимая роль казачьих общественных организаций в процессе самоопределения представителей изучаемой этнокультурной общности [Кузеванова и др., 2017, с. 98]. В качестве главных маркеров казачьей идентичности указывают

православную веру, казачью вольницу и государево служение Е. Л. Рябова и Л. О. Терновая [Рябова и др., 2019, с. 35]. В культуре и традиции предков видит маркеры идентичности F. Ryansky [Ryansky, 1992]. Нам импонирует точка зрения Н. Ф. Бугая, в статье которого изложен комплексный подход к идентичности казачества [Бугай, 2019]. Таким образом, несмотря на широкий круг публикаций, посвящённых проблеме сущности и идентичности казачества, ни одна из них не фокусировалась на изучении отдельных казачьих организаций и не опиралась в полной мере на материалы государственных архивов, что обуславливает новизну нашего исследования.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Целью статьи является анализ основных направлений конструирования идентичности и особенностей процесса самоосознания организации под названием «Тюменский казачий союз» (до 08.05.1993 года), позднее (с 08.05.1993 года) — Тюменское линейное казачье войско [ГБУТО ГАТО, ф. 4137, оп. 1, д. 4, л. 8—9]. Источниковой базой исследования послужили материалы фондов Государственного архива Тюменской области.

Можно предположить, что в течение всего исследуемого периода идентичность данной организации, как и всего казачества в целом, конструировалась с использованием средств массовой информации, публикаций художественной и научно-популярной литературы, создания исторической и этнической мифологии, возрождения традиционной культуры [Рвачева, 2009, с. 89]. На наш взгляд, в архивных материалах также найдут отражение все противоречия данного процесса. Более того, поиск маркеров идентичности исследуемой организации именно в архивных материалах, нам представляется, обладает ещё тем преимуществом, что они, как правило, официальные по своей природе, в меньшей степени изобилуют образно-эмоциональными средствами, реже обращаются к мифологическому компоненту сознания.

Исследователи, занимающиеся проблемой конструирования идентичности, подчёркивают значимость в этом процессе образов прошлого, которые сами по себе достаточно изменчивы: интерпретируются, пересматриваются, соперничают друг с другом [Шнирельман, 2016, с. 123; Berger et al., 2015]. Такой подход предсказуемо зарекомендовал себя применительно к казачеству, о чём было упомянуто выше. Об эвристическом потенциале, заложенном в синтезе этнографического подхода и герменевтических процедур, пишут Н. П. Копцева и А. В. Кистова [Копцева и др., 2015, с. 18]. И хотя авторы не упоминают архивные материалы в качестве репрезентативных культурных текстов для толкования, нам представляется, что они вполне могут рассматриваться в таком плане, так как архивная деятельность давно уже стала предметом человеческой культуры [Раенко,

2015]. О важности религии в процессе формирования идентичности писали многие авторы, в том числе Д. Ю. Бияков [Бияков, 2016]. Объединяет все вышеизложенные подходы Александр Панарин. В книге «Искушение глобализмом» он пишет, что скреплению общества служит: а) единство территории (место развития); б) единство истории, образующей источник коллективной культурной памяти; в) единство ценностно-нормативной системы, служащей ориентиром группового и индивидуального поведения [Панарин, 2002, с. 136]. Думается, что сходные направления конструирования идентичности следует иметь в виду при анализе архивных материалов, содержащих сведения о Тюменском линейном казачьем войске. Именно они и будут в центре нашего внимания. При исследовании идентичности иных культурных групп России достаточно хорошо зарекомендовал себя подход, согласно которому можно говорить о внешней и внутренней идентичности. В частности, при внешнем отнесении себя к определённой социокультурной группе вполне допустимо ожидать заимствований маркеров из других культур [Идиатуллов, 2016; Идиатуллов, 2018]. Данные аспекты также будут проанализированы нами далее.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Ценностно-нормативное направление конструирования идентичности

В ходе анализа архивов установлено, что значительную часть забот Тюменского казачьего союза, особенно в первые годы, занимала переписка с администрациями Тюменской области, Тюменского района, г. Тюмени о возрождении Тюменского казачества, выделении зданий для размещения *православных школ* и лицей, центров *русской и казачьей культуры*, сельскохозяйственных угодий для развития традиционных форм хозяйств, земель под строительство станиц, проведения *крестного хода* в Тюмени. Показательно, что архивные материалы содержат немало отсылок к православной культуре.

С первых дней своего существования Тюменский казачий союз обозначил, помимо казачьей, свою православную и русскую идентификацию, заинтересованность в объектах православного культа, в продвижении соответствующих идей. Так, 5 февраля 1992 года общественные организации «Тюменский казачий союз» и «Общество русской культуры» обратились с просьбой рассмотреть вопрос о выделении им здания бывшего Владимирского сиропитательного заведения (Тюмень, ул. Республики 60). По мнению авторов обращения, это здание — архитектурный и исторический памятник — являлось наиболее подходящим для проведения текущей работы общества, создания *православной школы* (в перспективе казачьей лицей) с использованием *домовой церкви* при здании, создания отделов *русского*

культурного центра, *казачьего* культурного центра [ГБУТО ГАТО, ф. 4137, оп. 1, д. 4, л. 8]. В 1999 году здание храма святого праведного Симеона Богоприимца было возвращено Тобольско-Тюменской епархии. Строительно-восстановительные работы продолжались с 2000 по 2004 годы. 4 марта 2004 года было совершено освящение и установка крестов на куполах храма [Церковь...]. Сейчас в этом здании (рис. 1) находятся Церковь Симеона Богоприимца при Сиропитательно-ремесленном заведении, Паломнический Центр Тобольско-Тюменской Епархии «Сибирский паломник», Духовно-просветительский центр Тобольской митрополии и Тюменское благочиние. Отметим, что значительно позже, в 2006 году, воскресная школа при Свято-Троицком монастыре г. Тюмени предложила казакам провести набор в казачий кадетский класс. Начавший тогда работу с группы в 15 человек, Тюменский православный казачий учебный центр представляет собой сегодня крупную и развитую структуру. В настоящее время Центр структурирован как учебный батальон, головная рота которого базируется в здании воскресной школы храма Архангела Михаила г. Тюмени [Язов, 2019, с. 336].

Рис. 1. Здание бывшего Владимирского сиропитательного заведения
(г. Тюмень, ул. Республики 60) [Тюмень...]

Также обратим внимание на то, что данное обращение было направлено совместно с Тюменской областной общественной организацией «Обще-

ство русской культуры», которое, по всей видимости, особенно на первых порах, было связано с Русской партией и другими национал-патриотическими движениями региона. В частности, активным членом общества, а также председателем ассоциации активистов возрождения русской культуры Тюменского регионального отделения Русской партии был В. Б. Лебедев, находившийся в 90-е годы в переписке с председателем Русской партии В. И. Милосердовым [ГБУТО ГАТО ф. 4085, оп. 1, д. 5, л. 2 об; ГБУТО ГАТО, ф. 4085, оп. 1, д. 5, л. 85; Тюменское...]. В любом случае обращает на себя внимание некоторое смешение идей и планов Тюменского казачьего союза, которое проявляется в их собственных просьбах и заявлениях. Например, в предыдущей просьбе говорилось о планах в здании бывшего Владимирского сиропитательного заведения создать отделы казачьего культурного центра. Однако уже в обращении от 12.02.1992 года сказано, что в этом же заведении планируется открыть начальную православную школу и лицей, а центр русской казачьей культуры — в бывшем здании средней школы № 1 [ГБУТО ГАТО, ф. 4137, оп. 1, д. 4, л. 9].

Опять же в первом обращении фигурировали отделы *русского* культурного центра и *казачьего* культурного центра (раздельно!), а во втором обращении — только центр *русской казачьей* (синтез!) культуры. Очевидно, что на первых порах, что вполне оправданно для этапа конструирования идентичности и самоосознания любого общества, казачий союз достаточно не просто определял своё место в новой политической, религиозной и национальной ситуации, что лишь подчёркивает сложность данного периода не только для казаков, но и для всей Тюменской области в целом.

Говоря о тандеме казачества и православия в Тюменской области, не будет преувеличением сказать, что их взаимодействие достаточно последовательно реализовывалось на протяжении нескольких лет и, по всей видимости, имеет продолжение и в нынешних обстоятельствах. Уже в 90-е годы оно вышло на самый высокий уровень и затронуло главу местной епархии: в январе 1999 года атаман линейного казачьего войска Ю. А. Роммель пишет Владыке Тобольско-Тюменской епархии Дмитрию с просьбой благословить войскового священника для Тюменского казачьего войска [ГБУТО ГАТО, ф. 4137, оп. 1, д. 57, л. 3]. В 2001 году он же испрашивал Высокопреосвященство Димитрия Архиепископа Тобольского и Тюменского ректора Тобольской духовной семинарии благословления священника для участия в круге Ноябрьского казачьего округа 11 февраля 2001 года в г. Ноябрьске, а также просил закрепить священника ноябрьского прихода иерея Константина за ноябрьским казачьим кругом [ГБУТО ГАТО, ф. 4137, оп. 1, д. 59, л. 2]. Через год он же обращался с просьбой благословить священника для участия в казачьем круге Тюменского казачьего войска 9 июня 2002 года

[ГБУТО ГАТО, ф. 4137, оп. 1, д. 59, л. 9]. Кроме того, атаман Тюменского казачьего войска также ратовал о возведении часовни на центральной площади г. Тюмени [ГБУТО ГАТО, ф. 4137, оп. 1, д. 57, л. 19.].

Ещё одним организационным достижением Союза (в отличие от Русской партии) стала достаточно оперативная поддержка со стороны отдельных представителей Русской православной церкви. Уже 23 апреля 1992 года к Председателю областного совета народных депутатов В. И. Ульянову, Главе администрации Тюменской области Ю. К. Шафранику, Председателю Тюменского городского Совета народных депутатов С. М. Киришуку, Главе администрации г. Тюмени Г. И. Районову обратились благочинный Тюменского округа Тобольско-Тюменской Епархии настоятель Знаменского кафедрального собора отец Валерий и атаман Тюменского казачества Г. И. Хмелев с просьбой «восстановить историческую справедливость по отношению к православной церкви и *воинству Христову* (казачество)», вернуть Спасскую церковь (ул. Ленина, ул. Челюскинцев) и бывшее Владимирское сиропитательное заведение с домовою церковью (ул. Республики) и оказать финансовую помощь в их восстановлении [ГБУТО ГАТО, ф. 4137, оп. 1, д. 4, л. 25].

Справедливости ради упомянем, что православная риторика была характерна и для казачества других регионов России в данный период. Приведём характерные выдержки из писем казачьих организаций. Казаки Подольска (толбинской казачьей заставы): «*Молитвой, трудами и воинскими подвигами наши предки расширяли пределы Великой России. От Дуная до Усури, от мыса Дежнёва до Кушки везде первым был казак — воин, и землепашец, православный христианин и отважный рыцарь. Образцовое служение Богу и Отечеству*» [ГБУТО ГАТО, ф. 4137, оп. 1, д. 4, л. 67]. Правление Союза казаков России, атаман союза казаков А. Г. Мартынов — атаману Союза Сибирских казаков Ю. А. Абрашкину, атаману Тюменского отдела Союза Сибирского казачества Г. И. Хмелеву: «Сибирские казаки своими подвигами вписали немеркнущие страницы в историю России, в защиту её рубежей, в расширении её могущества и славы во всём *христианском мире*, в укреплении авторитета *Русской православной церкви*. Да хранит Вас господь Бог!» [ГБУТО ГАТО, ф. 4137, оп. 1, д. 4, л. 74].

Отметим, что в целом патриотичная, православная и центростремительная риторика тюменских казаков благосклонно воспринималась не только епархией, но и органами местной власти. Некоторые мероприятия, проводимые и организованные казаками, по большей части фольклорного характера, финансировались в изучаемый период (по распоряжению заместителя губернатора), в том числе за счёт средств, предусмотренных в областном бюджете по статье «Гармонизация межнациональных отношений». Например,

375 тыс. руб. в своё время было выделено на проведение фестиваля казачьей культуры «Благовест» [ГБУТО ГАТО, ф. 4137, оп. 1, д. 59, л. 37].

3.2. Единство территории как направление конструирования идентичности

Достаточно быстро Союз смог создать ряд локальных организаций, не ограничившись, таким образом, (в отличие от Русской партии) присутствием в областном центре. В апреле 1992 года в Союз входили Няганское Землячество, Обдорская казачья община, Ялуторовский дистрикт, формировались Новоуренгойское и Ноябрьское землячество, поступили заявления из г. Тобольска, г. Н. Тавды и г. Ишима. Несмотря на появление местных организаций, ещё одним важным компонентом идентификации «Тюменского казачьего союза», который проявился довольно рано, стала территориальная составляющая. Для организации было важно подчеркнуть не только своё казачье, русское, православное происхождение, свои патриотические и идеалы, но и приуроченность к конкретной территории, локации, заявить права на исконность казачества в тюменском крае. Союз в одном из своих обращений фокусирует внимание на том, что в 1992 году исполняется 410 лет Сибирскому казачьему войску, подразделением которого были тюменские казаки атамана Мещеряка [ГБУТО ГАТО, ф. 4137, оп. 1, д. 4. л. 13], а также на то, что Тюмень — первый казачий острог Сибири [ГБУТО ГАТО, ф. 4137, оп. 1, д. 4, л. 14]. После сообщения об этом читаем: «В то время как в *области* нагнетаются и развиваются *интеграционные* процессы по развалу области, мы идём на *консолидацию* с общественно-патриотическими движениями, с армией, *церковью*, крестьянскими и рабочими организациями, со всеми здоровыми силами, стоящими на позициях целостности области, как и единой и неделимой России» [Там же]. То есть Тюменский казачий союз позиционировал себя в изучаемый период как защитник малой родины (той самой территории, идентификация с которой не менее важна, чем с православием) от весьма размытых и сложно идентифицируемых «интеграционных» процессов, якобы имеющих следствием «развал области».

3.3. Единство истории как направление конструирования идентичности

Наконец, вышеобозначенное послание, кроме прочего, атрибутирует вновь созданный Тюменский казачий союз и как находящийся в преемственных отношениях со своими дореволюционными предшественниками — казачьими формированиями царской и императорской России, устанавливая, таким образом, и исторический, хронологический контекст, а не только религиозную, этническую и территориальную принадлежность. Смысл такого подхода обнаруживается чуть ниже в тексте прошения, ког-

да речь снова заходит о здании бывшего Владимирского сиропитательного заведения. Атаман Тюменского казачьего союза, войсковой старшина Г. И. Хмелёв напоминает, что в числе попечителей сиротского приюта были казаки Сибирского казачьего войска [ГБУТО ГАТО, ф. 4137, оп. 1, д. 4, л. 15].

Историческое значение казачества в Сибири подчёркивалось и другими представителями казачьего движения. В частности, в публикациях Геннадия Степановича Зайцева, кандидата исторических наук, полковника союза казаков России, собравшего статьи разных авторов о возрождении и деятельности казачеств в Тюменской области, вырезки из газет «Казачья застава», «Красный Север», «Полярный круг», «Русский рубеж», «Сибирская православная газета», «Тюменская губерния», «Тюменская правда», «Ярковские известия», журнала «Неизвестная Сибирь» в период с 2006 по 2018 годы, нередко фигурирует апелляция к исторической роли Ермака, а значит и всего казачества, в деле покорения и освоения Сибири [ГБУТО ГАТО, ф. 4157, оп. 1, д. 24; ГБУТО ГАТО, ф. 4157, оп. 1, д. 59, л. 9, л. 16].

Важным отличием деятельности Тюменского казачьего союза от Русской партии в Тюменской области стало активное и достаточно ясное на фоне конспиративных конструкций националистической партии [ГБУТО ГАТО, ф. 4085, оп. 1, д. 5, л. 85; Жучковский...] позиционирование себя во всех сферах: от символов и атрибутики до воспитания молодёжи. Например, понимая, что в современных условиях вряд ли возможно возродить полностью все казачьи традиции и обычаи, руководство союза обращается к органам власти за разрешением использовать шашку в традиционной форме одежды в торжественных случаях, в праздничные и храмовые дни [ГБУТО ГАТО, ф. 4137, оп. 1, д. 4, л. 33]. Кроме того, Тюменский казачий союз и тюменский клуб «Восточных единоборств» (о значении инокультурных влияний будет сказано ниже) решили совместно создать Центр молодого казака [ГБУТО ГАТО, ф. 4137, оп. 1, д. 4, л. 39—40].

Активная и доходчивая позиция (и в известном смысле «деловитость») тюменских казаков проявлялась и позднее, в начале 2000-х годов, что способствовало закреплению достигнутых предшественниками результатов. Документы этого времени демонстрируют обозначенные выше особенности риторики казаков, а именно — апелляцию к дореволюционному прошлому, патриотической направленности воспитания, казачьей культуре (пусть и декоративной), православной вере как конфессиональной принадлежности. Все указанные аспекты присутствуют в утверждённой в 2000 году атаманом Южно-Тобольского отдела Сибирского Казачьего войска А. Н. Головиным программе развития станицы «Слободской» (2000—2005 годы). Так, задачами программы значатся: «1. *Возрождение*

системы казачьей службы, включающей в себя 1.1. Подготовку допризывной молодёжи к службе в армии — духовное и нравственное воспитание (*христианство, история казачьей культуры и традиций, история России, изучение духовного наследия и народного фольклора*). <...> 1.2. Охрана общественного порядка (организация казачьей дружины для охраны общественного порядка по согласованию с областным штабом и главами местных администраций в дни *православных и казачьих праздников в местах проведения праздников и проживания казаков*)» [ГБУТО ГАТО, ф. 4137, оп. 1, д. 25, л. 21–21об] (курсив наш. — А. И.).

Подобная последовательность всё же не означает отсутствия в действиях нового казачества ряда некоторых отличий в плане самоидентификации от своих дореволюционных предшественников [Памятка ..., 2004]. В частности, в их документах помимо упомянутых выше православных маркеров, как мы уже писали, могут отмечаться нетрадиционные для казачества атрибуты, такие как восточные единоборства. Например, в программе центра военно-патриотического воспитания Тюменского линейного казачьего войска Тюменского казачьего округа от 3 октября 1996 года содержится следующий перечень подготовки: 1. Спортивная (борьба *дзюдо, борьба самбо, восточные единоборства*); 2. Психологическая подготовка и духовное воспитание (*воскресная школа — отец Валерий; военная история; история казачества*).

4. Заключение = Conclusions

Исследование показало, что с первых дней своего существования Тюменский казачий союз обозначил, помимо казачьей, свою православную и русскую идентификацию, заинтересованность в объектах православного культа, в продвижении соответствующих идей. Так, руководители неоднократно обращались к местным властям с просьбой о передаче им здания для создания православной школы, домового церкви, центров русской и казачьей культуры, атаман Тюменского союза много раз обращался к главе Тобольско-Тюменской епархии Дмитрию с различными прошениями. Представители церкви также одобряли и поддерживали инициативы Тюменского союза, именую его, в частности, «воинством Христовым».

Кроме того, для организации было важно подчеркнуть не только своё казачье, русское, православное происхождение, патриотические и идеалы, но и прикреплённость к определенной территории, заявить права на исконность казачества в тюменском крае, а также актуализировать историческую преемственность с казачьими формированиями царской и императорской России, напоминая, в частности, о более чем четырёхсотлетней истории Сибирского казачьего войска, подразделением которого были тю-

менские казаки атамана Мещеряка, о роли казаков при основании сибирских городов, и в первую очередь Тюмени, об исторической роли Ермака в покорении Сибири.

Однако в документах помимо упомянутых выше маркеров содержатся и сообщения о нетрадиционных для казачества направлениях сотрудничества с центром восточных единоборств, что в целом подчёркивает сложность процесса конструирования идентичности любого общества, в том числе казачьего союза на начальном этапе, а также мифотворческий характер казачьего национального возрождения, обозначенный рядом российских исследователей ранее на других материалах [Сериков, 2014; Филимонов, 2017а; Филимонов, 2017б).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ГБУТО ГАТО — *Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив Тюменской области»*. — Ф. 4085 Коллекция документов общественно-политических партий и движений Тюменской области Оп. 1. Д. 5; — Ф. 4137 Тюменский казачий союз с 4.12. 1991 по 8.05.1993. Тюменское линейное казачье войско с 8.05.1993. Оп. 1. Д. 4; Оп. 1 Д. 4, 24, 25, 57, 59.
2. *Жучковский А. Г.* Русская партия [Электронный ресурс] // Русская история. — Режим доступа : <https://rus-istoria.ru/component/k2/item/809-russkaya-partiya> (дата обращения 14.08.2024).
3. *Памятка для казака*. — Краснодар : Союз православных офицеров России ; Управление по делам казачества администрации Краснодар, 2004. — 38 с.
4. *Тюменское общество русской культуры : двадцатилетие надежды, веры и труда* [Электронный ресурс] // Тюменская областная общественная организация «Общество русской культуры». — Режим доступа : <http://obrk72.ru/tyumenskoe-obshhestvo-russkoj-kultury/> (дата обращения 14.08.2024).
5. *Тюмень, ул. Республики 60* [Электронный ресурс] // Яндекс. Панорамы. — Режим доступа : https://yandex.ru/maps/55/tyumen/house/ulitsa_respubliki_60/ (дата обращения 14.08.2024).
6. *Церковь Симеона Богоприимца при Сиропитательно-ремесленном заведении* [Электронный ресурс] // Город Т. — Режим доступа : <https://gorod-t.info/space/religioznye-obekty/257/> (дата обращения 14.08.2024).

Литература

1. *Бияков Д. Ю.* Формирование и конструирование идентичности человека / Д. Ю. Бияков // Science Time. — 2016. — № 2 (26). — С. 54—62.
2. *Бугай Н. Ф.* Российское казачество и проблема идентичности с вопросом : кто мы? / Н. Ф. Бугай // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4 : История. Регионоведение. Международные отношения. — 2019. — Т. 24. — № 4. — С. 148—163. — DOI: 10.15688/jvolsu4.2019.4.13.

3. *Идиатуллов А. К.* «Священные» объекты татар и башкир Среднего Поволжья и Приуралья / А. К. Идиатуллов // Вестник Томского государственного университета. История. — 2018. — № 52. — С. 89—94. — DOI: 10.17223/19988613/52/15.

4. *Идиатуллов А. К.* Синкретичная религиозность кумыков и ногайцев в начале XXI века / А. К. Идиатуллов // Вестник Томского государственного университета. История. — 2016. — № 3 (41). — С. 115—120. — DOI: 10.17223/19988613/41/16.

5. *Казаки Тюменского региона от Ермака до наших дней (краткий очерк) : кол. монография / Под ред. А. П. Яркова.* — Тюмень : Экспресс, 2010. — 183 с. — ISBN 978-5-903725-31-1.

6. *Клюева В. П.* Национальные организации Тюменской области : становление и современное состояние (1990-е — 2006 гг.) / В. П. Клюева // Этносоциальные процессы в Сибири : Материалы IX Международного семинара, Новосибирск, 29—30 июня 2007 года. — Новосибирск : Сибирское научное издательство, 2007. — Выпуск 8. — С. 256—261.

7. *Копцева Н. П.* Конструирование этнокультурной и общенациональной идентичности как философская проблема / Н. П. Копцева, А. В. Кистова // Философия и культура. — 2015. — № 1 (85). — С. 12—19. — DOI: 10.7256/1999-2793.2015.1.10695.

8. *Кузеванова А. Л.* Социокультурная идентификация современного российского казачества : завершен ли процесс? / А. Л. Кузеванова, Ю. А. Метелицкая // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. — 2017. — № 4 (140). — С. 90—100. — DOI: 10.14515/monitoring.2017.4.08.

9. *Панарин А. С.* Искушение глобализмом / А. С. Панарин. — Москва : Эксмо-Пресс, 2002. — 416 с. — ISBN 5-699-04747-6.

10. *Раенко Е. Ф.* Архивы XXI века как элементы формирования социокультурного пространства / Е. Ф. Раенко // Science Time. — 2015. — № 10 (22). — С. 294—298.

11. *Рвачева О. В.* Возрождение казачества на юге России в советский период (середина 1920-х — начало 1940-х гг.) и в постсоветский период (1990-е — 2000-е гг.) : историко-сравнительный анализ : автореферат диссертации ... доктора исторических наук : 5.6.1 / Ольга Владимировна Рвачева. — Волгоград, 2022. — 60 с.

12. *Рвачева О. В.* Донское казачество XXI века. Конструирование социального феномена / О. В. Рвачева // Вестник Южного научного центра РАН. — 2009. — Т. 5. — № 3. — С. 89—95.

13. *Рвачева О. В.* Память и история: возрождение казачества в конце XX — начале XXI веков сквозь призму воспоминаний атамана / О. В. Рвачева // Новое прошлое. — 2023. — № 4. — С. 312—324. — DOI: 10.18522/2500-3224-2023-4-312-324.

14. *Рябова Е. Л.* Православные основы самоидентификации российского казачества : история и современность / Е. Л. Рябова, Л. О. Терновая // Казачество. — 2019. — № 38 (2). — С. 35—44.

15. *Сериков А. В.* Феноменологическая реконструкция маркеров групповой идентичности донских казаков / А. В. Сериков, Ф. А. Барков // Социально-гуманитарные знания. — 2014. — № 7. — С. 42—49.

16. *Тикиджьян Р. Г.* Этапы и тенденции социокультурной трансформации донского казачества (вторая половина 1940-х — середина 1980-х годов) / Р. Г. Тикиджьян, В. А. Бондарев // Научная мысль Кавказа. — 2019. — № 3 (99). — С. 68—74. — DOI: 10.18522/2072-0181-2019-99-3-68-74.

17. *Филимонов А. В.* Влияние социального мифотворчества на идентичность казаков / А. В. Филимонов // Исторические, философские, политические и юридические

науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2017а. — № 2 (76). — С. 202—207.

18. Филимонов А. В. Проблемы сущности и идентичности казачества в исследовательских концепциях истории и этнографии / А. В. Филимонов // Гуманитарный вектор. — 2017б. — Т. 12. — № 1. — С. 42—50.

19. Шнирельман В. А. Социальная память и образы прошлого / В. А. Шнирельман // Новое прошлое. — 2016. — № 1. — С. 100—129.

20. Язов В. А. Тюменский православный казачий учебный центр (ТПКУЦ) : положительный опыт духовно-патриотического воспитания подрастающего поколения / В. А. Язов // Современное казачество России и его роль в совершенствовании гражданско-патриотического, духовно-нравственного, культурно-исторического воспитания казаков и подрастающего поколения. Опыт, традиции в подготовке молодежи к службе Отечеству. Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием : 23—24 октября, 2019 г. — Тюмень : Типография «Печатник», 2019. — С. 336—338.

21. Berger S. The past as history. National identity and historical consciousness in modern Europe / S. Berger, Ch. Conrad. — Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2015. — 570 p. — ISBN 978-0-230-50009-9.

22. Ryansky F. Jews and Cossacks in the Jewish Autonomous Region / F. Ryansky // Refuge. — 1992. — Vol. 12. — № 4. — Pp. 19—21. — DOI: 10.25071/1920-7336.21672.

Статья поступила в редакцию 14.09.2024,
одобрена после рецензирования 01.12.2024,
подготовлена к публикации 30.12.2024.

Material resources

A memo for the Cossack. (2004). Krasnodar: Union of Orthodox Officers of Russia; Department for Cossacks of Krasnodar administration. 38 p. (In Russ.).

GBUTO GATO — *State budgetary institution of the Tyumen region "State Archive of the Tyumen region"*. (In Russ.).

Russian Party, A. G. Zhuchkovsky. *Russian History*. Available at: <https://rus-istoria.ru/component/k2/item/809-russkaya-partiya> (accessed 14.08.2024). (In Russ.).

The Church of Simeon the God-Giver at the Educational and craft institution. *The city of T.* Available at: <https://gorod-t.info/space/religioznye-obekty/257/> (accessed 14.08.2024). (In Russ.).

Tyumen Society of Russian Culture: twentieth anniversary of hope, faith and labor. *Tyumen regional public organization "Society of Russian Culture"*. Available at: <http://obrkr72.ru/tyumenskoe-obshchestvo-russkoj-kultury/> (accessed 14.08.2024). (In Russ.).

Tyumen, Republic str. 60. *Yandex. Panoramas*. Available at: https://yandex.ru/maps/55/tyumen/house/ulitsa_respubliki_60/ (accessed 14.08.2024). (In Russ.).

References

Berger, S., Conrad, Ch. (2015). *The past as history. National identity and historical consciousness in modern Europe*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 570 p. ISBN 978-0-230-50009-9.

Biyakov, D. Y. (2016). Formation and construction of human identity. *Science Time*, 2 (26): 54—62. (In Russ.).

- Bugai, N. F. (2019). Russian Cossacks and the problem of identity with the question: who are we? *Bulletin of the Volgograd State University. Episode 4: The Story. Regional studies. International relations*, 24 (4): 148—163. DOI: 10.15688/jvolsu4.2019.4.13. (In Russ.).
- Filimonov, A. V. (2017a). The influence of social myth-making on the identity of the Cossacks. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice*, 2 (76): 202—207. (In Russ.).
- Filimonov, A. V. (2017b). Problems of the essence and identity of the Cossacks in research concepts of history and ethnography. *Humanitarian vector*, 12 (1): 42—50. (In Russ.).
- Idiatullov, A. K. (2016). Syncretic religiosity of the Kumyks and Nogais at the beginning of the XXI century. *Bulletin of Tomsk State University. History*, 3 (41): 115—120. DOI: 10.17223/19988613/41/16. (In Russ.).
- Idiatullov, A. K. (2018). “Sacred” objects of the Tatars and Bashkirs of the Middle Volga region and the Urals. *Bulletin of the Tomsk State University. History*, 52: 89—94. DOI: 10.17223/19988613/52/15. (In Russ.).
- Klyueva, V. P. (2007). National organizations of the Tyumen region: formation and current state (1990s — 2006). In: *Ethnosocial processes in Siberia: Proceedings of the IX International Seminar, Novosibirsk, June 29—30, 2007*, 8. Novosibirsk: Siberian Scientific Publishing House. 256—261. (In Russ.).
- Koptseva, N. P., Kistova, A. V. (2015). Constructing ethnocultural and national identity as a philosophical problem. *Philosophy and Culture*, 1 (85): 12—19. DOI: 10.7256/1999-2793.2015.1.10695. (In Russ.).
- Kuzevanova, A. L., Metelitskaya, Yu. A. (2017). Socio-cultural identification of the modern Russian Cossacks: is the process completed? *Monitoring public opinion: economic and social changes*, 4 (140): 90—100. DOI: 10.14515/monitoring.2017.4.08. (In Russ.).
- Panarin, A. S. (2002). *The temptation of globalism*. Moscow: Eksmo-Press. 416 p. ISBN 5-699-04747-6. (In Russ.).
- Raenko, E. F. (2015). Archives of the XXI century as elements of the formation of socio-cultural space. *Science Time*, 10 (22): 294-298. (In Russ.).
- Rvacheva, O. V. (2009). Don Cossacks XXI centuries. Constructing a social phenomenon. *Bulletin of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 5 (3): 89—95. (In Russ.).
- Rvacheva, O. V. (2022). *The revival of the Cossacks in the south of Russia in the Soviet period (mid-1920s — early 1940s) and in the post-Soviet period (1990s — 2000s): historical and comparative analysis*. Author’s abstract of Doct. Diss. Volgograd. 60 p. (In Russ.).
- Rvacheva, O. V. Memory and history: the revival of the Cossacks at the end of the XX — beginning of the XXI century. through the prism of the ataman’s memories. *New past*, 4: 312—324. DOI: 10.18522/2500-3224-2023-4-312-324. (In Russ.).
- Ryabova, E. L., Ternovaya, L. O. (2019). Orthodox foundations of self-identification of the Russian Cossacks: history and modernity. *Cossacks*, 38 (2): 35—44. (In Russ.).
- Ryansky, F. (1992). Jews and Cossacks in the Jewish Autonomous Region. *Refuge*, 12 (4): 19—21. DOI: 10.25071/1920-7336.21672.
- Serikov, A. V., Barkov, F. A. (2014). Phenomenological reconstruction of markers of group identity of the Don Cossacks. *Socio-humanitarian knowledge*, 7: 42—49. (In Russ.).
- Shnirelman, V. A. (2016). Social memory and images of the past. *New Past*, 1: 100—129. (In Russ.).

- Tikijyan, R. G., Bondarev, V. A. (2019). Stages and trends of the socio-cultural transformation of the Don Cossacks (the second half of the 1940s — mid-1980s). *Scientific thought of the Caucasus*, 3 (99): 68—74. DOI: 10.18522/2072-0181-2019-99-3-68-74. (In Russ.).
- Yarkov, A. P. (ed.). (2010). *Cossacks of the Tyumen region from Ermak to the present day (a short essay): Col. Monograph*. Tyumen: Express. 183 p. ISBN 978-5-903725-31-1. (In Russ.).
- Yazov, V. A. (2019). Tyumen Orthodox Cossack Training Center (TPKC): positive experience of spiritual and patriotic education of the younger generation. In: *Modern Cossacks of Russia and its role in improving the civil-patriotic, spiritual and moral, cultural and historical education of Cossacks and the younger generation. Experience and traditions in preparing young people for service to the Fatherland. Materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation: October 23—24, 2019*. Tyumen: Printing house “Printer”. 336—338. (In Russ.).

*The article was submitted 14.09.2024;
approved after reviewing 01.12.2024;
accepted for publication 30.12.2024.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(1), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Левин Я. А. Деятельность ФБР во второй половине 1940-х годов и зарождение маккартизма в США / Я. А. Левин // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 1. — С. 415—430. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-415-430.

Levin, Ya. A. (2025). Activities of FBI in Late 1940s and Emergence of McCarthyism in United States. *Nauchnyi dialog*, 14 (1): 415-430. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-415-430. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Деятельность ФБР во второй половине 1940-х годов и зарождение маккартизма в США

Левин Ярослав Александрович

orcid.org/0000-0001-8805-8220

кандидат исторических наук,
доцент, кафедра «Философия
и социально-гуманитарные науки»
yaroslavlevin1992@mail.ru

Самарский государственный
технический университет
(Самара, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 23-28-00355
<https://rscf.ru/project/23-28-00355/>

Activities of FBI in Late 1940s and Emergence of McCarthyism in United States

Yaroslav A. Levin

orcid.org/0000-0001-8805-8220

PhD in History, Associate Professor,
Department of Philosophy
and Social Humanities
yaroslavlevin1992@mail.ru

Samara State
Technical University
(Samara, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-28-00355
<https://rscf.ru/project/23-28-00355/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена переменам в политике Федерального бюро расследований (ФБР) США, связанным с началом Холодной войны. Отмечается, что президент Трумэн в отличие от своего предшественника Франклина Рузвельта совершенно иначе смотрел на деятельность Бюро, считал необходимым принудить эту службу к строгому соблюдению законов и иных правовых норм. Показано, что в условиях конфронтации с Белым домом директор ФБР Джон Эдгар Гувер идёт на сотрудничество с ультраконсервативными кругами обеих партий. Показано, что Гувером была инициирована кампания по борьбе с коммунистическим влиянием в США, реальная цель которой заключалась в фактическом обходе руководства страны для реализации ФБР своих целей. Отмечается, что в 1950 году у сторонников Гувера появляется лидер — сенатор Джозеф Маккарти. Сообщается, что быстро оформившееся движение «маккартистов» становится влиятельным и в альянсе с Бюро раздувает в Америке атмосферу подозрительности, чтобы привлечь к ответственности те лица и организации, которые федеральные агенты считали связанными с советской разведкой или «нелояльными». В рамках данной статьи проанализированы проблемы в отношениях ФБР и Белого дома. Охарактеризованы начало сотрудничества Бюро с радикал-консерваторами в Конгрессе и зарождение «маккартизма». Рассмотрено развитие общественной кампании по борьбе с коммунизмом. Проанализированы связанные с ней репрессии, а также влияние «потери» Китая на ход этой кампании и позицию президента.

Ключевые слова:

Гарри Трумэн; Дж. Эдгар Гувер; Джозеф Маккарти; маккартизм; Холодная война; Гражданская война в Китае; политический радикализм.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the shifts in the policy of the Federal Bureau of Investigation (FBI) in the United States in relation to the onset of the Cold War. It highlights that President Truman, unlike his predecessor Franklin Roosevelt, had a markedly different perspective on the Bureau's operations, emphasizing the necessity of compelling this agency to adhere strictly to laws and other legal norms. The analysis reveals that in the context of confrontation with the White House, FBI Director J. Edgar Hoover sought collaboration with ultra-conservative factions from both political parties. It is shown that Hoover initiated a campaign against communist influence in the United States, with the underlying aim of circumventing national leadership to further the objectives of the FBI. Notably, in 1950, a leader emerged among Hoover's supporters—Senator Joseph McCarthy. The rapidly coalescing "McCarthyite" movement gained influence and, in alliance with the Bureau, fostered an atmosphere of suspicion in America to hold accountable those individuals and organizations deemed by federal agents to be linked to Soviet intelligence or "disloyal." This article analyzes the complexities in the relationship between the FBI and the White House, characterizes the beginning of the Bureau's collaboration with radical conservatives in Congress, and traces the origins of McCarthyism. It also explores the evolution of public campaigns against communism, examines the associated repressions, and assesses the impact of the "loss" of China on this campaign and the president's stance.

Key words:

Harry Truman; J. Edgar Hoover; Joseph McCarthy; McCarthyism; Cold War; Chinese Civil War; political radicalism.

УДК 94:327.54(73)“1945/1949”+327.88

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-415-430

Научная специальность ВАК

5.6.2. Всеобщая история

Деятельность ФБР во второй половине 1940-х годов и зарождение маккартизма в США

© Левин Я. А., 2025

1. Введение = Introduction

Окончание Второй мировой войны стало поворотным моментом в мировой истории, а также важным рубежом в истории Федерального бюро расследований. Вопреки идиллическим ожиданиям большей части общества, рассчитывавшей на «новую эпоху мира», администрация президента Гарри Трумэна достаточно быстро взяла курс на одностороннее усиление влияния США на мировой арене в ущерб советским интересам [Холодная война ..., 2003]. Хотя простые граждане и даже многие эксперты считали, что в послевоенном мире США и СССР ждут прочные союзнические отношения, реальное положение дел складывалось таким образом, что уже с 1943 года можно отсчитывать осязаемое «похолодание» в отношениях двух сверхдержав. Впрочем, даже скептики рассчитывали на сохранение паритетных партнёрских отношений с Советским Союзом [The Home Front ..., 1995; The Origins ..., 1999].

Эти перемены очень хорошо резонировали со взглядами на Советский союз, царившими в ФБР, директор которого за годы войны и предшествующий период накопил довольно весомую фактологическую базу, включающую в себя сведения об обширной работе разведки СССР в Америке. В этих условиях вполне естественно, что роль Бюро в системе внутренней и, шире, национальной безопасности значительно усилилась. Более того, в администрации Трумэна достаточно быстро соперничество с СССР стали рассматривать не как обычный конфликт «великих держав» за геополитическое влияние, то есть угрозу «внешнюю», а как опасность для самих основ государственного устройства США, то есть угрозу «внутреннюю». Этот взгляд лишь дополнительно усилил роль ведомства Эдгара Гувера в государственном аппарате и внутренней политике. Однако именно период президентства Трумэна отмечен парадоксальной ситуацией, в которой, одновременно усиливая роль ФБР, администрация всячески пыталась ограничить влияние этой службы [Theoharis, 1977, p. 110; The FBI ..., 2000, p. 79].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Источниковая база исследования основана на материалах архива ФБР, рассекреченных и постепенно размещаемых на базе Национального архива США с 2007 года. В рамках темы статьи были задействованы документы и деловая переписка Эдгара Гувера из раздела «Официальное и конфиденциальное», а также подраздел, посвящённый Китаю. Кроме этого, использовались документы Бюро, хранящиеся в составе дел ФБР, заведенных на востоковеда Оуэна Латтимора, сенатора Джозефа Маккарти и журналиста Уитакера Чемберса, показания которого широко растиражированные прессой стали «первым подтверждением существования разветвлённой сети коммунистических агентов в США» и послужили одной из отправных точек в развитии антикоммунизма в стране. Также привлекались к анализу документы самого Оуэна Латтимора из Библиотеки Конгресса, мемуары помощника директора ФБР Карсы Де Лоуча, чья карьера началась как раз в период рассматриваемых событий, книга самого директора Гувера, ставшая одной из идеологических основ антикоммунизма в США и воспоминания специального агента Джона Т. Конвея, работавшего в ФБР в годы развития и упадка маккартизма, собранные в рамках проекта «Устная история наследия ФБР».

Отечественная историография в меньшей степени обращала внимание на генезис маккартизма, однако советские и российские авторы внесли значительный вклад в концептуальное изучение феномена Холодной войны. В частности, автор обращался к работам Н. И. Егоровой, крупнейшего в России специалиста по Холодной войне, и к публикациям в издававшемся под её редакцией сборнике статей [Холодная война ..., 2003]. Важным дополнением стала биография президента Гарри Трумэна, составленная российско-американскими исследователями Г. И. Чернявским и Л. Л. Дубовой для серии «Жизнь замечательных людей», в которой авторам удалось показать сложную внутриаполитическую ситуацию вызревания и развития маккартизма, фактически бросавшего вызов администрации президента и проводимой им политике [Чернявский и др., 2016].

Зарубежная, в особенности американская, историография более тщательна и детальна в изучении рассматриваемых процессов. Эллен Шрекер, крупнейший в Америке исследователь феномена маккартизма, опубликовала несколько важных фундаментальных работ по этой теме, а также одной из первых обратила внимание на крайне тесную связь развития этого радикально-консервативного движения с ФБР и его директором [Schrecker, 1986; Schrecker, 1998; Schrecker, 2002]. Работы по истории самого Бюро значительно дополнили корпус исследований. В частности, использовались работы Этана Теохариса, крупнейшего специалиста, занимавшегося историей ФБР, немалое внимание в его трудах было уделено отношени-

ям Гувера и Маккарти [Theoharis, 1977; Theoharis et al., 1988]. Привлекались и публикации таких авторов, как Х. Клэр и Р. Рэдош, показывающие влияние контрразведывательной ситуации в США конца 1940 — начала 1950 годов на сближение ФБР с разрозненными группами консерваторов-«ястребов» в Конгрессе [Klehr et al., 1996], и книга К. О’Рейли, в целом посвящённая маккартизму и связям сенатора Маккарти с ФБР [O’Reilly, 1983]. Американские исследования президентства Г. Трумэна таких авторов, как С. Дж. Сэвэдж и А. Дж. Байме, дополнили многие выводы [Savage, 2021; Baime, 2017]. Были приняты во внимание труды, посвященные биографии О. Латтимора и истории Гражданской войны в Китае, которая вместе с Корейской войной (1950—53 годы) стали важным историческим фоном, прямо влиявшим на действия альянса ультраконсервативных законодателей и ФБР [Newman, 1992]. Таким образом, в отечественной и зарубежной историографии сформирован достаточный массив материала для более углубленного изучения как маккартизма в целом, так и связей этого движения с Федеральным бюро расследований в частности.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Перемены в политике ФБР

Первым большим контрразведывательным делом ФБР стало так называемое «дело «Амеразии», по названию научно-популярного журнала об отношениях США со странами азиатско-тихоокеанского региона, где был опубликован аналитический отчёт американской разведки. Федеральные агенты быстро установили, что редакция журнала на постоянной основе получала различные секретные документы разведки и Госдепартамента, а также имела связи с СССР. Однако улики были добыты путём незаконных проникновений и прослушки, а потому не могли использоваться в суде. Несмотря на широкую доказательную базу, администрация Трумэна не пожелала идти навстречу ФБР, в итоге дело попросту развалилось, а его фигуранты отделались небольшими штрафами [Theoharis, 1979, p. 110; The FBI ..., 2000, p. 79].

Провал «дела «Амеразии» стал отправной точкой для изменения в политике ФБР. Уже в начале 1946 года Бюро начало кампанию по ознакомлению населения с «ужасами коммунизма». У этой кампании было два направления: явное и скрытое. Явным было финансирование ФБР самой разнообразной продукции, раздувающей «красную угрозу», а также выступления самого Дж. Эдгара Гувера перед патриотическими организациями и консерваторами среди профильных комитетов Конгресса [The FBI ..., 2000, p. 240; O’Reilly, 1983, p. 138].

Скрытым от публики было установление особых отношений с рядом лояльных ФБР народных избранников. Бюро снабжало их информацией

о коммунистической угрозе внутри страны, о проникновении коммунистов во все госслужбы и общественные организации. Конгрессмены же, раздувавшие с помощью этих сведений атмосферу шпиономании, получали немалый политический капитал. Помимо такого частного сотрудничества, ФБР оказывало подобную помощь и на уровне некоторых ведомств, в частности снабжало данными Комитет по расследованию антиамериканской деятельности [Klehr et al., 1996, p. 22].

Начав кампанию по раздуванию в стране атмосферы подозрительности, Гувер преследовал несколько целей. Во-первых, он надеялся заручиться поддержкой общественности и Конгресса, чтобы нивелировать или вовсе снять те процессуальные запреты, которые мешали его ведомству вести бесконтрольную слежку за всеми, кого ФБР считало опасным. Во-вторых, директор во многом небезосновательно считал, что администрация Трумэна проявляет «преступную беспечность» в отношении угрозы шпионажа и коммунизма в стране. С того момента, как президент отверг план Эдгара Гувера по организации работы разведки и контрразведки в стране, отношения между Федеральным бюро расследований и Белым домом становились всё напряжённее. Неготовые дать агентам полный простор для действий, Трумэн и его либеральная администрация, в большинстве своём состоящая из наследников «Нового курса», были неудобны шефу ФБР, поэтому наряду с пропагандой коммунистической опасности Бюро, по сути, способствовало подрыву авторитета президента и его администрации [Theoharis et al., 1988, p. 312].

Наиболее успешным в рамках развёрнутой ФБР кампании оказалось сотрудничество этой службы с сенатором Джозефом Маккарти, который особо рьяно пропагандировал среди американцев идеи о засилии шпионов коммунистов и бессилии администрации Трумэна. Восхождение Маккарти началось 9 февраля 1950 года с речи в г. Уилинг (шт. Западная Вирджиния), в которой он утверждал, что в Госдепартаменте засели коммунисты и с ними даже не пытаются по-настоящему бороться, что администрация Трумэна слаба и сама переполюсована сочувствующими коммунизму кадрами из числа сторонников Франклина Рузвельта. Столь громкие обвинения и резкая критика президента очень быстро приковали к Маккарти внимание СМИ и американского общества, довольно тяжело переживающего начало Холодной войны и потому очень уязвимого к подобным идеям. ФБР тоже быстро заинтересовалось эпатажным сенатором [Memorandum for the Director ..., 1950]. Достаточно быстро Маккарти заручается поддержкой Бюро и обзаводится контактами с ФБР и его одиозным руководителем. Хотя на публике директор и сенатор выглядели верными соратниками и даже друзьями, их отношения были намного сложнее. Эдгар Гувер доста-

точно быстро заметил недостатки Джозефа Маккарти, которые и предопределили дальнейшее развитие отношений ФБР и движения сторонников сенатора. Лучшее всего о противоречиях двух главных антикоммунистов Америки выразился один из помощников Эдгара Гувера, Карса ДеЛоуч, в своей книге воспоминаний: «Гувер недолюбливал Маккарти. Он не хотел терять свой ореол “Врага коммунистов № 1”, но, что важнее, он был недоволен неспособностью сенатора авторитетно говорить о проблемах внутренней безопасности и работать с теми сведениями, которые давало ему Бюро» [DeLoach, 1995, р. 260]. Отсутствие у новоявленного лидера антикоммунистического движения понимания проблем такой тонкой сферы, как разведка и контрразведка, а также его грубый и фанатичный взгляд на проблему коммунизма в США вместе с активным взаимодействием со СМИ привели к тому, что уже с 1950 года ФБР, сотрудничая с сенатской группой Джозефа Маккарти, параллельно собирало информацию о нём самом, выискивая любые сведения компрометирующего характера, хотя полноценное дело будет заведено позднее [Wisconsin Office to Nathan ..., 1952].

Некоторое представление о том, почему маккартисты так быстро разочаровали Федеральное Бюро расследований, даёт интервью Эдгара Гувера для журнала «Newsweek» от 9 июня 1947 года. В этой статье, обращённой как к простым американцам, так и ко всем политическим силам страны, директор ФБР высказывает следующие идеи: «Не клеймите кого бы то ни было коммунистом, не имея фактов. Не путайте либералов или прогрессистов с коммунистами. Не становитесь участниками нарушений гражданских прав и закона по отношению к кому-либо. Поступая опрометчиво, вы играете на руку коммунистам и дискредитируете Америку и её ценности» [Hoover, 1947, р. 30—40]. С учетом подобных воззрений неудивительно, что маккартисты, в процессе усиления своей популярности и влияния становящиеся всё более неразборчивыми в обвинениях, быстро стали нежеланными союзниками для ФБР.

3.2. ФБР и «маккартисты»

Более полное понимание такой принципиальной позиции администрации президента даёт взгляд на тех лиц, которые оказались в первых рядах обвинённых Бюро и их союзниками в Конгрессе и СМИ. Всё это заслуженные, заметные чиновники администрации Рузвельта, прямо связанные с конструированием «Нового курса» и / или внешней политикой времён войны. Кроме того, все они в той или иной степени поддерживали нового президента, в том числе и публично, позволяя упрочить своё положение неуверенному Трумэну, который только начинал укомплектовывать правительство «своими» людьми. Так, например, Локлин Карри был одним из тех, кто объяснял новому президенту тонкости отношений с Китаем,

Элджер Хисс, хотя на деле и не был сторонником Трумэна, тем не менее несколько раз выступал в прессе в поддержку его политики [Savage, 2021, p. 8—104; Purifoy, 1976, p. 116]. Помимо этого, и сам президент с момента прихода во власть и в дальнейшем во время выборной кампании 1948 года позиционировал себя как «наследник «Нового курса», лишь время от времени постулируя идею «более умеренного» продолжения сформулированной Ф. Д. Рузвельтом политики [Baime, 2017, p. 2—39, 115—229]. В этих условиях любая критика или обвинения в адрес лояльных новой администрации лиц достаточно сильно били по позициям самого главы государства, который прямо опирался на этих лиц и их достижения. Вполне естественно, что Трумэну были крайне невыгодны подобные уязвимости, связанные с тем, что заслуженные деятели предыдущего правительства поручались за него, поддерживали его (в том числе и публично), а потом обвинялись в шпионаже. С чисто идеологической точки зрения обвинения против деятелей «Нового курса» также били по президенту, нивелируя «наследие Рузвельта», хранителем и продолжателем которого изначально позиционировал себя Гарри Трумэн. Наконец, даже если под удар попадали рядовые госслужащие (вроде Джудит Коплон, уличённой в сотрудничестве с СССР, но в итоге избежавшей наказания), их защита часто умело использовала имевшиеся ограничения и выставляла работу ФБР политическим преследованием, поддерживать которую было опасно для имиджа Белого дома, предпочитавшего отстраняться в таких случаях от дел Федерального Бюро расследований.

Наконец, логика разгорающейся Холодной войны также серьёзно влияла на отношения Белого дома с ФБР. Прежде всего, заметные перемены в позиции Трумэна к общественной кампании, проводимой Бюро через консервативных законодателей и публицистов, проявились в период «потери» Китая и провозглашения КНР, а также последовавшей вскоре за этим Корейской войны (1950—53 годы). Стоит отметить, что ещё в годы Второй мировой войны федеральные агенты собрали достаточно полную информацию о деятельности Чан Кайши в США, который через свою супругу Сун Мэйлин активно занимался «отмыванием» и размещением активов, состоящих из бюджетных средств Китайской республики и финансовой помощи от Америки в самих США [Memo from Director Hoover to Lawrence M. C. Smith, 1943; L. B. Nichols to Mr. Tolson, 1943]. И Рузвельт, и Трумэн были достаточно осведомлены о том, что большая часть оказываемой Штатами помощи Китайской республике банально разворовывается. Однако оба президента до определённого момента мирились с этим. Франклина Рузвельта сковывали интересы ведения Второй мировой войны и важность китайского театра военных действий как для боевых выступлений против

японцев, так и в перспективе развития послевоенного мира. Гарри Трумэн оказался скован условиями начинающейся Холодной войны, а потому был вынужден поддерживать Китайскую республику. Однако чем дольше и неудачнее шли боевые действия, тем явственнее становилось разочарование Вашингтона в лидерах противников коммунистов. Это разочарование выразилось в сокращении помощи США правительству Чан Кайши, что во многом и привело к победе коммунистов и провозглашению Китайской народной республики [Tyson Li, 2006, p. 340; Pakula, 2009, p. 318—328].

Впрочем, «потеря Китая» вынудила Белый дом закрыть глаза на откровенно преступное поведение Чан Кайши и его семьи, поэтому снабжение правительства Китайской республики в изгнании продолжалось и после 1949 года [Tanner, 2015, p. 277]. Однако общественное мнение Америки крайне неоднозначно восприняло происходящее. Неприятие «потери» Китая активно подогревалось критикой политики Трумэна в Азии со стороны целого ряда видных учёных-востоковедов, многие из которых активно в предшествующий период сотрудничали с Госдепартаментом и предлагали по его линии правительству свои варианты решения сложного «китайского» вопроса [Lewis, 1996, p. 41—59]. Однако вопреки всем рекомендациям экспертного сообщества Трумэн продолжал поддерживать режим Чан Кайши и его Китайскую республику, занимавшую после 1949 года, по сути, только Тайвань.

Гувер, в свойственной ему манере, решил действовать на опережение и начал активно проводить расследования в отношении критиков азиатской политики президента. Целый ряд крупных учёных столкнулись со слежкой и перлюстрацией почты, а «союзники» ФБР в публичном поле начали активно критиковать экспертов. Поскольку практически все востоковеды из числа сотрудничающих с Госдепом предлагали США сосредоточиться на выстраивании отношений с КПК, это достаточно быстро стало основанием для расследований Бюро по факту возможного шпионажа в пользу СССР / КНР и обвинений в «нелояльности» и «непатриотизме» со стороны общественных «помощников» этой службы. Дж. Эдгар Гувер особо и не скрывал, что, инициируя преследование учёных, не поддерживающих президента, надеется на улучшение отношений с Белым домом. Например, об этом свидетельствовал Луис Николс [Demaris, 1975, p. 92].

Наиболее яркой и, одновременно, типичной в данном контексте стала история Оуэна Латтимора — одного из крупнейших востоковедов Америки, специализировавшегося на Китае и Монголии. В 1934—41 годах преподавал в Институте тихоокеанских исследований и был главным редактором издававшегося там же влиятельного научного журнала «Pacific Affairs». В годы войны Латтимор сблизился с администрацией Рузвельта,

активно писал аналитические отчёты для Госдепартамента и, реже, УСС. В 1941—42 годах работал в качестве советника при правительстве Чан Кайши, после этого возглавил тихоокеанский отдел Управления военной информации (УВИ), сопровождал вице-президента Уоллеса во время его поездки в Китай и Монголию. Неоднократно встречался с Мао Цзэдуном и Чжоу Энляем. При новой администрации сначала был в составе миссии ООН в Афганистане, продолжал преподавать и сотрудничать с Госдепартаментом [Newman, 1992]. Уже на рубеже 1947—48 годов в своих академических работах и аналитике для внешнеполитического ведомства начинает отстаивать идею отказа от поддержки режима Чан Кайши и выстраивания отношений с КПК. Стоит обратить внимание, что первоначально новая администрация с вниманием отнеслась к мнению эксперта, Латтимор даже входил в несколько комиссий, чья работа заключалась в формировании новой концепции внешней политики США в Азии, однако на рубеже 1948—49 годов все контакты с ним со стороны правительства были оборваны. Одновременно с этим ФБР заводит дело на Латтимора и начинает активный сбор информации о его контактах. Прежде всего Бюро интересовало встречи и общение учёного с ближайшим кругом лидера коммунистического Китая [HQ Letter to Baltimore FBI ..., 1949; Baltimore FBI to HQ ..., 1949]. Стоит обратить внимание, что имя Оуэна Латтимора в качестве источника информации для советской разведки звучало ещё в первых показаниях Уиттакера Чемберса, бывшего агента советской разведки [SAC Philadelphia to Director ..., 1949]. Большой интерес вызывает та тщательность, которая проявилась в работе агентов над этим делом после начала Корейской войны, активным противником которой выступил Латтимор. В переписке Гувера с рядом сенаторов, в том числе набирающим вес Джоозефом Маккарти и помощником заместителя директора Луисом Николсом, явно сквозит особое стремление и уверенность директора в связях востоковеда с разведкой СССР [Hoover to McCarthy ..., 1950; Hoover to Nichols ..., 1950]. Такое упорство и предвзятость продиктованы несколькими причинами. Прежде всего, в рамках проекта по перехвату и расшифровке радиосообщений советских спецслужб в США «Венона» ФБР получило сведения, что советские разведчики несколько раз пытались завербовать Оуэна Латтимора и даже получали от него некоторую информацию, которую, впрочем, сочли совершенно неважной [Allegations of espionage Activity ..., p. 2—4]. Куда более важными в данном контексте оказались настроения Трумэна, о которых Дж. Э. Гувер был прекрасно информирован. После того как президент и его окружение выработали свой подход к китайскому направлению, аналитика и мнения востоковеда начали откровенно раздражать новую администрацию. Ещё больше усилилось это раздражение,

когда Латтимор начал часто сравнивать политику и отношение к экспертному сообществу предыдущей администрации с нынешней, чаще всего не в пользу последней [Letter from Owen Lattimore ..., 1950]. Стоит обратить внимание, что скептическое, а подчас и откровенно пренебрежительное отношение рузвельтовских кадров к Трумэну приводило к очень болезненной реакции последнего, что и стало причиной того, что, несмотря на откровенную «нелюбовь» к ФБР, глава государства не стеснялся пользоваться услугами федеральных агентов в качестве своей политической разведки [Чернявский и др., 2016, с. 153—160]. Вполне понятно, что, уловив настроения руководства, Гувер, стремясь улучшить отношения с Белым домом, использовал весь имевшийся у него богатый официальный и неофициальный инструментарий для уничтожения карьеры опального учёного. Итогом этих стараний стало привлечение О. Латтимора к суду по обвинению в лжесвидетельстве, которое, впрочем, было снято в 1955 году в самом начале спада влияния сенатора Маккарти. Уже спустя год после этого он смог вернуться к академической работе. Однако в этом моменте история Латтимора скорее исключение, связанное с влиятельностью и связями этой фигуры. В большинстве своём последствия нападков маккартистов и преследования со стороны ФБР были значительно более печальными. Один из главных исследователей феномена маккартизма в США и его связи с ФБР профессор Эллен Шрекер пишет: «Из многих десятков учёных, что попали под первую волну усилившегося движения с Джо Маккарти во главе, лишь считанные единицы смогли в итоге вернуться к прежней жизни. Несмотря на то, что уже на рубеже 1955—56 оголтелый антикоммунизм сходил на нет, “печать” фигуранта расследования “Комитета по расследованию антиамериканской деятельности” отпугивала очень многих потенциальных работодателей» [Schrecker, 1986, p. 399—403].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, можно сделать выводы о том, что в период 1945—1953 годов американская контрразведка активно перестраивалась под новые задачи и использовала накопленный за предыдущие годы материал для активного противодействия органам разведки Советского Союза. Однако в силу неподготовленности агентов на ранних этапах этой работы и позиции правительства и Госдепартамента в годы войны эти данные были крайне приблизительными, поэтому Бюро действовало в основном наугад, тем не менее эта ситуация начала исправляться уже в первые годы Холодной войны благодаря информации ряда перебежчиков, присоединению ФБР к проекту «Венона» и отдельным реальным успехам контрразведывательной работы вроде вербовки братьев Чайлдсов (операция «Соло»). В то

же время все эти «успехи» серьёзным образом нивелировались позицией Белого дома, который крайне непоследовательно и нелогично использовал инструментарий ведомства Эдгара Гувера, с одной стороны, всячески его ограничивая и принуждая к побуквенному соблюдению существующего законодательства, с другой стороны, с большим удовольствием используя ресурсы федеральных агентов в своих политических целях. При всём этом и сама администрация Трумэна, и наиболее консервативно настроенные круги обеих партий требовали реальных результатов в контрразведывательной работе, которых при подобной позиции руководства и существующем законодательстве просто не могло быть. Вся сложность и неоднозначность личных и профессиональных отношений Гувера и Трумэна исчерпывающе выражена в воспоминаниях агентов об имевшей широкое хождение даже среди рядового состава Бюро сплетне о том, что директор после довольно неожиданного переизбрания президента на выборах 1948 года был вынужден отправиться в месячный отпуск с нервным срывом [FBI Oral History ..., 2009, p. 22]. В этих условиях руководство ФБР было вынуждено интенсифицировать свои контакты с лояльными законодателями и публицистами, формируя массовую общественную кампанию, которая помогала хоть в какой-то мере обходить созданные ограничения. Однако лояльные Бюро лица, прежде всего, не соблюдали режим секретности и часто нападали на лиц, которые были в той или иной степени близки и «нужны» правительству Трумэна, что приводило к конфликтным ситуациям, когда работа этой службы воспринималась практически как попытки саботажа новой власти. Весь этот период предпринимались непоследовательные и, зачастую, неумелые попытки выстроить текущий баланс в отношениях Белого дома и его главной службы внутренней безопасности, которые в итоге привели лишь к разрастанию политического сыска и преследования. С появлением в среде «сторонников ФБР» такого яркого, при этом малообразованного и не слишком склонного к компромиссам лидера, как Джозеф Маккарти, Бюро становится всё сложнее контролировать созданную им же общественную кампанию. Эллиен Шрекер в своих работах и вовсе высказывает мнение, что корректнее было бы именовать «маккартизм» «гуверизмом» [Schrecker, 1998, p. 15, 405; Schrecker, 2002, p. 23, 310]. Эта ситуация достигнет своего апогея уже в период 1953—55 годов и будет разрешена лишь новой, более лояльной к нуждам ФБР администрацией, а также гражданским обществом и СМИ, которые устали от созданной маккартистами атмосферы всеобщей подозрительности и доноительства.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Allegations of Espionage Activity* by Owen Lattimore. — Pp. 2—4 // National Archives and Records Administration. RG. 65. Federal Bureau of Investigation. File : 100—24628 (Owen Lattimore).
2. *Baltimore FBI to HQ*. 9 September 1949 // National Archives and Records Administration. RG. 65. Federal Bureau of Investigation. File : 100—24628 (Owen Lattimore).
3. *DeLoach C. Hoover's FBI : The Inside Story* by Hoover's Trusted Lieutenant / C. DeLoach. — New York : Regnery History, 1995. — 440 p.
4. *FBI Oral History Heritage Project. Memoir of Former Special Agent of the FBI John T. Conway (1950—1956)*. — 2009. — P. 22.
5. *Hoover J. E. How to Fight Communism* / J. E. Hoover // Newsweek. — 9.06.1947. — Pp. 30—40.
6. *Hoover to McCarthy*. 23 August 1950 // National Archives and Records Administration. RG. 65. Federal Bureau of Investigation. File : 67—561 (J. Edgar Hoover Official & Confidential (O&C) Files).
7. *Hoover to Nichols*. 13 July 1950 // National Archives and Records Administration. RG. 65. Federal Bureau of Investigation. File : 67—561 (J. Edgar Hoover Official & Confidential (O&C) Files).
8. *HQ Letter to Baltimore FBI*. 4 March 1949 // National Archives and Records Administration. RG. 65. Federal Bureau of Investigation. File : 100—24628 (Owen Lattimore).
9. *L. B. Nichols to Mr. Tolson*. 8 February 1943 // National Archives and Records Administration. RG. 65. Federal Bureau of Investigation. File : 67—571 (J. Edgar Hoover's Official and Personal Letters — China). Memo re : Soong Family.
10. *Letter from Owen Lattimore*. 6 May 1950 // Library of Congress (далее — LoC). Owen Lattimore papers, 1907—1997. MSS80712. Series 7 : Eleanor Holgate Lattimore Files, 1924—1970.
11. *Memo from Director Hoover to Lawrence M. C. Smith, chief of Special War Policies Unit*. 15 January 1943 // National Archives and Records Administration. RG. 65. Federal Bureau of Investigation. File : 67—571 (J. Edgar Hoover's Official and Personal Letters — China).
12. *Memorandum for the Director*. 12 March 1950 // National Archives and Records Administration. Record Group 65. Federal Bureau of Investigation. File : 100—398328 (Joseph McCarthy).
13. *SAC Philadelphia to Director*. 24 February 1949 // National Archives and Records Administration. RG. 65. Federal Bureau of Investigation. File : 65—2400 (Jay David Whitaker Chambers).
14. *Wisconsin Office to Nathan*. 8 April 1952 // National Archives and Records Administration. RG. 65. Federal Bureau of Investigation. File : 100—398328 (Joseph McCarthy).

Литература

1. *Холодная война*. 1945—1963 гг. / отв. ред. Н. И. Егорова. — Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2003. — 638 с. — ISBN 5-224-04305-0.
2. *Чернявский Г. И.* Трумэн (ЖЗЛ) / Г. И. Чернявский, Л. Л. Дубова. — Москва : Молодая гвардия, 2016. — 479 с. — ISBN 978-5-235-03891-2.
3. *Baime A. J. The Accidental President : Harry S. Truman and the Four Months that Changed the World* / A. J. Baime. — New York : Mariner Books, 2017. — 464 p.
4. *Demaris O. The Director: An Oral Biography of J. Edgar Hoover* / O. Demaris. — New York : Harpers Magazine Press, 1975. — 405 p.

5. Klehr H. The Amerasia Spy Case : Prelude to McCarthyism / H. Klehr, R. Radosh. — Chapell Hill (NC) : The University of North Carolina Press, 1996. — 280 p.
6. Lewis L. S. The Cold War and Academic Governance : The Lattimore Case at Johns Hopkins / L. S. Lewis. — New York : State University of New York Press, 1996. — 342 p.
7. Newman R. P. Owen Lattimore and the Loss of China / R. P. Newman. — Berkeley (CA) : University of California Press, 1992. — 685 p.
8. O'Reilly K. Hoover and the Un-Americans : The FBI, HUAC, and the Red Menace / K. O'Reilly. — Temple (PA) : Temple University Press, 1983. — 411 p.
9. Pakula H. The Last Empress : Madame Chiang Kai-shek and the birth of modern China / H. Pakula. — New York : Simon & Schuster, 2009. — 816 p.
10. Purifoy L. Harry Truman's China Policy : McCarthyism and the Diplomacy of Hysteria, 1947—1951 / L. Purifoy. — New York : New Viewpoints, 1976. — 316 p.
11. Savage S. J. Truman and the Democratic Party / S. J. Savage. — Lexington (KY) : University Press of Kentucky, 2021. — 320 p.
12. Schrecker E. Many are the Crimes : McCarthyism in America / E. Schrecker. — Boston (MA) : Little, Brown and Company, 1998. — 573 p.
13. Schrecker E. No Ivory Tower : McCarthyism and the Universities / E. Schrecker. — London (UK) : Oxford University Press, 1986. — 445 p.
14. Schrecker E. The Age of McCarthyism : a Brief History with documents / E. Schrecker. — Boston (MA) : Bedford/St. Martin's, 2002. — 308 p.
15. Tanner H. M. Where Chiang Kai-shek Lost China : The Liao-Shen Campaign, 1948 / H. M. Tanner. — Bloomington (IN) : Indiana University Press, 2015. — 384 p.
16. *The FBI* : A Comprehensive Reference Guide / ed. by Theoharis A. G. — New York : Greenwood, 2000. — 424 p.
17. *The Home Front* : World War II and American Society / ed. by O'Brien K. P., Parsons L. H. — Westport (CT) : Praeger, 1995. — 224 p.
18. *The Origins of the Cold War* / ed. by Paterson T. G., McMahon R. J. — Madison (WI) : D. C. Heath and Company, 1999. — 367 p.
19. Theoharis A. G. Seeds of Repression : Harry S. Truman and the Origins of McCarthyism / A. G. Theoharis. — New York : Quadrangle Books, 1977. — 238 p.
20. Theoharis A. G. The Boss. J. Edgar Hoover and the Great American Inquisition / A. G. Theoharis, J. S. Cox. — Temple (PA) : Temple University Press, 1988. — 489 p.
21. Theoharis A. G. Truman Presidency: The Origins of the Imperial Presidency and the National Security State / A. G. Theoharis. — Stanfordville (NY) : Earl M. Coleman Enterprises, 1979. — 396 p.
22. Tyson Li L. Madame Chiang Kai-shek : China's Eternal First Lady / L. Tyson Li. — New York : Grove Press, 2006. — 576 p.

*Статья поступила в редакцию 27.08.2024,
одобрена после рецензирования 09.12.2024,
подготовлена к публикации 07.01.2025.*

Material resources

- DeLoach, C. (1995). *Hoover's FBI: The Inside Story by Hoover's Trusted Lieutenant*. New York: Regnery History. 440 p.
- FBI Oral History Heritage Project. (2009). *Memoir of Former Special Agent of the FBI John T. Conway (1950—1956)*. P. 22.

- Hoover, J. E. (1947). How to Fight Communism. *Newsweek*. 9.06. 30—40.
- Library of Congress (further — LoC). Owen Lattimore papers, 1907—1997. MSS80712. Series 7: Eleanor Holgate Lattimore Files, 1924—1970. Letter from Owen Lattimore. 6 May 1950.
- National Archives and Records Administration (further — NARA). Record Group 65. Federal Bureau of Investigation. File: 100—398328 (Joseph McCarthy). Memorandum for the Director. 12 March 1950.
- NARA. RG. 65. Federal Bureau of Investigation. File: 100—398328 (Joseph McCarthy). Wisconsin Office to Nathan. 8 April 1952.
- NARA. RG. 65. Federal Bureau of Investigation. File: 67—571 (J. Edgar Hoover's Official and Personal Letters — China). Memo from Director Hoover to Lawrence M. C. Smith, chief of Special War Policies Unit. 15 January 1943.
- NARA. RG. 65. Federal Bureau of Investigation. File: 67—571 (J. Edgar Hoover's Official and Personal Letters — China). Memo re: Soong Family. L. B. Nichols to Mr. Tolson. 8 February 1943.
- NARA. RG. 65. Federal Bureau of Investigation. File: 100—24628 (Owen Lattimore). HQ Letter to Baltimore FBI. 4 March 1949.
- NARA. RG. 65. Federal Bureau of Investigation. File: 100—24628 (Owen Lattimore). Baltimore FBI to HQ. 9 September 1949.
- NARA. RG. 65. Federal Bureau of Investigation. File: 65—2400 (Jay David Whittaker Chambers). SAC Philadelphia to Director. 24 February 1949.
- NARA. RG. 65. Federal Bureau of Investigation. File: 67—561 (J. Edgar Hoover Official & Confidential (O&C) Files). Hoover to McCarthy. 23 August 1950.
- NARA. RG. 65. Federal Bureau of Investigation. File: 67—561 (J. Edgar Hoover Official & Confidential (O&C) Files). Hoover to Nichols. 13 July 1950.
- NARA. RG. 65. Federal Bureau of Investigation. File: 100—24628 (Owen Lattimore). Allegations of Espionage Activity by Owen Lattimore. 2—4.

References

- Baime, A. J. (2017). *The Accidental President: Harry S. Truman and the Four Months that Changed the World*. New York: Mariner Books. 464 p.
- Chernyavsky, G. I., Dubova, L. L. (2016). *Truman (ZhZL)*. Moscow: Molodaya Gvardiya Publ. 479 p. ISBN 978-5-235-03891-2. (In Russ.).
- Demaris, O. (1975). *The Director: An Oral Biography of J. Edgar Hoover*. New York: Harpers Magazine Press. 405 p.
- Egorova, N. I. (ed.). (2003). *The Cold War. 1945—1963*. Moscow: OLMA Media Group. 638 p. ISBN 5-224-04305-0. (In Russ.).
- Klehr, H., Radosh, R. (1996). *The Amerasia Spy Case: Prelude to McCarthyism*. Chapel Hill (NC): The University of North Carolina Press. 280 p.
- Lewis, L. S. (1996). *The Cold War and Academic Governance: The Lattimore Case at Johns Hopkins*. New York: State University of New York Press. 342 p.
- Newman, R. P. (1992). *Owen Lattimore and the Loss of China*. Berkeley (CA): University of California Press. 685 p.
- O'Brien, K. P., Parsons, L. H. (eds.). *The Home Front: World War II and American Society*. Westport (CT): Praeger. 224 p.
- O'Reilly, K. (1983). *Hoover and the Un-Americans: The FBI, HUAC, and the Red Menace*. Temple (PA): Temple University Press. 411 p.

- Pakula, H. (2009). *The Last Empress: Madame Chiang Kai-shek and the birth of modern China*. New York: Simon & Schuster. 816 p.
- Paterson, T. G., McMahon, R. J. (eds.). (1999). *The Origins of the Cold War*. Madison (WI): D. C. Heath and Company. 367 p.
- Purifoy, L. (1976). *Harry Truman's China Policy: McCarthyism and the Diplomacy of Hysteria, 1947—1951*. New York: New Viewpoints. 316 p.
- Savage, S. J. (2021). *Truman and the Democratic Party*. Lexington (KY): University Press of Kentucky. 320 p.
- Schrecker, E. (1986). *No Ivory Tower: McCarthyism and the Universities*. London (UK): Oxford University Press. 445 p.
- Schrecker, E. (1998). *Many are the Crimes: McCarthyism in America*. Boston (MA): Little, Brown and Company. 573 p.
- Schrecker, E. (2002). *The Age of McCarthyism: a Brief History with documents*. Boston (MA): Bedford/St. Martin's. 308 p.
- Tanner, H. M. (2015). *Where Chiang Kai-shek Lost China: The Liao-Shen Campaign, 1948*. Bloomington (IN): Indiana University Press. 384 p.
- Theoharis, A. G. (1977). *Seeds of Repression: Harry S. Truman and the Origins of McCarthyism*. New York: Quadrangle Books. 238 p.
- Theoharis, A. G. (1979). *Truman Presidency: The Origins of the Imperial Presidency and the National Security State*. Stanfordville (NY): Earl M. Coleman Enterprises. 396 p.
- Theoharis, A. G. (ed.). (2000). *The FBI: A Comprehensive Reference Guide*. New York: Greenwood. 424 p.
- Theoharis, A. G., Cox, J. S. (1988). *The Boss. J. Edgar Hoover and the Great American Inquisition*. Temple (PA): Temple University Press. 489 p.
- Tyson Li, L. (2006). *Madame Chiang Kai-shek: China's Eternal First Lady*. New York: Grove Press. 576 p.

*The article was submitted 27.08.2024;
approved after reviewing 09.12.2024;
accepted for publication 07.01.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(1), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Лизогуб А. С. Генералиссимус А. В. Суворов : личность полководца в политике памяти Российской империи начала XX века / А. С. Лизогуб // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 1. — С. 431—451. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-431-451.

Lizogub, A. S. (2025). Generalissimo A. V. Suvorov: General's Persona in Memory Politics of Early 20th Century Russian Empire. *Nauchnyi dialog*, 14 (1): 431-451. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-431-451. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Генералиссимус А. В. Суворов: личность полководца в политике памяти Российской империи начала XX века

Лизогуб Анна Сергеевна
orcid.org/0000-0001-5101-6334
кандидат исторических наук,
кафедра отечественной истории,
социологии и политологии
chestopalova94@mail.ru

Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского
(Омск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 23-78-01190
«Военные события в исторической
памяти российского общества
в начале XX века»

Generalissimo A. V. Suvorov: General's Persona in Memory Politics of Early 20th Century Russian Empire

Anna S. Lizogub
orcid.org/0000-0001-5101-6334
PhD in History,
Department of National History,
Sociology, and Political Science
chestopalova94@mail.ru

Dostoevsky Omsk
State University
(Omsk, Russia)

Acknowledgments:

This research was supported
by the Russian Science Foundation,
project № 23-78-01190
“Military Events in the Historical Memory
of Russian Society at the Beginning
of the 20th Century”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена проблеме использования образов героического прошлого в политике памяти Российской империи начала XX века. Автор подробно останавливается на характеристике коммеморации подвигов А. В. Суворова в российском государстве времен Николая II. Показано, что приближение 100-летия со дня смерти А. В. Суворова способствовало актуализации памяти о герое. На основе материалов делопроизводства и периодической печати доказано, что после вековой годовщины деятельности по увековечению памяти о полководце была продолжена. В результате исследования установлено, что викториальная тематика на протяжении рассматриваемого периода занимала ключевую позицию в символической политике самодержавной власти. Автор приходит к выводу о том, что государство активно использовало героический образ А. В. Суворова для легитимации существовавшего порядка и объединения населения империи. Подчеркивается, что в начале XX века важнейшими инструментами формирования пространства памяти являлись конструирование пантеона национальных героев, учреждение музеев, организация праздничных церемоний, проведение научно-просветительских мероприятий, монументальная коммеморация и др. Автор утверждает, что сюжеты военной истории применялись в создании культурной инфраструктуры как внутри государства, так и за его пределами. Статья представляет интерес для исследователей, занимающихся проблемами политики памяти начала XX века.

Ключевые слова:

А. В. Суворов; историческая память; политика памяти; Российская империя; монументальная коммеморация; памятные годовщины.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article addresses the utilization of heroic imagery from the past within the memory politics of the early 20th century Russian Empire. The author provides a detailed analysis of the commemoration of A. V. Suvorov's feats during the reign of Nicholas II. It is demonstrated that the centenary of Suvorov's death catalyzed a resurgence of interest in this heroic figure. Based on archival documents and periodical press, the study shows that efforts to immortalize the general continued after the centennial anniversary. The research establishes that Victorian themes occupied a central position in the symbolic politics of autocratic power throughout this period. The author concludes that the state actively employed the heroic image of A. V. Suvorov to legitimize the existing order and unify the empire's populace. It is emphasized that, in the early 20th century, key instruments for shaping the memory landscape included the construction of a pantheon of national heroes, the establishment of museums, the organization of celebratory ceremonies, and the execution of educational initiatives, alongside monumental commemoration. The author asserts that narratives from military history were instrumental in creating cultural infrastructure both within and beyond the state's borders. This article is of particular interest to researchers exploring issues related to historical memory and memory politics in the early 20th century.

Key words:

A.V. Suvorov; historical memory; memory politics; Russian Empire; monumental commemoration; commemorative anniversaries.

Генералиссимус А. В. Суворов: личность полководца в политике памяти Российской империи начала XX века

© Лизогуб А. С., 2025

1. Введение = Introduction

Военная история всегда находилась в центре внимания российского государства и общества. Героические подвиги выступали средством для интеграции населения перед лицом внешнего врага, а также служили критерием для оценивания результатов внутривнутриполитического курса. Значимость памяти о войнах и ее героях предопределила приоритетный характер данной проблематики в символической политике России на разных этапах ее существования.

Протяженность границ Российской империи, многообразие народов, проживающих на ее территории, в совокупности с кризисными явлениями начала XX века поставили на повестку необходимость поиска действенных способов укрепления самодержавия. В такой ситуации героическая тематика использовалась властью в рассматриваемый период для легитимации политического курса. Несмотря на то, что события военной истории постоянно находились в центре внимания государства на протяжении 1900—1914 годов, методы и направления политики памяти менялись под влиянием вызовов эпохи.

В центре внимания настоящей статьи находится воссоздание инструментов коммеморации подвигов А. В. Суворова с целью выявления и характеристики особенностей политики памяти Российской империи начала XX столетия. Обращение к фигуре Александра Васильевича Суворова обусловлено его особым местом в пантеоне национальных героев, являющихся олицетворением громких побед и доблести русской армии.

Многогранность и междисциплинарный характер исследований в сфере политики памяти обусловили обращение к этой теме специалистов из разных отраслей гуманитарного знания. По мнению Дж. Джонсона и О. Ю. Малиновой, особенно силен интерес со стороны исследователей, занимающихся «изучением политики в постсоветских и посткоммунистических странах» [Джонсон и др., 2020, с. 16]. Разработке вопросов теоретического и методологического характера символической политики среди

отечественных специалистов свои труды посвятили А. И. Миллер [Миллер, 2020]), О. Ю. Малинова [Малинова, 2019], О. С. Поршнева [Поршнева, 2021], К. А. Пахалюк [Пахалюк, 2018] и др.

По мнению Дж. Уинтера, в конце XIX — начале XX веков память о прошлом использовалась для формирования национальных, социальных и культурных идентичностей [Winter, 2006, p. 55]. Р. С. Уортман, пытаясь проследить эволюцию сценариев власти в царской России, обратил внимание на то, что массовые гуляния начала XX века, обеспечивавшие Николаю II возможности вступать в непосредственный контакт с народом, позволяли ему заручиться поддержкой населения [Уортман, 2004, с. 32]. М. Рольф считал, что в 1903—1913 годах вступали в конфликт различные праздничные культуры, представляющие собой конкурирующие формы репрезентации [Рольф, 2009, с. 40]. К изучению общих тенденций викториальной тематики и ее использованию в своих целях самодержавной властью обратился В. В. Лапин [Лапин, 2016]. К. Н. Цимбаев, анализируя праздничную культуру Российской империи, пришел к выводу, что исторические юбилеи являлись одним из важнейших средств воздействия на сознание общества [Цимбаев, 2019]. Использованию памятных годовщин в символической политике на окраинах посвятили свои труды Д. Н. Просолов [Просолов, 2022], Э. О. Сагинадзе [Сагинадзе, 2020] и др.

Отечественные историки уделили также внимание изучению процесса формирования памяти о подвигах А. В. Суворова. А. В. Буганов, рассуждая о полководцах и военных героях в исторической памяти русского народа, пришел к выводу о том, что сочетание в личности Александра Васильевича Суворова «непревзойденного воинского умения с органически присущей ему демократичностью создало в народном представлении ярчайший образ национального героя-полководца» [Буганов, 2010, с. 165]. С. И. Григорьев рассмотрел роль Академии Генерального штаба в создании Суворовского музея [Григорьев, 2018]. Отражению личности полководца в зарубежных музейных экспозициях посвятила свою работу Е. А. Тинякова [Тинякова, 2018]. С. В. Постников и А. Г. Наумлюк выявили более 300 географических наименований, получивших свое название в память о генералиссимусе [Постников и др., 2021].

Таким образом, политика памяти российского государства в начале XX столетия являлась предметом изучения ряда научных трудов. Авторы в наибольшей степени уделяли внимание рассмотрению процесса организации празднований памятных годовщин. Несмотря на исследовательский интерес к образу А. В. Суворова, в настоящее время отсутствуют работы, целью которых являлось бы воссоздание особенностей конструирования памяти о полководце на последнем этапе существования Российской им-

перии и возможностей использования героического дискурса в политике памяти.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Корпус источников настоящей статьи включает в себя как опубликованные, так и архивные материалы. Большое значение имело обращение к документам Российского государственного военно-исторического архива, в котором сохранились рапорты, постановления, докладные записки отдела по устройству и службе войск Главного управления Генерального штаба (фонд 2000). В его ведении находилось рассмотрение вопросов, связанных с увековечением памяти о значимых событиях и личности военной истории. Выявленные источники позволили определить основные направления политики памяти и охарактеризовать деятельность ее главных акторов, а также сложности при реализации коммеморативных проектов.

В статье также использовались документы Императорского Русского военно-исторического общества (ИРВИО), отложившиеся в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи (ф. 11). В связи с тем что общество не имело своего помещения, вся переписка и делопроизводственная документация хранились в здании Артиллерийского исторического музея, которым заведовал Д. П. Струков, по совместительству являющийся секретарем ИРВИО.

Отдельные инициативы и реакцию общественности на различные формы коммеморации удалось воссоздать на основе анализа материалов периодической печати. В газете «Русский инвалид» публиковались заметки об открытии памятников, хроники торжественных мероприятий, программы конкурсов и т. д.

Теоретическим ядром исследования стали идеи парадигмы *memory studies*, в которой основное внимание уделено изучению инструментов формирования исторической памяти, акторов и направлений символической политики. Одним из ключевых понятий настоящей статьи является политика памяти. В научной литературе существует множество трактовок данного исследовательского конструкта. За основу было взято определение, предложенное О. Ю. Малиновой и А. И. Миллером, для которых политика памяти — это «деятельность государства и других акторов, направленная на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом и формирование поддерживающих их культурной инфраструктуры, образовательной политики, а в некоторых случаях — еще и законодательного регулирования» [Малинова и др., 2021, с. 15]. Для соотнесения инструментов политики памяти, используемых в 1900—1914 годы, использовался историко-сравнительный метод. Выявление воспоминаний

событий военной истории и их героев в периодической печати осуществлялось с помощью контент-анализа.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Памятные годовщины и деятельность комиссий

Актуализация в сознании российского общества различных военных событий и имен их героев в 1900—1914 годы имела достаточно динамичный характер (рис. 1).

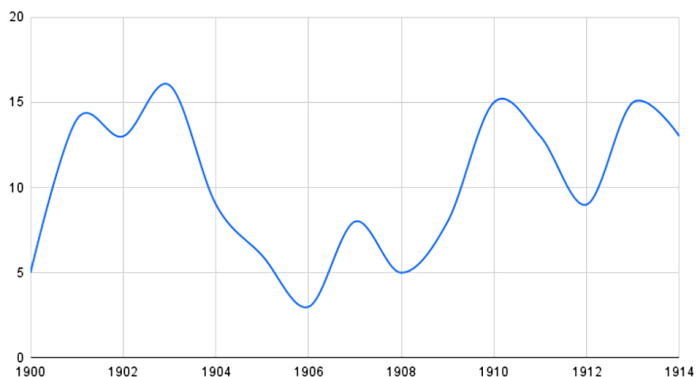

Рис. 1. Динамика актов воспоминаний событий военной истории в 1900—1914 гг.
(составлено автором научной статьи)

Значимую роль в этом процессе играли юбилеи военных событий, под знаком которых проходил рассматриваемый период. В исследовательской литературе утвердилось мнение о том, что характер всероссийских торжеств получили празднования 200-летия Полтавской победы (1909) и 100-летия Отечественной войны 1812 года (1912) [Лиманова, 2017]. Однако в 1900 году состоялись широкомасштабные мероприятия в честь 100-летия годовщины со дня смерти А. В. Суворова. Чествование памяти героя не было привязано к его конкретным победам на полях сражений, что существенно отличало это торжество от всех последующих.

Подготовкой к столь знаменательному событию занималась особая «Комиссия по разработке вопроса об увековечении памяти генералиссимуса князя Италийского, графа Суворова-Рымникского», учрежденная при Главном штабе в марте 1898 года под председательством начальника 1-й гвардейской пехотной дивизии генерал-лейтенанта Н. И. Бобрикова (Русский инвалид, 1898, декабрь) [Внутренние известия ..., 1898, № 258, с. 4].

Одновременно объявлялось открытие добровольной по империи подписки для сбора пожертвований на сооружение памятника или музея.

Для увеличения суворовского капитала в 1899 году под эгидой Николаевской академии Генерального штаба организовывались публичные лекции о жизни и военной деятельности Александра Васильевича [В пользу фонда ..., 1899, № 66, с. 3]. Лекторами выступали профессора академии, среди которых генерал-майор Н. П. Михневич, полковники П. А. Гейсман, А. З. Мышлаевский, Б. М. Коллюбакин и др. Однако билеты в первые дни разбирались неохотно в силу недоверия к военным лекторам и страха перед специализированной терминологией. Но уже после первой лекции большая часть билетов была раскуплена [С-ий, 1899, № 135, с. 5].

С публичными лекциями выступал в Туле, Костроме, Ярославле и других городах подполковник Генерального штаба П. Н. Симанский. Его сообщения сопровождалась демонстрацией туманных картин с портретами А. В. Суворова, военными походами и карикатурами. Организация чтений в провинциальных городах позволила выручить значительные суммы. От лекции в Туле удалось собрать около 500 руб., а в Костроме 624 руб. 50 коп. [Из Тулы, 1899, № 68, с. 2].

Получить дополнительные средства позволила организация концертов и театрализованных представлений. В Рязани по инициативе супруги начальника 35-й пехотной дивизии Юнаковой в военном собрании 1-й бригады в 1898—1899 годах состоялось три любительских благотворительных спектакля. Деньги от последнего предназначались «на усиление сумм, собираемых на сооружение памятника нашему великому полководцу и “отцу-учителю военного искусства”, генералиссимусу князя Суворову» [К-ий, 1899, № 47, с. 2]. Пожертвования в Суворовскую комиссию также поступали от профессиональных исполнителей [Еще лепта ..., 1900, № 54, с. 3]. К 4 мая 1900 года всего по империи было собрано 125 тыс. руб.

По инициативе члена комиссии генерал-лейтенанта С. И. Бибикова с 11 марта 1900 года учреждались «суворовские рабочие дни». Эта практика позволила дополнительно получить 74 000 руб. [К открытию суворовского музея ..., 1904, № 248, с. 2].

Активная деятельность Суворовской комиссии продолжилась и после обновления ее состава. Институциональные изменения обуславливались решением императора, по которому 13 октября 1899 года все дела по сооружению музея в память о Суворове передавались в Николаевскую академию Генерального штаба [Григорьев, 2018, с. 86]. Новой комиссии предстояло продолжить сбор пожертвований, курировать сооружение музея и организовать торжества, приуроченные к 100-летию годовщины со дня смерти генералиссимуса.

Анализ мероприятий, состоявшихся 3—12 мая 1900 года, показал, что использовался традиционный набор коммеморативных практик. Он включал в себя заупокойные литургии, панихиды, научно-просветительские чтения. Торжества начиналась 3 мая 1900 года с освящения церкви, перенесенной из родового имения в селе Кончанское на Преображенский плац рядом со зданием Николаевской академии Генерального штаба. 6 мая, в день кончины полководца, нескольким воинским частям было присвоено имя Суворова, а Варшавский кадетский корпус переименован в «Суворовский» [Высочайшие приказы ..., 1900, № 100, с. 1]. Значимость и высокий статус церемониальных действий подчеркивались присутствием императора и великих князей.

Новости о чествовании памяти Александра Васильевича Суворова доносились из Ярославля, Скопина, Порт-Артура, Пскова, Солевычегодска, Одессы, Кутаиса, Брест-Литовска и др. городов империи. Все праздничные мероприятия были объединены идеей почтить всевозможными способами память национального героя. При этом отсутствовали четкие рамки, рекомендации и ограничения в выборе форм коммеморации по сравнению с последующими всероссийскими торжествами. В такой ситуации акторы политики памяти действовали, исходя из своих финансовых и организаторских возможностей, что приводило к появлению разнообразных сценариев.

В 95-м пехотном Красноярском полку в г. Юрьеве на обозрение военной и гражданской публике была представлена реконструкция исторических моментов из жизни полководца: штурм Измаила, Суворов в деревне, битва при Треббии и др. «Все это произвело на публику настолько внушительное впечатление, что не только тысячная масса простого народа <...>, но и более интеллигентная публика — чиновники, студенты, профессора университета, искренно благодарили инициатора-командира полка и главного исполнителя-режиссёра подполковника Киреева и убедительно просили повторить <...>» [Потоцкий, 1900, № 148, с. 2].

Таким образом, 100-летняя годовщина со дня смерти великого полководца способствовала актуализации его наследия в сознании и исторической памяти российского общества начала XX века. Решение организационных вопросов было возложено на особую комиссию, состоящую преимущественно из военных. Данный опыт использовался и в дальнейшем. По инициативе императора создавались междуведомственные комиссии, объединяющие специалистов из разных учреждений для наиболее быстрого разрешения возникающих трудностей. Суворовские торжества стали одним из первых массовых празднеств начала XX века, прошедших по всей Российской империи.

3.2. Музей как хранилище памяти

В конце XIX — начале XX веков повсеместным явлением стало учреждение полковых музеев, выступающих хранилищем военных традиций и знаний по истории русской армии. Подобные тенденции предопределили утверждение идеи о строительстве музея в память о подвигах Суворова.

На пути реализации данного проекта имелось немало проблем — сжатые сроки, необходимость организации конкурса архитектурных работ, сбор экспонатов. Ситуацию осложняли и высокие требования к будущему зданию музея. В соответствии с программой конкурса оно должно было отражать силу и мощь характера полководца, показать роль солдат-сподвижников, символизировать религиозность и преданность Суворова Престолу и Отечеству [Внутренние известия, 1898, № 271, с. 2]. Ни один из проектов, поступивших в комиссию при Главном штабе, не был признан возможным для реализации.

Выбор места сооружения стал предметом обсуждения особого совещания под председательством начальника Главного штаба. В рамках его работы была высказана идея строительства музея Суворову при Николаевской академии Генерального штаба, а 13 октября 1899 года последовало соответствующее высочайшее соизволение.

Переход в ведение академии всех дел по вопросу сооружения музея обусловил разработку новой программы конкурса, утвержденной 1 июня 1900 года. В ней детализировались технические требования, уделялось значительное внимание материалам и структуре помещения. Относительно символической составляющей указывалось только то, что внешний вид и внутренняя отделка «должны напоминать личность Суворова и отражать его деяния» [Программа конкурса ..., 1900, № 162, с. 3]. До 2 января 1901 года в комиссию поступило 14 конкурсных работ. Ввиду того, что все они превосходили бюджет строительства, 5 мая 1901 года император утвердил проект архитектора хозяйственно-строительной комиссии для постройки зданий академии А. И. фон Гогена. Несмотря на энергичные усилия Суворовской комиссии, сложность задачи не позволяла рассчитывать на ее выполнение к 6 мая 1900 года. Николай II в своем дневнике 8 марта 1903 года с сожалением отмечал, что «музей имени Суворова не готов» [Мироненко, 2011, с. 717].

К 14 октября 1904 года основные строительные работы были завершены. [Внутренние известия ..., 1904, № 227, с. 3]. Помещение музея состояло из пяти залов, расположенных в одну линию, также имелось помещение для библиотеки.

Торжественное открытие музея состоялось 13 ноября 1904 года, но приурочено оно было уже к годовщине дня рождения А. В. Суворова. На-

кануне, 12 ноября в суворовской церкви состоялась заупокойная литургия. После нее все лица направились в Александро-Невскую лавру на могилу Суворова [Заупокойная литургия ..., 1904, № 249, с. 2].

13 ноября торжества начинались с крестного хода из Суворовской церкви. Среди участников помимо представителей военной и политической элиты были войсковые депутации и потомки Суворова, а также почетные посетители в лице Николая II и великих князей. Далее по программе состоялось молебствие и провозглашение вечной памяти, во время которого император «изволил опуститься на колени» [Открытие ..., 1904, № 250, с. 3]. После завершения официального церемониала Николай II в сопровождении военного министра и других участников осмотрел здание музея и коллекцию экспонатов. В тот же день в академии Генерального штаба состоялось торжественное заседание, на котором начальник академии, генерал-майор Н. П. Михневич объявил об открытии при академии Суворовского музея.

3.3. Монументальная коммеморация

На протяжении 1900—1914 годов одним из важнейших инструментов сохранения памяти о героическом прошлом выступала монументальная коммеморация. В рассматриваемый период во многих городах Российской империи и за ее пределами был установлен ряд досок и памятников, посвященных А. В. Суворову. Идеи о создании большинства из них были предложены в контексте празднования 100-летней годовщины со дня смерти полководца. Сооружаемые монументы позволяли «визуализировать» подвиги или характерные черты личности, облечь их в конкретные формы, а также закрепить за пространством определенное символическое значение.

На территории Российской империи памятники полководцу были воздвигнуты в с. Суворово Пензенской губернии Мокшанского уезда, в Очакове, Белостоке и др. Места сооружения монументов отражали вехи жизни генералиссимуса.

Памятник в с. Суворово, продемонстрированный публике 9 мая 1903 года, представлял собой бюст полководца из темной бронзы, помещенный на пьедестале высотой 5 ½ аршин [Торжество открытия ..., 1903, № 107, с. 5]. Ограждение монумента составили соединенные между собой 12 пушек. Церемонию открытия посетили представители губернской и уездной администрации, губернских городов и ближайших селений, воспитанники учебных заведений (рис. 2). Столь широкое представительство свидетельствовало о культурной и исторической значимости монумента для жителей уезда. Несмотря на то, что это село никак не было связано с победами полководца, форма памятника отражала связь владельца пензенской вотчины с военным делом.

Рис. 2. Ученики Пензенского реального училища у памятника в с. Суворово
[РГИА, ф. 922, оп. 1, д. 824, л. 6]

Сооружение монументов содействовало укреплению идентичности и чувства взаимосвязи между членами сообществ. Именно по этой причине 15 декабря 1911 года уполномоченные от частей войск 16-й пехотной дивизии и 16-й артиллерийской бригады решили установить в Белостоке памятник А. В. Суворову и М. Д. Скобелеву. Генерал-лейтенант Г. К. Рихтер указывал, что «под начальством народных этих героев на полях сражений все войска дивизии заслужили выдающиеся боевые награды; <...> в преданиях частей свято хранится память нашего величайшего полководца Суворова и Скобелева...» [РГВИА, ф. 2000, оп. 2, д. 1081, л. 2].

Монумент изготавливался в Риме скульптором Н. Г. Шлейфером. В соответствии с пожеланиями комиссии, памятник имел форму скалы, увенчанной двуглавым орлом с распростертыми крыльями. На лицевой стороне размещался барельеф с изображениями Суворова и Скобелева, окруженными лавровым венком [Там же, л. 11].

Расходы на сооружение памятника составили около 8500 тыс. руб. [Там же, л. 4]. Необходимые средства собирались главным образом путем офицерских взносов в полках и бригадах дивизии по 50 коп. в месяц

с каждого в течение трех лет, начиная с 1 января 1912 года по 31 декабря 1914 года. При желании благотворительный взнос могли внести и нижние чины, для которых в ротах и батареях помещалась особая кружка с надписью «На памятник Суворову и Скобелеву при 16-й пехотной дивизии» [Там же, л. 3об.]. Торжественное открытие состоялось 30 августа 1913 года [Начальник ..., 1913, № 185, с. 4].

Таким образом, сооружение монументов полководцу в Суворово и Белостоке использовалось акторами политики памяти для укрепления символической связи личности генералиссимуса с конкретной территорией или сообществом. Новые культурные символы, возникающие под воздействием данных процессов, служили одновременно источником для интеграции всего населения империи и поиска стратегии конструирования идентичности небольших групп.

Примером иной репрезентации образа Александра Васильевича Суворова в монументальном искусстве являлся памятник в Очакове. Его открытие состоялось 1 октября 1907 года и было приурочено к 120-летию Кинбурнской битвы в период русско-турецкой войны 1787—1791 годов. Изготовлением монумента занимался известный художник-скульптор Б. В. Эдуардс, изобразивший полководца «в минуту ранения его пулей под сердце в Кинбурнском бою: весь корпус фигуры выражает призыв войск к дальнейшему наступлению на неприятеля, указываемого правой рукою; левая рука зажимает рану под сердцем» [Из крепости ..., 1907, № 204, с. 3].

В телеграмме, отправленной Императорским Русским военно-историческим обществом командующему войсками Одесского военного округа, генералу от кавалерии А. В. Каульбарсу, подчеркивалась мысль о том, что «памятник великому полководцу послужит новой связью славного исторического прошлого русской армии» [ВИМАИВиВС, ф. 11, оп. 1, д. 4, л. 21].

Викториальные мотивы также легли в основу концепции увековечения памяти Суворова в Измаиле. Идея сооружения монумента на месте выдающейся победы генералиссимуса возникла еще осенью 1909 года во время поездки членов Одесского отдела ИРВИО по Дунаю. Данная инициатива нашла поддержку со стороны местной администрации и жителей города. В декабре 1909 года городское управление получило разрешение на сбор пожертвований в Измаильском уезде [Там же, д. 87, л. 41].

В 1911 году в Главное управление Генерального штаба поступило ходатайство от Совета ИРВИО с просьбой расширить территорию сбора пожертвований до пределов всего Одесского военного округа. В прошении указывалось, что «частный сбор средств в Измаильском уезде искажает основную идею сооружения памятника: благодарным населением ныне процветающего Южно-Русского края» [Там же, л. 316 об.].

Главное управление Генерального штаба предложило объединить усилия ИРВИО и местной администрации по сбору пожертвований [Известия, 1912, с. 36—37]. Такое решение позволило избежать конкуренции между акторами политики памяти и направить их активность на достижение общей цели.

После завершения всех работ по изготовлению монумента Суворову в Рымнике в 1913 году было принято решение «повторить памятник рымникский в Измаиле, изменив лишь барельеф / вместо рымникского сражения — штурм Измаила 11 декабря 1790 года» [ВИМАИВиВС, ф. 11, оп. 1, д. 87, л. 316 об.]. Для этого весной 1914 года поступило распоряжение о выделении 9341 пуда лома латуни [Там же, 1914, с. 359]. В середине июня состоялась торжественная закладка нового монумента [Закладка ..., 1914, № 135, с. 2].

Рымникский памятник Александру Васильевичу Суворову являлся примером реализации коммеморативных проектов за пределами российского государства. С предложением об увековечении памяти полководца на румынской земле выступила депутация Одесского отдела ИРВИО во время своего визита в Румынию в 1909 году. Данная инициатива нашла поддержку со стороны румынского правительства, которое на безвозмездной основе выделило участок земли и разрешило беспопыльный ввоз всех необходимых материалов для сооружения монумента [РГВИА, ф. 2000, оп. 2, д. 1069, л. 1].

Строительные работы курировались особой комиссией, образованной 7 февраля 1911 года, под руководством командира 8-го армейского корпуса генерала от инфантерии И. А. Романенко. В ее состав помимо членов Одесского отдела ИРВИО также входили полковник румынской армии Ильеску и русский военный агент в Румынии полковник Е. А. Искрицкий [ВИМАИВиВС, ф. 11, оп. 1, д. 87, л. 52]. В ведении комиссии находилось решение всех организационных вопросов: от переписки с необходимыми ведомствами до определения точного места установки памятника [Там же, л. 44 об.]. Впоследствии признавалось, что месторасположение монумента в долине реки Рымны было выбрано весьма удачно с точки зрения соответствия исторической действительности и доступности: он был размещен в непосредственной близости от железной дороги [Там же, л. 58].

О масштабности проекта свидетельствовали размер памятника, высота которого составляла $12 \frac{3}{4}$ аршина, а также расходы на сооружение, составившие в сумме 160 тыс. руб. [РГВИА, ф. 2000, оп. 2, д. 1069, л. 69 об.]. За реализацией проекта с особым вниманием следил русский император, который давал указания Б. В. Эдуардсу об обязательном помещении скульптуры Суворова на лошадь казачьего типа и изображении в барельефе австрийских войск [Там же, л. 5].

По словам Б. В. Эдуардса, основу проекта составила идея героического образа полководца. Скульптор отмечал, что «глубоко религиозный, великий старец начинал всегда сражение с молитвы и водил войска в штыки с именем Бога и царя на устах» [Там же, д. 1063, л. 39]. На монументе фигура военачальника, обернувшегося к войскам, изображалась со шляпой в руках, которой он подавал знак для последней решительной атаки кавалерии (рис. 3).

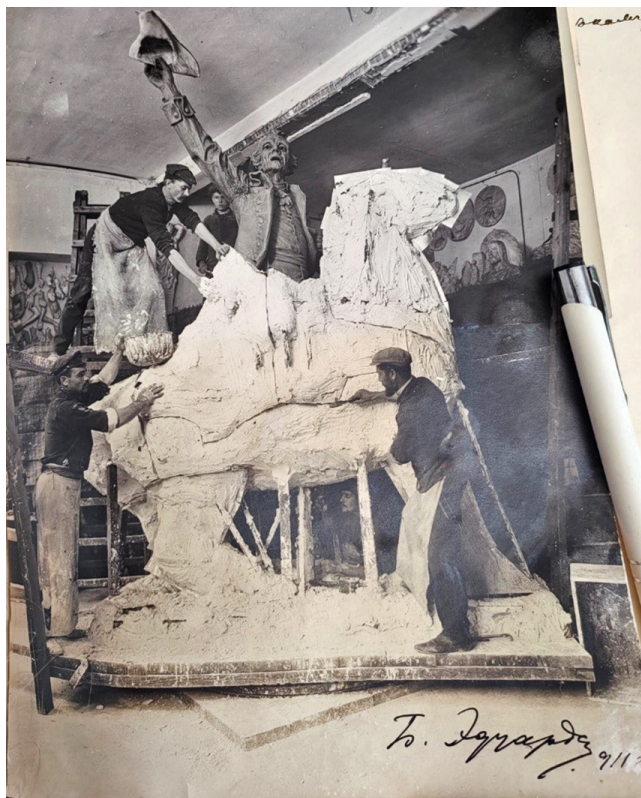

Рис. 3. Процесс изготовления памятника А. В. Суворову в Рымнике. 1911.
[ВИМАИВиВС, ф. 11, оп. 1, д. 87, л. 79]

Строительные работы планировалось завершить к июню 1912 года, а торжественное открытие приурочить к годовщине Рымникского сражения 11 сентября 1912 года. По мнению комиссии, к этому времени в России должно было закончиться празднование 100-летия Отечественной войны 1812 года [РГВИА, ф. 2000, оп. 2, д. 1069, л. 56 об.]. Однако не был уч-

тен вековой юбилей присоединения Бессарабии. В секретных донесениях министра иностранных дел сообщалось, что эта памятная дата находила «болезненный отклик в румынском обществе вообще, особенно же в интеллигентской среде» [Там же, д. 1077, л. 12]. Таким образом, церемония открытия переносилась по политическим мотивам до более благоприятных обстоятельств в надежде на то, что память о совместном боевом прошлом позволит улучшить отношения между странами [Там же, л. 12 об.].

Памятник А. В. Суворову на Рымникском поле был открыт 6 ноября 1913 года. Участие в церемонии приняли депутация из Российской империи, австрийский военный агент Хранилович, румынские офицеры, представители общественности и др. По решению Николая II из высочайших особ на открытие никто не направлялся [Там же, л. 40]. В начале торжества военный оркестр исполнил русский и румынский гимны, затем было совершено богослужение, после которого монумент был представлен на обозрение публике. Затем состоялось возложение венков, проведение парада и праздничный банкет. По этому случаю активный деятель ИРВИО А. К. Баиов отправил румынскому королю Карлу телеграмму, в которой выражал благодарность за содействие и сочувствие. В своем послании он подчеркивал мысль о том, что новый памятник станет «хранилищем заветов славного прошлого и залогом блестящего будущего» [ОР РНБ, ф. 152, оп. 3, ед. хр. 63, л. 56—57].

4. Заключение = Conclusions

Подводя итог, необходимо отметить, что события военной истории занимали одну из ключевых позиций в политике памяти Российской империи начала XX столетия. Повышенное внимание к викториальной тематике объяснялось не только значением военных кампаний в истории государства, но и особым положением армии в обществе. В рассматриваемый период политика памяти была направлена на укрепление самодержавного строя в центре и на окраинах империи, объединение подданных на основе общезначимых культурных и исторических символов, их закрепление на территории государства с многонациональным населением.

На протяжении 1900—1914 годов активно велась работа по конструированию пантеона национальных героев. В каждой исторической эпохе существовали свои примеры для подражания — воины, отличившиеся в боях, проявившие стойкость и мужество. Военные кампании, в том числе окончившиеся поражением русской армии, приводили к пополнению списка героев новыми именами. Несмотря на то, что А. В. Суворов был военным деятелем XVIII века, память о нем жила и в последующие столетия, а его образ использовался государством для возвеличения русской армии и поднятия боевого духа в начале XX века.

Образ героя-полководца на рубеже веков занимал важное место в пространстве памяти Российской империи. Об этом свидетельствовали многочисленные проекты по увековечению памяти генералиссимуса и количество благотворительных пожертвований, поступавших в Суворовскую комиссию.

В коммеморации принимали участие научные сообщества, местные органы власти, армейские части, но, несмотря на это, осуществление того или иного замысла зависело от монарха и его ближайшего окружения. Сложившийся порядок, требующий получения высочайшего соизволения, приводил к тому, что фигура императора занимала центральное место среди действующих лиц символической политики. При этом необходимо учитывать, что увеличение коммеморативных проектов на протяжении рассматриваемого времени стало объективным фактором активизации других акторов, прежде всего научных сообществ.

Сюжеты военной истории использовались в создании культурной инфраструктуры как внутри государства, так и за его пределами. Важнейшими инструментами формирования пространства памяти являлись организация праздничных церемоний и научно-просветительских мероприятий, учреждение музеев, монументальная коммеморация и др. На территории Российской империи, как правило, все эти способы использовались в совокупности, дополняя друг друга. За границей России набор механизмов был ограничен, поэтому отдавалось предпочтение монументальному искусству, которое позволяло закрепить определенное значение в рамках географического и социокультурного пространства.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. В пользу фонда на сооружение памятника Суворову // Русский инвалид : [газета]. — 1899. — № 66. — С. 3.
2. ВИМАИВиВС — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. 11. (Императорское Русское военно-историческое общество). Оп. 1. Д. 4, 87.
3. Внутренние известия // Русский инвалид : [газета]. — 1898. — № 258. — С. 4.
4. Внутренние известия // Русский инвалид : [газета]. — 1898. — № 271. — С. 1—2.
5. Внутренние известия // Русский инвалид : [газета]. — 1904. — № 227. — С. 3.
6. Высочайшие приказы : по военному ведомству // Русский инвалид : [газета]. — 1900. — № 100. — С. 1.
7. Еще лепта в суворовскую складчину // Правительственный вестник : [газета]. — 1900. — № 54. — С. 3.
8. Закладка памятника полководцу Суворову в Измаиле // Русский инвалид : [газета]. — 1914. — № 135. — С. 2.

9. *Заупокойная* литургия и панихида по генералиссимусу князю Суворову // Русский инвалид : [газета]. — 1904. — № 249. — С. 2—3.
10. *Из крепости* Очакова // Русский инвалид : [газета]. — 1907. — № 204. — С. 2—3.
11. *Из Тулы* // Русский инвалид : [газета]. — 1899. — № 68. — С. 2.
12. *Известия* Императорского Русского военно-исторического общества // Журнал ИРВЮ : [журнал]. — 1912. — № 2. — С. 36—47.
13. *Известия* Императорского Русского военно-исторического общества. // Журнал ИРВЮ : [журнал]. — 1914. — № 6—7. — С. 359—374.
14. *К открытию* Суворовского музея // Русский инвалид : [газета]. — 1904. — № 248. — С. 2—3.
15. *К-ий В. В.* Из Рязани / В. В. К-ий // Русский инвалид : [газета]. — 1899. — № 47. — С. 2.
16. *Начальник* 16-й пехотной дивизии извещает // Русский инвалид : [газета]. — 1913. — № 185. — С. 4.
17. ОР РНБ — *Отдел* рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 152. (Военский Константин Адамович). Оп. 3. Ед. хр. 63.
18. *Открытие* Суворовского музея при Николаевской академии генерального штаба // Русский инвалид : [газета]. — 1904. — № 250. — С. 3.
19. *Потоцкий П.* Суворовские торжества в 95-м пехотном Красноярском полку / П. Потоцкий // Русский инвалид : [газета]. — 1900. — № 148. — С. 2.
20. *Программа* конкурса на составление «Проекта музея для увековечения памяти генералиссимуса князя Итальянского, графа Суворова-Рымникого» // Русский инвалид : [газета]. — 1900. — № 162. — С. 3.
21. РГВИА — *Российский* государственный военно-исторический архив. Ф. 2000. (Главное управление Генерального штаба, г. Петербург (Петроград)). Оп. 2. Д. 1063, 1069, 1077, 1081.
22. РГИА — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 922. (Глазов Владимир Гаврилович, генерал от инфантерии) Оп. 1. Д. 824.
23. *С-ий П.* Отчет о «Суворовских чтениях» в Московском военном округе / П. С-ий. // Русский инвалид : [газета]. — 1899. — № 135. — С. 4—5.
24. *Торжество* открытия и освещения памятника князю Суворову в Суворово // Русский инвалид : [газета]. — 1903. — № 107. — С. 5.

Литература

1. *Буганов А. В.* Полководцы и военные герои в исторической памяти русского народа / А. В. Буганов // Труды института российской истории РАН. — 2010. — № 9. — С. 160—173.
2. *Григорьев С. И.* Суворовское «памятехранилище». Вклад Николаевской академии Генерального штаба в создание музея А. В. Суворова / С. И. Григорьев // Военно-исторический журнал. — 2018. — № 5. — С. 83—89.
3. *Джонсон Дж.* Символическая политика как предмет political science и Russian studies : исследования политического использования прошлого в постсоветской России / Дж. Джонсон, О. Ю. Малинова // Политическая наука. — 2020. — № 2. — С. 15—40. — DOI: 10.31249/poln/2020.02.01.
4. *Лапин В. В.* Трехсотлетие дома Романовых и военные юбилеи начала XX века / В. В. Лапин // 400-летие дома Романовых, 1613—2013. Политика памяти и монархическая идея. — Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016. — С. 164—180. — ISBN 978-5-94380-214-0.

5. Лиманова С. А. Столичные торжества Российской империи в царствование Николая II / С. А. Лиманова. — Москва : Кучково поле, 2017. — 360 с. — ISBN 978-5-9950-0628-2.
6. Малинова О. Ю. Политика памяти как область символической политики / О. Ю. Малинова // Метод. — 2019. — № 9. — С. 285—312.
7. Малинова О. Ю. Введение. Символическая политика / О. Ю. Малинова, А. И. Миллер // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе. — Санкт-Петербург : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. — С. 7—37. — ISBN 978-5-94380-317-8.
8. Миллер А. И. Политика памяти в стратегиях формирования национальных и региональных идентичностей в России : акторы, институты и практики / А. И. Миллер // Новое прошлое. — 2020. — № 1. — С. 210—217. — DOI: 10.18522.2500-3224-2020-1-210-217.
9. Мироненко С. В. Дневники императора Николая II (1894—1918) / С. В. Мироненко. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. — Т. 1. — 1100 с. — ISBN 978-5-8243-1602-5.
10. Пахалюк К. А. Россия и Болгария: между «войнами памяти» и поиском общего прошлого / К. А. Пахалюк // Вестник МГИМО-Университета. — 2018. — № 4 (61). — С. 178—203. — DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-4-61-178-203>.
11. Поршнева О. С. Политика памяти в России: Первая мировая война в европейском контексте / О. С. Поршнева // Вестник РУДН. Серия : история России. — 2021. — № 20 (2). — С. 216—235. — DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-216-235>.
12. Постников С. В. Имя русского полководца А. В. Суворова в названиях топонимов / С. В. Постников, А. Г. Наумлюк // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. — 2021. — № 1 (76). — С. 75—79.
13. Просолов Д. Н. Исторические юбилеи покорения Кавказа в символической политике кавказских наместников в конце XIX — начале XX в. / Д. Н. Просолов // Вестник КБИГИ. — 2022. — № 1 (52). — С. 22—34. — DOI: 10.31007/2306-5826-2022-1-52-22-34.
14. Рольф М. Советские массовые праздники / М. Рольф. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2009. — 439 с. — ISBN 978-5-8243-1086-3.
15. Сагинадзе Э. О. «Первый шаг к русскому владычеству на Кавказе» : 100-летний юбилей присоединения Грузии к России / Э. О. Сагинадзе // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. — 2020. — № 5 (97). — С. 94—100. — DOI: 10.35330/1991-6639-2020-5-97-94-100.
16. Тинякова Е. А. Личность А. В. Суворова в зарубежных музейных экспозициях и туристических маршрутах / Е. А. Тинякова // Современные проблемы сервиса и туризма. — 2018. — № 1 (1). — С. 60—71. — DOI: 10.24411/1995-0411-2018-10107.
17. Уортман Р. С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии / Р. С. Уортман. — Москва : ОГИ, 2004. — Т. 2. — 796 с. — ISBN 5-94282-252-2.
18. Цимбаев К. Н. Истоки юбилейной культуры императорской России / К. Н. Цимбаев // Диалог со временем. — 2019. — № 67. — С. 70—79. — DOI: <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.67.30832>.
19. Winter J. Notes on the Memory Boom : War, Remembrance and the Uses of the Past / J. Winter // Memory, Trauma and World Politic. Reflections on the Relationship Between Past and Present. — London : Palgrave Macmillan, 2006. — Pp. 54—73.

Статья поступила в редакцию 25.09.2024,
одобрена после рецензирования 02.12.2024,
подготовлена к публикации 29.01.2025.

Material resources

- Another contribution to the Suvorov fold. (1900). *Government Bulletin: [newspaper]*, 54: P. 3. (In Russ.).
- For the opening of the Suvorov Museum. (1904). *Russian invalid: [newspaper]*, 248: 2—3. (In Russ.).
- From the Ochakov fortress. (1907). *Russian invalid: [newspaper]*, 204: 2—3. (In Russ.).
- From Tula. (1899). *Russian invalid: [newspaper]*, 68: P. 2. (In Russ.).
- Funeral liturgy and memorial service for Generalissimo Prince Suvorov. (1904). *Russian invalid: [newspaper]*, 249: 2—3. (In Russ.).
- In favor of the foundation for the construction of a monument to Suvorov. (1899). *Russian invalid: [newspaper]*, 66: P. 3. (In Russ.).
- Internal news. (1898). *Russian invalid: [newspaper]*, 258: P. 4. (In Russ.).
- Internal news. (1898). *Russian invalid: [newspaper]*, 271: 1—2. (In Russ.).
- Internal news. (1904). *Russian invalid: [newspaper]*, 227: P. 3. (In Russ.).
- K-i V. V. (1899). From Ryazan. *Russian invalid: [newspaper]*, 47: P. 2. (In Russ.).
- Laying of the monument to commander Suvorov in Izmail. (1914). *Russian invalid: [newspaper]*, 135: P. 2. (In Russ.).
- OP RNB — *Department of Manuscripts of the Russian National Library*. (In Russ.).
- Opening of the Suvorov Museum at the Nikolaev Academy of the General Staff. (1904). *Russian invalid: [newspaper]*, 250: P. 3. (In Russ.).
- Potocki, P. (1900). Suvorov celebrations in the 95th Infantry Krasnoyarsk regiment. *Russian invalid: [newspaper]*, 148: P. 2. (In Russ.).
- Proceedings of the Imperial Russian Military Historical Society. (1912). *IRVIO Magazine: [journal]*, 2: 36—47. (In Russ.).
- Proceedings of the Imperial Russian Military Historical Society. (1914). *IRVIO Magazine: [magazine]*, 6—7: 359—374. (In Russ.).
- RGIA — *Russian State Historical Archive*. (In Russ.).
- RGVIA — *Russian State Military Historical Archive. F. 2000. (Main Directorate of the General Staff, St. Petersburg (Petrograd))*. (In Russ.).
- S. I. P. (1899). Report on the “Suvorov readings” in the Moscow Military District. *Russian invalid: [newspaper]*, 135: 4—5. (In Russ.).
- Supreme orders: according to the military department. (1900). *Russian invalid: [newspaper]*, 100: P. 1. (In Russ.).
- The celebration of the opening and lighting of the monument to Prince Suvorov in Suvorovo. (1903). *Russian invalid: [newspaper]*, 107: P. 5. (In Russ.).
- The head of the 16th Infantry division informs. (1913). *Russian invalid: [newspaper]*, 185: P. 4. (In Russ.).
- The program of the competition for the compilation of the “Museum project for perpetuating the memory of Generalissimo Prince of Italy, Count Suvorov-Rymniksky”. (1900). *Russian invalid: [newspaper]*, 162: P. 3. (In Russ.).
- VIMAIVS — *Military Historical Museum of Artillery, Engineering Troops and Signal Troops*. (In Russ.).

References

- Buganov, A. V. (2010). Generals and military heroes in the historical memory of the Russian people. *Proceedings of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences*, 9: 160—173. (In Russ.).

- Grigoriev, S. I. (2018). Suvorov's "memorabilia". The contribution of the Nikolaev Academy of the General Staff to the creation of the A. V. Suvorov Museum. *Military Historical Journal*, 5: 83—89. (In Russ.).
- Johnson, J., Malinova, O. Y. (2020). Symbolic politics as a subject of political science and Russian studies: Studies of the Political Use of the Past in Post-Soviet Russia. *Political Science*, 2: 15—40. DOI: 10.31249/poln/2020.02.01. (In Russ.).
- Lapin, V. V. (2016). Tercentenary of the House of Romanov and military anniversaries of the beginning of the XX century. In: *400th anniversary of the House of Romanov, 1613—2013. The politics of memory and the monarchical idea*. Saint Petersburg: Publishing House of the European University in Saint Petersburg. 164—180. ISBN 978-5-94380-214-0. (In Russ.).
- Limanova, S. A. (2017). *The capital celebrations of the Russian Empire in the reign of Nicholas II*. Moscow: Kuchkovo Pole. 360 p. ISBN 978-5-9950-0628-2. (In Russ.).
- Malinova, O. Y. (2019). Politics of memory as an area of symbolic politics. *Method*, 9: 285—312. (In Russ.).
- Malinova, O. Y., Miller, A. I. (2021). Introduction. Symbolic politics. In: *Symbolic aspects of memory politics in modern Russia and Eastern Europe*. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg. 7—37. ISBN 978-5-94380-317-8. (In Russ.).
- Miller, A. I. (2020). The politics of memory in strategies for the formation of national and regional identities in Russia: actors, institutions and practices. *New Past*, 1: 210—217. DOI: 10.18522.2500-3224-2020-1-210-217. (In Russ.).
- Mironenko, S. V. (2011). *Diaries of Emperor Nicholas II (1894—1918), 1*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 1100 p. ISBN 978-5-8243-1602-5. (In Russ.).
- Pakhalyuk, K. A. (2018). Russia and Bulgaria: between the "memory wars" and the search for a common past. *Bulletin of MGIMO University*, 4 (61): 178—203. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-4-61-178-203>. (In Russ.).
- Porshneva, O. S. (2021). The politics of memory in Russia: The First World War in the European context. *Bulletin of the RUDN University. Series: the history of Russia*, 20 (2): 216—235. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-216-235>. (In Russ.).
- Postnikov, S. V., Naumlyuk, A. G. (2021). The name of the Russian commander A. V. Suvorov in the names of toponyms. *Actual problems of humanities and socio-economic sciences*, 1 (76): 75—79. (In Russ.).
- Prosolov, D. N. (2022). Historical anniversaries of the conquest of the Caucasus in the symbolic policy of the Caucasian governors at the end of the XIX — beginning of the XX century. *Bulletin of KBIGI*, 1 (52): 22—34. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-1-52-22-34. (In Russ.).
- Rolf, M. (2009). *Soviet mass holidays*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN); Foundation of the First President of Russia B. N. Yeltsin. 439 p. ISBN 978-5-8243-1086-3. (In Russ.).
- Saginadze, E. O. (2020). "The first step towards Russian rule in the Caucasus": the 100th anniversary of Georgia's accession to Russia. *Izvestia Kabardino-The Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 5 (97): 94—100. DOI: 10.35330/1991-6639-2020-5-97-94-100. (In Russ.).
- Tinyakova, E. A. (2018). The personality of A. V. Suvorov in foreign museum expositions and tourist routes. *Modern problems of service and tourism*, 1 (1): 60—71. DOI: 10.24411/1995-0411-2018-10107. (In Russ.).

- Tsimbaev, K. N. (2019). The origins of the jubilee culture of Imperial Russia. *Dialogue with Time*, 67: 70—79. DOI: <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.67.30832>. (In Russ.).
- Winter, J. (2006). Notes on the Memory Boom: War, Remembrance and the Uses of the Past. In: *Memory, Trauma and World Politic. Reflections on the Relationship Between Past and Present*. London: Palgrave Macmillan. 54—73.
- Wortman, R. S. (2004). *Scenarios of power: Myths and ceremonies of the Russian monarchy*, 2. Moscow: OGI. 796 p. ISBN 5-94282-252-2. (In Russ.).

*The article was submitted 25.09.2024;
approved after reviewing 02.12.2024;
accepted for publication 29.01.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(1), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Медведев М. В. Местная противовоздушная оборона Ростовской области в 1941—1943 годах : специфика формирования и проблемы функционирования / М. В. Медведев // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 1. — С. 452—468. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-452-468.

Medvedev, M. V. (2025). Local Air Defense in Rostov Region (1941–1943): Formation Specifics and Operational Challenges. *Nauchnyi dialog*, 14 (1): 452–468. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-452-468. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Местная противовоздушная оборона Ростовской области в 1941—1943 годах: специфика формирования и проблемы функционирования

Медведев Максим Валерьевич

orcid.org/0000-0002-8699-6405

кандидат исторических наук,
научный сотрудник

отдела научно-исследовательских работ
и прикладных исследований
mlmax@mail.ru

Федеральный исследовательский центр
Южный научный центр
Российской академии наук
(Ростов-на-Дону, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 24-28-01642,
<https://rscf.ru/project/24-28-01642/>

Local Air Defense in Rostov Region (1941–1943): Formation Specifics and Operational Challenges

Maxim V. Medvedev

orcid.org/0000-0002-8699-6405

PhD in History, research scientist,
Department of Research Works
and Applied Studies
mlmax@mail.ru

Federal Research Centre
The Southern Scientific Centre
of the Russian Academy of Sciences
(Rostov-on-Don, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 24-28-01642,
<https://rscf.ru/project/24-28-01642/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена вопросам формирования и функционирования местной противовоздушной обороны (МПВО) Ростовской области в 1941—1943 годах. Источниками исследования выступили опубликованные и неопубликованные архивные документы, а также материалы периодических изданий. Показано, что ведущую роль в формировании МПВО в Ростовской области на местах выполняли советские и партийные органы. Доказано, что усилия, направленные на формирование, повышение боеготовности и эффективности работы МПВО в регионе, не всегда достигали ожидаемых результатов. Показано, что формирование МПВО Ростовской области проходило с трудностями, вызванными боевыми действиями и частичной оккупацией территории региона. Автор установил, что в первой половине 1943 года дополнительными проблемами в работе МПВО были недочеты советских и партийных органов в городах и районах Ростовской области, которые своевременно не взяли под свой контроль подготовку всей системы МПВО. Обоснован вывод, что не удалось полностью восстановить функционирование МПВО до момента полного освобождения Ростовской области, так как в условиях боевых действий проблемные вопросы в системе МПВО выпадали из первоочередных задач исполнительных органов.

Ключевые слова:

Великая Отечественная война; Ростовская область; местная противовоздушная оборона; партийные органы; советские органы.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the formation and functioning of local air defense (LAD) in the Rostov region during the years 1941 to 1943. The research draws on both published and unpublished archival documents, as well as materials from periodicals. It highlights the pivotal role played by Soviet and party authorities in the establishment of local air defense structures at the regional level. The findings demonstrate that efforts aimed at enhancing the readiness and effectiveness of LAD in the region did not always yield the anticipated outcomes. The article reveals that the formation of local air defense in the Rostov region was fraught with difficulties stemming from military operations and partial occupation of the territory. Additionally, it was established that in the first half of 1943, further complications arose due to shortcomings of Soviet and party organizations in the cities and districts of the Rostov region, which failed to timely oversee the preparation of the entire LAD system. The conclusion is drawn that full restoration of local air defense functionality was not achieved until the complete liberation of the Rostov region, as pressing issues within the LAD system were deprioritized amidst ongoing military engagements.

Key words:

Great Patriotic War; Rostov Region; local air defense; party authorities; Soviet authorities.

Местная противовоздушная оборона Ростовской области в 1941—1943 годах: специфика формирования и проблемы функционирования

© Медведев М. В., 2025

1. Введение = Introduction

Исследование вопросов истории развития местной противовоздушной обороны (далее — МПВО) является важным направлением в изучении мобилизационных процессов и методов защиты Советского государства в годы Великой Отечественной войны. От принятия мер по обороне зачастую зависело состояние экономики и гражданского сектора в периоды военных действий в непосредственной близости линии фронта.

Как правило, вопросами организации МПВО на местах занимались партийные и советские органы, общественные организации — районные и областные комитеты ВКП(б) и ВЛКСМ, отделения Осоавиахима, а с осени 1941 года и городские комитеты обороны (далее — ГорКО). Практически с первых дней войны руководство МПВО было возложено на высший чрезвычайный государственный орган управления — Государственный комитет обороны (далее — ГКО СССР) [Сборник законов ..., 1945, с. 41]. Анализ системы формирования МПВО в Ростовской области даст возможность не только понять организацию обороны на примере данного региона, но и осмыслить принципы ее построения на всем юге России. Кроме того, исследование позволит проследить взаимодействие населения с вышестоящими и контролирующими органами в сложный для региона период в годы войны (на территории Ростовской области боевые действия начались 8 октября 1941 года, а завершились 31 августа 1943 года).

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Деятельность МПВО в годы Великой Отечественной войны стала предметом исследования еще до ее окончания. Первой работой в данной области стал очерк о героических поступках бойцов МПВО в обороне Сталинграда [Шевалгин, 1944]. Однако серьезные исследования по данной проблематике появились только на рубеже 1960—1970-х годов, в них раскрывались задачи и роль МПВО в годы войны [Котлуков и др., 1969]. В постсоветское вре-

мя можно отметить труды, в том числе и диссертации, где рассматривается деятельность МПВО в центральных и других областях России [Воронихин и др., 2015; Крюкова, 2010; Гусев, 2014]. Сравнительно недавно была организована и специальная конференция, посвященная роли МПВО в годы Великой Отечественной войны [Исторические ..., 2023]. Имеются также публикации, в которых освещено состояние МПВО на Кавказе в годы войны, однако в этих и других работах Ростовская область упоминается лишь фрагментарно [Тугушева, 2008; Багдасарян, 2022]. Настоящая работа призвана заполнить имеющийся пробел в сфере исследования МПВО на территории Ростовской области в 1941—1943 годах.

В работе были использованы ранее неопубликованные материалы Центра документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО): постановления, решения, материалы заседаний Ростовского обкома ВКП(б), Ростовского обкома ВЛКСМ, документы Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству (далее — Осоавиахим). Полезными были материалы Государственного архива Ростовской области (ГАРО) — в первую очередь документы фонда Совета народных депутатов Ростовской области и его исполнительного комитета, а также документ из фонда Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Опубликованные материалы стали дополнительными источниками в изучении поставленной проблемы [На защите ..., 1980; Летопись ..., 1982; Завещано ..., 2015; И помнит ..., 2020: Без срока ..., 2020].

Работа основана на принципах историзма и объективности. В исследовании применены конкретно-исторический, системно-структурный, сравнительно-исторический методы. Это помогло выявить специфику формирования и проблемы функционирования системы МПВО в Ростовской области, особенности и характер применения команд и отрядов МПВО для решения специальных задач в период Великой Отечественной войны.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Формирование МПВО в Ростовской области на начальном этапе Великой Отечественной войны (июнь — декабрь 1941 года)

В 1930-е годы деятельность МПВО была организована в пределах приграничной полосы. Организация данных мер была связана прежде всего с вероятностью нанесения ударов бомбардировочной авиацией потенциальным внешним врагом. Оборонительные мероприятия по подготовке граждан на остальной территории страны осуществлялись силами Осоавиахима. В частности, с 1934 года Осоавиахим начал подготовку населения к противовоздушной и противохимической обороне (далее — ПВХО). Обучение ПВХО приобрело большой размах, были введены нормативы сдачи

на знак «Готов к ПВХО». С этого момента подготовка населения к ПВХО стала неотъемлемой частью мероприятий в системе МПВО. Перед началом Великой Отечественной войны создавались также городские части МПВО, которые подразделялись на участковые, объектовые и противопожарные команды, санитарные дружины, группы самозащиты и т. д.

Учитывая напряженную ситуацию с момента начала Второй мировой войны, Наркомат обороны СССР принял решение о сосредоточении своих усилий на организации, главным образом, государственной вооруженной обороны. Принимая во внимание местный характер противовоздушной обороны, Политбюро ЦК ВКП(б) 7 октября 1940 года утвердило решение Совета Народных Комиссаров СССР (далее — СНК СССР) о передаче МПВО в подчинение НКВД СССР [1941 год ..., 1998, с. 291]. С 25 января 1941 года СНК впустил Постановление «Об организации противовоздушной обороны». Этим решением зона угрозы нападения с воздуха была увеличена до 1200 км вдали от государственной границы, а вся территория СССР была разделена на зоны ПВО [Хроколов и др., 2020, с. 340].

Большим испытанием для формирований МПВО стала Великая Отечественная война. В задачи военно-воздушных сил Германии входило нарушение работы промышленности, транспортно-логистической связи, сил сопротивления и всех сфер жизнедеятельности СССР. Для этого вражеский воздушный флот с начала войны стал наносить мощные авиаудары по главным административным и политическим центрам, крупным предприятиям и стратегически важным объектам. Уже 22 июня 1941 года штабы МПВО были переведены на военное положение с соблюдением всех норм по защите населения от воздушного нападения противника. В первую неделю после начала Великой Отечественной войны газета «Молот», являвшаяся печатным органом Ростовского обкома и горкома ВКП(б), областного и городского совета депутатов трудящихся, выпустила несколько номеров с правилами поведения населения при тушении зажигательных авиабомб [Как бороться ..., 1941] и общим руководством для населения в случае воздушного налета противника [Как устроить ..., 1941].

Уже 2 июля 1941 года вышло постановление СНК СССР «О всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне». Это решение положило начало всеобщему обязательному обучению населения навыкам ПВО и ПВХО. Для исполнения данного постановления привлекались советские граждане в возрасте от 16 до 60 лет, а несовершеннолетние лица от 8 до 16 лет обучались правилам пользования средствами индивидуальной защиты при воздушных атаках [Все для фронта ..., 1985, с. 9—10]. Принятие данного документа заслуживает высокой оценки, поскольку он определил масштабную подготовку населения приемам и спо-

собам защиты от нападения с воздуха и процесс формирования отрядов самозащиты, ставших самыми массовыми подразделениями в системе МПВО в годы войны.

Обстановка на фронте на первом этапе войны требовала от советского руководства принятия срочных мер. В связи с этим ГКО СССР уже 9 июля 1941 года принял решение о создании городских аварийно-восстановительных отрядов на территориях, где ранее было объявлено военное положение. Бюро Ростовского обкома ВКП(б) и облисполкома постановлением от 10 июля 1941 года объявило «Об образовании аварийно-восстановительных отрядов местной противовоздушной обороны» [ЦДНИРО, ф. 9, оп. 1, д. 309, л. 2—3]. Соответственно, требовалось в срок до 20 июля организовать аварийно-восстановительные отряды по расчету: «Для г. Ростова — аварийно-восстановительный отряд в составе 3-х батальонов (10 рот); для г. Таганрога — аварийно-восстановительный батальон в составе 4-х рот; для городов: Красный Сулин, Шахты, Батайск, Новошахтинск, Каменск, Новочеркасск, Азов, Сальск, Миллерово и Морозовск — отдельные восстановительные роты 4-взводного состава» [И помнит ..., 2020, с. 53—54].

Кроме того, 30 июля 1941 года бюро Ростовского обкома ВКП(б) и облисполкома постановило дополнительно организовать аварийно-восстановительные роты в Новошахтинске численностью в 150 чел. и в Белой Калитве в 115 чел. Это решение было связано с тем, что в Белокалитвинском районе и Новошахтинске имелись крупные шахты союзного и областного значения, а также электростанции и мосты. Укомплектование подразделений шло за счет личного состава городских коммунальных служб. Их цель заключалась в ликвидации завалов и восстановлении пострадавших объектов [ЦДНИРО, ф. 9, оп. 1, д. 311, л. 8—10]. Следующим шагом стали массовые учения, организованные 10 августа 1941 года среди горожан в Ростова-на-Дону, работа была направлена на обучение обезвреживанию зажигательных авиабомб при помощи воды и песка. В районе областного дома Советов собралось более 3,5 тыс. чел. участников мероприятия. Инструктаж вел начальник ростовской городской противопожарной службы МПВО [Сообщение, 1941].

Немалая часть специалистов, подготовленных силами ВЛКСМ и Осоавиахимом, направлялись в команды и отряды МПВО. Так, в ходе выполнения задания Ростовского обкома ВЛКСМ райкомы комсомола совместно с райсоветами Осоавиахима г. Шахты к 31 августа 1941 года создали 182 пожарных взвода, в которых находилось более 500 комсомольцев, а 75 чел. из них в качестве комсоров были направлены для противовоздушной и противохимической обороны на кварталах города. Помимо этого, из числа комсомольцев было подготовлено 300 инструкторов ПВХО [Летопись ..., 1982, с. 2012].

В связи с вторжением противника с запада в пределы Ростовской области в первых числах октября и приближением фронта к Ростову-на-Дону бюро Ростовского обкома ВКП(б) 26 октября 1941 года решило создать ГорКО в городах Ростове-на-Дону, Шахтах и Новочеркасске [На защите родины ..., 1980, с. 94]. С этого момента на местном уровне ГорКО стали посредником между штабами МПВО и вышестоящими органами. Так осуществлялся контроль над основной деятельностью МПВО: созданием частей, сооружением защитных мест, организацией светомаскировочного режима и пр. ГорКО несли ответственность не только за организацию деятельности МПВО, но и за их финансирование, концентрируя все полномочия в данной сфере. Кроме того, через ГорКО осуществлялась координация регулярных войск ПВО с командами МПВО, что являлось важным элементом в слаженной работе по защите населения региона [Данилов, 1996, с. 85—86].

Исходя из этого, следует, что вся работа МПВО с началом войны была перестроена на режим военного положения. С 22 июня 1941 года деятельность МПВО на Дону делилась на два периода: первый — когда Ростовская область до октября 1941 года еще находилась в глубоком тылу и фронт был далеко, и второй с октября 1941 года — когда боевые действия развернулись уже на территории региона, а западные районы и г. Таганрог Ростовской области оказались под оккупацией до августа 1943 года. Особенность первого этапа работы МПВО заключалась в том, что до вторжения противника проходило формирование подразделений МПВО из числа годных к призыву граждан, а также активной комсомольской молодежи, проводился инструктаж для отрядов и населения, создавались места укрытия и практиковались меры по устранению последствий после авианалетов и т. д.

3.2. Функционирование МПВО на Дону в первой половине 1942 года

После первого освобождения Ростова-на-Дону и некоторых районов Ростовской области в ходе Ростовской наступательной операции (17 ноября — 2 декабря 1941 года) были усилены меры по работе МПВО, так как западная часть региона осталась под контролем противника. Однако с началом 1942 года сложившаяся ситуация на советско-германском фронте требовала эффективных решений от советского руководства с целью усиления боевой мощи Красной армии. В связи с этим вышло постановление ГКО СССР № 1288сс от 15 февраля 1942 года «О призыве в Красную армию военнообязанных, зачисленных в местные команды МПВО». Теперь в действующую армию призывались военнообязанные, годные к военной службе в возрасте до 45 лет, зачисленные ранее в местные команды МПВО (саперные, химические, восстановительные, пожарные, санитарные, ветеринарные и др.). Поэтому бюро Ростовского обкома ВКП(б) и Ростовского

облисполкома решило с 24 февраля 1942 года изъять из команд МПВО автотранспорт, повозки, упряжь и специальные машины. Укомплектование подразделений МПВО с этого момента проводилось за счет не подлежащих призыву по состоянию здоровья мужчин старших возрастов от 46 до 55 лет, а также женщин [ГАРО, ф. р-3737, оп. 5, д. 48, л. 82]. Перевод из МПВО некоторой части личного состава в ряды Красной армии привел к значительному сокращению численности людей в командах МПВО. Эти изменения не могли не отразиться на качестве работы МПВО не только в Ростовской области, но и по всей стране.

Следующим шагом по укреплению МПВО стало решение Ростовского облисполкома 3 апреля 1942 года усилить противопожарные мероприятия, что было вызвано частыми сбросами противником зажигательных авиабомб. Для подготовки к таким случаям необходимо было демонтировать деревянные постройки и заграждения, которые в случае возгорания могли бы стать источником расширения площади пожара. Предписывалось восстановить имеющиеся и установить новые пожарные гидранты, подготовить на заводах, в домах и учреждениях резервуары с водой, создать и оснастить местную пожарную часть, телефонизировать улицы, чтобы таким образом информация оперативно доставлялась на командный пункт МПВО. С целью выявления очагов пожара также необходимо было организовать вышковые наблюдательные пункты [ГАРО, ф. р-3737, оп. 5, д. 55, л. 45—46].

Учитывая ослабление численности личного состава МПВО после призыва мужчин на фронт, 1 апреля 1942 года бюро Ростовского обкома ВКП(б) приняло решение «О мобилизации девушек-комсомолок в войска противовоздушной обороны Красной армии». Горкомы и райкомы ВКП(б) были обязаны оказать всемерную помощь райкомам, горкомам ВЛКСМ и военкоматам в проведении мобилизации девушек-комсомолок в войска противовоздушной обороны [ЦДНИРО, ф. 9, оп. 1, д. 340, л. 74]. В постановлении бюро Ростовского обкома ВКП(б) от 15 апреля 1942 года также отмечалась необходимость организации военного обучения женской молодежи, которая в рамках подготовки получала военные знания и поступала на военную службу [ЦДНИРО, ф. 9, оп. 1, д. 344, л. 89].

Кроме того, райкомы и горкомы комсомола способствовали обучению девушек военным специальностям. Так, в Андреевском районе (ныне — часть Ленинского района) Ростова-на-Дону по инициативе райвоенкомата и райкома комсомола в начале апреля 1942 года было создано подразделение станковых пулеметчиков из девушек в возрасте с 17 до 25 лет. В Константиновском районе Ростовской области местные органы создали стрелковое подразделение девушек численностью в 50 чел. [ЦДНИРО, ф. 9, оп. 1, д. 344, л. 98]. Стоит отметить, что девушки, овладев навыками

стрельбы из станковых пулеметов, также направлялись в ряды зенитных частей противовоздушной обороны, как и в другие подразделения советских войск. Одним из таких и был отважный 734-й ростовский зенитный полк ПВО, который героически защищал город и взаимодействовал с местными командами МПВО.

В соответствии с постановлением ГКО СССР от 9 апреля 1942 года № 1567с «О порядке денежного обеспечения лиц, вступивших в народное ополчение, истребительные батальоны и партизанские отряды, мобилизованных на оборонные работы и призванных в формирования МПВО» [РГАСПИ, ф. 644, оп. 1, д. 28, л. 78—80] в Ростовской области устанавливался новый порядок выплат для лиц, временно призванных в городские и участковые формирования МПВО с отрывом от производства. За счет местного бюджета размер их среднего заработка, включая стоимость питания, с этого момента составлял не выше 400 руб. в месяц. Тем самым с 1 апреля 1942 года прекращалась выплата заработной платы по месту прежней работы для лиц, призванных в формирования МПВО и мобилизованных на оборонные работы [ЦДНИРО, ф. 9, оп. 1, д. 342, л. 197—198]. Такое решение было логически обоснованным шагом в установлении правового положения служащих в рядах МПВО.

Несмотря на усиливающуюся с началом весны активность воздушного флота противника, начальники и партийные уполномоченные МПВО городов и районов Ростовской области к середине апреля не приняли должных мер по приведению в полную готовность всех средств МПВО, способных надежно защищать население от воздушных налетов и обеспечить бесперебойность работы предприятий и учреждений. На основании этих недочетов бюро обкома ВКП(б) 20 апреля 1942 года обязало ответственных по МПВО организовать систему дежурств во всех домах, предприятиях и учреждениях с задачами своевременно принимать сигнал воздушной тревоги; быстро оповещать население о тревоге; систематически контролировать соблюдение светомаскировочного режима; привлекать к ответственности лиц, уклоняющихся или злостно нарушающих требования МПВО, вплоть до предания суду военного трибунала [Там же, л. 217—220].

Учитывая опыт МПВО и трудности ориентировки в ночное время в условиях светомаскировочного режима, секретари горкомов и райкомов ВКП(б) обязывались обеспечить побелку мелом и известью уличных бордюров, деревьев (до высоты 1,5 метра), столбов, урн, проходов и проездов баррикад, нанесение надписей крупными буквами на угловых домах — названия улиц и номеров домов. Для организации практического обучения методам борьбы с зажигательными авиабомбами секретарям партийных комитетов поручалось запросить у военного совета Южного фронта вы-

делить для Ростовской области 500 зажигательных авиабомб, а также для практического обучения дегазационных формирований и массового обучения населения в камерах окуривания — хлорпикрин и иприт [Там же].

Кроме того, бюро обкома ВКП(б) доводило информацию до военного совета Южного фронта о том, что отдельные войсковые части, расквартированные в Ростове-на-Дону и других населенных пунктах области, нарушали установленный светомаскировочный режим, особенно по линии автотранспорта. С целью усиления контроля над этими процессами партгруппе облисполкома было поручено рассмотреть вопрос о введении в городах Батайске, Сальске, Шахты, Каменске, Красном Сулине, Миллерово, Новочеркаске, Новошахтинске, Азове и Зверевском районе по одной штатной единице (начальник штаба МПВО) за счет местного бюджета [Там же, л. 220].

Одновременно с наступлением противника на Ростов-на-Дону участились и авианалеты с бомбежкой города с воздуха. Так, в акте Чрезвычайной государственной комиссии была засвидетельствована 20 июля 1942 года гибель примерно 2,5 тыс. чел. после бомбардировки г. Ростова-на-Дону [Без срока ..., 2020, с. 69]. В условиях продвигающегося противника к центру Ростовской области работа МПВО на близких к фронту участках была бессильна в борьбе с последствиями бомбежек с воздуха и постепенно прекращалась.

За первую половину 1942 года вражеская авиация только по Ростову-на-Дону сбросила 12 тыс. фугасных и 5 тыс. зажигательных авиабомб. Регулярные части ПВО делали все возможное для отражения налетов люфтваффе [На защите ..., 1980, с. 19]. Однако, несмотря на упорное сопротивление советских войск, практически вся Ростовская область оказалась под нацистской оккупацией.

3.3. Восстановление системы МПВО (февраль — август 1943 года)

После освобождения Ростова-на-Дону 14 февраля 1943 года партийные и советские органы ставили задачи по возобновлению деятельности МПВО в городах Ростовской области. В Ростове-на-Дону штабы и участки не были укомплектованы личным составом, обеспечены помещениями и связью, отсутствовали посты наблюдения и сигнализация. Не были организованы для населения и сигналы воздушной тревоги. Места укрытия также не были приведены в готовность. В связи с этим 9 марта 1943 года вышло постановление Ростовского обкома ВКП(б) о восстановлении МПВО в городах и райцентрах Ростовской области [ЦДНИРО, ф. 9, оп. 1, д. 367, л. 125]. В срок до 18 марта 1943 года исполнительным органам было поручено организовать ряд мероприятий. Требовалось из числа вольнонаемных и приписных состава МПВО укомплектовать по штатам личный состав, а также обеспечить их помещениями. Формировались медико-санитарные

участки, устанавливались пункты оповещения на случаи воздушной тревоги и ее отмены. Сохранившиеся после активных боевых действий здания оборудовались под бомбоубежища.

Неотъемлемой частью работы МПВО была организация светомаскировки города, а также противопожарных постов, которые необходимо было оснащать инвентарем и средствами тушения зажигательных авиабомб. Набор в команды МПВО выполнялся путем приписки через городские и районные военкоматы мужчин и женщин непризывных возрастов. Таким образом формировался состав отделений наблюдения и разведки, медико-санитарной, противопожарной служб, охраны порядка и аварийно-восстановительных работ. Выполнение этих и других мер по восстановлению деятельности МПВО возлагалось на отдел МПВО УНКВД и военный отдел горкома ВКП(б) в Ростове-на-Дону до 20 марта 1943 года, в Азове, Сальске, Новочеркасске, Шахтах, Новошахтинске, Каменске, Миллерово и других городах и райцентрах Ростовской области — до 1 апреля 1943 года [ЦДНИРО, ф. 9, оп. 1, д. 367, л. 125—126].

Учащение с 20 марта 1943 года авианалетов противника было отражено в постановлении бюро Ростовского обкома ВКП(б) от 22 марта 1943 года, в котором отмечалась важность охраны документов во время вражеских налетов. В связи с этим всем заведующим отделами парторганизаций было поручено сосредоточить секретное делопроизводство в защищенных местах, а также обеспечить порядок для их сотрудников, чтобы те, в свою очередь, не оставляли на рабочих столах бумаг, укрывая их в нестораемых ящиках и столах [ЦДНИРО, ф. 9, оп. 1, д. 370, л. 16].

Очередным шагом в восстановлении учебной работы по воинским специальностям в Ростовской области стала организация всеобщего воинского обучения граждан 1926—1927 годов рождения и старших возрастов до 50 лет. В целях лучшей организации военного обучения, обеспечения военной и политической подготовки, внедрения, строгой воинской дисциплины среди будущих воинов Красной армии бюро обкома ВКП(б) 23 марта 1943 года постановило развернуть широкую разъяснительную работу среди граждан, нацеленную на то, чтобы призвать их к соблюдению воинской дисциплины, порядку и организованности [Там же, л. 34]. Ведущую роль в оборонной работе с населением играл Осоавиахим, который активно восстанавливался после завершения Ростовской наступательной операции 1943 года. На работу в райсоветы Осоавиахима в первую очередь подбирались люди из числа участников Великой Отечественной войны, а для обучения нормам противовоздушной обороны привлекались граждане в возрасте от 8 до 60 лет. В течение марта-апреля, согласно плану дислокации, шла подготовка по ПВХО и группам самозащиты [Там же, 37—37 об].

Отсутствие до середины 1943 года регламентирующего положения в отношении приписного состава формирований МПВО приводило к частой смене в их рядах. Важным фактором в решении этой проблемы стало постановление ГКО СССР от 16 июня 1943 года «О местной противовоздушной обороне», потребовавшее создания по стране четырех новых полков и девяти батальонов войск МПВО в составе НКВД. При этом личный состав городских частей МВПО, в том числе и в Ростове-на-Дону, был приравнен к военнослужащим Красной армии с закреплением их при городских и районных штабах МПВО [Сарасеко, 2023, с. 103]. Продолжением этого решения стало постановление СНК от 12 июля 1943 года «О реорганизации формирований МПВО» [Морев и др., 2023, с. 69—76], которое урегулировало данную систему путем переформирования городских частей МПВО в военизированные роты и батальоны.

В Ростовской области к 10 июля 1943 года было запланировано закончить обязательную подготовку населения к ПВХО, для чего организовывались кружки для граждан, ранее не прошедших подготовку к ПВХО 1-й степени. Для всех граждан, сдавших нормы «Готов к ПВХО» в 1941 году, было организовано повторное обучение по 12-часовой программе. Все инструкторы из числа общественников прикреплялись к домоуправлениям, на которых возлагалась ответственность за выявление и обучение каждого гражданина, не сдавшего данные нормы [ИЦДНИРО, ф. 9, оп. 1, д. 379, л. 53 об].

В целях популяризации знаний о мерах противовоздушной и противохимической обороны и других методах защиты населения на всех предприятиях, в учреждениях культуры, парках, учебных заведениях и других общественных местах организовывались уголки агитации ПВХО. Широко пропагандировались простейшие способы и средства индивидуальной и коллективной защиты. Для этого также привлекались коллективы всех учреждений и объединений. Соревнования по ПВХО заканчивались проведением совместно с органами МПВО массовых отчетных занятий по указанному виду подготовки населения [Там же, л. 53 об—54].

Все существующие к тому моменту группы, команды, отряды переформировались в отделения, взводы, роты, батальоны Осоавиахима, куда широко вовлекались граждане из следующих категорий: забронированные на производстве; ограниченно годные до момента привлечения к обязательному обучению в органах всеобщего; обученные всеобщим, но еще не призванные в ряды Красной армии; женщины; граждане, снятые с воинского учета, но способные при этом носить оружие [Там же, л. 54].

В середине июля 1943 года на совещании заведующих военными отделами городских и районных комитетов ВКП(б) с председателями районных и городских советов Осоавиахима и других объединений отмечалось

неудовлетворительное состояние МПВО в Ростовской области. Массовая подготовка населения по нормам ПВХО была недостаточно развернута, не организованы штабы МПВО, не созданы группы самозащиты и не оснащены табельным имуществом, не начата специальная подготовка личного состава формирований МПВО и групп самозащиты, отсутствовал оперативный план, а также не подготовлен план по МПВО и противохимической защите. В связи с этим в очередной раз были возобновлены мероприятия по противовоздушной и противохимической защите [ИДНИРО, ф. 9, оп. 1, д. 382, л. 137—137 об].

Однако проверка, произведенная в Новочеркасске, Шахтах, Каменске, Красном Сулине, Зверевском и Глубокинском районах, показала, что к началу августа 1943 года работа МПВО, за исключением Новочеркаска, вновь была неэффективной. По-прежнему не были созданы штабы МПВО, отсутствовали средства управления и оповещения, строительство убежищ и щелей производилось без инструктажа и контроля с нарушением технических требований. В Красном Сулине, Новошахтинске, Шахтах организации Осоавиахима на тот момент не приступили к обучению населения по ПВХО. В Морозовске, Зимовниковском, Кривянском и Самарском районах не только не была обеспечена готовность по МПВО, но даже не проводилась организационно-подготовительная работа. Вышеназванные недочеты явились следствием того, что руководители советских и партийных организаций городов и районов лично не взяли под свой контроль подготовку всей системы МПВО [Там же, 98 об].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, процесс создания и функционирования системы МПВО Ростовской области в 1941—1943 годах имел несколько этапов в связи с особенностями оккупации на Дону, характером разрушения инфраструктуры и восстановления жизнедеятельности населения региона. Все эти факторы негативно отразились на качестве организации МПВО.

Было выявлено, что система МПВО претерпела серьезные изменения в связи с вышедшим постановлением ГКО СССР от 15 апреля 1942 года о переводе из местных команд МПВО в Красную армию военнообязанных граждан, ослабив в итоге функционирование МПВО на местах. Для системы МПВО Ростовской области негативным фактором стали еще условия, складывающиеся при надвигающемся противнике в 1941—1942 годах, когда команды и отряды при первой и второй оккупации области расформировывались, а потом заново, с трудностями, создавались в 1943 году.

Однако преобразование структуры МПВО в военные подразделения (установление единого стандарта обмундирования, призыв военнообязан-

ных и набор офицерского персонала) в июне — июле 1943 года оказало положительное воздействие на боеспособность частей МПВО в целом по стране. Несмотря на ряд важных решений советского руководства по структурному усилению МПВО, в ней, как и прежде, на местах сохранялся принцип полувоенных сил: подразделения МПВО состояли в первую очередь из групп самозащиты и финансировались при этом местными органами власти.

Несмотря на различные проблемы, связанные с функционированием МПВО в Ростовской области, следует отметить, что принятые летом 1943 года меры по совершенствованию мероприятий МПВО оказались своевременными. Эти важные решения совпали с предстоящими тогда операциями Южного фронта по освобождению западных районов Ростовской области в июле — августе 1943 года. Тем не менее повышенная боеготовность, координация работы, выявление и устранение проблем в системе МПВО на Дону были направлены на укрепление общих усилий с целью приближения Победы над нацизмом в годы Великой Отечественной войны.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *1941 год*: в 2 кн. / Сост. Л. Е. Решин и др. ; Под ред. В. П. Наумова ; вступ. ст. акад. А. Н. Яковлева. — Москва : Междунар. фонд «Демократия», 1998. — Книга 1. — 832 с.
2. *Без срока давности* : преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Ростовская область : Сборник документов. — Москва : Фонд «Связь Эпох» : «Издательство «Кучково поле», 2020. — 464 с. — ISBN 978-5-907171-31-2.
3. *Все для фронта* : Сб. док. и материалов. — Владивосток : Дальневосточ. кн. изд-во, 1985. — 272 с.
4. ГАРО — Государственный архив Ростовской области. Ф. Р-3737. «Совет народных депутатов Ростовской области и его исполнительный комитет». Оп. 5. Д. 48, 55.
5. *Завещано помнить ... Донские архивы — 70-летию Великой Победы*. Сборник документов. — Ростов-на-Дону : Альтаир, 2015. — 280 с. — ISBN 978-5-91951-261-5.
6. *И помнит мир спасенный ...* : сборник документов архивов Ростовской области. — Ростов-на-Дону ; Белгород : КОНСТАНТА, 2020. — 648 с. — ISBN 978-5-907159-64-8.
7. *Как бороться с зажигательными авиабомбами*. Памятка // Молот : [газета]. — 1941. — 29 июня.
8. *Как устроить щель для защиты от авиабомб*. Памятка // Молот : [газета]. — 1941. — 27 июня.
9. *Летопись донского комсомола, 1920—1945 гг.* : сборник документов и материалов по истории Ростовской областной организации ВЛКСМ. — Ростов-на-Дону : Кн. изд-во, 1982. — 228 с.
10. *На защите Родины* : партийная организация Дона в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. : сборник документов. — Ростов-на-Дону : Кн. изд-во, 1980. — 373 с.

11. РГАСПИ — *Российский государственный архив социально-политической истории*. Ф. 644. Государственный комитет обороны СССР (ГКО) (1941—1945). Оп. 1. Д. 28.
12. *Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного совета СССР*. 1938—1944 гг. — Москва : Вестники Верховного совета СССР, 1945. — 362 с.
13. *Сообщение* о массовых учениях по тушению зажигательных бомб, проведенных для жителей г. Ростова-на-Дону 12 августа 1941 г. // *Молот* : [газета]. — 1941. — 12 августа.
14. ЦДНИРО — *Центр документации новейшей истории Ростовской области*. Ф. 9. «Ростовский областной комитет КПСС». Оп. 1. Д. 309, 311, 340, 342, 344, 367, 370, 379, 382, 388.

Литература

1. *Багдасарян А. О.* История местной противовоздушной обороны Кавказа в годы Великой Отечественной войны как актуальное направление исторических исследований / А. О. Багдасарян // *Современная научная мысль*. — 2022. — № 6. — С. 130—144. — DOI: 10.24412/2308-264X-2022-6-130-144.
2. *Воронихин А. В.* Очерки истории местной противовоздушной обороны Саратовской области 1932—1945 годы / А. В. Воронихин, И. Н. Качев, Ф. И. Дмитрук, С. В. Булгаков. — Саратов : Приволжская книжная палата, 2015. — 172 с. — ISBN 978-5-9906345-3-4.
3. *Гусев А. В.* Местная противовоздушная оборона областей Центрального района России в предвоенный период и в годы Великой Отечественной войны : 1932—1945 гг. : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / А. В. Гусев. — Кострома, 2014. — 442 с.
4. *Данилов В. Н.* Чрезвычайные органы власти регионов России в годы Великой Отечественной войны : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / В. Н. Данилов. — Саратов, 1996. — 477 с.
5. *Исторические параллели. Роль МПВО в годы Великой Отечественной войны* : сборник трудов научно-практической конференции. 3 мая 2023 года. — Химки : АГЗ МЧС России, 2023. — 77 с. — ISBN 978-5-91544-028-8.
6. *Котлуков К. Г.* От МПВО — к гражданской обороне / К. Г. Котлуков, К. С. Оглоблин, А. И. Сгилевский. — Москва : Атомиздат, 1969. — 120 с.
7. *Крюкова Л. В.* Становление и развитие местной противовоздушной обороны (МПВО) на Ставрополье : 1930-е — начало 1960-х годов : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Л. В. Крюкова. — Пятигорск, 2010. — 209 с.
8. *Морев А. А.* Деятельность Наркомата Внутренних Дел СССР по организации формирований местной противовоздушной обороны в годы Великой Отечественной войны / А. А. Морев, В. В. Сарасеко // *Исторические параллели. Роль МПВО в годы Великой Отечественной войны* : материалы научно-практической конференции, Химки, 03 мая 2023 года. — Химки : АГЗ МЧС России, 2023. — С. 69—76. — ISBN 978-5-91544-028-8.
9. *Сарасеко В. В.* Городские формирования местной противовоздушной обороны СССР в годы Великой Отечественной войны / В. В. Сарасеко // *Современная научная мысль*. — 2023. — № 1. — С. 100—106. — DOI: 10.24412/2308-264X-2023-1-100-106.
10. *Тугушева В. А.* Городские комитеты обороны Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны: организация, направления, формы и методы деятельности / В. А. Тугушева // *Вестник Адыгейского Государственного университета*. Серия 1 :

регионоведение : философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. — 2008. — № 2. — С. 70—74.

11. Хроколов В. А. Местная противовоздушная оборона : обеспечение безопасности населения в годы Великой Отечественной войны / В. А. Хроколов, М. Н. Субботин // Вестник Университета гражданской защиты МЧС Беларуси. — 2020. — Т. 4. — № 3. — С. 338—345. — DOI: 10.33408/2519-237X.2020.4-3.338.

12. Шевалгин И. Бойцы МПВО героического Сталинграда / И. Шевалгин. — Москва : Политотдел Главного управления МПВО НКВД СССР, 1944. — 46 с.

Статья поступила в редакцию 04.10.2024,
одобрена после рецензирования 10.12.2024,
подготовлена к публикации 29.01.2025.

Material resources

And the saved world remembers: a collection of documents from the archives of the Rostov region. (2020). Rostov-on-Don; Belgorod: CONSTANT. 648 p. ISBN 978-5-907159-64-8. (In Russ.).

Bequeathed to remember ... The Don Archives — the 70th anniversary of the Great Victory. Collection of documents. (2015). Rostov-on-Don: Altair. 280 p. ISBN 978-5-91951-261-5. (In Russ.).

Chronicle of the Don Komsomol, 1920—1945: collection of documents and materials on the history of the Rostov Regional Komsomol organization. (1982). Rostov-on-Don: Publishing House. 228 p. (In Russ.).

Collection of laws of the USSR and decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR. 1938—1944. (1945). Moscow: Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR. 362 p. (In Russ.).

Everything for the Front: Collection of documents. and materials. (1985). Vladivostok: Far Eastern Publishing House. 272 p. (In Russ.).

GARO — *The State Archive of the Rostov region.* (In Russ.).

How to arrange a gap to protect against aerial bombs. Memo. (1941). *Molot: [newspaper]. June 27.* (In Russ.).

How to deal with incendiary bombs. Memo. (1941). *Molot: [newspaper]. June 29.* (In Russ.).

In defense of the Motherland: the party organization of the Don in the Great Patriotic War of 1941—1945: a collection of documents. (1980). Rostov-on-Don: Publishing House. 373 p. (In Russ.).

Naumov, V. P. (ed.). (1998). *1941: in 2 books, 1.* Moscow: International Fund “Democracy”. 832 p. (In Russ.).

Report on the mass exercises on extinguishing incendiary bombs, conducted for residents of Rostov-on-Don on August 12, 1941. (1941). *Molot: [newspaper]. August 12.* (In Russ.).

RGASPI — *Russian State Archive of Socio-Political History.* (In Russ.).

TSDNIRO — *Documentation Center for the modern history of the Rostov region.* (In Russ.).

Without a statute of limitations: crimes of the Nazis and their accomplices against the civilian population in the occupied territory of the RSFSR during the Great Patriotic War. Rostov region: Collection of documents. (2020). Moscow: Svyaz Epochs Foundation: Kuchkovo Pole Publishing House. 464 p. ISBN 978-5-907171-31-2. (In Russ.).

References

- Bagdasaryan, A. O. (2022). The history of the local air defense of the Caucasus during the Great Patriotic War as an urgent area of historical research. *Modern scientific thought*, 6: 130—144. DOI: 10.24412/2308-264X-2022-6-130-144. (In Russ.).
- Danilov, V. N. (1996). *Emergency authorities of the regions of Russia during the Great Patriotic War*. Doct. Diss. Saratov. 477 p. (In Russ.).
- Gusev, A. V. (2014). *Local air defense of the regions of the Central region of Russia in the pre-war period and during the Great Patriotic War: 1932—1945*. Doct. Diss. Kostroma. 442 p. (In Russ.).
- Historical parallels. The role of the MPVO during the Great Patriotic War: proceedings of the scientific and practical conference. May 3, 2023.* (2023). Khimki: AGZ of the Ministry of Emergency Situations of Russia. 77 p. ISBN 978-5-91544-028-8. (In Russ.).
- Khrokolov, V. A., Subbotin, M. N. (2020). Local air defense: ensuring the safety of the population during the Great Patriotic War. *Bulletin of the University of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Belarus*, 4 (3): 338—345. DOI: 10.33408/2519-237X.2020.4-3.338. (In Russ.).
- Kotlukov, K. G., Ogloblin, K. S., Sgilevsky, A. I. (1969). *From the MPVO to civil defense*. Moscow: Atomizdat. 120 p. (In Russ.).
- Kryukova, L. V. (2010). *Formation and development of local air defense (MPVO) in Stavropol: 1930s — early 1960s*. PhD Diss. Pyatigorsk. 209 p. (In Russ.).
- Morev, A. A., Saraseko, V. V. (2023). Activity of the People's Commissariat of Internal Affairs of the USSR on the organization of local air defense units during the Great Patriotic War. In: *Historical parallels. The role of the MPVO during the Great Patriotic War: proceedings of the scientific and practical conference, Khimki, May 03, 2023*. Khimki: AGZ of the Ministry of Emergency Situations of Russia. 69—76. ISBN 978-5-91544-028-8. (In Russ.).
- Saraseko, V. V. (2023). Urban formations of the local air defense of the USSR during the Great Patriotic War. *Modern scientific thought*, 1: 100—106. DOI: 10.24412/2308-264X-2023-1-100-106. (In Russ.).
- Shevalgin, I. (1944). *Fighters of the MPVO of heroic Stalingrad*. Moscow: Political Department of the Main Directorate of the MPVO of the NKVD of the USSR. 46 p. (In Russ.).
- Tugusheva, V. A. (2008). City defense committees of the North Caucasus during the Great Patriotic War: organization, directions, forms and methods of activity. *Bulletin of the Adygea State University. Series I: Regional studies: philosophy, history, sociology, law, political science, cultural studies*, 2: 70—74. (In Russ.).
- Voronikhin, A. V., Kachev, I. N., Dmitruk, F. I., Bulgakov, S. V. (2015). *Essays on the history of the local air defense of the Saratov region in 1932—1945*. Saratov: Privolzhskaya Book Chamber. 172 p. ISBN 978-5-9906345-3-4. (In Russ.).

*The article was submitted 04.10.2024;
approved after reviewing 10.12.2024;
accepted for publication 29.01.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(1), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Мокерова Е. Ю. Хранение и транспортировка медной денежной казны в конце XVIII — начале XIX веков (на материалах Вятской губернии) / Е. Ю. Мокерова, К. Н. Тарасов // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 1. — С. 469—488. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-469-488.

Mokerova, Yu. M., Tarasov, K. N. (2025). Storage and Transportation of Copper Currency in Late 18th to Early 19th Century: Evidence from Vyatka Province. *Nauchnyi dialog*, 14 (1): 469-488. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-469-488. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Хранение и транспортировка медной денежной казны в конце XVIII — начале XIX веков (на материалах Вятской губернии)

Мокерова Елена Юрьевна
orcid.org/0000-0002-1523-5676
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории
и политических наук
mokerova@bk.ru

Тарасов Константин Николаевич
orcid.org/0000-0002-3050-0239
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории
и политических наук,
корреспондирующий автор
tar-87@mail.ru

Вятский
государственный университет
(Киров, Россия)

Storage and Transportation of Copper Currency in Late 18th to Early 19th Century: Evidence from Vyatka Province

Elena Yu. Mokerova
orcid.org/0000-0002-1523-5676
PhD in History, Associate Professor,
Department of History and
Political Science
mokerova@bk.ru

Konstantin N. Tarasov
orcid.org/0000-0002-3050-0239
PhD of History, Associate Professor,
Department of History and
Political Science,
corresponding author
tar-87@mail.ru

Vyatka State University
(Kirov, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуются вопросы бытования медных монет в России конца XVIII — начала XIX веков на материалах Вятского наместничества (губернии), а именно: хранение медной казны и ее транспортировка внутри и за пределы региона. Источниковую базу исследования составили материалы Центрального государственного архива Кировской области: журналы заседаний Вятской казенной палаты, документы о постройке и ремонте кладовых для хранения денежной казны в уездных городах, отчеты Казенной палаты, сведения о заключении подрядов с купцами и крестьянами на доставку медной монеты, отчеты о продвижении судов с медной монетой по пути в столицу и др. Изучен вопрос о планах строительства в уездных городах особых помещений кладовых для хранения медной казны. Установлено, что на протяжении изучаемого периода, несмотря на попытки найти решение Вятской казенной палатой, существующие проблемы хранения значительных масс медной монеты не были разрешены. Исследование показало, что транспортировка медной казны (в объеме нескольких десятков, а подчас и сотен тонн медных монет) за пределы Вятской губернии предполагала решение Вятской казенной палатой целого комплекса проблем (заключение подрядов, постройка судов, сбор судовых команд, обеспечение охраны и т. п.). Сделан вывод о том, что Вятская казенная палата умела гибко реагировать на возникающие трудности, благодаря чему срывов казенных подрядов по доставлению денежной казны в назначенные правительством пункты практически не было.

Ключевые слова:

медные монеты; денежная казна; казенная палата; подряды по доставке денежной казны; Вятское наместничество; Вятская губерния.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study examines the circulation of copper coins in Russia during the late 18th and early 19th centuries, focusing on the Vyatka Governorate. It specifically addresses the storage and transportation of copper currency both within and beyond the region. The research is based on materials from the Central State Archive of Kirov Oblast, including records from the sessions of the Vyatka Treasury Chamber, documents related to the construction and repair of storage facilities for currency in district towns, reports from the Treasury Chamber, contracts with merchants and peasants for the delivery of copper coins, and accounts of vessels transporting copper currency to the capital. The study investigates plans for constructing specialized storage facilities in district towns for copper currency. It has been established that throughout the examined period, despite attempts by the Vyatka Treasury Chamber to find solutions, existing issues concerning the storage of significant quantities of copper coins remained unresolved. The research indicates that transporting copper currency (amounting to several dozen, and at times hundreds, of tons) beyond the Vyatka Province involved addressing a complex set of challenges by the Vyatka Treasury Chamber, including contract negotiations, vessel construction, crew assembly, and security provisions. The findings conclude that the Vyatka Treasury Chamber demonstrated adaptability in responding to emerging difficulties, which effectively minimized disruptions in government contracts for delivering currency to designated locations.

Key words:

copper coins; currency treasury; treasury chamber; contracts for currency delivery; Vyatka Governorate; Vyatka Province.

УДК (470.342)“179/191”

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-469-488

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Хранение и транспортировка медной денежной казны в конце XVIII — начале XIX веков (на материалах Вятской губернии)

© Мокерова Е. Ю., Тарасов К. Н., 2025

1. Введение = Introduction

Российские историки активно обращаются к исследованию вопросов производства и обращения монет как денежных знаков. Гораздо менее изучены проблемы функционирования монет в повседневной жизни.

Во второй половине XVIII века денежное обращение в Российской империи было представлено металлической монетой (золотой, серебряной и медной) и бумажными денежными знаками (ассигнациями, с 1769 года). С 1757 по 1810 годы существовала 16-ти рублевая монетная стопа. Это значит, что из одного пуда меди (чуть больше 16 килограммов) чеканили монеты на сумму 16 рублей. Таким образом, 1 рубль медными монетами весил 1 килограмм, 100 рублей — 100 килограммов, 1000 рублей — тонна и т. д. В то же время медная монета составляла примерно половину денежной массы в стране и являлась главным платежным средством [Мельникова и др., 2000, с. 137; Уздеников, 1994, с. 20].

Соответственно, использование таких тяжелых денег вызывало проблемы на бытовом уровне как у простого населения, так и у финансовых учреждений.

Изучение архивных дел позволяет углубленно рассмотреть эти вопросы и выявить широкий круг проблем хранения и транспортировки медных монет в стране в конце XVIII — начале XIX веков.

Объектом исследования является феномен бытования денежной казны в виде медных монет в конце XVIII — начале XIX веков, предметом — такие аспекты бытования монеты, как хранение и транспортировка медных денег.

Нижняя хронологическая рамка исследования отмечена 1780-м годом, когда было создано Вятское наместничество, состоявшее из 13 уездов, и была учреждена Вятская казенная палата. Она занималась курированием вопросов хранения медной денежной казны и заключением подрядов на ее перевозку. Верхняя хронологическая рамка — 1810 год, когда чеканка монет 16-рублевой монетной стопы завершилась.

Территориальные рамки исследования ограничены пределами Вятского наместничества (с 1796 года — Вятской губернии, состоявшей из 11 уездов) в указанный период.

Цель работы — изучить специфику бытования монет в повседневной жизни, в частности, в работе финансовых учреждений, на материалах Вятского наместничества / губернии.

Задачи исследования:

1) выявить и охарактеризовать основные аспекты организации хранения (вопросы постройки кладовых, процедура учета казны и др.) и транспортировки (выбор исполнителей; средства, способы и организация доставки и др.) денежной казны в контексте проблемы бытования монеты;

2) проанализировать роль Вятской казенной палаты в деле организации и контроля по хранению и доставке за пределы наместничества / губернии денежной казны.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Исследование выполнено на основе материалов Центрального государственного архива Кировской области [ЦГАКО].

В фонде 176 «Вятская казенная палата» были изучены Журналы заседаний Вятской казенной палаты [ЦГАКО, ф. 176, оп. 1, д. 129, д. 134], документы о постройке и ремонте кладовых для хранения денежной казны в уездных городах [ЦГАКО, ф. 176, оп. 6, д. 10, д. 378].

Фонд 582 «Канцелярия вятского губернатора» содержит отчеты Казенной палаты о состоянии денежной казны, сведения о заключении подрядов с купцами и крестьянами на доставку медной монеты, отчеты о передвижении судов с денежной казной по пути в столицу, переписку Казенной палаты с Лесным департаментом Адмиралтейства и с государственным казначеем А. И. Васильевым и пр. [ЦГАКО, ф. 582, оп. 140, д. 63]. Также фонд располагает сведениями о торгах на поставку медной монеты [ЦГАКО, ф. 582, оп. 2, д. 40] и др. документы.

Историография российского монетного обращения достаточно обширна. Однако в ней в большей степени преобладают труды по вопросам производства и обращения монет как денежных знаков. Вопросы бытования медных монет как «тягостей» затрагиваются намного реже.

В ряде обобщающих трудов А. С. Мельниковой, В. В. Узденикова, А. И. Юхта отмечается ряд «отрицательных последствий» превращения медной монеты в «главное орудие денежного обращения» [Мельникова и др., 2000, с. 137; Уздеников, 1994, с. 20; Юхт, 1009, с. 254] внутри России во второй половине XVIII века: медная 16-рублевая монета была тяжелой,

прием и выдача больших сумм требовали много времени и людей [Юхт, 1994, с. 254].

Статьи, непосредственно посвященные проблемам хранения и транспортировки медных монет, крайне немногочисленны.

Некоторые вопросы бытования монет затронуты в статье К. Б. Назаренко. Монеты рассматриваются в составе имущества русских моряков как составная часть мира предметов, окружающих людей XVIII века [Назаренко, 2018, с. 124—129].

Статья Е. М. Свириной содержит любопытные наблюдения о распространении медных разменных денег в Сибири, в частности, фиксируется сложность распространения мелких денег в больших объемах из-за высоких транспортных расходов [Свирина, 2018, с. 131].

Наибольший интерес для темы исследования представляет статья В. И. Карпухина о доставке в первой половине XIX века медной монеты старого чекана из Тобольской губернии для передела (когда старую монету переплавляли в новую) на Екатеринбургский монетный двор [Карпухин, 2003, с. 66—74]. Автор указывает, что механизм транспортировки монет ранее не привлекал внимание исследователей. Отмечается, что организация доставки лежала на казначействах и Тобольской казенной палате. Для ее успешного выполнения следовало решить несколько проблем (найти подрядчиков для изготовления тары, возчиков для перевозки монеты, охраны и т. п.). В. И. Карпухин подробно описывает процесс перевозки монеты из Ишимского окружного казначейства обозами зимой 1834—1835 годов.

Для проведения исследования были использованы обобщающие сведения о создании и становлении Казенной палаты как финансового учреждения и ее функциях в конце XVIII — начале XIX веков, приводимые Д. С. Павловой [Павлова, 2011] и Т. Л. Мигуновой [Мигунова, 2008]. Также интересующая нас информация о создании Вятской казенной палаты и ее структуре содержится в статье И. А. Соловьевой [Соловьева, 2012].

В работе Е. М. Максимовой перечисляются законодательно установленные обязанности губернского казначея во второй половине XVIII века, оценивается его роль в обеспечении полноты и своевременной выдачи казенных сумм, в заведении доставкой денег в центральные казначейства и иные центральные ведомства [Максимова, 2017].

В рамках изучения вопроса транспортировки ряд исследователей обратились к теме подрядов.

Так, статьи М. П. Белинской посвящены понятию «подряд» в XVIII веке, различным аспектам, связанным с системой казенных под-

рядов в России (например, круг подрядчиков, запреты и ограничения, риски, возникавшие при заключении подрядов, и т. п.) [Белинская, 2015; Белинская, 2018; Белинская, 2019]. Сходные вопросы рассмотрены в работах А. А. Абреговой, Б. Е. Кошелюк, Е. И. Новицкой [Абрегова, 2011; Кошелюк, 2017; Новицкая, 2015].

В литературе, как правило, упоминаются купеческие подряды (хотя их могли заключать и представители других групп населения). В коллективном труде «История предпринимательства в России» отмечается, что подрядные сделки были нормой в жизни купечества XVIII века. Особенно много государственных подрядов заключалось на поставку продовольствия [История ..., 2000, с. 230].

М. С. Судовиков, занимающийся изучением купечества Вятского региона, отмечает, что местные купцы 1-й и 2-й гильдии участвовали в крупных казенных поставках сельскохозяйственной продукции, соли, вина на большие расстояния. При этом Санкт-Петербург не являлся в данном случае приоритетным городом, в отличие, например, от Архангельска и Астрахани. Предприниматели же «средней руки» по причине отсутствия надежных путей сообщения избегали осуществлять дальние поставки грузов [Судовиков, 2015, с. 161—163].

Следует выделить довольно обширную статью Г. И. Обуховой о проблемах организации и выполнении купечеством Удмуртии (бывшие Сарапульский и Глазовский уезды Вятской губернии) казенных и частных подрядов по поставкам хлеба в город Рыбинск во второй половине XVIII — 70-х годах XIX веков [Обухова, 2010]. В ней приводятся некоторые сведения о механизме транспортировки продовольственных грузов.

Анализ историографии показывает, что проблемы хранения денежной казны не находились в центре внимания исследователей. Вопросы же транспортировки медных монет затрагиваются не системно, проблемы перемещения «тяжестей» — медных денег на территории европейской части России — не освещались вовсе.

Исследование основано на базовом для исторического познания принципе историзма. Были использованы специально-исторические методы:

- 1) историко-генетический — при исследовании заявленной проблематики в период создания и становления Вятской казенной палаты;
- 2) историко-системный метод — в ходе рассмотрения вопросов хранения и транспортировки медной денежной казны как составляющих общего комплекса проблем бытования медной монеты в повседневной жизни;
- 3) сравнительно-исторический — при сопоставлении частных и казенных подрядов по организации доставки медных денег в столичные ведомства.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Вопросы хранения денежной казны

Вятская казенная палата была создана 22 декабря 1780 года на основании указа Екатерины II «Об учреждениях для управления губерний Российской империи» 1775 года [Соловьева, 2012, с. 37]. Она состояла из 6 человек, основные направления её деятельности регламентировались. В частности, Казенная палата уделяла особое внимание вопросам сборов казенных доходов, которые были установлены законом, следила за тем, чтобы не производились неустановленные поборы, за своевременностью транспортировки и сохранностью сборов.

В подчинении Казенной палаты находились уездные казначеи, функции которых ограничивались приемом казенных доходов, хранением и их выдачей [Максимова, 2017, с. 40; Мигунова, 2008, с. 116].

Отдельно были установлены условия «хранения денежной казны Императорского Величества»: сберегать казну следовало в каменных кладовых, за замками и печатью; хранить в мешках и бочках; медные, серебряные и золотые монеты должны были содержаться отдельно. Запрещалось накапливать большие суммы денег и при каждом удобном случае доставлять в те места, для которых доход был предназначен [Мигунова, 2008, с. 117].

11 января 1781 года в Вятской казенной палате рассматривали предложение генерал-поручика нижегородского, костромского и вятского А. А. Ступишина «о соблюдении» денежной казны. В нем говорилось, что в городах наместничества для хранения особых кладовых не подготовлено, поэтому необходимо сделать в земле «выходы» «в местах от пожару и кражи безопасных...» [ЦГАКО, ф. 176, оп. 6, д. 10. л. 1]. Также было решено разослать указы всем уездным казначеям и городничим с повелением освидетельствовать свободные места при каменных церквях [Там же].

В течение зимы были получены рапорты из уездов: денежная казна либо будет размещена, либо уже хранится в кладовых, которые находятся в подвалах или постройках каменных соборов, в некоторых случаях под колокольней. Однако в четырех уездных городах колокольня и соборы оказались деревянные, еще в двух городах вообще подходящих мест обнаружено не было, а в одном городе казна находилась в «деревянной житнице».

После сбора данных было предложено построить «казенные выходы» для хранения денег. «Выход» представлял из себя квадратное помещение 12х12 аршин, высотой 3 аршина в земле, стены и потолок из бревен, сверху его покрывали дерном, двери обязательно должны были быть окованы железом.

«Выходы» были построены в трех городах: в Кае в 1784 году [Там же, д. 379, л. 1.], в 1787 — в Малмыже [Там же, д. 378, л. 27], в 1789 — в Гла-

зове [Там же, л. 47]. Уже в 1796 году они представляли собой удручающее зрелище — бревна сгнили, потолки наклонились, двери плохо открывались [Там же, л. 41, 67]. Производить ремонт было невыгодно. В городах Глазове и Малмыже в это время шло строительство храмов по проектам губернского архитектора Филимона Меркурьевича Рослякова; в кладовые при этих храмах и перенесли денежную казну.

Ветхие кладовые-«выходы» с трудом были проданы на торгах, деньги поступили в уездное казначейство [Там же, д. 379, л. 13, 133, 141].

В 1790-е годы денежная казна в уездных городах по-прежнему хранилась большей частью в церковных помещениях. Только в губернском городе Вятке в 1787—1790 годах были построены каменные присутственные места по проекту архитектора Ф. М. Рослякова, где наряду с помещениями палаты суда, полиции, врачебной управы и других учреждений были предусмотрены помещения для губернского и уездного казначейств, а также денежной кладовой [Там же, л. 212].

При хранении денежной казны в церковных помещениях существовал ряд проблем:

- при оплате помещений казной возникали спорные ситуации между служителями соборов и Казенной палатой [Там же, ф. 176, оп. 6, д. 10, л. 23, 25, 55];

- периодически возникала задолженность казны по ежегодной оплате за использование церковных помещений, которую уездные казначеи могли погасить только с разрешения Сената из «экстраординарных сумм» (сумм на непредвиденные расходы). Так, за 1784—1789 годы по сводной ведомости накопилась задолженность 402 рубля 55 копеек [Там же, д. 112, л. 31 об.];

- недостаточная безопасность денежных кладовых (необходимость укреплять двери, окна и тому подобное) [Там же, л. 43, 43 об.];

- неуверенность духовенства в своих полномочиях. Например, священник Спасского собора в Елабуге заявил, что без повеления Казанской духовной консистории допустить в палату при церкви поклажу казенных денег «смелости не имеет» [Там же, л. 47, 48];

24 января 1796 года, еще до учреждения губернии, Вятская казенная палата приказала асессору Тарасову освидетельствовать в ряде уездных казначейств документацию, наличную денежную казну, «наличность соли и вина», а также новые постройки в городах [Там же, ф. 176, оп. 6, д. 378, л. 1.]. С этого момента начинается более активная, чем прежде, переписка между чиновниками разных ведомств о проблеме хранения денежной казны на местах и предпринимаются попытки решения этой проблемы.

Особую заботу вятских чиновников вызывало хранение медных монет, так как, по предписанным правилам, из поступивших в каждом месяце де-

нежных сумм отправляли из казначейств по истечении месяца одни ассигнации, а медные монеты высылались после переписки «с местами куда следует», после получения определенного уведомления, каким образом выслать медные деньги [Там же, л. 219 об.]. В казначействах скапливались медные монеты на сумму иногда в несколько раз больше, чем сумма ассигнаций.

Летом этого же года Филимону Рослякову, который находился в командировке в городе Малмыже «для отвода под соляные магазины мест», было предписано составить план каменной кладовой и смету на ее строительство [Там же, л. 31, 31 об.]. 21 августа 1796 года план и смета (на сумму 1167 рублей 62 копеек) на постройку каменной кладовой в городе Малмыже уже были получены в Вятской казенной палате (рис. 1) [Там же, л. 39, 39 об., 39а, 40].

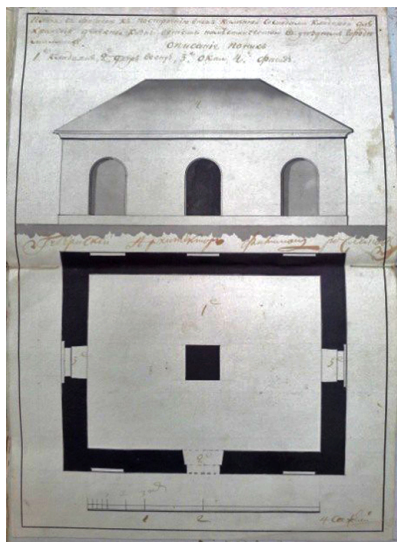

Рис. 1. План с фасадом каменной кладовой для хранения денежной казны в уездном городе Малмыже. Архитектор Ф. М. Росляков. 1796 год [ЦГАКО, ф. 176, оп. 6, д. 10, л. 39 а]

По распоряжению Казенной палаты начиная с октября 1796 года Ф. М. Росляков создавал аналогичные планы зданий кладовых и сметы и для других одиннадцати (помимо Малмыжа и Вятки) уездных городов Вятской провинции. Площадь денежных кладовых рассчитывалась с учетом суммы налогов первой половины 1796 года медною монетою. В составленной по требованию Ф. Рослякова ведомости о доходах в этот период в кла-

довых уездных казначейств хранилось медною монетою от 2 093 рублей 59 копеек до 39 966 рублей 30 $\frac{1}{4}$ копейки [Там же, л. 59 об.].

Архитектор представил выполненное задание 16 апреля 1797 года [Там же, л. 213]. Планы были однотипные, кладовые по ним предусматривались каменные со сводами и кирпичными на ребрике полами. Но сметы построек различались — от 1008 рублей 55 копеек до 1677 рублей 10 копеек (разные цены в уездах имели камень, щебень, песок, железо, бревна и пр.) [Там же, л. 99—104]. Общая сумма учитывала стоимость будущих построек уже в девяти городах губернии — 10 166 рублей 63 копеек [Там же, л. 174].

Планы впоследствии были признаны «недостаточными». Во-первых, в ряд казначейств поступают доходы не только из своих, но из упраздненных уездов. Во-вторых, доход «против прежнего умножился в немалом превосходстве, и денежной казны медною монетою... во второй 1798 года половине имеется противу означенного прихода в первой 1796 года половине по многим городам не токмо вдвое и более того» [Там же, л. 174 об.].

Последовал новый указ из Казенной палаты от 5 августа 1798 года «о сочинении» планов на построение новых каменных присутственных мест в девяти уездных городах. В них предполагалось размещение в двухэтажных корпусах уездного суда, управы благочиния, уездного казначейства с их архивами, денежных кладовых и т. п. (рис. 2). Планы были представлены уже 28 августа [Там же, л. 163]. Однако такие корпуса не удалось «устроить в скорости» из-за «знатной суммы» (общая смета — 228,764 руб. 34 копейки) [Там же, л. 218, 218 об.].

Вятская казенная палата, изучив документы реального положения дел в уездных казначействах, выявила следующие «неудобства»:

— не был решен вопрос сохранения документации, по которой проводилось ежемесячное освидетельствование денежной казны;

— во время платежа государственных податей казначей, «ежегодно (в источнике так. — *Е. М., К. Т.*) принимая и полагая в кладовые деньги», имел «немалые затруднения от казначейств в переходах до кладовых» [Там же, л. 219];

— для охраны нужен караул в двух местах — при казначействах и при кладовых, а караул зачастую состоял из «солдат престарелых, дряхлых, а некоторых и увечных», то при таком карауле «блюдене целости той казны в опасности» [Там же, л. 217].

Чиновники посчитали, что «... сии все неудобства отвращены будут, ежели от казны выстроятся во всяком городе казначейства в одной связи рядом с кладовыми каменные...» [Там же, л. 219]. Соответственно очередным указом от 22 февраля 1799 года Филимону Рослякову было предписа-

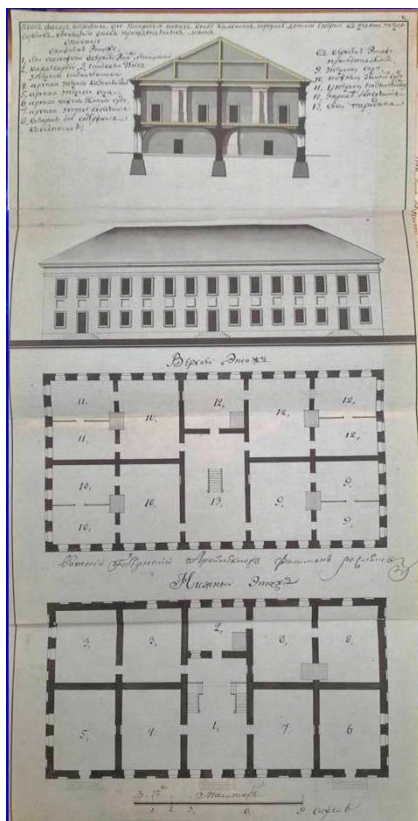

Рис. 2. План фасада каменного корпуса присутственных мест в уездных городах
(1 этаж, помещение № 3 — кладовая для хранения денег).
Архитектор Ф. М. Росляков. 1798 год [ЦГАКО, ф. 176, оп. 6, д. 10, л. 163а]

но «учинить» новые планы, чтобы в кладовых помещалось до 200 тысяч рублей медью [Там же].

Губернский архитектор разработал типовой план на этот раз уездного казначейства с денежной кладовой, который и представил в Вятскую казенную палату в апреле, а также сметы к ним (рис. 3). Расходы на все девять уездных казначейств с денежными кладовыми составляли 40 920 рублей 10 ½ копейки. Однако предусматривался и еще один вариант — «особо одних кладовых», на «устроение» которых требовалось 25 119 рублей 90 копеек [Там же, л. 220 об.] (вероятно, это планы 1796 года с увеличенной сметой).

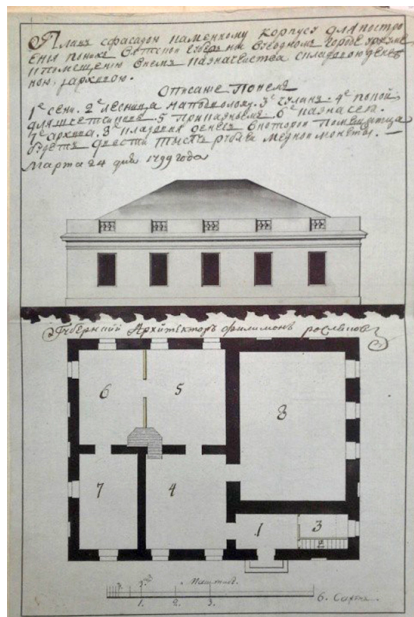

Рис. 3. План с фасадом каменного корпуса казначейства с кладовой для хранения денежной казны в уездном городе Уржуме (помещение № 8 кладовая, где могло быть помещено 200 000 рублей медною монетою). Архитектор Ф. М. Росляков. 1796 год. [ЦГАКО, ф. 176, оп. 6, д. 10, л. 193а]

Сведения о планах и сметах присутственных мест, казначейств и кладовых в совокупности по справке были представлены вятскому губернатору С. Б. Тютчеву 22 июня 1799 года. Теперь требовались ассигнования из государственной казны по итогам рассмотрения в Правительствующем сенате. Однако на сегодняшний день достоверно неизвестно об осуществлении хотя бы одного из проектов постройки денежной кладовой в том или ином виде до скоропостижной смерти Ф. М. Рослякова в 1806 году.

3.2. Организация доставки медной монеты

Серьезную проблему для Вятской казенной палаты представляла транспортировка медной монеты.

Как уже было выше указано, из поступававших регулярно в уездные казначейства податных денежных сумм отправляли почтой в назначенные пункты по истечении месяца только ассигнации; монеты высылались после переписки и согласования вопросов о том, куда и каким образом следует их отправить. Казенные деньги в медной монете, как правило, отправля-

ли в Санкт-Петербург (Адмиралтейскую коллегию, в Военную коллегию, в статное и остаточное казначейства), в Казань, в Астрахань и др. места.

Транспортировка тяжелой медной казны проводилась гужевым или водным транспортом большей частью через систему подрядов внутри и вне Вятского наместничества/ губернии. Следует отметить, что в рассматриваемый период под *казенным подрядом* понималось не только выполнение работ, но и наем рабочих, а также перевозка казенных тяжестей, поставка провианта или амуниции [Белинская, 2015, с. 221].

Казенными подрядами занималось и купечество [Судовиков, 2015, с. 156, 162, 166], и представители других социальных групп. Крестьяне и крестьянские общества также выступали в качестве участников обязательственных отношений с казной [Белинская, 2018, с. 89].

Первый вопрос предстоящей казенной поставки денежной казны — кто будет ее осуществлять, то есть доставка будет организована через подряд подрядчиками или «казенным коштом». Решение зависело от «цены вопроса» — от того, чья поставка окажется дешевле по издержкам.

В XVIII веке существовала достаточно отлаженная система проведения торгов и исполнения государственных подрядов. Проведение конкурсных процедур было обязательным до заключения контракта. Целью торгов являлась экономия денежных средств казны, при этом предполагалось предоставление денежных средств на развитие производства и исключение участия в торгах посредников.

Вятская казенная палата ежегодно пыталась привлечь желающих «к препровождению» в разные города Российской империи денежной казны в медной монете. Однако зачастую предприниматели рассчитывали получить за поставки более высокие денежные суммы благодаря повышенным ценам, которые не совпадали с казенными, обычно более низкими. Так, в 1794 году вятский купец Иуда Сидорович Колошин просил за доставку 100 000 рублей медной монетой в статное казначейство Санкт-Петербурга по 1 рублю 10 копеек с пуда. Но по расчетам членов Казенной палаты необходимо было $70 \frac{3}{4}$ копейки на каждый пуд, поэтому подряд с Колошиным не заключили, а доставка денежной казны оказалась «под распоряжением» вятского губернатора. При этом выяснилось, что перевозка монет в действительности обошлась еще дешевле — $49 \frac{3}{4}$ копейки с пуда [Там же, ф. 582, оп. 140, д. 63, л. 5; ф. 176, оп. 1, д. 134, л. 267].

Кроме этого, в Казенной палате регулярно припоминали неординарный факт перевозки податей (120 000 рублей) из Вятки в 1795 году, когда благодаря тому, что дело было «экстренно», купцу 2-ой гильдии Василию Хлебникову из уездного города Царевосанчурска заплатили по 75 копеек с пуда при расчетной стоимости Палаты в 22 копейки с пуда. После такого

прецедента вятскому губернатору и Казенной палате строжайше запрещено было «самоуправство» [Там же, ф. 582, оп. 2, д. 40, л. 13—16 об.].

Другой спорный вопрос, который не всегда могли разрешить, — это составление «кондиций, учиненных на поставку». Казенная палата тщательно разбирала каждый пункт кондиций (условий) и объясняла причины отказа. Так, например, купцы Н. Калинин и Ф. Машковцев не соглашались нести ответственность, если судно с грузом медных монет «потопнет», а Палата настаивала на подъеме груза за счет купцов и возмещения «за утраченное безотговорочно». Купцы решили ограничиться только разгрузкой медной монеты на берег в Санкт-Петербурге, а Палата, в свою очередь, настаивала на доставке с берега в нужные места [Там же, ф. 582, оп. 140, д. 63, л. 105, 105 об.; ф. 176, оп. 1, д. 134, л. 826—828].

Наиболее подробно проблемы, связанные с доставкой медной денежной казны, описаны в архивных делах, касающихся подготовки и поставки в 1800 году монет «казенным коштом» «водяною коммуникациею» из Вятской губернии в «правительства» Санкт-Петербурга. «Стараясь о казенном интересе», казенная палата впервые провела поставку полностью «казенным коштом» 489 500 рублей [Там же, ф. 582, оп. 140, д. 63, л. 50 об.] при расчете стоимости транспортировки за каждый пуд 76 $\frac{3}{4}$ копеек [Там же, ф. 176, оп. 1, д. 129, л. 826—828].

Комиссионеры, назначенные Вятской казенной палатой, П. А. Шлефохт и А. И. Шеталин, решили большое количество трудных задач, связанных с подготовкой транспортировки медных денег. Среди них:

- получение специального разрешения Лесного департамента Адмиралтейской коллегии на вырубку леса и распил бревен на пильных мельницах для постройки речных судов [Там же, ф. 582, оп. 140, д. 63, л. 11 об.];

- поиск места для постройки речных судов в различных местностях Вятской губернии («где дешевле возьмут» [Там же, л. 60 об.]);

- оснастка судов якорями, закупка канатов и парусов, смоляных снастей и бельных бечевек [Там же, л. 62];

- наем судовых команд (лоцманов, «водолизов» (старшин судовых рабочих) и «водоходов» (матросов) и др.) [Там же, л. 63—63 об.]; рабочих людей по погрузке и разгрузке тяжестей.

При этом заказчики, руководствуясь «казенным интересом», должны были «склонять» исполнителей к уменьшению суммы подряда. Сделать это было достаточно проблематично, а иногда невозможно. Так, в марте 1800 года из-за несогласия подрядчиков не состоялась перевозка 13 000 рублей, предназначавшихся для общей отправки денежной казны из Вятской губернии в Петербург (489 500 рублей), из Глазовского уездного казначейства [Там же, ф. 176, оп. 1, д. 134, л. 911 об. — 912]. При этом в дальнейшем

оказалось, что почти такого же количества рублей (14 000) не хватает для общей суммы, показанной к поставке в «правительства». Палата предприняла экстренные меры и заимствовала деньги на казенном Чернореченском винокуренном заводе [Там же, л. 1201], чтобы согласованная с государственным казначеем поставка медных монет состоялась в полном объеме.

Стоимость товаров и строительных материалов старались всегда сравнить со справочными (официально зафиксированными) ценами, а оплату работ проводить исходя из сравнения с оплатой таких же работ, которые производились ранее. Казенная палата стремилась исключить цепочку посредников в том случае, когда подряд можно было заключить с непосредственным исполнителем [Там же, ф. 582, оп. 140, д. 63, л. 150—150 об., 206 об.].

При заключении контракта выдавалась определенная сумма в виде аванса, которая могла составлять треть либо половину приблизительной цены подряда.

Уездные казначеи также были заняты проблемой поиска подрядчиков. На них была возложена покупка бочонков, рогож и веревок для «укупорки» отправляемой медной монеты [Там же, л. 166]. Так, при стандартном бочонке, вмещающем 150 рублей медной монетой, для 489 500 рублей (почти 490 тонн металла) было необходимо примерно 3 264 бочонка, каждый из которых обматывался рогожей и обвязывался веревками. Далеко не в каждом уезде находили крестьян, которые могли поставить сотни бочонков, рогож и веревок. Иногда подрядчики делали только бочонки без дополнительной «укупорки», иногда не отзывалось ни одного желающего [Там же, л. 161].

Обо всех сложных ситуациях сообщалось в губернский город. При этом примечательно, что Казенная палата находила выход практически в любой ситуации. Так, например, быстро разрешили ситуацию с бочонками — отремонтировали старые, нашли дополнительные с меньшим объемом (вмещалось 100 рублей), перенаправили излишки из одних казначейств в другие, где не нашлось подрядчиков, и т. п. [Там же, ф. 582, оп. 140, д. 63, л. 598; ф. 176, оп. 1, д. 134, л. 1103 об.].

Трудности возникали и при сборе команды, охранявшей груз в пути. Для поставки денежной казны в 1800 году в Петербург был определен состав команды: главный и средний комиссионеры, к ним в помощь — три заседателя нижних земских судов, четыре сержанта или унтер-офицер из губернской роты, а также рядовые с полной амуницией из уездных штатных команд (по три человека из каждой) и один из губернской роты [Там же, ф. 582, оп. 140, д. 63, л. 77—77 об.]. Однако в ходе подготовки и в процессе самой поставки неоднократно приходилось искать замену больным, немощным членам команды, начиная со смены главного комиссионера и

заканчивая рядовыми, а также решать проблемы с ветхой солдатской амуницией.

В случае если поставка медной монеты проводилась «казенным коштом» по рекам провинций / губерний, тогда велась деятельная переписка с руководством этих регионов по поводу прохождения денежного каравана [Там же, л. 267]. Контролировались вопросы безопасности, оказания помощи в любой штатной или внештатной ситуации для безостановочного прохождения казенных речных судов с «тягостями» в течение одной навигации. В частности, в каждой губернии земский комиссар или заседатель местного нижнего земского суда должен был сопровождать вдоль берега плывущий караван в пределах своей округи.

4. Заключение = Conclusions

Исследование проблемы функционирования медной монеты (как денежной казны) в период становления Вятской казенной палаты позволило выявить и проанализировать такие аспекты бытования медных денег, как организация хранения казны на территории Вятского наместничества / губернии и процесс транспортировки медной денежной казны за пределы региона.

Изучение вопросов хранения медной монеты привело к следующим выводам. На рубеже XVIII—XIX веков в Вятской губернии остро встал вопрос о местах хранения медной казны. Казна, как правило, хранилась в церковных помещениях (церкви, соборы, колокольни). Это порождало ряд серьезных проблем: недостаточная безопасность, невозможность длительного хранения, нехватка площадей, спорные ситуации при оплате помещений казной и др.

Поэтому на губернском уровне принимались решения о постройке в уездных городах особых помещений кладовых («выходы» и отдельные здания), присутственных мест или уездных казначейств с денежными хранилищами. Планы и сметы данных построек составлялись губернским архитектором Ф. М. Росляковым. При этом на сегодняшний день достоверных сведений о хотя бы одном факте реализации его проектов денежных кладовых не имеется.

Таким образом, на протяжении изучаемого периода существующие проблемы хранения значительных масс медной монеты не были разрешены, несмотря на попытки найти решение Вятской казенной палатой.

Исследование вопросов организации и проведения доставки медной денежной казны в указанный период показало, что транспортировка «тягостей» (медная казна), которые представляли из себя десятки, а то и сотни тонн медных монет, предполагала решение Вятской казенной палатой це-

лого комплекса проблем. Прежде всего, это вопрос об исполнителе доставки — через частные подряды, либо же за счет казны. При этом Казенная палата, исходя из собственного опыта и заботясь о «казенном интересе», предпринимала значительные усилия для того, чтобы контракты заключались без «казенного ущерба». Тщательно проверялась информация о подрядчиках, составлялись специальные «кондиции» — условия, которым подрядчик должен был неукоснительно следовать. Попутно приходилось решать множество организационных вопросов: постройка речных судов и их оснащение, наем гужевого транспорта, сбор команды, обеспечение охраны судов в пути и т. п.

Однако, несмотря на все трудности, срывов казенных подрядов по доставлению «денежной казны» в назначенные правительством пункты практически не было. Вятская казенная палата умела гибко реагировать на возникающие вопросы.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ЦГАКО — *Центральный государственный архив Кировской области*. Ф. 176 (Вятская казенная палата). Оп. 1. Д. 129, 134 ; Оп. 6. Д. 10, Д. 378 ; Ф. 582 (Канцелярия вятского губернатора). Оп. 2. Д. 40 ; Оп. 140. Д. 63.

Литература

1. *Абрегова А. А.* Государственный контракт в России: проблемы развития института / А. А. Абрегова // Вестник Адыгейского государственного университета. — 2011. — № 3. — С. 283—292.

2. *Белинская М. П.* Ограничения и запреты в системе казенных подрядов в Российской империи / М. П. Белинская // Юридическая техника. — 2018. — № 12. — С. 88—90.

3. *Белинская М. П.* О некоторых рисках в системе казенных подрядов / М. П. Белинская // Юридическая техника. — 2019. — № 13. — С. 97—99.

4. *Белинская М. П.* Понятие казенного подряда в историко-правовом развитии : XVIII век / М. П. Белинская // Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2015. — № 1. — С. 218—222.

5. *История предпринимательства в России : в 2-х кн. От средневековья до середины XIX века / ред. А. В. Семенов.* — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. — Книга 1. — 480 с. — ISBN 5-8243-0030-5.

6. *Карпухин В. И.* Доставка в первой половине XIX века медной монеты старого чекана из Тобольской губернии для передела на Екатеринбургском монетном дворе / В. И. Карпухин // Международный нумизматический альманах «Монета». — Вологда : «МДК», 2003. — С. 66—74. — ISBN 5-88459-010-5.

7. Кошелюк Б. Е. Российский опыт государственных заказов в век Просвещения / Б. Е. Кошелюк // Прикладная юридическая психология. — 2017. — № 4. — С. 119—124.
8. Максимова Е. М. Правовой статус губернского казначея по российскому законодательству второй половины XVIII века / Е. М. Максимова // Ленинградский юридический журнал. — 2017. — № 4. — С. 34—42.
9. Мельникова А. С. Деньги в России : История русского денежного хозяйства с древнейших времен до 1917 года / А. С. Мельникова, В. В. Уздеников, И. С. Шиканова. — Москва : Стрелец, 2000. — 224 с. — ISBN 5-89409-004-0.
10. Мигунова Т. Л. Создание казенной палаты и ее функции (по материалам «Учреждения для управления Губерний Всероссийской империи») / Т. Л. Мигунова // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. — 2008. — № 4. — С. 116—120.
11. Назаренко К. Б. Монеты в описях имущества русских моряков первой половины XVIII века / К. Б. Назаренко // Деньги в российской истории : вопросы производства, обращения, бытования : сборник материалов Первой международной научной конференции (18—19 октября 2018 г., Санкт-Петербург). — Санкт-Петербург : Госзнак, 2018. — С. 124—129. — ISBN 978-5-6041299-1-3.
12. Новицкая Е. И. История становления и развития отношений, связанных с государственными закупками в России, их правовое закрепление / Е. И. Новицкая // Вестник уголовно-исполнительной системы. — 2015. — № 10. — С. 10—14.
13. Обухова Г. И. Казенные и частные подряды и поставки хлеба купечеством Удмуртии в город Рыбинск во второй половине XVIII — 70-х годах XIX века / Г. И. Обухова // Вестник Удмуртского университета. — 2010. — № 1. — С. 33—45.
14. Павлова Д. С. Становление и развитие местных финансовых учреждений в последней четверти XVIII — первой половине XIX веков : на материалах Верхневолжских губерний : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Дария Сергеевна Павлова. — Ярославль, 2011. — 225 с.
15. Свирина Е. М. Денежное обращение Сибири XIX века : рассуждения по поводу медных разменных денег / Е. М. Свирина // Деньги в российской истории : вопросы производства, обращения, бытования : сб. материалов Первой международной научной конференции (18—19 октября 2018 г., Санкт-Петербург). — Санкт-Петербург : Госзнак, 2018. — С. 129—134. — ISBN 978-5-906708-48-9.
16. Соловьёва И. А. Становление казначейства в Вятско-Камском регионе в конце XVIII — начале XX в. / И. А. Соловьёва // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. — 2012. — № 4. — С. 37—40.
17. Судовиков М. С. Купечество Вятского края : от истоков до 1917 года / М. С. Судовиков. — Киров : Герценка, 2015. — 448 с. — ISBN 978-5-4338-0381-7.
18. Уздеников В. В. Монеты России XVIII — начала XIX века : очерки по нумизматике / В. В. Уздеников. — Москва : Мир Отечества, 1994. — 207 с. — ISBN 5-87613-001-X.
19. Юхт А. И. Русские деньги от Петра Великого до Александра I / А. И. Юхт. — Москва : Финансы и статистика, 1994. — 336 с.

Статья поступила в редакцию 04.10.2024,
одобрена после рецензирования 29.11.2024,
подготовлена к публикации 27.12.2025.

Material resources

TSGAKO — Central State Archive of the Kirov region. (In Russ.).

References

- Abregova, A. A. (2011). State contract in Russia: problems of institute development. *Bulletin of the Adygea State University*, 3: 283—292. (In Russ.).
- Belinskaya, M. P. (2015). The concept of a government contract in historical and legal development: XVIII century. *Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 1: 218—222. (In Russ.).
- Belinskaya, M. P. (2018). Restrictions and prohibitions in the system of government contracts in the Russian Empire. *Legal technique*, 12: 88—90. (In Russ.).
- Belinskaya, M. P. (2019). On some risks in the system of government contracts. *Legal technique*, 13: 97—99. (In Russ.).
- Karpukhin, V. I. (2003). Delivery in the first half of the XIX century of an old minted copper coin from the Tobolsk province for conversion at the Yekaterinburg Mint. In: *The International numismatic almanac "Moneta"*. Vologda: "MDK". 66—74. ISBN 5-88459-010-5. (In Russ.).
- Koshelyuk, B. E. (2017). Russian experience of state orders in the age of Enlightenment. *Applied legal psychology*, 4: 119—124. (In Russ.).
- Maximova, E. M. (2017). The legal status of the provincial treasurer under Russian legislation of the second half of the XVIII century. *Leningrad Law Journal*, 4: 34—42. (In Russ.).
- Melnikova, A. S., Uzdrenikov, V. V., Shikanova, I. S. (2000). *Money in Russia: The history of the Russian monetary economy from ancient times to 1917*. Moscow: Strelets. 224 p. ISBN 5-89409-004-0. (In Russ.).
- Migunova, T. L. (2008). The creation of the Treasury Chamber and its functions (based on the materials of the "Institutions for the administration of the Provinces of the All-Russian Empire"). *Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 4: 116—120. (In Russ.).
- Nazarenko, K. B. (2018). Coins in the inventories of the property of Russian sailors of the first half of the XVIII century. In: *Money in Russian history: issues of production, circulation, existence: collection of materials of the First International Scientific Conference (October 18—19, 2018, St. Petersburg)*. St. Petersburg: Gosznak. 124—129. ISBN 978-5-6041299-1-3. (In Russ.).
- Novitskaya, E. I. (2015). The history of the formation and development of relations related to public procurement in Russia, their legal consolidation. *Bulletin of the penal enforcement system*, 10: 10—14. (In Russ.).
- Obukhova, G. I. (2010). Government and private contracts and supplies of bread by the merchants of Udmurtia to the city of Rybinsk in the second half of the XVIII — 70s of the XIX century. *Bulletin of the Udmurt University*, 1: 33—45. (In Russ.).
- Pavlova, D. S. (2011). *The formation and development of local financial institutions in the last quarter of the XVIII — first half of the XIX centuries: based on the materials of the Upper Volga provinces*. PhD Diss. Yaroslavl. 225 p. (In Russ.).
- Semenov, A. V. (ed.). (2000). *The history of entrepreneurship in Russia: in 2 books. From the Middle Ages to the middle of the XIX century*, 1. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 480 p. ISBN 5-8243-0030-5. (In Russ.).
- Solovyova, I. A. (2012). The formation of the Treasury in the Vyatka-Kama region at the end of the XVIII — early XX century. *Bulletin of the Vyatka State University for the Humanities*, 4: 37—40. (In Russ.).
- Sudovikov, M. S. (2015). *Merchants of the Vyatka region: from the origins to 1917*. Kirov: Hertsenka. 448 p. ISBN 978-5-4338-0381-7. (In Russ.).

- Svirina, E. M. (2018). Monetary circulation of Siberia of the XIX century: arguments about copper change money. In: *Money in Russian history: issues of production, circulation, existence: collection of materials of the First International Scientific Conference (October 18—19, 2018, St. Petersburg)*. St. Petersburg: Gosznak. 129—134. ISBN 978-5-906708-48-9. (In Russ.).
- Uzdenikov, V. V. (1994). *Coins of Russia of the XVIII — early XIX century: essays on numismatics*. Moscow: The World of the Fatherland. 207 p. ISBN 5-87613-001-X. (In Russ.).
- Yukht, A. I. (1994). *Russian money from Peter the Great to Alexander I*. Moscow: Finance and Statistics. 336 p. (In Russ.).

*The article was submitted 04.10.2024;
approved after reviewing 29.11.2024;
accepted for publication 27.12.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(1), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Наumenkova E. O. Женское движение во второй половине 1880—1890-х годов в Великобритании : «эпоха застоя» или скачок вперед? / Е. О. Наumenkova // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 1. — С. 489—508. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-489-508.

Naumenkova, E. O. (2025). Women's Movement in Late 1880s and 1890s in Britain: A Stagnation Era or a Leap Forward? *Nauchnyi dialog*, 14 (1): 489-508. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-489-508. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Женское движение
во второй половине
1880—1890-х годов
в Великобритании:
«эпоха застоя»
или скачок вперед?**

Наumenkova Екатерина Олеговна
orcid.org/0000-0002-5692-5913
кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории и философии
enaumenkova@yandex.ru

Военно-космическая академия
имени А. Ф. Можайского
(Санкт-Петербург, Россия)

**Women's Movement
in Late 1880s and 1890s
in Britain: A Stagnation Era
or a Leap Forward?**

Ekaterina O. Naumenkova
orcid.org/0000-0002-5692-5913
PhD of History, Associate Professor
Department of History and Philosophy
enaumenkova@yandex.ru

Mozhaisky Military
Aerospace Academy
(St. Petersburg, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучается женское движение в Великобритании во 2 половине 1880—1890-х годов. Источниками выступили материалы периодической печати, публицистика, мемуары и воспоминания современников, стенограммы заседаний британского парламента. Опровергаются крайние в историографии точки зрения, что 1890-е годы были периодом упадка женского движения или, напротив, временем прорыва. Автор приходит к выводу, что в указанный период шло постепенное развитие, сопровождающееся взлетами и неудачами. Сообщается, что, с одной стороны, расширялся социальный состав и совершенствовалась организационная структура движения, увеличивалось количество сторонников в парламенте, росла роль женщин в избирательных кампаниях и местном самоуправлении. Показано, что уже в конце 1880-х годов дамы стали восприниматься как серьезная политическая сила. Отмечается, что, с другой стороны, главная цель — получение избирательных прав — достигнута не была, количество женщин, работавших в выборных структурах и предвыборных кампаниях было невелико относительно основной массы населения, неоднократные расколы движения свидетельствуют об определённой слабости в первой половине исследуемого периода. Проанализированы причины, побуждавшие дам участвовать в работе. Поднимается вопрос о способах борьбы за избирательные права, рассматриваются возникавшие перед суфражистками трудности. Подчеркивается, что в этот период суфражистки, разочаровавшись в конституционных методах борьбы за франшизу, стали постепенно склоняться к воинственным методам.

Ключевые слова:

Великобритания; суфражизм; женское движение; либеральная партия; консервативная партия; астисуфражизм.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study examines the women's movement in Britain during the late 1880s and 1890s. The sources include periodicals, publicist writings, memoirs, contemporary recollections, and transcripts of British parliamentary sessions. The paper challenges extreme historiographical perspectives that view the 1890s as either a period of decline for the women's movement or, conversely, a time of breakthrough. The author concludes that this period was characterized by gradual development, marked by both successes and setbacks. On one hand, the social composition and organizational structure of the movement expanded, the number of parliamentary supporters increased, and women's roles in electoral campaigns and local governance grew. By the late 1880s, women began to be recognized as a significant political force. On the other hand, the primary goal of achieving voting rights remained unfulfilled; the number of women working within electoral structures and campaigns was relatively small compared to the overall population, and repeated schisms within the movement indicated a certain weakness during the first half of the examined period. The analysis delves into the reasons motivating women's participation in activism, raises questions about strategies for securing suffrage, and discusses the challenges faced by suffragists. It is emphasized that during this time, disillusioned with constitutional methods of campaigning for enfranchisement, suffragists gradually leaned toward more militant approaches.

Key words:

Britain; suffragism; women's movement; Liberal Party; Conservative Party; anti-suffragism.

УДК 94(410)“1880/1990”:316.423.6:316.346.2-055.2

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-489-508

Научная специальность ВАК

5.6.2. Всеобщая история

Женское движение во второй половине 1880—1890-х годов в Великобритании: «эпоха застоя» или скачок вперед?

© Науменкова Е. О., 2025

1. Введение = Introduction

Начало XXI века ознаменовано появлением четвертой волны феминизма. Большое влияние на его развитие в целом оказало британское женское движение первой волны XIX — начала XX веков. В связи с этим данная проблематика заняла прочное место в гуманитарно-социальных науках и весьма популярна среди исследователей. Особый интерес для историков представляет время раннего суфражизма 1860-х — первой половины 1880-х годов, когда женское движение только начинало набирать обороты, или яркого милитантства начала XX века. На этом фоне период второй половины 1880-х — 1890-х годов остается в тени. Не зря в британской историографии данный промежуток длительное время назывался «застоем». Однако данная точка зрения представляется не вполне верной.

В рамках данной статьи мы ставим задачи проанализировать женское движение во второй половине 1880-х — 1890-е годы, раскрыть социальный состав, рассмотреть участие женщин в избирательных кампаниях, причины, побудившие принимать в них участие, способы борьбы за франшизу и препятствия, с которыми сторонницам равноправия приходилось сталкиваться.

Хронологические рамки исследования охватывают временной интервал с 1884 по 1903 годы, от момента отклонения поправки Вудалла о распространении на женщин избирательных прав до создания Женского общественно-политического союза (WSPU), вырабатывавшего новые воинственные методы политической борьбы. Новизна исследования состоит в том, что данные аспекты женского движения в российской историографии не нашли должного освещения.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Источниковой базой исследования послужили материалы периодической печати: журналы *Women's Suffrage Journal*, *The Englishwoman's review*, *Nineteenth Century*; газеты, в том числе малоизвестные российскому

читателю *The Gentlewoman, Women's Gazette and Weekly News, Dundee Courier*; публицистика; мемуары и воспоминания современников, а также стенограммы заседаний британского парламента.

В российской историографии стоит прежде всего выделить единственную на данный момент монографию О. Шныровой, посвященную суфражизму. В труде рассматриваются влияние суфражизма на политическую и культурную жизнь Великобритании и эволюция движения Викторианского и Эдвардианского периодов. Анализируя взаимоотношения суфражисток и ведущих политических партий, И. Школьников приходит к выводу, что в 1890-е годы начинается резкое ухудшение отношений суфражисток с либеральной партией и происходит постепенный раскол женского движения на умеренное и воинственное направление [Школьников, 2002; Школьников, 2004]. Другие аспекты женского движения рассмотрены в работах Е. Ш. Ефимовой, Е. О. Науменковой, Т. А. Метловой [Ефимова, 2009, Науменкова, 2017, Метлова, 2014].

Естественно, что широкий обзор тема суфражизма нашла в британской историографии, однако начиная с первых исследований конца 1950-х — 1960-х годов вклад милитантства в борьбу за политическое равноправие оценивался выше, чем достижения умеренного направления. Дискуссионной остается трактовка развития женского движения во второй половине 1880-х — 1890-х годах. Часть историков придерживаются устоявшейся в историографии точки зрения, называя этот период эпохой «застоя» [Harrison, 1983; Rosen, 1974; Strachey, 1969; Wingerden, 1999]. Они отмечают снижение финансирования движения, численности сторонников, количества проводимых мероприятий и внесенных на рассмотрение биллей о женских избирательных правах по сравнению с предшествующим десятилетием. М. Пью снижение финансирования отчасти объясняет предоставлением женщинам избирательных прав в местных выборных структурах, после чего многие из них направили свои усилия на решение местных вопросов, что, по его мнению, отражало изменение тактики борьбы за избирательные права [Pugh, 2000, p. 65]. Однако П. Холлис [Hollis, 1989] сомневалась в том, что данный вид деятельности существенно продвигал дело суфражисток.

Причину поражения женщин в борьбе за франшизу в указанный период исследователи милитантства Л. Хьюм [Hume, 1982] и Э. Розен [Rosen, 1974] видели в осторожных методах борьбы, а неорганизованность движения объясняли слабым руководством лидера суфражисток М. Фосетт. Д. Рубинштейн [Rubinstein, 1986], напротив, утверждал, что М. Фосетт на своем посту была достаточно эффективна.

Современный историк М. Пью [Pugh, 2000] бросил вызов традиционному описанию женского вопроса и утверждал, что 1890-е годы стали

десятилетием прорыва для суфражисток, поскольку билль о правах отклонялся небольшим количеством голосов. Данный факт он объяснял поддержкой суфражисток консервативной партией, а также предоставлением дамам избирательных прав в Новой Зеландии (1893) и Австралии (1902).

Таким образом, развитие женского движения во второй половине 1880-х — 1890-х годах не нашло должного освещения в трудах российских исследователей. Данная статья отчасти восполнит этот пробел в историографии и внесет вклад в разработку проблемы суфражизма в Великобритании в конце XIX века.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Участие женщин в избирательных кампаниях

Несмотря на то, что парламентарии отказывали женщинам в предоставлении избирательных прав, после серьезного реформирования избирательной системы 1880-х годов (расширение франшизы, совершенствование антикоррупционного законодательства) партии начали активно вовлекать слабый пол в политику.

До принятия билля о коррупции 1883 года для агитации, канцелярской и другой работы, связанной с организацией выборов, партии нанимали и оплачивали труд сотрудников-мужчин. Однако билль ограничил суммы, затрачиваемые на предвыборную кампанию и количество нанимаемых людей. Но работу необходимо было выполнять, иначе партия могла проиграть выборы.

В этих условиях политикам пришла в голову идея использовать в предвыборной кампании женщин, готовых трудиться с энтузиазмом и бесплатно. Авторство идеи видная суфражистка Милисент Фосетт приписывала консерваторам Рэндольфу Черчиллю и Алджернону Бортвику [Fawcett, 1912, p. 30]. Несколько ранее в своем романе «Эндимиона», лидер консервативной партии Бенджамин Дизраэли косвенно благословил прекрасный пол на участие в политических делах, рисуя образ дам, прекрасно разбирающихся в политике и отдающих всю свою энергию карьере мужей и братьев, при этом ничего не получая взамен, кроме морального удовлетворения.

В 1885 году под эгидой Лиги подснежника был образован Большой Совет Женщин. К 1891 году в него входило 500 000 дам. Цель Женского совета состояла исключительно в поддержке консервативной партии. Первая кампания с помощью прекрасного пола была проведена консерваторами уже в 1885 году. Леди Найтли описывала свое участие в избирательной кампании как совершенно новое и странное занятие, в ходе которого она переходила из дома в дом, разговаривая с недовольными жизнью рабочими, и убеждала их голосовать за ее мужа [Gordon, 2005].

Либералы старались не отставать и в 1887 году образовали Либеральную Федерацию Женщин (далее WLF), объединив уже существующие 63 женские ассоциации. К 1895 году стало 448 филиалов с 82 000 женщин. Исследователь М. Пью в создании женской федерации видит уловку Гладстона, направленную на то, чтобы отвлечь суфражисток в более безопасную область организации [Pugh, 1980, p. 12]. Однако, на наш взгляд, первоочередной целью стало стремление получить армию бесплатных работниц, главной задачей которых, по словам первого президента WLF миссис Гладстон, было помочь мужьям победить на выборах [Smith^{1998, p. 11}]. Таким образом, женщины должны были распространять политические знания, помогать в предвыборной работе, но ни в коем случае не соперничать с мужчинами.

Привлекая женщин к канвассированию (агитации за кандидата на выборах), политики подчеркивали его позитивное влияние на дам, утверждая, что последние становились более общительными и энергичными, обретали чувство долга и ответственности. Другой часто используемый аргумент касался женщин как матерей: воспитатели будущих поколений обязаны разбираться в политике, чтобы вырастить достойных граждан. Высказывались предположения, что общий интерес к политике может укрепить брак и способствовать гармоничным отношениям. Данные комментарии, несомненно, были далеки от традиционного викторианского представления о том, что государственными делами должны заниматься исключительно мужчины [Walker 1987, p. 173, 175].

И хотя продолжали раздаваться протесты отдельных лиц, что слабый пол только деградирует, занимаясь политической деятельностью, политики признали, что в изменившихся условиях привлекать женщин к участию в избирательной кампании стало очень удобно. Именно с момента появления женщин-волонтеров, по словам Стрейчи, началось становление совершенно новой техники избирательного механизма и современного типа предвыборной агитации [Strachey 1969, p. 279].

Дамы принимали самое активное участие в организации выборов: устраивали собрания, выступали, распространяли партийные листовки, проводили агитацию, поставляли экипажи и организовывали транспортировку избирателей к месту голосования, писали предвыборные обращения и с воодушевлением выполняли другую важную политическую работу, от которой во многом зависел успех на выборах. Причем работали без гонораров и, следовательно, без увеличения расходов кандидатов.

Прошедшие в парламент представители обеих партий открыто признавали помощь прекрасного пола. Газета «Джентлмэн» после выборов 1895 года и 1900 года направила депутатам парламента опросник о полезности женщин

в избирательной кампании и на протяжении нескольких номеров публиковала их ответы. Коммонеры сообщали, что работа женщин на выборах была масштабной и оказала огромное влияние на их победу! Консерватор Роллстон после победы в радикальном Лестере прямо заявил: «на моих выборах победили дамы» [Mashie, 1895, № 266, p. 190; What women, 1895, № 264, p. 116; What women, 1900, № 537, p. 529; What women, 1900, № 540, p. 619].

Важно отметить и психологический момент. После реформирования избирательной системы электорат по большей части состоял из мужчин-рабочих, поэтому дамам из среднего и высшего слоев лучше всего удавалась агитация потенциальных избирателей. Действительно, простому фермеру или ремесленнику было гораздо проще обсудить свои политические взгляды или повседневные неурядицы с приятной, образованной и ухоженной леди, нежели отвечать на вопросы допрашивавших их мужчин [Lowell¹⁹¹⁷, p. 14]. Следовательно, представляется обоснованным мнение, что мужчины, не проявляющие особого интереса к политическим вопросам, с большей вероятностью поддавались на уговоры женщин высокого социального положения, чем агитаторов своего пола. Таким образом, статус женщин, входивших прежде всего в Лигу подснежника, оказывал огромное влияние на потенциальных избирателей из рабочего класса.

Наиболее полезны дамы были в рабочих округах, где они пробирались в «многоквартирные дома, как ласки в кроличьи норы», и умело «обрабатывали» самого избирателя или его супругу. Либерал Джон Бригг из Кейли Йоркс отмечал, что если традиционные приемы агитации не действовали на рабочих, то их жены были весьма восприимчивы к пропаганде [What women, 1900, № 540, p. 619].

Депутаты с восхищением отмечали, что женщины работали намного лучше мужчин, подавая последним прекрасный пример. Без выходных, с раннего утра и до позднего вечера дамы обходили дома, агитировали избирателей-рабочих даже во время их обеденного перерыва. В округе Лестер было зарегистрировано 25 000 избирателей, и помощницы обошли каждого [What women, 1900, № 537, p. 529; What women, 1900, № 540, p. 619].

В борьбе за заветный голос дамы проявляли чудеса изобретательности. Новаторством стали поездки женщин по небольшим городкам и деревням с целью распространения листовок и произнесения речей. Первым в такое странствие отправились женщины-консерваторы на фургоне «Венчу» по окрестностям Бедфордшира и Бакингемшира. Мероприятие было признано успешным и в дальнейшем подобные поездки стали весьма популярным средством агитации обеих партий.

Другим ноу-хау стало формирование женских велосипедных бригад для более быстрого перемещения по городу [What women, 1900, № 537,

р. 529]. Герцог Мальборо с воодушевлением писал, что теперь «каждый избиратель будет выслежен в своем логове группой восторженных и спортивных дамочек Лиги Подснежника на велосипедах» [Walker^{1987, p. 179}]. Велосипед становится настолько модным увлечением среди обеспеченной публики, что в газетах даже публиковались советы, как женщинам проще и быстрее освоить новый вид транспорта [Hints to lady cyclists, 1895, № 13127, p. 4].

Особенно ценны для партии были леди с опытом благотворительных визитов, поскольку такая леди-агитатор была «в два раза эффективнее, чем мужчина». Периодически раздавались голоса, что женщины использовали не только обаяние, но и более традиционный способ — подкуп [Rubinstein, 1986, p. 154; What women, 1900, № 537, p. 529]. Однако таких обвинений было крайне мало. Коммонеры единогласно признавали: дамы прекрасно проявили себя в канвассировании, канцелярской работе и распространении литературы. Но выступления с трибун перед широкими аудиториями вызывали тревогу у ретроградов и не встречали поддержки депутатов, за редким исключением [What women, 1900, № 537, p. 529; What women, 1900, № 540, p. 619].

Представительницы прекрасного пола проявляли чудеса выносливости и стойкости. Американка Элизабет Бэнкс была изумлена, увидев в конце дня голосования усталую, изможденную, мокрую, перепачканную грязью агитаторшу, с болтающейся в лохмотьях шелковой подкладкой юбки. Девушка жаловалась, что с самого утра ничего не ела, поскольку не было ни минуты свободного времени [Banks, 1900, p. 796, 800].

Бывали сложности и другого рода. Лондонская леди-агитатор сетовала на невежество мужчин: «Во многих многоквартирных домах, куда я прихожу, мужчины во время разговора со мной даже не вынимают трубки, и многие из них сидят на единственном стуле в комнате, в то время как я стою» [Banks, 1900, p. 796, 800]. Как-то «Дама из Лиги Подснежника вела предвыборную агитацию на кирпичном заводе около Уимборна. Пожилой рабочий выслушал ее очень внимательно, а затем попросил разрешения задать ей 1—2 вопроса. Первый вопрос звучал так: “У Вас самой есть право голоса?” Конечно, у дамы его не было. “А почему у Вас нет голоса?” продолжал рабочий. Дама либо не знала, что ответить, или предпочла не рассказывать. “Ну, мадам”, заметил вопрошающий, “если как я полагаю, парламент не считает вас и вам подобных достойными иметь право голоса, не кажется ли вам бесцеремонным распространяться о том, что делать с избирательным правом?” Беседа прервалась» [Truth is responsible ..., 1890, № 241, p. 3].

Естественно, что наибольшую активность в избирательных кампаниях проявляли родственницы кандидатов: жены, матери, сестры. Данный факт

находит подтверждение в словах депутатов [What women, 1900, № 537, p. 529; What women, 1900, № 540, p. 619]. Представляется, что такая преданная и неутомимая предвыборная работа объяснялась не только стремлением женщин к политической эмансипации, но была в некотором смысле продолжением беззаветной самоотверженности, к которой они привыкли как жены и матери. Леди Найтли в своем дневнике признавалась: ее самым сильным побуждением была помощь любимому мужу [Gordon].

Подобное поведение было немыслимо в Соединенных Штатах и вызывало изумление у американок, искренне полагававших, что женщина может идти в политику исключительно ради себя, но никогда ради мужа или брата. Подтверждение мы находим в словах американки Ребекки Инсли, наблюдавшей за выборами 1900 года и за тем, как богатые, элегантно одетые дамы унижались перед рабочими, выпрашивая их голоса [Rubinstein 1986, p. 155—156]. Элизабет Бэнкс, американская журналистка и писательница, проживавшая в Лондоне несколько лет, в журнальной статье поделилась своим опытом участия в избирательной кампании 1900 года. Она так прокомментировала стремление англичанок получить голоса избирателей: «Вы просите избирателя отдать голос не за *дело* консерваторов или либералов, а за *человека*. Вас мало волнуют абстрактные причины. Ни одну женщину не волнуют причины, а только *мужчины*, которые представляют эти причины. Вы, леди-агитаторы, не можете голосовать сами, но этот грязный, невежественный мужчина, изо рта которого разит пивом или плохим бренди, может голосовать и помочь избрать вашего мужа, брата, отца или возлюбленного на выборах... Поэтому сестры агитируют за своих братьев, дочери — за отцов, жены — за мужей, а изящные девушки — за женихов...» [Banks, 1900, p. 795—796, 798].

Следует отметить парадоксальное фарисейство английского общественного мнения, допускаящего посещение женщинами грязных пабов, неблагополучных и неосвященных кварталов в целях агитации, но считавшего совершенно неприличным появление дамы без сопровождения в общественных местах, например в театре.

Женские политические организации, созданные вначале с узкой целью помогать мужчинам — членам партии избираться в парламент, со временем превратились в благодатную почву для дебатов об избирательных правах. В ассоциациях стало появляться все больше женщин, которые хотели не просто помогать партии, а добиться получения избирательных прав и прямо участвовать в политической жизни страны. Причем это касалось не только либеральных, но и консервативных организаций. Леди — президент Лиги подснежника вспоминала: «Когда я стала членом Лиги подснежника, у меня была надежда, которую разделяли многие, что, если мы

будем успешно работать на благо Лиги, нашей наградой будет право голоса» [Hollis, 1979, p. 328].

Поскольку росло вовлечение женщин в политику, ее имидж как исключительно мужской сферы деятельности начал тускнеть. Современники признавали, что влияние женских ассоциаций росло с каждым днем и ни одна из партий не могла уже без них обойтись [Fawcett, 1912, p. 30, 32]. В связи с этим проблема женских избирательных прав все больше обострялась. «Вименс Суфраж Журнал» негодовал: «Просто невозможно, что женщины действуют во имя политических целей и соглашаются с недопущением к голосованию» [The influence ..., 1889, № 233, p. 64].

Среди суфражисток не было единства, стоит ли женщинам работать на политические партии. С одной стороны, это давало возможность прекрасному полу получить политическую подготовку и проявить свои способности. С другой стороны, мужчины с радостью принимали их помощь, чтобы победить на выборах, но, получив заветное место, они голосовали против франшизы для женщин. После одного из таких случаев леди Бальфур с возмущением писала: «Если Макмастер выступает против предоставления женщинам избирательных прав, он также должен испытывать отвращение к женщинам, работающим на выборах» [Walker, 1987, p. 185].

Поэтому в конце 1880-х — начале 1890-х годов многие суфражистки, особенно в либеральном стане, стали приходить к выводу, что женщины должны бороться за свои избирательные права, а не помогать мужчинам пробиться к власти. Они убедительно доказывали, что расширение избирательного права должно быть официальной целью женских политических федераций.

Суфражистки неоднократно подчеркивали, что без избирательных прав любая политическая деятельность женщин бессмысленна и неэффективна. «Мы проводим собрания и агитацию, кажемся влиятельными, нам льстят, нас используют, но мы никоим образом не влияем на законодательную власть. Мы всего лишь политические винтики», — с грустью констатировала опытная суфражистка [Suffragette, 1889, №46, p. 733].

3.2. Расколы женского движения

Вопрос о франшизе привел к напряженным отношениям и дискуссиям внутри обществ суфражисток, а также в среде политических ассоциаций женщин. До сих пор общества суфражисток стояли вне партии, а женские политические ассоциации не делали избирательное право женщин пунктом их программы.

После того, как Гладстон в 1892 году выступил против предоставления женщинам избирательных прав, произошел раскол между дамами-либералами. Одни хотели сделать основным пунктом предоставление женщинам избирательных прав, другие утверждали, что поскольку либеральная фе-

дерация женщин изначально задумывалась как партийная организация, то нельзя выдвигать на первый план франшизу.

Дамы, не желающие и дальше выступать в качестве «козлов-отпущения» и «личной прислуги мужчин» [Suffragette, 1889, № 46, p. 733], стали объединяться в ассоциации (Women's Liberal Association, 1893; Union of Practical Suffragists, 1896), оказывавшие помощь кандидатам в парламент только после тестирования на предмет поддержки женской франшизы. Как справедливо заметила суфражистка: «Зачем нам вредить своему собственному делу и унижаться, работая на человека, который считает нас существами низшего порядка?» [Suffragette, 1889, № 46, p. 733]. На уровне федерации обязательное тестирование для кандидатов было закреплено в 1902 году в «Кембриджской резолюции».

Другой спорный вопрос заключался в том, могут ли суфражистские общества объединиться с политическими ассоциациями женщин. Подобное изменение стратегии означало бы отказ от политически нейтральной позиции суфражистских обществ. В 1888 году в Центральном Комитете Национального женского суфражистского общества после 3,5 часов яростных дебатов произошел раскол. Центральное национальное женское суфражистское общество допускало объединение с политическими организациями, а Центральный комитет под руководством М. Фосетт выступал против. На наш взгляд, раскол не имел серьезных негативных последствий для суфражистского движения, поскольку организации не конкурировали друг с другом, а некоторые суфражистки даже поддерживали членство в обеих фракциях. Как писал «Вимен Суфраж Журнал»: «Каждое общество вносило свой вклад в осуществление общей цели» [The division of..., 1889, № 229, p. 5].

На следующий год произошло еще одно разделение. В 1889 году, внося на рассмотрение палаты общин билль о расширении избирательных прав, депутат У. Вудалл включил в него пункт, по которому право голоса должны были получить только незамужние женщины. Делалось это в надежде, что хотя бы в усеченном виде коммонеры примут проект. На совещании Центрального Комитета большинство во главе с М. Фосетт поддержало проект Вудалла, а радикально настроенные суфражистки во главе с Эмилией Панкхерст сформировали Лигу франшизы для женщин (Women's Franchise League). Группа требовала предоставления всем женщинам без исключения права голоса на выборах на равных с мужчинами условиях. Историк Гарольд Смит полагал, что именно с этого момента берет начало милитаризм [Smith, 1998, p. 16].

Таким образом, противоречия, раздиравшие женское движение, повлекшие за собой формирование различных лиг и ассоциаций, однозначно указывали на его внутреннюю слабость. Причина нам видится в отсут-

ствии сильного центра, способного организовать и координировать деятельность отделений.

Лишь в 1897 году, отложив разногласия ради достижения общей цели, комитеты объединились, основав Национальный союз женских избирательных обществ (NUWSS) на основе единой программы — предоставление избирательного права женщинам на равных условиях с мужчинами. NUWSS занял нейтральную позицию по отношению к политическим партиям. Лидером движения была избрана Миллисент Фосетт.

3.3. Женский антисуфражизм

Помимо внутренней борьбы, ситуация осложнилась проявлением антисуфражизма с неожиданной стороны. В журнале «Найтинг Сентури Ревю» в 1889 году 105 антисуфражисток во главе с романисткой М. Уорд опубликовали протест против франшизы для женщин. Они утверждали, что процесс эмансипации достиг предела, определенного фундаментальными различиями полов [Hollis, 1979, p. 322]. Подписавшиеся под письмом дамы горячо возражали против включения женщин в состав электората, поскольку такая «безнравственная» мера принесет лишь вред самим женщинам и государству [Record of Events ..., 1889, Vol. 41, p. 32].

Подписавшиеся вызвали к здравому смыслу англичан и выдвигали следующие аргументы: женщины не способны работать в мужских сферах — законодательство, международные отношения, армия и др., поскольку «политическое невежество женщин непоправимо и навязано природой» [Fawcett, 1912, p. 44]; дамы и так уже обладают многими правами и оказывают воздействие на принятие политических решений через своих мужей; обладание избирательными правами негативно скажется на характере женщин и семейной жизни; поправки к избирательному закону предусматривают предоставление прав только незамужним женщинам, то возрастает вероятность получения избирательных прав женщинами, ведущими аморальный образ жизни, тогда как почтенные матроны будут обделены правами [Hollis, 1979, p. 323—335].

Впервые женщины выступили против предоставления им избирательных прав. Протест основывался, с одной стороны, на теории, что женщины нравственно превосходят мужчин и должны воздерживаться от грубости и вульгарности политической жизни, с другой стороны, на теории, что мужчина обладает более высокими интеллектуальными способностями.

Сторонники равноправия полов немедленно нанесли встречный удар заявлением в Фортнайтли Ревю, где справедливо указывали, что протест был подписан женами известных политиков и ученых, которым вполне естественно восхвалять заслуги мужчин, поскольку они живут в своем узком, ограниченном мире и не знают трудностей жизни [Strachey, 1969,

р. 282]. «Вимен Суфраж Журнал» с юмором отнесся к ситуации. Издание устроило конкурс и обещало приз читателю, приславшему лучшую анаграмму «Леди XIX-го века, которые не хотят голосовать» [Prize competition № 10, 1889, № 241, p. 3].

Милисент Фосетт верно указывала на противоречие антисуфражистского движения. Протест был воззванием против политических прав для женщин, составленный женщинами на политической основе. Ирония очевидна: активные в общественном и политическом смысле англичанки выступили против того, чтобы вовлекать женщин в эти сферы. «Если женщины не способны сформировать здравое суждение по серьезным политическим вопросам», — спрашивала Фосетт, — «то зачем партии приглашают их и настаивают на том, чтобы женщины принимали активное участие в политической жизни»? Многие подписавшие протест возглавляли политические организации, занимающиеся канвассированием. «Если женщины способны консультировать, убеждать избирателей как голосовать, то они, несомненно, могут голосовать самостоятельно» [Fawcett, 1912, p. 44]. В дальнейшем доводы антисуфражистов будут активно повторяться в прессе, однако с возрастающим участием женщин в различных сферах жизни они становились все менее очевидными.

3.4. Способы борьбы за избирательное право

Суфражистки добивались получения франшизы традиционными способами: устраивали демонстрации, созывали конференции, «заполнявшие самые большие залы и превращавшиеся в переполненные собрания» [Women's Suffrage, 1893, Vol. 24, p. 20—23; 1897, Vol. 38, p. 18], отказывались от уплаты налогов, поскольку это неразрывно связывалось с правом представительства, оказывали помощь на выборах депутатам, поддерживающим равноправие; организовывали депутации к министрам, обращались с петициями в парламент. Однако поскольку петиции к тому времени стали обыденностью и коммонеры не обращали на них большого внимания, суфражистки решили подготовить и представить парламентариям специальное воззвание женщин всех партий и классов, продемонстрировав, таким образом, поддержку билля на низовом уровне. Подготовка заняла весь 1893 год. В итоге было собрано почти 250 000 подписей, которые были представлены депутатам в Вестминстер-Холле. Это было крупнейшее парламентское обращение со времен чартизма и одна из самых крупных акций 1890-х годов, что доказывает возрастающую популярность движения.

После создания NUWSS суфражистки активно взялись за выработку и уточнение плана дальнейшей работы. На одной из конференций Фосетт обратила внимание собравшихся, что некоторые районы Британии вообще не слышали о движении суфражисток, поэтому необходимо «зажечь серд-

ца и умы жителей Британии», объяснив им, каким благом станет предоставление женщинам избирательных прав [Wingerden 1999, p. 68]. Для расширения социальной базы движения NUWSS создал разветвленную сеть региональных организаций и стал вести активную агитацию. Условиями присоединения к суфражистскому обществу были возраст от 18 лет и поддержка женской франшизы. Необходимость уплачивать членские взносы отсутствовала. В итоге с местными филиалами сторонники равноправия получили «твердую опору» в каждом избирательном округе, что свидетельствует о развитии женского движения, а не о его спаде.

3.5. Билль о правах женщин

На протяжении второй половины 1880-х — 1890-х годов билль о правах несколько раз обсуждался в парламенте. И хотя Френсис Бальфур в своей автобиографии описывала палату общин как сомнительное место для обсуждения женского вопроса [Balfour, 1930, p. 138], можно отметить постепенное увеличение сторонников равноправия в парламенте.

В 1892 году консерватор Альберт Роллит внес законопроект, предлагавший предоставить избирательные права незамужним женщинам-домовладелицам [HPD, 4-d series, Vol. 3, p. 1453—1471]. И пока суфражистки восторгались «невероятно талантливым заявлением» Роллита [Fawcett, 1892, p. 762], антисуфражисты тут же набросились на билль, утверждая, что женщины некомпетентны быть избирателями: «Увлечение мужчин политикой естественно, но у женщин другой склад ума... Получившая франшизу служанка и дальше будет читать бульварные романы, а не Таймс или Дэйли Ньюз» [HPD. 4-d series. Vol. 3. P. 1471, 1476—1478].

В итоге во время второго чтения произошло разделение: 152 — за, и 175 — против. Билль был отклонен с небольшим перевесом в 23 голоса. Не обошлось без предательства. Суфражистки с горечью отмечали, что против проголосовали коммонеры, считавшиеся друзьями женщин [Fawcett 1892, p. 762].

Важно отметить, что это стало последним случаем, когда франшиза для женщин была отвергнута по существу. В дальнейшем коммонеры напрямую не оспаривали саму идею включения женщин в состав электората. Вместо этого депутаты начали применять различные хитрости, чтобы затянуть процесс принятия закона или досрочно закрыть дебаты. Именно так произошло в 1897 году, когда билль о франшизе для женщин успешно прошел 2-е чтение с большинством в 71 голос. Затем следующее обсуждение перенесли на две недели, а в день самого голосования оппозиция во главе с Генри Лабушером проявила неожиданный интерес к биллю о сельскохозяйственных вредителях, дебаты затянулись, и на билль о правах женщин не осталось времени.

Несмотря на поражение, суфражистки ликовали. Соотношение сил в парламенте поменялось, и все больше коммонеров выступали на их стороне. Для сравнения: в 1884 году поправка Вудалла была отклонена 273 голосами против 137 [HPD, 3-d series, 1884, Vol. 289, p. 220] в 1890-е годы перевес составлял несколько десятков голосов, что доказывает возросшую поддержку движения.

В это же время парламентом были приняты законы, расширившие права женщин. Был принят билль о ликвидации недееспособности женщин. Дамы получили доступ к высшему образованию, возможность работать в государственных социальных службах, право голоса в советах графств и даже возможность баллотироваться на должность мэра. Билль 1894 года расширил возможности для замужних, владеющих собственностью участвовать в местном самоуправлении. Им было предоставлено право избирать и быть избранными в приходские и районные советы. На замужних было распространено право работать в качестве попечителей для бедных (прежде это было возможно только для вдов и незамужних). Таким образом, процесс эмансипации не стоял на месте, женщины добивались все большего равенства с мужчинами.

3.6. Социальный состав

О развитии движения в исследуемый период свидетельствует постепенное расширение его социального состава. Если поначалу суфражистское движение состояло из представительниц среднего и высшего слоев, то теперь оно стало пополняться работницами. Женская кооперативная гильдия, созданная в 1883 году с узкими целями, очень скоро приступила к организации политических кампаний по различным вопросам, включая женское избирательное право. В начале XX века в ней насчитывалось около 14 000 членов [Rubinstein, 1986, p. XIV].

Расширение состава и вовлечение работниц было во многом связано с новой тактикой, используемой секретарем Манчестерского суфражистского общества молодой 25-летней Эстер Ропер. С 1893 года она начала проводить активную работу с сотрудницами текстильных фабрик. Вместо того чтобы проводить встречи в чинных гостиных комнатах, она организовывала митинги и собрания на открытом воздухе, около заводских ворот во время обеденного перерыва, навещала женщин-работниц дома по вечерам, распространяла огромное количество литературы. Собрания проводились прежде всего в хлопководческих городах, поскольку там было много работающих женщин. Необходимость получения избирательных прав связывалась с последующей возможностью облегчить тяжелые социально-экономические условия [Liddington, Norris, 1978, p. 78].

В то же время не всегда представительницы среднего класса использовали разумные доводы, призывая работниц вступать в женские ассоциа-

ции. Следующий отрывок демонстрирует огромный разрыв между классами и совершенное непонимание дамами жизни простых тружениц: «После вкусного ужина, когда дети уже в постели, а уставшие ноги мужа в теплых тапочках, можно заняться рукоделием. Женщина счастлива, когда во время шитья она может обсудить с мужем события, происходящие в мире» [Walker, 1987, p. 175]. Тем не менее в указанный период значительно выросло количество женщин-работниц, вступивших в ряды суфражисток, что способствовало значительному увеличению поддержки в рабочем движении.

4. Заключение = Conclusions

В исследуемый период в связи с работой в партийных организациях женщины стали играть важную роль в политической жизни страны и восприниматься как серьезная сила обеими партиями. Предоставлением женщинам права избирать и быть избранными в советы была открыта еще одна сфера деятельности, ранее исключительно мужская.

Активное участие в политической жизни способствовало социализации прекрасного пола, росту суфражистского движения и борьбе за эмансипацию. Изменилось восприятие женщин. В них стали видеть не только матерей и домохозяек, а полноправных членов общества. Аргументы анти-суфражистов об умственной ограниченности женщин становились все менее очевидными.

Изменилось соотношение сил в парламенте. Хотя билль об избирательном праве не был принят, при голосовании все больше коммунеров выступали сторонниками равноправия, перевес составлял всего лишь несколько десятков голосов. Однако, регулярно сталкиваясь с политическим цинизмом депутатов, принимающих помощь дам на выборах, но затем голосующих против избирательных прав женщин, последние все чаще стали задумываться о замене традиционных методов на более воинственные. Таким образом, именно в 1890-х годах кроются зачатки милитантства.

Неоднократные случаи раскола суфражистского движения во второй половине 1880-х — первой половине 1890-х годов свидетельствуют о его слабости. Однако во второй половине 1890-х произошло укрепление организационной структуры женского движения. Другим важным фактором развития движения стало расширение социального состава за счет присоединения женщин-работниц. Таким образом, сторонницы умеренного направления суфражистского движения внесли серьезный вклад в борьбу за избирательные права, а вторая половина 1880-х — 1890-х годов была отмечена как успехами, так и неудачами. Поэтому нельзя называть этот этап женского движения застоем, так же как и утверждать, что это было временем прорыва для суфражисток.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Balfour F.* Ne Obliviscaris: Dinna Forget / F. Balfour — London : Hodder & Stoughton, 1930. — Vol. I. — 275 p.
2. *Banks E.* Electioneering women — an American appreciation / E. Banks // *Nineteenth Century a monthly review.* — 1900. — Vol. XLVIII. — Pp. 791—800.
3. *Fawcett M.* The Women's Suffrage Question / M. Fawcett // *The Contemporary Review.* — 1892. — Vol. LXI. — Pp. 761—768.
4. *Fawcett M.* Women's suffrage ; a short history of a great movement / M. Fawcett. — London : T. C. & E. C. Jack, 1912. — P. 94.
5. *Great Britain.* Hansard's parliamentary debates (House of Commons, House of Lords). 3-d series. — 1884. — Vol. 289. — P. 220.
6. *Hints to lady cyclists* // *Dundee Courier* [Newspaper]. — 1895. — № 13127. — P. 4.
7. *Hollis P.* Women in public, 1850—1900 : documents of the Victorian women's movement / P. Hollis. — London : G. Allen & Unwin, 1979. — P. 360. — ISBN 0049000330.
8. HPD — *Hansard's* parliamentary debates [Electronic resource]. — Access mode : <https://api.parliament.uk/historichansard/commons/1892/apr/27/second-reading> (accessed 16.06.2024).
9. *Mashie.* What women did in the Election // *The Gentlewoman.* — 1895. — № 266. — P. 190.
10. *Prize competition* № 10. // *Women's Suffrage Journal.* — 1889. — № 236. — P. 98.
11. *Record of Etents* // *The Englishwoman's review of social and industrial questions.* — 1889. — Vol. 41. — P. 32.
12. *Suffragette* of seventeen years standing. The Associations and Women's Suffrage // *Women's Gazette and Weekly News* : [Newspaper]. — 1889. — № 46. — P. 733.
13. *The division of the «Central Committee»* ... // *Women's Suffrage Journal.* — 1889. — № 229. — P. 5.
14. *The influence and participation of women...* // *Women's Suffrage Journal.* — 1889. — № 233. — P. 64.
15. *Truth is responsible...* // *Women's Suffrage Journal.* — 1890. — № 241. — P. 3.
16. *What women did in the Election* // *The Gentlewoman.* — 1895. — № 264. — P. 116.
17. *What women did in the Election* // *The Gentlewoman.* — 1900. — № 540. — P. 619.
18. *What women did in the Election* // *The Gentlewoman.* — 1900. — № 537. — P. 529.
19. *Women's Suffrage* // *The Englishwoman's review of social and industrial questions.* — 1893. — Vol. 24. — Pp. 20—23.
20. *Women's Suffrage* // *The Englishwoman's review of social and industrial questions.* — London [etc.] : Williams & Norgate, 1897. — Vol. 38. — P. 18.

Литература

1. *Ефимова Е. Ш.* Изменение положения и социокультурного статуса женщин среднего класса Великобритании 1870—1920-х годов : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.03 / Е. Ш. Ефимова. — Томск, 2009. — 27 с.
2. *Науменкова Е. О.* Власть и общество. Избирательные реформы и их восприятие в Великобритании в последней трети XIX в. / Е. О. Науменкова. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2017. — 238 с. — ISBN 978-5-906910-06-6.

3. Метлова Т. А. «Новая женщина» и гендерный кризис в Великобритании рубежа XIX—XX вв. / Т. А. Метлова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2014. — № 1—2 (39). — С. 126—129.

4. Школьников И. А. Суфражизм и политические партии Великобритании : 1867—1918 гг. : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.03 / И. А. Школьников. — Иваново, 2002. — 28 с.

5. Школьников И. А. Суфражизм и политические партии в Великобритании в середине XIX — начале XX вв. : опыт взаимодействия [Электронный ресурс] / И. А. Школьников, О. В. Шнырова. — Режим доступа : <https://studylib.ru/doc/4141993/sufrazhizm-i-politicheskie-partii-v-velikobritanii-v?ysclid=lz9iypqgvi760618589> (дата обращения 01.08.2024).

6. Шнырова О. Суфражизм в истории и культуре Великобритании / О. Шнырева. — Санкт-Петербург : Издательство Ивана Лимбаха, 2019. — 424 с. — ISBN 978-5-89059-351-1.

7. Gordon P. Politics and Society : The Journals of Lady Knightley of Fawsley 1885—1913 [Electronic resource] / P. Gerdon. — Access mode : <https://books.google.ru/books?id=JtDPflzWUoC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false/> (accessed 03.08.2024).

8. Harrison B. Women's suffrage at Westminster, 1866—1928 / B. Harrison // High and Low politics in Modern Britain. Bentley and John Stevenson. — Oxford : Clarendon Press, 1983. — Pp. 80—122. — ISBN 0-19-822652-7.

9. Hollis P. Ladies Elect : Women in English Local Government 1865—1914 / P. Hollis. — Oxford : Clarendon, 1989. — 533 p. — ISBN 0-19-822699-3.

10. Hume L. The National Union of Women's Suffrage Societies 1897—1914 / L. Hume. — New York : Garland, 1982. — 272 p. — ISBN 0-8240-5167-X.

11. Liddington J. One hand tied behind us : the rise of the women's suffrage movement / J. Liddington, J. Norris. — London : Virago, 1978. — 304 p. — ISBN 0-86068-007-X.

12. Lowell L. The Government of England / L. Lowell. — New York : The Macmillan Company, 1917. — Vol. 2. — 563 p.

13. Pugh M. The march of the women : a revisionist analysis of the campaign for women's suffrage, 1866—1914 / M. Pugh. — Oxford New York : Oxford University Press, 2000. — 303 p. — ISBN 0-19-820775-1.

14. Pugh M. Women's suffrage in Britain, 1867—1928 / M. Pugh. — London : Historical Association, 1980. — 40 p. — ISBN 0-5278-225-X.

15. Smith H. The British women's suffrage campaign, 1866—1928 / H. Smith. — London ; New York : Longman, 1998. — 122 p. — ISBN 0-582-298113.

16. Rosen A. Rise Up, Women! : the Militant Campaign of the Women's Social and Political Union 1903—1914. / A. Rosen. — London : Routledge & Kegan Paul, 1974. — 344 p. — ISBN 0-7100-7934-6.

17. Rubinstein D. Before the suffragettes : women's emancipation in the 1890s / D. Rubinstein. — New York : St. Martin's Press, 1986. — 272 p. — ISBN 0-312-07160-4.

18. Strachey R. The cause : a short history of the women's movement in Great Britain / R. Strachey. — Port Washington, New York : Kennikat Press, 1969. — 429 p.

19. Walker L. Party Political Women : A Comparative Study of Liberal Women and the Primrose League, 1890—1914 / L. Walker // Equal or different : women's politics 1800—1914. — Oxford [Oxfordshire], UK ; New York, NY, USA : Basil Blackwell, 1987. — Pp. 165—191. — ISBN 0-631-14522-2.

20. Wingerden S. The Women's Suffrage Movement in Britain, 1866—1928 / S. Wingerden. — New York : Palgrave Macmillan, 1999. — 227 p. — ISBN 0-312-21853-2.

Статья поступила в редакцию 03.08.2024,
одобрена после рецензирования 27.12.2024,
подготовлена к публикации 29.01.2025.

Material resources

- Balfour, F. (1930). *Ne Obliviscaris: Dinna Forget, I*. London: Hodder & Stoughton. 275 p.
- Banks, E. (1900). Electioneering women — an American appreciation. *Nineteenth Century a monthly review*, XLVIII: 791—800.
- Fawcett, M. (1892). The Women's Suffrage Question. *The Contemporary Review*, LXI: 761—768.
- Fawcett, M. (1912). *Women's suffrage; a short history of a great movement*. London: T. C. & E. C. Jack. P. 94.
- Great Britain. (1884). *Hansard's parliamentary debates (House of Commons, House of Lords)*. 3-d series, 289: P. 220.
- Hints to lady cyclists. (1895). *Dundee Courier [Newspaper]*, 13127: P. 4.
- Hollis, P. (1979). *Women in public, 1850—1900: documents of the Victorian women's movement*. London: G. Allen & Unwin. P. 360. ISBN 0049000330.
- HPD — *Hansard's parliamentary debates*. Available at: <https://api.parliament.uk/historichansard/commons/1892/apr/27/second-reading> (accessed 16.06.2024).
- Mashie. (1895). What women did in the Election. *The Gentlewoman*, 266: P. 190.
- Prize competition № 10. (1889). *Women's Suffrage Journal*, 236: P. 98.
- Record of Eents. (1889). *The Englishwoman's review of social and industrial questions*, 41: P. 32.
- Suffragette of seventeen years standing. The Associations and Women's Suffrage. (1889). *Women's Gazette and Weekly News: [Newspaper]*, 46: P. 733.
- The division of the «Central Committee» ... (1889). *Women's Suffrage Journal*, 229: P. 5.
- The influence and participation of women ... (1889). *Women's Suffrage Journal*, 233: P. 64.
- Truth is responsible ... (1890). *Women's Suffrage Journal*, 241: P. 3.
- What women did in the Election. (1895). *The Gentlewoman*, 264: P. 116.
- What women did in the Election. (1900). *The Gentlewoman*, 540: P. 619.
- What women did in the Election. (1900). *The Gentlewoman*, 537: P. 529.
- Women's Sufrage. (1893). *The Englishwoman's review of social and industrial questions*, 24: 20—23.
- Women's Sufrage. (1897). In: *The Englishwoman's review of social and industrial questions*, 38. London [etc.]: Williams & Norgate. P. 18.

References

- Gordon, P. *Politics and Society: The Journals of Lady Knightley of Fawsley 1885—1913*. Available at: https://books.google.ru/books?id=Jt_DPflzWUoC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false/ (accessed 03.08.2024).
- Harrison, B. (1983). Women's suffrage at Westminster, 1866—1928. In: *High and Low politics in Modern Britain*. Bentley and John Stevenson. Oxford: Clarendon Press. 80—122. ISBN 0-19-822652-7.
- Hollis, P. (1989). *Ladies Elect: Women in English Local Government 1865—1914*. Oxford: Clarendon. 533 p. ISBN 0-19-822699-3.

- Hume, L. (1982). *The National Union of Women's Suffrage Societies 1897—1914*. New York: Garland. 272 p. ISBN 0-8240-5167-X.
- Liddington, J., Norris, J. (1978). *One hand tied behind us: the rise of the women's suffrage movement*. London: Virago. 304 p. ISBN 0-86068-007-X.
- Lowell, L. (1917). *The Government of England, 2*. New York: The Macmillan Company. 563 p.
- Metlova, T. A. (2014). “The New Woman” and the gender crisis in Great Britain at the turn of the 19th—20th centuries. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice, 1—2 (39)*: 126—129. (In Russ.).
- Naumenkova, E. O. (2017). *Power and society. Electoral reforms and their perception in Great Britain in the last third of the 19th century*. Saint Petersburg: Aleteya. 238 p. ISBN 978-5-906910-06-6. (In Russ.).
- Pugh, M. (1980). *Women's suffrage in Britain, 1867—1928*. London: Historical Association. 40 p. ISBN 0-5278-225-X.
- Pugh, M. (2000). *The march of the women: a revisionist analysis of the campaign for women's suffrage, 1866—1914*. Oxford New York: Oxford University Press. 303 p. ISBN 0-19-820775-1.
- Rosen, A. (1974). *Rise Up, Women!: the Militant Campaign of the Women's Social and Political Union 1903—1914*. London: Routledge & Kegan Paul. 344 p. ISBN 0-7100-7934-6.
- Rubinstein, D. (1986). *Before the suffragettes: women's emancipation in the 1890s*. New York: St. Martin's Press. 272 p. ISBN 0-312-07160-4.
- Shkolnikov, I. A. (2002). *Suffragism and political parties of Great Britain: 1867—1918*. Author's abstract of PhD Diss. Ivanovo. 28 p. (In Russ.).
- Shkolnikov, I. A. *Suffragism and political parties in Great Britain in the middle of the 19th — early 20th centuries: experience of interaction*. Available at: <https://studlib.ru/doc/4141993/sufrazhizm-i-politicheskie-partii-v-velikobritanii-v?ysclid=Iz9iypqgvi760618589> (accessed 01.08.2024). (In Russ.).
- Shnyrova, O. (2019). *Suffragism in the history and culture of Great Britain*. St. Petersburg: Ivan Limbach Publishing House. 424 p. ISBN 978-5-89059-351-1. (In Russ.).
- Smith, H. (1998). *The British women's suffrage campaign, 1866—1928*. London; New York: Longman. 122 p. ISBN 0-582-298113.
- Strachey, R. (1969). *The cause: a short history of the women's movement in Great Britain*. Port Washington, New York: Kennikat Press. 429 p.
- Walker, L. (1987). Party Political Women: A Comparative Study of Liberal Women and the Primrose League, 1890—1914. In: *Equal or different: women's politics 1800—1914*. Oxford [Oxfordshire], UK; New York, NY, USA: Basil Blackwell. 165—191. — ISBN 0-631-14522-2.
- Wingerden, S. (1999). *The Women's Suffrage Movement in Britain, 1866—1928*. New York: Palgrave Macmillan. 227 p. ISBN 0-312-21853-2.
- Yefimova, E. S. (2009). *Changing the position and socio-cultural status of middle-class women in Great Britain in the 1870s and 1920s*. PhD Diss. Tomsk. 27 p. (In Russ.).

*The article was submitted 03.08.2024;
approved after reviewing 27.12.2024;
accepted for publication 29.01.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(1), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Попов Ф. А. Политическая мысль русских союзников Польши в 1920 году : к интеллектуальной истории группы Б. В. Савинкова / Ф. А. Попов // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 1. — С. 509—529. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-509-529.

Popov, F. A. (2025). Political Thought of Russia's Allies in Poland in 1920: An Intellectual History of B. V. Savinkov Group. *Nauchnyi dialog*, 14 (1): 509-529. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-509-529. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Политическая мысль русских союзников Польши в 1920 году: к интеллектуальной истории группы Б. В. Савинкова

Попов Фёдор Алексеевич
orcid.org/0000-0002-8867-3300
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра гуманитарных наук,
Институт социальных наук
popovf1992@mail.ru

Первый Московский государственный
медицинский университет
имени И. М. Сеченова
Министерства здравоохранения
Российской Федерации
(Сеченовский Университет)
(Москва, Россия)

Political Thought of Russia's Allies in Poland in 1920: An Intellectual History of B. V. Savinkov Group

Fyodor A. Popov
orcid.org/0000-0002-8867-3300
PhD in History, Associate Professor,
Department of Humanities,
Institute of Social Sciences
popovf1992@mail.ru

I. M. Sechenov First Moscow State
Medical University
of the Ministry of Healthcare
of the Russian Federation
(Sechenovskiy University)
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена реконструкции политической мысли русской антибольшевистской эмиграции в Польше в период советско-польской войны и последующих переговоров о мире. Источниками выступили материалы варшавской газеты «Свобода», издававшейся Русским Политическим Комитетом (РПК) во главе с Б. В. Савинковым. Подчёркивается, что, действуя на чужой территории, эмигранты создавали идеологические предпосылки для русско-польского сотрудничества. Указывается, что польские власти испытывали недоверие к Белому движению, видя в нём потенциально враждебную Польше силу. Показано, что РПК старался рассеять эти подозрения и декларировал откровенно полонофильскую позицию, чем, в свою очередь, раздражал правый фланг русской общественности (монархистов и сторонников «Единой и Неделимой России»). Автор приходит к выводу о том, что глава РПК Б. В. Савинков в годы Гражданской войны усваивает националистический дискурс, в чём можно усмотреть влияние Юзефа Пилсудского — социалиста, революционера и националиста. Поднимается вопрос о независимой Польше как источнике вдохновения эмигрантов-демократов, надеявшихся на аналогичное пробуждение русского национального самосознания. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения Гражданской войны в контексте истории идей.

Ключевые слова:

русская эмиграция; гражданская война; советско-польская война; Русский политический комитет; Белое движение; Польша.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article reconstructs the political thought of the Russian anti-Bolshevik emigration in Poland during the Polish-Soviet War and the subsequent peace negotiations. The primary sources include materials from the Warsaw newspaper “Svoboda,” published by the Russian Political Committee (RPK) led by B. V. Savinkov. It emphasizes that, operating on foreign soil, émigrés laid the ideological groundwork for Russian-Polish cooperation. The article notes that Polish authorities harbored distrust towards the White movement, perceiving it as a potentially hostile force against Poland. It demonstrates that the RPK sought to dispel these suspicions by openly declaring a pro-Polish stance, which, in turn, provoked irritation among the right wing of Russian society (monarchists and supporters of “United and Indivisible Russia”). The author concludes that B. V. Savinkov, during the Civil War years, adopted a nationalist discourse, reflecting the influence of Józef Piłsudski — a socialist, revolutionary, and nationalist. The question of an independent Poland as a source of inspiration for democratic émigrés, who hoped for a similar awakening of Russian national consciousness, is also raised. The relevance of this study lies in the necessity to explore the Civil War within the context of intellectual history.

Key words:

Russian emigration; Civil War; Polish-Soviet War; Russian Political Committee; White movement; Poland.

УДК 94(47+511)“1920”+929Савинков

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-509-529

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история
5.6.2. Всеобщая история
5.6.7. История международных
отношений и внешней политики

Политическая мысль русских союзников Польши в 1920 году: к интеллектуальной истории группы Б. В. Савинкова

© Попов Ф. А., 2025

1. Введение = Introduction

Исследование Гражданской войны 1917—1922 годов традиционно сосредоточено в сферах политической и военной истории, реже — социальной и экономической. Изучение «русской Смуты» сквозь призму интеллектуальной истории гораздо менее популярно среди исследователей. Прежде всего это касается антибольшевистского движения, отличавшегося от своих красных противников гораздо большей идейно-политической разнородностью. Это обстоятельство требует не только постановки вопроса об интеллектуальном измерении Гражданской войны, но и практического рассмотрения дискурсивных практик, идеологических стратегий и, в конечном счёте, идейного наследия на отдельных примерах.

Гражданская война, закрепившая переход от 300-летнего романовского «старого режима» и несостоявшегося республиканского проекта «Февраля» к коммунистической утопии, не могла не оставить следа в истории русской мысли. Конечно, «непредрешенство» Белого движения, сознательный отказ его вождей от преждевременного избрания социально-политической модели переустройства России препятствовали появлению детализированных программ. С другой стороны, мыслители антибольшевистского лагеря были менее скованы в своих идеологических построениях, нежели их большевистские оппоненты, вынужденные сверять написанное и проговоренное со «священными писаниями» марксизма (трудами К. Маркса, Ф. Энгельса). Антибольшевистская мысль рождалась на страницах прессы под непосредственным влиянием событийного калейдоскопа и не опиралась на готовые труды «профессиональных» интеллектуалов, будь то конституционные демократы или черносотенцы. Её «родовыми» чертами являлись ситуативность, отрывистость, «журнальность». В этих своих характеристиках она вполне преемственна дореволюционной политической

публицистике, которая в лице наиболее продуктивных своих представителей (яркий пример — В. В. Розанов) предпочитала откликаться на локальные вызовы и с этого локального уровня подниматься до рассуждения об общенациональных / общеимперских задачах. От антибольшевистской мысли 1917—1922 годов следует отделять эмигрантские «кодификации» «белой идеи» (труды И. А. Ильина, И. Л. Солоневича и т. д.), которые создавались в иной обстановке, на основе обобщённого опыта, имея целью сплотить и мобилизовать эмиграцию для продолжения борьбы.

Особенно интересным представляется выявление интеллектуальных течений, выбивавшихся из канвы «непредрешенства», то есть обладавших более или менее определённой политической программой. К таковым, несомненно, надо отнести интеллектуальный «цех», сформировавшийся вокруг фигуры революционера, писателя и авантюриста Б. В. Савинкова во время его пребывания в Польше.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель исследования заключается в попытке осмыслить историю русских военно-политических структур в Польше начала 1920-х годов как историю политической мысли, выявить основные тенденции идеологического творчества русских эмигрантов в Польше во время советско-польской войны.

Различные аспекты истории русских военно-политических структур в Польше уже получали освещение в историографии. Историк-крестьяновед А. А. Курёнышев рассмотрел деятельность Савинкова и его соратников в период советско-польской войны 1919—1921 годов в качестве примера инструментализации «крестьянского вопроса» в Русском Зарубежье [Курёнышев, 2008]. Монография Т. М. Симоновой посвящена статусу союзных Польше русских частей в 1919—1925 годах, в особенности в период их интернирования после окончания боевых действий [Симонова, 2013]. Работу А. А. Микулёнка отличает комплексный подход: помимо политической работы русских эмигрантов (в том числе интересующих нас савинковских организаций) в 1917—1925 годах, автор анализирует их правовое и социально-экономическое положение, культурную жизнь, модели адаптации в польском обществе и сопротивление ассимиляции с момента революций 1917 года и вплоть до начала второй мировой войны в 1939 году [Микулёнок, 2018]. «Польской эпопее» Б. В. Савинкова уделено внимание в его научной биографии авторства К. Н. Морозова [Морозов, 2022]. Среди зарубежных авторов упоминания достоин труд З. Карпуса о «восточных» (русских, казачьих, украинских, белорусских) союзниках Польши в 1920 году с акцентом на военной составляющей [Karpus, 1999].

Основной источниковой базой исследования выступают статьи в варшавской газете «Свобода» за 1920—1921 годы. Целесообразно сконцентрироваться на периоде, когда противостояние на советско-польском фронте достигло апогея (лето 1920 года), а затем перешло в процесс мирного урегулирования, оформленного в виде Рижского договора 18 марта 1921 года. В интервале между конвенциональной межгосударственной войной и миром были задействованы русские антибольшевистские вооружённые формирования (походы армий Булак-Балаховича и Пермикина в Беларусь и Украину), стоявшие на определённой политической платформе. Публичные дискуссии вокруг отношений России и Польши, задач эмиграции, вариантов демонтажа большевистской власти и смежных вопросов находили отражение в публицистике деятелей РПК.

Идейная история русских союзников Польши должна изучаться в тесной сцепке с фактурой, уже накопленной в исследованиях по военной и дипломатической истории. Актуален методологический «арсенал» такого направления, как «история понятий» (К. Скиннер, Р. Козеллек и др.) [Козеллек, 2006; Скиннер, 2023], нечасто применяемый в отношении реалий российской Гражданской войны. Уместно, однако, согласиться с редактором тематического сборника «Слова и конфликты: язык противостояния и эскалация гражданской войны в России» (2022 г.) в части того, что «история понятий» может фигурировать в исследовании как «источник вдохновения», а не как «надёжный общий методологический инструмент» [Слова и конфликты ..., 2022, с. 10]. Ближайшей задачей является реконструкция контекста политических высказываний, интеллектуальной «биосреды», в которой бытовали авторы исследуемых текстов. Анализу подвергнуты прежде всего «язык» антибольшевистской эмиграции в Польши, её риторика и терминология.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Общая характеристика русского антибольшевистского движения в Польше

Такое интеллектуальное явление, как «антибольшевистская мысль», целесообразно рассматривать по месту расположения конкретных «фабрик мысли» — в Сибири, на Дону, Кубани, в малороссийских губерниях, Крыму или заграничных центрах русской эмиграции. По особому пути развивалось политико-идеологическое творчество антибольшевистского движения в Польше периода советско-польского конфликта 1919—1921 годов. Противостояние большевистского режима и поляков шло параллельно российской Гражданской войне. Вооружённые силы Юга России генерала А. И. Деникина, а затем Русская армия генерала П. Н. Врангеля были фак-

тическими союзниками независимой Польши [Пученков, 2016, с. 54—72]; в 1920 году уровень координации усилий польских и русских патриотов, не без поддержки Антанты (особенно Франции), достиг апогея (хотя всё ещё оставался недостаточным для успешного противодействия РККА). Функции не просто военного, но политического представительства России в Польше взял на себя Русский Политический Комитет (РПК) во главе с Б. В. Савинковым, который в разные периоды своей жизни успел побывать в амплуа эсеровского боевика, комиссара Временного правительства и антибольшевистского подпольщика. РПК выглядел привлекательно для немонархической общественности, чьё неприятие большевизма проистекало из демократической и народнической традиции. Позиционирование данного слоя интеллектуалов в советско-польском конфликте имело важное отличие по сравнению с дореволюционными и довоенными годами: в период с 1914 года (то есть с начала Первой мировой войны) эта «радикальная» общественность, встав на позиции «оборончества» (экс-террорист Савинков даже вступил в ряды французской армии, союзной России), сделала себе «прививку» националистической идеологии, востребованность которой резко возросла после Октябрьской революции 1917 года, когда «Интернационалу» стало противопоставляться «национальное чувство». Савинковский РПК в Польше в 1920—1921 годы представляет интерес как «точка сборки», основанная не на стандартном «непредрежденстве», а на синтезе республиканского и националистического дискурсов.

Момент основания и легализации в Польше РПК (июнь 1920 года) совпал с поражениями польских войск на фронте. 12 июня поляками был оставлен Киев. Видя неудачи Варшавы на поле боя, европейская дипломатия (в особенности британская) охладевала к идее оказания помощи своим польским союзникам. Поверенный в делах США в Варшаве Г. Уайт сообщал, что «поляки в настоящее время находятся в депрессии» [Симонова, 2013, с. 58]. Большевистское наступление вернуло правящим польским кругам трезвое понимание ситуации: теперь они дорожили каждым союзником. Восприятие Врангеля как великодержавного шовиниста, потенциально угрожающего польской независимости, уступало место новому образу русского главнокомандующего как союзника Польши. Успехи РККА подхлестнули в польском обществе не русофобию, но русофильство, интерес к русским антибольшевикам, делавшим с поляками одно дело. Пребывание в Польше значительного числа русских эмигрантов и беженцев поднимало вопрос о создании из них воинских частей. И если сугубо технические задачи вербовки могли взять на себя профессиональные военные, то идейно опекать эти формирования должны были те персоны и структуры, чья комплиментарность независимой Польше в границах 1772 года нахо-

дидась вне сомнений. В этом причина большего доверия, которое польский генштаб оказывал РПК и Савинкову, по сравнению с эмиссарами Врангеля.

Для доведения своей позиции до аудитории РПК выпускал газету «Свобода», вокруг которой собралась плеяда русских общественных и литературных деятелей. Среди них: Д. В. Философов, А. А. Дикгоф-Деренталь, чета Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус, Д. М. Одинец, В. В. Португалов. Позднее, в 1923 году, к ним присоединились писатели М. П. Арцыбашев и А. В. Амфитеатров, в то время как Мережковский и Гиппиус, разочарованные в Польше из-за её переговоров с большевиками, в октябре 1920 года выехали в Париж [Цихорацки, 2014, с. 183]; 28 октября 1921 года во исполнение статьи 5 Рижского мира «не создавать и не поддерживать организаций, имеющих целью вооруженную борьбу с другой договаривающейся стороной», из Польши был выслан Савинков [Симонова, 2013, с. 191]. «Свобода», в конце 1921 года переименованная в «За Свободу!», пережила не только РПК и Народный Союз Защиты Родины и Свободы (НСЗРиС), но и Савинкова, оставаясь рупором непримиримой эмиграции вплоть до 1932 года, когда она была преобразована в ежедневную иллюстрированную газету «Молва» под редакцией того же Философова [«За Свободу!», 2000, с. 157].

3.2. Проблема русско-польских отношений в публицистике РПК

Расположение РПК на территории Польши делало злободневным вопрос о взаимоотношениях двух народов, русского и польского, — как в ретроспективе, так и в актуальном моменте. Ситуация «спора славян между собою» (А. С. Пушкин) не подходила для осмысления текущей советско-польской войны, поскольку большевистский режим не принимался деятелями РПК за «славян» и «русских»; интерпретация войны РСФСР и Польши как очередного русско-польского конфликта была свойственна компромиссно настроенным по отношению к советской власти течениям и персонам, например идеологу «сменовеховства» Н. В. Устрялову [Устрялов, 1920], но никак не группе Савинкова.

Память о разделах Речи Посполитой в конце XVIII века, восстаниях 1830—1831 и 1863—1864 годов, русификации Привислинских губерний и борьбе с «полонизмом» в Северо-Западном крае усложняла задачу достижения консенсуса между польской общественностью и русскими антибольшевиками. Вместе с тем следует считать удачным то обстоятельство, что разработка дискурса о союзе Польши и России попала в руки именно РПК — интеллигенции с богатым оппозиционным стажем при «старом режиме». Помимо фактора личных знакомств — Пилсудский был гимназическим другом Савинкова — бывшие участники «освободительного движения» против монархии легче поступались некоторыми сюжетами из

русской военной-политической истории, выпячивать которые при общении с поляками было неуместно. Патриотический культ А. В. Суворова не мог поддерживаться на страницах русских печатных изданий в Польше ввиду негативной памяти об этом полководце среди поляков. Однако то, что показалось бы унижением для кадрового офицерства, спокойно воспринималось бывшей радикальной интеллигенцией, с дореволюционных времён знавшей о необходимости полита в диалоге с поляками.

В программной статье «Россия и Польша» (29 июля 1920 года) Савинков делился подростковыми впечатлениями от пребывания в Варшаве. Уже тогда будущий революционер оценил негативное воздействие русификации (памятник семи польским генералам-лоялистам возмущал его); кроме того, несмотря на учёбу «по Иловайскому», юный Савинков сумел познакомиться с именами из польского пантеона: Яном Собеским, Тадеушем Костюшко, Яном Килинским, Адамом Мицкевичем. Тогда же в нём укоренилась вера в грядущее восстановление Польши и «мир между Москвой и Варшавой» [Свобода, 1920, 29 июля]. Сочувствие польской борьбе за независимость XVIII века — начала XX века для савинковцев было частью русской революционной традиции, унаследованной от А. И. Герцена, разделявшего лозунг восстания 1830 года «За нашу и вашу свободу!» Надо, однако, учитывать, что рассуждения о несправедливостях Российской империи по отношению к Польше в случае Савинкова носили сугубо ретроспективный характер. С началом Первой мировой войны он вступил во французскую армию, чтобы сражаться с врагом тогда ещё самодержавной России — Германией. Будущий же «начальник польского государства» Пилсудский формировал польские легионы на стороне Четверного союза и был разделён с русским оборонцем и патриотом Савинковым линией фронта. Советско-польская война вновь свела двух старых приятелей, причём мировоззрение Савинкова с 1914 года приобрело заметные националистические черты, вытеснив былую эсеровскую догматику; порвав с партией эсеров в годы Гражданской войны Савинков повторил путь Пилсудского, который, по собственным словам, «сошёл с красного трамвая на остановке “Независимость”».

Члены РПК и НСЗРиС, вслед за Савинковым, подчёркивали противоположность России и «Совдепии», предостерегали поляков от отождествления русских с большевиками. Л. Станиславский, цитируя одну французскую газету, допустившую преемственность большевистской экспансии с политикой Екатерины II, писал, что «Екатерина II и Троцкий — это тема для маленького фельетона, либо сюжет для оперетки», в свете же советского «похода на Варшаву» должно быть ясно «основное различие между этим походом и прежним “спором славян между собой”» [Свобода, 1920, 30 июля]. За предыдущими русско-польскими войнами автор, таким

образом, признавал характер межнациональных, межгосударственных, чего нельзя сказать о войне «Интернационала» против суверенной Польши: «Теперь и русская свобода и польская независимость на одной части весов, а на другой — общее рабство под властью убивающего народ интернационала» [Там же].

В столкновении Польши с интернациональным большевизмом усматривался шанс на оформление долгосрочного русско-польского союза, направленного против Германии, которая подозревалась в реваншизме и стремлении использовать наступательный порыв Красной армии в «пангерманистских» целях. Публицистика на страницах «Свободы» подводила читателя к умозаключению: ввиду предвзятости общественного мнения «великих держав» к Польше только русские могут понять поляков и справедливость их борьбы. В статье «Европа, Польша и Россия» (13 августа 1920 года) Станиславский переориентирует на Польшу испробованный упрёк русских антибольшевиков державам-победительницам в недостаточной поддержке белых армий. Отдельной критике в статье удостоиваются французские социалисты, мобилизующие рабочих на бойкот помощи Польше: «Польский пролетариат готовится к героической защите Варшавы, а французские социалисты уверяют, что враг несет освобождение польским рабочим, что победа польских войск была бы несчастьем для польского рабочего класса...» [Свобода, 1920, 13 августа] Европейское «непонимание» польских нужд в условиях, когда Русская армия генерала Врангеля оттягивала на себя части РККА в Таврии, использовалось публицистом для лоббирования среди поляков русофильских настроений. В конце статьи он ставил риторический вопрос: «...Не должно ли для патриотической Польши стать окончательно ясным, что ее союзником сейчас является патриотическая Россия, которая борется с Россией большевистской, и что только в этом союзе залог полной и окончательной победы над большевизмом?» [Там же].

В восприятии РПК задачи русско-польского союза простирались на более отдалённую перспективу, нежели «победа над большевизмом». Альянс Польши и «демократической» России необходим для сдерживания Германии, которая объявлялась выгодополучателем от гипотетического взятия Варшавы Красной армией. Савинков реанимировал понятие «германо-большевизм», бывшее в ходу на заключительном этапе Первой мировой войны и начальном этапе Гражданской войны в России. Апеллируя к панславистским идеалам, Савинков писал, что «большевистская пентаграмма... несет с собою вместе с коммунистическою программой программу более простую, нам славянам давно известную. Программа эта “Deutschland über alles”. Пусть коммунистическая, но все-таки “Deutschland”» [Свобода, 1920, 10 августа]. Алармизм главы РПК распространился не только

на судьбу Польши. Он еще и напрямую касался её главного покровителя в Антанте — Франции. При неблагоприятном стечении обстоятельств последняя может столкнуться с мощным советско-германским союзом. Соответственно, Польше и савинковской «третьей России» отводилась функция союзников Франции в Восточной Европе — именно такой баланс сдерживал бы возрождение побеждённой Германии. Германофобская риторика савинковской публицистики имела не только «прикладную» цель — доказать полезность постбольшевистской России для версальской системы; эта риторика вполне укладывалась в тот геополитический и моральный выбор, который был сделан революционером в 1914 году: родственная «по крови» Польша и близкая политически Французская республика остались константами его симпатий и в 1920 году. Пересмотр внешней политики будущей России в пользу сотрудничества с такой же «несправедливо обделённой» Германией был для Савинкова маркером «реакционных» групп, с которыми он, так же как и со «сменовеховцами», боролся на страницах своего газетного рупора.

Появление в Центрально-Восточной Европе новых военно-политических альянсов не прошло мимо русских республиканцев в Варшаве. Л. Станиславский приветствовал приезд в польскую столицу министра иностранных дел Румынии Таке Ионеску, пытавшегося договориться насчёт присоединения Польши к «Малой Антанте». Односторонне антивенгерская направленность этого союза Румынии, Чехословакии и Югославии не привлекала польскую сторону, которая была заинтересована в поиске союзников против Германии и Советской России, а не против Венгрии, пользовавшейся симпатиями поляков. Станиславский видел выход в преобразовании союза из антивенгерского в антигерманский и антибольшевистский, через подключение к нему побеждённых государств, Болгарии и Венгрии, а также Греции. Такой альянс, считал Станиславский, не несёт угрозы «демократической России», которая готова примириться с новыми границами Польши и Румынии (расширившейся за счёт российской Бессарабии) [Свобода, 1920, 31 октября]. Вместе с тем РПК не мог согласиться с тем видением «Малой Антанты», которое продвигалось министром иностранных дел Чехословакии Эдвардом Бенешем [Свобода, 1920, 10 ноября]. Пражская дипломатия учитывала эмигрантский фактор, но в нежелательном для РПК ключе. Чехословацкие власти покровительствовали группе вокруг пражской эсеровской газеты «Воля России» (А. Ф. Керенский, В. М. Зензинов, О. С. Минор), выражавшей надежды на ненасильственную трансформацию большевизма, и во многом опирались на экспертное мнение этой группы [Серapiонова, 2004, с. 65; Суомела, 2004, с. 96]. Несогласие активных антибольшевиков с установками чехословац-

кого МИДа накладывалось на пограничный спор Польши и Чехословакии из-за Тешинской области, в котором савинковцы открыто не занимали ту или иную сторону, но считали должным напомнить, что чехословацкие войска аннексировали спорную территорию в трудный для Польши период отражения советского наступления. Впрочем, после своей депортации из Польши Б. В. Савинков перебазировался именно в Прагу.

3.3. Основные нарративы «савинковцев»: вождизм, национализм, крестьянская революция

Представляя Россию в Польше, стране, сумевшей освободиться от почти полуторавекового (если брать за точку отсчёта 1772 года) иностранного гнёта, Савинков усваивал польские образцы политической репрезентации, включая национализм и вождизм (ср. с культом «освободителя» Пилсудского). Генерал М. В. Ярославцев в воспоминаниях, написанных спустя годы не только после конца советско-польской войны, но и после гибели Савинкова, сохранил положительное впечатление о нём как о «волевом, энергичном и образованном человеке», «совсем не доктринёре-социалисте» (ср. с характеристикой французского журналиста в 1920 году: «славянин, доктринер и реалист» [Свобода, 1920, 1 октября]) и даже как о «деятеле вполне фашистского типа» [ГАРФ, ф. 5881, оп. 1, д. 577, л. 2] (что тогда было скорее комплиментом). Аналогичная савинковской идейная траектория коснулась и других русских деятелей, временно осевших в Польше. «Чудо на Висле» (или «польскую Марну») они видели «победой патриотизма над разлагающей народы силой большевизма» [Свобода, 1920, 21 августа].

Бывшая радикальная интеллигенция, собравшаяся вокруг РПК, заговорила на подчёркнуто националистическом языке. Ставя в качестве примера поляков, некоторые публицисты сокрушались из-за отсутствия национального самосознания у русского общества дореволюционной эпохи. Л. Пущин упоминал этот контраст национальной польской элиты и русской революционной контрэлиты: «В польской интеллигенции очень живо было национальное чувство; в нашей, русской, его имелось мало, может быть слишком мало. Для поляков мы были, прежде всего, русские, а потом уже интеллигенты. Мы принадлежали к нации поработителей, и это было им важно, а мы не понимали, ибо мы, с правом или нет, чувствовали себя сначала интеллигентами, и более всеевропейцами, нежели русскими» [Свобода, 1920, 17 сентября]. Тема нехватки «национального чувства» у русских, в особенности у жителей Великороссии (центральной России), неоднократно педалировалась публицистами «Свободы». Сочувствуя страданиям «костромичей и рязанцев», гонимых на польские пулемёты красными комиссарами, савинковцы заявляли о возможной альтернативе

для сегодняшних русских красноармейцев: стать членами республиканской нации мелких крестьянских собственников.

Название савинковской организации, созданной для активной борьбы с большевиками (НСЗРиС), включало понятия «Родина» и «Свобода», задавая семантическое пространство для «освободительного» национализма. По-своему сказалось интеллектуальное влияние Великой Французской революции (ВФР), непрерываемое для русских интеллигентов; ведь, помимо порождённых ВФР современных идеологий либерализма и социализма, своим рождением ей обязан также национализм. Концентрация на «учредительном собрании», «республике», «демократии» «свободе» и прочих понятиях из политического языка 1789 года и 1848 года в сочетании с мотивацией «защитить честь русского имени» вела НСЗРиС и РПК к формулированию дотоле невиданной (за исключением разве что декабристских кружков) в русской интеллектуальной истории версии национализма. Востребованными оказались исторические аналогии эпохи ВФР: большевики отождествлялись с якобинцами, наиболее нетерпимой и фанатичной (если не считать сторонников Гракха Бабёфа, никогда не находившихся у власти) группировкой республиканцев, запятнавшей себя террором. Д. М. Одинец на этом основании отказывал большевикам в новаторстве, называя их «слепыми учениками» якобинцев и предвещая схожий конец их «террористической» диктатуре [Свобода, 1920, 7 ноября].

Ренессанс националистической идеологии признавался коллективом РПК одной из знаменательных черт новой исторической эпохи. В статье Сергея Сочивко «Национализм и интернационал» перечислены различные формы внешнеполитических альянсов, складывавшихся в тот момент на международной арене: игра Советской России на «религиозно-фанатической струне магометанской Турции и Персии»; «германо-большевистское братание», выражающееся в поиске германскими консерваторами союза с Москвой для ревизии Версальского договора; формирование Малой Антанты из Югославии, Чехословакии, Румынии и Греции; англо-франко-итальянский союз с различным отношением каждого из его членов к Советской России; франко-бельгийский союз и т. д. Все эти «союзы» созданы исключительно для защиты национальных интересов, считает автор. Но, поставив крест на интернационализме, автор высказывает недовольство и излишне меркантильным эгоизмом национальных государств, идущих ради выгоды на уступки большевикам. Исключение делается для альянса Франции и Бельгии, занимавшего последовательно антисоветскую позицию. Обзор завершается выводом: «Теперь становится более или менее ясным: интернационализм идет на национальности, а национальности мечтают усилиться насчет сближения с большевизмом, забывая, что эко-

номика неизбежно влечет за собой политику» [Свобода, 1920, 7 октября]. Соответственно, анализ международной обстановки проделан автором для того, чтобы обосновать тезис о необходимости борьбы с большевизмом ради сохранения национальных государств. В конце статьи Сочинко цитирует редактора парижской газеты «Общее дело» В. Л. Бурцева, о том, что «невозможно оставаться пассивным к русской драме, драме русского национализма, грозящей разрастись в общее бедствие. Должна быть объявлена война всех любящих свои родины, против Интернационала» [Там же]. Скепсис относительно Лиги Наций, призыв к «интернационалу националистов» роднит данную публикацию «Свободы» с риторикой правых антикоммунистов фашистского толка (в том числе русских) 1930-х годов (при том, что процитированный Бурцев проявит себя в качестве активного противника нацизма). Ещё более заострённо проблема национализма и невозможности универсальной мировой культуры прозвучала в редакторской статье за 14 октября 1920 года. Здесь республиканская газета атаковала эгалитарную догматику: «Предпосылка равенства народов, как и равенства людей, оказалась несостоятельной. Мы можем говорить лишь о создании равных для всех возможностей, но никто не станет утверждать равноценность французского и цыганского гения» [Свобода, 1920, 14 октября]. Остаётся удивляться, как под воздействием гражданской войны и примера польского национального возрождения эволюционировали взгляды русской радикальной интеллигенции.

В области цветовой семантики варшавские демократы выбирали между «белым» и «зелёным», однозначно отвергая «красное» и «чёрное». Д. С. Мережковский предпочитал держаться белого цвета, рассуждая в статье «Савинков и Врангель» о «белом знамени революционной свободы». Белый, исконно являвшийся цветом монархизма (прежде всего французской монархии), в данном случае олицетворял духовную чистоту и незапятнанность; на долю русских монархистов, безуданно обличаемых «Свободой», приходился чёрный цвет; «жёлтым» были окрашены социалисты. Одним из первых Мережковский призвал к международному сотрудничеству на «белой» идейно-цветовой основе: «Красный Интернационал можно победить только Интернационалом Белым. Не “желтым” и не “белогвардейским”, как большевики ругаются, а именно Белым» [Свобода, 1920, 5 октября].

Тем временем сам Савинков и другие его единомышленники не были склонны именовать себя «белыми», а с определённого момента стали позиционировать себя «зелёными». На это повлияло заключение Рижского мира и крах иллюзий о польском походе на Москву. Сделанная Савинковым ставка на внутреннюю революцию в России означала поиск контакта с повстанческой стихией, за которую в политической палитре отвечал зелёный цвет. Имея

ограниченные возможности действовать на российской территории, Савинков решил смоделировать «зелёную эмиграцию» [Куренышев, 2008, с. 33—34]. От её имени можно было бы заключать внешнеполитические союзы «крестьянской России» с иностранными государствами, включая ту же Польшу. Классические «белые», представленные в Польше Третьей Русской Армией (ЗРА) генерала Б. С. Пермикина, после своего интернирования начали скорее раздражать Савинкова; среди оставшихся не у дел офицеров стали проявляться монархические и германофильские настроения, что было неприемлемо для того политического спектра, лидером которого считал себя Савинков.

3.4. Дискурс революционной войны на страницах «Свободы»

Подписание прелиминарного мира 12 октября 1920 года не прекратило войны, но придало ей иной вид: противостояние регулярных польских и советских войск завершилось, и в дело вступили вооружённые и снабжённые Польшей (но де-факто независимые от неё) восточнославянские формирования квазипартизанского типа (армии Булак-Балаховича, Пермикина, Омеляновича-Павленко). Поход Русской Народной Добровольческой Армии (РНДА) генерала С. Н. Булак-Балаховича в Белоруссию сопровождался публикацией политической программы, которая в основных своих интенциях совпадала с программой РПК [Свобода, 1920, 17 октября]. Видоизменялась природа войны: вместо конфликта государств настал черёд безгосударственных армий, использовавших территорию одной страны для операций против другой (первый значительный успех армии Булак-Балаховича на советско-польском фронте связан с занятием Пинска 26 сентября 1920 года, незадолго до перемирия; действуя уже самостоятельно, он смог взять Мозырь, однако вскоре был вытеснен обратно в Польшу). Савинков, не понаслышке знакомый с практикой «терроризма», призывал русские армии вести не войну, а революцию. Операции по правилам военной науки не могли принести успеха антибольшевистским силам, заключал Савинков, и призывал к революции или революционной войне, овладевающей массами [Свобода, 1920, 16 октября]. Генерал П. Н. Симанский, занявший в «Свободе» место военного эксперта, решающее значение придавал моральному фактору, призывая выступающих в Полесский и Подольский походы солдат и офицеров «надеть белые рубахи» и, не повторяя ошибок армий Юга России (грабежи, порки крестьян и т. д.), открыть новую страницу в истории антибольшевистского движения. «Не забудем, — заключал Симанский, — что в минуты небывалого падения нравов в Средние века и в начале новых веков армии Густава-Адольфа, Кромвеля и Вашингтона побеждали не только и не столько оружием, сколько удивительным сочетанием высоких чисто-военных доблестей с кристальной чистотой нравственного облика» [Свобода, 1920, 19 октября]. Тем самым генерал-публицист

высказывался в пользу «революционной армии», армии, несущей на своих штыках политическую идеологию.

Существование территории под контролем Белого движения заставляло РПК коммуницировать с этим альтернативным «центром сборки» антибольшевистских сил. Врангель был для Савинкова и партнёром, и конкурентом за человеческий ресурс: наряду с РНДА Савинкова-Балаховича в Польше формировалась ЗРА, подчинявшаяся Врангелю. Бывший эсер и террорист имел преимущество в глазах польского генштаба, так как за ним не тянулся шлейф «единонеделимчества». Сам же Савинков, будучи не только военно-политическим организатором, но и публичным интеллектуалом, был заинтересован в идейном воздействии на крымскую власть и её группу поддержки. С этой целью «Свобода» опубликовала открытое письмо главы РПК командующему Русской Армией. Обращаясь от имени «русских патриотов», Савинков предостерегал Врангеля от «пути Деникина», то есть от недальновидной политики в отношении крестьянства, местного самоуправления, национальных окраин, а также от реставрации монархии (при том, что в число «русских патриотов без различия партий», от имени которых обращался Савинков, были включены, помимо республиканцев и социалистов, также и монархисты; очевидно, из расчёта, что в Крыму они имеют определённое влияние) [Свобода, 1920, 6 августа].

В целом, вплоть до падения Крыма в ноябре 1920 года «Свобода» и представители РПК отзывались о борьбе Врангеля комплиментарно, призывая иностранцев немедленно признать русское правительство и оказать ему помощь. Однако во второй половине октября 1920 года настрой савинковцев стал более критическим. Примером служит статья без подписи (то есть от имени редакции) «Берегите Врангеля», вышедшая в ответ на интервью начальника гражданского управления Крыма С. Д. Тверского, в котором савинковцы усмотрели «реакционные» тенденции. «Не надвигается ли на доблестного генерала Врангеля та страшная опасность, которая погубила мученическую Добровольческую Армию?» [Свобода, 1920, 26 октября] — вопрошалось в статье. Ещё резче отозвался В. В. Уляницкий в своём комментарии к новости агентства «Руспресс» о готовности Франции финансово помочь Врангелю при условии прекращения в Крыму монархической пропаганды. Публицист призывал не рассматривать французское требование как вмешательство во внутренние дела России, поскольку в случае оставления в госаппарате «реакционных элементов» Врангеля постигнет судьба Деникина. Заявления главы крымского правительства А. В. Кривошеина в интервью газете «Матэн» о предпочтительности для России конституционной монархии Уляницкий воспринял как подтверждение его «реакционности». Возврат к «думской монархии» об-

разца 1905—1917 годов не мог быть приемлемым для республиканца. «Мы знаем хорошо, что такое в России “конституционная монархия”, мы уже испытали “честность своему слову” монархов в России» [Свобода, 1920, 3 ноября] — выражал своё недовольство кривошеинскими убеждениями Уляницкий, не атаковавший, впрочем, лично Врангеля. Разделяя «подвиг армии» и политическую программу южнорусских правительств, варшавские республиканцы надеялись заручиться поддержкой хотя бы части белых военнослужащих (в основном солдат и офицеров бывшей Северо-Западной армии), перед которыми в Польше стояла дилемма: ждать отправки в Крым или пополнять собой ряды армии «бабки» Балаховича.

В итоге Савинкову не удалось поколебать проврангелевские настроения офицерства: и он, и Балахович были для профессиональных военных сомнительными личностями с тягой к авантюризму. В то же время некоторые ветераны антибольшевистской борьбы, например командир Тульского отряда (в СЗА, а до этого в армии УНР, ещё раньше — в Красной армии) И. Т. Фомичёв, отдавали предпочтение Савинкову и призывали своих подчинённых сторониться «реакционеров» [Свобода, 1920, 13 ноября].

4. Заключение = Conclusions

Перемирие между Польшей и Советской Россией нанесло удар по делу РПК, планы по освобождению поляками пусть не Москвы, но хотя бы Минска и Смоленска были перечёркнуты (части Красной армии, брошенные против врангелевского Крыма, также не были оттянуты поляками, что вскоре приведёт к падению полуострова). Однако настоящий кризис для русских республиканцев-полонофилов настал после неудачи похода в Белоруссию в октябре — декабре 1920 года. Расчёт на «революционную войну» не оправдался, и Рижский мир 18 марта 1921 года лишь закрепил сложившееся положение дел. Недружелюбное отношение польских властей к интернированным русским военнослужащим армий Балаховича и Пермикина углубило отторжение многих из них от Польши и пробудило симпатии к Германии (особенно среди монархистов).

Лично Савинков и его близкие единомышленники по-прежнему будут верить в потенциал народных восстаний. Возникший в январе 1921 года НСЗРиС — «реинкарнация» савинковской организации 1918 года (на счету которой — восстания в Ярославле, Муроме и Рыбинске) — соберёт морально стойкие кадры антибольшевистских формирований для продолжения «революционной войны» в изменившихся условиях. Несмотря на стремление польской администрации держать интернированных подальше от восточных областей, советско-польское пограничье на протяжении 1920-х годов будет «серой зоной», полем контакта и борьбы Русского Зару-

бежья с Советами. Курс савинковских РПК и НСЗРиС на стимулирование в России антибольшевистской революции продолжают уже после гибели Савинкова другие организации, идеологически далёкие от идей образца 1920 года: монархическое Братство Русской Правды и солидаристский Национально-Трудовой Союз Нового Поколения [Базанов, 2013]. Газета «Свобода» (с 4 ноября 1921 года — «За Свободу!») продолжит выходить под редакцией Д. В. Философова до тех пор, пока на её базе в 1932 году не начнёт выходить «Молва», место которой с 1934 года займёт «Меч» (редакторы — В. В. Брандт, Д. В. Философов). Резко антисоветская линия оставшихся в Варшаве членов бывшего РПК не изменится, несмотря даже на предсмертное «покаяние» Савинкова. В частности, важную роль в подогревании «активизма» среди эмигрантов играла публицистика М. П. Арцыбашева во время его пребывания в Польше в 1923—1927 годах. Молодое поколение Русского Зарубежья, не участвовавшее напрямую в Гражданской войне, внимало проповедям непримиримых публицистов и корректировало свои поступки в соответствии с усвоенными идеалами. Ярким примером является Б. С. Коверда, совершивший успешное покушение на советского дипломата П. Л. Войкова в 1927 году (несмотря на появившуюся позднее трактовку убийства как «мести за царскую семью», первоначально Коверда на судебном процессе не манифестировал монархических убеждений и высказывался более амбивалентно, что, в целом, характерно для русской колонии в Польше, где убеждённые республиканцы, такие как Д. В. Философов и М. П. Арцыбашев, были также носителями крайне антикоммунистических взглядов) [Убийство Войкова..., 2005, с. 234—235].

Значение полонофильского русского республиканства начала 1920-х годов для идейной истории Зарубежья заключается в демонстрации траектории развития заложенных уже Февральской революцией тенденций. При всей несхожести двух фигур А. Ф. Керенского и Б. В. Савинкова, первый в 1917 году [Колоницкий, 2023] и второй в 1920—1924 годах были окружены «бонапартистским», если не «цезаристским» ореолом и выступали в роли «вождей». Центрально-Восточная Европа представляла русским демократам примеры для подражания: на одном полюсе — это «начальник государства» Юзеф Пилсудский, установивший в Польше режим личной диктатуры, на другом — чехословацкий президент Томаш Гарриг Масарик, строивший в Чехословакии «оазис» демократии в авторитарном окружении (и тем не менее даже в демократической Чехословацкой республике процветал «культ личности» первого президента).

В крайне стеснённых обстоятельствах, на польской территории, был продолжен прерванный в октябре 1917 года тренд на формирование русского республиканского национализма, который отличался бы не только

от «черносотенного» национал-монархизма, но и от белого «непредрешенства». Успех начинаний РПК мог бы восстановить преемственность между декабризмом (первым опытом милитаристского республиканства, русской офицерской «хунты»), народничеством, февральской революцией, завершив эту цепочку появлением осознанного национал-республиканского анти-большевистского течения. Идеологические ориентиры РПК начала 1920-х годов — радикальный антибольшевизм, идеализация «крестьянской Руси», активизм, связанный с культурой Серебряного века энтузиазм творчества — влекли этот сегмент русской эмиграции к итальянскому фашизму. Явно эстетическую природу имело увлечение четы Мережковского и Гиппиус «новой Италией». Симпатии позднего Савинкова к итальянскому фашизму, «истинно крестьянский» характер которого он признавал, глубоко закономерны: Муссолини также вдохновлялся «духом Рисорджименто» и протягивал нить преемства к Мадзини и Гарибальди [Моисеев, 2019, с. 60—61], аналогом которых в русской традиции могли бы стать Н. М. Муравьев и А. И. Герцен. В конце концов, авантюризм Савинкова, его неразборчивость в средствах вкупе с неблагоприятной внешнеполитической обстановкой (потерей благосклонности Польши) не позволили состояться этому революционно-республиканскому направлению. Печальный финал деятельности Савинкова поставил крест на единственной фигуре, способной сформулировать подобную идеологию и вдохнуть в неё жизнь.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ГАРФ — *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. 5881 (Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов). Оп. 1. Д. 577.
2. «За Свободу!» // Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. 1918—1940 / Т. Г. Петрова. — Москва : Росспэн, 2000. — Т. 2. — С. 152—157. — ISBN 5-8243-0097-6.
3. *Свобода*. — 1920. — 29 июля ; 30 июля ; 6 августа ; 10 августа ; 13 августа ; 21 августа ; 17 сентября ; 5 октября ; 7 октября ; 14 октября ; 16 октября ; 17 октября ; 19 октября ; 26 октября ; 31 октября ; 3 ноября ; 7 ноября ; 10 ноября ; 13 ноября.
4. *Убийство Войкова и дело Коверды* // Русская эмиграция в борьбе с большевизмом / Под ред. С. В. Волкова. — Москва : ЗАО Центрополиграф, 2005. — С. 210—274. — ISBN 978-5-227-10138-9.
5. *Устрялов Н. В.* Старый спор / Н. В. Устрялов // В борьбе за Россию (сборник статей). — Харбин : Окно, 1920. — С. 24—29.

Литература

1. *Базанов П. Н.* Братство Русской Правды — самая загадочная организация Русского Зарубежья / П. Н. Базанов. — Москва : Посев, 2013. — 424 с. — ISBN 978-5-9902820-8-7.

2. Колоницкий Б. И. «Товарищ Керенский» : антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март — июнь 1917 года) / Б. И. Колоницкий. — Москва : Новое литературное обозрение, 2023. — 520 с. — ISBN 978-5-4448-1940-1.
3. Козеллек Р. Социальная история и история понятий / Р. Козеллек // Исторические понятия и политические идеи в России XVI—XX века : сб. науч. работ. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2006. — С. 33—53. — ISBN 5943800611.
4. Куреньшев А. А. Крестьянские организации Русского Зарубежья. (1920—1951 гг.) / А. А. Куреньшев. — Москва : АИРО-XXI, 2008. — 192 с. — ISBN 978-5-91022-057-1.
5. Микуленок А. А. Российская эмиграция в Польше : социально-экономическая, общественно-политическая и культурная деятельность (1917—1939 гг.) : монография / А. А. Микуленок. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2018. — 210 с. — ISBN 978-5-907115-02-6.
6. Моисеев Д. С. Политическая философия итальянского фашизма. Становление и развитие доктрины / Д. Моисеев. — Москва ; Екатеринбург : Кабинетный учёный, 2019. — 320 с. — ISBN 978-5-7584-0233-7.
7. Морозов К. Н. Борис Савинков : опыт научной биографии / К. Н. Морозов. — Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2022. — 768 с. — ISBN 978-5-4469-1964-2.
8. Пученков А. С. Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 — весна 1920 г.) / А. С. Пученков. — 2-е изд. — Москва : Научно-политическая книга, 2016. — 399 с. — ISBN 978-5-906594-10-5.
9. Серапионова Е. П. Т. Г. Масарик и российские эмигранты в ЧСР / Е. П. Серапионова // Т. Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства : к 150-летию со дня рождения Т. Г. Масарика. По материалам международной научной конференции. — Москва : Русский путь, 2005. — С. 61—69.
10. Симонова Т. М. Советская Россия (СССР) и Польша : Русские антисоветские добровольческие формирования в Польше (1919—1925 гг.) / Т. М. Симонова. — Москва : Квадрига, Зебра Е, 2013. — 368 с. — ISBN 978-5-91791-10-2.
11. Скиннер К. Значение и понимание в истории идей / К. Скиннер // Кембриджская школа : теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. — Пер. с англ. Т. Пирусской. — 2-е изд. — Москва : Новое литературное обозрение, 2023. — С. 53—122. — ISBN 978-5-4448-1935-7.
12. Суомела Ю. Зарубежная Россия. Идеино-политические взгляды русской эмиграции на страницах русской европейской прессы а 1918—1940 гг. / Ю. Суомела ; Пер. с финского Л. С. Суни. — Санкт-Петербург : Издательский дом «Коло», 2004. — 352 с. — ISBN 5-901841-20-4.
13. Слова и конфликты : язык противостояния и эскалация гражданской войны в России : сборник статей / Под ред. Б. И. Колоницкого. — Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. — 328 с. — ISBN 978-5-94380-347-5.
14. Цихорацки П. Вопреки традиции взаимной враждебности. Из истории польско-российского сотрудничества в 1920 году / П. Цихорацки // История и историческая память. — 2014. — № 9. — С. 176—184.
15. Karpus Z. Wschodni sojusznicy Polski w wojnie 1920 roku : oddziały wojskowe ukraińskie, rosyjskie, kozackie i białoruskie w Polsce w latach 1919—1920 / Z. Karpus. — Toruń : Wydawn. Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1999. — 230 p. — ISBN 83-231-1035-2.

Статья поступила в редакцию 06.10.2024,
одобрена после рецензирования 08.01.2025,
подготовлена к публикации 29.01.2025.

Material resources

- “For Freedom!”. (2000). In: *Literary Encyclopedia of the Russian Diaspora. 1918—1940, 2*. Moscow: Rosspen. 152—157. ISBN 5-8243-0097-6. (In Russ.).
- GARF — *The State Archive of the Russian Federation. F. 5881 (Collection of individual documents and memoirs of emigrants). Op. 1. 577-2*. (In Russ.).
- Volkov, S. V. (ed.). (2005). The Voikov murder and the Coverda case. In: *Russian emigration in the struggle against Bolshevism*. Moscow: ZAO Centropolygraf. 210—274. ISBN 978-5-227-10138-9. (In Russ.).
- Ustryalov, N. V. (1920). Old dispute. In: *In the struggle for Russia (collection of articles)*. Harbin: Okona Publ. 24—29. (In Russ.).
- Freedom. 1920. July 29; July 30; August 6; August 10; August 13; August 21; September 17; October 5; October 7; October 14; October 16; October 17; October 19; October 26; October 31; November 3; November 7; November 10; November 13*. (In Russ.).

References

- Bazanov, P. N. (2013). *Russian Truth Brotherhood — the most mysterious organization of the Russian Diaspora*. Moscow: Posev. 424 p. ISBN 978-5-9902820-8-7. (In Russ.).
- Karpus, Z. (1999). *Wschodni sojusznicy Polski w wojnie 1920 roku: oddziały wojskowe ukraińskie, rosyjskie, kozackie i białoruskie w Polsce w latach 1919—1920*. Toruń: Wydawn. Uniwersitetu Mikołaja Kopernika. 230 p. ISBN 83-231-1035-2. (In Polish.).
- Kolonitsky, B. I. (2023). “Comrade Kerensky”: the anti-monarchist revolution and the formation of the cult of the “leader of the people” (March — June 1917). Moscow: New Literary Review. 520 p. ISBN 978-5-4448-1940-1. (In Russ.).
- Kolonitsky, B. I. (ed.). (2022). *Words and conflicts: the language of confrontation and the escalation of the civil war in Russia: a collection of articles*. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg. 328 p. ISBN 978-5-94380-347-5. (In Russ.).
- Kozellek, R. (2006). Social history and the history of concepts. In: *Historical concepts and political ideas in Russia of the XVI—XX century: collection of scientific papers*. Saint Petersburg: Aleteya. 33—53. ISBN 5943800611. (In Russ.).
- Kurenyshev, A. A. (2008). *Peasant organizations of the Russian Diaspora. (1920—1951)*. Moscow: AIRO-XXI. 192 p. ISBN 978-5-91022-057-1. (In Russ.).
- Mikulenok, A. A. (2018). *Russian emigration in Poland: socio-economic, socio-political and cultural activities (1917—1939): monograph*. Saint Petersburg: Alethea. 210 p. ISBN 978-5-907115-02-6. (In Russ.).
- Moiseev, D. S. (2019). *Political philosophy of Italian fascism. Formation and development of the doctrine*. Moscow; Yekaterinburg: Cabinet Scientist. 320 p. ISBN 978-5-7584-0233-7. (In Russ.).
- Morozov, K. N. (2022). *Boris Savinkov: the experience of scientific biography*. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 768 p. ISBN 978-5-4469-1964-2. (In Russ.).
- Puchenkov, A. S. (2016). *National policy of General Denikin (spring 1918 — spring 1920)*. Moscow: Scientific and Political Book. 399 p. ISBN 978-5-906594-10-5. (In Russ.).
- Serapionova, E. P. (2005). T. G. Masaryk and Russian emigrants to the Czechoslovak Republic. In: *T. G. Masaryk and the “Russian Action” of the Czechoslovak government: on*

- the 150th anniversary of the birth of T. G. Masaryk. Based on the materials of the international scientific conference.* Moscow: Russian Way. 61—69. (In Russ.).
- Simonova, T. M. (2013). *Soviet Russia (USSR) and Poland: Russian anti-Soviet volunteer formations in Poland (1919—1925).* Moscow: Quadriga, Zebra E. 368 p. ISBN 978-5-91791-10-2. (In Russ.).
- Skinner, K. (2023). Meaning and understanding in the history of ideas. In: *Cambridge School: Theory and Practice of Intellectual History.* Moscow: New Literary Review. 53—122. ISBN 978-5-4448-1935-7. (In Russ.).
- Suomela, Yu. (2004). *Foreign Russia. Russian emigration's ideological and political views on the pages of the Russian European press in 1918—1940.* Saint Petersburg: Kolo Publishing House. 352 p. ISBN 5-901841-20-4. (In Russ.).
- Tsikhoratsky, P. (2014). Contrary to the tradition of mutual hostility. From the history of Polish-Russian cooperation in 1920. *History and historical memory*, 9: 176—184. (In Russ.).

*The article was submitted 06.10.2024;
approved after reviewing 08.01.2025;
accepted for publication 29.01.2025.*

Информация для цитирования:

Сорокин А. А. Создание Православного Палестинского общества и деятельность М. П. Степанова (1881—1883) / А. А. Сорокин, Д. М. Софьин, М. В. Софьина // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 1. — С. 530—546. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-530-546.

Sorokin, A. A., Sofjin, D. M., Sofjina, M. V. (2025). Establishment of Orthodox Palestine Society and Activities of M. P. Stepanov (1881 —1883). *Nauchnyi dialog*, 14 (1): 530-546. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-530-546. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Создание Православного Палестинского общества и деятельность М. П. Степанова (1881—1883)

Сорокин Александр Анатольевич¹

orcid.org/0000-0003-1710-0801

кандидат исторических наук

a.a.sorokin@imomi.unn.ru

Софьин Дмитрий Михайлович²

orcid.org/0000-0002-7092-9240

кандидат исторических наук, доцент,

корреспондирующий автор

sofjindm@yandex.ru

Софьина Марина Владимировна³

orcid.org/0000-0003-0116-5125

кандидат исторических наук, доцент

mar-sofina@mail.ru

¹ Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия)

² Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь, Россия)

³ Пермский государственный институт культуры (Пермь, Россия)

Благодарности:

Статья подготовлена в рамках реализации Программы фундаментальных научных исследований МОО «ИППО» — Минобрнауки РФ по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические, археологические и культурные контакты и связи», государственное задание № FSNF-2024-0002 «Генерал-от-кавалерии М. П. Степанов: жизнь и служение Императорскому Православному Палестинскому Обществу»

Establishment of Orthodox Palestine Society and Activities of M. P. Stepanov (1881 —1883)

Alexander A. Sorokin¹

orcid.org/0000-0003-1710-0801

PhD in History

a.a.sorokin@imomi.unn.ru

Dmitry M. Sofjin²

orcid.org/0000-0002-7092-9240

PhD in History, Associate Professor,

corresponding author

sofjindm@yandex.ru

Marina V. Sofjina³

orcid.org/0000-0003-0116-5125

PhD in History, Associate Professor

mar-sofina@mail.ru

¹ National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia)

² Perm State National Research University (Perm, Russia)

³ Perm State Institute of Culture (Perm, Russia)

Acknowledgments:

The article was prepared within the framework of the Program of Fundamental Scientific Research of the IOPS International Public Organization — Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the direction “Russia and the Middle East: Historical, Political, Archaeological, and Cultural Contacts and Ties,” State Assignment № FSNF-2024-0002 “General of Cavalry M. P. Stepanov: Life and Service to the Imperial Orthodox Palestine Society”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена участию в становлении Православного Палестинского общества, состоящего при великом князе Сергее Александровиче офицера Генерального штаба Михаила Петровича Степанова, который впоследствии был одним из ключевых руководителей общества в течение первых 35 лет существования организации. На основе как опубликованных материалов, так и документов, отложившихся в фондах Архива внешней политики Российской Империи (Москва), Российского государственного военно-исторического архива (Москва) и отдела рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург), показана роль М. П. Степанова в создании и первых шагах Палестинского общества. Рассматриваются обстоятельства назначения М. П. Степанова состоящим при великом князе и особенности его служебной деятельности. Особое внимание уделяется участию М. П. Степанова в паломнической поездке великого князя на Святую Землю в 1881 году, контактам М. П. Степанова с начальником Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандритом Антонином (Капустиным), процессу подготовки к учреждению в 1882 году Палестинского общества. Рассматриваются причины и обстоятельства назначения М. П. Степанова секретарем общества в контексте кадровой политики организации, учитывавшей баланс различных сил, сторон и влияний.

Ключевые слова:

Императорское православное палестинское общество; ИППО; Михаил Петрович Степанов; великий князь Сергей Александрович; архимандрит Антонин (Капустин); Святая Земля; Иерусалим.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the involvement of Colonel General Mikhail Petrovich Stepanov, an officer of the General Staff, in the formation of the Orthodox Palestine Society under Grand Duke Sergei Alexandrovich. Stepanov emerged as a pivotal leader during the first 35 years of the organization's existence. Drawing on both published sources and archival documents from the Russian Empire's Foreign Policy Archive (Moscow), the Russian State Military Historical Archive (Moscow), and the Manuscript Department of the Russian National Library (St. Petersburg), this study highlights Stepanov's role in the establishment and initial activities of the Palestine Society. The article examines the circumstances surrounding Stepanov's appointment to serve under the Grand Duke and the specifics of his official duties. Particular attention is given to Stepanov's participation in the Grand Duke's pilgrimage to the Holy Land in 1881, his interactions with Archimandrite Antonin (Kapustin), head of the Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem, and the preparatory processes leading to the founding of the Palestine Society in 1882. Additionally, the article discusses the reasons and circumstances behind Stepanov's appointment as secretary of the Society within the context of organizational staffing policies that sought to balance various forces, factions, and influences.

Key words:

Imperial Orthodox Palestine Society; IOPS; Mikhail Stepanov; Grand Duke Sergei Alexandrovich; Archimandrite Antonin (Kapustin); Holy Land; Jerusalem.

УДК 929Степанов+94(47+569.4)“1881/1883”

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-530-546

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

Создание Православного Палестинского общества и деятельность М. П. Степанова (1881—1883)

© Сорокин А. А., Софьин Д. М., Софьина М. В., 2025

1. Введение = Introduction

В 1882 году император Александр III основал Православное Палестинское общество (ППО), которое спустя семь лет получило статус Императорского (ИППО) [Россия в Святой Земле ..., 2020, с. 18]. Возглавил организацию младший брат монарха, великий князь Сергей Александрович. Среди членов-учредителей ППО был М. П. Степанов, который впоследствии на протяжении 35 лет будет одним из главных руководителей общества, занимая в нем такие ключевые посты, как секретарь (с 1882 по 1889 годы) и помощник председателя (с 1889 по 1917 годы). Будущий митрополит Новгородский и Старорусский Арсений (Стадницкий) отзывался о М. П. Степанове как о «добрейшем человеке» и называл его одним из самых близких лиц к великому князю Сергею Александровичу [Арсений, 2006, с. 353].

Михаил Петрович Степанов (1853—1917) стал первым секретарем ППО, избранным на эту должность в 1882 году. К этому времени он уже сделал блестящую военную карьеру. М. П. Степанов окончил Пажеский Его Императорского Величества корпус (1870) и Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1877), участвовал в русско-турецкой войне 1877—1878 годов, за которую был награжден орденами Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом и Святого Станислава 2-й степени с мечами. К моменту образования ППО он четыре года состоял при великом князе Сергее Александровиче и в 1881 году, в возрасте всего лишь 28 лет, уже был произведен в чин полковника (в дальнейшем он дослужится до генерала от кавалерии) [РГВИА, ф. 409, оп. 1, д. 177481, л. 15об.—18].

В русско-турецкой войне и М. П. Степанов, и великий князь Сергей Александрович, состоящим при котором офицер был впоследствии назначен, служили в Рушукском отряде под командованием наследника цесаревича Александра Александровича, будущего императора Александра III, учредителя ППО. М. П. Степанов как офицер Генерального штаба

был прикомандирован к штабу Рушукского отряда [РГВИА, ф. 409, оп. 1, д. 177481, л. 16, 20]. Впоследствии на страницах журнала «Русская старина» он опубликовал исторический очерк об отряде, который был также издан в виде отдельного оттиска. В нем М. П. Степанов, в частности, описывал, что при рекогносцировке отряда у Чифтлика и Кошево разгорелся бой, в котором 130-й пехотный Херсонский полк выбил неприятельский батальон из деревни, но вышедшие из Рушука турецкие войска открыли ответный огонь, что вынудило русские полки отступить обратно, на левый берег реки Лом. В это же время 131-й пехотный Тираспольский полк с великим князем Сергеем Александровичем под сильным огнем смог переправиться через Лом у Кошево. Впоследствии за это отличие великий князь был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени [Степанов, 1888, с. 36].

Вскоре после окончания русско-турецкой войны, 29 апреля 1878 года, в день рождения великого князя Сергея Александровича, М. П. Степанов был назначен на должность состоящего при нем [РГВИА, ф. 409, оп. 1, д. 177481, л. 16об.]. Уже летом того же года М. П. Степанов сопровождал Сергея Александровича в путешествии по северу России, а затем и в поездке в Крым. Во время этих поездок ярко проявился интерес великого князя и М. П. Степанова к историческим древностям и археологии, который впоследствии будет занимать видное место в деятельности ИППО [Из Записок ..., 1910; Софьин и др., 2024].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Вопрос об участии состоящего при великом князе Сергее Александровиче полковника Генерального штаба (впоследствии генерала) М. П. Степанова в создании ППО в 1882 году ранее специально не рассматривался. В частности, в трудах, которые посвящены истории общества, в числе ключевых фигур, с именами которых связывают его учреждение, называются председатель ППО великий князь Сергей Александрович, начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандрит Антонин (Капустин) и инициатор возникновения общества В. Н. Хитрово [Лисовой, 2006; Лисовой, 2007; Воробьев, 2017; Половникова, 2017; Нечаева, 2019; Марченко, 2021; Воскресенская и др., 2023; Степашин, 2023]. Правда, необходимо отметить, что участие М. П. Степанова в создании ППО затрагивалось в специальных работах Н. Н. Лисового и Р. Б. Бутовой [Лисовой, 2005; Бутова, 2023], при этом акцент в их трудах приходится на деятельность М. П. Степанова уже после учреждения общества. В труде дореволюционного историка ИППО А. А. Дмитриевского упоминается, что М. П. Степанова «следует причислить» к числу «надежных союзников» В. Н. Хитрово в продвижении идеи создания общества [Дмитриевский, 1907, с. 143—144]. Кроме

того, игумен Паисий (Юрков), ныне епископ Железнодорожский и Львовский, отмечал, что М. П. Степанов входил в узкий круг лиц, который «активно способствовал продвижению идеи об образовании Палестинского общества» [Великий Князь..., 2009, с. 49]. В монографии, посвященной великому князю Сергею Александровичу, лишь констатируется, что его «правой рукой» в деле руководства ИППО был именно М. П. Степанов, но подробно его деятельность в обществе, в том числе на этапе становления организации, не рассматривается [Софьин, 2021, с. 67].

Настоящее исследование основано на широком круге опубликованных и неопубликованных источников. Значительную роль в прояснении рассматриваемого вопроса сыграли материалы из фондов отечественных архивохранилищ. В первую очередь следует назвать документы, характеризующие становление ППО и отложившиеся в фонде общества в Архиве внешней политики Российской Империи [АВПРИ, ф. 337/2]. Часть документов из данного фонда была опубликована в тематических сборниках [Россия в Святой Земле ..., 2000; Россия в Святой Земле ..., 2020].

Паломническую поездку в 1881 году в Палестину членов Дома Романовых, которых сопровождал М. П. Степанов, особенно ярко освещает дневник начальника Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандрита Антонина (Капустина) [Антонин, 2011]. Закулисная сторона создания и начала функционирования ППО нашла отражение в том числе в письмах инициатора учреждения общества В. Н. Хитрово и в дневнике директора канцелярии Министерства иностранных дел, будущего министра графа В. Н. Ламздорфа [Хитрово, 2012; Ламздорф, 1926]. Ценные дополнения вносят дневники будущего митрополита Новгородского и Старорусского Арсения (Стадницкого), а также мемуары адмирала Д. С. Арсеньева, воспитателя великого князя Сергея Александровича, подобно своему августейшему ученику и М. П. Степанову также ставшего крупным деятелем ИППО [Арсений, 2006; Из Записок ..., 1910].

Следует также отметить исторический очерк самого М. П. Степанова, посвященный боевым действиям Рушукского отряда во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов [Степанов, 1888]. В этом отряде проходили службу и великий князь Сергей Александрович, и М. П. Степанов. Именно тогда великий князь смог как следует узнать своего будущего верного сподвижника.

Ценным источником, отражающим биографические сведения и факты служебной деятельности М. П. Степанова, является его полный послужной список, отложившийся в Российском государственном военно-историческом архиве, в составе дела об увольнении генерала со службы в 1917 году [РГВИА, ф. 409, оп. 1, д. 177481, л. 15—21 об.].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Паломничество на Святую Землю

Образованию ППО в 1882 году предшествовало другое путешествие, состоявшееся в 1881 году. Его целью было паломничество в Палестину, и в нем приняли участие великие князья Сергей Александрович, Павел Александрович и Константин Константинович. Поездка была приурочена к годовщине кончины матери первых двух великих князей, императрицы Марии Александровны, супруги императора Александра II. Именно благодаря ее заступничеству государь не закрыл в конце 1870-х годов Русскую духовную миссию в Иерусалиме.

В поездке в 1881 году на Святую Землю великих князей, среди прочих, сопровождал и М. П. Степанов. К тому моменту офицер стал знаковой фигурой для августейших братьев. Во время поездки М. П. Степанов, который уже прочно вошел в ближний круг членов Дома Романовых, вел «Дневник путешествия Их Высочеств с 22 по 30 мая» [АВПРИ, ф. РИППО, оп. 873/1, д. 291, л. 7—21]. Также он делал путевые записки об этой поездке [АВПРИ, ф. РИППО, оп. 873/1, д. 291, л. 22—40 об.], а затем на основе этих двух документов составил описание путешествия Их Императорских Высочеств [АВПРИ, ф. РИППО, оп. 873/1, д. 291, л. 90—137 об.].

В период организации приезда великих князей на Святую Землю, да и во время самой поездки по ней М. П. Степанов держал тесную связь с возглавлявшим Русскую духовную миссию в Иерусалиме архимандритом Антонином (Капустинным). Так, еще из Афин он уведомил архимандрита телеграммой, что Их Императорские Высочества планируют отправиться из Пирея в воскресенье 17 мая, а их прибытие в Яффу состоится ориентировочно 19 мая вечером или 20 мая утром [Антонин, 2011, с. 91].

Сам архимандрит Антонин называл М. П. Степанова в своих дневниковых записях «alter ego Их Высочеств» и обратился именно к нему, чтобы тот представил его и архиепископа Иорданского Елифания великому князю Константину Константиновичу [Там же, с. 93].

М. П. Степанов сопровождал великих князей 22 мая во время визита к турецкому губернатору Иерусалима Мехмеду Рауф-паше. После этого они совместно осматривали мечеть Омара и Аль-Акса, подземелья и конюшни Соломона. По приглашению М. П. Степанова их сопровождал архимандрит Антонин [Там же, с. 95]. После полуночи великие князья и М. П. Степанов были на службе в храме Гроба Господня, которую архимандрит Антонин провел у Кувуклии [АВПРИ, ф. РИППО, оп. 873/1, д. 291, л. 7].

Архимандрит Антонин расположил к себе высочайших особ, и отражение этого факта находится в ставшем все более тесным общении представлявшего их интересы М. П. Степанова с начальником миссии. Так,

последний в дневнике записал 25 мая, что получил от М. П. Степанова письмо с просьбой от великого князя Павла Александровича стать его духовником, а другим великим князьям назначить духовных отцов «из самых простеньких» [Антонин, 2011, с. 97].

Отметим, что после этого состоялась совместная поездка великих князей с М. П. Степановым и архимандритом Антонином в Вифлеем. Затем последовала исповедь, причем М. П. Степанов, как и великий князь Павел Александрович, исповедовался у самого архимандрита. Кроме того, М. П. Степанов сообщил Антонину, что великие князья намерены выделить на его деятельность в Святой Земле 10 тысяч франков [Там же, с. 98].

Незадолго до отъезда, 28 мая, М. П. Степанов вручил архимандриту десять свитков с «наполеонидами», которые тот испросил разрешения высочайших дарителей израсходовать на строительство второго этажа на Иерихонском приюте. В свою очередь Антонин ходатайствовал перед М. П. Степановым о «милости певчим и всем нашим», после чего тот 29 мая принес часы для регента церковного хора и еще тысячу франков для раздачи миссионерам. Антонин же в качестве ответного жеста подарил М. П. Степанову «полный платок изделий из черного и красного камня» [Там же, с. 100—101].

Кроме того, М. П. Степанов помог архимандриту уладить скандал с певчими. Суть ситуации начальник миссии описывал следующим образом: «Полный удовольствия, я велел отыскать Козубского. Вместо одного явился четверо певчих, и учинили мне такую демонстрацию, что я не раз вышел из себя от их наглых нападок на меня за мое обидное невнимание к ним, совершенное бессердечие, лукавство, жестокость и пр. и пр. Порфирий раскрыл свою глотку как калитку, и раз 10 тыкал в меня своими 16-ю годами службы при мне, ничем не вознагражденной. Козубский, осмотрев часы, отказался от них наотрез...». М. П. Степанов в связи с этим велел предложить часы второму по регенте певчему, «а если мужики произведут завтра скандал, то в тот же день их и духу не будет в Иерусалиме» [Там же, с. 101—102].

Архимандрит Антонин был очень благодарен ему за улаживание этого инцидента и весьма тепло простился с ним при отбытии высочайших особ. Их переписка продолжилась и после окончания путешествия великих князей на Святую Землю [Там же, с. 108, 125, 153]. Архимандрит отметил 24 июля в своем дневнике, что получил пакет, в котором оказалась купюра в 10 или 25 рублей. Запись на купюре гласила, что именно он объявлен наследником имения М. П. Степанова («почти юноши», в трактовке Антонина, что весьма сильно его смутило — «как же я, старый человек, наследую...») после его кончины [Там же, с. 134].

М. П. Степанов после паломнической поездки великих князей продолжил принимать участие в делах по развитию русского присутствия на Свя-

той Земле. Так, 23 сентября 1881 года архимандрит Антонин получил от него письмо, в котором тот сообщал, что император Александр III дал свое согласие на покупку участка земли в Гефсимании. В соответствии с замыслом Антонина здесь в 1885—1888 годах в память императрицы Марии Александровны была построена церковь, освященная во имя ее небесной покровительницы — Святой Равноапостольной Марии Магдалины [Там же, с. 165]. Впрочем, тогда, в конце октября 1881 года, архимандрит получил от М. П. Степанова письмо с распоряжением отложить дело покупки «до времени в сторону» [Там же, с. 184]. Той же осенью М. П. Степанов также сообщал Антонину, что его проекты и замыслы великие князя находят гениальными [Там же, с. 166].

3.2. Учреждение Православного Палестинского Общества

После августейшего паломничества крупный чиновник Министерства финансов, подвижник русского дела в Палестине В. Н. Хитрово добился аудиенции у великого князя Сергея Александровича, убедил его в необходимости учреждения ППО и заручился его согласием возглавить общество. При этом сам процесс возникновения организации не был гладким. Как отмечал А. А. Дмитриевский (занимавший пост секретаря ИППО в 1906—1918 годах) в историческом очерке о деятельности общества, который был написан к 25-летию его создания, Святейший Правительствующий Синод изначально не был сторонником образования общества, видя в нем «подвох под нашу духовную иерусалимскую миссию» [Дмитриевский, 1907, с. 185—186].

Отголоски этого противодействия проявились и в дальнейшем. Директор канцелярии Министерства иностранных дел (а в 1900—1906 годах — министр иностранных дел) граф В. Н. Ламздорф именовал М. П. Степанова в своих дневниковых записях «ни в чем не сомневающимся смелым интриганом» [Дневник ..., 1926, с. 90]. Он был искренне убежден в том, что Палестинское общество за спиной великого князя Сергея Александровича, о котором выразился весьма нелюбезно, занимается происками против русского консульства, осложняя его работу, и считал, что здесь невозможно достичь договоренностей ни с самим великим князем, ни с М. П. Степановым [Там же, с. 123].

В отложившихся в Архиве внешней политики Российской Империи документах о создании ППО и выработке его устава зафиксировано, что Общество было организовано 48 членами-учредителями. Все они представляли аристократию, военную и гражданскую высшую бюрократию и научную общественность, среди учредителей были также два великих князя — Сергей Александрович и его кузен Михаил Михайлович. Одним из учредителей оказался и сам М. П. Степанов [АВПРИ, ф. РИППО, оп. 873/1, д. 1, л. 1а об.; Житенёв, 2022, с. 874—875].

Инициатор создания Общества В. Н. Хитрово, ставший в 1882 году помощником председателя ППО, сообщал 22 апреля 1882 года наместнику Свято-Троицкой Сергиевой лавры, бывшему начальнику Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандриту Леониду (Кавелину): «Секретарем предполагается Степанов, состоящий при великом князе молодой человек, не подготовленный, но вынесший теплую любовь к Святой Земле из ее посещения и готовый, по крайней мере, с любовью для нее работать, а это уже наше дело, с Божией помощью, выработать из него будущего полезного палестинского работника» [Хитрово, 2012, с. 157]. Как затем отмечал историк Ф. Г. Ставру, опыт М. П. Степанова пригодился и конструктивно использовался в вопросах управления деятельностью общества [Stavrou, 1963].

Следует подчеркнуть, что подбор кадров на ключевые должности в ППО не был случайным. С одной стороны, в качестве вице-председателя был определен товарищ государственного контролера Т. И. Филиппов, а в числе членов-учредителей и членов Совета ППО оказался бывший управляющий делами Палестинского комитета (одной из предтеч Палестинского общества), а затем руководитель Палестинской комиссии, член Государственного Совета Б. П. Мансуров. Оба вышеуказанных деятеля имели репутацию грекофилов и имели тесные связи с греческой иерархией. В свою очередь на должности помощника председателя и секретаря общества были определены, соответственно, чиновник Министерства финансов В. Н. Хитрово и полковник М. П. Степанов. Они имели репутацию «эллинофобов», критически относившихся к этнократическим устремлениям греческого духовенства восточных патриархатов (в первую очередь в лице Святогробского братства в Иерусалиме), и поэтому должны были уравновесить первых двух [Хитрово, 2012, с. 155—157]. Сам М. П. Степанов к тому же постепенно обрстал связями в дипломатических кругах. В частности, он довольно часто бывал у товарища министра иностранных дел А. Г. Влангали [Дневник ..., 1926, с. 202].

3.3. Первые шаги М. П. Степанова на посту секретаря ППО

В первые годы существования общества М. П. Степанов занимался организационными вопросами. Как секретарь ППО, он принимал активное участие в разработке и утверждении членского знака. За подписями председателя общества великого князя Сергея Александровича и секретаря М. П. Степанова обер-прокурору Святейшего Синода К. П. Победоносцеву 22 мая 1882 года было направлено письмо. В нем сообщалось, что на основании статьи 29 устава ППО были установлены особые знаки для всех почетных членов и тех действительных членов и сотрудников общества, которые вместо ежегодного взноса внесли единовременный взнос.

В письме содержалась просьба представить рисунок знака, одобренный обществом, на утверждение государю [АВПРИ, ф. РИППО, оп. 873/1, д. 1, л. 82—82 об.].

Знак был утвержден императором Александром III 12 июня, а 22 сентября М. П. Степанов и В. Н. Хитрово направили директору канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода И. А. Ненарокову для уведомления окончательный рисунок знака и его описание.

Описание знака было следующим: золотой греческий крест, сверху щит, посредине которого на белом эмалевом фоне золотая монограмма Христа между греческими буквами Альфа и Омега; кругом щита, на черной эмалевой ленте, надпись: «Не умолкну ради Сиона и ради Иерусалима не успокоюсь». На обороте щита на белом эмалевом фоне надпись: «Благословитя Господь от Сиона и узриши благая Иерусалима». Для действительных членов — такой же знак серебряный без эмали, для членов-сотрудников — такой же знак темной бронзы без эмали [Там же, л. 87—87 об.].

На заседании общества 2 декабря 1882 года М. П. Степанов представил отчет, сообщив вначале о кончине двух почетных членов ППО, «на благосклонное содействие которых мы имели полное право рассчитывать», — митрополита Московского и Коломенского Макария и патриарха Иерусалимского Иерофея [Россия в Святой Земле ..., 2020, с. 112].

Также М. П. Степановым были отмечены первые успехи общества: число лиц, пожелавших вступить в ряды его членов, достигло 172, а сумма пожертвований — 8635 рублей. Особую благодарность за содействие ППО он выразил митрополиту Киевскому и Галицкому Платону, епископу Нижегородскому и Арзамасскому Макарию, епископу Олонецкому и Петрозаводскому Павлу, генерал-майору В. В. Волошинову и М. В. Киселевой. Последние двое были хорошо известны своей благотворительной деятельностью, в частности, действительный член общества В. В. Волошинов был одним из самых щедрых его жертвователей, а М. В. Киселева финансировала строительство храмов в Иерихоне и Назарете [Там же, с. 113].

Особо отмечалась важность проведения церковно-археологического изучения Святой Земли, причем как древних грузинских памятников (фресок, надписей, рукописей в иерусалимской Патриаршей библиотеке и на Синае), так и принадлежащего России места рядом с храмом Гроба Господня. Пояснялось, что раскопки этого участка «могут многое объяснить в темном для нас описании Константиновской базилики Евсевия Памфила, а также вывести, может быть, на свет ту стезю, по которой шел Богочеловек на смерть» [Там же].

Помимо этого направления исследований, также предполагалось, что общество особое внимание будет уделять истории хождений в Святую Зем-

лю, в первую очередь византийских. Для начала задумывалось издание трех таких византийских источников в переводе на русский язык [Там же, с. 114].

Следующая часть доклада М. П. Степанова была посвящена помощи православным паломникам. В этом направлении благодаря переговорам с правлениями железных дорог удалось уменьшить стоимость проезда из Киева в Яффу. Также выражалась надежда, что в дальнейшем удастся в целом стоимость путешествия от Москвы до Яффы снизить с 69 до 46 рублей. Кроме того, была проведена работа по организации на русских постройках склада синодальных изданий, чтобы паломники «не были лишены духовной пищи» [Там же].

Что касается еще одного направления, а именно поддержки православия на Святой Земле, то здесь М. П. Степанов выражал озабоченность тем, что после кончины патриарха Иерусалимского Иерофея часть намеченных мероприятий оказалась фактически в подвешенном состоянии. Особую важность в числе этих мероприятий приобретало открытие первой православной школы в Палестине, и М. П. Степанов заявлял, что, несмотря на определенные трудности, он надеется на ее открытие в ближайшее время [Там же].

Церковно-археологические исследования в Старом городе Иерусалима во многом координировались М. П. Степановым. Именно через него председатель ППО великий князь Сергей Александрович в 1882 году обратился к начальнику Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандриту Антонину с просьбой принять на себя руководство раскопками и контроль над расхождением денег. На сами раскопки великий князь выделил из собственных средств 1 тысячу рублей золотом [Там же, с. 59]. М. П. Степанов в письме к Антонину просил его поручить производство раскопок живущему в Иерусалиме архитектору Конраду Шиду и взять с того обязательство, что он не будет сообщать сведения о раскопках в иностранные журналы и общества. Также М. П. Степанов просил начать раскопки с самого входа у русского места близ храма Гроба Господня, полагая, что можно будет сразу наткнуться на остатки пропилей Константиновской базилики. Все найденные при этом артефакты предлагалось поместить в музей при миссии, а сам ход раскопок тщательно документировать путем фотографирования [Россия в Святой Земле ..., 2000, с. 541].

Вообще после учреждения ППО архимандрит Антонин и М. П. Степанов продолжали активную переписку, посвященную археологическим раскопкам и иным вопросам. В частности, в ответ на получение диплома почетного члена Общества и соответствующего знака Антонин 10 января 1883 года выслал М. П. Степанову коллекцию из 70 фотоснимков Палестины для библиотеки ППО [Там же, с. 544—545]. Начальник Русской духовной миссии по-прежнему оставался одним из наиболее доверенных

корреспондентов М. П. Степанова, который относился к нему с искренней симпатией и большим уважением.

4. Заключение = Conclusions

Итак, М. П. Степанов получил блестящее образование в лучших военно-учебных заведениях Российской Империи, принял участие в русско-турецкой войне 1877—1878 годов и получил назначение на должность состоящего при великом князе Сергее Александровиче. Всего за пять лет с момента этого назначения М. П. Степанов и за счет своей образовательной подготовки, и в силу незаурядных личных качеств стал сначала ключевым помощником великого князя, а затем и идейным сподвижником. Поездка на Святую Землю укрепила религиозные чувства М. П. Степанова, способствовала установлению близких и доверительных отношений с одним из главных деятелей русского православия на Востоке — начальником Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандритом Антонином. Активное участие в организации и в деятельности ППО способствовало быстрому превращению офицера Генерального штаба в дипломата и администратора.

М. П. Степанов вошел в очень узкий круг людей, которые принимали решения и оказывали влияние на политику и русское присутствие на Ближнем Востоке. Должность секретаря в соответствии с Уставом общества была ключевой [Лисовой, 2005, с. 8—9]. В период пребывания в этой должности (с 1882 по 1889 годы) М. П. Степанов совместно с В. Н. Хитрово заложил основы успешного функционирования ППО, сформировал и выстроил систему управления, которая четко и слаженно работала на протяжении нескольких десятилетий [Бутова, 2023, с. 184]. В 1880-е годы М. П. Степанов занимался организационной работой по строительству таких знаковых русских объектов в Иерусалиме, как храм Святой Равноапостольной Марии Магдалины в Гефсимании, Сергиевское и Александровское подворья [Лисовой, 2005, с. 10—11]. Кроме того, М. П. Степанов организовывал первые школы для местного православного населения в Палестине, создавал систему дешевого проезда русских паломников, что обеспечило «русский паломнический бум» [Бутова, 2023, с. 184]. Через М. П. Степанова проходили и все другие дела и инициативы общества, в частности приобретение новых земельных участков [Лисовой, 2005, с. 11]. В 1889 году общество получило статус Императорского, а М. П. Степанов занял пост помощника председателя ИППО. Его руководящая и организационная роль в обществе еще более возросла в 1891 году, когда великий князь Сергей Александрович был назначен московским генерал-губернатором. Поскольку великий князь почти не имел возможности присутствовать на заседаниях Совета ИППО в Санкт-Петербурге, его функции

в соответствии с Уставом исполнял помощник председателя — тем самым нити руководства ИППО все более сходились в руках М. П. Степанова [Лисовой, 2005, с. 11; Бутова, 2023, с. 187—188]. В 1905 году, после гибели великого князя Сергея Александровича, ИППО возглавила великая княгиня Елизавета Федоровна. Она оставалась жить в Москве, а вся ее переписка по делам ИППО с Санкт-Петербургом, где находился Совет и канцелярия общества, и с Иерусалимом, где велась основная работа, осуществлялась через М. П. Степанова. Ярким примером активной организационной деятельности М. П. Степанова в поздние годы является строительство подворья ИППО в Бари (Италия) [Лисовой, 2005, с. 12; Бутова, 2023, с. 190—192]. В целом, необходимо отметить, что большая часть колоссальной работы ИППО по поддержке русских паломников, укреплению позиций православия и России на Святой Земле, организации археологических раскопок в Палестине и научных исследований в области палестиноведения проходила через М. П. Степанова. А. А. Дмитриевский, занимавший пост секретаря ИППО в 1907—1918 годы, назвал своего предшественника «всегда бодрым путеводителем и попечительным пестуном для всех усердных тружеников в Обществе» [Россия в Святой Земле, 2020, с. 222].

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Антонин (*Капустин*), архимандрит. Дневник. Год 1881 / архимандрит Антонин (Капустин) ; изд. подг. Н. Н. Лисовой, Р. Б. Бутова ; отв. ред. Я. Н. Шапов. — Москва : Индрик, 2011. — 384 с. — ISBN 978-5-91674-131-5.
2. Арсений (*Стадницкий*), митрополит. Дневник / митрополит Арсений (Стадницкий). — По материалам ГАРФ / подгот. изд. и ред. О. Н. Ефремова. — Москва : Издательство Православного Свято-Тихоновского университета, 2006. — Т. 1. — 740 с. — ISBN 5-7429-0200-X.
3. АВПРИ — *Архив* внешней политики Российской Империи ; Ф. 337/2 (РИППО). Оп. 13. Д. 79 ; Ф. 337/2 (РИППО). Оп. 873/1. Д. 1 ; Ф. 337/2 (РИППО). Оп. 873/1. Д. 291.
4. Великий Князь Сергей Александрович Романов : биографические материалы / сост. И. В. Плотнокова. — Москва : Новоспасский монастырь, 2007. — Книга 2. — 280 с. — ISBN 978-5-87389-041-5.
5. Дневник В. Н. Ламздорфа (1886—1890) / В. Н. Ламздорф. — Москва ; Ленинград : Государственное издательство, 1926. — X, 396 с.
6. Из Записок генерал-адъютанта, адмирала Дмитрия Сергеевича Арсеньева. Дневник путешествия Великих Князей Сергея и Павла Александровичей с 24-го Июля по 8-е Августа 1878 года / Д. С. Арсеньев // Русский архив. — 1910. — № 6. — С. 273—297.

7. ОР РНБ — *Отдел рукописей* Российской национальной библиотеки. Ф. 650. Оп. 2. Ед. хр. 49. Жизнеописание Великого Князя Сергея Александровича. Кн. VI (1877—1880). 189 л.
8. *Православный Палестинский сборник*. — Санкт-Петербург : Типография В. Киришаума, 1883. — Выпуск 4. — 198 с.
9. РГВИА — *Российский государственный военно-исторический архив*. Ф. 409. Оп. 1. Д. 177481. Дело об увольнении от службы состоящего при Великой Княгине Елизавете Федоровне генерала-от-кавалерии Степанова, 1917 г. П/с 155-047. 22 л.
10. *Россия в Святой Земле : документы и материалы : в 2 т. / сост. Н. Н. Лисовой*. — Москва : Международные отношения, 2000. — Т. 1. — 744 с. — ISBN 5-7133-1063-9.
11. *Россия в Святой Земле : документы и материалы : в 3 т. / сост. Н. Н. Лисовой*. — Москва : Индрик, 2020. — 744 с. — ISBN 978-5-91674-596-2.
12. *Степанов М. П.* Рушукский отряд в 1877—1878 гг. : исторический очерк / М. П. Степанов. — Санкт-Петербург : Тип. В. С. Балашева, 1888. — 66 с.
13. *Хитрово В. Н.* Собрание сочинений и писем. Из эпистолярного наследия / В. Н. Хитрово ; сост. Н. Н. Лисовой и Л. А. Герд. — Москва : ИППО ; Санкт-Петербург : Издательство Олега Абышко, 2012. — Т. 3. — 320 с. — ISBN 978-5-903525-63-8.

Литература

1. *Бутова Р. Б.* Служение до гроба : к 170-летию М. П. Степанова / Р. Б. Бутова // *Православный Палестинский сборник*. — 2023. — Выпуск 121. — С. 181—198.
2. *Великий Князь Сергей Александрович Романов на посту Председателя Императорского Православного Палестинского общества : исторический очерк*. — Москва : Новоспасский монастырь, 2009. — 160 с. — ISBN 978-5-87389-049-1.
3. *Воробьев В. М.* Первый казначей Православного Палестинского общества / В. М. Воробьев // *Вестник Тверского государственного университета. Серия «История»*. — 2017. — № 4. — С. 130—142.
4. *Воскресенская А. Ф.* Роль великого князя Сергея Александровича в развитии Императорского Православного Палестинского общества / А. Ф. Воскресенская, Д. М. Прокопьев // *Труды Барнаульской духовной семинарии*. — 2023. — № 13. — С. 42—46.
5. *Дмитриевский А. А.* Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века (1882—1907) : историческая записка / А. А. Дмитриевский // *Русские учреждения в Св. Земле до 1889 г.* — Санкт-Петербург : Типография В. Ф. Киришаума, 1907. — Выпуск 1. — VIII, 332 с.
5. *Житенёв С. Ю.* Учредители ИППО / С. Ю. Житенёв // *Энциклопедия Императорского Православного Палестинского Общества : 1882—2022 гг. 140-летию ИППО посвящается*. — Москва : Индрик, 2022. — С. 873—875. — ISBN 978-5-91674-671-6.
6. *Лисовой Н. Н.* Из истории руководства Императорского Православного Палестинского Общества : четыре Секретаря (М. П. Степанов — В. Н. Хитрово — А. П. Беляев — А. А. Дмитриевский) / Н. Н. Лисовой // *Православный Палестинский сборник*. — 2005. — Выпуск 102. — С. 6—35.
7. *Лисовой Н. Н.* Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. / Н. Н. Лисовой. — Москва : Индрик, 2006. — 512 с. — ISBN 5-85759-327-1.
8. *Лисовой Н. Н.* Императорское Православное Палестинское общество : XIX — XX — XXI века / Н. Н. Лисовой // *Отечественная история*. — 2007. — № 1. — С. 3—22.

9. Марченко А. Н., протоиерей. Рыцарь святого гроба господня : жизнь и подвиг Дмитрия Дмитриевича Смышляева (1828—1893) / протоиерей А. Н. Марченко. — Пермь ; Москва : Первый ИПХ, 2021. — 560 с. — ISBN 978-5-907439-33-7.

10. Нечаева М. Ю. Банк данных «Просопография Православного палестинского общества» : обоснование и концептуальное проектирование / М. Ю. Нечаева // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. — 2019. — № 4 (28). — С. 203—257. — DOI: 10.24411/2224-5391-2019-10408.

11. Половникова М. Ю. Императорская семья Романовых и образование Императорского Православного Палестинского общества (конец XIX в.) / М. Ю. Половникова // Приоритетные направления развития образования и науки : сборник материалов III Международной научно-практической конференции. — Чебоксары : Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2017. — С. 61—63. — ISBN 978-5-6040208-1-4.

12. Софьин Д. М. Великий князь Сергей Александрович : путь русского консерватора / Д. М. Софьин. — 2-е изд., испр. и доп. / отв. ред. А. В. Громова. — Москва : Союз Дизайн, 2021. — 304 с. — ISBN 978-5-00016-049-7.

13. Софьин Д. М. Археологические раскопки Великого Князя Сергея Александровича и М. П. Степанова в 1878 г. в Крыму / Д. М. Софьин, М. В. Софьина // Общеуниверситетская научная конференция МГУ «Ломоносовские чтения» : тезисы докладов (Севастополь, 25—27 марта 2024 года). — Севастополь : Филиал МГУ в г. Севастополе, 2024. — С. 103—105. — ISBN 978-5-907692-25-1.

14. Степашин С. В. Хитрово В. Н. как создатель Императорского Православного Палестинского общества / С. В. Степашин // Православный Палестинский сборник. — 2023. — Выпуск 122. — С. 10—15.

15. Stavrou T. G. Russian Interests in Palestine, 1882—1914 : A Study of Religious and Educational Enterprise / T. G. Stavrou. — Thessaloniki : Institute for Balkan Studies, 1963. — 249 p.

Статья поступила в редакцию 05.10.2024,
одобрена после рецензирования 27.12.2024,
подготовлена к публикации 29.01.2025.

Material resources

Arsen'yev, D. S. (1910). From the Notes of the Adjutant General, Admiral Dmitry Sergeevich Arsen'yev. Diary of the journey of Grand Dukes Sergius and Pavel Alexandrovich from July 24 to August 8, 1878. *Russian Archive*, 6: 273—297. (In Russ.).

AVPRI — *Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire*. (In Russ.).

Efremov, O. N. (ed.). (2006). *Arseny (Stadnitsky), Metropolitan. Diary. Based on the materials of the GARF, I*. Moscow: Publishing House of the Orthodox St. Tikhon's University. 740 p. ISBN 5-7429-0200—X. (In Russ.).

Grand Duke Sergei Alexandrovich Romanov: biographical materials, 2. (2007). Moscow: Novospassky Monastery. 280 p. ISBN 978-5-87389-041-5. (In Russ.).

Khitrovo, V. N. (2012). *Collected Works and Letters. From the epistolary heritage*, 3. Moscow: IOPS; St. Petersburg: Oleg Abyshko Publishing House. 320 p. ISBN 978-5-903525-63-8. (In Russ.).

Lamzdorff, V. N. (1926). *Diary of V. N. Lamzdorff (1886—1890)*. Moscow; Leningrad: State Publishing House. X, 396 p. (In Russ.).

OP RNB — *Department of Manuscripts of the Russian National Library*. (In Russ.).

- Orthodox Palestinian collection*, 4. (1883). St. Petersburg: V. Kirshbaum Printing House. 198 p. (In Russ.).
- RGVIA — *Russian State Military Historical Archive*. (In Russ.).
- Russia in the Holy Land: documents and materials: in 2 volumes, 1*. (2000). Moscow: International Relations. 744 p. ISBN 5-7133-1063-9. (In Russ.).
- Russia in the Holy Land: documents and materials: in 3 volumes*. (2020). Moscow: Indrik. 744 p. ISBN 978-5-91674-596-2. (In Russ.).
- Shchapov, Ya. N. (ed.). (2011). *Antonin (Kapustin), Archimandrite. Diary. The year 1881*. Moscow: Indrik. 384 p. ISBN 978-5-91674-131-5. (In Russ.).
- Stepanov, M. P. (1888). *The Ruschuk detachment in 1877—1878: a historical sketch*. Saint Petersburg: Type. V. S. Balasheva. 66 p. (In Russ.).

References

- Butova, R. B. (2023). Service to the grave: on the 170th anniversary of M. P. Stepanov. *Orthodox Palestinian Collection*, 121: 181—198. (In Russ.).
- Dmitrievsky, A. A. (1907). The Imperial Orthodox Palestine Society and its activities over the past quarter century (1882—1907): a historical note. In: *Russian institutions in the Holy Land before 1889, 1*. St. Petersburg: V. F. Kirshbaum Printing House. VIII, 332 p. (In Russ.).
- Grand Duke Sergei Alexandrovich Romanov as Chairman of the Imperial Orthodox Palestine Society: a historical essay*. (2009). Moscow: Novospassky Monastery. 160 p. ISBN 978-5-87389-049-1. (In Russ.).
- Lisovoy, N. N. (2005). From the history of the leadership of the Imperial Orthodox Palestine Society: four Secretaries (M. P. Stepanov — V. N. Khitrovo — A. P. Belyaev — A. A. Dmitrievsky). *Orthodox Palestinian Collection*, 102: 6—35. (In Russ.).
- Lisovoy, N. N. (2006). *The Russian spiritual and political presence in the Holy Land and the Middle East in the 19th — early 20th centuries*. Moscow: Indrik. 512 p. ISBN 5-85759-327-1. (In Russ.).
- Lisovoy, N. N. (2007). Imperial Orthodox Palestine Society : XIX — XX — XXI centuries. *Russian history*, 1: 3—22. (In Russ.).
- Marchenko, A. N. Archpriest. (2021). *The Knight of the Holy Sepulchre: the Life and Feat of Dmitry Dmitrievich Smyshlyaev (1828—1893)*. Perm; Moscow: First IPKH. 560 p. ISBN 978-5-907439-33-7. (In Russ.).
- Nechaeva, M. Y. (2019). Data bank “Prosopography of the Orthodox Palestine Society”: justification and conceptual design. *Bulletin of the Yekaterinburg Theological Seminary*, 4 (28): 203—257. DOI: 10.24411/2224-5391-2019-10408. (In Russ.).
- Polovnikova, M. Y. (2017). The Romanov Imperial family and the formation of the Imperial Orthodox Palestine Society (the end of the 19th century). In: *Priority areas for the development of education and science: a collection of materials of the III International Scientific and Practical Conference*. Cheboksary: Interactive Plus Center for Scientific Cooperation. 61—63. ISBN 978-5-6040208-1-4. (In Russ.).
- Sofjin, D. M. (2021). *Grand Duke Sergei Alexandrovich: the Path of the Russian Conservative*. Moscow: Soyuz Design. 304 p. ISBN 978-5-00016-049-7. (In Russ.).
- Sofjin, D. M., Sofjina, M. V. (2024). Archaeological excavations of Grand Duke Sergiy Alexandrovich and M. P. Stepanov in 1878 in the Crimea. In: *University-wide Scientific Conference of Moscow State University “Lomonosov Readings”: abstracts (Sevastopol, 25—27 March 2024)*. Sevastopol: Moscow State University Branch in Sevastopol. 103—105. ISBN 978-5-907692-25-1. (In Russ.).

- Stavrou, T. G. (1963). *Russian Interests in Palestine, 1882—1914: A Study of Religious and Educational Enterprise*. Thessaloniki: Institute for Balkan Studies. 249 p.
- Stepashin, S. V. (2023). Khitrovo, V. N. as the creator of the Imperial Orthodox Palestine Society. *Orthodox Palestinian Collection*, 122: 10—15. (In Russ.).
- Vorobyov, V. M. (2017). The first Treasurer of the Orthodox Palestine Society. *Bulletin of Tver State University. The "History" series*, 4: 130—142. (In Russ.).
- Voskresenskaya, A. F., Prokopyev, D. M. (2023). The role of Grand Duke Sergei Alexandrovich in the development of the Imperial Orthodox Palestine Society. *Proceedings of the Barnaul Theological Seminary*, 13: 42—46. (In Russ.).
- Zhitenev, S. Y. (2022). The founders of the IOPS. In: *Encyclopedia of the Imperial Orthodox Palestine Society: 1882—2022. dedicated to the 140th anniversary of the IOPS*. Moscow: Indrik Publ. 873—875. ISBN 978-5-91674-671-6. (In Russ.).

*The article was submitted 05.10.2024;
approved after reviewing 27.12.2024;
accepted for publication 29.01.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(1), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Татаров А. А. Государство и исламские праздники в Кабардино-Балкарии : прошлое и настоящее / А. А. Татаров // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 1. — С. 547—563. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-547-563.

Tatarov, A. A. (2025). State and Islamic Holidays in Kabardino-Balkaria: Past and Present. *Nauchnyi dialog*, 14 (1): 547-563. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-547-563. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Государство и исламские праздники в Кабардино-Балкарии: прошлое и настоящее

Татаров Азамат Амурович^{1,2}
orcid.org/0000-0003-3626-3913
кандидат исторических наук,
доцент кафедры всеобщей истории
traveller9090@mail.ru

¹ Кабардино-Балкарский научный центр
Российской академии наук
(Нальчик, Россия)

² Кабардино-Балкарский
государственный университет
им. Х. М. Бербекова
(Нальчик, Россия)

State and Islamic Holidays in Kabardino-Balkaria: Past and Present

Azamat A. Tatarov^{1,2}
orcid.org/0000-0003-3626-3913
PhD in History, Associate Professor,
Department of General History
traveller9090@mail.ru

¹ Kabardian-Balkarian Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences
(Nalchik, Russia)

² Kabardino-Balkarian
State University
named after H. M. Berbekov
(Nalchik, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

На примере Кабардино-Балкарии и на базе архивных и опубликованных данных предпринят исторический анализ государственной политики России в отношении исламских праздников на протяжении последнего столетия. Автор выделяет фактор исторического наследия, которое сформировалось в советскую эпоху. Сообщается, что в 1920-х годах исламские праздники в Кабардино-Балкарии впервые получили статус нерабочих дней. Уделено внимание периоду деятельности уполномоченных Совета по делам религиозных культов и Совета по делам религий в 1940—1980-х годах. Благодаря отчетным документам в оборот вводятся данные о тактике властей, а также количестве участников, местах проведения, гендерном составе мусульман, соблюдавших пост и участвовавших в коллективном проведении праздников. Утверждается, что для мусульман советской Кабардино-Балкарии праздники Ураза-байрам и Курбан-байрам стали институтами сохранения религиозных обрядов в условиях жесткого секуляризма. Рассмотрен период исламского возрождения в постсоветский период, в ходе которого праздники вернули себе статус нерабочих дней регионального уровня. Показано, что органы власти и местного самоуправления, политические акторы активно включаются в организацию праздников с точки зрения политики идентичности и обеспечения рамок проведения общественных мероприятий.

Ключевые слова:

исламские праздники; Кабардино-Балкария; государственная политика; десекуляризация; реисламизация; конфессиональная политика.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article presents a historical analysis of the Russian government's policies regarding Islamic holidays over the past century, focusing on the case of Kabardino-Balkaria. Drawing on archival and published data, the author highlights the influence of historical legacies established during the Soviet era. It is noted that in the 1920s, Islamic holidays in Kabardino-Balkaria were officially recognized as non-working days for the first time. The study pays particular attention to the activities of the Council for Religious Affairs and the Council for Religious Cults during the 1940s to 1980s. Utilizing reporting documents, it introduces data on governmental tactics, as well as information regarding the number of participants, venues, and the gender composition of Muslims who observed fasting and engaged in communal celebrations. The article argues that for Muslims in Soviet Kabardino-Balkaria, the holidays of Uraza-Bayram and Kurban-Bayram became institutions for preserving religious practices amidst stringent secularism. Additionally, it examines the period of Islamic revival in the post-Soviet era, during which these holidays regained their status as regional non-working days. The findings demonstrate that government authorities and local self-governance bodies, along with political actors, actively participate in organizing these celebrations within the framework of identity politics and the regulation of public events.

Key words:

Islamic holidays; Kabardino-Balkaria; state policy; dесеcularization; re-Islamization; confessional policy.

Государство и исламские праздники в Кабардино-Балкарии: прошлое и настоящее

© Татаров А. А., 2025

1. Введение = Introduction

В последние десятилетия традиционно стабильные институты играют важную роль в политике идентичности и легитимации российского государства на региональном уровне. К числу таких институтов относятся исламские праздники, характеризующиеся значительным интеграционным потенциалом. Многие принципы современной государственной политики в отношении исламских праздников были выработаны в годы советской власти: официальный нерабочий статус, определение физического пространства для празднования, вовлечение органов местной власти, определение ключевых дат духовными управлениями и др.

С учетом формального запрета исламских праздников с 1930-х годов советские авторы определяли их как неприемлемые и даже враждебные институты. К примеру, при оценке коллаборационизма в оккупированных немцами областях Северного Кавказа ряд историков указали на антисоветский характер проведения Ураза-байрам (праздник разговения) и Курбан-байрам (праздник жертвоприношения) в октябре и декабре 1942 года [Попутько и др., 1982, с. 289; Чекисты ..., 1987, с. 102].

С возвращением религии в публичное пространство отечественные исследователи с разной степенью подробности рассматривают прошлое и современность исламских праздников на примере регионов с точки зрения развития идентичности [Аккиева, 2010; Аккиева 2019, Бабич, 2003; Бабич и др., 2003; Малащенко, 2019; Маликов, 2011; Назукина 2011]. Однако историко-политическое измерение праздников мусульман остается практически неизученным объектом.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В данной статье исламские праздники рассматриваются в контексте государственной политики на примере истории Кабардино-Балкарии. Результаты исследования приведены в трех разделах. В первом разделе рассмотрена ранняя советская политика, которая прошла путь от предоставления вре-

менных свобод мусульманам до жесткого секуляризма. Второй раздел посвящен периоду 1940—1980-х годов, когда участие мусульман в исламских праздниках стало объектом мониторинга и политики властей, стремившихся постепенно снизить уровень религиозности населения. Третий раздел охватывает постсоветский период, когда процесс возрождения религии снял прежние ограничения роли исламских праздников в публичном пространстве, повысив их общественную и политическую значимость.

Источниковая база исследования включает исторические документы и электронные ресурсы. Советский этап истории реконструируется на основе документов из Управления Центрального Государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской республики (УЦГА АС КБР). Информация о мероприятиях коллаборационистской администрации в оккупированной нацистами Кабардино-Балкарии по случаю Курбан-байрам в декабре 1942 года раскрыта в документах фонда Р-290. Материалы фонда Р-780 охватывают период после Великой Отечественной войны, когда вопросы взаимодействия с мусульманскими общинами находились в ведении Совета по делам религиозных культов (СпДРК) (с 1965 года — Совета по делам религий (СпДР)) и его региональных уполномоченных. В документах зафиксированы такие показатели, как (1) количество участников исламских праздников в отдельных населенных пунктах, в зарегистрированных и незарегистрированных общинах; (2) численность принесенного в жертву скота, (3) строгость соблюдения религиозного поста и т. д.

Опубликованные документы дополняют картину, охватывая 1920—1930-е годы и поздний советский период. Наконец, электронные ресурсы позволяют оценить место исламских праздников в современной конфессиональной политике.

Автор придерживается принципов историзма и объективности и использует историко-генетический метод, на основе которого прослеживаются характеристики и динамика политики государства в отношении исламских праздников.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Между институтом легитимации и формальным запретом: 1920—1930-е годы

Ранняя советская политика не исключала экспериментальные методы в национальных регионах для повышения легитимности новой власти. В таких условиях исламские праздники изначально не воспринимались как прямая угроза государства. Несмотря на сгущающиеся тучи над публичной свободой религии, региональные власти предоставляли мусульманам официальные выходные дни. В Кодексах законов о труде РСФСР 1918 года и

1922 года помимо общегосударственных праздников допускалась возможность введения в регионах до 10 нерабочих дней с учетом местных условий. Так, согласно приказу ЦИК Кабардино-Балкарской АО от 25 июня 1925 года на празднование Курбан-байрам определялось два нерабочих дня для государственных и общественных организаций [Религии ..., 2008, с. 76].

Переход к индустриализации и коллективизации положил конец не долго длившимся формальным возможностям мусульман держать пост в священный месяц Рамадан и открыто праздновать Ураза-байрам и Курбан-байрам. Показательными стали события в сел. Карагач в июне 1931 года. На фоне закрытия мечетей и борьбы с мусульманским духовенством празднование Курбан-байрам жителями селения вылилось, в трактовке властей, в «массовое антисоветское выступление» [Там же, с. 78].

Советские и партийные органы считали религиозные праздники и соблюдение поста «отсталыми пережитками», мешающими процессу модернизации. Тем не менее эти институты сохранили устойчивость, компенсируя ограничения регулярных обрядов. Во многом благодаря этому «внемечетные», иными словами, регулярно не молящиеся мусульмане поддерживали определенный уровень своей религиозной идентичности.

3.2. Создание и развитие системы государственного мониторинга исламских праздников и поста Рамадан: середина 1940-х — 1980-е годы

Важную роль в переходе к новому этапу государственно-конфессиональных отношений сыграли годы Великой Отечественной войны. Нацистская оккупация Кабардино-Балкарии 1942—1943 годов продлилась от пяти до двух месяцев в зависимости от района. Но за этот короткий период состоялась интенсивная десекуляризация «снизу». Население воспользовалось падением антирелигиозных институтов в зоне оккупации, а духовные лица возобновили прежде запрещенную деятельность. Этому не мешали немцы, пытавшиеся не упустить шанс использовать политические технологии в период празднования Курбан-байрам в Нальнике в декабре 1942 года. Подготовительные мероприятия сопровождалась сбором «пожертвований» для оккупационных войск и даже форсированным восстановлением религиозных институтов. Так, 16 декабря 1942 года коллаборационистская администрация Нальчикского района получила приказ об обязательном наличии мулл в каждом селении в день праздника [УЦГА АС КБР, ф. Р-290, оп. 1, ед. хр. 6, л. 6]. Прибывшая в Нальчик немецкая делегация организовала политическую повестку, суть которой сводилась к идее поддержки свободы религии со стороны Германии и критике советского порядка.

Ситуация после оккупации показала результаты кратковременного возрождения религии. Если к началу войны в Кабардино-Балкарии офи-

циально были закрыты все молитвенные дома, то теперь в каждом национальном селении находилась как минимум одна действующая мечеть. Последствия кратковременной десекуляризации сказались на популярности исламских праздников. В 1946 году власти зафиксировали, что в 10 селениях в ходе празднования Курбан-байрам было забито 50—60 голов крупного и 100—115 голов мелкого рогатого скота [Религии ..., с. 87].

Еще до завершения Великой Отечественной войны советская власть переходит к обновленной политике в отношении религии, в том числе ислама. В 1944 году создается Духовное управление мусульман (ДУМ) Северного Кавказа, а также СпДРК / СпДР при советском правительстве. Появление этих структур свидетельствовало о стремлении взять под контроль процесс незапланированного религиозного возрождения. С другой стороны, требовался ответ на политику нацистской Германии, которая стремилась настроить против СССР мусульман, в том числе северокавказских горцев.

Новая политика подразумевала регистрацию религиозных общин и духовных лиц и сбор данных региональными уполномоченными СпДРК. Помимо общих квартальных отчетов уполномоченные готовили специальные справки по прошедшим праздникам. Критерии мониторинга постепенно расширялись. Так, в декабре 1946 года для сбора сведений о ходе празднования Курбан-байрам уполномоченный по Кабардинской АССР (создана в 1944 году после депортации балкарского народа) должен был учитывать следующие критерии: возрастной и половой состав участников; место массовых молитвенных собраний; количество забитого скота; реализация шкур жертвенного скота; изменение цен на мясо; влияние праздника на производство и дисциплину труда [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 5 а., л. 57—57 об.]. В 1949 году к ключевым пунктам собираемой информации по посту Рамадан, Ураза-байрам и Курбан-байрам добавилась статистика массовых намазов в зонах без зарегистрированных мечетей, а в 1950 году — сведения о прямо или косвенно причастных к празднику коммунистах и комсомольцах [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 5, л. 24—25].

В эти годы готовились развернутые данные по посещаемости мечетей в селениях, населённых преимущественно кабардинцами. Средний уровень посещения мечетей в праздничные дни возрастал по меньшей мере в пять раз в сравнении с буднями. Процент участников праздников от местного населения был разным — к примеру, в сел. Верхний Куркужин он заметно превышал показатели по сел. Каменномостское, Кызбырун II и Шалушка (табл. 1).

В середине 1950-х годов в условиях начала новой волны антирелигиозной кампании в республике заметно усиливается бюрократический контроль над сферой религии. К сбору данных по исламским праздникам

Таблица 1

Посещаемость мечетей в отдельных селениях Кабардинской АССР
на начало 1950-х годов *

Место расположения мечети	Посещение мечети		
	Будни	Пятница	Праздники
Сел. Заюково (5959/7366) **	25—35	50—60	200—250
Сел. Кызбырун II (5144/7243)	20—25	35—40	150—200
Сел. Баксаненок (—/4752)	—	15-20	50—60
Сел. Каменноостское (5536/5526)	—	—	50—60
Сел. Верхний Куркужин (—/3748)	25—30	35—45	150—170
Сел. Нижний Куркужин (—/3937)	20—25	30—35	100—120
Сел. Шалушка (—/4920)	10—15	15—20	50—70

* Составлено по: [УЦГА АС КБР, ф. 780, оп. 1, ед. хр. 54 а, л. 79; Население ...].

** В скобках приводятся доступные данные переписей жителей селений в 1939 и 1970 годах, в которых кабардинцы составляли большинство жителей (свыше 90 %, кроме сел. Шалушка — свыше 80 %).

подключились районные власти. Усилилось внимание к мусульманскому посту. В апреле 1955 года накануне месяца Рамадан Совет Министров Кабардинской АССР разослал райсоветам депутатов трудящихся пояснительные записки. Помимо сбора информации на первый план вышла массово-разъяснительная работа с задействованием библиотек и прессы. Муниципальным властям предписывали противодействовать использованию верующими бывших зданий мечетей и пустующих помещений для совершения коллективных молитв. После Ураза-байрам председатели райсоветов и райисполкомов направляли развернутые отчетные справки в Совет Министров Кабардинской АССР. Убеждение населения во «вредности поста ... для жизни и здоровья» строилось на положениях об ущербе весенне-полевым работам и том, что из-за него «резко увеличится заболеваемость и потеря трудоспособности значительной части колхозников» [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 89, л. 5].

Повысилась детальность информации об отдельных хозяйственных объектах и гендерном контексте. Выяснилось, что в период месяца Рамадан (23 апреля — 23 мая 1955 года) в нальчикской артели «Горянка» из 160 кабардинок в возрасте от 17 до 55—60 лет большая часть держала пост в первый день. Ситуация начала меняться после регулярного проведения разъяснительных бесед и антирелигиозных лекций во время обеденных перерывов, и к концу Рамадана осталось лишь две постящиеся девушки. На швейной фабрике Налчика из 188 девушек-кабардинок полный месяц-

ный пост соблюдали 11 чел. В городской кондитерской фабрике постящихся не выявили. Уполномоченный СпДРК по Кабардинской АССР Л. Аисов сделал выводы о том, что среди кабардинок на указанных объектах уровень соблюдения поста снизился в сравнении с 1953 и 1954 годами [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 89, л. 15—16].

Убежденность в снижении публичного влияния мусульманских праздников и поста присутствовала и в других в отчетных документах за 1955 год. К примеру, и.о. председателя Нагорного райисполкома отмечал, что «[в] отличие от прошлых лет массовый намаз ... во время праздника “ураза-байрам” во всех населенных пунктах района в этом году не проводился ни на кладбищах, ни в помещениях» [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 89, л. 20]. В Кубинском районе пост соблюдали «только старики, которые по возрасту не были связаны с сельскохозяйственными работами в колхозах» [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 89, л. 24].

В отчете по Чегемскому району подчеркивалось, что причиной такой обстановки было соблюдение поста в скрытой форме без общественных молитв, которые, впрочем, проводились в домах колхозников. В течение месяца Рамадан в районе прочитали 11 лекций на антирелигиозные темы. Кроме того, в выпуске местной газеты от 9 мая 1955 года вышла статья «Почему я не соблюдаю пост “Ураза”?», написанная 79-летним стариком, который постился до революции 1917 года [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 89, л. 22—23].

В преддверии праздника Курбан-байрам (30 июля 1955 года) в районы поступали схожие с вышеобозначенными инструкции, к которым добавилось «недопущение фактов убоя колхозного скота» [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 89, л. 29]. Тем не менее отчетные данные по пяти селам с зарегистрированными мечетями показали случаи массовых намазов в течение трех дней с участием преимущественно лиц преклонного возраста. По 200—250 участников праздника зафиксировали в сел. Заюково и Нижний Куркужин. Для того чтобы отговорить жителей от участия в празднике, власти задействовали кинопередвижки [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 90, л. 20—21].

С возвращением балкарцев из мест депортации в 1957 году численность зарегистрированных мусульманских общин не увеличилась. Но незарегистрированных служителей ислама оказалось по меньшей мере в четыре раза больше, чем официальных [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 112, л. 33]. Они были зафиксированы теперь в некоторых балкарских селениях (Гунделен, Яникой, Советское и др.). К тому же времени сложилась статистика, свидетельствующая о заметном росте публичного значения религиозных праздников среди мусульман (табл. 2).

Таблица 2

Участие мусульман в богослужениях *

Посещения молитвенного дома	1953 г.	1954 г.	1955 г.	1956 г.	1957 г.
Будни	10—15	10—5	20—25	45—50	45—50
Пятница	25—30	25—30	35—45	50—60	80—100
Праздники	70—80	80—90	100—150	150—200	250—350

* Составлено по: [УЦГА АС КБР, ф. 780, оп. 1, ед. хр. 112, л. 34].

В сел. Кызбырун II и Заюково численность посетителей мечетей в годовые праздники увеличилась со средних 100—150 чел. в 1956 году до 200—250 чел. в 1959 году [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 116, л. 25]. В 1958 году в ходе празднования Курбан-байрам по Кабардино-Балкарии было забито около 5 тыс. голов мелкого рогатого скота. Такая неблагоприятная для властей статистика была, по мнению уполномоченного Л. Аисова, связана с неэффективной научно-атеистической пропагандой и грубым административным вмешательством [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 116, л. 33]. В 1959 году численность принесенного в жертву мелкого рогатого скота по Кабардино-Балкарии составила 10 тыс. голов [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 122, л. 5], в 1960 году — 12 тыс. голов [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 122, л. 37], в 1961 году — 8 тыс. голов [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 116, л. 93], в 1963 году — 8 тыс. голов [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 122, л. 73]. Ежегодной практикой стала сдача шкур забитого скота в республиканский Потребсоюз.

Несмотря на отсутствие официального признания праздников, дни Ураза-байрам и Курбан-байрам, начала и завершения поста устанавливались с санкции ДУМ Северного Кавказа. К примеру, в 1959 году ДУМ официально уведомил кади (духовного судью) Кабардино-Балкарской АССР о начале месяца Рамадан 11 марта. Однако разнобоя дат избежать не удалось, так как некоторые верующие начали поститься уже 9 марта [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 116, л. 37].

В 1958—1960 годах снизилось число официальных обращений с прошениями об открытии общин и одновременно усилился интерес властей к положению в селениях без зарегистрированных мусульманских обществ и мулл. Последние выходили из правового поля, чтобы избежать уплаты подоходного налога, но при этом продолжали влиять на определение локальных дат праздников и начала поста. В таких населённых пунктах фиксировались коллективные намазы при участии 80—100 верующих. Наблюдалась еще большие скопления людей, как, к примеру, 400 чел. (свыше

10 % от всех жителей-мусульман) в сел. Алтуд и 300 чел. (более 5 %) в сел. Гунделен во время Курбан-байрам в 1959 году [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 122, л. 4—5]. В 1960 году в ряде селений были выявлены факты соблюдения поста ученицами 8—10 классов и случаи порицания непостоящей молодежи со стороны пожилых жителей [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 116, л. 98].

Попытки влиять на незарегистрированные общины с помощью санкционирования собраний с получением разрешения местных органов власти привели к обратному эффекту: с конца 1950-х годов верующие стали реже обращаться за разрешением на общественные намазы. В 1960 году уполномоченный Л. Аисов отмечал, что в ответ на просьбу представителей незарегистрированных общин разрешить проведение коллективных вечерних намазов в период поста он разъяснил, что «организованное проведение молитв при отсутствии молитвенного дома проводить не следует» [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 122, л. 22].

Отчеты по 1960-м годам свидетельствовали о периодическом снижении числа участников коллективных молитв. Так, в сел. Кызбырун II и Заюково, входивших в число лидеров по масштабам прохождения праздников, общественные намазы во время празднования Ураза-байрам в 1965 году посетили примерно 100 чел., в то время как в сел. Чегем II, Псыгансу, Гунделен, Баксаненок, Нартан и др. — 15—50 чел. Меньшие по численности группы верующих молились в кладбищенских сторожках. Примечательно, что к этим местам было подключено электричество, и в некоторых случаях «с помощью местных руководителей колхозов» [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 2, ед. хр. 19, л. 9—10]. Также анализ документов показывает продолжение снижения числа жертвенного скота по республике — 5 тыс. голов в 1965 году [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 2, ед. хр. 19, л. 11] и 4 тыс. голов в 1966 году [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 2, ед. хр. 31, л. 32].

Для проведения работы с населением в период религиозного поста Рамадан уполномоченный Л. Аисов посещал различные населенные пункты. В январе-феврале 1964 года он совершил три выезда в районы для бесед с работниками сельских советов в 10 населенных пунктах [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 122, л. 109]. Согласно официальным данным, незарегистрированные мечети «закрывались» на собраниях жителей села, а их посещение поступательно снижалось. В селениях без зарегистрированных общин местом сбора верующих, как и прежде, были кладбища. Так, в 1964 году в сел. Аргудан около 50 чел. собрались на кладбище под открытым небом, несмотря на февральский холод [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 122, л. 110].

Относительно зарегистрированных общин Кабардино-Балкарии (ноябрь 1963 года) уполномоченный Л. Аисов отмечал, что посещаемость

5 официальных мечетей снижается, так как их здания годами не ремонтируются, зимой не отапливаются, и «мало остается людей, умеющих делать намаз» [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 122, л. 88].

Вместе с тем в отчетах уполномоченного Л. Аисова указывалось на сохранение некоторых тенденций. Так, в 1960 году он отметил, что в национальных селах пост Рамадан соблюдался большинством жителей в возрасте 35—40 лет и старше, в особенности женщинами [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 122, л. 24]. Помимо 5 мусульманских (Кызбырун-II, Заюково, Нижний и Верхний Куркужин, Шалушка) в республике было как минимум 6 крупных незарегистрированных групп мусульман [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 122, л. 12]. Наблюдался высокий уровень соблюдения обрядов. Во втором полугодии 1959 года в 6 населённых пунктах Чегемского района из 116 зарегистрированных смертей в 110 случаях похороны были проведены при участии мулл; на 271 зарегистрированный брак пришлось 260 процедур никаха (религиозного брака), проведенных священнослужителями [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 122, л. 30]. На 1963 год были выявлены в качестве незарегистрированных 73 муллы и 31 мусульманская община [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 122, л. 67].

В таких условиях, если не считать отдельные случаи, решительных изменений в уровне популярности праздников не наблюдалось. В мае 1963 года в ходе празднования Курбан-байрам в селениях с зарегистрированными мечетями в молитвах участвовало от 60 до 200 чел. Примерно таким же было положение в незарегистрированных общинах. В сел. Вольный аул собралось около 200 верующих, в сел. Урвань — 100 чел., в сел. Кызбырун-I — 70 чел., в сел. Лечинкай — 50 чел. Наибольшее число жертвоприношений было зафиксировано в Баксанском и Зольском районах. Так, в сел. Баксаненок скот резали в 600 дворах из общих 850 [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 122, л. 73]. В 1966 году впервые было подсчитано общее число участников общественного намаза на празднование Курбан-байрам по всей республике — 55 мул и 1200—1500 верующих, в том числе женщин, которые молились отдельно от мужчин [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 2, ед. хр. 31, л. 32].

К началу 1970-х годов произошли перемены в борьбе с религией и соблюдением законодательства с повышением участия органов внутренних дел и госбезопасности. Отчеты по Кабардино-Балкарии стали еще более детальными и содержали информацию по сборам денег и раздаче продуктов питания в период праздников. При этом официальные сведения были зачастую наполнены идеей новых успехов в борьбе с религией. Так, в отчете уполномоченного СпДР по Кабардино-Балкарии о праздновании Курбан-байрам за 1970 год отмечалось, что в селениях без зарегистрированных

мечетей не было общественных молитв на кладбищах и верующие собирались в домах по 10—15 чел. При этом отмечалось, что в 6 из 10 случаев забой скота является больше традицией «с учетом общественного мнения» [Религии ..., 2008, с. 102]. А по информации от Терского райисполкома во всем районе «в отличие от прошлых лет проведения религиозного праздника ... в 1970 году не наблюдалось» [Религии ..., 2008, с. 103].

Документы демонстрировали сокращение поступлений в зарегистрированные мусульманские общины — с 10 000 руб. до 1100 руб. в 1968—1974 годы [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 2, ед. хр. 29, л. 17, 26, 34, 43, 50, 72, 84].

Однако фиксируемое снижение числа участников общественных молитв в дни праздников и в целом роли религиозных институтов скрывало действительное положение. Последние годы советской эпохи были отмечены не только всплеском этнической мобилизации в Кабардино-Балкарии и соседних регионах, в это время были заложены предпосылки религиозного возрождения. Старая система ДУМ Северного Кавказа и региональных кади сменилась утверждением республиканских духовных управлений. Начало работы ДУМ Кабардино-Балкарии в 1990 году совпало с возвращением статуса нерабочих дней для Ураза-байрам и Курбан-байрам.

3.3. Постсоветская десекуляризация и место исламских праздников в государственно-конфессиональных отношениях

Последние три десятилетия демонстрируют процесс десекуляризации «снизу» (рост влияния религиозных обрядов в повседневности и проникновение религии в публичное пространство) и «сверху» (вовлечение политических организаций и акторов в религиозную повестку). Наличие опубликованных данных позволяет выделить несколько тенденций относительно исламских праздников.

Ураза-байрам и Курбан-байрам получили статус выходных дней в мусульманских регионах Северного Кавказа. При этом новые духовные управления стали не только региональными инстанциями определения праздничных дат (по лунному календарю), но и посредниками при реализации политических мер. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что в условиях эпидемиологической опасности из-за инфекции коронавируса ДУМ Кабардино-Балкарии призвало население воздерживаться от массовых собраний в дни исламских праздников.

По сложившейся в постсоветский период практике указы глав регионов в соответствии с обращением духовных управлений утверждают длительность исламских праздников. Однако наблюдается тенденция различий этих практик в населенных мусульманами республиках Северного Кавказа (табл. 3).

Таблица 3

Количество дней празднования Ураза-байрам и Курбан-байрам
в различных регионах Северного Кавказа в 2023 году
(на основе открытых данных)

Праздники	Адыгея	КЧР	КБР	Ингушетия	Чечня	Дагестан
Ураза-байрам	1 день 21 апреля	1 день 21 апреля	1 день 21 апреля	3 дня 20— 22 апреля	3 дня 20— 22 апреля	2 дня 20— 21 апреля
Курбан-байрам	1 день 28 июня	1 день 28 июня	1 день 28 июня	3 дня 28— 30 июня	5 дней 28 июня— 2 июля	3 дня 28— 30 июня

Наиболее сложный период работы ДУМ Кабардино-Балкарии пришелся на 2000-е годы. В условиях развития новых тенденций в республике среди молодежи появлялись сторонники фундаментальных идей и участники различных исламских организаций, в том числе с оппозиционными стремлениями. Это обусловило вовлечение праздников в конфликтное поле. В ноябре 2004 года группы так называемых «молодых мусульман» численностью около 1500 чел. демонстративно праздновали Ураза-байрам за день до даты, предложенной ДУМ [Религии ..., 2008, с. 150].

Несмотря на этот кейс в последующие годы исламские праздники все отчетливее выступали в качестве поля согласия и интеграции. Вовлеченность политических акторов в работу ДУМ и общественных организаций стала привычным явлением. При поддержке органов власти и местного самоуправления ежегодно организуются развлекательные мероприятия для детей, раздача угощений после завершения поста Рамадан, встречи населения с чиновниками и другие публичные действия.

Различные ведомства, политические акторы федерального и регионального уровней выступают с поздравлениями мусульман по случаю ключевых мероприятий религиозного календаря — начало месяца поста, Ураза-байрам и Курбан-байрам. В ряде случаев это сопровождается непосредственным участием политиков в мероприятиях. Так, в октябре 2012 года глава Кабардино-Балкарии А. Б. Канокوف посетил соборную мечеть Нальчика и выделил 600 тыс. руб. из личного фонда на закупку жертвенного скота [Арсен Канокوف ..., 2012].

В дни празднования Курбан-байрам органы местного самоуправления формируют планы по организации мест для забоя скота в соответствии с федеральным законодательством («Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации», «О свободе совести и

о религиозных объединениях») и ежегодными указами главы Кабардино-Балкарии об установлении региональных выходных дней. В частности, в июне 2023 года администрация Нальчика заблаговременно утвердила порядок по вопросам транспорта, санитарных норм, охраны, освещения мероприятий во время празднования Курбан-байрам [План мероприятий ..., 2023].

Еще одна тенденция связана с формированием общественных практик, которые утверждают межнациональный и межконфессиональный баланс. В частности, в Кабардино-Балкарии это утверждается за счет симметричных решений, дающих статус официальных нерабочих дней датам памяти и возрождения в истории кабардинского и балкарского народов [Прасолов, 2017, с. 70]. В апреле 2023 года в республике симметрия в контексте этничности впервые перешла в сферу религии: христианский день поминовения, Радоница, был объявлен нерабочим днем спустя несколько дней после Ураза-байрам.

4. Заключение = Conclusions

Необычно либеральная позиция в отношении ислама на заре советской эпохи связана с экспериментальными попытками властей интегрировать идеи шариатского суда или института закята (сбора милостыни). Однако именно вопрос об исламских праздниках, которым временно был предоставлен статус нерабочих дней, являлся наиболее публичным проявлением конфессиональной политики в Кабардино-Балкарии.

Влияние Великой Отечественной войны выразилось в замене жестких санкций на более широкий спектр действий в отношении исламских праздников, включая как строгие административные меры, так и мониторинг. Последний стал возможен и благодаря новым институциональным возможностям, ежеквартальному сбору информации и ведению статистики в ходе работы Совета по делам религиозных культов / Совета по делам религий и региональных представительств. Искоренение религии превратилось в более долгосрочную задачу, а собранные данные должны были регулярно демонстрировать динамику положения религии и ее публичного влияния.

Постепенно усилилось внимание властей к незарегистрированным общинам. Характерно, что отчетные данные демонстрировали как «живучесть» религиозных институтов, в особенности исламских праздников, так и их ослабление. Это служило страховкой для региональных властей, которые должны были отправлять в Москву «нужные» показатели.

Период жесткого секуляризма 1920—1980 годов не искоренил важного общественного значения исламских праздников. Последние стали не только маркером активной реисламизации за прошедшие три десятилетия, но и объектом повышающегося интереса органов власти. Наблюдается рост

административного обеспечения и публичного участия политических акторов в организации и проведении мероприятий. Подобная политика тесно связана с обеспечением мира, стабильности и интеграции в таком много-составном регионе, как Кабардино-Балкария.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Арсен* Каноков отпраздновал Курбан-байрам в Соборной мечети Нальчика [Электронный ресурс]. — 30 октября 2012. — Режим доступа : <https://dumrf.ru/common/regnews/5212> (дата обращения 24.08.2024).
2. *Население* Кабардино-Балкарии [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://ethno-kavkaz.narod.ru/rmkbr.html> (дата обращения: 26.08.2024).
3. *План мероприятий* по проведению ритуала жертвоприношения и реализации жертвенного скота в связи с празднованием Курбан-байрама [Электронный ресурс]. — 27 июня 2023. — Режим доступа : <https://admnalchik.ru/wp-content/uploads/2023/06/kurban-bajram-23-26.06.2023.pdf> (дата обращения 02.09.2024).
4. *Религии и государственно-конфессиональные отношения в современной Кабардино-Балкарии* : сборник документов и материалов / под ред. А. Х. Карова. — Нальчик : Эль-Фа, 2008. — 562 с. — ISBN 978-5-88195-855-8.
5. УЦГА АС КБР — *Управление* Центрального Государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской республики. Ф. Р-290. (Коллекция печатных материалов, издававшихся в период временной оккупации Кабардино-Балкарии фашистскими захватчиками) Оп. 1. Д. 6. Л. 6 ; Ф. Р-780 (Уполномоченный совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по КБАССР) Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 24—25 ; Оп. 1. Ед. хр. 5 а. Л. 57—57 об. ; Оп. 1. Ед. хр. 89. Л. 5, 15—16, 20, 22—23, 24, 29 ; Оп. 1. Ед. хр. 90. Л. 20—21 ; Оп. 1. Ед. хр. 112. Л. 33 ; Оп. 1. Ед. хр. 116. Л. 25, 33, 37, 93, 98 ; Оп. 1. Ед. хр. 122. Л. 4—5, 12, 22, 24, 30, 37, 67, 73, 88, 109, 110 ; Оп. 2. Ед. хр. 19. Л. 9—10, 11 ; Оп. 2. Ед. хр. 29. Л. 17, 26, 34, 43, 50, 72, 84 ; Оп. 2. Ед. хр. 31. Л. 32.

Литература

1. *Аккиева С. И.* Ислам в Кабардино-Балкарской республике / С. И. Аккиева // *Россия и мусульманский мир*. — 2010. — № 11. — С. 66—76.
2. *Аккиева С. И.* Современная праздничная культура народов Кабардино-Балкарии / С. И. Аккиева // *Colloquium-journal*. — 2019. — № 25—6 (49). — С. 14—17.
3. *Бабич И.* Современные исламские общины в Кабардино-Балкарии / И. Бабич // *Россия и мусульманский мир*. — 2003. — № 7. — С. 48—61.
4. *Бабич И.* Исламское возрождение в современной Кабардино-Балкарии: перспективы и последствия / И. Бабич, А. Ярлыкапов. — Москва : Типография Российской Государственной библиотеки, 2003. — 143 с.
5. *Малашенко А. В.* Ислам : век XXI / А. В. Малашенко. — Москва : Институт Ближнего Востока, 2019. — 230 с. — ISBN 978-5-89394-302-3.
6. *Маликов Р. И.* Религиозные праздники татар-мусульман Казанской губернии в конце XIX — начале XX в. / Р. И. Маликов // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. — 2011. — № 2 (5). — С. 60—63.

7. Назукина М. Исламские праздники как механизм конструирования региональной идентичности в России (на примере Чечни) / М. Назукина // Россия и мусульманский мир. — 2011. — № 9. — С. 36—42.

8. Попутько А. Л. Именем ВЧК / А. Л. Попутько, Ю. Н. Христинин. — Ставрополь : Книжное издательство, 1982. — 319 с.

9. Прасолов Д. Н. Коммеморативные практики в современной Кабардино-Балкарии / Д. Н. Прасолов // Неприкосновенный запас. — 2017. — № 2 (112). — С. 67—82.

10. Чекисты Кабардино-Балкарии / гл. ред. А. Ж. Губашиев. — Нальчик : Эльбрус, 1987. — 228 с.

Статья поступила в редакцию 19.09.2024,
одобрена после рецензирования 05.12.2024,
подготовлена к публикации 29.01.2025.

Material resources

Action plan for the ritual of sacrifice and sale of sacrificial cattle in connection with the celebration of Eid al-Adha. (2023). Available at: <https://admnalchik.ru/wp-content/uploads/2023/06/kurban-bajram-23-26.06.2023.pdf> (accessed 02.09.2024). (In Russ.).

Arsen Kanokov celebrated Eid al-Adha at the Nalchik Cathedral Mosque. (2012). Available at: <https://dumrf.ru/common/regnews/5212> (accessed 24.06.2024). (In Russ.).

Karov, A. H. (ed.). *Religions and state-confessional relations in modern Kabardino-Balkaria. Collection of documents and materials.* Nalchik: El-Fa. 562 p. ISBN 978-5-88195-855-8. (In Russ.).

Population of Kabardino-Balkaria. Available at: <https://ethno-kavkaz.narod.ru/rnkbr.html> (accessed 26.08.2024). (In Russ.).

UCGA AS KBR — *Department of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic.* (In Russ.).

References

Akkieva, S. I. (2010). Islam in the Kabardino-Balkarian Republic. *Russia and the Muslim World*, 11: 66—76. (In Russ.).

Akkieva, S. I. (2019). Modern festive culture of the peoples of Kabardino-Balkaria. *Colloquium-journal*, 25—6 (49): 14—17. (In Russ.).

Babich, I. (2003). Modern Islamic communities in Kabardino-Balkaria. *Russia and the Muslim World*, 7: 48—61. (In Russ.).

Babich, I., Sklyukov, A. (2003). *The Islamic renaissance in modern Kabardino-Balkaria: prospects and consequences.* Moscow: Printing House of the Russian State Library. 143 p. (In Russ.).

Gubashiev, A. J. (ed.). (1987). *The Chekists of Kabardino-Balkaria.* Nalchik: Elbrus Publ. 228 p. (In Russ.).

Malashenko, A. V. (2019). *Islam: the XXI century.* Moscow: Institute of the Middle East. 230 p. ISBN 978-5-89394-302-3. (In Russ.).

Malikov, R. I. (2011). Religious holidays of Muslim Tatars of Kazan province in the late 19th — early 20th century. *Bulletin of Vyatka State University for the Humanities*, 2 (5): 60—63. (In Russ.).

Nazukina, M. (2011). Islamic holidays as a mechanism for constructing regional identity in Russia (on the example of Chechnya). *Russia and the Muslim world*, 9: 36—42. (In Russ.).

Poputko, A. L., Khristinin, Yu. N. (1982). *Named after the Cheka*. Stavropol: Book Publishing House. 319 p. (In Russ.).

Prasolov, D. N. (2017). Commemorative practices in modern Kabardino-Balkaria. *Inviolable reserve*, 2 (112): 67—82. (In Russ.).

*The article was submitted 19.09.2024;
approved after reviewing 05.12.2024;
accepted for publication 29.01.2025.*

АВТОРАМ

Журнал «Научный диалог». ISSN 2225-756X, e-ISSN 2227-1295
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-86214 от 27.10.2023 г., Роскомнадзор
Издается с 2012 года. Языки публикации — русский, английский.
Включен в Перечень ВАК с 1 декабря 2015 года.
Индексируется в Scopus
Индексируется в Google Академия
Индексируется в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)
Включен в базу ERIH PLUS с 11 июня 2015 года (идент. номер 485900).
Размещается на платформах НЭБ (eLibrary), DOAJ, на сайте журнала.
Подписной индекс 29255 в Объединенном каталоге «Пресса России».
Обязательные экземпляры журнала отправляются в Российскую государственную библиотеку, Минцифры России.
Электронный адрес: nauka-dialog@mail.ru, editor@nauka-dialog.ru
Сайт: <http://www.nauka-dialog.ru/>

Перечень ВАК РФ	
Область наук: Социальные и гуманитарные науки	
Группы научных специальностей	Научные специальности
5.9. Филология	5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
	5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)
	5.9.3. Теория литературы (филологические науки)
	5.9.4. Фольклористика (филологические науки)
	5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
	5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)
	5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
	5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
5.6. Исторические науки	5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
	5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
	5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

Журнал «Научный диалог» — рецензируемое периодическое издание открытого доступа (open access), публикующее материалы гуманитарного профиля по двум научным областям — «ФИЛОЛОГИЯ» и «ИСТОРИЯ».

Тематика: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакommunikации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Миссия журнала — организация диалога между национальными исследовательскими традициями в гуманитарных отраслях науки — исторической и филологической.

Задачи:

- 1) аккумуляция знаний о русской культуре через исследования языка, литературы и отечественной истории как основных маркеров идентичности в окружении других идентичностей;
- 2) обмен интерпретациями инокультурного текста: русская литература и история в интерпретации зарубежных коллег — и зарубежный литературный и исторический дискурс в трактовках русских исследователей;
- 3) представление наблюдений исследователей из разных стран за развитием медиа как фактором глобализации;
- 4) приглашение исследователей разных стран к презентации и обсуждению теорий, подходов, методик, приемов анализа языка, текста, дискурса, поскольку ввиду длительного периода замкнутого развития национальных научных традиций и школ накопились разночтения в выборе проблематики исследований, трактовках ключевых терминов, методических предпочтениях.

ИНСТРУКЦИИ ДЛЯ АВТОРОВ

Принимаются к рассмотрению (1) обзорные статьи, содержащие теоретические и статистические обобщения; (2) оригинальные статьи, в которых представлены результаты исследования эмпирического материала.

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование (анализируются актуальность темы, новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала) и публикуются на основании заключения рецензента из числа членов редакционного совета журнала и решения главного редактора. Выполняется двойное слепое рецензирование (автор не знает рецензента; рецензент не знает автора). Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации.

Рецензирование статей проводится в срок не более **70** дней.

Средние сроки публикации 2—5 месяцев со дня поступления статьи.

Требования к оформлению

Файл объемом до 5000 слов (22 страницы).

Шрифт 14 Times New Roman, интервал 1,5.

Поля: левое — 3 см, остальные — 2 см. Абзацный отступ — 1,25 см.

Количество авторов не более трех.

Один автор может представить к рассмотрению две статьи в течение года.

Сведения об авторе и финансировании, благодарностях (кегель — 12 pt) по образцу:

Фамилия Имя Отчество

orcid.org/0000-0000-0000-0000

ученая степень, ученое звание

кафедра

mmm@mail.ru

Организация

(Город, Страна)

Благодарности:

Исследование выполнено

при финансовой поддержке Фонда,

проект № 00-000-00

Аннотация (шрифт 12 pt, 150 слов) должна включать короткие ясные предложения и точно отражать содержание статьи: проблему, цель, материал, подробнее всего — результаты.

Ключевые слова – шрифт 12 pt (4–6 слов или словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Англоязычные метаданные не готовятся автором.

Структурирование статьи: IMRaD

1. Введение = Introduction

Текст не менее 1 страницы. Описать научную проблему, степень ее исследованности, актуальность и новизну в сравнении со своими предшествующими и чужими исследованиями.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Текст, 1—3 страницы. Описать используемые методы, процедуру анализа материала, представить методы, подходы, приемы других исследователей, обращавшихся к выбранной проблематике [Воркачев, 2004, с. 37; Зализняк и др., 2005, с. 156—157], [ОР РНБ, ф. 1148, д. 56, л. 5], [НКРЯ].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Текст 7—12 страниц.

3.1. Тематическое название раздела

Текст. Иноязычный материал снабжается переводами (рядом в скобках). Указывается: (здесь и далее перевод наш. — *И. Ф.*). Система оформления материала: слово *жизнь*, понятие «жизнь», концепт ЖИЗНЬ, лексико-семантическое поле «Жизнь».

3.2. Тематическое название раздела

Текст

3.3. Тематическое название раздела

Текст

4. Заключение = Conclusions

Текст 1—2 страницы.

Источники и принятые сокращения

(Словари, архивы, документы, газеты и другие СМИ).

ОПИСАНИЕ ЛИЧНОГО АРХИВА АВТОРОВ СТАТЬИ:

1. АА — *Архив* авторов.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. — Санкт-Петербург : Типография М. О. Вольфа, 1880—1882. Т. 1—4.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ БЕЗ АВТОРА:

2. *В Британии* ответили на антироссийское заявление // *Правда* : [газета]. — 2004. — № 4. — С. 1.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

3. ГАСО — *Государственный архив* Свердловской области. Ф.Р1813 (Областное статистическое управление). Ф. Р1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 84. Д. 518. Л. 20.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ С АВТОРОМ:

4. *Ищенко Е.* На Колыму! / Е. Ищенко // *Колымская правда* : [газета]. — 1994. — № 4 (18). — С. 2.

ОПИСАНИЕ КОРПУСА – ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

5. НКРЯ — *Национальный корпус* русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 16.01.2022).

ОПИСАНИЕ ДОКУМЕНТА:

6. *Об образовании* в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 02.03.2016). — Режим доступа : <http://www.assessor.ru/zakon/273-fz-zakon-ob-obrazovanii-2013>.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

7. ОР РНБ — *Отдел* рукописей Российской национальной библиотеки.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

8. СРНГ — *Словарь* русских народных говоров. — Москва ; Ленинград : Наука, 1965—. — Вып. 1—.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

9. BNC — *British National Corpus* [Electronic resource]. — Access mode : <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (accessed 16.01.2022).

Литература

(Научные исследования:

не менее 15 позиций в алфавитном порядке;

если статья имеет номер DOI, то нужно приводить идентификатор;

автор может сослаться не более чем на две своих работы;

следует опираться на научную литературу, а не на учебники;

должны присутствовать публикации последних десятилетий;

рекомендуется цитировать и зарубежные публикации, их можно найти в базах:

<https://www.sciencedirect.com/>

<https://erih.dimensions.ai/discover/publication>

<https://doaj.org/>

<https://mjl.clarivate.com/home>

сначала располагается русскоязычная литература, затем англоязычная).

ОПИСАНИЕ КНИГИ:

1. *Воркачев С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. — Москва : Гнозис, 2004. — 192 с. — ISBN 5-94244-002-6.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ С УКАЗАНИЕМ DOI:

2. *Гадомский А. К.* Лексикографическое описание терминологии теолингвистики (на примере русского и польского языков) / А. К. Гадомский // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. — 2018. — № 17 (1). — С. 17—28. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.1.2.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В СБОРНИКЕ:

3. *Зализняк А. А.* Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Ключевые идеи русской языковой картины мира. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — С. 153—174. — ISBN 5-94457-104-7.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

4. *Иоанесян Е. Р.* Удовольствие : способы номинации в языке / Е. Р. Иоанесян // Вопросы психолингвистики. — 2017. — № 3 (33). — С. 156—169.

ОПИСАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ:

5. *Орлов Э. Д.* Литературный быт 1880-х годов : творчество Чехова и авторов «малой прессы» : диссертация ... кандидата филологических наук / Э. Д. Орлов. — Москва, 2014. — 234 с.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ ЧЕТЫРЕХ И БОЛЕЕ АВТОРОВ В ЖУРНАЛЕ:

6. *Содержание* понятия «эффективность образования» в контексте инклюзивных тенденций современной школы / И. С. Самохин, М. Г. Сергеева, Н. Л. Соколова, Е. А. Марченко // Научный диалог. — 2018. — № 1. — С. 278—288.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

7. *Lakoff G.* Hedges : A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts / G. Lakoff // Journal of Philosophical Logic. — 1973. — Vol. 2. — No. 4. — Pp. 458—508.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КНИГИ:

8. *Makuchowska M.* Od wrogów do braci. Posoborowe zmiany w dyskursie Kościoła katolickiego / M. Makuchowska. — Opole : UO, 2011. — 496 p. — ISBN 978-83-7395-431-1.

Material resources и References

НЕ ЗАПОЛНЯТЬ.

АВТОРЫ НЕ ДЕЛАЮТ СПИСОК ПО ЗАРУБЕЖНЫМ СТАНДАРТАМ.

СПИСОК ГОТОВИТСЯ СИЛАМИ РЕДАКЦИИ В СЛУЧАЕ ПРИНЯТИЯ СТАТЬИ.

Внутритекстовые ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Поланин, 2004, с. 47] или [Поланин, 2004, с. 47—48]. Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке указывается сокращенное наи-

менование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [СРНГ, т. 8, с. 75] или [ФСРС, с. 7] (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников). Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Егоров, 1983, с. 213–218; Капитонова, 1991, с. 83]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Истрин, 1984; Истрин, 1997]. При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Иванов, 2001a; Иванов, 2001б]. Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае русскоязычного источника, «et al.» – в случае с источником на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Микрофлора ..., 1994], [Методика расчета ..., 2007, с. 17].

Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Автор направляет статью через «Личный кабинет» на сайте журнала. Условия публикации размещаются на сайте журнала <http://www.nauka-dialog.ru/>. Справку можно получить по тел. (343)3458984, 89120458984.

Каждая статья, опубликованная в журнале «Научный диалог» с 2017 года, имеет идентификатор DOI. Пожалуйста, если в своих последующих статьях, направляемых в любые другие журналы, Вы будете цитировать свою статью или делать ссылку на любые другие опубликованные в нашем журнале статьи, то **УКАЗЫВАЙТЕ** номера DOI этих статей (образец оформления выходных данных статьи с номером DOI см. в начале каждой статьи).

CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Dimitrieva, O. A.</i> Cultural Code in Scientific and Journalistic Dimensions	9
<i>Zhura, V. V., Markovina, I. Yu.</i> Linguocultural Variability of Medical Discharge Genre.	31
<i>Krasnopeyeva, E. S., Kraeva, S. S.</i> Communicative Situations and Scenarios across Socio-technical Contexts of In-house Translation Departments at Industrial Enterprises	52
<i>Palashevskaya, I. V.</i> Semio-linguistic Characteristics of Power and Status in Anglo-Saxon Epic Poetry of Early Middle Ages	77
<i>Petrenko, S. A., Petrenko, A. Ph., Tishchenko, S. V.</i> Caricatured Figure of Glutton in M. Amis's Discourse: A Pragmatic-Semantic Perspective	98
<i>Seagal, K. Ya.</i> Verbal Message and Punctuation Marking in Their Functional Interrelationships.....	115
<i>Chernykh, Yu. S., Makarova, O. V.</i> Proper Nouns in Context of Arabic as a Foreign Language Learning	137
<i>Shalkov, D. Yu., Bylkova, S. V.</i> Verbal Representation of Cultural-Historical Memory in Graffiti Discourse	157

LITERARY STUDIES. FOLKLORE

<i>Bogdanova, O. V., Baranova, T. N.</i> Mollusk or Triton? Poetic Imagery of Joseph Brodsky's "Great Poem".	177
<i>Borlykova, B. Kh.</i> Higher Hierarchs of Tibetan Buddhism in Early Song-Shas of Mongolian-Speaking Peoples	194
<i>Valyanov, N. A.</i> Works of Oleg Pavlov in Context of Literary Reflection: A Review of Research.....	213
<i>Osmukhina, O. Yu., Ovsyannikova, E. P.</i> Genetic Origins of Bildungsroman in Socialist Realism Literature: "Figure Novel" of N. G. Chernyshevsky's "What Is to Be Done?"	237
<i>Serdechnaya, V. V., Zhatkin, D. N.</i> History of Russian Translational Reception of Edwin Arnold's Poem "The Light of Asia": Translation by A. M. Fedorov	256
<i>Chalbanova, K. V., Bicheev, B. A.</i> Relics of Ancient Sun Cult in Folklore and Ritual Traditions of Kalmyks	284
<i>Shlemova, N. N., Kanishcheva, E. V.</i> Urban Narrative of D. Bavilsky: An Interpretation of Chelyabinsk Text.....	304

HISTORY

<i>Bodrova, E. V., Kalinov, V. V., Krasivskaya, V. N.</i> Effectiveness of State Science and Technology Policy in USSR at Turn of 1960s and 1970s.....	324
<i>Gataullina, I. A.</i> Soviet Economic Policy in Middle Volga Region during Early 1920s.	345
<i>Dudayti, A. K.</i> Two Decades of Change: Russian-Georgian Relations after Rose Revolution (2003–2023).	378
<i>Idiatullov, A. K.</i> Constructing Identity of Tyumen Cossack Union in 1990s-2000s: Evidence from State Archive of Tyumen Region	398
<i>Levin, Ya. A.</i> Activities of FBI in Late 1940s and Emergence of McCarthyism in United States	415
<i>Lizogub, A. S.</i> Generalissimo A. V. Suvorov: General's Persona in Memory Politics of Early 20th Century Russian Empire	431
<i>Medvedev, M. V.</i> Local Air Defense in Rostov Region (1941–1943): Formation Specifics and Operational Challenges.....	452
<i>Mokerova, Yu. M., Tarasov, K. N.</i> Storage and Transportation of Copper Currency in Late 18th to Early 19th Century: Evidence from Vyatka Province	469
<i>Naumenkova, E. O.</i> Women's Movement in Late 1880s and 1890s in Britain: A Stagnation Era or a Leap Forward?.....	489
<i>Popov, F. A.</i> Political Thought of Russia's Allies in Poland in 1920: An Intellectual History of B. V. Savinkov Group.....	509
<i>Sorokin, A. A., Soffin, D. M., Soffina, M. V.</i> Establishment of Orthodox Palestine Society and Activities of M. P. Stepanov (1881 —1883).	530
<i>Tatarov, A. A.</i> State and Islamic Holidays in Kabardino-Balkaria: Past and Present	547
TO AUTHORS	564

ПОДПИСКА

на журнал

«Научный диалог»

Уважаемые читатели!

**На журнал «Научный диалог»
можно оформить подписку.**

Подписной индекс **29255**
в Объединенном каталоге «Пресса России».

Вы можете подписаться онлайн через
Интернет-каталог «Пресса по подписке».

Вы можете также заказать редакции любой
из уже вышедших номеров журнала, сделав
запрос в адрес редакции: **nauka-dialog@mail.ru.**

Опубликованные в журнале материалы представлены
в Международном каталоге периодических изданий
Global Serials Directory Ulrichs Web
(www.ulrichsweb.com/ulrichsweb/)

Компьютерная верстка и дизайн: Издательский Дом «Ажур»

Подписано в печать 30.01.2025. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 33,36. Тираж 500 экз. Заказ 30/01-1.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом «Ажур».
620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54. Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.

© Центр научных и образовательных проектов, 2025
Свободная цена

